Конни Уиллис
Вихри Мраморной арки

«Вихри Мраморной арки»: ООО «Издательство АСТ», ООО «Изд-во Астрель», ООО «Полиграфиздат»; Москва; 2010

ISBN 978-5-17-065597-7, 978-5-271-31114-7, 978-5-4215-1451-0

Аннотация

Лучшие рассказы Конни Уиллис.

Рассказы, каждый из которых собрал настоящую коллекцию премий и призов.

Они относятся к самым разным жанрам и направлениям фантастики. Остроумная антиутопия — или озорная утопия? Классическая черная мистика — или магический реализм? Сатирическая НФ — или просто веселый и остроумный полет фантазии, не подлежащий твердому определению? Все это — и многое, многое другое!

ПРЕДИСЛОВИЕ, ИЛИ МОИ ЛЮБИМЫЕ ВЕЩИ[1]

О своих книгах авторам лучше не писать. Они зазнаются и нахваливают себя: «Моя гениальность блистательно подтверждается великолепным рассказом «Пифагоровы шаровары»». Или жеманно сюсюкают: «Моя любимая кошечка намурлыкала мне сюжет на ушко! Правда, кисюля?» Еще они норовят поведать об альтернативных источниках вдохновения, о которых нам лучше бы не знать. Например: «Однажды январской ночью я корчился от боли в животе на кафельном полу ванной, и меня осенило…»

Все это наводит на мысль, что писателям следует рассуждать только о чужих книгах, поскольку свое творчество они едва ли в состоянии оценить здраво. Марк Твен считал своей лучшей повестью «Тома Сойера» — и глубоко заблуждался! (Впрочем, сцена, где Гек и Том присутствуют на своих похоронах, — гениальная находка).

Нет ничего необычного в том, как рождаются сюжеты. Из чего только ни возникали мои рассказы: из похода на почту, из неправильно прочитанной надписи на рекламном щите, из пробки на шоссе, из прослушанной (если честно, пропущенной мимо ушей) скучной проповеди… Нас таких много. «Большой гандикап проповедников» П.Г. Вудхауса наверняка навеян длинной нудной проповедью. Кто знает, сколько еще шедевров литературы пришли в этот мир таким нехитрым способом — «Алая буква»? «В поисках утраченного времени»? «Лолита»?

Однажды идея рассказа возникла у меня при просмотре сериала «Центральная больница». По сюжету все думают, что один из героев — Люк — умер, и устраивают по нему панихиду — на дискотеке (не спрашивайте почему). Все это время Люк незаметно стоит позади всех и слушает хвалебные речи о самом себе. Я подумала; «Это же из «Тома Сойера»! Им можно воровать, а мне нет?»

Никто не знает, откуда на самом деле приходит вдохновение — может, из височной области, а может, из мозжечка. Неизвестно, отчего ненароком услышанный разговор, стая гусей в снегопад или, скажем, случайный газетный заголовок воспринимается то ли зловещим, то ли шокирующим, то ли нелепым, то ли гомерически смешным — и при этом у писателя возникает непреодолимое желание творить. (Кстати, из недавних газетных сообщений: директор школы издал свод правил для танцевальных вечеров старшеклассников, который включает в себя пункт «Запрещается отрывать от пола обе ноги одновременно»). Загадкой остается и путь, пролегающий от Идеи до Конечного Продукта — рассказа (к примеру, идея, позаимствованная мной из «Тома Сойера», через «Центральную больницу» таинственным образом превратилась в рассказ о привидениях). Впрочем, желание понять ход творческого процесса сродни попыткам выяснить, каким образом Гудини выбирался из запертого сундука. Как-то раз в Клэрион-Вест один из присутствующих выслушал мою лекцию о принципах построения сюжета и разочарованно протянул: «Я-то думал, вы настоящая писательница, а тут какие-то приемчики…»

Ни о чем подобном я рассказывать не собираюсь (а уж о своей карьере — тем более), потому что нормальным людям это неинтересно. Остается не так много тем, но мы с вами уже далеко зашли во вступлении, и было бы глупо возвращаться. Поэтому лучше я расскажу вам о том, чем интересуюсь и что повлияло (или не повлияло) на создание рассказов, включенных в эту книгу. Итак, первым делом…

НАУЧНАЯ ФАНТАСТИКА
(Как же без нее!)

---

[1] An Introduction to This Book, or «These Are a Few of My Favorite Things» © Перевод. О. Гусева, 2010

В тринадцать лет я наткнулась на повесть Роберта Э. Хайнлайна «Имею скафандр — готов путешествовать» — и на всю жизнь осталась под впечатлением. Я залпом прочитала всего Хайнлайна, а потом и все книги с логотипом космического корабля и атома на обложках. На мое счастье, в местной библиотеке оказалась подборка ежегодных «Альманахов научной фантастики». Я познакомилась с творчеством Кита Рида и Теодора Стерджона, Зённы Хендерсон и Фредрика Брауна. В одном томе бок о бок обнаружились «Время созревания», «Цветы для Элджернона» и «Вельд»; я проглатывала подряд волшебные сказки, футуристические романы и ужастики (политические, социальные и обычные), мелодрамы и сногсшибательные экспериментальные новеллы. Все они дали мне представление о невероятно широком диапазоне стилей, идей и приемов научной фантастики — от головоломного «Надеюсь, я скоро прибуду» Филиппа К. Дика до невообразимо печального «Света былого» Боба Шоу, от смешного «Берни по кличке Фауст» Уильяма Тенна до незабываемой «Вечерней примулы» Джона Кольера и наводящего ужас «Жребия» Уорда Мура.

Казалось, фантасты интересуются всем без разбора: наукой, психологией, звездами (небесными и голливудскими), привидениями, роботами, пришельцами, вымершими животными, светящимися рукописями, марсианами, каруселями, ядерной войной, космическими кораблями, загадочными маленькими магазинчиками… Ни конца ни края. Меня тоже интересовало все подряд — университетские парковки, обезьяны, которые объясняются языком жестов, непоправимые ошибки — и я безнадежно влюбилась в фантастику. И влюблена до сих пор.

ТРОЕ В ЛОДКЕ, НЕ СЧИТАЯ СОБАКИ

На первой же странице повести «Имею скафандр — готов путешествовать» отец Кипа читает «Трое в лодке, не считая собаки», а Кип твердит ему о полете на Луну. Отец подшучивает, что затея сына сродни приключениям Джея, Джорджа и Гарри, которые забыли консервный нож. (Не понимаю, к чему это он: Джорджу едва глаз не выбили, а банку с ананасами открыть так и не удалось…) Закончив «Имею скафандр — готов путешествовать», я прочла «Трое в лодке» и присоединилась к тем, кто хохочет при одном упоминании больших пахучих сыров, мелких вредных собак и лебедей-убийц. Больше всего обожаю то место, когда они теряются в лабиринте Хэмптон-корта… Или нет, когда поют комические куплеты… Нет-нет-нет, когда пакуют вещи… Нет, подождите…

Так я полюбила писателей-юмористов, которых, на самом-то деле, очень немного (тем не менее многие авторы искренне полагают, что пишут смешно). Среди тех, кто покорил меня своим юмором, конечно же П.Г. Вудхаус (мои самые любимые — рассказы о гольфе, о Берти и Дживсе, об Императрице Бландингской и о всяких бульдогах), И.Ф. Бен-сон и его серия «Mann и Люсия», Кэлвин Триллин, Хелен Филдинг и ее «Дневник Бриджит Джонс», Стела Гиббоне и ее «Холодная ферма», Анита Лос и ее «Джентльмены предпочитают блондинок», Дороти Паркер и, разумеется, Марк Твен. Еще Шекспир (см. следующий раздел). Все они (кроме Дороти) очень трепетно относятся к человеку и обожают высмеивать помпезность, чопорность, самодовольство и тупость.

В научной фантастике мне нравятся две вещи. Первая — это огромное количество потрясающе смешных авторов и произведений — Рон Гуларт, Фредрик Браун, Говард Уолдроп, «Обычный день и арахис» Ширли Джексон, «Машины не спорят» Гордона Диксона. Вторая — то, что я могу писать обожаемые мною романтические комедии, оставаясь в русле жанра фантастики. Я с огромным удовольствием работала над новеллой «В отеле «Риальто»», да и над рассказом «Много шуму», пожалуй, тоже — особенно потому, что получила возможность написать о Шекспире, перед которым преклоняюсь, даже когда его и не играет Джозеф Файнс. Ну вот, мы плавно переходим к следующей теме.

ШЕКСПИР

наю, знаю, все в восторге от Шекспира. Без него никуда — тут и Меркуцио, и Основа, и «Поверь, мой милый, это соловей!», и Бирнамский лес, и «Мы, горсточка счастливцев, братьев!», и «Мышеловка»… А есть ведь еще и «Коня! Коня! Полцарства за коня!», Кизил, «Кет, поцелуй меня!», несчастная Корделия. Как это можно не любить? Больше всего мне нравится веселая и трогательная «Двенадцатая ночь» (особенно постановка с Имоджен Стаббс и Беном Кингсли). Том Стоппард прав: Виола — лучшая литературная героиня всех времен.

Ох уж этот Шекспир, и люблю его, и ненавижу. Ему все так хорошо удается: характеры, сюжеты, диалоги, комедии, трагедии, напряжение, остроумные шутки, ирония. Похоже, к нему на крестины слетелись добрые феи со всего света, а проклятие злой колдуньи наверняка звучало примерно так: «Так тебе и поверили, какому-то парнишке из Стратфорда-на-Эйвоне! Обязательно поползут слухи, что все твои пьесы написаны Кристофером Марло, королевой Елизаветой или коллективом авторов…»

Большинство из нас, писателей, одарены не столь щедро или не одарены вовсе: кто без конца рассказывает одно и то же (как Ф. Скотт Фицджеральд о Зельде), а кого хватает только на одну книгу (как Маргарет Митчелл или Харпер Ли). Шекспир создал великое множество произведений, и все гениальны. Все у него получается — и грубые шутки, и дуэли, и любовные сцены, и философские размышления. У него потрясающие персонажи второго плана — Фесте и Пэк, Полоний и Фальстаф, а женщины просто неподражаемы — Беатриче, Порция, Елена, леди Макбет и Розалинда. Его сюжетные линии великолепны, а сцены смерти столь же незабываемы, сколь вечны слова Лира: «Но кажется, как будто эта леди — дитя мое, Корделия» и «Никогда, никогда, никогда!»

Одну и ту же историю несчастных влюбленных Шекспир превращает то в трагедию («Ромео и Джульетта»), то в фарс (Пирам и Фисба — «Сон в летнюю ночь»), то в романтическую комедию («Много шума из ничего»), то в ироничную трагикомедию («Зимняя сказка») — и всякий раз он свеж и неповторим. Вдобавок, сами того не замечая, мы по сей день говорим его языком — от «ведьминого часа» до «Вперед, на запад!». Какое коварство…

Хуже всего то, что ему удаются даже эксцентрические комедии.

К ним мы и обратимся.

ЭКСЦЕНТРИЧЕСКИЕ КОМЕДИИ

Я люблю кино, могу пересматривать «Игры разума», «Искателей» и «Других», но больше всего обожаю романтические комедии. Мне нравятся остроумные, шутливые и колкие картины тридцатых и сороковых — «Это случилось однажды ночью», «Моя любимая жена», «Мать-одиночка», «Чудо в Морган-Крик» и конечно же «Его девушка Пятница»! Самая уморительная комедийная реплика принадлежит Кэри Гранту: «Может быть, Брюс позволит нам остаться». Не менее смешные сцены есть в фильмах «Воспитание малыша» и «Холостяк и школьница».

Меня привлекает не только классика кинематографа, но и новинки: «Пока ты спал», «Ноттинг-Хилл», «Французский поцелуй», «Вернись ко мне», «Реальная любовь». Мне даже нравится римейк «Сабрины» больше, чем оригинал (и пусть меня обвинят в ереси!) Разумеется, я не могла пройти мимо таких фильмов, как «Папа гусь», «Иди, а не беги» и «Как украсть миллион». Они как будто отражают мою жизнь, умудряясь быть оригинальными и смешными, не выходя за рамки четкой структуры. Это что-то наподобие сонетов, только с хорошим концом. Очень хочется, чтобы таких комедий было больше. Но их мало, и я написала свою. К счастью, жанр научной фантастики идеален для эксцентричных комедий: они и современные, и старомодные (и такие шекспировские — бард изобрел этот жанр, создав «Много шума из ничего»).

Действие моей комедии разворачивается в очень современном мире (гиропланы,

онлайновые свидания, корпоративные мероприятия, колонии в дальнем космосе и пр.), в ней комментируются явления общественной жизни, много неожиданных поворотов, и вообще слегка бредовая атмосфера, которая обычно представляется, когда речь заходит о будущем. Но по сути — это все та же старая добрая повесть о любви.

Первым произведением, которое я продала (если не считать исповедальных историй для журналов и «Секрета Святого Титикаки» — такого неудачного рассказа, что он не вписывается ни в один жанр), была эксцентрическая комедия с подходящим названием «Капра Корн». И с тех пор я их пишу и ими живу.

МОЯ СТРАННАЯ ЖИЗНЬ

Считается, что у писателей потрясающая жизнь. У меня тоже — в дебрях пригородных районов: я болею на трибунах во время школьных соревнований по гимнастике, устраиваю посиделки с приятельницами, готовлю фирменные блюда на вечеринках… Я даже пела в церковном хоре. Между прочим, в церковном хоре хорошо видна вся гамма человеческих эмоций, среди которых зависть, мстительность, страх, гордость, невежество (тенора вечно не на той ноте, а басы — не на той странице), злоба, похоть, экзистенциальное отчаяние и многое другое. Я возила кошек в ветлечебницу, сидела с детьми, сопровождала подруг в парикмахерскую, меняла пеленки младенцам и организовывала школьные вечера. Этот неоценимый опыт помогает мне писать о других мирах и инопланетных разумах. Источник всего остального указан ниже.

АГАТА КРИСТИ

Леди Агата научила меня всему, что я знаю о сюжете. Она мастер запутывать следы и прокладывать ложные пути, дорожки и тропинки, а также выставлять читателя полным идиотом, который не разглядел убийцу и недооценил автора.

Думаете, почему «Убийство Роджера Экройда» читается взахлеб? Не потому, что Кристи так блестяще подбрасывает улики (а этоона умеет!) или играет на наших ожиданиях (и не только в этом романе). Нет! Перед нами безобидный с виду детективчик о загородном английском доме, о его богатом хозяине, мрачном дворецком, надоедливой старой деве и чудаковатом сыщике. Но на самом деле мы также недооцениваем книгу, как сами персонажи недооценивают Эркюля Пуаро или старушку мисс Марпл. Или саму леди Агату.

Ее творчеством я заинтересовалась после «Убийства в Восточном экспрессе». К середине фильма я покрыла себя вечным позором, потому что раздраженно ляпнула: «Нет, не может же быть, чтобы каждый из них…», после чего помчалась в библиотеку и прочитала «Убийства по алфавиту», «Смерть на Ниле», «После похорон», «Указующий перст», «84.50 из Паддингтона» и, конечно же, нашумевшее «Убийство Роджера Экройда».

Писатели, критики и читатели — все единодушно утверждали, что за Агату Кристи пишет кто-то другой (поклеп чистой воды!) и обвиняли ее в нарушении традиций написания детективных романов. С.С. Ван Дайн ужасно разозлился, потому что именно он опубликовал авторитетный свод правил для писателей детективного жанра. В списке числились такие наставления, как «Никаких любовных сюжетов» и «Преступник должен быть один». Скорее всего, Агата Кристи прикрепила этот перечень над письменным столом и методично принялась нарушать все правила по порядку.

Но леди Агата чудесным образом остается недооцененной — вопреки всем своим выходкам, невзирая на дарованный ей титул, несмотря на оставшееся неразгаданным исчезновение (однажды она пропала, а через две недели объявилась в Харрогейте) и не обращая внимания то, что пьеса ее вот уже свыше полувека не сходит со сцены и пользуется огромным успехом даже после смерти автора…

Да, такой ловкий маневр, несомненно, достоин подражания!

Примечание:

Еще я люблю детективы Дороти Сэйерс о лорде Питере Уимзи, в частности «Девять портных» и те романы, где появляется Гарриет Вэйн: «Сильный яд», «Разыскивается труп», «Вечер выпускников» и «Испорченный медовый месяц» (именно в таком порядке). Впрочем, читая эти произведения, безнадежно вязнешь в расписаниях поездов, омлетах и обрезаниях, а все потому, что Дороти уделяет детективной канве не больше внимания. чем Агата — описанию характеров. Сэйерс — мастер комедии нравов и автор одной из величайших любовных историй в литературе.

Однажды с группой скучающих туристов мы отправились на пешую экскурсию по Оксфорду. Дворик колледжа Баллиол никого не впечатлил. Позевывая, туристы прошли мимо портретов Т.Э. Лоуренса и Черчилля. Не задержались и у доски, на которой Эйнштейн написал E = тс2. Но едва гид произнес: «А это Мост вздохов, на котором лорд Питер сделал предложение Гарриет — на латыни!», как все оживились и защелкали фотоаппаратами. Вот она, сила литературы!

Кстати, о литературе.

БИБЛИОТЕКА

В семье, где я родилась, книг почти не было, да их и не читали. У мамы валялся томик «Унесенных ветром» с кадрами из фильма, бабушка выписывала иллюстрированные журналы «Редбук» и «Сэтердей ивнинг пост», а у соседки через дорогу была лишь «Маленькая принцесса». Пожалуй, всё. Поэтому книги я брала в местной библиотеке, где и пропадала большую часть времени. Именно там я открыла для себя и научную фантастику, и «Анну с фермы «Зеленая крыша»», и Ленору Маттингли Вебер, и очерки Г.В. Мортона о Лондоне, из которых я впервые узнала о пожарном карауле собора Святого Павла во время Второй мировой войны: днем караульные спали в склепах храма, а по ночам гасили зажигательные бомбы на крыше.

Именно в библиотеке я написала «Книгу обреченных дней», «Шанс», «Письмо от Клири» и собрала материалы для «Перехода», «Пожарной охраны» и «Светлого Рождества». В библиотеке я прочла о крушении «Гинденбурга», а также познакомилась с творчеством Эмили Дикинсон и разузнала о проклятии Тутанхамона.

В одиннадцать лет я решила читать книги в алфавитном порядке, как Фрэнси в романе «Дерево растет в Бруклине». И я наткнулась на «Смерть в семье» Джеймса Эйджи, на романы Джейн Остен и на «Тихое и приятное место» Питера Бигла еще до того, как меня затянула научная фантастика. Именно в библиотеке мне попадалось то, чего я вовсе не искала — книги по теории хаоса и литературной критике, статьи о поиске тел по запаху после бомбежек Лондона и о валлийском городке Аберфан, где всё школьники погибли под шлаковым оползнем, а еще научные статьи о парадоксе Эйнштейна — Подольского — Розена и о влиянии размера частиц на цвет стратосферы.

Если бы не библиотека, не быть бы мне писательницей. Об этом говорится почти во всех собранных в этой книге рассказах. Надеюсь, что они вам понравятся.

Конни Уиллис, 3 марта 2007года

ПРОГНОЗ ПОГОДЫ

ВИХРИ МРАМОРНОЙ АРКИ[2]

На метро Кэт отказалась ехать категорически. — Раньше ведь ездила, и с удовольствием? — недоумевал я, роясь в чемодане. Галстук куда-то запропастился.

---

2 The Winds of Marble Arch © Перевод. М. Десятова, 2010

— Нет уж! Ты, может, и с удовольствием, — возразила она, приглаживая щеткой короткие волосы. — А мне там было грязно, страшно и чем-то пахло.

— Это в нью-йоркской подземке. Лондонское метро не такое. — Где же галстук? Я расстегнул молнию и принялся шарить в боковом кармане. — И потом, в прошлый приезд у тебя никаких возражений не возникло.

— Ты еще вспомни, как я втаскивала чемодан на третий этаж в этой жуткой гостинице. Больше не намерена.

И не надо. В «Конноте» имеется лифт. И портье.

— Я ненавидела метро, — призналась Кэт. — Но такси нам тогда было не по карману, так что иначе не получалось. А теперь деньги есть.

Теперь — да. Теперь мы можем позволить себе гостиницу с коврами на полу и ванной в номере, а не «удобствами на этаже». Тот клоповник — как бишь его? — остался далеко в прошлом. Бурый линолеум, на который босыми ногами не встанешь, и горячая вода за дополнительную плату — нужно опустить монетку в счетчик над ванной.

— Как называлась та гостиница, не помнишь?

— Нет. Выкинула из головы, — ответила Кэт. — Там рядом станция метро с каким-то кладбищенским названием.

— «Марбл-Арч»! Никакое не кладбищенское, «Мраморная арка». Это в честь триумфальной арки в Гайд-парке, копии той, что воздвигли в Риме в честь императора Константина.

— Не знаю, мне показалось кладбищенским.

— «Королевская плесень»! — Название внезапно всплыло в памяти.

— Да нет, «Королевская сень», — со смехом поправила Кэт.

— «Королевская плесень» Мраморной арки, — задумчиво протянул я. — Надо бы туда наведаться. Нам есть что вспомнить.

— Вряд ли она там до сих лор стоит, — покачала головой Кэт, вдевая сережки. — Двадцать дет прошло.

— Куда ей деться? Стоит наверняка, и в душах по-прежнему засоры. А кровати помнишь? Узкие, хуже гробов. И то, в фобу хоть боковины есть, на пол не свалишься. — Галстук пропал, как не было. Я выгрузил из чемодана стопки рубашек. — Здесь, кстати, кровати не намного шире. Как британцы вообще умудряются рождаемость поддерживать?

— Ну, мы же как-то умудрились. — Кэт надела туфли. — Во сколько у тебя конференция начинается?

— В десять. — Я выложил на кровать носки и белье. — А вы с Сарой на сколько договорились?

— Полдесятого. — Кэт глянула на часы. — Успеешь купить билеты в театр?

— Конечно! Старикан все равно раньше одиннадцати не явится.

— Славно. Сара с Эллиотом только в субботу могут. Завтрашний вечер у них занят, а в пятницу мы ужинаем с вдовой Милфорда Хьюза и ее сыновьями. Артур как, в театр собирается? Ты с ним общался?

— Нет еще, но чтобы Старикан театр пропустил? На что идем? — Я оставил безуспешные попытки отыскать галстук.

— «Регтайм», если билеты будут. Это в «Адельфи». Если не будет, попытайся достать на «Бурю» или «Сансет-бульвар». В крайнем случае на «Эндшпиль», там Хейли Миллс в главной роли.

— А «Кисмет» уже сняли?

— Сняли, — улыбнулась Кэт.

— «Адельфи» — это на какой станции?

— «Чаринг-Кросс», — ответила Кэт, сверившись с картой. — «Сансет-бульвар» идет в «Олд-Вике», «Буря» — в «Герцоге Йоркском», на Шафтсбери-авеню. По-моему, проще купить билеты в театральной кассе, чем мотаться по всем театрам.

— На метро в два счета обернусь! — возразил Я. — А кассами пусть туристы

пользуются.

Скептицизма во взгляде Кэт не убавилось.

— Лучше всего в третий ряд, только не боковые. И не дальше бельэтажа.

— На балкон не берем? — лукаво спросил я. Тогда, в наш прошлый приезд, денег хватало только на последние ряды балкона, под самым потолком, откуда едва можно разглядеть макушки актеров. Когда мы ходили на «Кисмет», Старикан весь спектакль свешивался через бортик, пялясь в бинокль на пышные формы любимой жены визиря.

— Ни в коем случае! — Кэт сунула в сумку зонтик и путеводитель. — Если примут «Американ Экспресс», плати по нему. Если нет, то по «Визе».

— Ты уверена насчет третьего ряда? Помнишь, из-за Старикана нас с балкона чуть не выставили, хотя, кроме нас, там вообще ни души не было.

Кэт прекратила собираться и пристально посмотрела на меня.

— Том! — В ее голосе послышалось беспокойство. — Двадцать лет прошло. Из них Артура ты уже лет пять не видел.

— Думаешь, Старикан за это время повзрослел? Не надейся. По чьей милости нас пять лет назад выставили из Грейсленда? Горбатого могила исправит.

Кэт хотела возразить, но вместо этого снова занялась сумкой.

— Во сколько у нас коктейльная вечеринка?

— Шерри, — поправил я. — Здесь это называется «приглашение на шерри». В шесть. Я за тобой сюда заеду, ладно? Вам с Сарой хватит времени, чтобы скупить весь город и обменяться сплетнями за — сколько уже, три года?

С Элиотом и Сарой я виделся в прошлом году в Атланте, а в позапрошлом — в Барселоне, просто Кэт на последние две конференции со мной не ездила.

— Какой магазин планируете опустошать?

— «Харродс». Помнишь, я в прошлый раз купила там чайную пару? Хочу докупить к ней остальной сервиз. А еще шарфик в «Либерти» и кашемировый кардиган — все, на что мы тогда могли только облизываться. — Кэт снова глянула на часы. — Так, мне пора! Дождь, пробки…

— В метро нет пробок. И дождя нет. По синей линии до «Найтсбриджа» — и ты на месте. На улицу даже носа высовывать не придется, переход в «Харродс» прямо из метро.

— А потом с кучей сумок таскаться вверх-вниз по этим жутким эскалаторам? Они же вечно сломаны. И потом, там крысы!

— Одна-единственная мышка на «Пикадилли-Серкус», и та на путях, — уточнил я.

— Знаешь, двадцать лет прошло. — Кэт ловким движением выудила галстук из вороха вещей на кровати. — Теперь их там, наверное, полчища бегают. — Она поцеловала меня в щеку. — Удачи с докладом! — Подхватила зонтик. — Хочешь на метро — пожалуйста, езжай, — донеслось из коридора, — раз ты его так любишь!

— Непременно! — крикнул я вслед, но двери лифта уже захлопнулись.

Вопреки мрачным прогнозам Кэт, метро за двадцать лет ничуть не изменилось. Ну разве что самую малость. Появились автоматы для продажи билетов, турникет засосал и выплюнул обратно мой пятидневный проездной. На смену деревянным эскалаторам пришли металлические, но все такие же крутые и узкие. Те же афиши мюзиклов по стенам — тогда рекламировали «Кисмет» и «Кошек», сейчас — «Плавучий театр» (и «Кошек»).

Кэт сказала чистую правду — я люблю лондонское метро. Равных ему нет в мире. Бостонская подземка старая и страшная, в токийской людей утрамбовывают как сардины в банку, вашингтонская — вылитое бомбоубежище. Метрополитен сам по себе симпатичен, одно плохо — находится в Париже. Сан-Франциско еще, но там подземка что есть, что нет, без разницы.

Лондонские ветки простираются до самых отдаленных уголков, до аэропорта Хитроу, до Хэмптон-Корта и дальше, в малоизвестные пригороды вроде Кокфостерса или Мадшута. Рядом с каждой достопримечательностью обязательно есть станция метро, так что

заблудиться невозможно.

При всем при том, метро — это не просто самый удобный способ перемещения между Тауэром, Вестминстерским аббатством и Букингемским дворцом. Оно само по себе достопримечательность, грандиозный подземный лабиринт из тоннелей, лестниц и коридоров, играющих всеми цветами радуги, как театральные афиши, украшающие стены платформ, и пестрые карты-схемы, расклеенные по всем колоннам, стенам и развилкам.

Я как раз стоял перед такой картой, изучая переплетение зеленой, синей и красной линий. «Чаринг-Кросс». Мне нужна серая ветка. Как ее там? Джубили.

Следуя указателям, я прошел в противоположный конец изогнутой платформы и стал дожидаться поезда в восточном направлении.

Предыдущий как раз отправлялся. На электронном табло горела надпись: «До прибытия следующего поезда 6 минут». Состав начал втягиваться в узкий тоннель, и я знал, что сейчас налетит порыв ветра, потому что воздух понесется вслед за набирающим скорость поездом.

Так и произошло — небольшой вихрь, отдающий дизельным топливом и пылью, взъерошил волосы стоящей рядом женщине и слегка взметнул подол ее юбки. «До прибытия следующего поезда 5 минут», — значилось на табло.

Я скоротал время, наблюдая за парочкой молодоженов, которые, держась за руки, разглядывали афиши на стенах — «Сансет-бульвар», «Осторожно, двери закрываются!» и универмаг «Харродс». В самом конце виднелся плакат с заголовком «Эхо минувшей войны — Лондон во времена «блица», выставка в Военном музее. Станция «Элефант энд Касл»».

— Внимание, поезд! — раздался голос из ниоткуда, и я шагнул вперед, к желтой линии.

Вдоль края платформы шла знакомая надпись «Держитесь дальше от края». Кэт следовала инструкции в точности. Жалась к облицованной плитками стене, как будто прибывающий поезд мог соскочить с рельсов и проутюжить пассажиров на станции.

Он подъехал секунда в секунду, сверкая хромом и пластиком. Чистый пол без следов жвачки, на оранжевых плюшевых сиденьях ни пятнышка.

— Прошу прощения! — Женщина рядом со мной убрала фирменный пакет, освобождая место.

В лондонском метро даже пассажиры не такие, как в других городах — отличаются особой вежливостью. И начитанностью. У соседа напротив я заметил «Холодный дом» Диккенса.

Поезд замедлил ход. «Риджентс-парк», — объявил чеканный голос.

«Риджентс-парк». Тогда, в наш прошлый приезд, Старикан, услышав название станции, рванулся из поезда с победным кличем: «Голова здесь!»

Это он увлек нас в сумасшедшую погоню за останками сэра Томаса Мора. Мы отправились в Тауэр, посмотреть на драгоценности короны, и Кэт, коротавшая время в очереди над фроммеровским путеводителем «Англия на 40 долларов в день», вдруг воскликнула:

— А знаете, тут похоронен сэр Томас Мор! Который «Человек на всё времена». — И мы гурьбой потопали осматривать могилу.

— Остальное желаете? — поинтересовался Старикан.

— Остальное? — не поняла Сара.

— Здесь только тело, — пояснил Старикан. — Нужна еще голова! — С этими словами он потащил нас к Лондонскому мосту, где голова Томаса Мора во время оно торчала на колу, потом в Челси-Гарден, где ее похоронила, сняв с кола, дочь Томаса, Маргарет, и, наконец, в Кентербери. Пятясь задом и давая пояснения на ходу, Старикан привел нас к маленькой церквушке, где в настоящее время покоится голова.

— «Кругосветное путешествие за останками Томаса Мора»! — провозгласил он, устремляясь в таком же бешеном темпе обратно.

— Тогда еще озеро Хавасу, — поправил Эллиот. — Это ведь туда перевезли настоящий Лондонский мост?

Когда место проведения ежегодной конференции выпало на Сан-Диего, Старикан, взревев мотором взятой напрокат машины, похитил нашу дружную компанию и увез в соседнюю Аризону, смотреть на мост.

Я считал минуты до встречи. Какие сумасбродные выходки и экскурсии ждут нас в нынешний приезд? Как-никак это по его, Старикана, милости нас выставили из Алькатраса.

Последние четыре конференции он пропустил — первый год провел в Непале, потом в течение трех дописывал книгу — так что мне не терпелось узнать, как у него дела.

«Оксфорд-Серкус», — объявил ровный голос. Значит, «Чаринг-Кросс» через одну.

Я воспользовался моментом, чтобы полюбоваться в окно на вестибюль станции. У каждой из них в лондонском метро свой неповторимый облик: «Сент-Панкрас» — зеленая с темно-синим, «Юстон-Сквер» — оранжево-черная, «Бонд-стрит» — красная. «Оксфорд-Серкус» со времени нашего прошлого приезда успела измениться — теперь ее стены украшал синий узор из «змеек» и «лесенок».

Поезд тронулся, набирая скорость. Через пять минут я доеду, через десять буду в «Адельфи» — Кэт на такси вряд ли бы успела быстрее, а удобство то же.

На поверхность я выбрался через восемь минут — череда эскалаторов, и вот я уже под проливным дождем. На то, чтобы дойти до «Адельфи», понадобилось двадцать. Успел бы и за четверть часа, но десять из них я пережидал (под навесом, коря себя за то, что не послушал Кэт и не взял зонт) у перехода через Стрэнд. По проезжей части медленно, неторопливо ползли бампер к бамперу черные лондонские такси, двухэтажные автобусы и малолитражки.

Билеты на «Регтайм» закончились. Я ухватил со стойки в вестибюле театральную карту и принялся искать, где находится «Герцог Йоркский». Шафтсбери, значит, ближайшая станция — «Лестер-сквер». Вернувшись на «Чаринг-Кросс», я спустился по эскалатору и нырнул в переход на черную линию, Северную. До конференции еще полчаса — успеваю, хоть и впритык.

Вместе с толпой я двинулся по переходу, прислушиваясь к отдаленному рокоту прибывающего поезда, доносившемуся сквозь гул разговоров и стук высоких каблуков.

Пассажиры заторопились. Каблуки выбивали частую дробь. Я достал из заднего кармана схему метро. Можно доехать по синей линии, Пикадилли, до «Южного Кенсингтона», а там пересесть на зеленую, Дистрикт, и оттуда…

На меня налетел порыв ветра, сильный, как взрывная волна. Я попятился и чуть не упал. Голова дернулась назад, будто от удара в челюсть. Не помня себя, я хватался за кафельную стенку. «Террористы из ИРА взорвали поезд!» — пронеслась мысль.

Однако все было тихо, никакого шума, никакого грохота — только внезапный порыв обжигающего ветра и жуткий запах сырости.

Зарин, ядовитый газ? Я инстинктивно зажал рот и нос рукой, однако запах все равно пробивался. Тянуло сырой землей, серой и еще чем-то непонятным. Порох? Динамит? Я принюхался, пытаясь определить.

Однако все уже закончилось. Ветер стих так же внезапно, как и поднялся, от запаха не осталось и следа. Сухой, неподвижный воздух.

Нет, это явно не взрыв и не отравляющий газ — из остальных пассажиров никто даже шаг не замедлил. Между кафельными стенами гуляло эхо от цокота каблучков. Мимо меня, хохоча, проскочили двое навьюченных рюкзаками немецких студентов, прошел бизнесмен в сером пальто с «Таймс» под мышкой, за ним девушка в сандалиях — тревоги на лице не заметно ни у кого.

Неужели не почувствовали? Или на «Чаринг-Кросс» такие порывы в порядке вещей и все давно привыкли?

Вряд ли. К такому нельзя привыкнуть. Значит, не почувствовали?

А я сам?

У нас в Калифорнии с землетрясениями похожий случай — тряхнет разик, а ты потом гадаешь, было что-то или почудилось. Там можно спросить — у детей, у Кэт, — а бывает,

что покосившиеся картины скажут сами за себя.

Здесь картин нет, есть расклеенная на кафеле реклама, однако на мой безмолвный вопрос уже ответили студенты-немцы, бизнесмен и остальные, как ни в чем не бывало прошедшие мимо.

Но ведь что-то произошло? Я попытался воссоздать ощущения. Жар, резкий привкус серы и сырой земли. Только ведь не из-за них я едва на ногах устоял и вынужден был прилепиться к стене. Запах паники, людские крики, ударная волна — вот что нес захлестнувший меня порыв ветра.

Похоже на взрыв, но с чего бы? ИРА ведет с Британией мирные переговоры, уже год в стране спокойствие, никаких терактов, и потом, взрыв не может вдруг взять и оборваться. Если в метро обнаруживают бомбу, из динамиков гремит «Просим вас немедленно проследовать к выходу», а не «Осторожно, двери закрываются!».

Что же тогда это было, если не взрыв? Откуда взялся вихрь? Я поднял глаза к потолку, однако ни решетки, ни вентиляционного короба, ни водопроводных труб там не обнаружил. В недоумении я отправился дальше, то и дело принюхиваясь, но ничего особенного не почувствовал — пыль, влажная шерсть, сигаретный дым, резкий запах масла у ступеней лестницы.

С платформы донеслось громыхание поезда. Того самого, что подъезжал, когда вихрь сбил меня с ног. Наверное, поезд его и принес. Я спустился и встал, вглядываясь в тоннель, одновременно надеясь и боясь, что вихрь налетит снова.

Поезд вынырнул из тоннеля и остановился. Народу на этой станции вышло мало. «Будьте осторожны при входе и выходе!» — предупредил электронный голос. С шелестом закрыв двери, состав отправился. Поток воздуха подхватил валяющиеся на путях обрывки газеты и швырнул в стену. Я напрягся, готовясь противостоять натиску, расставил ноги, но это оказался самый обычный ветерок, ничем особенным не пахнущий.

Тогда я вернулся в переход, осмотрел стены на предмет дверей, провел рукой вдоль кафеля, проверяя, нет ли сквозняка, и остановился в ожидании следующего поезда на том же месте, где меня застиг вихрь.

Безрезультатно. Я только мешал проходу. На меня то и дело натыкались, бормотали «извините» — никак не могу привыкнуть, сколько ни убеждаю себя, что это всего лишь британский аналог нашего «позвольте». Выходит, что они передо мной извиняются, хотя это я мешаю пройти, а не наоборот… Время поджимало, я мог опоздать на конференцию.

Возможно, вихрь объясняется простым стечением обстоятельств. Вокруг столько тоннелей и переходов — ни дать ни взять кроличья нора: ветер мог налететь откуда угодно. Может, на серой ветке кто-то вез упаковку тухлых яиц. Или образцы крови. Или и то, и другое.

Я перешел на Северную линию, сел в подкативший поезд и благополучно прибыл к утреннему заседанию, назначенному на одиннадцать. Однако происшествие в переходе взволновало меня куда больше, чем я готов был признать. Я цеплял на лацкан карточку с именем, и тут кто-то распахнул входную дверь, впустив струю холодного ветра.

Машинально дернувшись, я застыл в ступоре, не сводя невидящего взгляда с двери. Сотрудница, выдававшая беджики, поинтересовалась, всели со мной в порядке.

Я кивнул.

— Старикан или Эллиот Темплтон уже отмечались?

— Старикан? — непонимающе переспросила сотрудница.

— Ну, Старикан, — нетерпеливо пояснил я. — Артур Бердзол.

— Утреннее заседание уже началось, — сообщила она, просматривая разложенные на столе карточки с именами. — В зале смотрели?

Старикан на утреннее заседание сроду не являлся.

— Мистер Темплтон здесь, — сверившись со списком, добавила женщина. — А мистер Бердзол еще не отмечался.

— Даниель Дрекер пришел, — шепнула налетевшая откуда ни возьмись Марджори

О'Доннел. — Ты ведь знаешь, что случилось с его дочерью?

— Нет. — Я оглядывал комнату в поисках Эллиота.

— Направили в клинику. Шизофрения.

Интересно, это намек, что я себя тоже странновато веду? Однако Марджори развеяла мои сомнения:

— Так что, ради бога, ничего о ней не спрашивай. И Питера Джеймисона про Лесли. Они теперь в разводе.

— Не буду, — пообещал я и пошел слушать утреннее заседание. Эллиота ни в зале, ни в буфете видно не было. Я сел рядом с лондонцем Джоном Маккордом и с места в карьер поведал:

— Прокатился сегодня в метро.

— Ужас, правда? — откликнулся Маккорд. — И цены взвинтили. Сколько сейчас билет на день стоит? Два с половиной фунта?

— Там на «Чаринг-Кросс» какой-то странный ветер. Маккорд понимающе кивнул.

— Это от поезда. Поезд, заходя в тоннель, гонит перед собой поток воздуха. — Он продемонстрировал жестом. — А так как состав заполняет тоннель целиком, в хвосте создается некий вакуум, и туда устремляется воздух — отсюда и ветер. То же самое, только в обратном порядке, происходит, когда поезд прибывает на станцию.

— Да-да, это все понятно, — нетерпеливо перебил я. — Но там чуть ли не взрыв прогремел и пахло..!

— Потому что грязища. И нищие. Они ведь ночуют в переходах. И на стены, бывает, мочатся. Лондонское метро за последнее время сильно испортилось.

— И не только оно, — подала голос соседка напротив. — На Риджент-стрит открыли диснеевский магазин, представляете?

— Да, и «Гэп» тоже.

Все, пошло-поехало! «Осторожно, двери закрываются!» — собеседники увлеклись обсуждением лондонского-«упадка и разрушения». Я ретировался, пробормотав, что пойду искать Эллиота.

Поиски успехом не увенчались, а дневное заседание вот-вот должно было начаться. Я пристроился рядом с Джоном и Айрин Уотсон.

— Артура Бердзола или Эллиота Темплтона не видели? — обводя глазами помещение, еще раз попытался выяснить я.

— Как же, Эллиота видел, перед утренним заседанием, — ответил Джон. — И Стюарт тоже здесь.

Айрин перегнулась ко мне.

— Вы в курсе, что он перенес операцию? Рак прямой кишки.

— Врачи говорят, поймали вовремя, — добавил Джон.

— Прям уже приезжать боюсь, — поделилась Айрин, снова перегнувшись через Джона. — Стареем, болеем, разводимся. Хари Шринивасау скончалась, знаете? Инфаркт.

— Кажется, там мой знакомый пришел, пойду поздороваюсь… — Пообещав вернуться через минуту, я двинулся по проходу.

И тут же налетел на Стюарта.

— Том! Давно не виделись! Как поживаешь?

— А ты как? — ответил я вопросом на вопрос. — Мне сказали, в больнице побывал?

— Теперь все в норме. Вовремя перехватили. Страшно ведь не то, что болезнь может вернуться, а что с возрастом ни один из нас от подобного не застрахован. Про Пола Вурмана слышал?

— Нет. Извини, надо пойти позвонить, пока заседание не началось. — То есть пока не пришлось выслушивать новые подробности про всеобщий «упадок и разрушение». Я сделал шаг по направлению к вестибюлю.

— Куда ты подевался? — На плечо мне легла рука Эллиота. — Я тебя везде ищу.

— Кто, я подевался? — Я походил на жертву кораблекрушения, несколько дней

болтавшуюся в шлюпке по морю. — Ты не представляешь, как я рад тебя видеть! — воскликнул я, расплываясь в счастливой улыбке. — Ничуть не изменился — высокий, спортивный, шевелюра ни на волос не поредела. А то кого ни возьми, из всех песок сыплется.

— А сам-то! — улыбнулся Эллиот. — Пойдем, тебе надо взбодриться.

— Старикан с тобой?

— Нет. Не знаешь, где здесь у них бар?

— Там, — махнул я.

— Тогда веди. У меня куча новостей. «Эверс и партнеры» согласились участвовать в моем новом проекте. Сейчас выпьем по кружечке, и я все расскажу.

Обещание он выполнил, заодно поведав, что у них с Сарой произошло нового с прошлой конференции.

— Я думал, Старикан появится, — поделился я своими надеждами. — Вечером хоть будет?

— Наверное! Или завтра.

— У него все хорошо? — Я кинул взгляд на Стюарта, который с кем-то беседовал у противоположного конца барной стойки. — Не в больнице, ничего такого?

— Нет, насколько я знаю. — Удивление в голосе Элиота меня успокоило. — Он ведь теперь в Кембридже обитает. Нас с Сарой вечером тоже не будет, «Эверс и партнеры» пригласили на ужин, отметить сотрудничество. Но мы на пару минут заскочим. Сара очень просила. Хочет повидаться. Она так радуется, что вы тут, несколько недель ни о чем другом просто не говорила. И ей не терпелось погулять по магазинам с Кэт. — Эллиот взял нам еще по кружке. — Да, кстати, Сара просила передать, что субботний поход в театр и ужин мы застолбили. На что идем? Только бы не на «Сансет-бульвар».

— Ах ты черт! Ни на что не идем. Билетов-то нет, совсем из головы вылетело… — Я бросил лихорадочный взгляд на часы. Без четверти четыре. — Как думаешь, кассы еще открыты?

Эллиот кивнул.

— Хорошо. — Прихватив плащ, я рванул к выходу.

— И не на «Кошек»! — раздался вслед голос Элиота. «Да тут хоть бы на что-нибудь попасть, — думал я, бегом подлетая к станции и пропихиваясь через турникет, — в первую очередь, на поезд». На эскалаторе была такая давка, что я с трудом достал список театров из кармана. Так, в «Герцоге Йоркском» — «Буря». Это на Лестер-сквер. Что там по схеме? Пикадилли, синяя ветка. В переходе на Пикадилли народ толпился еще сильнее, чем на эскалаторе, и двигалась толпа медленнее. Передо мной пожилая женщина в сером платке и древнем коричневом пальто плелась черепашьим шагом, зажав у самого горла воротник рукой в сетке голубых вен. Она шла, опустив голову и подавшись вперед, будто против сильного ветра.

Я попытался ее обойти, но дорогу преградили очередные студенты с рюкзаками, на этот раз испанцы. Растянувшись вчетвером поперек перехода, они бурно обсуждали «Эль тур де Лондрес».

Поезд я упустил, пришлось дожидаться следующего, каждые пятнадцать секунд бросая нетерпеливый взгляд на табло с надписью «До прибытия поезда 4 минуты». Рядом ссорились американцы, муж и жена.

— Говорила же, в четыре начало! Теперь не успеем.

— А кому все время нужно было еще это сфоткать, потом еще это? Полтыщи снимков нащелкала, так ведь нет, без «этого» никуда.

— Я хотела, чтобы осталось на память! — горько бросила она. — На добрую память о нашем чудесном отпуске.

Подошел поезд, я протиснулся в вагон, ухватился за поручень и, зажатый со всех сторон, снова углубился в список. На Лестер-сквер еще есть «Уиндем». Так, что у нас в «Уиндеме»? «Кошки».

Мимо. Зато рукой подать до «Принца Эдварда», где идет «Смерть коммивояжера». А в Шафтсбери так вообще театров пруд пруди.

— «Лестер-сквер», — объявил над ухом автоматический голос, и я, проделав обратный путь — платформа-переход-эскалаторы, вышел на улицу.

Наверху движение было еще плотнее, дорога до «Герцога Йоркского» заняла добрых двадцать минут, а касса оказалась закрытой. До шести. В «Принце Эдварде» повезло больше, но билеты на «Смерть коммивояжера» остались только по отдельности, в разных концах зала.

— Пять билетов вместе в одном ряду я вам раньше пятнадцатого марта не добуду, — возвестила девушка с черной помадой на губах, пробежавшись пальцами по клавиатуре.

Мартовские иды. А что? Если я не куплю билеты, Кэт меня убьет, и соответствие будет полным.

— Где ближайший киоск? — спросил я у девушки в кассе.

— На Кэннон-стрит, — вяло процедила она. Кэннон-стрит. Есть такая станция. Я сверился со схемой.

Вот она, зеленая и Кольцевая линии. Можно доехать по Северной, черной, до «Эмбанкмент», а там пересесть на зеленую, Дистрикт.

Сколько времени? Так, уже половина пятого. На шерри мы приглашены к шести. Впритык, но успеваю. Я галопом помчался обратно к «Лестер-сквер», потом по переходу на Северную ветку и вскочил в поезд. Народу — битком, но все по-прежнему проявляют вежливость. При этом умудряются читать, держа книгу поверх голов и не обращая внимания на давку. Вот «Мадам Бовари», а вот «253» Джеффри Раймана и «Сошествие в ад» Чарльза Уильямса.

— «Кэннон-стрит», — объявил электронный голос. Я пробрался к дверям и поспешил наружу.

И тут, на полпути к выходу, меня вновь чуть не сбило с ног порывом ветра. Такой же резкий вихрь, такой же запах.

Нет, не совсем. Я понемногу приходил в себя посреди потока ничего не почувствовавших пассажиров. Как и в прошлый раз, ветер принес резкий запах серы и взрывчатки, однако без примесей сырости или плесени. Зато пахло гарью.

Пожарная сигнализация при этом безмолвствовала, автоматическая система тушения и не думала включаться. Никто ничего не заметил.

Может, здесь такое в порядке вещей и постоянные пассажиры уже давно привыкли, принюхались и не обращают внимания? Перестают же замечать запах живущие рядом с лесопилкой или химзаводом. Как-то раз мы гостили у дяди Кэт в Небраске, и я поинтересовался ненавязчиво, как они терпят амбре из загонов для кормления.

— Какое амбре? — не понял дядюшка.

Однако навоз не отдает ни угрозой, ни паникой. А тут все ими пропитано. Но если этот запах такой вездесущий, всепроникающий, почему я ничего не чувствовал на «Пикадилли-Серкус» и на «Лестер-сквер»?

Опомнился я только на подъезде к «Южному Кенсингтону» — оказывается, в полной несознанке проделал обратный путь по переходу, сел в поезд и пришел в себя через семь остановок. Без билета.

Я вышел из поезда, собираясь сесть на другой, в обратном направлении, но в нерешительности застыл посреди платформы. Здесь, в отличие от «Чаринг-Кросс», списать все на упаковку тухлых яиц и образцы крови не получится. Что же тогда это было?

Вышедшая из поезда пассажирка нервно глянула на часы. Я последовал ее примеру. Половина шестого. В театральную кассу уже не успею, ничего не успею, остается только изучить схему и выяснить, по какой ветке ехать домой.

Осознав, что не придется возвращаться на «Кэннон-стрит» и снова противостоять натиску непонятного ветра, я облегченно вздохнул и полез в карман за схемой. Откуда все-таки берутся эти порывы и почему от них делается так жутко?

Всю дорогу до гостиницы я ломал голову, попутно прикидывая, стоит ли говорить Кэт. Она только лишний раз убедится, что не зря недолюбливает метро, и вряд ли захочет выслушивать от опоздавшего мужа какие-то дикие байки о непонятных ветрах. Кэт ненавидит опоздания, а уже начало седьмого. Пока доберусь до гостиницы, будет половина.

Не угадал. Без четверти. Пять минут, безуспешно тыкал кнопку лифта, потом потащился по лестнице. Может, Кэт тоже опаздывает? С Сарой по магазинам погуляешь, вполне можно потерять счет времени. Я выудил из кармана ключ от номера.

Дверь открыла Кэт.

— Да, опоздал, знаю. — Я отцепил карточку с именем и стянул пиджак. — Дай мне пять минут. Ты как, готова?

— Да. — Кэт, не сводя с меня глаз, уселась на кровать.

— Как там «Харродс»? — поинтересовался я, расстегивая рубашку. — Нашла сервиз?

— Нет. — Она уткнулась взглядом в скрещенные на груди руки.

Я вытащил из чемодана и надел чистую сорочку.

— Вы же с Сарой все равно не скучали? — предположил я, застегивая пуговицы. — Что купили? Эллиот боялся, как бы вы вдвоем с его женой не выгребли весь универмаг. — Я вдруг умолк и пристально посмотрел на Кэт. — Что случилось? Ребята звонили? Дома Что-то?

— У ребят все в порядке.

— Но что-то же случилось, я вижу! Ваше такси попало в аварию?

— Ничего не случилось. — Кэт покачала головой и вдруг, не отрывая взгляда от скрещенных рук, выпалила: — У Сары любовник!

— Что? — не понял я. — Любовник.

— У Сары?! — Я не верил своим ушам. У любящей, преданной Сары?

Кэт кивнула, не поднимая глаз. Я опустился на кровать.

— Она тебе сама сказала?

— Разумеется, нет. — Кэт резко поднялась и подошла к зеркалу.

— Откуда же ты знаешь? — Впрочем, можно было не спрашивать. Оттуда же, откуда узнавала про ветрянку у детей, про помолвку своей сестры, про проблемы с бизнесом у отца. Кэт обладала способностью догадываться о таких вещах раньше всех — как будто у нее был специальный прибор, улавливающий тайные колебания, знаки, флюиды. Осечек этот прибор не давал.

Но ведь Сара с Эллиоттом женаты столько же, сколько мы… Для нас они всегда были лучшим доказательством что «институт брака по-прежнему крепок»,

— Ты не ошиблась?

— Нет.

Я хотел спросить, откуда такая уверенность, но не стал. Про то, как она догадалась, что у Эшли ветрянка, Кэт объяснила легко: «У нее всегда глазки блестят, когда температура поднимается, а Линдси две недели как переболела». А вот насчет всего остального она только встряхивала короткими светлыми кудрями и никаких объяснений дать не могла, тем не менее каждый раз попадая в яблочко. Без исключений.

— Но… я же виделся сегодня с Элиотом. Он ничего… — Я прокрутил в голове наши с ним разговоры, пытаясь найти хоть какой-то признак беспокойства или недовольства. Да, пошутил, что Сара с Кэт все деньги в магазинах просадят, но он всегда так шутит. — Нет, у него все нормально.

— Надень галстук, — сказала Кэт.

— Но если она… Хочешь, не пойдем никуда? Останемся тут.

— Нет. — Жена покачала головой. — Нет, идти надо.

— Может, ты не так поняла…

— Нет. — Она ушла в ванную и закрыла за собой дверь.

Такси удалось поймать с трудом. Швейцар «Коннота» куда-то подевался, и черные,

похожие на шкатулки лондонские кэбы упорно проезжали мимо, сколько я ни размахивал руками. Когда же мы наконец уселись, оказалось, что ползти нам еще целую вечность.

— Театралы! — беспечно пояснил водитель. — Вы-то как, пойдете что-нибудь смотреть?

Может, Кэт раздумала идти в театр с Сарой, уверенная на все сто, что у той роман? Однако, заметив на фасаде «Савоя» переливающуюся неоновыми огнями рекламу «Мисс Сайгон», она тут же вспомнила:

— Ты билеты в итоге на что взял?

— Ни на что, — признался я. — Не успел. — Начал оправдываться, что обязательно возьму завтра, но Кэт уже не слушала.

— Не нашла я свой сервиз в «Харродсе». — С таким же отчаянием в голосе она сообщила мне про Сарин роман. — Их сняли с производства четыре года назад.

Опоздали мы в итоге на полтора часа. Эллиотт с Сарой, судя по всему, давно отбыли на деловой ужин, и на сердце у меня, признаться, полегчало.

— Кэт! — радостно воскликнула Марджори, завидев нас в дверях, и подлетела с беджиком. — Замечательно выглядишь! У меня столько новостей!

— Пойду поищу Старикана, — решил я. — Узнаю, не хочет ли он потом поужинать. — Наверняка утащит нас в Сохо или в Хемпстед-Хит. У него всегда есть на примете незатасканное местечко, где подают пирог с угрем или настоящий английский портер.

Я отправился на разведку. Старикана обычно найти не трудно — по собравшейся вокруг толпе и громкому хохоту.

«Да, и поближе к бару», — вспомнил я, заметив там небольшое скопление народа.

Лавируя в общем хаосе, я двинулся туда, прихватив по дороге бокал вина с подноса, — однако, вопреки моим предположениям, толпу собрал вовсе не Старикан. Просто продолжалась начатая за обедом дискуссия о «Битлз». Ладно, хорошо хоть не «упадок и разрушение» в очередной раз.

— Говорят, они втроем собираются устроить тур-воссоединение, — слышался голос Маккорда. — Хотя, на мой взгляд, восстанавливать уже нечего.

— Вот Старикан нам как-то раз устроил тур по битловским местам, — вклинился я. — Его самого, кстати, никто не видел? Мы воспроизводили вживую обложки всех альбомов. Переход на Абби-роуд чуть не стоил нам жизни!

— Ему из Кембриджа ехать, так что вряд ли раньше завтрашнего утра появится, — изрек Маккорд. — Далековато рулить.

В свое время рулить четыре сотни миль до Лондонского моста было не далековато. Я приподнялся на цыпочки, пытаясь высмотреть Старикана поверх голов. Безуспешно. Зато разглядел Эверса, а значит, Сара с Эллиотом тоже где-то тут. Кэт общалась с Марджори у входа.

— Линду Маккартни ужасно жаль, — сокрушенно вздохнула женщина, которая днем сетовала насчет «Гэпа».

Я отпил вина, запоздало припомнив, что приглашали нас на шерри.

— Сколько ей было? — уточнил Маккорд.

— Пятьдесят три.

— У меня аж у троих знакомых нашли рак груди! — продолжала нелюбительница «Гэпа». — У троих! Это же кошмар!

— Поневоле задумаешься, кто дальше, — вздохнула другая.

— Или что дальше, — подхватил Маккорд. — Про Стюарта слышали?

Я поспешно вручил свой бокал гэпоненавистнице и под ее возмущенным взглядом стал продираться сквозь толпу обратно к Кэт. Однако на прежнем месте ее не было. Я вытянул шею, пытаясь высмотреть жену поверх голов.

— Вот ты где, красавчик! — Сара, подскочив сзади, обняла меня за талию. — А мы тебя обыскались! — Она чмокнула меня в щеку. — Эллиот развел панику — мол, с твоей подачи придется идти на «Кошек». Он их не-на-ви-дит, а все приезжающие в Лондон нас на

них тащат. Эллиот умеет заводиться по пустякам, сам знаешь. Что, ты правда сделал такую пакость? Будут «Кошки»?

— Нет. — Я смотрел на Сару во все глаза. Она ничуть не изменилась — те же темные волосы, заправленные за уши, тот же озорной изгиб бровей. Наша старая подруга Сара, с готовностью летевшая с нами на «Кисмет», на озеро Хавасу, на Абби-Роуд.

Кэт заблуждается. Про других она угадывала верно, а в этот раз невидимый радар дал осечку. Сара не выглядит ни виноватой, ни смущенной, без опаски смотрит мне в глаза, не пытается избежать встречи с Кэт.

— А где Кэт? — спросила она, привставая на цыпочки, чтобы посмотреть поверх голов. — Мне нужно ей кое-что сказать.

— Что?

— Насчет сервиза. Мы ведь сегодня вернулись ни с чем, она тебе, наверное, уже поплакалась? И только дома меня осенило: «Спорю на что угодно, такой сервиз есть в «Селфриджео!» У них там вечно время замирает. А, вот она! — Сара обрадованно замахала рукой. — Побегу скажу, пока мы еще тут. — И стала решительно пробираться сквозь толпу. — Найдешь Эллиота, передай, что я на секундочку. Заодно обрадуй, что «Кошек» не будет! — оглянувшись, добавила она. — А то распереживается зря. Он где-то тут. — Сара неопределенным жестом ткнула в сторону двери, и я, послушно двинувшись в указанном направлении, действительно обнаружил там Эллиота.

— Ты Сару, случаем, не видел? — обеспокоился он. — Эверс сейчас машину подгонит.

— Она с Кэт на пару слов. Просила передать, что через секунду будет.

— Смеешься? Знаю я их «пару слов»… — Он укоризненно покачал головой. — Сара говорит, они сегодня замечательно побродили.

— А Старикан уже тут?

— Звонил, сказал, что сегодня не доедет. Просил передать, что завтра обязательно увидимся. Жду с нетерпением. Он как переехал в Кембридж, так вообще пропал. Мы-то сами на другом конце, в Уимблдоне.

— И он ни разу не схватил вас в охапку и не потащил за очередным диккенсовским локтем?

— Нет пока. Кстати, помнишь, как он поволок нас на Бейкер-стрит, разыскивать пропавшую квартиру Шерлока Холмса? Когда Сара заикнулась о Конан Дойле?

Я засмеялся, вспомнив, как мы стучали во все двери с грозным вопросом: «Признавайтесь, леди, что вы сделали с номером 221 — бис?», решив под конец, что пора обратиться в Скотланд-Ярд.

— А потом еще требовали сознаться, что сделали с изначальным шотландским дворцом, — хохоча, продолжил Эллиотт.

— Ты ему передал про субботний поход в театр?

— Само собой. Надеюсь, ты не стал брать билеты на «Кошек»?

— Я пока ни на что не стал брать. Не успел.

— Так вот, на «Кошек» ни в коем случае. И на «Призрака оперы».

Прибежала раскрасневшаяся и запыхавшаяся Сара. — Прости, заболталась с Кэт! — и она смачно чмокнула меня в губы. — Пока, сладкий! До субботы!

— Пойдем, — велел Эллиотт. — В субботу нацелуешься! — И он поспешно увлек ее на улицу, не забыв на прощание крикнуть мне: — «Отверженных» тоже ни-ни!

Я улыбался им вслед. Да, Кэт, ошиблась ты. Сама посмотри. Сара ни за что в жизни не стала бы целовать меня — вот так, запросто, — будь у нее роман, и Эллиот смотрел бы на это совсем по-другому, и не болтали бы они про сервизы и «Кошек».

Кэт ошиблась. Чувствительный радар дал осечку. Браку Сары и Эллиота ничего не грозит. Нет ни у кого никаких любовников, и в субботу мы прекрасно проведем время.

В этом радужном настроении я пробыл до конца вечера. Не смогла его испортить даже Марджори с очередными вариациями на тему «упадка и разрушения» (на этот раз про дом престарелых, куда ей, видимо, придется отправить своего батюшку) и известие о том, что

сгорел замечательный паб, где мы в прошлый раз угощались рыбой с картошкой.

— Ничего, — вздохнула Кэт, стоя на месте бывшего паба. — Пойдемте в «Ягненка й корону». Он точно на месте, я его проезжала утром по дороге в «Харродс».

— Это на Уилтон-плейс, да? — Я полез в карман за схемой метро. — Значит, ближайшая станция «Гайд-парк». Садимся на…

— Такси! — решительно взмахнула рукой Кэт.

Про Сару и ее предполагаемый роман Кэт больше ни словом не обмолвилась, только сообщила, куда отправятся на охоту завтра: «Сперва «Селфриджес», потом фарфоровые комиссионки». Наверное, увидев Сару вчера вечером, она сама поняла, что ошиблась насчет любовника.

Однако утром перед самым моим уходом она вдруг заметила:

— Звонила Сара, пока ты был в душе, сказала, что все отменяется.

— В театр не пойдут?

— Пойдут. Поход по магазинам отменяется. У нее голова болит.

— Наверное, вчерашнего жуткого шерри хлебнула. А ты что тогда делать будешь? Хочешь, пообедаем вместе?

— Мне кажется он из участников конференции.

— Кто? — не понял я.

— Любовник Сары, — ответила Кэт, забирая путеводитель. — Если бы он жил здесь, она бы не рискнула встречаться с ним, пока мы не уедем.

— Да нет у нее никакого любовника! Я ее видел. Видел Эллиота. Он…

— Эллиот не догадывается. — Кэт пихнула путеводитель в сумку. — Мужчины никогда ни о чем не догадываются.

Вслед за путеводителем в сумку были втиснуты солнечные очки и зонтик.

— Сегодня в семь ужинаем у Хыозов. Я буду ждать тебя тут в полшестого. — Кэт вытащила, зонтик из сумки.

— Ты ошибаешься. Они женаты дольше нас. Она без ума от Эллиота. Разве человек, которому есть что терять, будет заводить любовника?

Кэт обернулась с зонтиком в руках.

— Не знаю… — потухшим голосом проговорила она. Мне вдруг стало ее жаль.

— Ну что ты? Приезжай, пообедаем вместе со Стариканом. Может, нас опять по его милости из ресторана выставят, как из того индийского, помнишь? Вот будет умора!

Она покачала головой.

— У вас с Артуром свои разговоры — тем более столько не виделись. А меня «Селфриджес» ждет. Увидишь Артура… — Кэт запнулась, и лицо у нее при этом было такое же, как при мыслях о Саре.

— У него, что, тоже роман, а, мадам Всезнайка?

— Нет. Просто он старше.

— Поэтому его и прозвали Стариканом. Думаешь, он теперь шаркает с палочкой и отрастил длинную седую бороду?

— Нет. — Она перекинула сумку через плечо. — Если в «Селфриджес» отыщется мой сервиз, куплю на двенадцать персон.

Я докажу Кэт, что она ошиблась. Сходим в театр, чудесно проведем время, и она сама убедится, что нету Сары никого. Только бы не пролететь с билетами… На «Регтайм» кончились, значит, на «Бурю», скорее всего, тоже, а больше практически и нет ничего, раз Эллиот категорически против «Сансет-бульвара». И «Кошек», вспомнил я при виде афиши на эскалаторе. И «Отверженных».

«Буря» и этот самый «Эндшпиль» с Хейли Миллс идут недалеко от Лестер-сквер. Если на них билетов не окажется, можно попытать счастья в кассе на Лайл-стрит.

Опасения подтвердились — на «Бурю» ни одного билета. Я зашагал дальше, к театру

«Олбери».

На «Эндшпиль» нашлось пять билетов в центре третьего ряда партера.

— Замечательно! — обрадовался я и шлепнул в окошко «Американ Экспресс», попутно отметив, как же сильно все изменилось.

Раньше я бы искал что-нибудь на галерке, под потолком, где мы вцеплялись в подлокотники, чтобы не кувырнуться с верхотуры навстречу неминуемой гибели, а сцену без бинокля и не разглядишь.

Раньше, вспомнил я безрадостно, рядом стояла бы Кэт и лихорадочно подсчитывала, не рухнет ли наш бюджет от этих дешевых билетов. А теперь я беру третий ряд партера, не интересуясь ценой, а Кэт катит в «Селфриджес» на такси.

— Какое тут ближайшее метро? — спросил я у кассирши, забирая билеты.

— «Тотнем-Корт-Роуд», — ответила девушка.

Я сверился со схемой. По Центральной (красной) ветке до «Холборна», а оттуда по прямой до «Южного Кенсингтона».

— Как туда пройти?

Девушка, звякнув многочисленными браслетами, махнула рукой куда-то на север.

— По Сент-Мартинс-лейн.

Я послушно двинулся по Сент-Мартинс. Потом по Монмут, потом по Мерсер, Шафтсберй и Нью-Оксфорд. Нет, «Тотнем-Корт» явно не ближайшая — но что теперь поделаешь? А такси — неспортивно.

Полчаса ушло на дорогу до станции, еще десять минут до «Холборна» — и только тут я сообразил, что театр «Лирик» был в каких-нибудь четырех кварталах от «Пикадилли-Серкус»… А еще я забыл, какая это глубокая станция, какие там бесконечные эскалаторы. Казалось, они уходят на милю в бездонную пропасть. Прогрохотав по ребристым деревянным ступеням, я зашагал по переходу, кинув взгляд на часы.

Полдесятого. До конференции еще уйма времени. Интересно, когда Старикан появится? «Если он на машине из Кембриджа, — высчитывал я, спускаясь по короткой лестнице за мужчиной в твидовом пиджаке, — то ехать ему где-то час с…»

Вихрь налетел на нижней ступеньке. Даже не вихрь на этот раз, а как будто дверь в холодное помещение открыли.

«Подвал», — мелькнуло у меня, когда я уцепился за металлический поручень. Нет. Еще холоднее. До костей пробирает. Холодный склад для мяса. Морозильный цех. И какой-то резкий химический привкус, вроде дезинфекции. Тошнотворный запах.

Да нет, какой же это морозильный цех? Это биолаборатория. А вонь — формальдегид. И то, что в нем хранят. Я плотно сжал губы, задержал дыхание, но сладковатый тошнотворный аромат уже забил ноздри и глотку. Нет, это не биолаборатория, осенила меня жуткая догадка. Это мертвецкая.

И вдруг все кончилось, как будто дверь захлопнули так же резко, как и распахнули. Однако ледяной воздух еще пощипывал ноздри, а во рту стоял мерзкий привкус формальдегида. Разложения, смерти и тлена.

Я застыл на нижней ступеньке, хватая воздух мелкими глотками, меня обтекали пассажиры. Мужчина в твидовом пиджаке уже заворачивал за угол. Он должен был почувствовать. Прямо передо мной ведь спускался. Я кинулся за ним, обогнав пару ребятишек, индианку в сари, домохозяйку с авоськой, и наконец настиг его у выхода на переполненную платформу.

— Вы почувствовали порыв ветра? — хватая мужчину за рукав, спросил я. — Только что, в переходе?

Он сперва встревожился, потом, выслушав, терпеливо объяснил:

— Вы из Штатов, да? Понимаете, когда поезд заходит в туннель, за ним обычно следует поток воздуха. Так всегда бывает. Опасаться нечего. — Он многозначительно посмотрел на рукав, в который я вцепился.

— Но там же ледяным холодом дохнуло! — возразил я. — И…

— Ну да, тут река совсем рядом. — Мужчина начал терять терпение. — Позвольте! — Он высвободил рукав. — Приятного отпуска. — С этими словами он скрылся на дальнем конце платформы, просочившись сквозь толпу.

Я не стал догонять. Ничего он не почувствовал. Как же так? Он ведь шел прямо передо мной…

Или меня мучают непонятные галлюцинации, а никакого вихря нет и не было.

— Наконец-то! — Женщина рядом посмотрела в сторону тоннеля, и я увидел, как оттуда вылетает поезд. На ветру затрепетал отклеившийся уголок афиши и взметнулись светлые волосы женщины, стоявшей ближе всего к краю. Она, не обращая внимания, повернула голову к своему спутнику и поправила сумочку на плече.

И снова холодная волна, несущая запах химикатов и разложения, гнилостную вонь.

Я поглядел в дальний конец платформы, думая, что уж в этот-то раз мужчина должен был почувствовать. Однако он как ни в чем не бывало заходил в вагон, окружавшие его туристы тоже в полном неведении переводили взгляд с поезда на развернутую карту-схему.

Неужели никто ничего? Тут мой взгляд наткнулся на пожилого темнокожего пассажира в клетчатом пиджаке, где-то посередине платформы. Вздрогнув под порывом ветра, он втянул седеющую голову в плечи, как черепаха в панцирь.

Вот он точно почувствовал! Я дернулся было туда, но седой уже вошел внутрь, и двери начали закрываться. Даже бегом мне его не догнать.

Я протиснулся в закрывающиеся двери ближайшего вагона и прислонился к ним изнутри, дожидаясь следующей станции. Там я выскочил, придерживая дверь, проверить, не выходит ли тот седой. Он не вышел. И на следующей. И на «Бонд-стрит». Никого.

— «Марбл-Арч»! — объявил лишенный выразительности голос, и за окнами показались выложенные плиткой стены.

Что же там такое на «Марбл-Арч»? Когда мы с Кэт жили в «Королевской плесени», столько народу не было. Такое впечатление, что весь поезд выходит.

А седой? Я высунулся из дверей, пытаясь разглядеть.

В толпе не видно. Но стоило сделать шаг на платформу, как меня тут же оттеснила почти такая же толпа заходящих.

Я пошел вдоль состава, пытаясь, вывернув шею, выловить взглядом клетчатый пиджак в этом людском море.

— Осторожно, двери закрываются! — возвестил голос из динамика, и старик проехал мимо меня в медленно набирающем ход вагоне.

«Куда теперь?» — размышлял я, стоя на опустевшей платформе. Обратно на «Холборн», посмотреть, не подует ли снова, и попробовать отыскать еще одного свидетеля? Такого, который не поспешит заскакивать в поезд?

Здесь-то точно никаких вихрей не будет. Это наша станция, мы садились здесь каждое утро, выходили здесь каждый вечер в наш первый приезд — никаких ветров. В трех кварталах отсюда «Королевская плесень». Держась за руки, мы взбегали по продуваемым насквозь лестницам, и, заливались хохотом, вспоминая, что сказанул Старикан служителю в Кентербери у могилы Томаса Мора…

Старикан! Он точно в курсе, откуда эти вихри, или хотя бы подскажет, как узнать. Он любит загадки. Сам ведь таскал нас в Гринвич, в Британский музей и в усыпальницу собора Святого Павла, пытаясь выяснить, что сталось с потерянной в битве рукой Нельсона. Если такое в принципе возможно, он откроет тайну вихрей.

Он ведь наверняка уже приехал. Я посмотрел на часы. Мама дорогая! Почти час. У схемы метро на стене я стал вычислять, как побыстрее попасть на конференцию. Отсюда до «Ноттинг-Хилл-Гейт», а там по Дистрикт или по Кольцевой. Я взглянул на табло — выяснить, сколько осталось до следующего поезда — и, когда налетел очередной вихрь, даже не успел, по примеру седого, сжаться и отпрянуть. Стоял с вытянутой, как у Томаса Мора на плахе; шеей.

Ветер обрушился на станцию, будто нож гильотины. На этот раз ни трупного смрада,

ни жара. Только резкий вихрь, отдающий солью и железом. На меня пахнуло ужасом, кровью, мгновенной смертью.

«Что это? — в отчаянии думал я, цепляясь за кафельную стенку. — Что это за вихри?»

Старикан. Надо срочно отыскать Старикана.

Я доехал до «Южного Кенсингтона» и бегом помчался на конференцию, опасаясь в глубине души не найти его там. Нет, приехал. Я услышал его голос с порога. Как всегда, окружен толпой почитателей. Я двинулся к нему через вестибюль.

Эллиот, отделившись от группы, вышел мне навстречу.

— Мне нужно поговорить со Стариканом! — объяснил я.

Он удержал меня за плечо.

— Том… — С таким же выражением лица Кэт сообщила, что у Сары любовник.

— Что случилось? — спросил я с опаской.

— Ничего. — Эллиот оглянулся на гостиную. — Артур… нет, ничего. — Он выпустил мое плечо. — Он будет страшно рад тебя видеть. Уже спрашивал, где ты.

Старикан, восседая в кресле, как на троне, что-то вещал собравшимся. Ничуть не изменился за двадцать лет: такой же долговязый, волосы так же по-мальчишески падают на лоб.

Видишь, Кэт? Никакой седой бороды. Никакой палочки.

Заметив нас, он тут же прервал речь и поднялся.

— А вот и наш юный отщепенец! — Голос по-прежнему сильный и звонкий. — Том, я все утро жду, уже и не надеялся. Где тебя носит?

— В метро. Там какие-то странности творятся. Я…

— В метро? Ты-то там что забыл? — Я…

— Даже и не суйся туда больше. Тони Блэр его разваливает по кирпичику. Как и все остальное.

— Поехали со мной, пожалуйста. Мне нужно кое-что тебе показать.

— Куда? В метро? Да ни в жизнь! — Он плюхнулся обратно в кресло. — Я туда ни ногой. Грязно, воняет…

Они с Кэт как сговорились.

— Понимаешь… — Эх, если б можно было пообщаться наедине, без лишних ушей. — Вчера на «Чаринг-Кросс» я почувствовал кое-что странное. Помнишь порывы ветра, которые гуляют по переходам, когда на станцию прибывает поезд?

— Не напоминай. Вечный сквознячище!

— Вот-вот, я как раз про сквозняки. Мне надо, чтобы ты сходил со мной. И сам проверил. Они…

— А потом простудился и умер? Благодарю покорно.

— Да нет же! Это не обычные сквозняки. Я хотел пересесть на Северную линию, и тут…

— За обедом расскажешь. — Он повернулся костальным. — Куда пойдем?

Никогда, ни единого раза, сколько я его помню, он не нуждался в советах, куда идти обедать. Я ошарашено заморгал.

— «Бангкок-Хаус»? — предложил Эллиот. Старикан помотал головой.

— Нет, там слишком остро. От изжоги потом загибаться…

— Есть суши-бар в двух шагах, — подал голос кто-то из толпы почитателей.

— Суши! — Его тон отбил охоту развивать тему. Я попытался снова.

— Вчера на «Чаринг-Кросс» меня вдруг сбило с ног порывом ветра, который пах серой. Он…

— Это смог, — со знанием дела объяснил Старикан. — Машин-то прорва. И народу. Скоро совсем не продохнуть будет, как в те времена, когда углем топили.

Уголь… Может, это и был тот запах, который я не распознал? Уголь ведь отдает серой.

— И все это усугубляется из-за инверсионного слоя, — подхватил поклонник, предложивший суши.

— Инверсионного слоя?

— Именно! — польщенный вниманием, пустился объяснять тот. — Лондон расположен в низине, из-за этого образуются инверсионные слои. Прослойка теплого воздуха преграждает путь вертикальным потокам с поверхности земли, поэтому внизу скапливаются и дым, и вредные примеси…

— Я думал, мы обедать собрались, — раздраженно буркнул Старикан.

— Помнишь, как мы искали дом Шерлока Холмса? В этот раз перед нами загадка позаковыристее.

— Действительно. Бейкер-стрит, 221-бис. Я и забыл. А помнишь, как я устроил вам тур по останкам Томаса Мора? Эллиот, расскажи им, что сказала Сара в Кентербери.

Эллиот рассказал, и все, включая самого Старикана, покатились от смеха. Я уже настроился услышать: «Да, было время!»

— Том, а ты поведай, как мы ходили на «Кисмет», — велел Старикан.

— У нас пять билетов на завтра на «Эндшпиль», — уже предчувствуя реакцию, объявил я.

Старикан покачал головой.

— Я по театрам больше не ходок. Там тоже ничего хорошего не осталось. Сплошная модернистская дребедень. — Он шлепнул обеими ладонями по подлокотникам. — Ну так что? Обед! Мы решили, куда идем?

— Как насчет «Нью-Дели-Палас»? — подкинул очередную идею Эллиот.

— Не перевариваю индийскую кухню, — скривился Старикан. Из «Нью-Дели» нас в свое время и выставили, когда он пустился в пляс с курицей тандури. — Нормальной, обычной едой уже, что, не кормят нигде?

— Надо бы поскорее определиться, — подал голос поклонник. — Дневное заседание в два начинается.

— Да, пропускать нельзя. — Старикан обвел взглядом стоящих вокруг. — Так куда мы идем? Том, ты с нами?

— Не могу. Жаль, что ты со мной не хочешь. Было бы совсем как раньше.

— Кстати о «раньше». — Старикан повернулся к почитателям. — Я ведь вам так и не рассказал, как меня вышвырнули с «Кисмет». Элиотт, как там звали эту наложницу?

— Лялюм, — подсказал Эллиот, поворачиваясь к Старикану, и я поспешил к выходу.

Инверсионный слой. Из-за него воздух застаивается под землей, пропитываясь и насыщаясь дымом, копотью и примесями.

Я доехал на метро обратно до «Холборна» и двинулся по переходу на Центральную линию, оглядывая стены в поисках вентиляционных вытяжек. Обнаружил две ячеистые решетки размером не больше театральной программки и одну щелевую ближе к концу, но никаких вентиляторов, ничего, что бы гоняло воздух или имело какой-то выход наружу.

Но ведь должно быть. Глубокие станции уходят под землю на сотни футов. Сомневаюсь, что при строительстве полагались исключительно на естественную циркуляцию, тем более учитывая выхлопы и угарный газ от наземного транспорта. Без вытяжек никак. С другой стороны, метро начали строить в 1880-х, а «Холборн» выглядит как раз так, будто его с тех пор не ремонтировали ни разу.

Я вышел в зал с эскалаторами и, задрав голову, посмотрел наверх. Открытое пространство до самых турникетов, а там выходы наружу на три стороны, и все двери распахнуты настежь.

Даже без вентиляции воздух из метро так или иначе найдет дорогу на лондонские улицы. Его приносит снаружи ветер с дождем, а внутри он циркулирует с бесконечным людским потоком по эскалаторам, станциям и переходам. Однако если инверсионный слой запрет его у поверхности земли, не давая высвободиться…

Образуются ведь «газовые мешки» в угольных шахтах — отсеки, где скапливается угарный газ и метан. Метро, с его сложной сетью изгибающихся под самыми разными

углами тоннелей, очень напоминает шахту. Что если где-то в этих изгибах тоже возникли воздушные мешки, где год за годом копятся смертельные газы?

Хорошо, инверсионный слой объясняет, что это за вихри, но как понять, откуда они вообще взялись? Бомбы, подложенные террористами из ИРА? Я ведь так и подумал в первый раз. Это объясняет ударную волну и запах взрывчатки. А формальдегид? А ощущение забившей глотку сырой земли на «Чаринг-Кросс»?

Обрушение тоннеля? Столкновение поездов? Я проделал долгий путь обратно на станцию и обратился к служителю у турникетов.

— В туннелях случаются обвалы?

— Нет, сэр, что вы! Стены тут крепкие. — Он обнадеживающе улыбнулся. — Беспокоится не о чем.

— Но ведь иногда происходят аварии?

— Уверяю вас, сэр, лондонское метро — самое безопасное в мире.

— А взрывы? Террористы из ИРА…

— ИРА подписала мирное соглашение! — Служитель окинул меня подозрительным взглядом.

Еще немного в том же духе, и меня самого арестуют как террориста. Лучше спрошу у Ста… у Эллиота. А пока можно выяснить, на каких станциях образуются вихри — на всех или есть закономерность…

— Не подскажете, как добраться до Таэура? — прикинувшись заблудившимся туристом, спросил я у служителя, протягивая схему метро.

— Да, сэр. По Центральной линии — вот этой, красной, — доезжаете до станции «Банк», а там пересаживаетесь на Дистрикт и Кольцо. И не волнуйтесь. Лондонское метро абсолютно безопасно.

«Если не считать вихрей», — возразил я мысленно, ступая на эскалатор. Вытащив ручку, я отметил крестиком станции, на которых уже побывал. «Марбл-Арч», «Чаринг-Кросс», «Слоун-сквер».

На «Рассел-сквер» еще не заглядывал. Я доехал до нее и покараулил сначала в переходах, потом на платформах, пропустив два поезда. Ничего. Зато на станции «Сент-Панкрас» линии Метрополитен меня сбила с ног та же ударная волна, что и на «Чаринг-Кросс» — жар, едкий запах серы и ощущение, что мир рухнул.

На «Барбикан» и «Олдгейт» ничего. Вполне логично. Обе станции наземные, платформы открытые, а значит, вихри просто улетучиваются, не успевая попасть в ловушку. И еще это значит, что большинство пригородных станций можно не проверять.

Однако на «Сент-Полс» и «Чансери-Лейн» тоже ничего — хотя обе подземные, с глубокими ветреными туннелями. Никаких вихрей, только слегка тянет дизельным топливом и плесенью. Наверное, дело в чем-то другом.

«Линия ни при чем», — размышлял я на пути к «Уоррен-стрит». «Марбл-Арч» и «Холборн» да, обе на Центральной, но «Чаринг-Кросс» нет, и «Сент-Панкрас» тоже. Может, все дело в пересечениях? «Чансери-Лейн», «Сент-Полс» и «Рассел-сквер» — одиночные, там поезда идут по одной ветке. На «Холборн» пересекаются две, на «Чаринг-Кросс» — три. На «Сент-Панкрас» — целых пять.

«Вот такие станции мне и нужны, — понял я. — Те, где пересекается несколько веток, где все изрыто тоннелями, переходами и поворотами. Тогда «Монумент», — глядя на кружок, объединяющий зеленую, фиолетовую и желтую линии, начал намечать я. — «Бейкер-стрит» и «Мургейт»».

«Бейкер-стрит» ближе всех, но попасть на нее сложнее. Всего-то две остановки, однако сначала надо доехать до «Юс-тон», там сесть в обратную сторону на «Сент-Панкрас», а там пересесть на линию Бейкерлоо. Хорошо, что нет Кэт, чтобы припомнить мне «на метро в два счета куда угодно доберешься».

Кэт! Напрочь забыл, что мы договорились встретиться в гостинице, перед тем как ехать на ужин с Хьюзами.

Сколько времени? Слава богу, только пять. Я поспешно сверился со схемой. Так, хорошо. По Северной вниз до «Лестер-сквер», а там по Пикадилли. Ну, кто сказал, что в метро все сложно и запутано? Меньше чем через полчаса буду в «Конноте».

А как приду, обязательно расскажу Кэт про загадочные вихри. И ничего, что она не любит метро. Все расскажу — и про Старикана, и про мертвецкую, и про седого негра в клетчатом пиджаке.

Но Кэт в гостинице не было. На моей подушке белела записка: «Встретимся в «Гримальди». В семь».

Никаких объяснений. Ни даже подписи. И записка явно наспех нацарапана. «Может, Сара позвонила?» — пронеслась леденящая, как вихрь на «Марбл-Арч», мысль. Вдруг Кэт все-таки оказалась права насчет любовника, как не ошиблась насчет Старикана?

Однако в «Гримальди» выяснилось, что Кэт всего-навсего увлеклась поисками сервиза.

— Встретила в отделе фарфора «Фортнума и Мейсона» одну женщину, которая сказала, что на Бонд-стрит есть магазинчик, как раз специализирующийся на снятых с производства сериях.

Бонд-стрит. Странно, что мы там не пересеклись. «Впрочем, Кэт ведь на станцию не спускалась, — сообразил я с легким уколом обиды. — Раскатывает себе благополучно поверху на такси».

— Там моего сервиза тоже не оказалось, — продолжила Кэт, — но продавец подал мысль поискать по соседству с фирменным магазином «Портмерион» в Кенсингтоне. На это у меня и ушел остаток дня. Как конференция? Артур был?

«Ты же знаешь, что был», — ответил я мысленно. Сама же предсказала, что он состарился, и пыталась предупредить меня еще в гостинице. А я не поверил.

— И как он? — спросила Кэт.

«Будто не знаешь! — с горечью продолжил я мысленный диалог. — Твоя чувствительная антенна мгновенно ловит малейшие колебания. Всех-то ты видишь насквозь. Кроме собственного мужа».

Не буду ничего рассказывать. Какой смысл, если она сейчас все равно в трауре по несчастному сервизу?

— Отлично. Мы пообедали и остаток дня тоже вместе провели. Старикан ничуть не изменился.

— На спектакль идет?

— Нет. — От объяснений меня спасло появление Хьюзов: пожилой и хрупкой миссис Хьюз и ее рослых сыновей Милфорда-младшего и Пола с женами.

Всех по очереди представили друг другу, и тут выяснилось, что блондинка под руку с Милфордом-младшим вовсе не жена, а невеста.

— С Барбарой я под конец даже не знал о чем разговаривать, — поведал он мне в задушевной беседе за коктейлями. — Только и думала, что бы еще прикупить. Одни вещи на уме — тряпки, украшения, мебель…

«Фарфор», — подумал я, бросив взгляд на другой конец комнаты, где стояла Кэт.

За ужином меня усадили между Полом и Милфордом-младшим, который всю дорогу рассуждал об «упадке и разрушении Британской империи».

— Теперь вот Шотландии приспичило отделяться. Кто на очереди? Сассекс? Лондон?

— Может, хоть тогда порядок настанет? Черт знает что творится — и на улицах, и в транспорте…

— Как раз сегодня был в метро, — уцепился я за подвернувшуюся возможность. — Не знаете, на «Чаринг-Кросс» никогда аварий не случалось?

— Вполне возможно, — ответил Милфорд. — Вся система прогнила насквозь. Грязно, опасности на каждом шагу — последний раз у меня чуть кошелек на эскалаторе не вытащили.

— Я туда вообще больше не спускаюсь, — подала голос миссис Хьюз с другого конца

стола, где они с Кэт увлеченно обсуждали фарфоровые магазины в Челси. — С тех самых пор, как умер Милфорд.

— Повсюду нищие, — подключился Пол. — Спят на платформах, валяются поперек переходов. Как во время «блица», когда Лондон бомбили.

«Блиц». Воздушные налеты, «зажигалки», пожары. Дым, сера и смерть.

— Во время «блица»? — переспросил я.

— Люди пытались укрыться в метро от гитлеровских бомбардировщиков, — пояснил Милфорд. — Отсиживались кто где — на путях, на платформах, даже на эскалаторах.

— Не сказать при этом, чтобы в метро было безопаснее, чем на поверхности, — вздохнул Пол.

— То есть бомбы попадали в убежища? Пол кивнул.

— «Паддингтон». И «Марбл-Арч». Там человек сорок погибло.

«Марбл-Арч». Ударная волна, кровь, паника.

— А «Чаринг-Кросс»?

— Понятия не имею. — М ил форду наскучила тема. — Издали бы уже закон против нищих и бомжей в метро. И обязали кэбменов говорить на нормальном английском.

«Блиц». Ну конечно! Тогда все объясняется: и порох — или что там было? — и ударная волна, и фугасы…

Но ведь с тех пор прошло больше полувека! Возможно ли, что воздух бомбежек хранился все это время где-то В метро в первозданном виде?

По крайней мере, имелся один способ выяснить. На следующее утро я доехал на метро до «Тоттнем-Корт-Роуд» и двинулся по книжным магазинам, спрашивая что-нибудь по истории метро во времена Второй мировой.

— Метро? — рассеянно протянула девушка в «Фойле», третьем по счету магазине. — Тогда вам в Музей метро, может, там подскажут.

— Это где?

Она не знала. Не знал и кассир на станции. Но я вспомнил, что во время вчерашних странствий мне на глаза попалась афиша этого музея на платформе «Оксфорд-Серкус». Сверившись со схемой, я добрался до голубой ветки, там пересел на поезд до «Оксфорд-Серкус» и, обегав пять платформ, отыскал наконец свою афишу.

«Ковент-Гарден». Лондонский музей транспорта. Еще раз глянув на карту, я покатил по Центральной ветке до «Холборна», перешел на Пикадилли, и по ней проехал одну остановку до «Ковент-Гарден».

Его, видимо, тоже не пощадила война, потому что, не успел я пройти и трети перехода, как лицо мне опалил обжигающий встречный ветер. Правда, ни взрывчаткой, ни серой, ни пылью на этот раз не пахло. Только пепел и огонь, — а еще безнадежность и отчаяние, что все сейчас сгорит дотла.

Не в силах избавиться от запаха, я помчался наверх, вылетел на рынок, пронесся между рядами футболок, открыток, сувенирных двухэтажных автобусов — прямо к Музею транспорта.

Там царило засилье футболок и открыток — с эмблемой метро или картой-схемой.

— Я ищу книгу о метро во времена «блица», — поведал я мальчишке за прилавком, на котором высились стопки салфеток и игральных карт с метрошными знаками.

— «Блица»? — не понял он.

— Второй мировой, — уточнил я, но и это мало что прояснило.

Он неопределенно махнул рукой налево.

— Книги все там.

«Там» их не было. Они отыскались на самом дальнем стеллаже, за стойкой с репродукциями рекламных плакатов, украшавших стены метро в 20-х и 30-х. Большая часть книг посвящалась поездам, но я все-таки выкопал две по истории метро и одну в мягкой обложке под названием «Военный Лондон». Купил все, и в придачу блокнот со схемой метро.

В музее обнаружился буфет. Присев за пластиковый стол, я начал делать пометки в блокноте. Почти все станции метро использовались как убежища, и многие перенесли бомбовые попадания: «Юстон», «Олдвич», «Монумент». «После бомбежки повсюду стоял едкий запах кирпичной пыли и кордита», — говорилось в книге. Кордит. Вот что это был за порох…

«Марбл-Арч» пострадала от прямого попадания — бомба угодила прямо в один из переходов и разорвалась, как фаната, веером пустив в толпу осколки сорванной со стен плитки. Ясно теперь, откуда запах крови. И почему я не почувствовал жара. Огня не было, только взрыв.

Посмотрим «Холборн». Несколько раз упоминается, что станцию использовали как убежище, однако про попадание бомбы ни в одной из книг ни слова.

Зато «Чаринг-Кросс» «повезло» дважды. Сперва фугас, потом ракета «Фау-2». Бомба пробила водовод, и на эскалаторы обрушилась лавина грязной жижи. Вот откуда запах сырой земли — просевшая от удара толща фунта над потолком.

В ночь на 10 мая 1941 года пострадало больше десятка станций: «Кэннон-стрит», «Паддингтон», «Блэкфрайарс», «Ливерпуль-стрит»…

«Ковент-Гарден» в списке не значилась. Я глянул в другой книге. Саму станцию страшная участь миновала, однако вокруг в огромных количествах падали «зажигалки», и весь район полыхал огнем. Получается, «Холборн» тоже не обязательно должен был перенести прямое попадание. Бомбовые удары по соседству, тысячи погибших — ясно, откуда взялся трупный смрад на «Холборне». А на «Ковент-Гарден» только огонь, ни серы, ни ударной волны — все совпадает, раз там обошлось одним пожаром без попадания бомбы.

Все один к одному. Запах сырой земли и кордита на «Чаринг-Кросс», дым на «Кэннон-стрит», ударная волна и кровь на «Марбл-Арч». Все мои вихри — это ветры «блица», запертые под лондонским инверсионным слоем, в подземных казематах, откуда нет выхода. Годами бродят они, перемешиваясь и усиливаясь, по лабиринтам тоннелей, переходов и тупиков. Все совпадает.

Осталось проверить, просто ли совпадает… Я составил список разбомбленных станций, где мне еще не пришлось побывать. «Блэкфрайарс», «Монумент», «Паддингтон», «Ливерпуль-стрит», «Прейд-стрит», «Баундз-Грин», «Трафальгарская площадь» и «Балам» перенесли прямое попадание. Если моя теория верна, вихри обязательно объявятся.

Вооружившись схемой на обложке блокнота, я приступил к поискам. Вот «Баундз-Грин», самый север линии Пикадилли, рукой подать до пресловутого «Кокфостерса». «Балам», наоборот, примостился на нижнем конце Северной ветки. Ни «Прейд-стрит», ни «Трафальгарская площадь» не отыскались. Возможно, их переименовали или закрыли. Все-таки пятьдесят с лишним лет прошло со времен «блица».

Ближайшим в списке оказался «Монумент». Доехать до него по Центральной линии, потом по Кольцу до «Ливерпуль-стрит», проверить ее и оттуда отправиться на север, к «Баундз-Грин». «Монумент» совсем рядом с доками, значит, кроме дыма, должно пахнуть речной водой, которой заливали пожар, паленым хлопком, резиной и специями. Там сгорел целый склад перца. Такой запах ни с чем не спутаешь.

Однако я ничего не почувствовал. Битый час ходил туда-сюда по переходам Центральной, Северной и Дистрикт, стоял на каждой платформе, караулил в закутках около лестниц — ничего.

«Наверное, ветер возникает не каждый раз», — утешал я себя, садясь в поезд до «Ливерпуль-стрит» на кольце. Возможно, в игру вступают дополнительные факторы — температура, погода, время суток… Или вихри получаются только тогда, когда на Лондон ложится инверсионный слой. Надо было проверить погоду с утра.

В любом случае на «Ливерпуль-стрит» я тоже ничего не почувствовал, зато на «Юстон»… На «Юстон» ветер набросился моментально, стоило мне сделать шаг из вагона, — резкий порыв, несущий запах сажи, паники и обугленных головешек.

Я знал, что это за вихрь и готовился к нему, — и все равно пришлось, с бешено колотящимся сердцем и пересохшим от страха ртом, на минуту привалиться к холодному кафелю.

Я переждал еще поезд, потом еще один, однако ветер не повторялся. Тогда я перешел на линию Виктория, но после минутного раздумья поднялся на поверхность и спросил у кассира, не наземная ли, случаем, станция «Баундз-Грин».

— Кажется, да, сэр, — подтвердил он с ощутимым шотландским акцентом.

— А «Балам»? Он опешил.

— «Балам» ведь совсем в другую сторону. И даже не по этой ветке.

— Знаю. Так он что? Тоже наземный? Кассир покачал головой.

— Боюсь, не подскажу, сэр. Простите. Если вам нужен «Балам», возвращайтесь на Северную линию и садитесь в поезд, который идет на «Тутинг-Бек» или «Морден». Иначе уедете в другую сторону, на «Элефант энд Касл».

Я кивнул. «Балам» еще дальше в пригород, чем «Баундз-Грин». Наверняка окажется наземной, но попробовать стоит.

Из всех станций «Балам» пострадал больше всех. Бомба упала рядом, однако угодила в самое чувствительное место, погрузив станцию в темноту, пробив водопровод, канализацию и газовые трубы. Вонючие воды потоком устремились под землю, затопив ослепшие переходы, лестницы и тоннели. Триста человек утонули. Неужели все исчезло бесследно, даже если станция наземная? Запах канализации, темноты и газа узнается моментально.

Я не стал следовать указаниям кассира. Вместо этого сделал небольшой крюк до «Блэкфрайарс» и полчаса безуспешно караулил в окружении желтого кафеля, прежде чем направиться в «Балам».

Поезд шел почти пустым. После «Лондонского моста» в моем вагоне осталось всего две пассажирки — женщина средних лет с книгой и плачущая девушка в дальнем углу.

Несмотря на торчащую во все стороны панковскую прическу и проколотую бровь, плакала она беспомощно, горько и отрешенно, не вытирая расплывающуюся тушь и даже не отворачиваясь к окну.

Может, подойти, поинтересоваться, кто ее обидел? Или тогда женщина с книгой решит, что я клеюсь? Сомневаюсь, впрочем, что девушка меня вообще заметит — настолько она поглощена собственными переживаниями. Прямо как Кэт со своим фарфором. Неужели у девушки тоже заветный сервиз с производства сняли? Или ей отравило жизнь предательство друзей, стареющих и заводящих романы?

— «Боро», — объявил механический голос, и девушка, резко очнувшись, размазала тушь по щекам, схватила рюкзак и выскочила из вагона.

Женщина так и сидела до самого «Балама», уткнув нос в книгу. Когда поезд подходил к станции, я специально встал к дверям рядом с ней, посмотреть, какое сокровище мировой литературы ее так увлекло. Оказалось, «Унесенные ветром».

«Нет, ветры никуда не уносятся», — думал я, привалившись к стене на платформе «Балама». Вслушиваясь в шум приближающегося поезда, я безуспешно дожидался, когда вместе с очередным порывом нагрянет темнота, пропитанная запахами метана и канализации. Ветры «блица» все еще тут, витают неприкаянными призраками по тоннелям и переходам, храня память о пожарах, наводнениях и гибели.

Если мои догадки верны, конечно. Потому что никакого запаха сточных вод на «Баламе» я не чувствовал. Ни малейшего признака разразившейся полвека назад катастрофы. Воздух в переходах был сухим и пыльным, без намека на плесень.

И даже если подтвердится здесь, все равно пока нет объяснения «Холборну». Я переждал еще по три поезда с каждой стороны, потом сел в сторону «Элефант энд Касл», где располагался Имперский военный музей.

«Мы перенесем вас во времена «блица», — обещал плакат, однако в экспозиции ничего не говорилось о том, на какие станции пришлись бомбовые удары. Зато в сувенирном киоске удалось раздобыть еще три книги. Я проштудировал все три от корки до корки, но ни про

«Холборн», ни про бомбежки в окрестностях ничего не обнаружилось.

Если ветры — это отголоски «блица», почему я ничего не чувствовал в наш первый приезд? Мы же из метро не вылезали — на конференцию, с конференции, в театры, вдогонку за Стариканом с его заскоками… И ничего — ни дуновения с примесью серы или дыма!

Отчего в этот раз они так разгулялись? Погода? Тогда дождь лил не переставая. Может, он как-то повлиял на инверсионный слой? Или с тех пор что-то существенно изменилось — маршруты поездов, например, или сообщение между станциями.

Под моросящим дождем я зашагал обратно к «Элефант энд Касл». Из дверей станции вышел мужчина в пасторском воротнике и двое мальчиков с перекинутыми через руку подризниками. Наверное, где-то неподалеку церковь. И тут меня осенило — вот он, ответ на загадку «Холборна»!

Во время «блица» церковные крипты использовали как убежища. Не исключено, что и под временные морги тоже.

Я поискал в указателе «морг», а потом, не найдя, «складирование тел».

Все правильно. В ход шли церкви, склады, а после самых разрушительных налетов — даже бассейны. Вряд ли рядом с «Холборном» отыщется бассейн, а вот церковь — вполне вероятно.

Есть только один способ выяснить — вернуться на «Холборн» и посмотреть. Что у нас там на схеме? Отлично! Отсюда одним махом. Перейдя на линию Бейкерлоо, я дождался поезда в северном направлении. В вагоне было так же пусто, как по дороге сюда, однако на «Ватерлоо» в двери хлынула толпа.

Неужели уже час пик? Я глянул на часы. Четверть седьмого… Ничего себе! В семь мы с Кэт встречаемся у театра. А мне до него еще… сколько? Вытащив схему, я повис на поручне и принялся считать: «Эмбанкмент», потом «Чаринг-Кросс», потом «Пикадилли-Серкус». По пять минут на перегон, и на выход в город еще пять — с такой-то толпой. Успеваю. Впритык.

«Движение поездов по линии Бейкерлоо к северу от станции «Эмбанкмент» временно остановлено. Убедительно просим воспользоваться другими маршрутами».

Нет, только не сейчас! Внутренне похолодев, я схватился за карту. Другими маршрутами… Можно по Северной до «Лес-тер-сквер», оттуда с пересадкой до «Пикадилли-Серкус». Хотя быстрее, наверное, будет выйти на «Лестер» и пробежать несколько кварталов поверху.

Выскочив в едва начавшие разъезжаться двери, я понесся по переходу на Северную линию. Без пяти семь, а мне еще две остановки до «Лестер» и четыре квартала до театра. В переходе до меня донесся грохот подходящего поезда. Огибая пассажиров и выкрикивая на ходу «простите!», я вырвался на запруженную людьми платформу.

Наверное, грохотал другой поезд, из центра. На моей платформе электронное табло уверяло, что «до следующего поезда 4 минуты».

«Отлично», — сообразил я, услышав, как соседний поезд набирает ход, толкая воздух перед собой и создавая вакуум в хвосте. «Эмбанкмент» в списке пострадавших станций. Только вихря-призрака из «блица» мне сейчас и не хватает.

Не успел я подумать, как он взметнул мои волосы и отвороты пальто, а за спиной затрепетал отклеенный край афиши «Плавучего театра». Ни ударной волны, ни жара, хотя «Эмбанкмент» — это ведь набережная, тут горело сильнее всего. Меня окатило холодом, только холодом, без всякого формальдегида и трупного смрада. Ледяной холод, сухость и пыль, от которых першит в горле.

Из всех вихрей этот должен был показаться мне самым нестрашным, однако нет. Наоборот. Закрыв глаза, я обессиленно привалился спиной к стенке платформы.

Что же такое эти вихри? Я по-прежнему не понимал, хотя последний уж точно соответствовал моей теории об отголосках «блица». Ведь «Эмбанкмент» разделил участь остальных. Тут много народу погибло. Запах смерти, вот что я чувствовал. Смерти, ужаса и отчаяния.

Пошатываясь, я зашел в вагон. Пассажиры набились плотно, и эта спрессованность, обнадеживающее осознание, что сквозь людскую массу не пробиться никаким сквознякам и дуновениям, меня слегка успокоили. Когда состав прибыл на

«Лестер-сквер», я уже не тревожился ни о чем, кроме того, что катастрофически опаздываю.

Десять минут восьмого. Еще не все потеряно, однако на счету каждая секунда. Хорошо хоть билеты у Кэт! Если повезет, как раз подойдут Эллиот с Сарой, и они втроем скоротают время за обменом приветствиями.

«А вдруг Старикан передумает, — мелькнула неожиданная мысль, — и тоже решит прийти? Может, вчера он не с той ноги встал, и сегодня все окажется как прежде…»

Поезд остановился. Я галопом промчался по переходу, взлетел по эскалатору и выскочил на Шафтсбери. Лил дождь, но мне уже было не до него.

— Том! Том! — послышался сзади запыхавшийся голос.

Я повернул голову. Меня догоняла отчаянно размахивающая руками Сара.

— Ты что, оглох? — выдохнула она, поравнявшись. — Я тебе от самого метро кричу!

Саре тоже пришлось побегать. Волосы растрепались, длинный шарф размотался до самой земли.

— Я знаю, что мы опаздываем, — хватая меня под руку, проговорила она. — Но мне надо отдышаться. Ты ведь не из этих чокнутых, которые на старости лет решили заделаться марафонцами?

— Нет, — заверил я, отходя к витрине, чтобы не мешаться на проходе.

— Эллиот постоянно твердит, что надо купить степлер. — Она сняла болтающийся шарф и небрежно обернула вокруг шеи. — А у меня так абсолютно никакого желания издеваться над собой.

Кэт ошиблась. Никого у Сары нет. Радар дал осечку, и она все поняла неправильно.

Наверное, я пялился слишком бесцеремонно, потому что Сара обиженно провела рукой по волосам.

— Ну да, чучело чучелом… — Она раскрыла зонтик. — Так. Сильно опаздываем?

— Успеем. — Взяв ее под руку, я направился к «Лирику». — А где Эллиот?

— Должен ждать у театра. Кэт нашла свой сервиз?

— Не знаю. Мы с утра не виделись.

— Ой, вон же она! — Сара приветственно замахала рукой.

Кэт стояла перед входом, у забрызганной таблички с надписью «На сегодняшний спектакль все билеты проданы». Совсем окоченела, бедная.

— Что же ты внутрь не ушла, дождь ведь? — пожурил я, придерживая дверь в вестибюль.

— А мы столкнулись на выходе из метро, — разматывая шарф, поведала Сара. — То есть это я углядела Тома. Едва докричалась… Эллиота, что, нет еще?

— Нет.

— Они с мистером Эверсом заходили после обеда. Ничего не вышло, так что при нем эту тему не поднимайте. Миссис Эверс хотела скупить всю сувенирную лавку, а потом мы не могли поймать такси. Такое впечатление, что в Кью их в принципе не водится. Пришлось на метро, а там ведь до станции шлепать и шлепать. — Сара пригладила волосы. — Меня насквозь продуло.

— А ты не на «Эмбанкменте» пересаживалась? — поинтересовался я, пытаясь вспомнить, по какой ветке расположена «Кью-Гарденс». Может, Сара тоже почувствовала вихрь? — Тебя на платформе Бейкерлоо не было?

— Не помню, — нетерпеливо отмахнулась Сара. — Это что, название линии, на которой «Кью»? Ты же у нас специалист по метро…

— Давайте я пальто сдам, — поспешно предложил я. Сара вручила мне свое, запихав длиннющий шарф в рукав, а Кэт покачала головой.

— Холодно.

— Надо было тебе внутри подождать, — посетовал я.

— Надо?

Я поглядел на нее с удивлением. Злится на меня за опоздание? С чего бы? У нас еще целых пятнадцать минут, и Эллиота нет как нет.

— Ты че… — начал я, но тут вмешалась Сара:

— Нашла свой фарфор?

— Не нашла, — буркнула Кэт, еще не остыв. — Сгинул без следа.

— А в «Селфриджес»?

Я сдал в гардероб Сарино пальто. Тут и Эллиот подоспел.

— Простите, что опоздал. — Извинившись, он моментально переключился на меня. — Ты чего сегодня утром…

— Все опоздали, — перебил я. — Кроме Кэт — к счастью, потому что билеты были у нее. Ты их не забыла?

Кэт, кивнув, полезла в сумочку. Билеты она вручила мне, и мы пошли в зал.

— По проходу вниз и направо, — показала билетер. — Третий ряд.

— Что, никуда не надо карабкаться? — удивился Эллиот. — Никаких восхождений в этот раз?

— Никаких альпенштоков, никаких ледорубов, и даже без биноклей, — заверил я.

— Не может быть! Ох, боюсь, оплошаю с непривычки.

Я задержался купить программку. Пока мы с Эллиотом дошли до третьего ряда, Кэт с Сарой уже успели сесть.

— Ну надо же! — восхищался Эллиот, пробираясь к нашим местам. — Отсюда все видно, кто бы мог подумать.

— Тебя пустить к Саре? — предложил я.

— Ни за что! — отшутился Эллиот. — Не хочу получить от нее программкой по руке, когда буду пялиться на кордебалет.

— Вряд ли здесь будет кордебалет.

— Кэт, а о чем спектакль? — спохватился Эллиот. Она перегнулась через Сару.

— Хейли Миллс в главной роли.

— Хейли Миллс… — мечтательно протянул он, откидываясь назад и складывая руки за головой. — Я от нее балдел, когда мне было десять. Очень сексапильная. Особенно этот ее танец в «Пока, пташка!»

— Ты путаешь с Энн-Маргарет, склеротик! — Сара, перегнувшись через меня, шлепнула Эллиота программкой. — А Хейли Миллс играла в том фильме про девочку, которая во всем видит только хорошее, — как он назывался?

Я бросил удивленный взгляд на Кэт, недоумевая, почему она, ярая поклонница Хейли Миллс, не спешит подсказать. Она сидела набросив на плечи пальто и стиснув зубы от холода.

— Да знаешь ты Хейли Миллс, — не сдавалась Сара. — Она играла в «Огненных деревьях Тики».

Эллиот кивнул.

— Меня всегда восхищала ее грудь. Или я путаю с Аннет?

— Кажется, это не такой спектакль, — предупредила Сара. Нет, это был не такой спектакль. Все застегнуты наглухо, включая Хейли Миллс, закутанную в мешковатое пальто.

— Прости, что опоздала, дорогой, — извинилась она, выпутываясь из пальто, и в свитере с высоким воротом прошествовала к бутафорскому камину. — Там так холодно. И воздух какой-то странный.

— «Пронзил мне сердце ветерок из той страны далекой»,[3] — процитировал актер, играющий ее мужа, и Эллиот, наклонившись, прошептал: — О боже, это же пьеса.

---

[3] Пер. А. Лукьянова.

Остаток реплики мужа я пропустил, но, судя по всему, он спрашивал, почему Хейли опоздала.

— Помощница порезала руку, — объясняла она тем временем, — пришлось везти ее в больницу. Пока зашили…

Больница. Как я не подумал! Наверняка больничные морги во время «блица» переполнились под завязку. Есть ли больницы рядом с «Холборном»? Надо будет узнать у Эллиота в антракте.

Из раздумий меня вырвал внезапный гром аплодисментов. Сцена потемнела. Все пропустил. Когда действие продолжилось, я пообещал себе не отвлекаться, чтобы в антракте уж совсем за идиота не сойти.

— Ветер крепчает, — заметила Хейли Миллс, глядя в нарисованное окно.

— Скоро грянет буря, — подхватил мужчина, оказавшийся ей совсем не мужем.

— Этого я и боюсь… — зябко потирая плечи, призналась она. — Дерек, а вдруг он о нас узнает?

Я украдкой скользнул взглядом мимо Сары к Кэт, но не смог рассмотреть ее лица в темноте. Она явно не знала, о чем пьеса, иначе бы никогда такую не выбрала.

Однако Хейли вела себя совсем иначе, чем Сара: курила одну сигарету за другой, нервно мерила шагами комнату, бросила телефонную трубку при виде супруга и выглядела такой виноватой, что ни у кого даже сомнений не осталось бы — тем более у мужа.

У Эллиота не осталось точно.

— Этот муж — полный чурбан, — заключил он, как только опустился занавес после первого действия. — Ежу понятно, что у нее любовник. Почему в пьесах все настолько далеко от реальности?

— Наверное, потому, что в реальности не всем удается выглядеть как Хейли Миллс? — предположила Кэт. — Она замечательно сохранилась, да, Сара? Все такая же молодая.

— Издеваешься? — не отступался Эллиот. — Да, я понимаю, многие закрывают глаза на любовные шашни своей половины, но…

— Мне надо в уборную, — объявила Кэт. — Там, небось, жуткая очередь. Сара, пойдем со мной, расскажу тебе печальную повесть о моем сервизе. — Они протиснулись мимо нас.

— Возьмите нам по бокалу белого вина, — обернувшись, крикнула Сара. У нас с Эллиотом ушло десять минут на то, чтобы пробраться к бару, и еще пять мы провели в очереди. Сара и Кэт не возвращались.

— Где ты был весь день? — поинтересовался Эллиот, отпивая вино из Сариного бокала. — Я тебя искал за обедом.

— Кое-что пытался выяснить. Скажи мне, станция метро «Холборн», она где, в Блумсбери?

— Наверное. Я на метро не езжу.

— Там поблизости больниц нет?

— Больниц? — озадаченно протянул он. — Не знаю. Вряд ли.

— А церквей?

— Понятия не имею. Это все к чему?

— Тебе не доводилось слышать про инверсионный слой? Воздух попадает…

— Кончится когда-нибудь это форменное безобразие в женских туалетах? — возмутилась вернувшаяся Сара, выхватывая у Эллиота бокал и отпивая глоток вина. — Я уж думала, мы все третье действие там простоим.

— А что, это мысль! — обрадовался Эллиот. — Не хочу уподобляться Старикану, но, честное слово, спектакли пошли один другого хуже. Ну кто поверит, будто муж Хейли Миллс такой недоумок — в упор не видит, что у жены роман с этим… другим… как его?

— «Поллианна», — вклинилась Кэт. — Я все вспоминала, вспоминала, полспектакля не могла вспомнить. Это про ту девочку, которая во всем видела только хорошее.

— Сара, — спросил я, — рядом с «Холборном» есть больницы?

— Детская, на Грейт-Ормонд-стрит. Та самая, которой Джеймс Барри завещал все

доходы. А что?

Больница на Грейт-Ормонд-стрит. Вот оно. Ее использовали под временный морг, и воздух…

— Все настолько очевидно! — Эллиоту не давала покоя тема супружеской неверности. — Как она оправдывается, объясняя, где была…

— Ведь замечательно же выглядит, правда? — повторила Кэт. — Как думаете, сколько ей сейчас? На вид совсем молодая!

Звонок возвестил конец антракта.

— Пойдемте. — Кэт поставила бокал на столик. — Не хочу опять пробираться по ногам.

Сара залпом допила вино, и мы пошли по проходу. Все равно опоздали. Зрителям в начале ряда пришлось подниматься, чтобы нас пропустить.

— Но согласитесь, — опускаясь в кресло, продолжал доказывать Эллиот, — что любой человек в здравом уме…

— Тс-с-с! — зашипела Кэт, перегнувшись через меня и Сару. — Уже свет гасят.

В зале потемнело, и я почувствовал странное облегчение, будто нам только что удалось избежать катастрофы. Занавес поехал вверх.

— И все равно! — театральным шепотом возвестил Эллиот. — Невозможно до такой степени оглохнуть и ослепнуть, если жена буквально тычет тебе в нос своим романом.

— Почему? — откликнулась Сара. — Ты же смог. И на сцену вышла Хейли Миллс.

В темноте Эллиот как ни в чем не бывало аплодировал вместе со всеми. Наверное, подумал, что ему показалось, как мне насчет ветра в метро — когда все происходит слишком быстро и не знаешь, что было на самом деле, а что нет. Он решит, что ему послышалось, перегнется через меня и спросит:

— В каком смысле? У тебя, что, роман? А Сара прошепчет:

— Конечно, нет, глупый! Я хотела сказать, что ты никогда ничего не замечаешь.

И катастрофы не будет, ничего не случится…

— Кто он? — потребовал Эллиот.

Его вопрос прозвучал в паузе между репликами Хейли Миллс и ее мужа, и мужчина в переднем ряду сердито обернулся.

— Кто он? — Эллиот повысил голос. — С кем утебя роман?

— Не надо… — сдавленным голосом попросила Кэт.

— Да, ты права. — Эллиот встал. — Какая, к черту, разница? — И он, по ногам сидящих, выбрался в проход.

Сара посидела минуту, показавшуюся мне бесконечной, потом кинулась следом, по дороге споткнувшись о мою ногу и чуть не упав.

Я посмотрел на Кэт, раздумывая, догонять ли Сару. Все-таки у меня номерок на ее пальто с шарфом. Кэт, зябко закутавшись в пальто, оцепенела, глядя на сцену.

— Так дальше нельзя, — произнесла Хейли Миллс, которая вдруг стала выглядеть точно на свой возраст, но отважно продолжила диалог. — Давай разведемся.

Кэт встала и протолкалась мимо меня, а я последовал за ней, бормоча на ходу «простите» и «извините».

— Все кончено, — возвестила Хейли со сцены. — Неужели сам не видишь?

Кэт я догнал только в вестибюле, почти у самого выхода.

— Подожди! — Я ухватил ее за руку. — Кэт, постой! Побледнев и стиснув зубы, она пролетела в стеклянные двери, глядя перед собой невидящим взглядом, и только на тротуаре остановилась в растерянности.

— Сейчас поймаю такси, — пообещал я, и тут же мелькнуло: «По крайней мере, не придется отвоевывать его у остальных театралов».

Как бы не так! Закончился спектакль в «Аполло», на улицу высыпали зрители, разъезжавшиеся после «Мисс Сайгон» и бог знает чего еще. По обочинам столпились

свистящие и машущие претенденты на такси.

— Подожди здесь! — Я потянул Кэт обратно под навес «Лирика», а сам ринулся, вытянув руку, в людскую гущу. Такси свернуло к обочине, однако всего лишь затем, чтобы обогнуть группку перебегающих дорогу с газетами над головой. Водитель, высунув руку, ткнул пальцем в светящуюся надпись «занято» на крыше.

Я шагнул на проезжую часть, высматривая в потоке свободное такси, но тут же отпрыгнул, уворачиваясь от веера брызг из-под колес промчавшегося мимо мотоцикла.

Кэт потянула меня за полу пиджака.

— Бесполезно. Только что кончился «Призрак оперы». Такси не достать.

— Тогда дойду до какой-нибудь гостиницы, — решил я, — и попрошу швейцара, пусть вызовет. Подожди здесь.

— Нет, не надо. Доедем на метро. «Пикадилли-Серкус» же рядом, да?

— В двух шагах. — Я показал рукой.

Она кивнула и подняла над головой сумочку, безуспешно пытаясь спасти прическу от дождя. Мы выскочили из-под навеса на тротуар, прошмыгнули сквозь толпу и нырнули в недра «Пикадилли-Серкус».

— Здесь хотя бы сухо, — подбодрил я, выуживая из кармана мелочь на билет.

Кэт снова кивнула, отряхивая подол пальто.

У автоматов оказалась давка, а у турникетов еще бóльшая. Я передал Кэт талончик, и она осторожно сунула его в щель, поспешно отдергивая руку, пока турникет не засосал ее вместе с билетом.

Эскалаторы на спуск не работали, пришлось топать пешком. Двое наголо бритых прыщавых панков проскочили мимо, расталкивая всех локтями и грязно ругаясь.

Внизу под схемой метро растеклась мерзкого вида лужа.

— Нам на линию Пикадилли. — Я взял Кэт под руку и вывел по переходу на переполненную платформу. Цифровое табло сообщало, что до следующего поезда «2 минуты».

В это время подошел состав с противоположной стороны, и хлынувшая на станцию толпа вынесла нас вперед. Кэт сжалась, не сводя глаз с ограничительной линии вдоль края платформы, а я подумал: «Для полного счастья только какой-нибудь крысы не хватает. Или поножовщины».

Прибыл наш поезд, мы втиснулись внутрь и встали рядом, зажатые, как сардины в банке.

— Через пару остановок поредеет, — пообещал я. Кэт кивнула. Вид у нее был оглушенный, как после контузии.

Вот так же и Эллиот, невидящим взглядом уставившись на сцену, спрашивал глухим голосом: «С кем у тебя роман?», а потом вслепую карабкался вдоль ряда, натыкаясь на колени и ноги, как будто оглушенный порывом мертвящего едкого ветра. Еще минуту назад все было прекрасно, он пил вино и разглагольствовал о Хейли Миллс, и вдруг хлоп! — взрывом бомбы мир разносит на осколки, и жизнь лежит в руинах.

— «Грин-парк»! — объявил динамик. В открывшиеся двери впихнулись новые пассажиры.

— Эй ты, не балуй! — Женщина со спутанными свалявшимися волосами погрозила Кэт пальцем, тыча ей посиневшим ногтем чуть ли не в нос. — Смотри у меня!

— Ну хватит! — Я загородил Кэт собой. — На следующей же выходим. — Обвив ее рукой за талию, я начал проталкиваться к дверям.

— «Гайд-парк-Корнер» — донеслось из динамика.

Мы вышли, двери с шелестом съехались, и поезд начал набирать ход.

— Поднимемся и поймаем такси, — проговорил я с горечью. — Ты была права. Метро катится в тартарары.

«И мы все туда же, — в сердцах подумал я, увлекая Кэт за собой по пустому переходу. — Сара, Эллиот, Лондон, Хейли Миллс. Всё и вся! Старикан, Риджент-стрит, и мы

с Кэт».

Встречный ветер ударил прямо в лицо. Не от нашего поезда, откуда-то спереди, из перехода. Еще хуже, стократ хуже, чем прежде. Я попятился к стене, согнувшись пополам, как будто мне дали под дых. Беда, смерть и опустошение.

Держась за живот, я попытался выпрямиться, хватая ртом воздух. Кэт распласталась по противоположной стене, прижав ладони к кафельной плитке, побледневшая и осунувшаяся.

— Ты почувствовала! — Я испытал невыразимое облегчение.

— Да.

Ну конечно же! Это ведь Кэт, с ее гиперчувствительностью, догадавшаяся про любовный роман Сары и про то, что Старикан постарел. Надо было сразу бежать к ней, тащить ее в метро и просить покараулить со мной в переходах.

— Никто больше не чувствует. Я уж думал, с ума схожу.

— Нет. — Что-то в ее голосе, в том, как она съежилась, прижимаясь к зеленому кафелю, подсказало мне то, о чем я давно уже должен был догадаться.

— Ты и в первый приезд чувствовала, — с изумлением проговорил я. — Поэтому ты ненавидишь метро. Из-за вихрей.

Она кивнула.

— Поэтому ты хотела поехать в «Харродс» на такси. Что же ты сразу не сказала?

— Такси нам было не по карману. А ты ветра не чувствовал.

Ничего я не чувствовал: ни явное нежелание Кэт спускаться в метро, ни то, как она отшатывается от приближающихся поездов. «Кэт боялась очередного вихря», — понял я, вспомнив, как она нервно вглядывалась в зияющий тоннель. Ждала, что вот-вот ее оглушит снова.

— Надо было сказать. Я бы помог тебе выяснить, что это за вихри, и страх бы ушел.

Кэт подняла голову.

— Что это за вихри? — механическим эхом повторила она.

— Да. Я вычислил, отчего они возникают. Во всем виноват инверсионный слой. Воздух попадает в ловушку и не находит выхода. Получается что-то вроде газовых мешков в шахтах. Он застаивается тут на годы, — объяснял я, вне себя от радости, что могу изложить свои мысли, поделиться с Кэт. — Во время «блица» станции метро использовались как бомбоубежища, — увлеченно продолжал я. — В «Балам» попала бомба, и в «Чаринг-Кросс» тоже. Поэтому ветер там пахнет дымом и кордитом. Это были фугасы. А на «Марбл-Арч» людей поранило разлетающимися осколками кафеля. То, что мы чувствуем — отголоски тех событий. Ветры из прошлого. Не знаю, откуда взялся конкретно этот. Может, тоннель обвалился, а может, «Фау-2»… — я умолк.

Кэт смотрела на меня таким же взглядом, как тогда, в гостинице, когда поведала, что у Сары любовник.

Я в ответ уставился на нее.

— Ты знаешь, откуда берутся вихри, — наконец заключил я. Конечно, знает: Это же Кэт, она все знает. Кэт, у которой было двадцать лет на раздумья.

— Откуда они, Кэт?

— Не… — начала она, глядя в глубь перехода, будто надеясь, что сейчас оттуда хлынет поток пассажиров, отрежет нас друг от друга, и ей не придется договаривать. Но в переходе было пусто, и даже воздух, казалось, застыл.

— Кэт?

Она сделала глубокий вдох.

— Это то, что будет.

— Будет? — в недоумении переспросил я.

— Что нас ждет. — В ее голосе послышалась горечь. — Разводы, смерть, развал. Конец всему.

— Нет, не может быть. «Марбл-Арч» перенесла прямое попадание. И «Чаринг-Кросс»…

Но ведь это Кэт, она всегда права. Что если пахло не дымом, а страхом, не пеплом, а отчаянием? А формальдегид — это не трупный смрад временного морга, а запах самой смерти, мраморной арки, которая ждет нас всех? Неудивительно, что у Кэт возникли ассоциации с кладбищем.

Что если эти прямые попадания, осколки шрапнели, косящие молодость, брак и счастье, — это не «Фау-2», а смерть, опустошение и упадок?

Все вихри как один несли запах смерти, а ведь смерть — это не только война. Вот, например, Хари Шринивасау. И паб, где подавали отменную рыбу с картошкой.

— Но все станции, где возникает ветер, бомбили в войну. А на «Чаринг-Кросс» пахло водой и грязью. Это точно отголоски «блица».

Кэт покачала головой.

— Я их чувствовала и в Сан-Франциско.

— В подземке? Но это же Сан-Франциско. Там могло быть землетрясение. Или пожар.

— И в вашингтонском метро. И даже дома, посреди Мейн-стрит, — не поднимая глаз, продолжила Кэт. — Наверное, ты прав насчет инверсионного слоя. Он не дает им выхода, они скапливаются, набирают силу, делаются еще…

Она запнулась, видимо, не в силах произнести «смертельнее».

— Ощутимее, — закончила она.

А я не замечал. Никто не замечал, кроме Кэт, которая замечала все и всегда.

И кроме стариков… Вспомнились ссутулившийся негр на платформе в «Холборне», седая женщина в «Южном Кенсингтоне», что сжимала воротник у горла морщинистой рукой в голубых прожилках. Старики чувствуют этот ветер постоянно. Поэтому и ходят согнувшись чуть ли не вдвое, ведь он все время дует им в лицо.

Или не спускаются в метро вообще. Я вспомнил, как Старикан цедил: «Ненавижу подземку!» Старикан, который весело гонял нас на метро по всему Лондону, с «Бейкер-стрит» до «Тауэр-Хилл», по эскалаторам вверх, по лестницам вниз, рассказывая истории на ходу. А Вчера, передернувшись, заявил: «Жуткое место. Грязь, вонь, сквозняки». Сквозняки…

Он чувствовал ветер, и миссис Хьюз тоже. «Я туда больше не спускаюсь», — сказала она за ужином. Не «я больше не езжу на метро», а «не спускаюсь». Виной тому не лестницы и длинные переходы. Все дело в вихрях, дышащих разлукой, утратой и горем.

Наверное, Кэт права. Это ветры смерти. Что еще может дуть с таким постоянством и неизбежностью в лицо старикам и никому кроме?

Но тогда почему я почувствовал? Может, конференция тоже стала своего рода инверсионным слоем, столкнувшим меня лицом к лицу со старыми знакомыми и местами юности?

Рак, «Гэп», Старикан, брюзжащий насчет новомодных спектаклей и чересчур острой еды. Меня ткнули носом в смерть, старость и перемены.

А еще время, которое постоянно поджимает, заставляя нестись по эскалаторам и переходам, работая локтями в толпе, чтобы успеть на уходящий поезд. Паника: «Вдруг это последний?» — «Двери закрываются».

Я вспомнил, как Сара, взлохмаченная, раскрасневшаяся, выбегала из «Пикадилли», и как потом пробиралась, задевая за мои колени, по ряду в театре. Отчаявшаяся и затравленная.

— Сара тоже чувствовала, — понял я.

— Правда? — без выражения откликнулась Кэт.

Она прижималась к стене, съежившись в ожидании следующего вихря.

Как же странно… Стольких людей укрыла во время «блица» эта станция, этот вот переход. А мы подверглись налетам, от которых убежища нет.

В какой поезд ни сядь, на какую ветку ни перейди, все идут в одну сторону. Мраморная арка. Конечная.

— Что же делать?

Кэт не ответила. Она не поднимала глаз, будто читая невидимую надпись «Держитесь дальше от края платформы» на полу. Держитесь дальше от края.

— Не знаю, — наконец произнесла она.

А какого ответа я, собственно, ожидал? Что, пока мы вместе, все не так страшно? Что любовь побеждает все? Ведь в том-то и дело, что нет. Ей не победить разводы, болезни и смерть. Иначе как же Милфорд Хьюз-старший? И дочка Даниеля Дрекера?

— Ни в одном магазине в Челси не нашлось моего сервиза, — глухо проговорила Кэт. — Мне и в голову не приходило, что его могут снять с производства. Я все эти годы… у меня и в мыслях не было, что он пропадет. — Ее голос дрогнул. — Такой красивый рисунок…

А Старикан заряжал всех своей кипучей энергией, паб не знал отбоя от посетителей, и у Сары с Эллиотом была крепкая семья. И никого это не спасло. Разводы, разруха и гибель.

Как бороться? Застегнуться на все пуговицы? Ездить исключительно поверху?

Но ведь и там не спасешься. Проживать день за днем, зная, что двери закрываются и все летит к чертям. Все, что ты когда-то обожал, любил или хотя бы считал симпатичным, разлетится на клочки, развеется пеплом и канет в никуда. «Унесенные ветром», — вспомнил я женщину в вагоне.

— Что? — переспросила Кэт тем же глухим, безнадежным голосом.

— Книга, — пояснил я с грустью. — «Унесенные ветром». Ее читала женщина в вагоне по дороге к «Баламу». Я караулил вихри, пытался выяснить, правда ли они возникают на тех станциях, куда угодили бомбы «блица».

— Ты был в «Баламе»? — встрепенулась она. — Сегодня?

— И на «Блэкфрайарс». И на «Эмбанкмент». И «Элефант энд Касл». Съездил в Музей транспорта узнать, какие станции пострадали от бомб, а потом на «Монумент» и «Балам», караулить вихри. — Я покачал головой. — Весь день туда-сюда, пытался вычислить закономерность… что такое?

Кэт, сморщившись, как от боли, прикрывала рот рукой.

— Что случилось?

— Сара сегодня опять со мной не поехала. Позвонила сразу после твоего ухода. Я подумала, может, пообедаем вместе. — Она кинула быстрый взгляд на меня. — Никто не знал, где ты.

— Я же не мог всем объяснять, что гоняюсь по Лондону за вихрями, которые больше никто не ощущает.

— Эллиот признался, что ты и накануне исчезал, — продолжила она. Я по-прежнему не понимал, к чему она клонит. — Они с Артуром приглашали тебя обедать, ждали, но ты куда-то запропастился.

— Я вернулся на «Холборн», выяснял, откуда берутся вихри. А потом доехал до «Марбл-Арч».

— Сара жаловалась, что им с Эллиотом надо Эверса с женой катать по городу, а те хотят в Ботанический сад, в Кыо-Гарденс.

— С Эллиотом? Ты же сказала, он был на конференции?

— Был. А Сара — по его словам — вдруг вспомнила, что ей назначено к врачу. Ты потерялся с концами. И потом, у театра вы с Сарой…

Примчались под руку, опаздывая, запыхавшиеся, а Сара еще и раскрасневшаяся. А накануне я соврал про обед и про дневное заседание. Соврал Кэт, которая моментально чует ложь и беду.

— Ты решила, что у Сары роман со мной? Она кивнула в оцепенении.

— Ты решила, что я кручу с Сарой? Как тебе такое в голову могло прийти? Я же люблю тебя!

— А Сара любила Эллиота. Люди изменяют друг другу, расстаются. Все…

— …рушится, — пробормотал я.

А потом горе носится в воздухе, не находя выхода из подземной темницы, вырождаясь

в чистую смерть, опустошение и гибель.

Кэт ошиблась. Все-таки это «блиц», И девушка, плакавшая в вагоне, и ссорящиеся супруги-американцы. Размолвки, горе, отчаяние. Наверное, страхи Кэт и наши с ней теперешние переживания тоже останутся в воздухе и понесутся по тоннелям, путям и переходам метро, чтобы выплеснуться на какого-нибудь бедолагу туриста через неделю. Или через полвека

Я посмотрел на Кэт, застывшую в невероятной дали у противоположной стены.

— У меня нет романа с Сарой.

Кэт обмякла, прислонившись спиной к кафелю, и заплакала.

— Я люблю тебя! — сказал я и, преодолев разделяющий нас коридор одним шагом, прижал ее к себе. На миг мир стал прежним. Мы вместе и в безопасности. Любовь побеждает все.

До следующего вихря — что в нем будет? Результаты рентгена, полуночный звонок, хирург, не решающийся сообщить плохие новости? А мы вот они, стоим в переходе метро, открытом всем ветрам.

— Пойдем! — Я взял Кэт за руку. Уберечь ее от вихрей не в моих силах, зато я могу вывести ее наружу. Из-под инверсионного слоя. На несколько лет. Или месяцев. Или минут.

— Куда мы? — спросила она, когда я потащил ее за собой.

— Наверх. В город.

— До гостиницы ехать и ехать.

— Поймаем такси. — Я вел ее вверх по лестнице, за угол, прислушиваясь к шуму приближающегося поезда, к металлическому голосу, призывающему быть внимательнее на краю платформы.

— Теперь только на такси, — пообещал я.

Еще переход, еще ступеньки, только не бежать, не торопиться — как будто спешка может вызвать вихрь. Через арку на эскалаторы. Еще чуть-чуть. Минута, и будем на эскалаторе, он вывезет нас из-под инверсионного слоя. Подальше от ветра. От непосредственной опасности.

Из противоположного перехода — с Кольцевой — высыпала группка пассажиров, оживленно чирикающих по-французски. Подростки на каникулах, с неподъемными рюкзаками и широченным чемоданом на колесиках, не пролезающим на ступеньки. Они столпились у подножия эскалатора и загородили проход, выясняя по карманным схемам, куда им дальше.

— Позвольте! — Я попытался пройти. — Pardonnez moi! — Они подняли головы, но, вместо того чтобы дать дорогу, полезли на эскалатор, впихивая громадный чемодан между резиновыми поручнями вовсю ширину ступеньки. Теперь мимо них точно не протиснуться.

Из перехода на линию Пикадилли донесся приглушенный грохот поезда.

Французы наконец водрузили свой чемоданище на эскалатор, я подтолкнул Кэт на нижнюю ступеньку и встал наследующую.

Давай же! Наверх! Мимо афиш «На исходе дня», «Пэтси Клайн навеки» и «Смерти коммивояжера». Внизу нарастал и приближался грохот поезда.

— А что если нам плюнуть и не ехать в гостиницу? До Мраморной арки рукой подать, — перекрикивая грохот, предложил я. — Заглянем в «Королевскую плесень» и узнаем, нет ли у них свободной койки.

Давай же, давай. Вперед, наверх. «Король Лир». «Мышеловка».

— А если ее там нет? — Кэт вглядывалась в бездну за моей спиной. Мы поднялись уже этажа на три. Грохот поезда доносился Тихим рокотом, едва различимым за смехом подростков и глухим шумом вестибюля в вышине.

— Стоит, куда ей деться! — убежденно заверил я. Вперед, вперед, еще выше.

— Будет совсем как тогда. Крутые лестницы, запах плесени и гнилой капусты. Живые, настоящие запахи.

— Ох, нет! — Кэт показала на противоположный эскалатор, внезапно наводнившийся

нарядными людьми, отряхивающими дождевые капли с шуб и театральных программок. — «Кошки» закончились. Такси теперь не достать.

— Пойдем пешком.

— Там же дождь, — напомнила Кэт.

Лучше дождь, чем ветер. Давай, еще выше, еще чуть-чуть.

Мы почти приехали. Подростки взваливали рюкзаки на плечи. Дойдем до ближайшего телефона и вызовем такси. А потом? Не высовываться. Избегать сквозняков. Превратиться в Стариканов.

«Не выйдет», — мрачно подумал я. Вихри повсюду. И все же я должен уберечь от них Кэт. За двадцать лет не смог, так хоть теперь оградить ее от их смертельного дыхания.

Три ступеньки до верха. Французы дергали чемодан, покрикивая: «Allons! Allons! Vite! Шевелись, быстрее!»

Я оглянулся, пытаясь расслышать за их воплями шум поезда. И увидел, как ветер взметнул седые волосы женщины, шагнувшей на первую ступеньку эскалатора на спуск. Она пригнулась, втягивая голову в плечи от налетевшего сверху вихря. Сверху! Ветер пригладил челки ничего не заметивших юнцов, задрал им воротники и полы рубашек.

— Кэт! — Я потянулся к ней, вцепившись в резиновый поручень, будто силясь остановить его, не дать ему вынести нас наверх, в объятия вихря.

Я схватил Кэт за локоть. Она пошатнулась и, потеряв равновесие, почти упала на меня. Я развернул ее лицом к себе, прижал к груди, обвил руками — но было поздно.

— Я люблю тебя, — произнесла она, как будто в последний раз.

— Не надо… — начал я, но ветер уже налетел, неумолимый и лихой. От его порыва волосы Кэт прилипли к щекам, нас чуть не сдуло со ступеньки, а запах тут же шибанул мне в нос. Я задохнулся от изумления.

Старушка на соседнем эскалаторе застыла в проходе, запрокинув голову и закрыв глаза. Сзади скопилась пробка, люди раздраженно бормотали: «Простите!» и «Можно пройти?» Она не слышала. Запрокинув голову, она блаженно втягивала в себя воздух.

— Ой! — Кэт тоже запрокинула голову.

Я сделал глубокий вдох. Аромат сирени, дождя и радостного ожидания. Сменяющие друг друга из года в год туристы с путеводителем «Лондон за сорок долларов в день» и молодожены, держащиеся за руки на платформе. Эллиот с Сарой и мы с Кэт, выскакивающие из поезда и со смехом несущиеся за Стариканом по зовущим вдаль переходам к линии Дистрикт и Тауэру. Аромат весны, легкости на подъем и столького впереди.

Он затерялся в изгибах тоннелей вместе с отчаянием, ужасом и горем. Пропал в лабиринте переходов, лестниц и платформ, пойманный в ловушку и усиленный инверсионным слоем.

Мы стояли наверху.

— Можно пройти? — раздался мужской голос сзади.

— Мы отыщем твой сервиз, Кэт, — пообещал я. — На Портобелло-Роуд есть блошиный рынок, а уж там найдется все, что только душе угодно.

— Туда идет метро? — спросила она.

— Простите! — порывался пройти мужчина. — Дорогу, пожалуйста!

— «Лэндброук-Гроув». Ветка Хаммерсмит энд Сити. — Я наклонился поцеловать жену.

— Вы загораживаете проход, — возмутился мужчина. — Вас же не обойти.

— Мы улучшаем атмосферу, — ответил я и снова поцеловал Кэт.

Застыв еще на мгновение, мы вдохнули его полной грудью — аромат листвы, сирени и любви.

А потом перешли на соседний эскалатор и, держась за руки, спустились на платформу в восточном направлении, чтобы сесть на поезд до Мраморной арки.

ПОСИНЕВШАЯ ЛУНА[4]

> СООБЩЕНИЕ ДЛЯ ПРЕССЫ: «Сегодня компания «Мауэн кемикал» объявила о завершении монтажа принципиально новой установки для выброса отходов, разработанной в чагуотерской экспериментальной лаборатории штата Вайоминг. По словам руководителей проекта Брэдли Макаффи и Линн Сандерс, эта установка будет с силой выбрасывать непереработанные углеводороды в верхние слои стратосферы, где они подвергнутся фотохимическому разложению при участии трехатомных аллотропных соединений, с последующим выпадением двууглекислой соды, способной нейтрализовать кислотные дожди. Согласно предварительным исследованиям, можно ожидать значительного увеличения мощности озонового слоя без заметного нарушения равновесия земной биосферы».

— Как ты думаешь, стал бы Уолтер Хант изобретать английскую булавку, зная, что панки будут протыкать ею щеки? — спросил м-р Мауэн. Он мрачно смотрел в окно на возвышающиеся вдалеке шестисотфутовые трубы.

— Не знаю, мистер Мауэн, — со вздохом ответила Дженис. — Хотите, я скажу ребятам из отдела исследований, чтобы они подождали еще немного?

Вздох должен был означать: «Уже пятый час, темнеет, и вы трижды просили своих подчиненных подождать, и когда же вы наконец примете какое-нибудь решение?»

Но ее собеседник отмахнулся от этого немого вопроса.

— С другой стороны, — продолжал рассуждать он, — возьмем, к примеру, подгузники. Не будь английских булавок, младенцы без конца кололись бы обычными.

— Это поможет восстановить озоновый слой, мистер Мауэн, — напомнила Дженис. — И, по мнению отдела исследований, никаких вредных побочных эффектов не ожидается.

— Как просто: выбрасываешь облако углеводородов в стратосферу и не ждешь никаких вредных побочных эффектов! Отдел исследований в этом уверен, — пробормотал мистер Мауэн, поворачивая кресло так, чтобы оказаться лицом к Дженис. Он едва не уронил портрет своей дочери Салли, стоявший на столе. — Однажды я уколол Салли английской булавкой. Она вопила битый час. Так это как, вредный побочный эффект? А как насчет тех осадков, которые образуются при участии озона? Двууглекислый натрий, сообщает мне отдел исследований. Совершенно безвредная сода. Откуда они знают? Кого-нибудь из них когда-нибудь посыпали содой? Позвони им… — Не успел он закончить фразу, как Дженис схватила трубку и набрала номер. На этот раз она даже не вздохнула. — Попроси, чтобы они рассчитали, как могут подействовать эти щелочные дожди.

— Да, мистер Мауэн, — сказала Дженис. Она прижала трубку к уху и некоторое время молча слушала. Потом нерешительно произнесла: — Мистер Мауэн…

— Уверен, они доказывают, что эти дожди нейтрализуют серную кислоту, которая разрушает памятники архитектуры, а заодно дезодорируют воздух.

— Нет, сэр, — ответила Дженис. — Исследовательский отдел сообщает, что дифференциальная просушка уже началась и через несколько минут вы увидите, что произойдет. Они говорят, что больше ждать нельзя.

М-р Мауэн опять развернул свое кресло, чтобы посмотреть в окно. Портрет Салли задрожал, но выстоял, и м-р Мауэн подумал: приехала ли она уже из колледжа? Трубы пока бездействовали. Беспорядочное нагромождение закусочных и автостоянок скрывало основания этих гигантских «свечей». Именно там находились устройства для просушки. Вдруг у самого подножия труб вспыхнула неоновая вывеска «Макдоналдса», и м-р Мауэн подскочил от неожиданности. Сами трубы оставались тихими и темными, лишь тусклые сигнальные огоньки мигали на их верхушках. Президент компании разглядел вдалеке

---

[4] Blued Moon © Перевод. М.В. Гитт, 1997

заросшие полынью холмы, и весь пейзаж, за исключением макдоналдсовской вывески, показался ему неправдоподобно безмятежным и мирным.

— Они говорят, что устройства для просушки запущены на полную мощность, — продолжала Дженис, прижав трубку к груди.

М-р Мауэн приготовился к взрыву. Послышался глухой рокот, напоминавший шум далекого пожара, потом над трубами выросло облако белесого дыма, и наконец раздался громкий протяжный вздох, похожий на те, которые обычно издавала Дженис, — и два синих столба взметнулись прямо в темнеющее небо.

— Почему они синие? — поинтересовался м-р Мауэн.

— Я уже спрашивала, — ответила Дженис. — Исследователи объясняют это рассеиванием лучей видимого спектра, которое происходит из-за того, что возбуждается восьмой квантовый уровень атомов углерода…

— Слово в слово, как в этом дурацком пресс-релизе, — проворчал м-р Мауэн. — Попроси их выражаться по-английски.

Поговорив с минуту по телефону, секретарша сказала:

— Это тот же самый эффект, что вызывает потемнение при извержении вулкана. Рассеяние света. В исследовательском отделе хотят знать, кого из их группы вы хотите видеть на завтрашней пресс-конференции.

— Руководителей проекта, конечно, — раздраженно проворчал м-р Мауэн. — И еще кого-нибудь, кто умеет говорить по-английски.

Дженис заглянула в пресс-релиз:

— Руководители — Брэдли Макаффи и Линн Сандерс.

— Почему эта фамилия, Макаффи, кажется мне знакомой?

— Он живет в одной комнате с Ульриком Генри, лингвистом компании, которого вы наняли, чтобы…

— Я сам знаю, зачем я его нанял. Вот и этого Генри тоже пригласите. И передайте Салли, когда она приедет домой, что я надеюсь ее там застать. Скажите, чтобы она приоделась.

Президент «Мауэн кемикал» посмотрел на часы:

— Ну вот. Уже пять минут, и никаких вредных побочных эффектов.

Телефон зазвонил. М-р Мауэн вздрогнул и в ужасе уставился на аппарат.

— Я знал, что от добра добра не ищут! — воскликнул он. — Кто это? Департамент экологии?

— Нет. — Дженис вздохнула. — Это ваша бывшая жена.

— Все, с плеч долой, — потирая руки, воскликнул Брэд, когда Ульрик появился в дверях. В комнате было темно, только зеленоватый свет монитора падал на лицо Брэда. Он еще немного постучал по клавишам и повернулся. — Готово дельце. Славный перетрясец вышел.

Ульрик включил свет:

— О чем это ты? О проекте выброса отходов?

— Не-а. Эксперимент начался еще днем. Машина пашет, как кобыла пляшет. Нет, я битый час стирал имя моей невесты Линн из всех протоколов проекта.

— А Линн не против? — равнодушно спросил Ульрик. Он не совсем ясно представлял себе, кто такая эта Линн. Все невесты Брэда казались лингвисту на одно лицо.

— Да ей и невдомек. А когда она узнает, будет уже поздно. Она помчалась в Шайенн, чтобы поспеть на восточный рейс. Ее мамаше приспичило получить развод — застукала благоверного в рогодельной мастерской.

Что раздражало еще больше, чем испорченность Брэда, так это его поразительное везение. Ульрик понимал, что его сосед достаточно подл для того, чтобы воспользоваться непредвиденным семейным скандалом и выкинуть Линн из Чагуотера. И все же удачное стечение обстоятельств — то, что матери Линн именно сейчас вздумалось добиваться

развода, — было случайным. Брэду постоянно везло на такие счастливые совпадения. Иначе как бы три его невесты умудрились ни разу не встретиться друг с дружкой в тесных пределах Чагуотера и «Мауэн кемикал»?

— Линн? Это которая — рыжая программистка? — поинтересовался Ульрик.

— Не-а, ту зовут Сью. А Линн — маленькая блондиночка, которая здорово сечет в химической инженерии. Зато во всем прочем — полная простоплюха.

«Простоплюха», — мысленно повторил Ульрик. Нужно поразмыслить об этом слове на досуге. Вероятно, оно означает «некто настолько глупый, чтобы связаться с Брэдом Макаффи». Конечно, самому Ульрику прекрасно подходит это определение. Он ведь согласился делить комнату с Брэдом. Слишком был потрясен, когда его взяли на работу, чтобы попросить отдельное жилье.

Ульрик получил диплом языковеда, и все уверяли его, что эта бумажка в Вайоминге более чем бесполезна. В этом молодой специалист весьма скоро убедился. С горя он решил попытать счастья на производстве и подался в «Мауэн кемикал». И его наняли лингвистом компании, положив поистине удивительное жалованье, а с какой целью — он и сам толком не понимал, хотя просидел в Чагуотере уже больше трех месяцев. А вот что Ульрик понимал, так это то, что Брэд Макаффи был, выражаясь его собственным цветастым языком, шулером, надувалой и рогоделом. Он упорно торил дорожку к руке дочери босса, чтобы наложить лапу на «Мауэн кемикал». В кильватере оставались горы разбитых сердец молоденьких дурочек, которые, очевидно, полагали, что человек, произносящий слово «невеста» как «не веста», не может иметь их более одной зараз. И это тоже был любопытный лингвистический феномен.

Поначалу Ульрика тоже одурачили грубоватые манеры Брэда, которые, однако, шли вразрез с его выдающимися компьютерными способностями. Но однажды он проснулся пораньше и застиг Брэда за разработкой программы, которая называлась «Проект Салли».

— Я стану президентом «Мауэн кемикал» в два муравьиных скачка, — расхвастался Брэд. — А этот маленький планец-охмурянец — Моя Главная Программа. Как тебе это нравится?

Мнение Ульрика вряд ли можно было выразить цензурными словами. Брэд состряпал целую стратегию, чтобы подобраться к Салли Мауэн и произвести впечатление на ее отца, охмуряя подряд всех молодых женщин, занимавших ключевые посты в «Мауэн кемикал». Почти в самом конце этого сложного пути Ульрик заметил имя Линн.

— А что, если этот «проект» попадется на глаза самому Мауэну? — наконец спросил Ульрик.

— Черта с два. Я его засекретил так, что фомкой не вскроешь. Легче енотихе соблазнить скунса.

С тех пор Ульрик шесть раз писал заявление с просьбой дать ему отдельную комнату, и каждый раз оно возвращалось с резолюцией «Не полагается вследствие ограниченности жилищного комплекса». И это, как догадывался Ульрик, означало, что в Чагуотере нет свободных комнат. Отказы всегда исходили от секретарши м-ра Мауэна, в результате Ульрик начал подозревать, что его начальник все же прознал о «Проекте Салли» и специально нанял Ульрика, дабы помешать Брэду добиться начальниковой дочки.

— Согласно моему плану, настало время подъезжать к Салли, — заявил Брэд на сей раз. — Завтра на пресс-конференции. Я достаточно нарисовался в этом проекте по выбросу отходов, чтобы подмазаться к старику Мауэну. Салли будет там. Я заставил мою невесту Гейл из отдела рекламы пригласить ее.

— Я тоже собираюсь пойти, — хмуро сообщил Ульрик.

— Да ну, вот удача-то! — воскликнул Брэд. — Ты поможешь мне облапошить старушку Салли. Займешь ее, пока я буду обниматься с папенькой Мауэном. Кстати, не знаешь, как она выглядит?

— У меня нет ни малейшего желания облапошивать для тебя Салли Мауэн, — заявил Ульрик, в который раз недоумевая, где Брэд мог нахвататься таких выражений. Не раз он замечал, что Брэд смотрит по телевизору шоу Джуди Канова, но иные из его словечек не

могли происходить даже оттуда. Наверное, у него была компьютерная программа для их разведения. — Более того, я хочу напомнить тебе, что ты уже помолвлен не с одной девушкой.

— Ты, старик, полная простодавка, — проворчал Брэд. — А знаешь почему? Потому что у тебя нет собственной пташки. Вот что: выбери одну из моих, и я тебе ее охотно уступлю. Как насчет Сью?

Ульрик подошел К окну.

— Не нужна она мне, — буркнул он.

— Бьюсь об заклад, что ты даже не знаешь, которая из них Сью, — сказал Брэд.

«Ну и что», — подумал Ульрик. Они все как одна. Не моргнув глазом прощебечут «гидравлированный» вместо «водяной» или «микшированный» вместо «смешанный». Одна из них как-то попросила Брэда к телефону и, когда Ульрик сказал, что он на работе, пробормотала: «Простите. Мой менталитет что-то плохо функционирует нынче утром». Ульрик чувствовал себя так, как если бы жил в чужой стране.

— Какая разница? — зло спросил он. — Ни одна из них не говорит по-английски, и это, вероятно, объясняет, почему они так падки на твои предложения.

— А что, если я отыщу тебе девчушку, которая классно треплется по-английски, тогда ты поможешь мне закадрить Салли Мауэн? — спросил Брэд. Он повернулся к столу и яростно застучал по клавишам. — Какую ты хочешь?

Ульрик сжал кулаки и отвернулся к окну. В ветвях засохшего тополя под окном запутался бумажный змей или что-то вроде того.

— Может, спуститься по стволу дерева, ворваться в кабинет мистера Мауэна и потребовать отдельную комнату?

— Ну, не важно, — сказал Брэд, не получив ответа. — Я ведь слыхал, что ты долдонишь на сей счет.

Он еще немного постучал, потом нажал на кнопку печати.

— Вот! — гордо произнес он. Ульрик повернулся.

Брэд прочитал:

— «Разыскивается молодая женщина, которая умеет изобразить интерес к английскому языку, достойному королевы Англии, упорно развивает свои познания в грамматике и правописании и из уважения к языку не признает никакого сленга, никакого словоблудия и т. д. Подпись — Ульрик Генри». Ну как? Точь-в-точь как ты любишь.

— Я сам могу найти себе «пташку», — рявкнул Ульрик. Он рванул ленту, выползавшую из принтера. На половинке листа с разлохмаченным краем осталась лишь фраза: «Разыскивается молодая женщина, которая умеет развивать язык. Ульрик Г.».

— Я готов менять лошадей, — сообщил Брэд. — Если хорошенькая маленькая кобылка окажется не в твоем вкусе, так и быть, уступлю тебе Линн, когда она вернется. Это поможет птичке оправиться после того, как ее выбросят из проекта, ну и после всего прочего. Что ты об этом думаешь?

Ульрик осторожно положил на стол обрывок, борясь с искушением скомкать его и засунуть Брэду в глотку. Потом распахнул окно. В комнату ворвался пронизывающий ветер, подхватил бумажку, лежавшую на столе, и перенес на подоконник.

— А что, если Линн опоздает на самолет и вернется? — спросил Ульрик. — Что, если она заглянет сюда и наткнется на другую твою невесту?

— Ни фига, — жизнерадостно воскликнул Брэд. — Я и на этот случай составил программу. — Он вытащил из принтера обрывок бумаги и скомкал его. — Допустим, две из них решили заглянуть ко мне в одно и то же время. Им придется подниматься на лифте, а лифтов всего два. Они введут одинаковый код, а на этот случай я составил программу, которая останавливает один из лифтов между этажами, если мой опознавательный код применяется чаще, чем раз в пять минут. Одновременно на мой терминал поступает сигнал тревоги, так что я могу потихоньку выпроводить одну из девиц через черный ход. — Он поднялся. — Прошвырнусь-ка я до «Исследований», проверю еще раз, как там работает

новый проект. А ты давай ищи скорей себе подружку, а то от твоего ворчания у меня начинается общажная лихоманка.

Брэд схватил пальто, висевшее на спинке стула, и вышел. Он сильно хлопнул дверью, возможно, оттого, что уже страдал от приступа общажной лихоманки. Сквозняк закружил обрывок бумаги, валявшийся на подоконнике, и аккуратно вынес его в окно.

«Общажная лихоманка, надо же», — повторил про себя Ульрик и попытался дозвониться Мауэну. Линия была занята.

Салли Мауэн позвонила отцу, как только приехала домой.

— Привет, Дженис. Папа на месте?

— Только что вышел, — ответила секретарша. — Но мне кажется, он застрянет в отделе исследований. У него много хлопот с новым проектом выброса отходов в стратосферу.

— Я пойду к нему навстречу.

— Ваш папа просил передать, что пресс-конференция завтра в одиннадцать. Компьютер у вас под рукой?

— Да. — Салли включила терминал.

— Я отправлю вам пресс-релиз, чтобы вы знали, о чем пойдет речь.

Салли собиралась сказать, что она уже получила приглашение на пресс-конференцию и сопроводительные материалы от некой Гейл, но, увидев, что печатает ее принтер, заметила:

— Вы передали не пресс-релиз. Это биография какого-то Ульрика Генри. Кто это?

— Неужели? — Судя по голосу, Дженис была сильно смущена. — Попробую еще раз.

Салли придержала лист бумаги, который, скручиваясь, выползал из печатающего устройства.

— А теперь у меня его портрет.

На рисунке был изображен темноволосый молодой человек с выражением не то испуга, не то досады на лице.

«Бьюсь об заклад, — подумала Салли, — что перед тем, как сфотографироваться, он услышал от своей подружки, что у них могут быть «жизнеспособные отношения».

— А кто он?

Дженис судорожно вздохнула:

— Я вовсе не собиралась вам это посылать. Он — лингвист нашей компании. Кажется, ваш отец поручил ему работу над материалами для пресс-конференции.

«Похоже, она говорит правду», — подумала Салли, но вслух спросила:

— Когда это мой отец взял на работу лингвиста?

— Еще летом. — Голос у Дженис был вконец расстроенным. — Как дела в университете?

— Отлично. И не думайте, я замуж не собираюсь. У меня даже нет никаких, так сказать, жизнеспособных отношений.

— Ваша мама звонила сегодня. Она в Шайенне, прилетела на слет неофеминисток. — Слова Дженис прозвучали несколько резко. С такой матерью, как у Салли, не соскучишься. Недаром м-р Мауэн опасается замужества дочери. Да Дженис и сама иногда боялась этого. «Жизнеспособные отношения» — подумать только!

— Ну и что сказала Шарлотта? — спросила Салли. — Хотя нет, погодите. Я догадываюсь. Послушайте, у меня уже есть все эти материалы для пресс-конференции. Какая-то Гейл из отдела рекламы прислала мне приглашение. Вот почему я приехала на каникулы на день раньше.

— Прислала? — изумилась Дженис. — Ваш папа ничего не говорил… Забыл, наверное. Он немного озабочен — из-за нового проекта. — Салли показалось, что Дженис все же не похожа на затюканную жертву эксплуататора. — Так вы еще не встретили своего суженого?

— Нет, — ответила Салли. — Ну ладно, завтра поговорим. Она повесила трубку. Все юноши ужасно милые. Но все эти милые создания удивительно косноязычны.

«Жизнеспособные взаимоотношения». Что за дьявольщина такая? А что такое «уважать жизненное пространство партнера»? Или «удовлетворять социально-экономические потребности друг друга»? «Мне непонятен этот бред, — думала Салли. — Я живу словно среди иностранцев».

Девушка опять надела пальто и шапочку и отправилась разыскивать отца. Бедняга. Он-то хорошо знает, что значит быть женатым на особе, которая не говорит по-английски. Салли прекрасно представляла себе, каково беседовать с ее матерью. Сплошные чертовы «сестры» и «сексистские свиньи»! Шарлотта очень давно не говорила на Настоящем и Правильном Английском Языке. В последний раз, позвонив дочери, она все без исключения слова употребляла в превосходной степени. А в предпоследний у нее был отвратительный псевдокалифорнийский выговор. Неудивительно, что м-р Мауэн завел себе секретаршу, которая вздыхает что ни слово, а Салли выбрала английский язык своей специальностью.

Завтрашняя пресс-конференция наверняка будет ужасна. Салли окружат милые молодые люди, говорящие языком Большого Бизнеса, на диалекте Компьютера или с акцентом Молодого Умника, и она заранее чувствовала, что не поймет ни слова.

Тут вдруг до нее дошло, что этот лингвист, Ульрик Какего-там, наверняка умеет говорить по-человечески. Она снова набрала свой код и поднялась к себе, чтобы запросить у компьютера адрес молодого человека. Затем решила не брать машину, а пройтись пешком по «восточной аллее» до отдела исследований. Девушка убедила себя, что так будет быстрее. Действительно, так оно и было. Но на самом деле Салли понимала, что выбрала этот путь, чтобы пройти мимо общежития, где жил Ульрик Генри.

Предполагалось, что так называемая «восточная аллея» должна служить нитью Ариадны в лабиринте многочисленных забегаловок, расплодившихся вокруг «Мауэн кемикал» в таком количестве, что пробраться через них было непросто. Отец Салли намеренно разместил здания своей компании за пределами Чагуотера, чтобы не мешать местным жителям. Он хотел, чтобы жилые и промышленные здания как можно органичнее вписались в живописный ландшафт Вайоминга. Однако местные жители сразу же осадили «Мауэн кемикал», так что к тому времени, как был достроен исследовательский комплекс и компьютерный центр, единственным местом, более или менее свободным от заведений типа «Кентуккийских жареных цыплят» или «Кофейни Смита и Брауна», осталась старая часть города. М-р Мауэн перестал думать о покое местных жителей. «Восточную аллею» он устроил уже с единственной целью, чтобы его служащих, идущих на работу или возвращающихся домой, не затоптали коренные чагуотерцы. Сначала президент компании намеревался просто проложить мощеную дорожку, связывающую первые постройки «Мауэн кемикал» с новыми, но в то время Шарлотта овладела языком дзен-буддизма. Именно она уговорила мужа понаставить повсюду каменных истуканов и соорудить горбатые мостики над оросительными канавками. Этот ландшафт был далек от завершения, когда Шарлотта перешла на диалект Воспаленной Бдительности, что положило конец ее браку и забросило Салли в учебное заведение далеко на востоке. А ее мать начала кампанию по спасению засохшего тополя, под которым Салли как раз остановилась. Шарлотта пикетировала офис своего мужа с плакатом «ПОЗОР ДРЕВОУБИЙЦЕ!».

Салли стояла под тополем, пытаясь сосчитать окна и определить, где находится комната Ульрика Генри. На шестом этаже было три окна, и во всех горел свет. Среднее было открыто, и по немыслимому стечению обстоятельств как раз в тот момент, когда Салли стояла внизу, Ульрик Генри приблизился к окну настолько, что она вполне могла бы крикнуть ему: «Эй, вы говорите по-английски?»

«Так или иначе, но я вовсе не ищу его, — упрямо сказала себе Салли. — Я иду к папочке и остановилась, чтобы полюбоваться луной. Боже, да она нынче какого-то странного синего цвета!» Она еще немножко постояла под деревом, делая вид, будто рассматривает луну. Холодало, луна как будто не становилась синее, к тому же даже синяя луна — это ведь не повод, чтобы совсем замерзнуть? Салли натянула шапочку поглубже и пошла по выгнутым мостикам, мимо истуканов, к отделу исследований.

Когда девушка была на середине ближайшего мостика, Ульрик Генри вновь подошел к среднему окну и захлопнул его. Клочок бумаги на краю подоконника, затрепетав, подполз к самому краю, а потом спорхнул вниз. Спланировав в синеватом лунном свете мимо усопшего бумажного змея, он устроился на нижней ветке тополя.

В среду утром м-р Мауэн встал пораньше, чтобы успеть сделать кое-какие дела перед пресс-конференцией. Салли еще не проснулась. Он снял с плиты кофе и отправился в ванную, собираясь побриться. Едва он воткнул вилку электрической бритвы в розетку, перегорела лампочка над зеркалом. М-р Мауэн выдернул вилку, выкрутил лампочку и зашлепал босиком в кухню, чтобы поискать другую.

Отец Салли аккуратно положил перегоревшую лампочку в мусорное ведро под раковиной и принялся шарить по шкафчикам. Отодвинул бутыль с сиропом, чтобы посмотреть, не найдется ли за ней запасной лампочки. Крышечка была плохо завинчена, и, когда бутылка со стуком опрокинулась, сироп пролился на полку. М-р Мауэн схватил рулон бумажных полотенец, неловко оторвал бесполезный, слишком маленький кусок, попытался вытереть липкую жидкость. И уронил в лужу солонку. Оторвал еще кусок полотенца, открыл кран с горячей водой… Мощная струя кипятка вырвалась из крана.

М-р Мауэн отскочил в сторону, чтобы не ошпариться, и опрокинул мусорное ведро. Оттуда выкатилась перегоревшая лампочка и, стукнувшись об пол, разлетелась вдребезги. М-р Мауэн наступил на большой осколок с острыми краями. Оторвав очередной кусок полотенца и закрыв им кровоточащую рану, он заковылял в ванную за бинтом.

М-р Мауэн напрочь забыл, что в ванной нет света. Ощупью пробравшись к аптечке, отец Салли опрокинул по пути шампунь и початую коробку стирального порошка. Конечно, крышечка шампуня тоже не была завернута. Нащупав металлическую коробку с бинтами, президент «Мауэн кемикал» понес ее в кухню.

Крышка коробки слегка погнулась, и м-р Мауэн прищемил палец, пытаясь открыть ее. Неожиданно крышка поддалась и отскочила. Бинты разлетелись по всей кухне. М-р Мауэн дотянулся до одного из них, пытаясь не задеть осколков лампочки. Он оторвал край упаковки и потянул за толстую нить. Нитка выдернулась. Несколько томительных мгновений м-р Мауэн разглядывал ее, потом попытался открыть бинт с другой стороны.

Когда Салли вошла в кухню, ее отец сидел на стуле, посасывая порезанный палец и прижимая бумажное полотенце к раненой ноге.

— Что случилось? — спросила она.

— Я порезался осколком лампочки, — пожаловался м-р Мауэн. — Она перегорела, когда я хотел побриться.

Салли взяла рулон бумажных полотенец. Оторвав одно точно по линии дырочек, она аккуратно завернула палец мистера Мауэна.

— Знаешь, вместо того чтобы собирать осколки руками, купил бы лучше веник.

— Я не пытался собирать осколки. Я порезал палец ниткой.

— А, ну да, — протянула Салли. — Значит, не придумал ничего лучшего, чем собирать осколки ногами.

— Не смешно, — буркнул м-р Мауэн. — Мне ужасно больно.

— Я знаю, что ничего смешного тут нет, — согласилась его дочь. Она подняла с пола новый бинт, надорвала краешек упаковки и потянула за нитку. Обертка аккуратно разорвалась пополам.

— Ты собираешься на пресс-конференцию с такими ранами?

— Конечно. Надеюсь, ты тоже придешь.

— Обязательно, — сказала Салли, разворачивая еще один бинт. — Отправлюсь, как только уберу весь этот беспорядок. А то ни пройти ни проехать. Может, тебя подвезти?

— Сам доеду, — заявил м-р Мауэн, пытаясь встать.

— Посиди, я принесу тебе тапочки, — сказала Салли и вышла из кухни. Зазвонил телефон.

— Я сниму трубку, — крикнула Салли из спальни. — Не вставай!

Она принесла телефон отцу:

— Это мама. Она хочет поговорить с «сексистским свином».

Ульрик собирался на пресс-конференцию, когда зазвонил телефон. Он позволил Брэду снять трубку. Когда лингвист вошел в гостиную, его сосед как раз вешал трубку

— Линн опоздала на самолет, — пробормотал Брэд. Ульрик оживился:

— Да ну?

— Да. Она полетит на другом сегодня днем. Ну так вот, ожидая попутного ветра, она успела вернуть свою фамилию в пресс-релиз, который разослали по компьютерной связи.

— И мистер Мауэн уже прочитал его, — добавил Ульрик. — Значит, он узнает, что ты украл проект у своей подружки.

Ульрик был не в том настроении, чтобы подслащивать пилюлю. Большую часть ночи он пытался решить, что следует сказать Салли Мауэн. А что, если он расскажет ей о «Проекте Салли», а она тупо посмотрит на него и скажет: «Простите, но мой менталитет сегодня не в той кондиции»?

— Я не крал проект, — примирительно сказал Брэд. — Я только как бы позаимствовал его у Линн, пока она не смотрела. И я уже навел порядок. Я позвонил Гейл, как только Линн повесила трубку, и попросил убрать имя Линн из всех пресс-релизов, пока их не видел старик Мауэн. Даже хорошо, что Линн пропустила самолет — нет худа без добра.

Ульрик натянул теплую куртку поверх спортивной.

— Ты на пресс-конференцию? — спросил Брэд. — Подожди меня. Сейчас оденусь, и поскачем вместе.

— Я уже ухожу, — заявил Ульрик, открывая дверь. Зазвонил телефон. Брэд поднял трубку.

— Нет, я не смотрел утреннее представление, — послышался его голос. — Но буду в восторге, если ты позволишь мне угадать. Я бы сказал, что шоу называлось «Каролингское Пушечное Ядро», а выигрыш составил шестьсот пятьдесят один доллар. Верно? Целуй… в почку. Да просто угадал!..

Ульрик хлопнул дверью.

Когда м-р Мауэн не появился в своем кабинете и в десять часов, Дженис позвонила ему домой. Она услышала короткие гудки. Вздохнула, подождала немножко, потом набрала номер снова. Линия все еще была занята. Не успела секретарша повесить трубку, как раздался звонок. Она нажала на кнопку:

— Приемная мистера Мауэна.

— Привет, — прощебетал девичий голосок. — Это Гейл из отдела рекламы. В пресс-релизы вкралась ошибка. Вы уже отправили их?

«Я пыталась», — подумала Дженис. И с легким вздохом ответила: — Нет.

— Отлично. Не выпускайте их, пока я кое-что не исправлю.

— А что именно? — спросила Дженис. Она попыталась выбить из проклятого компьютера упомянутый документ, но на экране возникло изображение Ульрика Генри.

— В этих сообщениях говорится, что Линн Сандерс — соавтор проекта.

— Я думала, так оно и есть.

— О нет, — прощебетала Гейл. — Весь проект — детище моего жениха, Брэда Макаффи. Как я рада, что еще ничего не распечатано!

После этого разговора Дженис опять попыталась дозвониться своему начальнику, но телефон был по-прежнему занят. Она запросила у ЭВМ телефонный справочник компании, но вместо него получила жизнеописание Ульрика Генри. Тогда она позвонила на телефонную станцию Чагуотера. Телефонистка сообщила ей номер Линн Сандерс. Дженис набрала номер и наткнулась на соседку Линн по комнате.

— Ее нет, — сообщила эта особа. — Линн пришлось улететь на восток, как только она

разделалась с этими отходами. Ее вызвала мамаша. Она просто достала бедняжку!

— А Линн не оставила номера, по которому ее можно было бы найти?

— Нет, конечно, — ответила соседка. — Перед отъездом ей было не до того. Может, ее жених в курсе?

— Жених?

— Ну да. Брэд Макаффи.

— Ладно, но если она вдруг позвонит вам, пусть свяжется со мной. Срочно.

Дженис повесила трубку. Она вновь попыталась вызвать справочник компании и получила пресс-релиз нового проекта по выбросу отходов. Имя Линн нигде не упоминалось. Секретарша вздохнула, выразив этим все свое удивление и досаду, и вновь позвонила м-ру Мауэну. Тщетно — из трубки доносились короткие гудки.

Проходя мимо дома, где обитал Ульрик Генри, Салли заметила зацепившийся за ветку мертвого тополя трепещущий на ветру клочок белой бумаги. На самой верхушке дерева примостился старый бумажный змей, а этот листок — пониже, но как раз так, что не достать. Девушка пару раз подпрыгнула, кончиками пальцев задела бумажку, но та лишь отодвинулась еще дальше. Если бы удалось достать этот листок, можно было бы отнести его Ульрику Генри и спросить, не из его ли окна он вылетел. Салли поискала глазами какую-нибудь палку, потом остановилась, почувствовав всю нелепость своей затеи.

«Доставать этот клочок бумаги так же глупо, как останки змея», — сказала она себе, а сама уже прикидывала, выдержат ли ветки, если она заберется на дерево и попробует достать бумажку сверху. Одна ветка вряд ли, а две — вполне. Вокруг не было ни души.

— Забавно, — пробормотала девушка и подтянулась к развилке дерева.

Она легко добралась до третьей ветки, перегнулась через нее — пальцы не доставали бумажный клочок лишь самую малость. Салли выпрямилась, вцепившись в ствол, и совершила головокружительный бросок, потеряла равновесие и чуть было не отпустила ветку. Движением воздуха бумажонку отнесло к самому концу сука. Казалось, она вот-вот улетит.

Какой-то мужчина показался на хребте горбатенького мостика. Салли попробовала дунуть на бумажный листок, потом замерла. На этой ветке ее сразу же заметят. «А что, если на этой бумажке ничего нет? — подумала она. — Что ж, я заявлюсь к Ульрику Генри с обрывком чистой бумаги?»

Но ее рука уже испытывала на прочность соседнюю ветку. Высохший сук был как будто довольно крепким. Салли держалась за ствол, пока это было возможно, потом отпустила его и по миллиметру стала приближаться к заветной цели, пока не оказалась над самой тропинкой. Наконец-то листок попал ей в руки!

Это был неровно оторванный кусок бумажной ленты из принтера. На нем было написано: «Разыскивается молодая женщина, которая умеет развивать язык. Ульрик Г.». Последней буквы в слове «язык» недоставало, но и без того все было понятно. Салли могла бы счесть это послание довольно странным, не будь она так удивлена. Ее специальностью было как раз развитие языка. Всю последнюю неделю она работала над этим почти непрерывно. Она пользовалась всеми правилами лингвистических замен в уже существующих словах — обобщала, обосабливала, изменяла части речи, сокращала и связывала, — чтобы создать язык, звучащий по-новому. Сначала это казалось Салли почти невозможным, но к концу недели она, встретив своего профессора, без напряжения произнесла: «Добродень. Я зарешила мои слово дачи». Конечно, она сможет сказать нечто подобное Ульрику Генри, с которым во что бы то ни стало хочет познакомиться.

Салли совсем забыла о человеке, который переходил через мостик. Он был уже под самым деревом. Еще несколько шагов, и он, подняв голову, сможет увидеть ее, припавшую к ветке, как рысь, которая готовится напасть на добычу. «Что я скажу отцу, если кто-нибудь изего подчиненных увидит меня здесь?» — подумала девушка и осторожно подалась назад. Как вдруг ветка затрещала.

М-р Мауэн не появился в своем кабинете и в четверть одиннадцатого. Он продолжал препираться с Шарлоттой по телефону. Когда Салли собралась уходить, м-р Мауэн хотел попросить ее немного подождать, чтобы отправиться на пресс-конференцию вместе. Шарлотта немедленно обозвала его сексуальным тираном и обвинила в подавлении самостоятельности Салли, психологических репрессиях и запугивании, что, по ее мнению, было характерно для всех самцов. М-р Мауэн не понял ни слова.

Перед уходом Салли вымела осколки и ввернула новую лампочку в ванной, но м-р Мауэн решил не искушать судьбу. Он побрился опасной бритвой. Наклоняясь, чтобы оторвать кусочек туалетной бумаги и заклеить порезанный подбородок, он ударился лбом о дверцу аптечки. После этого он с полчаса просидел на краешке ванны, страстно желая, чтобы Салли вернулась и помогла ему одеться.

В конце этого получаса м-р Мауэн решил, что последний удар был следствием роковых совпадений, преследовавших его все утро (к тому же Шарлотта уже несколько недель говорила на языке Правильного Биопитания), и стоит немного расслабиться, как все придет в норму. Он сделал несколько глубоких, успокаивающих вдохов и выдохов и поднялся. Аптечный ящичек остался открытым.

Двигаясь с чрезвычайной осторожностью и стараясь предусмотреть возможные опасности, м-р Мауэн сумел одеться и спуститься к машине. Он так и не смог подобрать пару одинаковых носков, и лифт первым делом понес его прямехонько на крышу, но м-р Мауэн всякий раз принимался глубоко и спокойно дышать. А открыв дверцу автомобиля, он приготовился и вовсе расслабиться.

Он влез в машину и захлопнул дверь, защемив полу пальто. Он снова открыл дверь и нагнулся, чтобы освободить ее. Из кармана выпала перчатка. М-р Мауэн наклонился пониже, чтобы поднять ее, и треснулся головой о дверную ручку.

Бедняга еще раз глубоко, хотя на этот раз и несколько судорожно, вздохнул, схватил перчатку и захлопнул дверцу. Вытащил ключи из кармана и вставил один из них в замок зажигания. Цепочка брелока неожиданно разомкнулась, и все остальные ключи рассыпались по полу под передним сиденьем. Когда отец Салли скрючился, чтобы собрать их, изо всех сил стараясь не удариться головой о руль, на пол вывалилась вторая перчатка. М-р Мауэн махнул рукой на разбросанные ключи и осторожно разогнулся, наблюдая за переключателем сигнала поворота и солнцезащитным козырьком. Он повернул ключ с разомкнутой цепочкой. Автомобиль и не думал заводиться.

Очень медленно и осторожно м-р Мауэн выбрался из машины и поднялся в свою квартиру, чтобы позвонить Дженис и отменить пресс-конференцию. Телефон приемной был занят.

Ульрик не замечал девушки до тех пор, пока она не оказалась на нем верхом. Молодой человек шагал, опустив голову и стиснув в карманах куртки кулаки, и раздумывал о пресс-конференции. Позабыв дома часы, он прибежал в отдел исследований на целый час раньше и обнаружил в конференц-зале лишь одну из невест Брэда, чье имя не мог припомнить.

Она заявила Ульрику. «Ваш биологический хронометр не функционирует. Должно быть, биоритмы не в фазе», — и он ответил, что так оно и есть, хотя совершенно не понял, о чем говорит эта девица.

Обратно он шел по «восточной аллее», отчаянно пытаясь решить, сможет ли выдержать пресс-конференцию даже ради того, чтобы предостеречь Салли Мауэн. Может, лучше забыть об этой затее и просто прогуляться по Чагуотеру? Он мог бы хватать за рукав всех хорошеньких женщин и спрашивать: «Вы говорите по-английски?»

В тот момент, когда Ульрик всерьез задумался над этой возможностью, сверху послышался громкий треск, и прямо на него свалилась молодая женщина. Он попытался выдернуть руки из карманов, чтобы подхватить ее, но мгновение спустя сообразил, что

трещит ломающаяся ветка тополя и ничего сделать уже нельзя. Ульрик успел вытащить из кармана только одну руку и отступил назад, но в тот же момент девица шмякнулась всей тяжестью на лингвиста и они скатились с дорожки в опавшую листву. Когда вращение прекратилось, Ульрик оказался сверху. Симпатичная девушка лежала на его руке, другой рукой он обнимал ее голову. Вязаная шапочка слетела, волосы незнакомки красиво разметались по подмороженным листьям. Рука Ульрика запуталась в пышных локонах. Девушка смотрела на него так, словно была с ним знакома. Ему даже не пришло в голову спросить, умеет ли она говорить по-английски.

Через некоторое время юноша понял, что безнадежно опоздал на пресс-конференцию. «Черт с ней, с пресс-конференцией, — подумал он. — К черту эту Салли Мауэн…» — и поцеловал незнакомку. Когда рука Ульрика, которая оказалась внизу, онемела, он высвободил другую из волос девушки и поднялся.

Она не двигалась, даже когда он встал и протянул руку, чтобы помочь встать ей. Она лежала и смотрела на лингвиста, словно обдумывая что-то. Потом она как будто пришла к какому-то решению, потому что взяла Ульрика за руку и указала на что-то вверху, за его спиной.

— Синелуние, — произнесла она.

— Что? — не понял Ульрик. Он подумал, не ударилась ли она головой слишком сильно.

Девушка показывала на небо.

— Синелуние, — произнесла она вновь. — Стемна луна осинела сполна.

Ульрик поднял голову и, вот те раз, на утреннем небосводе действительно увидел ярко-синюю луну! Это объяснило, о чем говорила незнакомка, но не то, как она говорила.

— У вас все в порядке? — спросил он. — Вы не ушиблись? Молодая женщина покачала головой. «Может ли человек

с сотрясением мозга знать, все у него в порядке или нет?» — подумал Ульрик.

— Голова болит?

Она опять покачала головой. Может, она не ушиблась? Наверное, она научный консультант из другой страны.

— Откуда вы? — спросил он.

— С этого суходрева. Вы жизнеспасли меня.

Девушка стряхнула листья с волос и натянула шапочку.

Она явно понимала все, что говорил Ульрик, и употребляла обычные английские слова, но как-то иначе. «Вы жизнеспасли». К глаголу приросло существительное. «Синелуние». Определение слилось с подлежащим. В обоих случаях налицо видоизменение, развитие языка!

— А что вы делали на дереве? — спросил молодой человек только для того, чтобы еще послушать эту странную речь.

— Пряталась, потому что люди любознатствуют, когда англичанишь странно.

«Англичанишь странно».

— Вы что, развиваете язык? — спросил Ульрик. — Вы знакомы с Брэдом Макаффи?

Незнакомка, казалось, была озадачена и немножко удивлена тем, как скачет мысль Ульрика. Он же гадал, которая это из невест Брэда. Вероятно, та, что занимается программированием. Им приходится иметь дело с измененным языком.

— Я опаздываю на пресс-конференцию, — сурово произнес лингвист. — И это вам, конечно, хорошо известно. Я должен поговорить с Салли Мауэн.

Он спрятал руки за спину и нахмурился.

— Ступайте скажите Брэду, что его план охмурения провалился.

Девушка поднялась без его помощи и перешла через дорожку, обойдя упавший сук. Она наклонилась, подняла какую-то бумажку и долго разглядывала ее. Ульрик подавил искушение вырвать этот листок и посмотреть, нет ли на нем плана развития языка, принадлежащего перу Брэда. Девушка бережно сложила клочок и спрятала в карман.

— Можете доложить ему, что фокус с поцелуем не удался, — заявил Ульрик. Он солгал. Ему тут же захотелось поцеловать ее снова, и от этого он разозлился еще больше. Наверное, Брэд рассказал ей, что он неуклюжий простоплюха, которому и всего-то нужно — полчасика поваляться в листве с девчонкой.

— Я все расскажу Салли!

Она странно взглянула на него, стоя с другой стороны дорожки.

— Даже не пытайтесь остановить меня, — уже кричал Ульрик. — Не выйдет!

Злость погнала лингвиста обратно через горбатый мостик. Потом до него вдруг дошло, что даже если эта девица — одна из невест Брэда, даже если ее наняли, чтобы она поцеловала его и он опоздал на пресс-конференцию, он все равно в нее влюбился. Ульрик бросился назад, но она уже исчезла.

Чуть позже одиннадцати Гейл из отдела рекламы набрала номер Дженис:

— Где мистер Мауэн? Он еще не объявлялся, а правдоподобность моей массовой информации замечательно нефункциональна.

— Попробую позвонить ему домой, — сказала Дженис. Она положила трубку и набрала номер на другом аппарате. Домашний телефон м-ра Мауэна был занят. Когда секретарша подняла первую трубку, чтобы сказать об этом Гейл, связь прервалась. Дженис попыталась позвонить в отдел рекламы, но, увы, там тоже было занято.

Она ввела код первостепенной важности, с помощью которого можно было отправить информацию на компьютер м-ра Мауэна. Сообщение появится на экране, даже если он занят чем-то другим. После кода секретарша напечатала: «Позвоните Дженис». С минуту она разглядывала эти слова, потом стерла их и написала: «Пресс-конференция. Отдел исследований. Одиннадцать часов», и нажала на «ввод». Экран мигнул и выдал предварительные результаты о побочных эффектах при осуществлении проекта уничтожения отходов. В самом низу экрана стояло: «Тангенциальные последствия статистически незначительны».

— Вы можете в этом поклясться? — с горечью пробормотала Дженис.

Она позвонила программистам.

— С моим компьютером что-то случилось, — сообщила она женщине, взявшей трубку.

— Говорит Сью, ремонт периферии. У вас проблемы с программным обеспечением или с оборудованием?

Она говорила точно так же, как Гейл из отдела рекламы.

— Вы случайно не знакомы с Брэдом Макаффи?

— Он мой жених, — ответила Сью. — А что? Дженис вздохнула:

— У меня выскакивают файлы, которые не имеют ничего общего с тем, что я ввожу.

— О, значит, неполадки в системе. Номер телефона должен быть в вашем справочнике. — Сью повесила трубку.

Дженис вызвала на экран справочник. Сначала ничего не произошло. Потом экран зарябил, и на нем появилось нечто под названием «Проект Салли». Дженис заметила почти в самом конце этой рукописи имя Линн Сандерс, а потом — Салли Мауэн. Тогда секретарша прочитала все от начала и до конца. Потом нажала кнопку печати и перечитала то же самое на ленте, которая, скручиваясь, выползала из принтера. Затем аккуратно оторвала бумагу, убрала в папку, а папку положила на свой стол.

— Я нашла твою перчатку в лифте, — входя, сказала Салли. Девушка выглядела так, будто эта находка потрясла ее до глубины души. — А что, пресс-конференция уже кончилась?

— Я не поехал, — буркнул м-р Мауэн. — Боялся врезаться в дерево. Ты можешь подвезти меня на работу? Я обещал Дженис быть к девяти, а сейчас уже половина третьего.

— В дерево? — удивилась Салли. — А я сегодня свалилась с дерева. На лингвиста.

М-р Мауэн надел пальто и пошарил в карманах.

— Вторую перчатку я тоже потерял, — сообщил он. — С утра это уже пятьдесят восьмая неудача, поэтому последние два часа я просидел неподвижно. Я даже составил список. Но карандаш сломался, и я протер ластиком дыру в бумаге, но эти мелочи я даже не считаю. — Он засунул одинокую перчатку в карман.

Салли открыла дверь перед отцом, и они прошли по коридору к лифту. «Я не должна была говорить ему о луне, — думала Салли. — Нужно было просто сказать: «Привет!» Просто «Привет!». Ну и что, что на том клочке бумаги было сказано, что он ищет кого-то, кто может развивать язык? Зачем нужно было делать это сразу же, не. познакомившись как следует?»

М-р Мауэн набрал свой код на панели лифта. Загорелась надпись: «Не опознан».

— Пятьдесят девять, — пробормотал он. — Слишком много неудач, чтобы это было просто совпадение. Будь я более мнительным, решил бы, что кто-то хочет меня убить.

Салли ввела свой код. Дверь лифта раскрылась.

«Вот уже несколько часов я брожу, — думала она, — пытаясь понять, как можно быть такой дурой. Ульрик шел, чтобы встретиться со мной. На пресс-конференции. Он хотел что-то сообщить мне. Если бы, упав на него, я просто поднялась и сказала: «Привет, я Салли Мауэн, и я нашла эту записку. Вы в самом деле ищете человека, который умеет развивать язык?» Но нет, надо было брякнуть это «синелуние»! Лучше бы я просто целовала его и вообще ничего не говорила. Но нет, надо было все испортить».

М-р Мауэн позволил Салли нажать кнопку первого этажа, чтобы опять не случилось чего-нибудь этакого. И предоставил ей открыть входную дверь. По дороге к машине его подошва приклеилась к жевательной резинке, валявшейся на тротуаре.

— Шестьдесят. Будь я более мнительным, я сказал бы, что все это — дело рук твоей матери. Она сегодня приедет. Чтобы проверить, не подавляю ли я потенциал твоей самореализации своим шовинистским навязыванием ролей. Одно это сойдет за дюжину дурных совпадений.

Он забрался в машину, как можно сильнее отклоняясь назад, чтобы не задеть головой солнцезащитный козырек. Уставясь в окошко на серое небо, он пробормотал:

— Хоть бы буря поднялась, что ли, чтобы она не смогла выбраться из Шайенна.

Салли нагнулась, заметив что-то под водительским сиденьем.

— Вот твоя вторая перчатка. — Она протянула перчатку отцу и завела машину.

«Записка была разорвана пополам. Почему я не подумала о том, что могло быть на другой половине, а восприняла ее как нечто целое? Может, он искал человека, который может развивать мускулатуру и говорить на иностранном языке? Только потому, что мне понравилась его фотография и я подумала, что он умеет говорить по-английски, вряд ли стоило отправляться туда и разыгрывать полную идиотку».

На полпути к офису пошел снег. Салли включила «дворники».

— С моим везением, — заметил м-р Мауэн, — действительно начнется снежная буря и меня завалит снегом наедине с Шарлоттой.

Он посмотрел в боковое окошко на трубы своего предприятия. Из них вырвался очередной извилистый клуб дыма.

— Во всем виноват этот проект выброса отходов. Каким-то образом из-за него происходят все эти совпадения.

Салли думала: «Я всю жизнь ищу человека, который мог бы прилично говорить по-английски, и, когда я наконец встречаю его, что он слышит? «Вы жизнеспасли меня»! И теперь он. считает, что все это подстроил какой-то Брэд Макаффи, чтобы не дать ему попасть на пресс-конференцию, и он никогда больше со мной не заговорит! Вот дуреха! Как я могла так поступить?»

— Все-таки нельзя было разрешать им начинать эксперимент без дополнительных исследований, — ворчал тем временем м-р Мауэн. — Что, если мы добавим в озоновый слой слишком много озона? А что, если двууглекислый натрий плохо влияет на пищеварение? «Никаких поддающихся измерению побочных эффектов» — так они говорят. А как можно

измерить невезение? По статистике несчастных случаев?

Салли припарковалась прямо перед офисом м-раМауэна. Снег уже валил вовсю. М-р Мауэн натянул перчатку, которую нашла Салли, и пошарил по карманам в поисках другой.

— Шестьдесят один, — сказал он. — Салли, пойдешь со мной? А то лифт мне не одолеть.

Салли вошла в здание вместе с отцом.

— Если ты убежден в том, что выброс отходов и есть причина твоего невезения, почему ты не прикажешь «Исследованиям» прекратить этот эксперимент?

— Мне ни за что не поверят. Кто рискнет утверждать, что дурное стечение обстоятельств происходит из-за какого-то мусора?

Отец и дочь вошли в приемную. Дженис поздоровалась так, будто они вернулись из полярной экспедиции. М-р Мауэн сказал:

— Спасибо, Салли. По-моему, дальше я и сам справлюсь. — Он потрепал ее по плечу. — Почему бы тебе не объяснить все этому молодому человеку и не попросить у него прощения?

— Не думаю, что это поможет, — печально произнесла Салли. — Что-то мы с тобой нынче не в форме.

М-р Мауэн повернулся к Дженис:

— Соедини меня с «Исследованиями» и не впускай сюда мою жену.

Он вошел в кабинет и захлопнул дверь. Дженис вздохнула.

— Этот ваш молодой человек, — обратилась она к Салли, — случайно не. Брэд Макаффи?

— Нет, — ответила Салли. — Но он думает иначе.

По дороге к лифту она остановилась, подняла перчатку своего отца и положила ее в карман.

* * *

После того как секретарша м-ра Мауэна повесила трубку, Сью позвонила Брэду. Она не была уверена в том, что существует связь между поломкой секретаршиного компьютера и Брэдом, но сочла, что лучше ему знать, что секретарша упоминала его имя.

Никто не ответил. Сью попыталась снова — за завтраком и во время обеденного перерыва. В последний раз линия оказалась занята. В четверть третьего вошел начальник Сью и отпустил ее домой, потому что на час пик обещали сильный снегопад. Девушка снова набрала номер Брэда, чтобы убедиться, что он дома. Там все еще было занято.

Хорошо, что можно уйти пораньше. На работу Сью надела только свитер, а снег сыпал с неба уже так густо, что из окна ничего не было видно. К тому же она пришла в сандалиях. В гардеробе кто-то оставил пару ярко-голубых галош. Сью влезла в них прямо в сандалиях и выбежала на стоянку. Рукавом смахнула снег с ветрового стекла и отправилась к Брэду.

— Чтой-то ты не засветился на пресс-конференции? — заметил Брэд, когда Ульрик вошел.

— Ну и что, — буркнул Ульрик. Куртку он снимать не стал.

— Старик Мауэн тоже. И это было весьма кстати, потому что отбрехиваться от всех этих газетчиков пришлось мне. Куда ты провалился? Вид у тебя, как у выдры на катке.

— Я был с той «пташкой», которую ты на меня натравил. С той, которая спрыгнула на меня, чтобы я опоздал на пресс-конференцию и не смог помешать твоим планам относительно Салли Мауэн.

Брэд сидел за своим компьютером.

— Салли тоже не было, что пришлось очень кстати, потому что я познакомился с газетчицей по имени Джилл, которая… — Тут он вдруг повернулся и посмотрел на

Ульрика. — О какой это «пташке» ты толкуешь?

— О той, которую ты якобы случайно уронил мне на голову. Я понял, что это одна из твоих свободных невест. Как ты это устроил? Заставил ее вылезти из окна?

— Погоди, дай-ка я соображу, в чем дело. Какая-то девица спрыгнула на тебя с этого тополя? И ты считаешь, что это устроил я?

— Ну, если не ты, то это поистине удивительное совпадение: ветка сломалась как раз в тот момент, когда я проходил под ней. А еще более забавное совпадение, что эта девица вовсю развивает язык, как и было нацарапано на твоей бумажке. Ну а самое интересное совпадение — это то, что ты прямо сейчас получишь по шее.

— Ну-ну, не заводись. Я не ронял на тебя девиц, и я не вру, пусть меня кузнечики до смерти залягают. Если бы я и задумал нечто подобное, то подобрал бы тебе такую, которая говорит на старом добром английском, как ты и хотел, а не на этом, как ты там его назвал… развитом?

— Хочешь убедить меня, что все это лишь случайное стечение обстоятельств? — завопил Ульрик. — За какого же… простодавку ты меня принимаешь?

— Согласен, подобное случается довольно редко, — задумчиво произнес Брэд. — Сегодня утром по дороге на пресс-конференцию я нашел стодолларовую банкноту. Потом я познакомился с этой репортершей, Джилл, и мы с ней поболтали и обнаружили, что у нас много общего. Например, ее любимый сериал — «Положи мое ружье» с Джуди Канова в главной роли. А потом оказалось, что год назад в колледже она жила в одной комнате с Салли Мауэн.

Зазвонил телефон, и Брэд поднял трубку.

— А, персик мой имбирный, заходи. Это большой дом рядом с «восточной аллеей». Комната 6Б.

Он повесил трубку.

— Это как раз та, о которой я говорил. «Пташка» из газеты. Я пригласил эту девчонку сюда и надеюсь охмурить ее до такой степени, чтобы она познакомила меня с Салли. Утром она сказала, что не может прийти, потому что ей надо поспеть на самолет в Шайенн. Но оказалось, что шоссе перекрыто и она застряла в Чагуотере. Ну, такая удача не подваливает дважды, даже при голубой луне.

— Что? — спохватился Ульрик, и его кулаки разжались впервые с тех пор, как он вошел в комнату. Он подошел к окну, чтобы взглянуть на небо. Луны уже не было видно. Вероятно, она давно села, к тому же начинался снег.

— Синелуние, — мягко и очень тихо произнес он.

— Раз уж она зайдет, лучше тебе свалить отсюда. А то испортишь мою пруху.

Ульрик достал из шкафа словарь американского сленга и нашел в указателе слово «Луна, синяя». В пояснении говорилось: «Однажды при синей луне» — т. е. очень редко, вследствие необычного стечения обстоятельств, изначально выражение «редкий, как синяя луна» основано на необычном явлении, когда луна приобретает синеватый оттенок из-за взвешенных в верхнем слое атмосферы частиц, см. «Суеверия».

Ульрик снова посмотрел в окно. Трубы выпустили в серые тучи очередной заряд дыма.

— Брэд, — заговорил он, — твой проект избавления от отходов предусматривает выброс аэрозолей в верхний слой атмосферы?

— В этом-то и есть вся идея, — ответил Брэд. — Послушай, не хочу быть доставалой, но эта пташка-газетчица будет здесь с минуты на минуту.

Ульрик заглянул в раздел «Суеверия». Пояснение к Выражению «Синяя луна» гласило: «Однажды при синей луне» — народная поговорка, относится к юго-восточному американскому диалекту; локальное суеверие, основанное на редком явлении, когда появляется луна голубого оттенка и происходят необычные события или совпадения; происхождение неизвестно».

Ульрик захлопнул книгу.

— «Необычные события или совпадения», — пробормотал он. — Ветки ломаются,

одни люди падают на других, а третьи находят стодолларовые бумажки. Все эти события произошли в результате самого невероятного стечения обстоятельств, — Он посмотрел на Брэда. — А ты, случайно, не знаешь, откуда взялось это выражение?

— «Доставала»? Вероятно, его придумал какой-нибудь малый, который ждал свою подружку, а его сосед не хотел выметаться из комнаты, чтобы голубки смогли остаться наедине.

Ульрик опять раскрыл книгу.

— Но если для одних совпадения будут просто неудачными, для других они могут стать опасными, не так ли? И кто-то может серьезно пострадать.

Брэд выхватил словарь из рук Ульрика и вытолкал его за дверь.

— Давай-давай, — скомандовал он. — Ты опять заставляешь меня мучиться от общажной лихоманки.

— Нужно сказать мистеру Мауэну… Мы должны наконец покончить с этим! — возмутился Ульрик, но Брэд уже захлопнул дверь.

— Привет, Дженис, — поздоровалась Шарлотта. — Все та же угнетенная женщина, подавляемая мужчиной на негуманной работе!

Дженис положила трубку.

— Привет, Шарлотта, — сказала она. — Снег еще идет?

— Да, — проворчала Шарлотта, снимая пальто. К его отвороту был прицеплен красный значок с надписью «СЕЙЧАС… или еще!» — Мы только что слышали по радио, что автострада перекрыта. А где твой реакционный шовинист-эксплуататор?

— Мистер Мауэн занят. — Дженис встала на тот случай, если придется грудью отстаивать кабинет начальника.

— Я не испытываю желания видеть этот последний оплот мужской садистской власти, — сказала Шарлотта. Она сняла перчатки и потерла руки. — Мы едва не замерзли по дороге. Со мной ехала Линн Сандерс. Ее мать в конце концов отказалась от развода. Боюсь, ее стремление обрести независимость разбилось о первые же признаки общественного неодобрения. Линн видела на своем терминале твое сообщение, но не смогла дозвониться. Она просила передать, что появится здесь, как только повидается со своим женихом.

— Брэдом Макаффи, — докончила Дженис.

— Да, — подтвердила Шарлотта. Она уселась в кресло напротив стола Дженис и стянула сапоги. — Всю дорогу от Шайенна она его расписывала и превозносила. Несчастная жертва с мозгами, промытыми насильственной мужской пропагандой. Я пыталась объяснить Линн, что своей помолвкой она сыграла на руку глубоко укоренившемуся социально-сексуальному общественному укладу мужчин, но она не стала слушать. — Мать Салли перестала растирать ступню, обтянутую чулком. — А что ты имела в виду, говоря, что он занят? Скажи этой злобной сексистской свинье, что я здесь и что я хочу его видеть. Дженис села и взяла в руки папку с «Проектом Салли».

— Шарлотта, — проговорила она, — сначала мне хотелось бы узнать ваше мнение по одному вопросу.

Шарлотта зашлепала босыми ногами к столу секретарши.

— Конечно, — согласилась она. — Давай выкладывай.

Салли смахнула ладошками снег с заднего стекла и забралась в машину. Боковое зеркало было тоже залеплено снегом. Девушка опустила стекло и протерла зеркальце рукой. Снег сразу же насыпался ей на колени. Она вздрогнула от холода и закрыла окно. Потом некоторое время посидела, ожидая, пока отопление заработает и холодные, мокрые руки согреются. Она где-то посеяла перчатки. Но желанный теплый ветер не спешил вырваться из «печки». Салли протерла «пятачок» на ветровом стекле, чтобы видеть выезд со стоянки, и двинулась вперед. В последний момент она разглядела сквозь метель призрачную человеческую фигуру и нажала на тормоз. Мотор заглох. Человек, которого Салли едва не

сбила, подошел к окну и сделал знак, чтобы она опустила стекло. Это был Ульрик.

— Я… — начала было Салли, но он махнул рукой, чтобы она замолчала.

— У меня очень мало времени. Простите, что накричал на вас сегодня утром. Я подумал… Так или иначе, теперь я знаю, что это неправда, что все это было лишь невиданным стечением обстоятельств. Я должен сделать нечто правильное и неотложное… я хочу, чтобы вы подождали меня прямо здесь. Вы можете сделать это?

Салли кивнула.

Ульрик вздрогнул и сжал кулаки в карманах.

— Нет, здесь вы замерзнете насмерть. Вы знаете дом возле «восточной аллеи»? Я живу на шестом этаже, комната Б. Пожалуйста, дождитесь меня там. Вы сможете? У вас есть кусочек бумаги?

Салли порылась в кармане и выудила сложенный клочок, на котором было написано: «Разыскивается молодая женщина…» Она взглянула на него и протянула Ульрику. Он даже не развернул бумажку. Нацарапал на ней несколько цифр и вернул девушке.

— Это мой личный код, — сказал он. — Он понадобится вам, чтобы подняться на лифте. Мой сосед по комнате впустит вас. — Тут Ульрик запнулся и пристально посмотрел на девушку. — Вообще-то лучше будет, если вы подождете внизу. Я вернусь так быстро, как только смогу. — Он наклонился и поцеловал ее, просунув голову в окно. — Я не хочу потерять вас снова.

— Я… — пробормотала Салли, но молодой человек уже скрылся за снежной пеленой. Девушка подняла стекло. Снег успел завалить все окна. Салли положила руку на отопитель. Он не работал. Тогда она включила «дворники». И они не шелохнулись.

Гейл не могла попасть в свой кабинет до двух часов. После пресс-конференции ее осадили репортеры, интересующиеся проектом выброса отходов и причиной отсутствия м-ра Мауэна. Когда девушка наконец уселась за свой стол, газетчики замучили ее звонками, и до трех часов Гейл не могла взяться за рекламные отчеты с пресс-конференции. Почти сразу же она столкнулась с некоторыми затруднениями. Ей задавали вопросы, касающиеся кое-каких частностей, о которых Брэд заранее предупреждал ее. К несчастью, Гейл не успела записать его инструкции. Она не могла пропустить отчеты в печать, потому что эти частности неизбежно заставили бы прессу сделать поспешные и излишне тревожные выводы. Она позвонила Брэду, но телефон был занят. Девушка засунула все бумаги в большой желтый конверт и отправилась к Брэду домой, чтобы проконсультироваться с ним.

— Ты уже связалась с «Исследованиями»? — спросил м-р Мауэн, когда Дженис вошла в его кабинет.

— Нет, сэр, — ответила она. — Их телефон постоянно занят. Пришел Ульрик Генри, он хочет поговорить с вами.

М-р Мауэн оперся о стол и поднялся. От этого движения перевернулась фотография Салли и коробка с карандашами.

— Что ж, пригласи его. Мне так везет, что он, верно, понял, для чего я его нанял, и пришел просить об увольнении.

Дженис вышла, а М-р Мауэн попытался собрать карандаши, раскатившиеся по всему столу, и затолкать их обратно в коробку. Один карандаш подкатился к краю стола, и м-р Мауэн бросился наперерез, пытаясь поймать его. Портрет Салли опрокинулся снова. Когда м-р Мауэн поднял голову, он увидел перед собой Ульрика Генри. Президент схватил последний карандаш и сбил локтем телефонную трубку.

— И давно это началось? — спросил Ульрик. М-р Мауэн выпрямился:

— С самого утра. Я не уверен, что доживу до вечера.

— Этого-то я и боялся! — воскликнул Ульрик и глубоко вздохнул. — Послушайте, мистер Мауэн, я понимаю, что вы предоставили мне весьма сомнительную должность и у меня, вероятно, нет никакого права вмешиваться в дела отдела исследований, но, кажется, я

знаю, почему с вами происходят все эти неприятности.

«Если это так, то я нанял тебя для того, чтобы ты женился на Салли и стал вице-президентом компании, — подумал м-р Мауэн. — Да вмешивайся во что угодно, только избавь меня от этих нелепостей, которые целый день не дают мне покоя!»

Ульрик показал на окно:

— Сейчас не видно из-за снега, но луна стала синей. Она посинела как раз тогда, когда начали экспериментальный выброс отходов. «Однажды при синей луне» — это древняя поговорка, которую употребляют, когда происходит нечто редкое и необычное. Я думаю, что она возникла оттого, что количество странных совпадений резко увеличивается каждый раз, когда луна приобретает синеватый оттенок. Кажется, это как-то связано с мелкими частицами в стратосфере. Они каким-то образом влияют на закон вероятности. Ваши трубы непрерывно выбрасывают в стратосферу пыль. Я уверен, что все эти совпадения являются побочным эффектом.

— Я знал это! — вскричал м-р Мауэн. — Ну как не вспомнить Уолтера Ханта и его английскую булавку! Сейчас же позвоню в отдел исследований.

Он дотянулся до телефона. Шнур зацепился за край стола. Когда м-р Мауэн потянул за шнур, аппарат с грохотом покатился по столу, увлекая за собой коробку с карандашами и фотографию Салли.

— Наберите-ка лучше вы.

— Конечно, — согласился Ульрик. Он нажал нужные кнопки и протянул трубку начальнику.

М-р Мауэн прогремел:

— Немедленно прекратите выброс отходов! И пусть все, причастные к этому проекту, сейчас же соберутся в моем кабинете.

Он положил трубку и уставился в окно.

— Ну вот, эксперимент остановлен, — сказал м-р Мауэн, поворачиваясь к лингвисту. — А что теперь?

— Не знаю, — отозвался Ульрик из-под стола, где он собирал рассыпавшиеся карандаши. — Полагаю, что, когда луна начнет приобретать нормальный вид, закон вероятности тоже постепенно придет в норму. Или, может быть, равновесие несколько нарушится, и день или два вам будет везти по-крупному.

Он поставил коробку с карандашами на стол и поднял фотографию Салли.

— Надеюсь, это случится раньше, чем вернется моя бывшая жена. Она уже была здесь, но Дженис сумела от нее отделаться. Я знал, что она тоже была побочным эффектом.

Ульрик ничего не ответил. Он разглядывал портрет Салли.

— Это моя дочь, — сообщил м-р Мауэн. — Она заканчивает колледж английского языка.

Ульрик поставил фотографию на стол. Она тут же упала, зацепив коробку с карандашами, которая в очередной раз отправилась на пол. Ульрик нагнулся, чтобы подобрать их.

— Забудьте вы об этих карандашах, — попросил м-р Мауэн. — Я соберу их, когда луна станет нормальной. Салли приехала на каникулы ко Дню благодарения. Она изучает процесс развития языка.

Ульрик выпрямился, стукнувшись головой о стол.

— Развитие языка, — пробормотал он и выбежал из кабинета.

М-р Мауэн вышел в приемную, чтобы попросить Дженис проводить всех людей из отдела исследований к нему в кабинет, как только они придут. Перчатка Ульрика лежала на полу возле стола Дженис. М-р Мауэн поднял ее:

— По-моему, это заразно. Надеюсь, он прав и все эти неприятности пойдут на убыль, когда трубы прекратят свое грязное дело.

Линн позвонила Брэду, как только рассталась с Шарлоттой. Может, он знает, зачем

секретарша Мауэна хотела ее видеть. Телефон был занят. Девушка сняла куртку, отнесла чемодан в спальню и попыталась дозвониться снова. Безуспешно. Она снова надела куртку, натянула красные рукавички и отправилась по «восточной аллее» к дому Брэда.

— Ну что, собрались эти умники из отдела исследований? — спросил Дженис м-р Мауэн.

— Да, сэр. Все, кроме Брэда Макаффи. Его телефон занят,

— Так отправьте сообщение на его компьютер. И впустите людей ко мне.

— Да, сэр. — Дженис подошла к своему столу и вызвала на экран справочник. Потом набрала код Брэда и нажала на «ввод». Загорелась надпись: «ОШИБКА». «Я знала, что это слишком хорошо, чтобы продолжаться долго», — подумала Дженис. Она снова ввела код. На сей раз компьютер доложил: «НА ЭКРАНЕ ДРУГОЕ СООБЩЕНИЕ». Дженис поразмыслила с минуту, потом решила, что, каково бы ни было это сообщение, оно не может быть более важным, чем ее. Она набрала особый код, предписывающий перекрыть старое сообщение новым, и напечатала: «Мистер Мауэн хочет видеть вас немедленно». Компьютер тут же отправил его.

Воодушевленная этим успехом, Дженис набрала номер Брэда. Он поднял трубку.

— Мистер Мауэн хочет немедленно вас видеть, — сказала Дженис.

— Примчусь быстрее молнии, — заявил Брэд и повесил трубку.

Дженис вошла в кабинет шефа и доложила, что Брэд Макаффи уже идет. Потом она проводила к м-ру Мауэну исследователей. Он поднялся им навстречу, умудрившись ничего не уронить, но один из вошедших задел злополучную коробку с карандашами. Дженис помогла их собрать.

Вернувшись к своему столу, Дженис вспомнила, что отправила сообщение на терминал Брэда, перекрыв другое, уже имевшееся там. Ей стало интересно, что это было за сообщение. А что, если Шарлотта набросилась на Брэда и отравила его, а потом поставила компьютер на предохранитель, чтобы умирающий не смог позвать на помощь. Конечно, эти мысли были не лишены некоторой приятности, но предыдущее сообщение могло и впрямь оказаться важным. И теперь, раз уж Дженис предупредила Брэда по телефону, ее сообщение можно было отозвать. Дженис вздохнула и ввела команду отмены. Компьютер послушно передал ее.

Джилл распахнула дверь дома, где жил Брэд, и с минуту стояла, пытаясь перевести дыхание. Ей нужно было добраться до Шайенна вечером, а она с трудом преодолела несколько чагуотерских улиц. Ее машину занесло на тротуар, и она прочно засела в сугробе. Джилл в конце концов бросила ее и отправилась к Брэду пешком: вдруг он поможет ей натянуть цепи? Девушка неловко порылась в сумочке, пытаясь отыскать номер, который дал ей Брэд, чтобы воспользоваться лифтом. Перчатки явно мешали.

Молодая женщина без перчаток вошла в подъезд, нажала кнопки на панели ближайшего лифта и вошла в него. Двери захлопнулись. «Надо было поехать с ней», — подумала Джилл. Она еще немного покопалась в сумочке и выудила несколько скрученных обрывков с какими-то записями. Джилл попыталась было развернуть один из них — ничего не получилось.

Тогда, придерживая весь этот мусор на ладони, она попробовала стянуть зубами одну перчатку.

Дверь подъезда открылась, и ворвавшийся снежный вихрь подхватил клочки, лежавшие на ладони Джилл, и вынес их на улицу. Она попыталась поймать их, но ветер закружил и унес их в снежную мглу. Человек, открывший дверь, уже вошел во второй лифт. Двери закрылись. Вот незадача!

Журналистка огляделась по сторонам в надежде отыскать телефон и предупредить Брэда, что она застряла в подъезде. Телефон висел на дальней стене. Первый лифт шел вниз;

он был уже между четвертым и третьим этажом. Второй остановился на шестом. Джилл подошла к телефону, сняла обе перчатки, засунула их в карман и подняла трубку.

Молодая женщина в куртке и ярко-красных рукавичках вошла в дом и, не подходя к лифту, остановилась посреди подъезда, стряхивая с себя снег. Джилл перевернула вверх дном всю сумочку в поисках мелочи. В кошельке ничего не оказалось, но девушка подумала, что, может быть, какая-нибудь монетка завалялась на дне сумки. Дверь второго лифта раскрылась, и девушка в красных рукавичках резво вбежала в него;

Наконец Джилл нашла двадцатипятицентовик и набрала номер Брэда. Занято. Первый лифт теперь был на шестом этаже. Второй опустился в гараж. Она снова набрала номер Брэда.

Двери дальнего лифта разъехались в стороны.

— Подождите! — крикнула Джилл и бросила трубку. Трубка упала, задев сумочку, ее содержимое рассыпалось по полу. Входная дверь открылась снова, и с ветром в подъезд ворвалась туча снега.

— Нажмите на «СТОП», — потребовала вошедшая особа средних лет. На ее пальто красовался алый значок с надписью «СЕЙЧАС… или еще!», а к груди она прижимала папку. Женщина присела рядом с Джилл и подняла расческу, пару карандашей и чековую книжку.

— Спасибо! — от души поблагодарила ее Джилл.

— Мы, сестры, должны помогать друг другу, — мрачно произнесла женщина. Она встала и подала собранные вещи Джилл. Они вошли в лифт. Девушка в красных рукавичках не давала ему закрыться. В лифте оказалась еще одна девушка в бледно-голубых галошах и свитере.

— Шестой, пожалуйста, — пробормотала Джилл, судорожно пытаясь запихнуть в сумочку все, что оттуда выпало. — Спасибо, что подождали. Что-то я сегодня не в форме.

Двери начали закрываться.

— Погодите! — В закрывающиеся двери успела проскользнуть молодая женщина в костюме, на высоких каблучках и с большим желтым конвертом под мышкой. — Шестой, пожалуйста, — сказала она. — Ветро-морозный фактор обещает похолодание до двенадцати градусов. Не знаю, что стряслось с моим менталитетом — выскочить в такую погоду, чтобы повидаться с Брэдом.

— С Брэдом? — удивилась девушка в красных рукавичках. — С Брэдом? — спросила Джилл.

— С Брэдом? — воскликнула особа в голубых галошах.

— С Брэдом Макаффи, — сурово уточнила дама со значком.

— Да, — удивленно подтвердила девушка на высоких каблучках. — А вы что, все его знаете? Он — мой жених.

Салли набрала нужный код, вошла в лифт и нажала кнопку шестого этажа.

— Ульрик, я хочу объяснить, что произошло сегодня утром, — произнесла девушка, как только дверь закрылась. Она репетировала свою речь всю дорогу. Казалось, она никогда не доберется. «Дворники» прочно примерзли к стеклу, а две машины, застрявшие в снегу на обочине, создали настоящую пробку. Салли пришлось искать место, где припарковаться, а потом брести по сугробам, наметенным вьюгой в «восточной аллее». Но она так и не придумала, что сказать.

«Меня зовут Салли Мауэн, и я не развиваю язык». Нет, не годится. Она не может признаться ему, кто она такая. Как только Ульрик узнает, что она — дочка его босса, он перестанет ее слушать.

«Я говорю на нормальном английском языке, но я прочитала вашу записку, где говорилось, что вы ищете человека, который может развивать язык». Ужасно. Он спросит: «Какую записку?» — и ей придется объяснять, что она делала на дереве. Возможно, она должна будет рассказать, откуда узнала, что его зовут Ульрик Генри, как к ней попали его биография и портрет, и он ни за что не поверит, что это совпадение.

Зажглась цифра шесть, и дверь лифта открылась.

«Я не могу», — подумала Салли и нажала кнопку первого этажа. На полпути вниз она решила сказать то, что должна была сказать с самого начала. Она снова нажала на шестой.

— Ульрик, я люблю тебя, — громко продекламировала Салли. — Ульрик! Я! Люблю! Тебя!

Зажглась шестерка. Дверь открылась.

— Ульрик… — пробормотала девушка. Он стоял прямо перед лифтом и разглядывал ее.

— Вы ничего не хотите сказать? — спросил он. — Вроде: «Я саморазговариваю»? Это прекрасный пример германо-язычной компоновки. Но вы ведь, конечно, это знаете. Ведь развитие языка — ваша специальность, не так ли, Салли?

— Ульрик, — произнесла Салли. Она сделала шаг вперед и положила руку на дверь лифта, чтобы она не закрылась.

— Вы приехали домой на День благодарения и боялись, что потеряете без практики свои навыки, не правда ли? Поэтому решили спрыгнуть с дерева на лингвиста компании, чтобы, так сказать, набить на нем руку.

— Если вы заткнетесь на минуту, я все объясню, — сказала Салли..

— Нет, это неправильно, — запротестовал Ульрик. — Нужно было сказать «взмолчите» или даже «закройротните». Более впечатляюще.

— И почему мне показалось, что я смогу разговаривать с вами? — воскликнула Салли. — Зачем я теряла время, пытаясь развивать для вас английский язык?

— Для меня? — возмутился Ульрик. — Да какого черта вы решили, что мне это нужно?

— Потому что… О, забудьте об этом. — Салли нажала на кнопку первого этажа. Двери начали закрываться. Ульрик просунул руку между ними и остановил лифт. Он набрал номер из четырех цифр, потом нажал на кнопку «СТОП». Раздался странный щелчок, потом писк, но двери открылись снова.

— Проклятие, — выругался Ульрик. — Из-за вас я набрал личный код Брэда и запустил его дурацкую систему.

— Правильно, — сказала Салли, сжимая кулаки в карманах. — Смелей валите все на меня. Наверное, это я оставила записку на дереве, в которой говорилось, что вы ищете женщину, способную развивать язык.

Писк прекратился.

— Какую записку? — удивился Ульрик и отпустил кнопку остановки.

Салли вытащила руку из кармана, чтобы нажать кнопку первого этажа. Листок бумаги выпал из ее кармана. Ульрик успел протиснуться в лифт, когда двери начали закрываться, и поднял листок. Пробежав его глазами, он сказал:

— Послушайте, мне кажется, я могу объяснить, как все это случилось.

— Тогда делайте это побыстрее, — буркнула Салли. — На первом этаже я выхожу.

Как только Дженис положила трубку, Брэд схватил свою куртку. Он считал, что как нельзя лучше знает, зачем старина Мауэн позвал его. После того как Ульрик ушел, Брэду позвонили из «Тайм». Более получаса он обсуждал разные мелочи, касающиеся фотографа и макета четырехстраничного номера, посвященного проекту выброса отходов. Брэд решил, что газетчик успел позвонить президенту компании и рассказать ему о статье. И впрямь, не успел он повесить трубку, как компьютер запищал, предупреждая о появлении сообщения. Однако, когда Брэд повернулся к экрану, писк прекратился. Через минуту предупреждающий сигнал раздался снова — с удвоенной частотой. Конечно, это был будущий любимый тестюшка. Не успел Брэд прочитать полученное сообщение, как позвонила Дженис. Он сказал ей, что примчится быстрее молнии, схватил куртку и выскочил из двери.

Один из лифтов был на шестом этаже, но уже двигался вниз. Другой находился на пятом — и шел вверх. Брэд набрал свой код и сунул руку в рукав. Подкладка разорвалась, и рука Брэда запуталась. Он вытащил руку и попытался затолкать подкладку на место. Она

порвалась еще больше.

— Вот расхрендошляпина! — громко воскликнул молодой человек. Двери лифта раскрылись. Брэд вошел, все еще пытаясь справиться с непокорной подкладкой. Двери сомкнулись за его спиной.

Панель на стене начала попискивать. Это был предупреждающий сигнал для Брэда. Может, Мауэну зачем-нибудь понадобилось, чтобы он вернулся. Он нажал кнопку «Открыть дверь» — она не сработала. Лифт отправился вниз.

— Чтоб тебя разъерепенило, — выругался он.

— Привет, Брэд, — сказала Линн. Он обернулся.

— Что-то ты неважнецки выглядишь, — заметила Сью. — Правда, Джилл?

— В самую точку, — согласилась Джилл.

— Наверное, у него общажная лихоманка, — предположила Гейл.

Шарлотта ничего не сказала. Она прижала к груди папку и зарычала. Свет в лифте замигал, и он остановился между этажами.

> СООБЩЕНИЕ ДЛЯ ПРЕССЫ: «Сегодня компания «Мауэн кемикал» объявила о временной приостановке осуществления проекта пиролитического стратосферного выброса отходов на период исследований его влияния на окружающую среду. Линн Сандерс, руководитель проекта, сообщила, что оборудование будет деактивизировано на время переориентации критериев вероятностной оценки. Без всякой связи с вышесказанным П.Б. Мауэн, президент «Мауэн кемикал», объявляет об имеющем быть бракосочетании своей дочери Салли Мауэн и Ульрика Генри, вице-президента компании, контролирующего лингвистическую эффективность документации».

СВЕТЛОЕ РОЖДЕСТВО[5]

Снег на окраине городка Бренфорд, штат Коннектикут, пошел в одну минуту первого ночи по североамериканскому восточному времени. Ноа и Терри Блейк возвращались с вечеринки у Уиттерсов, где Миранда Уиттерс с полсотни раз повторила, что «мы, можно сказать, празднуем канун кануна Рождества». На углу Каное-Брук-роуд их застигли одинокие снежинки, а к тому моменту, как Ноа и Терри добрались домой, начался настоящий снегопад.

— Отлично! — сказала Терри, наклонившись к окну. — Я так надеялась, что Рождество в этом году будет снежным.

В час тридцать семь по центральному времени Билли Гроган, ведущий передачи по заявкам радиослушателей, заступая на ночную смену, сказал:

— А вот последние новости от Национальной метеорологической службы. В районе Великих озер сегодня ночью и завтра утром ожидается снег. Уровень осадков предположительно составит от двух до четырех дюймов. — Засим он вернулся к обсуждению рождественских песен, которые позвонившие терпеть не могли.

— Одну я просто ненавижу, — признался слушатель из Вауватосы — «Светлое Рождество». В этом месяце я ее уже раз пятьсот слышал.

— Собственно говоря, — отозвался Билли, — согласно «Ивнинг ньюз» города Сент-Клауд, «Светлое Рождество» в исполнении Бинга Кросби прозвучит в декабре две тысячи сто пятьдесят раз, а в исполнении других музыкантов — еще тысячу восемьсот девяносто раз. Звонивший фыркнул:

---

[5] Just Like the Ones We Used to Know © Перевод. Н. Просунцова, 2010

— Мне и одного раза многовато будет. Кому вообще сдалось это Рождество? Во всяком случае, не мне.

— К сожалению, от него вам никуда не скрыться, — ответил Билли. — Кстати говоря, встречайте — «Дестинис чайлд» с песней «Светлое Рождество»!

В час сорок пять ночи в парке города Боулинг-Грин под низким облачным небом проснулась стая гусей. Птицы полетели над центром, громко хлопая крыльями и перекликаясь, словно неожиданно приняли решение перезимовать дальше к югу. От шума проснулась Морин Рейнолдс — и больше не смогла заснуть. Она включила радио: шла программа «Старые добрые песни», заиграла «Рок-н-ролл вокруг елки», а потом «Светлое Рождество» в исполнении Бренды Ли.

В два пятнадцать по горному времени Пола Деверо прибыла в Денверский международный аэропорт, чтобы самым ранним рейсом вылететь в Спрингфилд, штат Иллинойс. Начинался снегопад. Пола, прижимая к груди платье подружки невесты и сумку с туфлями, бельем и косметикой (когда она в последний раз ездила на свадьбу, авиакомпания потеряла багаж, что вызвало большой переполох), стояла в очереди на экспресс-регистрацию, в очереди на досмотр и в очереди на посадку и надеялась, что самолет не взлетит… Но нет, не повезло, — взлетел.

«Еще бы не взлетел, — подумала Пола, глядя в иллюминатор на кружащийся вокруг крыла снег. — Стэйси ведь хочет, чтобы я успела к ней на свадьбу».

Стэйси сообщила Поле, что та будет подружкой невесты, и продолжила:

— Я мечтаю выйти замуж в Сочельник: свечи, еловые ветви… А за окном должен идти снег.

— А если погода подведет? — спросила Пола.

— Не подведет, — уверенно отрезала Стэйси.

И вот, пожалуйста — идет снег. Интересно, в Спрингфилде тоже? Конечно, и там. «Стэйси всегда получает желаемое, — подумала Пола. — Даже Джима».

Не думай об этом, велела она себе. Ни о чем не думай. Сосредоточься на том, чтобы пережить свадьбу. Если повезет, Джим появится только на церемонии и тебе не придется с ним тесно общаться.

Пола взяла бесплатный журнал и попыталась погрузиться в чтение, потом настроила наушники на четвертый канал — «Хиты сезона». Звучало «Светлое Рождество» в исполнении братьев Стэтлер.

В три тридцать восемь снег пошел в городе Боулинг-Грин, штат Кентукки. Гуси, летавшие над городом, вернулись в парк и уселись на островке посреди озера. Снег скапливался у них на спинах, но птицы не обращали на это внимания: толстый слой подкожного жира защищал их от холода, даже когда температура падала ниже нуля.

В три придцать девять Люк Лафферти проснулся в уверенности, что забыл положить размораживаться гуся, которого мать уговорила его купить для ужина в Сочельник. Люк встал и проверил. Нет, гуся он достал. Возвращаясь в постель, Люк выглянул в окно и увидел, что идет снег — его это не взволновало. В новостях обещали небольшой снегопад в Уичите, который, впрочем, должен был закончиться ближе к полудню. Никто из родственников не жил дальше, чем в полутора часах езды, разве что тетя Лулла, но если она не сможет приехать, семейной беседы это не нарушит. Мама и тетя Мейдж такие болтушки, что ввернуть словечко не представляется возможным, а вот тетя Лулла…

— Она всегда была самой застенчивой, — говорила мать Люка.

И правда, Люк не мог припомнить, чтобы на семейных сборищах Лулла что-то говорила, кроме как «Передайте, пожалуйста, картошку».

Гусь не давал ему покоя. Не стоило идти на поводу у матери. Хватало и того, что она

уговорила Люка организовать семейный ужин у него дома. Он понятия не имел, как готовить гуся.

— А если все пойдет наперекосяк? — спросил тогда он. — Сомневаюсь, что есть горячая линия по готовке гусей.

— Тебе не понадобится горячая линия, — заверила его мать. — Это точно так же, как индейку готовить. К тому же готовить тебе не придется. Я приеду и сама засуну гуся в духовку, ты только его разморозь. У тебя есть противень?

— Да, — ответил Люк, но если честно, он не помнил.

В четыре четырнадцать он снова подскочил: проверить. Как оказалось, противень у него был. За окном все еще шел снег.

В четыре шестнадцать утра по горному времени Слейд Генри, заступая ведущим ночного ток-шоу на окраине города Бойсе, сказал:

— Похоже, ребята, если вы ждете снежного Рождества, ваши надежды оправдались. На западе Айдахо от трех до шести дюймов осадков.

Он запустил «Светлое Рождество» Джонни Кэша, после нескольких аккордов выключил и вернулся к обсуждению убийства Джона Кеннеди со слушателем, который был уверен, что без Клинтона там не обошлось.

— Литл-Рок не так уж далеко от Далласа, — утверждал звонивший. — На машине за четыре с половиной часа добраться можно.

Во всяком случае, не сегодня: 30-я магистральная трасса покрылась наледью из-за дождя, который начался после полуночи и постепенно превратился в снег. Предательская погода не остановила Монти Люффера: у него был «форд эксплорер». В пять с небольшим, к западу от Тексарканы, Монти потянулся переключить радиостанцию — «Ну их, клятых «Бэкстрит бойз» с их «Светлым Рождеством»!» — потерял управление и вылетел на разделительную полосу. Водитель многотонной фуры на встречной резко затормозил. Фуру занесло, что спровоцировало столкновение тридцати семи машин. Трассу пришлось перекрыть.

* * *

В пять двадцать одну утра по тихоокеанскому времени четырехлетний Мигель Гутьеррес запрыгнул маме на живот:

— Сегодня Рождество, да?

— Не прыгай, малыш, — пробормотала Пилар, подставляя ему спину.

Мигель забрался на нее и прокричал в самое ухо:

— Сегодня Рождество, да?

— Нет, — слабо отозвалась Пилар. — Рождество завтра. Иди, посмотри мультфильмы. Мамочка сейчас встанет. — Она натянула подушку на голову.

Мигель тут же вернулся. «Наверное, не нашел пульт от телевизора», — решила Пилар. Впрочем, это вряд ли… Пульт ткнул ее под ребра.

— Что такое, милый? — спросила она.

— Санта не придет, — отозвался Мигель со слезами в голосе.

Сон моментально слетел с Пилар: сын наверняка решил, бедняжка, что Сайта его не отыщет. Это все Джо виноват. Согласно постановлению об опеке она должна была проводить с сыном Рождество, а отец — Новый год, но Джо Гутьеррес заставил судью изменить решение, так что им пришлось делить сына на Сочельник и Рождество. После того как Пилар рассказала об этом Мигелю, бывший муж заявил, что им надо поменяться днями.

Пилар отказалась, но Джо пригрозил новым судом, и ей пришлось согласиться. После чего Гутьеррес решил, что под «Рождеством» подразумевается следующее: Пилар привозит Мигеля вечером накануне, чтобы мальчик проснулся и открывал подарки в доме отца.

— Он прекрасно откроет твои подарки и без тебя. — Джо отлично знал, что сын все

еще верит в Санта-Клауса.

Значит, после ужина ей предстояло везти Мигеля вместе с подарками к бывшему мужу в Эскондидо — туда, где ей не суждено увидеть, как сын их откроет.

— Я не могу ехать к папе, — сказал Мигель, когда мать все ему объяснила. — Санта принесет мне подарки *сюда.*

— Да нет же, — возразила Пилар. — Я написала Санте, что на Рождество ты будешь у папы, и подарки он тебе принесет туда.

— Ты отправила письмо на Северный полюс? — уточнил Мигель.

— Да, на Северный полюс. Сегодня с утра на почту отнесла.

Этот ответ мальчика вполне удовлетворял. До сих пор.

— Санта придет. — Пилар обняла сына. — Он принесет подарки к папе, помнишь?

— Нет, — всхлипнул Мигель.

Чертов Джо. Не надо было идти у него на поводу, но каждый раз, когда возобновлялись судебные заседания, бывший муженек и его адвокат-удав выжимали из судьи все новые уступки. А ведь пока они не развелись, Джо абсолютно не интересовался сыном. Сейчас у Пилар не было денег на судебные расходы.

— Ты волнуешься, потому что папа живет в Эскондидо? — спросила она. — Но Санта ведь волшебник. Он за одну ночь может облететь всю Калифорнию. Он за одну ночь может *весь мир* облететь.

Мигель прижался к матери и яростно замотал головой:

— Не может!

— Почему?

— Потому что снега нет! Я хочу, чтобы пошел снег. Санта не сможет приехать на санях, если снега не будет.

Самолет Полы приземлился в Спрингфилде в семь сорок восемь утра по центральному времени, опоздав на двадцать минут. Джим встречал ее в аэропорту.

— Стэйси у парикмахера, — объяснил он. — Я боялся опоздать. Хорошо, что самолет немного задержался.

— В Денвере шел снег. — Пола старалась не смотреть на Джима — он такой милый, а от его улыбки все так же слабеют колени.

— Тут только что пошел, — сказал Джим.

«Как же у нее это выходит?» — недоумевала Пола. Стэйси можно только восхищаться. Она получает все, что хочет. Пола передала сумку Джиму и вдруг подумала: «Можно было спокойно сдавать платье в багаж. Его бы ни за что не потеряли, ведь Стэйси хотела, чтобы оно доехало».

— На дороге становится скользко, — говорил Джим. — Надеюсь, родители без проблем доберутся. Они едут из Чикаго.

Доберутся, не сомневалась Пола. Ведь так хочет Стэйси. Джим снял багаж Полы с вертушки и остановился:

— Погоди, я обещал позвонить Стэйси, как тебя встречу. — Он раскрыл мобильник и приложил его к уху. — Стэйси? Да, здесь. Ладно. Хорошо, заберем по дороге. Да. Ладно.

Он захлопнул телефон.

— Стэйси попросила забрать по дороге гирлянды из еловых веток. А потом я вернусь в аэропорт, встречу Киндру и Дэвида. Кстати, надо бы посмотреть, что там с их рейсами.

Джим прошел наверх, к кассам, взглянуть на табло прибытий. За окнами аэропорта падали крупные, идеальные, кружевные снежинки.

— Киндра прилетит в два девятнадцать из Хьюстона. — Джим разыскал нужные рейсы на табло. — А Дэвид в одиннадцать сорок из Ньюарка. Слава богу, оба по расписанию.

Конечно, по расписанию, думала Пола, разглядывая табло. В Денвере снег, наверное, усилился. Рядом со всеми вылетами из Денвера загорелась пометка «задержан», то же самое произошло с рейсами из Шайенна, Портленда и Ричмонда. Пока Пола смотрела на табло,

пометки рядом с рейсами из Бостона и Чикаго сменились с «по расписанию» на «задержан», а надпись у Рэпид-сити превратилась из «задержан» в «отменен». Девушка снова взглянула на рейсы Киндры и Дэвида. Разумеется, «по расписанию».

Лыжные курорты в Аспене, Лейк-Плейсиде, Скво-Вэлли, Стоу, на озере Тахо и в Джексон-Хоул проснулись под несколькими дюймами снега. Туристы, которые заплатили девяносто долларов за подъемник, приветствовали снег с радостью; владельцы курортных местечек — с раздражением (мог ведь снег и пару недель назад пойти); а сноубордисты Кент Слаккен и Бодин Кромпс издали восторженный вопль и немедленно отправились в Брекенридж — без карты, спичек, шлемов, сигнальных огней и датчиков на случай лавины. Вдобавок они не удосужились никому сообщить, что их интересует глушь с «самыми экстремальными трассами».

В семь ноль пять Мигель ворвался в комнату и снова запрыгнул на Пилар — на этот раз он приземлился ей прямо на мочевой пузырь.

— Снег идет! Санта приедет! Санта теперь точно приедет! — Снег? — недоуменно переспросила Пилар. В Лос-Анджелесе? — Снег? Где?

— По телевизору. Я сделаю себе кашу?

— Нет. — Пилар прекрасно помнила, чем готовка окончилась в прошлый раз. Она протянула руку и нашарила халат. — Посмотри телевизор, пока мамочка блинчиков напечет.

Мигель застыл перед телевизором. На экране мужчина в зеленой куртке вещал из сугроба на фоне машины «Скорой помощи» с включенными фарами.

— Сегодня утром погодные условия привели к несчастному случаю в Додж-сити…

— Давай-ка поищем мультики. — Пилар поставила перед сыном тарелку с блинчиками и щелкнула пультом.

— В Колумбии, столице штата Южная Каролина, неожиданный буран повредил электрокоммуникации…

Щелк.

— Возможно, проблема вызвана областью низкого атмосферного давления, которая захватила Канаду и северную часть США. Снег идет на Среднем Западе, на атлантическом побережье и…

Щелк.

— …здесь, в городе Боузмэн, идет снег…

— Я же сказал, что снег идет, — довольно подтвердил Мигель, поедая блинчики. — Совсем как я хотел! Давай после завтрака снеговика слепим?

— Милый, в Калифорнии снега нет, — покачала головой Пилар. — Это про погоду во всей стране рассказывают. Репортер в Монтане, а мы в Калифорнии.

Мальчик схватил пульт и переключил на канал, где репортерша стояла в снегу возле огромного тиса.

— Около четырех часов утра в Монтерее, штат Калифорния, пошел снег. Как видите… — Девушка выразительно указала на свой дождевик и зонтик. — Как видите, он всех застал врасплох.

— Она в Калифорнии, — настаивал Мигель.

— Да, но в северной части Калифорнии, — объяснила Пилар. — Там намного холоднее, чем в Лос-Анджелесе. В Лос-Анджелесе снег не пойдет.

— Пойдет, — возразил Мигель, указывая на окно.

На пальмы у обочины опускались большие белые снежинки.

Без двадцати десять по центральному времени у Нэйтана Эндрюса зазвонил телефон (который он по идее выключил) прямо посреди совещания по поводу гранта. Впрочем, на успех Нэйтан не надеялся. Раньше ему казалось, что назначить встречу в Омахе на канун Рождества — блестящая мысль. На этот день особых планов у предпринимателей не было, а

дух праздника должен был смягчить их и подтолкнуть к тому, чтобы отстегнуть кругленькую сумму. На деле же оказалось, что бизнесмены невнимательны и обеспокоены тем, как бы успеть к началу корпоративной вечеринки, не опоздать с рождественской покупкой «мерседеса» или что-нибудь еще в этом роде, — чем там обычно богачи занимаются. К тому же им не давал покоя снегопад, который начался утром прямо в час пик.

Вдобавок они были придурками.

— Значит, вам нужен грант на изучение глобального потепления, а потом вдруг вы говорите, что собираетесь измерять уровень снега…

Нэйтан попытался еще раз объяснить, что глобальное потепление приводит к увеличению влажности атмосферы, а значит, и к росту доли осадков в виде дождя и снега, и что сильные снегопады могут привести к увеличению альбедо и охлаждению поверхности Земли.

— Если на Земле холодает, то теплее не становится, — заметил один из предпринимателей. — Одновременно-то не бывает.

— Вообще говоря, бывает. — Нэйтан пустился в объяснения по поводу таяния полярных льдов, которое может привести к увеличению доли пресной воды в Северной Атлантике. — Пресная вода будет держаться на поверхности Гольфстрима, не давая более прогретому слою опускаться и остывать, а также изолируя теплое течение. Европа попросту замерзнет, — подытожил он.

— Ну, значит, глобальное потепление окажется очень кстати, — предположил другой предприниматель. — Вот и согреемся.

Нэйтан терпеливо разъяснил, что в мире одновременно произойдет и резкое потепление, и похолодание, начнутся многочисленные засухи, наводнения и прочие стихийные бедствия.

— Подобные изменения могут случиться очень быстро, — добавил он. — Не следует полагать, что температура будет расти постепенно, а уровень моря — медленно понижаться. Возможно, произойдет нечто неожиданное, кризис: резкий температурный скачок, или супераураган, или мегабуря — без малейшего предупреждения. Вот почему наш проект так важен. Если создать достаточно полную климатическую базу данных, то мы получим более точные компьютерные модели, а благодаря им…

— Компьютерные модели! — фыркнул один из собеседников. — Да они врут чаще, чем оказываются правы!

— Потому что не учитывают достаточное количество условий, — кивнул Нэйтан. — Климат — невероятно сложная система, в которой тысячи факторов взаимодействуют при исключительно запутанных условиях — погодные явления, облака, влажность, морские течения, человеческое вмешательство, посадки… До сих пор компьютерные модели принимали во внимание лишь незначительное число факторов. В нашем проекте их будет задействовано более двухсот, а значит, точность моделей экспоненциально возрастет. Мы сможем предсказать кризис до того, как он случится…

В этот самый момент и заверещал телефон. Звонил Чин Сунг, дипломник Нэйтана из лаборатории.

— Ты где? — закричал он в трубку.

— На встрече, по поводу гранта, — прошептал Нэйтан. — Перезвоню через пару минут.

— Ага, и прохлопаешь Нобелевскую! — не унимался Чин. — Помнишь твою дурацкую теорию про то, что глобальное потепление может вызвать внезапный кризис? Ну так дуй сюда! Возможно, сегодня ты окажешься прав.

— Что? — Нэйтан поплотнее обхватил трубку. — Что стряслось? Упала температура Гольфстрима?

— Нет, течения тут ни при чем. Все происходит прямо здесь.

— Что происходит-то?

Чин ответил вопросом на вопрос:

— У тебя там снег идет?

Нэйтан посмотрел за окно конференц-зала:

— Да.

— Я так и думал. У нас тоже.

— Ты поэтому мне звонишь? — прошипел ученый. — Потому что в декабре в Небраске вдруг пошел снег? Если ты не смотрел на календарь, возьму за труд напомнить, что зима началась три дня назад. Сейчас и *должен* идти снег.

— Ты не понял, — вздохнул Чин. — Снег идет не только в Небраске. Он повсюду.

— Что значит «повсюду»?

— Повсюду — значит повсюду. Сиэтл, Солт-Лейк-Сити, Миннеаполис, Провиденс, Чаттануга… — Чин умолк, послышались щелчки компьютерных клавиш. — Абилен, Шривпорт, Саванна… Постой-ка, в Талахасси тоже зарегистрирован снегопад. На юге Талахасси…

Наверное, воздушные потоки отклонились к югу.

— Где эпицентр низкого давления?

— В том-то и дело, — ответил Чин, — эпицентр вычленить невозможно.

— Еду, — бросил Нэйтан.

В миле от шоссе сноубордисты Кент Слаккен и Бодин Кромпс, ничего не видя за тяжелыми хлопьями снега, съехали в кювет.

— Черт, — ругнулся Бодин, вдавив педаль газа в пол и пытаясь выбраться задним ходом.

Машина увязла еще глубже — так, что им не удалось даже открыть дверь.

Джиму и Поле понадобилось целых два часа, чтобы забрать гирлянды и двинуться в направлении церкви. Кружевные снежинки падали все быстрее и гуще, так что последние несколько миль машина еле ползла.

— Надеюсь, хуже уже не будет, — обеспокоено заметил Джим. — Иначе гостям придется туго.

Стэйси это, казалось, ничуть не волновало.

— Как красиво! Больше всего на свете я хотела, чтобы в день моей свадьбы шел снег, — улыбнулась она, встречая будущего мужа и подругу в дверях. — Пола, идем, поглядим, как снежинки смотрятся через окна церкви. Все будет просто идеально.

Джим тут же снова уехал: ему надо было забрать Киндру и Дэвида из аэропорта. Честно говоря, Пола этому была только рада. По дороге из аэропорта ей в голову начали закрадываться те же напрасные надежды, которые она питала в начале их знакомства. Надежды и впрямь были напрасными — это подтвердил один взгляд на Стэйси.

Невеста была прекрасна даже в свитере и джинсах: безукоризненный макияж, светлые волосы собраны в сверкающую снежным блеском прическу с волнистыми локонами. Каждый раз, когда Пола делала прическу перед торжеством, она выглядела как в дурном фильме годов так пятидесятых. Как Стэйси это все удается? Вот увидите, снег прекратится, а потом начнется точно к церемонии.

Но нет. Снег все шел, а приехавшая на репетицию священница сказала:

— Вот уж не знаю. Я полчаса от дома на дорогу выбиралась. Может, перенесете свадьбу?

— Не глупите. Ничего мы переносить не будем. Свадьба состоится в канун Рождества, — отрезала Стэйси, а затем выдала Поле белые атласные ленты и велела привязывать гирлянды к скамьям.

* * *

В Санта-Фе моросило. Бев Кэрри поселилась в гостинице и вышла прогуляться на

площадь. С неба падал ледяной дождь, который проникал сквозь легкое пальто и тонкие перчатки, которые Бев захватила с собой. Вообще-то она планировала с утра пробежаться по магазинам, но в витринах висели практически одинаковые объявления: «Магазин закрыт в Сочельник и Рождество», а тротуар возле губернаторского дворца, где — согласно путеводителю — зуньи и навахо торговали украшениями из серебра и бирюзы, пустовал.

«По крайней мере снега нет», — сказала себе Бев и вернулась в отель, ежась и кутаясь в пальто. Витрины разукрашены «ристрас» — связками чеснока и фонариками в форме перчиков чили. Даже елка в фойе отеля наряжена куклами качина — духами предков.

Подруга Бев, Дженис, уже успела оставить сообщение по телефону. «Если ей не перезвонить, она решит, что я выпила целый пузырек снотворного», — думала Бев, поднимаясь в номер. По пути в аэропорт Дженис встревожено спросила:

— Ты о самоубийстве и не помышляешь, правда? Другая подруга, Луиза, узнав, что задумала Бев, немедленно отозвалась:

— Я тут в одной телепрограмме смотрела сюжет про самоубийства в Рождество. Говорят, люди, пережившие смерть супруга, особенно уязвимы. Ты ведь не станешь ничего такого делать?

Ни Дженис, ни Луиза не понимали, что Бев собиралась спасать свою жизнь, а не губить ее. Рождество дома — с елочными гирляндами, венками и свечками — могло ее доконать. И снег.

— Знаю, тебе не хватает Говарда, — говорила Дженис. — Скоро Рождество, и тебе грустно.

Грустно? Она была уничтожена, раздавлена. Каждое воспоминание, каждая мысль о покойном муже, каждое употребление прошедшего времени «Говард любил… Говард знал… Говард был…» — становилось смертельным ударом. В книгах по психологии писали про «боль потери любимого человека», но Бев понятия не имела, что боль может быть настолько резкой и невыносимой, пронзающей, словно кинжал. Единственная надежда — сбежать. Не то чтобы она «решила на Рождество поехать в Санта-Фе». Она бежала — как жертва бежит от убийцы.

Бев сняла промокший плащ и перчатки и позвонила Дженис.

— Ты ведь обещала сообщить, как только приедешь, — упрекнула ее подруга. — Ты как?

— Все в порядке, — ответила Бев. — Вот, прогулялась по площади. — Она не стала говорить, что идет дождь, не хотелось услышать в ответ «Я же тебе говорила!» — Тут очень красиво.

— Надо было мне поехать с тобой, — сказала Дженис. — Тут такой снегопад. Уже десять дюймов нападало. А ты, наверное, сидишь где-нибудь на патио и пьешь «Маргариту».

— Сангрию, — соврала Бев. — Днем посмотрю город. Дома все выкрашены в розовый, небо голубое-голубое, а двери желтые. Ночью весь город в огнях. Ты бы только видела!

— Да, хотела бы я быть сейчас там, с тобой, — вздохнула Дженис. — У нас тут снег да снег. Понятия не имею, как до магазина добираться. Ну, по крайней мере Рождество будет снежное. Жаль, Говард не увидит… Он ведь любил, когда на Рождество идет снег?

Говард… Вот он листает «Фермерский альманах», зачитывает ей вслух прогноз погоды, подзывает Бев к окну, за которым начинается снегопад, и говорит:

— Похоже, в этом году Рождество будет снежное. — Для него это словно подарок под елкой. И он обнимает ее…

— Да, — выдохнула Бев, борясь с внезапным приступом боли. — Да.

В Балтиморе шел мокрый снег. Уоррен Несвик прибыл в отель «Мариотт», и как только они с Шэрой поднялись в номер, сказал девушке, что ему надо позвонить по работе.

— А потом я весь твой, детка.

Уоррен спустился в фойе. По телевизору в углу показывали карту с погодными обозначениями. С минуту он смотрел на экран, потом достал мобильник.

— *Где тебя носит?* — воскликнула его жена Марджин.

— Я в Сент-Луисе, — ответил Уоррен. — Рейс перенаправили из-за снегопада в аэропорту О'Хара. Какая у вас там погода?

— Снег, — ответила женщина. — Когда будет вылет?

— Понятия не имею. Все забронировано, сегодня же Сочельник. Подождем, вдруг резерв выбросят. Как только что-то узнаю, перезвоню. — Он повесил трубку раньше, чем Марджин успела уточнить номер рейса.

До лаборатории было всего пятнадцать миль, но Нэйтан ехал целых полтора часа. В дороге он размышлял, насколько велика вероятность того, что повсеместный снегопад — действительно признак кризиса. Сторонники (как и противники) глобального потепления все время принимали за кризис малейшие отклонения от нормы. Началу глобального потепления приписывали любой ураган, торнадо или засуху, хотя все эти явления укладывались в нормальный ход вещей.

В декабре и раньше случались сильные снегопады. Например, буран тысяча восемьсот восемьдесят восьмого года или рождественская метель две тысячи второго. Вероятно, Чин ошибается насчет того, что система низкого давления не имеет единого центра. Скорее всего, задействовано несколько систем одна расположилась над Великими озерами, а другая — к востоку от Скалистых юр, и теплый влажный ветер с берега Мексиканского залива сталкивается с ними, что и приводит к обильным осадкам.

Осадки и впрямь были обильными. По радио передали, что снег идет по всему Среднему Западу и вдоль восточного побережья. Топека, Тульса, Пеория, северная часть Виргинии, Хартфорд, Монпелье, Рено, Спокан. Нет, Рено и Спокан к западу от Скалистых гор. Наверное, есть и третья система. Все равно это не кризис.

Парковку у лаборатории не почистили, так что Нэйтану пришлось оставить машину на улице. Снега навалило уже по колено, и ученый припомнил историю о первых поселенцах в Небраске, которые в метель пошли к амбару и пропали: их тела нашли только по весне.

Он открыл дверь, вошел и некоторое время стоял, согревая руки дыханием и глядя на экран телевизора, который Чин установил на тележку в углу. Симпатичная репортерша в куртке и Микки-Маус стояла под густыми белыми хлопьями напротив чего-то, что больше всего походило на гигантского снеговика.

— Здесь, в Дисней-уорлд, снегопад вызвал немало сложностей, — говорила девушка под звуки «Светлого Рождества» в исполнении оркестра. — Ежегодный рождественский парад…

— А, приехал! — обрадовался Чин, выходя с распечатками из комнаты, где стоял факс. — Чего так долго?

— Данные по климатическим колебаниям получил? — поинтересовался Нэйтан вместо ответа.

Чин кивнул, сел за компьютер и что-то напечатал. Верхний монитор слева заполнился столбцами чисел.

— Покажи-ка метеорологическую карту страны, — попросил Нэйтан, расстегивая куртку и усаживаясь за главный компьютер.

Чин вывел на экран карту США, наполовину закрашенную синим: от западной части Орегона и восточной оконечности Невады вверх по атлантическому побережью до Новой Англии, и южнее — до Оклахомы, севера Миссисипи, Алабамы и большей части Джорджии.

— Боже, это даже страшнее, чем ураган Марина в девяносто втором, — поразился Нэйтан. — Есть фотографии со спутника?

Чин снова кивнул, и на экране появилось изображение.

— Данные передаются в режиме реального времени со всех метеорологических станций и городов. Белый — это снег, — зачем-то добавил он.

Белый цвет покрывал даже большую территорию, чем синий — скрюченные пальцы протянулись через Аризону и Луизиану в Орегон и Калифорнию. Снег окружали неровные

розовые полосы.

— Розовый — это дождь? — спросил Нэйтан.

— Снег с дождем, — уточнил Чин. — Что скажешь? Похоже на кризис?

— Не знаю. — Нэйтан принялся изучать показания барометров.

— А что же еще? В Орландо идет снег. И в Сан-Диего.

— В этих городах снег выпадал и раньше, — возразил Нэйтан. — Да и в Долине Смерти тоже. Единственное место на территории США, где снега никогда не было — Флорида-Кис. Ну, и Гавайи. На этой карте все вписывается в рамки нормальных погодных условий. Пока во Флорида-Кис не повалил снег, волноваться не стоит.

— А как же другие места? — спросил Чин, глядя на центральный экран слева.

— Что за другие места?

— Снег идет не только в Америке. Поступили данные из Канкуна. И из Иерусалима.

В одиннадцать тридцать Пилар устала объяснять сыну, что снега не хватит на снеговика, и вывела Мигеля на улицу, укутав его в рубашку, свитер, теплую куртку и свои гетры вместо перчаток. Мальчик продержался пять минут, и они вернулись в дом.

Пилар усадила сына за кухонный стол, дала ему бумагу с карандашами — рисовать снеговика — и пошла в гостиную посмотреть прогноз.

— Снег идет в Голливуде, — говорил репортер прямо напротив заснеженной надписи «Голливуд», — и это настоящие снежинки, а не что-нибудь там.

Пилар переключила канал.

— В Санта-Монике идет снег, — вещал репортер на пляже, — но это не остановило серфингистов…

Щелк.

— Para la primera vez en cincuenta anos en Marina del Rey…[6] Щелк.

— В Лос-Анджелесе впервые за последние пятьдесят лет идет снег. С нами Вин Дизель на съемках фильма «XXX-2». Что скажешь про снегопад, Вин?

Пилар махнула рукой и вернулась на кухню. Мигель как раз закончил рисунок и снова рвался на улицу. Она уговорила его послушать «Элвина и бурундуков».

— Ладно, — кивнул мальчик.

Мать оставила его подпевать Элвину про «Светлое Рождество» и вернулась к прогнозу погоды. Репортер из Санта-Моники упомянул о том, что на дорогах довольно скользко, и сразу же перешел к интервью с каким-то психом, который божился, что предсказывал этот снегопад. На испаноязычном канале Пилар удалось углядеть, что 405-е шоссе ползет в обычном темпе.

Наверное, на дорогах все не так уж и плохо, а то бы по телевизору показали. Но все же стоит выехать в Эскондидо пораньше. Не хотелось, конечно, жертвовать целым днем, но безопасность превыше всего.

Снег не прекращался.

Мигель зашел в гостиную и попросился гулять.

— Но сначала соберем твои вещи, ладно? Возьмешь пижаму с покемонами или со Спайдерменом?

К полудню по восточному времени снег шел в сорока восьми штатах. В городе Элко, штат Невада, осадки составили больше двух футов, в аэропорту Цинциннати намело тридцать восемь дюймов снега, а в Майами — пурга.

На радио тема убийства Кеннеди уступила место обсуждению снегопада.

— Вот вам крест, за этим стоят террористы, — утверждал слушатель из Терр-От. — Они стремятся уничтожить нашу экономику, а что может быть страшнее, чем не дать людям

---

[6] В первый раз за последние пятьдесят лет в Марина-дель-Рей… *(исп.)*

сделать покупки перед Рождеством? Не говоря уж о том, что будет с моими семейными отношениями. Как купить жене подарок в такую погоду? Точно вам говорю, чувствуется рука «Аль-Каиды».

За обедом Уоррен Несвик сказал Шэре, что ему снова придется сделать звонок по работе.

— Парень, с которым я пытался связаться, еще не добрался до офиса. Из-за снегопада, — объяснил Уоррен и снова спустился в фойе. По телевизору в углу показывали заснеженные посадочные полосы и билетные стоики. Светловолосая репортерша в обтягивающем красном свитере докладывала:

— Здесь, в Цинциннати, снег не прекращается. Аэропорт пока открыт, но власти предупреждают, что его могут закрыть в любой момент. Снег скапливается на взлетно-посадочных полосах…

Уоррен набрал номер Марджин:

— Я в Цинциннати. В последний момент раздобыл билет. До пересадки еще три часа, но по крайней мере место мне обеспечено.

— Но ведь в Цинциннати снег? — переспросила женщина. — По телевизору только что показывали…

— Говорят, часа через полтора снегопад прекратится. Милая, прости. Ты же знаешь, я бы очень хотел провести Рождество рядом с тобой.

— Знаю. — В голосе Марджин скользнуло разочарование. — Ничего, Уоррен. Ты ведь не отвечаешь за погоду.

Бев спустилась на обед. В гостиничном фойе работал телевизор.

— Снег в Альбукерке, — говорил диктор, — в Ратоне, Санта-Розе и Вэгон-Маунд.

«Про Санта-Фе ничего не говорят», — твердо сказала себе Бев, проходя в ресторан.

— Там почти никогда не бывает снега, — утверждал тур-агент. — Нью-Мексико в пустыне. А снег если и выпадет, то тут же растает.

— В Эспаньоле четыре дюйма нападало, — объявила крепкая официантка в блузке с оборками и широкой красной юбке мальчику, который убирал посуду со стола. — Уж не знаю, как домой поеду.

— Лучше бы на Рождество снега не было, — дразнила Бев мужа в прошлом году. — А то как все эти бедняги домой доберутся?

— Попридержи язык, женщина! Подумай, что бы на это сказали издатели рождественских открыток? — отвечал он, скрестив руки на груди.

Так же, как сейчас скрестила она.

Крепкая официанта обеспокоено смотрела на Бев:

— Все в порядке, сеньора?

— Да. Столик на одного, пожалуйста.

Не сводя с посетительницы встревоженного взгляда, официантка повела Бев по ресторану, усадила за столик, вручила меню. Бев вцепилась в меню, словно в спасительный плот, сосредоточилась на незнакомых словах и экзотических ингредиентах: кукурузные лепешки-тортильи, кесадийи…

— Не желаете что-нибудь выпить?

— Да, — улыбнулась Бев, кинув взгляд на табличку с именем на груди девушки. — Сангрию, пожалуйста, Кармелита.

Кармелита кивнула и удалилась, а гостья огляделась по сторонам, думая о том, как она будет пить сангрию и глазеть на других постояльцев, подслушивать их разговоры… Но в вымощенном плиткой зале Бев была одна. Ресторан выходил на патио. За стеклянными дверьми дождь превращался в мокрый снег, который падал на терракотовые горшки с кактусами, перевернутые зонтики, сложенные друг на друга столы и стулья.

Бев представила, как она обедает в залитом солнцем патио, сидит на солнышке под одним из тех зонтиков, смотрит на пустыню и слушает оркестр марьячи. Из колонок лились

рождественские песенки: закончилась «Пусть идет снег» и началось «Светлое Рождество» в исполнении группы «Сьюпримз».

— В каком разделе засев облаков? — как-то спросил Говард, входя в комнату с телефонным справочником в руках.

Бев как раз упаковывала подарки. Наступило двадцать второе декабря, а снег так и не выпал.

— Ты собираешься нанять самолет для засева облаков? — рассмеялась Бев.

— Посмотрим-ка… Облака… Дождь… — продолжал шутить ее муж. — А может, сеятель?

Снег выпал двадцать четвертого. Говард вел себя так, будто сам лично этому поспособствовал.

— Говард, это не твоя заслуга!

— Откуда тебе знать? — Он рассмеялся и заключил жену в объятия.

«Это невыносимо, — думала Бев, лихорадочно отыскивая взглядом Кармелиту с бокалом сангрии. — Как другие справляются?» Она знала немало вдов, и, казалось, у них дела шли неплохо. Если собеседник заговаривал об их покойных мужьях, вдовы улыбались и отвечали… Дорин Мэттьюс даже сказала:

— Теперь, когда Билла со мной больше нет, я смело могу украсить елку на Рождество розовыми шариками. Всегда мечтала о розовой елке, но Билл и слышать не хотел.

Подошла все еще встревоженная официантка.

— Ваша сангрия. Может, кукурузные чипсы и сальсу?

— Да, спасибо! — Бев улыбнулась. — И энчиладах с курицей.

Кармелита кивнула. Бев сделала глоток вина и достала из сумочки путеводитель. Вот сейчас она пообедает на славу и пойдет осматривать город. Бев открыла книгу на странице с местными достопримечательностями. Резервация Сан-Ильдефонсо. Слишком далеко, а за окном снег с дождем.

Национальный парк петроглифов. Нет, это ближе к Альбукерку, а там снегопад. Монастырь Сантуарио-де-Чимайо, «28 миль к северу от Санта-Фе по 75-й трассе. Городок Чимайо: исторический ткацкий центр, магазины, церковь, прозванная «американским Лурдом». Говорят, что грязь в комнатке возле алтаря имеет целебные свойства — достаточно втереть ее в поврежденное место…»

«Но у меня все болит», — подумала Бев.

«Небезынтересно осмотреть пять запрестольных перегородок девятнадцатого века. Резное изображение святого отрока аточского (см. Лагрима, стр. 98)».

Бев открыла девяносто восьмую страницу.

«Церковь Богоматери Присноскорбящей, 28 миль от Санта-Фе, юго-восток, 41-я трасса. Глинобитная церковь шестнадцатого века. В 1968 году статуя Девы Марии по слухам источала целительные слезы».

Целительные слезы, святая грязь, не хватает только чудотворной лестницы… А, вот она, в часовне Лоретто. «Открыта с 10.00 до 17.00 с апреля по октябрь, закрыта с ноября по март».

Придется ехать в Чимайо. Бев достала карту, полученную вместе с прокатной машиной. Кармелита вернулась с чипсами и сальсой.

— Я собираюсь в Чимайо. Как туда лучше всего доехать? — спросила Бев.

— Сегодня? — Официантка, кажется, растерялась. — Я бы не стала. Дорога извилистая, а нам только что позвонили, что снег так и валит.

— Тогда как насчет индейских поселений, пуэблос? Кармелита покачала головой:

— Туда можно добраться только по проселочной дороге, а нынче все замерзло. Вам лучше остаться в городе. В полночь в соборе будет рождественская служба.

«Но днем-то мне тоже чем-то надо заняться». — Бев снова раскрыла путеводитель. Центр исследования индейской культуры — открыт только по выходным. Ранчо-де-лас-Голдринас — закрыто с ноября по март. Исторический музей Санта-Фе —

закрыт с двадцать четвертого декабря по первое января.

Музей Джорджии О'Кифф — работает ежедневно.

Отлично, подумала Бев, читая описание: «Самая большая в мире постоянная экспозиция работ Джорджии О'Кифф. Знаменитая американская художница провела в окрестностях Санта-Фе много лет. Она впервые приехала сюда в 1929 году, поправить здоровье и психику. Сухой и жаркий климат Нью-Мексико излечил ее и дал ей вдохновение. Многие из лучших работ Джорджии О'Кифф созданы именно здесь».

Отлично. Залитые солнцем картины: коровьи черепа, огромные тропические цветы, пустынные холмы. «Музей открыт ежедневно с 10.00 до 18.00. Наш адрес: д. 217, Джонстон-стрит».

Бев отыскала адрес на карте. Всего три квартала от главной площади — можно и пешком пройтись, даже в такую погоду. Отлично. Кармелита принесла энчиладас, и Бев с жадностью набросилась на угощение.

— Подыскали что-нибудь в городе? — полюбопытствовала официантка.

— Да. Музей Джорджии О'Кифф.

— Ясно… — Кармелита отошла и тут же вернулась. — Сеньора, простите, но музей закрыт.

— Как закрыт? В путеводителе сказано, что он работает каждый день!

— Все из-за снега.

— Из-за снега? — переспросила Бев, выглядывая в патио через плечо официантки.

За стеклянными дверями шел густой тяжелый снег.

В час двадцать Джим перезвонил из аэропорта сказать, что рейсы Дэвида и Киндры задержали. Тут из кондитерской привезли торт.

— Нет же! — запротестовала Стэйси. — Торт надо отвезти в загородный клуб, прием будет там.

— Мы пытались, — оправдывался водитель. — Но по дороге не проехать. Либо оставляем торт здесь, либо мы его обратно в кондитерскую везем, сами решайте. Если вообще куда-то доедем. В чем я сомневаюсь.

— Оставляйте тут, — решила Стэйси. — Джим сам отвезет, как вернется.

— Ты же слышала, что сказал водитель, — напомнила Пола. — Если грузовик не проехал, Джим уж тем более…

В этот момент зазвонил телефон: флорист объяснила, что доставить цветы никак не выйдет.

— Вы обязаны их привезти! Церемония в пять!!! — возмутилась Стэйси, передавая трубку подруге. — Пола, скажи им!

— Неужели никак не добраться? — спросила Пола.

— Разве что чудом, — вздохнула флорист. — Наш грузовик увяз в яме, а тягач неизвестно когда доберется. На дорогах просто каток.

— Значит, Джим привезет Киндру и Дэвида и поедет за цветами, — небрежно бросила невеста. — По дороге в загородный клуб. Струнный квартет уже здесь?

— Нет. Музыканты вряд ли доберутся. Флорист сказала, что дороги обледенели.

Как раз в это время в церковь вошел альтист.

— Я же говорила! — обрадовалась Стэйси. — Все будет отлично! Кстати, играть будут «Менуэт. № 8» Боккерини. — И она ушла за свечами, которые должны были обрамлять алтарь.

Пола подошла к долговязому, довольно молодому альтисту. Парень стряхивал снег с футляра альта.

— А где остальные?

— Неужели еще не приехали? — удивился альтист. — У меня был урок в городе, я сказал, что догоню их. — Он присел и стащил с ног заснеженные ботинки. — Вот, въехал на машине в сугроб, и полмили топал пешком. — Альтист улыбнулся и глубоко вздохнул. — В

такие моменты я мечтаю играть на скрипочке-пикколо. Хотя… — Он осмотрел Полу с ног до головы. — Есть и свои плюсы. Надеюсь, это не ты выходишь замуж?

— Не я, — подтвердила она. Ах, если бы невестой была она…

— Супер! — Альтист расплылся в улыбке. — А какие планы на после торжества?

— Вряд ли торжество вообще состоится. Остальные музыканты наверняка застряли по дороге.

Альтист покачал головой:

— Нет, я бы их заметил. — Он вытащил сотовый и принялся тыкать по клавишам. — Шеп? Привет, ты где? — Повисла пауза. — Этого-то я и боялся. А Лейф? — Снова пауза. — Ну, если отыщется, перезвоните. — Он захлопнул телефон. — Плохие новости. Скрипачи попали в переделку на дороге и ждут копов. Они понятия не имеют, где виолончелист. Как насчет свадебного соло на альте?

Пола пошла к Стэйси.

— Полицейские наверняка их подбросят. — Невеста беспечно вручила подруге свечи. — Отблески пламени на снегу — что может быть лучше?

В час сорок восемь дня по восточному времени снегопад зафиксировали в Сансет-Пойнт и над архипелагом Флорида-Кис.

— Ну что, пора сходить с ума? — поинтересовался Чин. — Черт, ведь правда — тот самый кризис, о котором ты говорил!

— Это пока точно неизвестно, — охладил пыл коллеги Нэйтан.

Карта с прогнозом погоды по стране почти целиком окрасилась в голубой цвет — за исключением небольшого пятна возле Фарго и еще одного, в северном Техасе (Нэйтан считал, что это Вако, а Чин был убежден, что перед снегопадом устояло ранчо президента в Кроуфорде.)

— Что значит, неизвестно? В Барселоне снег. В Москве снег!

— В Москве вообще-то и должен снег идти. Про Наполеона забыл? Что касается двух третей мест, затронутых снегопадом, там и так обычно идет снег: Осло, Катманду, Баффало…

— Еще скажи, что снег в Бейруте тоже в порядке вещей. — Чин ткнул пальцем в последние сообщения. — И в Гонолулу. Ты как знаешь, а я все-таки попляшу.

— Нет уж, — оборвал его Нэйтан, накладывая на карту изобарную сетку. — Сначала продиктуй мне температурные показания.

Чин пошел было к своему рабочему месту, но тут же вернулся.

— Ну а ты-то что думаешь? — серьезно спросил он. — Это все-таки кризис?

А что же еще? Сильные снегопады — не редкость: в феврале 1994 года буран накрыл всю Европу, в декабре 2002 года снег завалил две трети США, но еще ни разу он не выпадал на всей территории континентальной Америки — в Мексике, Манитобе, Белизе…

В довершение всего снег выпал в шести местах, где его раньше вообще никогда не было, и еще в двадцати восьми — вроде Юмы или Аризоны, — где за прошедшие сто лет он случался от силы раза два. Новый Орлеан занесло снегом на целый фут. В Гватемале наметало сугробы.

Снегопад не походил ни на один, известный Нэйтану. Согласно полученным данным, снег одновременно пошел в Спрингфилде, штат Иллинойс, в Худу, штат Теннеси, в Парк-сити, штат Юта, и в Брэнфорде, штат Коннектикут.

Буран избрал непредсказуемый маршрут. У него не было единого центра, края, фронта. Он не сдавал позиций. По радио ни разу не передали, чтобы снег прекратился или хотя бы ослабил напор. «Если так и дальше будет продолжаться, то примерно к пяти часам запуржит по всему миру», — прикинул Нэйтан.

— Ну так что? — не унимался не на шутку перепуганный Чин. — Кризис?

«Еще чуть-чуть, он и впрямь свихнется. Только этого мне и не хватало», — подумал Нэйтан.

— У нас недостаточно данных для окончательного вывода, — сказал он вслух.

— Но ведь это может быть кризис? — настаивал Чин. — Правда? Все признаки налицо, да?

«Да», — мысленно согласился Нэйтан.

— Нет, конечно. Посмотри-ка на экран телевизора.

— А что там?

— Не хватает одного признака. Девиза нет.

— Чего нет?

— Логотипа. Ни одно явление нельзя с полной уверенностью назвать кризисом, пока новостные каналы не придумают к нему девиз. Лучше всего с двоеточием посередине. Например, «О. Джей: расследование века» или «Снайпер на свободе» или «Вторжение: Ирак». — Нэйтан ткнул пальцем в Дэна Рэйзера, стоявшего под непрекращающимся снежным потоком у Белого дома. — Вот, написано «последние новости», но девиза-то нет. Так что вряд ли это кризис. Давай, диктуй температуру. Да, кстати, отыщи-ка еще пару телевизоров. Хочется понять, что в мире творится. Глядишь, может, и разберемся.

Чин разочарованно кивнул и пошел снимать температурные показания. Чего там только не было — от минус восемнадцати в Саскатуне до плюс тридцати одного в Форт-Лодердейле. Нэйтан сравнил данные со средними температурами на середину декабря, потом с самыми низкими и самыми высокими зарегистрированными температурами на двадцать четвертое декабря, пытаясь отыскать хоть какую-то закономерность.

Чин прикатил огромный телевизор, а потом притащил еще и маленький, переносной.

— Какие еще каналы включить?

— Си-эн-эн, метеорологический канал, Фокс… — начал Нэйтан.

— Не может быть… — прошептал Чин.

— Что такое?

— Смотри! — Чин ткнул пальцем в экран.

Вульф Блитцер стоял в снегу напротив Эмпайр-стейт-билдинг. В нижнем правом углу светилась эмблема Си-эн-эн, а в верхнем левом горела надпись: «Снегопад века».

Пилар собрала Мигеля и решила еще раз посмотреть новости.

— …повлекло за собой чудовищную ситуацию на дорогах, — говорил репортер. — Аварии на пересечении Сепульведы и Фигероа, на пересечении Сан-Педро и Уиттье, а также на пересечении Голливуд и Вайн-роуд. — По экрану ползли все новые сообщения. — Получена свежая информация: произошло столкновение на шоссе Санта-Моника, северное направление перекрыто, выбирайте маршруты объезда.

Зазвонил телефон. Мигель убежал на кухню за трубкой.

— Привет, пап! У нас снег идет! — закричал он. — Мы сейчас пойдем лепить снеговика! Ладно… — Мальчик передал трубку Пилар.

— Посмотри мультики, сынок. А мама поговорит с папочкой. — Она протянула сыну пульт от телевизора. — Здравствуй, Джо.

— Немедленно привози Мигеля! — рявкнул ее бывший муж. — Пока погода окончательно не испортилась!

— Похоже, она и так уже испортилась. — Пилар стояла в дверном проеме и смотрела, как мальчик переключает каналы.

— …очень скользко…

— …не рекомендуется выходить на улицу…

— …ужасные погодные условия…

— Пожалуй, мы никуда не поедем, — сказала Пилар. — По телевизору говорят, что на дорогах скользко…

— А я говорю — вези его сюда! — не унимался Джо. — Думаешь, я не понимаю, к чему ты клонишь? Хочешь воспользоваться легким снежком и не привезти сына ко мне на Рождество!

— Неправда! — возмутилась Пилар. — Я забочусь о его безопасности! У меня нет зимней резины…

— Как же, о безопасности она заботится! Решила, что можешь ущемлять мои права? Посмотрим, что адвокат на это скажет. Я ему позвоню — и судье заодно, расскажу, что ты задумала. Я добьюсь полной опеки! А потом приеду и заберу Мигеля! Собирай его, я скоро буду! — проорал Джо и бросил трубку.

В двадцать две минуты третьего Люку позвонила мать, извинилась, что запаздывает, и велела сыну приниматься за готовку.

— На дорогах не проехать! Водить никто не умеет! Красная «субару» прямо у меня перед носом вынырнула и…

— Мам, послушай… — оборвал ее Люк. — Гусь. Ты говоришь, начинай готовить гуся. Что именно делать-то?

— Возьми его и засунь в духовку. Шорти и Мэйдж скоро приедут и помогут. Только не забудь вытащить потрошки. Да, и навес из фольги сделай.

— Что сделать из фольги?

— Навес. Сложи кусок фольги пополам и накрой гуся, чтобы не подгорел.

— Большой кусок?

— Чтобы гуся закрыл. Уголки подтыкать не надо.

— Какие уголки? У духовки?

— У фольги! Вечно ты все усложняешь! Ой, такой ужас, столько машин на обочину слетело — и все внедорожники! Так им и надо. Думают, если у них привод на четыре колеса, так можно гнать сломя голову втакой буран…

— Мам, мам, а начинка? Гуся надо фаршировать?

— Нет. Птицу теперь не фаршируют. Из-за сальмонеллы. Просто положи его на противень и засунь в духовку. На триста пятьдесят градусов.

«Я справлюсь», — решил Люк, и сделал все, как велела мать. Через десять минут он понял, что забыл накрыть гуся фольгой. Ему понадобилось целых три попытки, чтобы отрезать кусок нужного размера. К тому же мать не сказала, какой стороной нужно класть — блестящей или матовой. Двадцать минут спустя Люк проверил свое творение. Похоже, дело шло на лад. Гусь источал аппетитный запах, а на противень стекал ароматный сок.

Пилар повесила трубку, присела за письменный стол и долго раздумывала, что хуже: позволить Джо увезти сына в такую метель или дать Мигелю возможность увидеть ссору, которая неизбежно последует, если она попытается остановить бывшего мужа.

— Ну пожалуйста… Пожалуйста… — умоляла она, не зная, о чем точно просит.

Мигель вошел на кухню и вскарабкался матери на колени. Пилар торопливо вытерла слезы.

— Угадай-ка, сынок! — весело заговорила она. — Папочка скоро сам приедет! Давай выберем, какие игрушки с собой возьмешь.

— Не-а. — Мигель покачал головой.

— Понимаю, ты хотел слепить снеговика, — уговаривала она мальчика. — Но в Эскондидо тоже идет снег. Так что слепишь снеговика с папой.

— Не-а. — Сын слез на пол и потянул Пилар в гостиную.

— Что, милый? — не поняла она. Мигель указал на экран телевизора.

— Перекрыты следующие пути сообщения: 5-я магистральная трасса от Чула-Висты до Санта-Анны, 15-я магистральная трасса от Сан-Диего до Барстоу и 78-е шоссе от Оушенсайд до Эскондидо… — вещал репортер из Санта-Моники.

— Слава богу! — прошептала Пилар.

Мигель побежал на кухню и вернулся с обрывком картона и цветным карандашом.

— Вот, — протянул он Пилар. — Напиши Санте. Чтобы подарки принес сюда, а не к папе.

Бев заказала медовые пончики и кофе по-мексикански, и обед затянулся до двух пополудни. Кармелита принесла кофе, обеспокоено переводя взгляд с посетительницы на снег, валивший за стеклянными дверями. Бев подписала счет, отпустила официантку и поднялась в номер за пальто и перчатками.

«Ну и что, что магазины закрыты, можно просто в витрины смотреть: покрывала, которые делают навахо, горшки из Санта-Клары и индейские украшения», — решила Бев. Снегопад усиливался. Бумажные рождественские фонарики-фаролито, развешанные вдоль стен, расползались под влажным весом снега.

«Теперь их не зажечь», — подумалось Бев.

Она свернула на площадь. Холодный ветер бил прямо в лицо, а снегопад превратился в настоящую пургу — что там, на площади, не разобрать. Бев сдалась и вернулась в гостиницу.

Все служащие, включая дежурного и Кармелиту, успевшую надеть куртку и ботинки, собрались у телевизора. Передавали прогноз погоды по Нью-Мексико.

— В настоящее время на большей части территории Нью-Мексико продолжает идти снег, — говорил диктор. — Снегопад накрыл Гэллап, Карлсбад, Руидосо и Розуэлл. Кажется, в Нью-Мексико будет снежное Рождество.

— Вам два сообщения, — сказал дежурный служащий. «От Дженис», — вздохнула Бев, скидывая пальто. Дженис перезвонила в третий раз.

— По телевизору сказали, что в Санта-Фе тоже идет снег! — затараторила подруга. — Я решила узнать, как у тебя дела.

— Сижу в гостинице, — призналась Бев. — Никуда не пошла.

— Вот и отлично. — Дженис облегченно вздохнула. — Телевизор смотрела? Там говорят, что это не просто снегопад, а какой-то экстремальный мегаснегопад! У нас три фута снега навалило! Электричество в городе отрубилось, аэропорт закрыли. Надеюсь, ты доберешься домой. Ой, свет мигает! Пойду найду свечи, пока не погас!

Бев включила телевизор. По местному каналу перечисляли отмененные мероприятия:

— Отменены рождественские богослужения в Первой объединенной методистской церкви и в церкви Девы Марии Гваделупы. Поликлиника закроется в три часа дня…

На Си-эн-би-эс обсуждали рождественские снегопады минувших лет, а на Си-эн-эн Дарин Кэйган стояла в сугробе посреди Пятой авеню.

— Канун Рождества — излюбленное время для походов по магазинам. Однако как видите…

Бев щелкнула пультом, ей хотелось посмотреть фильм. Говарду это пришлось бы по душе. Ему бы такой снегопад понравился.

Она пробежалась по каналам, тщетно пытаясь отыскать хоть какое-нибудь кино. Но везде говорили только о погоде.

— Такое впечатление, что в этом году снежным Рождеством волей-неволей насладятся все жители нашей страны, — говорил Питер Дженнингс.

«Самое время рождественские фильмы крутить, — мрачно подумала Бев, снова переключая каналы. — Сегодня же Сочельник! «Рождество в Коннектикуте». Или «Светлое Рождество»».

Говард, наткнувшись на этот фильм, всегда замирал перед экраном — даже если действие подходило к концу.

— Ну что ты смотришь? — спрашивала его жена. — У нас же кассета есть.

— Т-с-с! — обрывал ее Говард. — Сейчас будет самое интересное!

На экране Бинг Кросби распахивал двери сарая — кружились неправдоподобные снежинки, сзади виднелись не менее неправдоподобные декорации.

Бев обычно с усмешкой спрашивала:

— Ну как? Чем на этот раз закончилось? Бинг и Розмари Клуни жили долго и счастливо?

— У них было настоящее снежное Рождество, — не сдавался Говард и счастливо

смотрел в окно на облака.

Сегодня по всем каналам показывали только снегопад. Случайно нашлась рекламная передача о поварских ножах. «Подходящая тема», — решила Бев и поудобнее устроилась перед экраном.

В два часа восемь минут неподалеку от Брекенриджа под весом нападавшего снега сорвалась и пошла вниз лавина. Она сломала огромное количество сосен и смела все на своем пути — все, кроме Кента и Бодина, которые сидели в «хонде» и пытались пережить стихийное бедствие на припасах, состоявших из коробочки мятных леденцов и черствого пончика, завалявшегося в бардачке.

К половине третьего Мэйдж и Шорти все еще не объявились, так что Люк решил сам проверить гуся. Кажется, дело шло на лад, но в противне скопилось слишком много сока. Через полчаса жидкости налилось около дюйма.

Что-то не так. Когда на Люка в последний раз свалилась обязанность готовить рождественский ужин, от индейки натекло всего пара ложек сока. Мама потом сделала из него подливку.

Он набрал номер матери. «Абонент временно недоступен», — услышал он в ответ. Значит, у нее сели батарейки, или она просто отключила мобильник. Может, позвонить тете Мэйдж? Тоже никто не берет трубку.

Люк выкопал из помойки пластиковую упаковку, в которую была завернута птица. «Жарить, не накрывая, при температуре триста пятьдесят градусов из расчета двадцать пять минут на каждый фунт».

Не накрывая. В этом-то и дело, не надо было брать фольгу. Она не позволяет лишнему соку испаряться. Через пятнадцать минут гусь уже плавал в двух дюймах жира и вдобавок начал покрываться хрустящей золотистой корочкой, хотя готовить его по инструкции предстояло еще три часа.

Без девяти минут три Джо Гутьеррес распахнул дверь и выбежал из дома. Он Намеревался немедленно забрать Мигеля. Сразу же после разговора с бывшей женой Джо позвонил адвокату, но тот не брал трубку. На улице было не проехать, а когда Гутьеррес все-таки добрался до въезда на 15-ю магистраль, то увидел, что трасса перегорожена. Он поехал на 78-е шоссе, но оно тоже было перекрыто. Джо в ярости рванул домой и безуспешно принялся названивать адвокату Пилар. Тогда Гутьеррес позвонил судье по номеру, который подсмотрел в телефоне у своего юриста;

Судья в этот момент вот уже три часа дожидался прибытия дорожной службы спасения. Он застрял в «Старбаксе» у въезда на шоссе и слушал, как Гарри Коник-младший уродует «Светлое Рождество». К Джо он особого расположения не испытывал и серьезно оскорбился, когда Гутьеррес принялся на него орать.

Последовала оживленная дискуссия, по окончании которой судья решил предъявить Гутьерресу обвинение в оскорблении суда. Потом он в очередной раз связался с дорожной службой спасения. Оператор сообщил, что ждать придется не менее четырех часов, потому что в очереди он девятнадцатый. Судья всерьез задумался о том, чтобы полностью пересмотреть соглашение об опеке.

К четырем часам дня логотипы с девизами имелись уже на всех каналах. На Эй-би-си — «Рождественская сказка», на Эн-би-си — «Супербуря», а на «Фокс-ньюз» — «Зима атакует». Си-би-эс и Эм-эс-эн-би-си остановились на беспроигрышном «Светлом Рождестве» в сопровождении фотографий Кросби (причем Эм-эс-эн-би-си для наглядности решила использовать классический образ из фильма — Бинг в колпаке Санта-Клауса).

На метеорологическом канале «Уэзер-ченнел» в углу экрана светилась карта мира, на две трети закрашенная белым. Снег шел в Карачи и в Сеуле, на Соломоновых островах и в

Вифлееме, где из-за снегопада даже отменили рождественскую службу (впрочем, обычно ее отменяли из-за израильско-палестинского конфликта).

В три пятнадцать Джим позвонил Поле: рейсы Киндры и Дэвида окончательно отменили.

— Парни из авиации говорят, что закроют даже аэропорт в Хьюстоне. Даллас уже закрыли, аэропорты Кеннеди и О'Хара тоже. Как там Стэйси?

«Все так же неисправима», — подумала Пола, но вслух сказала: — Нормально. Дать ей трубку?

— Не надо. Передай ей, что я надеюсь на лучшее, но вряд ли что-то выйдет.

Пола передала Стэйси слова Джима, но они не возымели ни малейшего действия.

— Переодевайся, — скомандовала невеста. — Священница отрепетирует с тобой церемонию, а ты потом покажешь Киндре и Дэвиду, где они должны стоять.

Пола надела платье подружки невесты, отчаянно желая, чтобы у него отросли длинные рукава. Церемонию прогнали с помощью альтиста, который сменил заснеженную одежду на смокинг и изображал жениха.

Репетиция закончилась, и Пола решила достать кофту из чемодана, что остался в ризнице. Священница вошла следом и прикрыла за собой дверь.

— Я пыталась поговорить со Стэйси, — начала она. — Свадьбу придется отменить. На дорогах очень опасно. По радио передали, что все трассы перекрыты.

— Понимаю, — кивнула Пола.

— Но она-то не понимает. Стэйси уверена, что все пройдет как по маслу.

«А может, так и будет? — подумала Пола. — В конце концов, это же Стэйси».

В дверь заглянул альтист.

— У меня хорошие новости, — объявил он.

— Музыканты приехали? — спросила священница.

— Джим? — не выдержала Пола.

— Нет, Шеп и Лейф отыскали виолончелиста. У него обморожение, так что его забрали в больницу, но в остальном все нормально. Снежной королеве сами расскажете или мне с ней общаться?

— Я с ней поговорю, — вызвалась Пола. — Стэйси!

— У тебя потрясающее платье! — Стэйси схватила подругу за руку и подтащила к окну. — Оно так хорошо смотрится на фоне снега!

В пятнадцать минут четвертого кто-то позвонил в дверь. — Мама! — обрадовался Люк и буквально побежал открывать.

На пороге стояла тетя Лулла. Он с надеждой заглянул ей за спину, но ни на парковке, ни у входа больше никого не было.

— Ты знаешь, как готовить гуся? — спросил Люк.

Лулла внимательно посмотрела на племянника, протянула ему привезенное с собой блюдо оливок, сняла шапку, перчатки, калоши и старомодное пальто.

— Хозяйством всегда занимались твоя мать и Мэйдж, — ответила она наконец. — А я занималась театром. — Пока Люк переваривал столь неожиданное сообщение, его тетка снова заговорила: — А что? У нас нынче тот еще гусь, а?

— Ну да, — кивнул парень и отвел Луллу на кухню показать птичку, которая плавала в целом море жира.

— Боже! — воскликнула женщина. — Откуда столько?

— Понятия не имею.

— Для начала давай сольем жир, а то бедняга утонет.

— Уже, — коротко ответил Люк и приподнял крышку сотейника, заполненного жиром.

— Придется взять противень побольше, — сообразила Лулла. — Слей-ка еще. А может, лучше прямо в раковину вылить.

— Это же для подливки, — напомнил Люк, пытаясь отыскать в шкафчике под раковиной большую кастрюлю, которую мать подарила ему для спагетти.

— А, ну да, — кивнула тетка. — По крайней мере, я умею готовить подливку. Меня Алекс Гиннесс научил.

Люк высунулся из шкафа.

— Алекс Гиннесс научил тебя готовить подливку?

— Это несложно. — Лулла открыла духовку и задумчиво посмотрела на гуся. — У тебя, случайно, вина не найдется?

— Найдется. — Он наконец-то нашёл кастрюлю. — А зачем? Вино, что, как-то нейтрализует жир?

— Понятия не имею. — Тетушка пожала плечами. — Но в театре я четко усвоила: если все валится из рук, а надо выходить на сцену, вино успокаивает.

— Ты играла в театре? — изумился Люк. — Я и не знал, что ты была актрисой.

— Вот как раз актрисы из меня не вышло. — Лулла распахнула очередной шкаф и вытащила бокалы для вина. — Знал бы ты, какие разгромные рецензии обо мне писали!

В четыре часа дня практически все новостные каналы поменяли лозунг, отражая ухудшение ситуации. На Эй-би-си — «Мегабуран», на Эн-би-си — «Супербуран», на Си-энэн — «Идеальная буря» плюс картинка волны, которая переворачивает лодочку. Си-би-эс и Эм-эс-эн-би-си выбрали «Ледниковый период», с той лишь разницей, что Си-би-эс поставил вопросительный знак после этих слов, а Эм-эс-эн-би-си — восклицательный знак и изображение снежного человека. Ребята из «Фокс» среагировали круче всех, осознавая свою ответственность за судьбы человечества. Они озаглавили свой эфир «Конец света».

— Ну что, можно сходить с ума? — поинтересовался Чин.

— Нет, — отрезал Нэйтан, вводя в систему данные о толщине снежного покрова. — Во-первых, это «Фокс», а во-вторых, кризис вовсе не обязательно означает конец све…

Свет мигнул.

Ученые замерли и уставились на лампы дневного света. Свет снова мигнул.

— Копируй данные! — заорал Нэйтан.

Они оба нырнули за компьютеры, подсоединили зип-дисководы и принялись лихорадочно барабанить по клавишам, то и дело поглядывая на предательские лампы.

Чин выдернул дисковод из разъема:

— Ты же говорил, что кризис не обязательно означает конец света.

— Да, но потеря данных — означает. Бэкапим информацию каждые пятнадцать минут.

Свет опять мигнул, отключился на долгих десять секунд и включился как раз в тот момент, когда Питер Дженнингс говорил по телевизору:

— В Хантсвилле, штат Алабама, тысячи домов остались без электроэнергии. Я нахожусь в школе Бирд, которая служит временным убежищем для окрестных жителей. — Ведущий сунул микрофон под нос женщине со свечой. — Когда отключилось электричество?

— Около полудня, — ответила та. — Свет пару раз мигнул, но потом включился. Я решила, что все в порядке, пошла готовить обед, тут электричество и вырубилось окончательно. — Она щелкнула пальцами. — Без предупреждения.

— Копируй на резервный диск — каждые пять минут, — велел Нэйтан. — Ты куда?

Чин натягивал куртку:

— Возьму из машины фонарик.

Он вернулся через десять минут: щеки и уши горят красным, сам весь в снегу.

— На улице фута четыре намело. Напомни, почему не стоит сходить с ума? — спросил он, вручая Нэйтану фонарик.

— Нет, по-моему, это не кризис, — ответил ученый. — Просто буран.

— Просто буран?

На экранах телевизоров вешали раскрасневшиеся на морозе журналисты: у вереницы снегоуборочных машин на пирсе в Атлантик-сити; у поезда, сошедшего с рельс в Каспере; а в Билокси — рядом с обвалившейся крышей «Уолмарта».

— …под весом пятидесяти восьми дюймов снега, — объяснял Брит Хьюм. — К счастью, никто не пострадал. Однако в Цинциннати…

— Пятьдесят восемь дюймов! — воскликнул Чин. — В штате Миссисипи! Что, если снег так и будет идти, пока весь мир не…

— Не будет, — отрезал Нэйтан. — В атмосфере не хватит влаги. К тому же над Мексиканским заливом нет области низкого давления, необходимого для нагнетания влажности в южную часть США. Области низкого давления нет вообще, как нет и противодействующей ей границы зоны высокого давления — нет столкновения воздушных масс, ничего нет. Смотри: все началось в четырех точках, расположенных в сотнях миль друг от друга, на разной широте и разной долготе. Ни одна из точек не граничит с областью высокого давления. Снегопад не подчиняется известным нам правилам.

— То есть это не кризис? — взволнованно спросил Чин. — Ведь один из признаков кризиса — то, что ситуация в корне отличается от явлений и процессов, известных ранее?

— В корне отличался бы климат, отличалась бы погода, на не законы физики. — Нэйтан указал на экран, который висел по центру справа. — В условиях кризиса наблюдалось бы изменение температуры течений, перенаправление струйных потоков, новые варианты движения воздушных масс. Ничего такого не происходит. Скорость таяния антарктических льдов осталась прежней, Гольфстрим никуда не делся. Эль-Ниньо тоже. Венеция не затонула!

— Да, только на Гранд-канале идет снег, — заметил Чин. — Откуда же взялся этот суперснегопад?

— В том-то и дело! Это никакой не суперснегопад. В противном случае, ему бы сопутствовали бури, ураганные ветры и торнадо — ничего этого и в помине нет. По-моему, просто снег идет. Нет, кое-что еще, конечно, происходит.

— Что?

— Понятия не имею. — Нэйтан мрачно уставился на экраны. — Погода — исключительно сложная система. На нее оказывают влияние сотни, тысячи факторов, которые мы не учитываем — движение облаков, местные температурные колебания, загрязнение окружающей среды, солнечная активность. А может, даже такие факторы, о которых мы и не вспоминаем: антиобледенители на шоссе, размывание прибрежных зон, миграция гусей… И электромагнитные излучения от радиоприемников, по которым за эту неделю сто раз проиграли «Светлое Рождество».

— Четыре тысячи девятьсот тридцать три раза, — уточнил Чин.

— Что?

— Столько раз по радио обычно крутят «Светлое Рождество» Бинга Кросби за две предпраздничные недели. И еще девять тысяч шестьдесят два раза в исполнении других групп — Отис Реддинг, «Ю-Ту», Пегги Ли, три тенора и «Флейминг липе». Я в Интернете прочитал.

— Девять тысяч шестьдесят два раза… — повторил Нэйтан. — Да уж, этого хватит, чтобы повлиять на что угодно.

— Еще бы, — согласно кивнул Чин. — Кстати, слышал рэп-версию Эминема?

В четверть пятого кастрюля для спагетти на две трети заполнилась гусиным жиром. Мать Люка и тетя Мэйдж так и не объявились. Ужин был почти готов. Люк с Луллой решили выпить по третьему бокалу вина, а заодно и приготовить подливку.

— Гуся прикрой, — посоветовала Лулла, наполняя миску мукой. — В Вест-энде меня научили, что неприкрытое не всегда лучше. — Она долила в миску воды. — Особенно если речь идет о Шекспире.

Тетушка посолила и поперчила будущую подливку.

— Помнится, играла я водной постановке «Макбета» вместе с Ларри Оливье — так там все актеры были нагишом. — Она театрально вскинула руки. — При словах «Что вижу я перед собой? Кинжал…» зритель смеяться не должен. Это Ричард меня научил. — Она взболтала получившуюся смесь вилкой. Иначе комки останутся.

— Ричард? Ричард Бартон?

— Ну да. Потрясающий мужчина. С горя пил как сапожник — когда Лиз его во второй раз бросила. Но на его подвигах в постели и на кухне это не сказывалось. Не то что Питер.

— Питер? Питер Устинов?

— О'Тул. Ну вот, готово. — Лулла вылила смесь из миски в кастрюлю с жиром. — Теперь должно загустеть, — неуверенно сказала она.

Прошло несколько минут, но ничего не происходило..

— Так, добавим еще муки, — решила тетушка. — Достань-ка миску побольше. И налей мне вина.

Она развела муку водой и залила мучную болтушку в кастрюлю с жиром, который немедленно принялся густеть.

— Отлично, — пробормотала она. Как говорил Джон Гилгуд, если сразу не выходит… Господи!

— К чему это он Бога поминал? — поинтересовался Люк и уставился в кастрюлю,

Жир полностью застыл и превратился в твердую шарообразную массу.

— Подливка обычно выглядит по-другому, — предположила Лулла.

— Это точно, — согласился с ней племянник. — У нас получился шар из жира.

Некоторое время они неотрывно смотрели на творение своих рук.

— Давай скажем, что это гигантская клецка?

— Нет уж, — возразил Люк, пытаясь вилкой разломать шар на куски.

— Да, и в мусорку не поместится. Может, облепить его семечками, подвесить на дерево и сделать вид, что это кормушка для птиц?

— Ну да, если хотим, чтобы на нас потом гринписовцы охотились. К тому же больно смахивает на каннибализм.

— Ты прав. Надо что-то придумать, прежде чем мои сестрицы заявятся. Ближайшее захоронение радиоактивных отходов слишком далеко, — задумчиво протянула тетя Лулла. — У тебя случайно кислоты не найдется?

В четыре двадцать три Слим Рашмор на радиостанции Кей-эф-эл-джи, в городе Флагстафф, штат Аризона, сделал вялую попытку поменять предмет разговора на школьные ваучеры — тему, которая неизменно пользовалась успехом, но только не в этот раз.

— Снег — верный знак приближающегося Апокалипсиса, — сообщила женщина из Колорадо-Спрингс. — В книге пророка Даниила сказано, что Господь пошлет снег «для испытания их, очищения и для убеления к последнему времени», а в Псалтыре говорится: «снег и туман, бурный ветер, исполняющий слово Его», а пророк Исайя…

После очередной цитаты из Писания (Иов: «Ибо снегу Он говорит: будь на земле…») Слим отключил слушательницу и принял следующий звонок.

— Сечешь, когда заварушка началась? — агрессивно начал Дуэйн из Поплар-БЛаффс. — Когда коммуняки в пятидесятых фтор в воду подмешали.

В четыре двадцать пять сотрудники загородного клуба отзвонились в церковь и сказали, что закрываются: еду для банкета так и не привезли, а из обслуживающего персонала добрались только двое. Короче говоря, если кто-то считает, что в такую погоду все еще можно организовать свадьбу, он просто сумасшедший.

— Я с ней поговорю, — сказала Пола и отправилась на поиски Стэйси.

— Она переодевается в свадебное платье, — сообщил альтист.

Пола застонала.

— Понимаю, — кивнул парень. — Я пытался ей объяснить, что из музыкантов больше

никто не появится, но особого успеха не добился. — Он задумчиво посмотрел на собеседницу. — Впрочем, у тебя я, кажется, тоже успеха не имею, а?

В этот момент вошел Джим.

— Машина встала, — сообщил он.

— А где Киндра и Дэвид?

— Хьюстон закрыли. — Джим отвел Полу в сторонку. — Ньюарк тоже. А еще я только что говорил с мамой Стэйси. Она застряла в Лавое: трассу перекрыли, и сюда ей никак не попасть. Что делать?

— Сказать невесте, что свадьбу придется отменить, — сказала Пола. — Других вариантов нет. Лучше сделать это сейчас, пока гости в церковь не явились.

— Сразу видно, на улицу ты не выходила. Поверь, никто и носа из дома не высунет.

— Тем более надо все отменить.

— Я понимаю, — признался Джим. — Просто… Она так расстроится.

«Расстроится — не то слово», — подумалось Поле. Она понятия не имела, как отреагирует Стэйси, — до сих пор невесте всегда все удавалось. «Интересно, как поведет себя несостоявшаяся новобрачная», — с любопытством размышляла гостья, направляясь в ризницу: снять наряд подружки невесты.

— Подожди! — Джим поймал ее за руку. — Помоги мне! «Нет, это уж слишком, — решила Пола. — Я ведь хочу, чтобы ты женился на мне, а не на ней».

— Я… — начала она.

— Я без тебя не справлюсь, — умолял Джим. — Пожалуйста…

Пола высвободила руку.

— Ладно.

Стэйси в подвенечном платье любовалась на себя в зеркало.

— Милая, нам надо кое-что обсудить, — начал Джим, переглянувшись с Полой. — Я только что говорил по телефону с твоей мамой. Она не сможет приехать, застряла на стоянке под Лавоем.

— Не может быть, — сообщила Стэйси собственному отражению. — Мама везет мне фату, которая осталась еще от прапрабабушки. Кружево с узором в виде снежинок. — Она улыбнулась Поле.

— Киндра и Дэвид тоже не приедут, — продолжил Джим. Он посмотрел на Полу й собрался с духом: — Придется перенести свадьбу.

— Перенести? — повторила Стэйси так, как будто первый раз в жизни слышала это слово.

«Возможно, так оно и было», — подумала Пола.

— Свадьбу нельзя перенести. Свадьба в канун Рождества должна быть сыграна в Сочельник, и никак иначе.

— Милая, я понимаю, но…

— Сюда никто не доберется, — вступилась Пола. — Дороги перекрыты.

Вошла священ ница:

— В связи со снегопадом губернатор штата объявил чрезвычайное положение и попросил воздержаться от избыточных переездов. Ну что, свадьба отменяется? — с надеждой спросила она.

— Отменяется? — недоуменно повторила Стэйси, поправляя шлейф. — Вы о чем? Все пройдет отлично.

На какое-то мгновение Поле представилось, что погода прояснилась, музыканты добрались, и в последующие тридцать пять минут один за другим подъезжают цветочники с букетами, Киндра, Дэвид и мать Стэйси с фатой. Девушка посмотрела в окно. Снег, мягко подсвеченный пламенем свечей, падал все гуще и гуще.

— У нас нет других вариантов, торжество придется перенести, — настаивал Джим. — Твоя мама не смогла добраться, подружка невесты и мой свидетель застряли в аэропорту…

— Пусть летят другим рейсом, — отвечала Стэйси. Пола попыталась прийти на

помощь:

— Понимаешь, по всей стране буран, аэропорты закрыты…

— И наш тоже, — вставил альтист, заглядывая в комнату. — Только что в новостях передали.

— Ну так поезжайте за ними. — Невеста расправила воланы на юбке.

Пола начала терять нить беседы:

— За кем?

— За Киндрой с Дэвидом. — Стэйси чуть подтянула вырез лифа.

— В Хьюстон? — Джим беспомощно оглянулся на Полу.

— Стэйси, послушай… — Пола крепко взяла подругу за плечи. — Я понимаю, ты хотела сыграть свадьбу в Сочельник, но ничего ведь не выходит. По шоссе не проехать, машина с цветами съехала в канаву, твоя мама застряла на стоянке…

— Виолончелист с обморожением в больницу попал, — снова встрял альтист.

Пола согласно кивнула.

— Хочешь, чтобы кто-нибудь еще в больнице оказался? Как ни грустно, но свадьба в Сочельник не состоится.

— Можно перенести на День святого Валентина, — жизнерадостно предложила священник. — Церемония выйдет очень трогательная. У меня на тот день уже две свадьбы назначено, но одну можно подвинуть. Устроите торжество вечером, как и планировали. Нельзя же…

Стэйси уже не слушала.

— Это ты во всем виновата! — набросилась она на Полу. — Ты всегда мне завидовала! И теперь расстроила-таки мою свадьбу!

— Никто ничего не расстраивал! — Джим встал между девушками. — Просто снегу навалило.

— Ах, значит, это я виновата! — взвизгнула Стэйси. — Из-за того, что я хотела, чтобы на моей свадьбе шел снег…

— Никто ни в чем не виноват, — отчеканил Джим. — Слушай, я тоже не хочу больше ждать, да нам и не придется. Давай поженимся прямо сейчас.

— Ну да, священник у вас есть! — воскликнул альтист и улыбнулся Поле. — И два свидетеля!

— Он прав, — кивнул Джим. — У нас есть все, что нужно. Ты здесь, и я тоже, вот что самое главное — а вовсе не это дурацкое торжество. — Он взял Стэйси за руку. — Ты выйдешь за меня замуж?

«Какая женщина устоит перед таким предложением? — думала Пола. — Ну и ладно, ты ведь и так знала — еще когда в самолет садилась, — что эти двое поженятся».

— Замуж… — зачарованно произнесла невеста.

— Так, я пошла облачаться, — заторопилась священница.

— Замуж? — медленно, почти по слогам повторила Стэйси. — Выйду ли я замуж *за тебя?* — Она выдернула руку из ладоней Джима. — Какого черта я должна выходить замуж за неудачника, который элементарной вещи для меня сделать не может? Я хочу, чтобы тут были Киндра с Дэвидом, хочу цветы, хочу фату! С чего бы это я должна выходить за тебя замуж, если не могу получить то, чего я хочу?

— Мне казалось, что тебе нужен я, — отчетливо проговорил Джим.

— Ты? — переспросила Стэйси таким голосом, что Пола и альтист одновременно вздрогнули. — Я хотела пройти по церкви в Сочельник! Я хотела, чтобы за окном падал снег, а в церкви горели свечи. — Она подхватила шлейф и повернулась. — А ты предлагаешь мне выйти за тебя замуж! Рехнулся, что ли?

В комнате повисла тишина. Джим серьезно посмотрел на Полу:

— А ты?

В шесть часов, минута в минуту, прибыли наконец Мэйдж, Шорти, дядя Дон, братец

Дэнни и мать Люка.

— Ах ты, бедненький! — зашептала она сыну, вручая ему судок со стручковой фасолью и кастрюльку с пюре из ямса. — Весь день проторчал с тетей Луллой! Она тебя до смерти заговорила?

— Да нет. — Люк помотал головой. — Мы слепили снеговика. Почему ты мне никогда не рассказывала, что тетя Лулла была актрисой?

— Актрисой? — переспросила мать, передавая ему клюквенный соус. — Это она тебе наболтала? Ни единому словечку не верь. Ну как там наш ужин? — Она открыла духовку и посмотрела на гуся — зарумянившегося, аппетитного, с хрустящей корочкой. — От него обычно соку многовато.

— В самый раз, — ответил Люк, глядя матери через плечо на снеговика во дворе. Снег, который они с тетей Луллой сгребли к основанию и на верхушку, уже подтаивал. Надо будет выскользнуть на улицу, навалить еще.

— Держи! — Мать протянула ему миску с картофельным пюре. — Поставь в микроволновку, а я пока займусь подливкой.

— У нас и это готово, — разочаровал ее Люк, открывая кастрюлю, в которой побулькивала та самая подливка.

Понадобилось четыре попытки, чтобы добиться нужной консистенции, но, как правильно заметила тетя, продуктов для эксперимента у них было более чем достаточно — все равно для снеговика требуются три шара.

— Верхний шар великоват, — сообщил Люк, облепляя получившуюся скульптурную форму снегом.

— Наверное, я все-таки переборщила с мукой, — признала тетя Лулла. — С другой стороны, так он — вылитый Орсон. — Она воткнула в шар две оливки, которые должны были изображать глаза. — Вот так. Он всегда был тугодумом.

— Подливка великолепно пахнет, — восхитилась мать Люка. — Только не говори, что ты сам ее делал.

— Нет. Это тетя Лулла.

— Ты просто святой — весь день ее безумные россказни выслушивал.

— Ты хочешь сказать, она все это выдумала?

— У тебя соусник есть? — поинтересовалась мать, шаря по кухонным шкафчикам.

— Нет, — ответил Люк. — И что, тетя Лулла не актриса?

— Да нет же. — Мать извлекла из шкафа очередную миску. — А ковшик у тебя есть?

— Нет.

Она достала из ящика черпачок, перелила подливку в миску и вручила ее сыну.

— Лулла всю жизнь роли в спектаклях через постель получала. С кем она только не спала — и с Лайонелом Бэрримором, и с Ральфом Ричардсоном, и с Кеннетом Брана… — Она снова открыла духовку и посмотрела на гуся. — Да и с Альфредом…

— Альфредом Лантом? — не выдержал Люк.

— Хичкоком. Кажется, готово.

— Ты же говорила, что она у вас самая застенчивая.

— Ну да. Поэтому она и пошла в театральный кружок, хотела преодолеть застенчивость. У тебя есть блюдо?

Без двадцати пяти семь один из лыжных патрульных в районе Брекенриджа в процессе поиска четырех пропавших лыжников заметил задние габаритные огни машины (единственную часть «хонды» Кента и Бодина, которую не замело снегом). У него при себе оказалась раскладная лопата, джи-пи-эс, спутниковый мобильник, рация, одеяла с подогревом, энергетические батончики, термос с горячим какао, а заодно и лекция о правилах безопасности в зимний период, которую он прочел после того, как выкопал Кента и Бодина. Ребятам это пришлось не по душе.

— Да кто он такой, этот фашистский придурок! — возмущался Бодин, приняв на грудь

несколько порций текилы в баре «Смеющийся лось».

— Ага! — красноречиво подтвердил Кент.

Затем сорвиголовы принялись обсуждать, как бы извлечь выгоду из свежего снежка, который выпал, пока они сидели в машине.

— Знаешь, что было бы круто? — спросил Бодин. — Прокатиться на сноуборде ночью!

Шэра была девчонкой хоть куда. Уоррен выкроил время позвонить Марджин только в семь часов вечера. Едва девушка удалилась в ванную, он схватил телефон.

— Где ты? — Судя по голосу, жена с трудом сдерживала рыдания. — Я с ума схожу! Как ты?

— Все еще в Цинциннати, — сообщил Уоррен. — Похоже, проторчу здесь всю ночь. Аэропорт закрыли.

— Аэропорт закрыли… — эхом повторила Марджин.

— Понимаю… — сочувственно продолжал Уоррен. — Я рассчитывал вернуться к Рождеству, но делать нечего, тут так метет! До утра ни одного рейса. Вот, стою в очереди на перерегистрацию, потом попробую найти гостиницу. Вряд ли повезет. — Он замолчал, давая жене время проникнуться сочувствием. — Вообще-то гостиницу должны нам предоставить, но не удивлюсь, если придется ночевать на полу.

— В аэропорту. В Цинциннати.

— Да, — Уоррен рассмеялся. — Вот так Рождество! — Он умолк, ожидая поддержки.

— В прошлом году ты тоже не приехал домой, — сухо сказала Марджин.

— Милая, ты же знаешь, если бы я мог, никуда бы не уезжал, — пустился в объяснения ее муж. — Я пытался взять напрокат машину, но в такой снегопад даже автобусы до гостиницы вряд ли ходят. Не знаю, сколько тут…

— Сорок шесть дюймов.

«Отлично», — решил Уоррен. А он-то уже испугался, что в Цинциннати снег прекратился.

— Прямо буран… Погоди-ка, моя очередь подошла. Все, я побежал.

— Беги-беги.

— Ладно. Я тебя люблю, милая. Приеду, как только смогу. — Уоррен повесил трубку.

— Так ты женат! — В дверях ванной стояла Шэра. — Сволочь!!!

Пола не успела ответить «да» на предложение Джима. Вмешался альтист.

— Эй, минуточку! Я первый ее увидел!

— Вообще-то нет, — заметил Джим.

— Ну, технически — нет. Зато, когда я её заметил, мне, в отличие от тебя, хватило ума флиртовать с ней, а не делать предложение мисс Вампире.

— Джим не виноват, — сказала Пола. — Чего бы Стэйси ни захотела, она всегда это получает.

— Не в этот раз. Со мной такой фокус не пройдет.

— Это потому, что ты ей не нужен, — ответила Пола. — Иначе…

— Спорим? Ты недооцениваешь нас, музыкантов. И себя. По крайней мере, прежде чем связать судьбу с этим парнем, дай мне шанс показать себя. Все равно сегодня вы точно не поженитесь.

— Это почему еще? — спросил Джим.

— Потому что вам нужно два свидетеля, а я не намерен помочь тебе заполучить женщину, руки которой сам добиваюсь. Стэйси тоже вряд ли горит желанием быть свидетельницей, — добавил он.

Тут Стэйси влетела в храм вместе со священницей. На Стэйси было свадебное платье, куртка и ботинки. — Куда вы собрались в таком наряде? — увещевала ее священница. — Это слишком опасно!

— Я здесь не останусь. — Стэйси бросила на Джима ядовитый взгляд. — Я хочу

домой, немедленно. — Она распахнула дверь — там густо валил снег — Хочу, чтобы этот снегопад прекратился!

За пеленой снега появились желтые огни снегоуборочной машины. Стэйси выбежала на улицу, остановила машину взмахом руки и залезла в кабину. Грузовичок поехал дальше.

— Здорово, теперь можно отсюда выехать, — сказала священница и пошла за ключами от своего автомобиля.

— Пола, ты не ответила на мой вопрос, — сказал Джим, подходя к ней очень близко.

Снегоуборочная машина совершила поворот и вернулась. Проезжая мимо, она пропахала в снегу глубокую борозду на съезде к дороге.

— Я серьезно, — пробормотал Джим. — Ну так что?

— Глядите, что я нашел. — Альтист вручил Поле кусок свадебного торта.

— Не ешь. Он же… — начал Джим.

— Довольно вкусный, — закончил за него альтист. — Правда, я больше люблю шоколадный. Пола, а какой торт будет у нас на свадьбе?

— Смотрите-ка, — сказала священница, вернувшись с ключами и выглянув в окно. — Снег прекратился.

— Снегопад кончился, — сказал Чин.

— Серьезно? — Нэйтан оторвал взгляд от клавиатуры. — У нас?

— Нет. В Оушенсайде, штат Орегон. И в Спрингфилде, штат Иллинойс.

Нэйтан нашел города на карте. Между ними было две тысячи миль. Он сверил показания барометров, температуру, уровни выпавшего снега. Закономерности не было. В Спрингфилде выпало тридцать два дюйма, в Оушенсайде — всего полтора. Во всех остальных городах продолжался обильный снегопад. В шести милях оттуда, в Тиламуке, уровень осадков накапливался со скоростью пять дюймов в час.

Через десять минут Чин сообщил, что снегопад прекратился в Жилетте, штат Вайоминг; Рулетте, штат Массачусетс; и Сагино, штат Мичиган. Еще через полтора часа на связь вышло более тридцати станций. Впрочем, кажется, они были раскиданы по карте так же случайно, как и точки начала снегопада.

— Может, это связано с названиями? — предположил Чин.

— Названиями? — переспросил Нэйтан.

— Ну да. Снег прекратился в Джокере, штат восточная Виргиния, в Блефе, штат Юта, и в Блэкджеке, штат Джорджия.

Вечером, в семь двадцать две, снегопад начал затихать в Вендовере, штат Юта. Ни в казино «Счастливая леди», ни в «Большом самородке» окон не было, так что этого никто не замечал. В пять минут десятого у Барбары Гомес закончились четвертаки для однорукого бандита, и она пошла к своей машине достать двадцатку, приклеенную скотчем к обратной стороне приборной панели. К этому времени снег практически прекратился. Барбара сказала об этом девушке кассиру, которая ответила: «Это хорошо, а то я волновалась насчет завтрашней поездки в Бэтл-Моунтен. Снегоуборочные машины уже работают?»

Барбара ответила, что это ей неизвестно, и попросила разменять двадцатку на четвертаки, которые тут же проиграла в покер на игровом автомате.

К половине восьмого вечера на Си-эн-би-си красовалась заставка «Выкапываемся», Эй-би-си вернулась к Бингу Кросби с песней «Светлое Рождество», на Си-эн-эн сторонние эксперты все еще обсуждали вероятность нового ледникового периода, а на канале «Фокс-ньюз» вещал Геральдо Ривьера: «В своем известном стихотворении «Огонь и лед» Роберт Фрост рассуждает о том, что мир, возможно, погибнет под толщей льда. Очевидно, это мрачное пророчество сбывается…»

Остальные, похоже, уже знали новости. Си-би-эс и «Уорнер браберз» вернулись к своей обычной программе. По Эй-эм-си шел фильм «Светлое Рождество».

— Похоже, дела налаживаются сами по себе, — сказал Нэйтан, глядя на бегущую строку по Эн-би-си: «Вновь открыта 80-я магистральная трасса между Линкольном и Огалалла».

— Ну, как бы то ни было, не говори об этом потенциальным инвесторам, — сказал Чин.

Тут позвонил бизнесмен, который присутствовал на утренней встрече с Нэйтаном.

— Мы проголосовали за выделение вам гранта.

— Серьезно? Спасибо, — сказал Нэйтан, пытаясь не обращать внимания на Чина, который одними губами спрашивал: «Нам дадут деньги?»

Нэйтан беззвучно подтвердил: «Да».

Чин быстро что-то нацарапал на клочке бумаги и бросил записку перед Нэйтаном. «Получи письменное подтверждение».

— Мы решили, что этот ваш кризис вполне заслуживает изучения, — ответил предприниматель и дрогнувшим голосом добавил: — По телевизору говорят о конце света. Все ведь не настолько плохо, как вы считаете?

— Нет, — сказал Нэйтан. — Вообще-то…

Чин дико замахал руками и скорчил гримасу, дескать, молчи, ни слова. Нэйтан посмотрел ему в глаза.

— В том, что это кризис, уверенности нет. Похоже…

— В общем, чтобы лишний раз не рисковать, — прервал его предприниматель, — дайте мне ваш номер факса. Я вышлю подтверждение, пока у нас не отключили электричество. Хотелось бы, чтобы вы начали исследовать это явление как можно скорее.

Нэйтан продиктовал номер.

— Правда, не стоит так…

Чин яростно заколотил пальцем по экрану телевизора, где появилась заставка «Ложная тревога».

— Считайте это подарком на Рождество, — сказал бизнесмен, и в углу заработал факс. — У нас ведь будет Рождество?

С радостным воплем Чин выдернул факс из аппарата.

— Без сомнения. Счастливого Рождества! — ответил Нэйтан, но предприниматель уже повесил трубку.

Не выпуская сообщения из рук, Чин поинтересовался:

— Сколько ты у них просил?

— Пятьдесят тысяч.

Чин хлопнул листок на стол.

— И тебе счастливого Рождества!

К половине восьмого Бев посмотрела рекламные шоу о тренажере «Нордик Трэк», о кухонном комбайне, который выполнял функции яйцеварки и вафельницы, и об уникальной кровати с дистанционным управлением. Надев пальто и непросохшие перчатки, Бев решила спуститься вниз: хоть один ресторан в Санта-Фс должен работать. Маленький такой ресторанчик, где можно заказать «Маргариту» и чимичангу, где по стенам развешаны сомбреро и пиньяты, а полосатые шторки на окнах задернуты, чтобы не видно было заснеженных улиц.

А если все рестораны закрыты, то можно сделать заказ в номер. Или умереть с голоду. Но нет, Бев не станет спрашивать администратора — не хотелось услышать, что Эль-Чарито закрылась раньше из-за погоды. Кармелита один раз отрезала Бев все пути к отступлению, второй раз не выйдет. Она целеустремленно направилась к выходу.

— Миссис Кэрри! — окликнул администратор, но Бев даже не замедлила шаг. Служащий выбежал из-за стойки.

— У меня для вас сообщение от Кармелиты. Она просила передать, что полуночную мессу в соборе отменили. Епископ беспокоится, что гололед помешает прихожанам добраться домой. Вечерняя месса начинается в восемь. Собор недалеко, в конце площади —

всего два квартала от гостиницы. Очень красивая служба будет, с фонариками и все такое.

«Ну, можно и туда сходить, — подумала Бев. — Хоть какое-то занятие».

Администратор провел ее к выходу.

— Поблагодарите Кармелиту от моего имени, — сказала она в дверях. — Feliz Navidad!

— И вам счастливого Рождества! — Администратор распахнул перед ней дверь. — Идите прямо, потом налево и выйдете на площадь к собору. — Он нырнул в лобби, спрятавшись от снега.

Проваливаясь по щиколотку, Бев торопливо шла. по улице, склонив голову. Шел сильный снег. К утру здесь будут сугробы, как дома. Так нечестно. Из-за угла доносились звуки органа.

Собор возвышался над площадью, его окна горели ярким светом. Бев поняла, что оказалась неправа насчет фонариков, они вовсе не были безнадежно испорчены. Они стояли рядами по краям дорожки, на лестнице и горели ровным Пламенем под падающим снегом.

Поблескивая в свете уличных фонарей, сверкающие хлопья тихо падали на резные веранды, на горшки с кактусами, на розоватые глинобитные домики. Небо над собором розовело, и ландшафт выглядел абсолютно нереальным, как декорация.

— О, Говард! — Бев словно открыла коробку с подарком.

Она вздрогнула от воспоминания о муже, ожидая привычного укола в сердце; но боли не было — только жалость, что Говарда нет рядом. И чуть забавно: ажурные снежинки на рукаве выглядят точь-в-точь как фальшивый снег в конце «Светлого Рождества». Щемящее, пронзительное чувство охватило Бев, словно купол розовеющего неба: любовь — к снегопаду, к настоящему, к Говарду.

— Это все ты… — она сказала и заплакала.

Слезы хлынули ручьями, омыли лицо, промочили пальто, растопили снежинки, налипшие на щеки. «Очищающие слезы», — подумала Бев и внезапно поняла давний ответ Говарда на вопрос, чем кончилось кино. Муж не сказал: «Они жили долго и счастливо». Он произнес: «У них было светлое Рождество».

— О Говард…

Зазвонил колокол, созывая на службу. «Хватит рыдать, пора идти на мессу», — решила Бев, пытаясь найти в сумке носовой платок. Слезы текли, словно из открытого крана.

Женщина в черной шали и с Библией в руках положила ладонь Бев на плечо.

— Что с вами, сеньора?

— Ничего страшного, все в порядке.

Женщина успокоено похлопала Бев по запястью и вошла в собор.

Колокол умолк, и вновь зазвучал орган. Началась месса, но Бев все стояла на площади и смотрела на падающий снег.

— Не знаю, каким образом, Говард, — произнесла она, — но чувствую, что без тебя здесь не обошлось.

В восемь вечера, посмотрев последние новости — все трассы по-прежнему закрыты, — Пилар уложила Мигеля спать.

— Засыпай. Санта скоро придет. — Она наклонилась поцеловать сына.

— Угу, — ответил мальчик со слезами в голосе. — Снег слишком сильный.

«Он испугался, что дороги перекрыты», — подумала Пилар.

— Санте не нужны дороги, — сказала она вслух. — У него есть волшебные сани, которые летят по воздуху даже сквозь метель.

— Угу.

Мигель слез с кровати и принес книжку про оленя Рудольфа, раскрыв ее на картинке, где Санта огорченно глядел на бушующую метель. Малыш встал на кровать и посмотрел в окно: снаружи мело точь-в-точь как в книжке.

— Но Рудольф показал Санте дорогу, — напомнила Пилар. — Видишь? — Она перевернула страницу.

Мигель с сомнением посмотрел на мать. Пришлось дважды перечитать вслух историю Рудольфа — от начала и до конца.

В четверть одиннадцатого Уоррен Несвик спустился в бар. Никакие объяснения, что Марджин — это его пятилетняя племянница, не помогли. Шэра как с цепи сорвалась. «Тебе отменили вылет из Цинциннати, — крикнула она, — а я отменяю свидание с тобой» сволочь ты этакая!» Он так и застыл с разинутым ртом, как рыба на берегу.

Следующие полтора часа Уоррен просидел на телефоне, пытаясь связаться с женщинами, знакомыми по прошлым поездкам… Ни одна из них не ответила. Потом он попробовал дозвониться до Марджин, сказать, что снега стало меньше и что авиакомпания предлагает вылет утром. Вдруг удастся загладить свою вину? Во время последнего разговора Марджин, похоже, была чем-то расстроена… Жена тоже не отвечала на звонки — наверное, уже легла спать.

Он повесил трубку и спустился в бар. Там не было ни души, кроме бармена.

— А чего так пусто? — спросил его Уоррен.

— Ты что, с луны свалился? — изумился бармен и включил телевизор над стойкой.

— …самый масштабный снегопад в истории, — вещал Дэн Абраме. — Хотя здесь, в Балтиморе, метель уже ослабевает, тем, кто был в других частях страны, повезло куда меньше. Мы переключаемся на Цинциннати, где спасатели продолжают разбирать завалы в поисках пострадавших.

Изображение сменилось на репортера, стоящего перед табличкой «Международный аэропорт Цинциннати».

— Невиданный до сих пор уровень осадков — сорок шесть дюймов снега — сегодня вечером привел к обрушению крыши главного терминала. Пострадало более двухсот пассажиров, еще сорок человек пока не найдены.

Гусь, нежный, с хрустящей корочкой, — чудо как хорош! — стал блюдом вечера. Все нахвалили подливку. «Это Люк сделал», — сказала тетя Лулла, но Мейдж и его мать говорили о том, как некоторые не умеют ездить в снежную погоду, и не услышали.

Подали десерт. Тут как раз и снег прекратился. Люк забеспокоился насчет снеговика, но возможность выскочить и посмотреть появилась только около одиннадцати, когда все начали одеваться.

Снеговик растаял, если так можно выразиться, оставив круглое жирное пятно на снегу.

— Избавляешься от улик? — Тетя Лулла, в своем старушечьем пальто, шарфе и перчатках, ткнула в пятно носком калоши. — Интересно, газон не пострадает?

— Гораздо интереснее, не пострадает ли окружающая среда, — заметил Люк.

Мать Люка выглянула в заднюю дверь.

— Что это вы там делаете в темноте? Заходите в дом. Мы тут решаем, кто устраивает ужин на следующее Рождество. Мейдж и Шорти считают, что очередь дяди Дона, но…

— Давайте у меня, — сказал Люк и подмигнул Лулле.

— А-а, — удивленно протянула мать и вернулась к Мейдж, Шорти и остальным. То-то будет разговоров…

— Лулла, только не гуся, — потребовал Люк. — Что-нибудь простое. И не жирное.

— Помнится, у Иена был прекрасный рецепт утки с апельсинами, — задумалась тетушка.

— У Иена Маккеллена?

— Нет, конечно же. У Иена Хольма. Иен Маккеллен ужасно готовит. Или… О, есть идея! Как насчет иглобрюха, рыбы-фугу?

В четверть двенадцатого по восточному времени снег прекратился в Новой Англии, на Ближнем Востоке, в Техасе, на большей части территории Канады и в Нуснеке, Род-Айленд.

— Метель века подходит к концу, обеспечив почти всем снежное, светлое

Рождество, — рассказывал Вульф Блитцер на фоне новой заставки Сй-эн-эн «Завтра все будет хорошо».

— Слушай, меня только что осенило! — Чин протянул Нэйтану стопку распечаток с температурными данными.

— А именно?

— Этот фактор… Смотри, если — по твоей теории — на глобальное потепление влияют тысячи факторов, то любой из них, даже самый незначительный, мог стать причиной глобального снегопада.

Ничего подобного Нэйтан не говорил, ну да ладно.

— И что это за критический фактор?

— Светлое Рождество, — торжествующе сказал Чин.

— Светлое Рождество? — недоуменно протянул Нэйтан.

— Ага! Все мечтают, чтобы на Рождество пошел снег — в основном детишки, но и взрослые тоже. У каждого в голове есть этакая открыточная картинка идеального Рождества, во всех песнях об этом поется: и в «Светлом Рождестве», и в «Зимней сказке», а еще в этой, ну, где «за окном метет метель…», никак не могу вспомнить…

— «Пусть идет снег», — подсказал Нэйтан.

— Именно. Так вот, предположим, что все эти люди, все детишки *одновременно* пожелали идеального Рождества…

— И *пожелали* этот буран?

— *Нет.* Они его *представили* и… В общем, не знаю… Вещества в мозгу, или синапсы, или что там еще — создали некое электрохимическое поле, ну или что-то вроде этого… Образовали тот самый фактор.

— То, что каждый мечтал о снежном, светлом Рождестве?

— Да. Такое ведь возможно, да?

— Может быть, — ответил Нэйтан.

Наверное, какой-то критический фактор все-таки сработал: не мечты о снеге на Рождество, а что-то, внешне совсем не связанное с погодой — например, микроскопические колебания планетных орбит или миграции диких гусей. Или одновременное возникновение целого ряда подобных причин. Вполне возможно, что этот снегопад — единичный феномен, который больше никогда не повторится: аберрация, отклонение, вызванное взаимодействием всех этих неизвестных…

А может быть, теория Нэйтана о кризисе вообще неверна. Кризис — по определению неожиданное, внезапное явление. Но это не значит, что не существует предварительных индикаторов, вроде мигания лампочки перед отключением электричества. В таком случае…

Чин вернулся со стоянки, где вызволял машину из-под снега.

— Ты что, домой не собираешься? — спросил он.

— Нет еще. Надо бы кое-что рассчитать… В Лос-Анджелесе все еще идет снег.

— Что, думаешь снег снова пойдет? — Чин заметно напрягся.

— Нет, — ответил Нэйтан. — Пока нет.

В одиннадцать сорок три Кент Слаккен и Бодин Кромпс спели под караоке в «Смеющемся Лосе» несколько песен, включая «Светлое Рождество», и сказали бармену, что идут «кататься под луной на охренительном спуске». Друзья подхватили сноуборды и отправились в сторону лавиноопасных склонов в районе Вейла. Больше о них никто никогда не слышал.

В одиннадцать пятьдесят два Мигель запрыгнул на спящую мать.

— Рождество! Рождество!

«Что, уже утро?» — спросонья подумала Пилар, пытаясь нашарить часы.

— Мигель, солнышко, сейчас еще ночь. Если не уснешь, То Санта не оставит для тебя никаких подарков. — Она уложила сына в кровать и подоткнула ему одеяло. — Засыпай.

Санта и Рудольф скоро будут здесь.

— Угу! — Мигель встал на кровать и отодвинул занавеску. — Ему не нужен Рудольф. Снегопад закончился, как я и хотел. Так что Санта теперь сам доберется.

За окном кружили одинокие снежинки.

«О господи!» — подумала Пилар. Убедившись, что сын уснул, она прокралась в гостиную и тихонько включила телевизор, вопреки всему надеясь на лучшее.

— Дороги откроют не раньше полудня, — рассказывал усталый репортер, — так как снегоочистительные машины будут работать на следующих трассах: 5-я магистральная трасса, 56-е шоссе, отрезок 15-й магистрали между Чула-Виста и Мюрьетта-Хот-Спрингс, 78-е шоссе между Вистой и Эскондидо…

Пилар тихо прошептала: «Спасибо».

В одиннадцать пятьдесят девять по тихоокеанскому времени Сэм «Луженая Глотка» Фарли совсем охрип. Он единственный добрался до студии радиостанции Кей-ти-ти-эс

(«Нас круглосуточно слушает весь Сиэттл!») и вещал в прямом эфире с пяти тридцати шести утра, несмотря на сильную простуду. Сэм хрипел, сипел, а во время девятичасового блока новостей зашелся в приступе кашля.

— Национальная метеорологическая служба сообщает, что великий снегопад наконец-то подошел к концу и завтра нас ожидает хорошая погода. Да, и новость от НОРАД для детишек, которые еще не ложились спать: радар только что засек сани Санта-Клауса над Ванкувером. Санта направляется в нашу сторону. — Он попытался сказать: «А теперь местные новости», — но у него не получилось,

Сэм попробовал еще раз. Ничего.

После третьей напрасной попытки он прошептал в микрофон: «Ну, вот и все, друзья», — и поставил запись Луи Армстронга с песней «Светлое Рождество».

РОЗА, НА СОЛНЦЕ[7]

От остальных толку не было. Роза опустилась на кухонный пол подле брата и шепнула:

— Помнишь, как мы жили у бабушки? Только мы втроем, больше никого?

Брат оторвался от книги и скользнул пустым взглядом мимо сестры, равнодушно и хмуро.

— О чем твоя книга? — мягко спросила Роза. — О Солнце? Ты раньше много читал мне вслух, у бабушки. Всегда о Солнце…

Он поднялся, отошел к окну и стал смотреть, как снег рисует узоры на Сухом стекле. Роза взглянула на книгу, но та была о чем-то совсем другом.

— Дома не было столько снега, правда? — спрашивала Роза у бабушки. — Не могло быть столько снега, даже в Канаде, ведь не могло?

Теперь это был поезд, не кухня, но бабушка все обмеряла окна под шторы, как будто не заметила перемены.

— Почему поезда ходят, если все время снег идет? — не унималась Роза.

Бабушка делала замеры, прикладывая желтый сантиметр к широким, изогнутым окнам купе, и записывала Цифры на каких-то листочках. Бумажки бесшумно падали на пол — совсем как снег за окном.

Наконец снова появилась кухня с квадратными окнами, украшенными поблекшими красными занавесками.

— Занавески на солнце выгорели? — хитренько спросила Роза, но бабушка не отреагировала. Она все мерила, записывала и роняла листочки вокруг, точно пепел.

Роза отвернулась от бабушки и стала смотреть на остальных, шатающихся по

---

[7] Daisy, in the Sun © Перевод. Е. Костина, 2010

бабушкиной кухне. Их она не спрашивала Заговорить с ними — значило бы признать, что они здесь, настоящие, бродят по дому, натыкаясь друг на друга.

— Они на солнце выгорели, *на солнце!* Я помню! — Роза хлопнула дверью и убежала к себе в комнату.

Комната всегда была её комнатой. Чтобы ни происходило снаружи, комната оставалась прежней: покрывало из желтого муслина на кровати, желтые цветы на окне. Роза не разрешила маме повесить у себя плотные шторы. Хорошо запомнила, как весь день сидела в комнате, забаррикадировав дверь. Зачем маме вздумалось вешать шторы? что случилось потом? — Роза не помнила…

Роза уселась на кровать, скрестив ноги и прижав к груди желтую подушку. Мама вечно твердила, что молодым особам ноги растопыривать не положено. «Тебе пятнадцать, Роза! Ты уже юная леди».

Почему запомнилась всякая ерунда, но только не то, как они сюда попали, куда подевалась мама, и почему все время идет снег, хотя холода совсем не чувствуется? Роза еще крепче прижала к себе подушку и очень сильно постаралась вспомнить.

Так бывает, если пытаешься сжать что-то упругое и неподатливое… Помнится, Роза как-то попыталась вдавить себе грудь, потому что мама сказала: «Растёт девочка, ей уже бюстгальтер нужен». Роза хотела вернуться назад, к той малышке, которой когда-то была, но, как ни старалась ладонями вжать грудь обратно, бугорки никуда не исчезали. Непреодолимая задача.

Роза стиснула податливую подушку и крепко зажмурилась. «Вошла бабушка, — объявила она, пытаясь добраться до воспоминаний. — Вошла бабушка и сказала…»

Она разглядывала книжку брата. Изучала, рассматривала одну его из многочисленных книжек о Солнце… Распахнулась дверь, и брат быстро забрал книжку. Он рассердился… из-за книги?

Вошла бабушка, раскрасневшаяся, радостная, и брат выхватил книжку из рук Розы. Бабушка сказала:

— Ткань привезли! Я много купила, на все окна хватит. — У нее был целый ворох материи — полосатого, красно-белого хлопка. — Почти целый рулон! — Бабушкино лицо светилось радостью. — Красивая, а?

Роза дотронулась до тонкого, красивого материала и…

Она смяла в руках подушку.

…Коснулась красивой тонкой ткани, а потом…

Бесполезно! Дальше пробиться не удавалось. Она целыми днями сидела на кровати. Иногда Роза начинала с конца, перебирая все свои воспоминания… и всегда было одно и то же. Ничего не вспомнить, как ни крути. Лишь книга и бабушка в дверях.

Роза открыла глаза, отложила подушку на кровать, выпрямила ноги и глубоко вздохнула. Придется спросить остальных. Больше ничего не остается.

Она постояла с минутку у двери, но открывать не торопилась, гадая, куда попадет на сей раз. За дверью оказалась мамина гостиная: прохладно-голубые стены, жалюзи на окнах. Брат сидел на серо-голубом ковре и читал. Бабушка, отодвинув жалюзи, измеряла высокое окно. За окном шел снег.

По голубому ковру туда-сюда бродили незнакомцы. Иногда Розе казалось, что она кого-то узнает: друзья родителей или ее школьные учителя — точно не разобрать. В своих бесконечных, терпеливых блужданиях они не заговаривали друг с другом. Может, даже не видели друг друга. Иногда, шагая по длинному вагону поезда, кружа по бабушкиной кухне, расхаживая по голубой гостиной, они сталкивались друг с другом, но даже не останавливались, не извинялись. Натыкаясь друг на друга, они словно не осознавали этого и двигались дальше. Сталкивались без звука, без стука, и с каждым столкновением все меньше походили на людей, которых Роза знала, все больше и больше превращались в незнакомцев. Она беспокойно всматривалась, силясь узнать хоть кого-нибудь, чтобы спросить…

Вошел юноша. Вошел снаружи, это Роза знала точно, хотя проверить было нельзя — ни

дуновения холодного воздуха, ни снега на плечах пришельца. Он с легкостью лавировал средь остальных, а те оборачивались ему вслед. Присев на голубой диванчик, юноша улыбнулся Розиному брату. Брат оторвался от книги и улыбнулся в ответ. «Он вошел снаружи, — подумала Роза. — Уж он-то знает!»

Она подсела к нему, на краешек дивана, скрестив на груди руки.

— Что же случилось с солнцем? — прошептала она.

Он поднял голову. Лицо у него было такое же юное, как у нее, загорелое и улыбчивое. Где-то в глубине Роза почувствовала испуганную дрожь, робкое и недоброе предчувствие, совсем как было перед первыми месячными. Она вскочила, отпрянула назад, споткнулась, едва не сбив с ног какого-то незнакомца.

— О, привет! — произнес юноша. — Розочка?

Руки ее сжались в кулаки. И как это она сразу его не узнала: беспечная уверенность, небрежная улыбка. Он ей не поможет. Он-то знает, конечно, знает; он знал всегда и все… но ей не скажет. Лишь посмеется. Нельзя, чтобы он над ней смеялся!

— Привет, Рон, — хотела сказать она, но согласная на конце неуверенно растаяла в воздухе. Она всегда путалась, как именно его зовут.

Он засмеялся и закинул руку на спинку дивана.

— С чего ты решила, что с солнцем что-то случилось, Роза-мимоза? Садись и расскажи!

Если присесть рядом, он с легкостью обнял бы ее за плечи.

— Что случилось с солнцем? — повторила она, не приближаясь. — Оно больше не светит…

— Что, правда? — со смехом переспросил он, рассматривая ее грудь.

Роза прикрыла грудь рукой и с детским упрямством бросила:

— А что, нет?

— Ты сама как думаешь?

— Может, все ошиблись… ну, про солнце… — она замолкла, удивляясь собственным словам, возвращающимся воспоминаниям. Потом продолжила, будто в забытьи — опустив руки, вслушиваясь в то, что сама скажет дальше: — Все думали, оно взорвется. Сказали, что оно проглотит весь мир… А вдруг нет? Что, если оно сгорело, ну, вроде как спичка, и больше не светит, и вот почему всегда снег и…»

— Холод, — подсказал Рон. — Что?

— Холод, — повторил он. — Если так все и было, то разве не должно похолодать?

— Что? — глупо переспросила она.

— Роза… — позвал он и улыбнулся.

Она чуть вздрогнула. Ноющий страх спустился ниже, стал более отчетливым.

— Ой! — Подрезая беспорядочно толпившихся повсюду незнакомцев, Роза бросилась к себе в комнату, захлопнула за собой дверь, растянулась на кровати, держась за живот, и стала вспоминать.

Папа позвал всех гостиную. Мама, заранее испуганная, присела на краешек голубого дивана. Брат принес с собой книжку и невидящим взглядом уткнулся в страницу.

В гостиной было холодно. Роза передвинулась за солнечным пятном на полу и стала ждать. Она боялась уже целый год. «Вот-вот, — подумала она, — сейчас услышу что-то совсем жуткое».

Роза вдруг страшно возненавидела родителей, которые способны затащить ее с солнца во тьму, способны напугать одними только разговорами. Сегодня она сидела на крыльце. А вчера нежилась на солнышке в старом желтом купальнике, но мама позвала ее в дом.

— Ты уже большая девочка, — заявила мама, уведя дочь в комнату и разглядывая желтый купальник, из которого та выросла, — тесный в груди, с узенькими плавками. — Тебе пора кое-что знать.

У Розы заколотилось сердце.

— Я хочу сама тебе рассказать, чтобы ты слухи не собирала. — В руках у мамы — жуткая бело-розовая брошюра. — Вот, прочитай, Роза. Ты меняешься, хотя, быть может, и сама того не замечаешь. У тебя растет грудь, а скоро придут месячные. Это означает…

Роза знала, что это означает, девочки в школе рассказывали: тьма и кровь. Мальчишки захотят хватать ее за грудь, попытаются пронзить ее тьму. И тогда — опять кровь.

— Нет! — воскликнула Роза. «Нет, не хочу!»

— Знаю, это поначалу пугает, но однажды, совсем скоро, ты встретишь симпатичного мальчика и тогда поймешь…

«Нет, не пойму. Никогда! Я знаю, что творят мальчишки…»

— Лет через пять все будет по-другому, Роза. Вот увидишь… «Ни через пять. Ни даже через сто. Нет!»

— У меня грудей не будет! — закричала Роза и швырнула в мать подушкой. — Месячных не будет! Я не стану! Нет!!!

Мама сочувственно посмотрела на нее и обняла.

— Этого ведь не остановишь, солнышко. Тут нечего бояться… С тех пор Роза все время боялась. А теперь испугается еще больше, как только папа заговорит.

— Я хотел вам рассказать, — начал папа, — чтобы вы не прослышали от кого-то другого. Чтобы вы узнали, что происходит на самом деле, а не только слухи. — Он запнулся и тяжело вздохнул. Даже начинались эти их разговоры одинаково! — Думаю, лучше, чтобы вы узнали от меня, — продолжал папа. — Солнце превращается в новую звезду, в красного гиганта.

Мама хватала ртом воздух; вдох как вздох, долгий и тихий, последний глоток воздуха полной грудью. Брат захлопнул книжку.

«И это все?» — удивленно подумала Роза.

— Солнце выработало весь водород в своем ядре. Оно начинает сжигать само себя, а когда сожжет — то расшириться и… — отец прервался на полуслове.

— Поглотит всех нас, — произнес брат. — Я читал. Солнце попросту взорвется, расширится до самого Марса. Оно поглотит Меркурий и Венеру, и Землю, и Марс, и мы все погибнем.

Папа кивнул.

— Да, — сказал он как будто с облегчением, что худшее — позади.

— Нет… — прошептала мама.

Роза подумала, что это ерунда. Ерунда! То, что рассказывала ей мама, было гораздо хуже. Кровь и тьма…

— На Солнце происходят изменения, — продолжил отец. — Чаще стало штормить, слишком часто. И Солнце испускает необычные вспышки нейтрино. Все указывает на то, что…

— Сколько еще? — спросила мама.

— Год. Максимум, пять. Никто не знает.

— Это нужно остановить! — в страхе вскрикнула мама, а Роза, сидя в своем солнечном пятне, изумленно подняла голову.

— Невозможно, — ответил отец. — Это уже началось.

— Я не допущу, — заявила мама. — Дети… Я не позволю! С моей Розочкой ничего не случится! Она так любит солнце…

При этих словах Роза кое-что вспомнила. На старой фотографии, подписанной мамой, — малышка в желтом купальнике: плоская грудь, выпяченный животик, ведерко, совочек, пальцы в горячем песке, глаза щурятся от яркого света. Внизу, маминым почерком, белыми чернилами: «Роза, на солнце».

Отец держит маму за руку, приобнял брата. Головы вжаты в плечи, словно в предчувствии взрыва, как будто вот-вот на них обрушится бомба.

Роза подумала: «Все мы, через год или пять, ну, конечно, максимум пять, все мы снова будем детьми, всем нам будет хорошо и тепло на солнце».

Не могла она заставить себя бояться солнца.

Снова поезд. Незнакомцы двигались туда-сюда по длинному вагону-ресторану, беспорядочно сталкиваясь друге другом. Бабушка измеряла дверные окошки в самом конце. Она не глядела наружу, на пепельный снег. Брата не видно.

Рон сидел в вагоне-ресторане, у стола, покрытого застиранной белой скатертью. Тяжелая ваза, тяжелое и тусклое столовое серебро — специально, чтобы приборы не падали во время движения. Рон откинулся на стуле и смотрел в окно, на снег.

Роза села за стол, напротив него. Сердце болезненно колотилось в груди.

— Привет! — Она не решилась добавить его имя, опасаясь, что звук растает в воздухе, как в прошлый раз, и он поймет, что ей очень страшно.

Рон с улыбкой повернулся к ней и сказал:

— Привет, Роза-мимоза!

Она возненавидела его с такой же внезапной силой, как тогда — родителей, возненавидела за эту способность пугать.

— Что ты тут делаешь? — спросила она. Он ухмыльнулся.

— Ты не отсюда! — сердито заявила Роза. — Я уехала в Канаду, к бабушке! — Глаза ее расширились. Она сама не знала этого, пока не произнесла вслух. — Я тебя даже не знала… Мы жили в Калифорнии, а ты работал в бакалейном… — Воспоминания вдруг хлынули потоком. — Ты не отсюда…

— Быть может, все это Сон, Роза.

Она сердито подняла голову, грудь вздымалась от потрясения. — Что?

— Говорю же, тебе это, может быть, просто снится. — Он положил локти на стол и пригнулся к ней. — Тебе всегда снились самые невероятные сны, Роза-мимоза.

Она покачала головой.

— Не такие. Мои сны были не такие! Мне всегда снилось только хорошее…

Память возвращалась, все быстрее, быстрее… покалывание в боку, в том месте, где по бело-розовой книге положено быть яичникам. Она испугалась, что не добежит до комнаты. Вскочила, комкая белую скатерть.

— Они были не такие…

Спотыкаясь, она стала пробираться к себе сквозь беспорядочную толчею.

— Да, кстати, Роза! — окликнул ее Рон. Она Остановилась, уже схватившись за ручку своей двери, уже почти вспомнив. — Тебе все еще холодно.

— Что? — растерянно спросила она.

— Все еще холодно. Хотя становится теплее.

Она хотела спросить, о чем он, но воспоминания нахлынули, затопили. Роза захлопнула дверь изнутри и, задыхаясь, на ощупь отыскала кровать.

Всей семье снились кошмары. По утрам, за завтраком, у всех троих бывали осунувшиеся от усталости лица, чернота под глазами. Им еще не доставили кухонные шторы со свинцовой пропиткой, поэтому завтракать приходилось в гостиной — здесь можно было опустить жалюзи. Мама с папой сидели на голубом диванчике, упираясь коленками в накрытый к завтраку журнальный столик. Роза с братом сидели на полу.

Мама уставилась в плотные шторы.

— Мне снилось, что во мне множество отверстий: крошечные дырочки повсюду, как в мелком кружеве…

— Что ты, Эвелин! — пробормотал папа. Брат сказал:

— Мне снилось, что в доме пожар, а потом приехали пожарные машины, все потушили… но сами загорелись, и пожарники тоже, и деревья, и…

— Хватит, доедай лучше, — оборвал его папа и мягко добавил, обращаясь к жене: — Сквозь нас все время проходят нейтрино. Прямо насквозь, по всей Земле. Они совершенно безопасны. Никаких дырочек не пробивают. Это не страшно, Эвелин. Не думай о нейтрино,

они не принесут вреда.

— Роза, помнишь, у тебя раньше было кружевное платье? — спросила мама, не отрывая взгляда от штор. — Желтое такое… Много-много маленьких отверстий, дырочек.

— Можно встать из-за стола? — Брат сжимал в руках книгу с фотографией солнца на обложке.

Папа кивнул, и брат пошел прочь, читая на ходу.

— Надень кепку! — отчаянно вскрикнула мама, провожая сына взглядом, а потом повернулась и посмотрела на Розу покрасневшими глазами. — Тебе ведь тоже снились кошмары, правда, Роза?

Роза покачала головой, уставившись в тарелку с хлопьями. За завтраком она разглядывала запретное солнце сквозь щель в жалюзи. Полоски жалюзи чуть разошлись, и на тарелку к Розе прыгнул маленький солнечный зайчик. Они с мамой обе уставились на него. Роза прикрыла пятно света рукой.

— Тебе снились хорошие сны, Роза, или ты не помнишь? — мамин голос звучал почти обвиняющее.

— Помню! — ответила Роза, рассматривая солнечное пятно на руке. Ей снился медведь. Огромный золотой медведь со сверкающей шерстью. Роза играла с медведем в мячик. Обеими руками держала сине-зеленый мяч. Медведь лениво потянулся золотой лапой и выбил мяч из рук Розы. В жизни она не видала ничего прекрасней этого мягкого, плавного взмаха гигантской лапы. Вспоминая, Роза улыбнулась сама себе.

— Расскажи, что тебе снилось, Роза! — попросила мама.

— Ладно, — буркнула Роза. — Мне снился большой желтый медведь, который бросал синий мячик.

Мама моргнула.

— Бросил нас всех в никуда! — выкрикнула Роза и бросилась из темной гостиной на яркое утреннее солнце.

— Надень шляпу! — воскликнула мама, почти срываясь на визг.

Роза долго стояла у двери и наблюдала. Он разговаривал с бабушкой. Та отложила в сторону сантиметр — желтый, с угольно-черными делениями — и с улыбкой кивала. После долгого-долгого разговора он ласково потрепал ее по руке.

Бабушка медленно встала и отошла к окну — к выцветшим красным шторам, за которыми шел снег. Так она стояла и смотрела — не на шторы, а наружу, на снег, — с мягкой и спокойной улыбкой на лице.

Роза хмуро протиснулась сквозь толпу в кухне и уселась напротив Рона. Он по-прежнему держал руки на красной клеенке стола. Роза тоже оперлась руками о стол, почти касаясь его. Она беспомощно развела ладони.

— Ведь это не сон, да? — спросила она. Он едва касался ее пальцами.

— С чего ты решила, будто я знаю? Я же не отсюда, помнишь? Я же работаю в бакалейном, ты сама сказала!

— Ты все знаешь, — просто ответила она.

— Не все.

Какая сокрушающая ложь… Вытянутые руки задрожали, она ухватилась за металлическую столешницу, силясь встать.

— Все теплее и теплее, Роза-мимоза, — протянул он. Она не успела добежать до комнаты, беспомощно осела у двери, глядя, как бабушка снимает мерки, пишет и роняет вокруг листочки бумаги. И вспоминала.

* * *

Мама его даже не знала! Ну, встречалась в бакалейной лавке. Мама — которая никуда не ходила, носила темные очки, рубашки с длинными рукавами и шляпы от солнца даже в

своей затемненной голубой гостиной — специально познакомилась с ним в магазине и привела домой. Она сняла шляпу и нелепые садовые перчатки и отправилась в бакалею — искать его. Наверное, для этого потребовалась невероятная храбрость.

— Он сказал, что видел тебя в школе и хотел пригласить на свидание, но боялся, что я не разрешу, ведь ты совсем еще девочка… верно, Рон? — нервически бормотала мама. Роза не расслышала, как она его назвала — то ли Рон, то ли Роб или Род. — Вот я и предложила прийти к нам домой прямо сейчас, вместе, и познакомиться. Я всегда говорю, не откладывай на завтра! Правильно, Рон?

Он нисколько не смутился.

— Хочешь мороженого, Роза? Я на машине.

— Конечно, она с удовольствием поедет. Правда, Роза? Ах, вот бы солнце протянуло ленивую лапу, гигантскую золотую медвежью лапу, и выбило их всех. Прямо сейчас!

— Роза! — Мама машинально поправила прическу. — Так мало времени осталось! Хочется, чтобы ты узнала…

Тьма и кровь. Маме хочется, чтобы я боялась, как и она. А я не боюсь, мама! Слишком поздно! Все почти случилось…

А потом она вышла с ним на улицу, увидела его машину с откидным верхом, оставленную на подъездной дорожке, и почувствовала первый, слабый трепет страха. Крыша была опущена. Она взглянула в загорелое, улыбчивое лицо и поняла: «Он не боится!»

— Куда поедем, Роза? — спросил он, закинув руку на спинку сиденья. Он мог бы с легкостью сместиться чуть ниже, обнять ее за плечи. Роза прижалась к двери, обхватила себя руками.

— Давай просто покатаемся. Без крыши! Мне нравится солнце. — Она хотела напугать его, увидеть, как меняется его лицо — словно у мамы от Розиных рассказов о том, что ей снилось.

— Мне тоже! — заявил он. — Ты тоже не веришь в чепуху, которой нас пичкают? Про солнце? Просто трусливые сплетни, вот и все. У меня ведь не случился рак кожи, так? — Он словно невзначай обнял ее за плечи загорелой, золотистой рукой. — Сколько людей истерят на пустом месте! Мой учитель физики считает, что до коллапса Солнце может целых пять тысяч лет испускать такие потоки нейтрино. А все эти разговоры про северное сияние… Можно подумать, вспышек на Солнце раньше не было! Нечего бояться, Роза-мимоза! — Его рука оказалась в опасной близости к ее груди.

— Тебе снятся кошмары? — спросила она, отчаянно стараясь напугать.

— Нет. Мне снишься только ты! — Его пальцы небрежно чертили узоры по ее блузке. — А что тебе снится?

Она ждала, что он испугается, как мама, От прекрасных снов дочери мама хмурилась и в ужасе распахивала глаза, и Роза начинала специально придумывать, сочинять еще страшнее, разрушала всю красоту — чтобы мама боялась.

— Мне снилось, что я кручу золотой обруч. Горячий. Ладонь жгло от прикосновения. И у меня были сережки, золотые колечки, крутящиеся в ушах, совсем как обруч. И золотой браслет… — Рассказывая, она внимательно следила за его лицом, ждала, высматривала страх. А он небрежно касался ее груди, подбираясь все ближе и ближе к соску. — Я покатила обруч под горку, и он помчался, быстрее, быстрей. Я за ним не успевала. Он катился сам собой — колесо, золотое колесо, подмявшее весь мир.

Она уже забыла, для чего стала рассказывать сон — просто говорила, загадочно улыбаясь, как вспоминалось. Рука накрыла ее грудь и замерла: Стало тепло, как от солнца на лице.

Он удивленно поднял глаза.

— Ну и ну, вот повеселился бы наш препод по психологии! Надо же, какие сексуальные сны тебе снятся… Ух! Куда уж там Фрейду! Наш психолог говорит…

— А ты все знаешь, да? — бросила Роза.

Пальцы оглаживали ее сосок сквозь тонкую ткань блузки, чертили огненный круг —

крошечное, жгучее кольцо.

— Не совсем, — ответил он, склоняясь ниже. Тьма и кровь. — Я еще не знаю, как мне получить тебя.

Она отшатнулась, вырвалась из его рук.

— Ты меня вообще не получишь! Никогда! Ты раньше умрешь! Мы все умрем от солнца! — выпалила она и, выскочив из машины, бросилась в сумрачный дом.

Воспоминание растаяло. Роза скрючилась на кровати. Не станет она с ним больше говорить. Без него ничего не вспоминается… ну и пусть! Это всего лишь сон. Какая тогда разница? Она обхватила себя руками.

Нет, это не сон. Хуже, чем сон. Она села на краешке кровати, выпрямила спину, высоко поняла голову, руки аккуратно по бокам, ноги опустила на пол, поставила вместе — так, как и полагается юной леди. Потом решительно направилась к выходу, распахнула дверь — не важно, что это за комната и кто в ней расхаживает туда-сюда. Роза подошла к Рону и схватила его плечо.

— Это ад, да?

Он обернулся, на лице мелькнула тень надежды.

— А, Роза! — Он взял ее за руки и усадил подле себя. Они были в поезде. Их сплетенные ладони легли на белую скатерть.

Вырываться нет смысла. Голос ее не дрогнул.

— Я дурно себя вела: запугивала маму снами, гуляла без шляпки — просто потому, что мама этого так боялась. Она никак не могла справиться с этим страхом, все ждала, что Солнце взорвется… — Роза умолкла и уставилась на свои руки. — Наверное, оно уже взорвалось, и все погибли, как и говорил папа. Кажется… Наверное, нужно было придумать для нее другие сны. Нужно было сочинять, что мне снились мальчики, снилось, как я выросла, снилось нестрашное… Я могла бы выдумать свои кошмары, как и брат.

— Роза, — перебил он. — Исповеди — не мой профиль. Я не…

— Она убила себя, — произнесла Роза. — Отправила нас к бабушке, в Канаду, а потом убила себя. Вот я и думаю, что если все мы мертвы, то я попала в ад. Ад ведь такой и есть, правда? Лицом к лицу с самым страшным страхом…

— Или с любовью. Ах, Роза! — Он крепко сжал ее пальцы. — С чего ты взяла, что это ад?

Она удивленно уставилась на него.

— Потому что здесь нет солнца!

Он жег ее, жег взглядом. Роза ощупью попыталась схватиться за стол с белой скатертью, но комната уже изменилась. Стола не было. Он потянул ее к себе, на голубой диван. Он все еще крепко, не выпуская, сжимал ей руки, а она вспомнила.

Их отослали прочь, чтобы спасти от солнца. Роза уезжала с радостью. Мама все время на нее сердилась. Каждое утро, за завтраком в затемненной гостиной мама заставляла Розу рассказывать свои сны. Поверх жалюзи повесили плотные шторы, чтобы свет не проникал внутрь, и в голубом полумраке ни единый лучик солнца не касался испуганного лица мамы.

Пляжи опустели. Мама не выпускала дочь на улицу без шляпы и темных очков — даже в магазин. Лететь в Канаду не разрешила из-за магнитных бурь, что изредка создавали помехи для радиосигнала. Мама боялась, что самолет разобьется.

Она отправила их на поезде, на вокзале поцеловала на прощание, на минуту забывшись, не замечая лучей света, льющихся сквозь окна в пыльных сводах. Брат пошел вперед, на платформу, а мама потянула Розу к стене, в тень.

— Что я тебе рассказывала, про месячные… этого уже не случится. Радиация… я звонила доктору, и он сказал не беспокоиться. Так со всеми происходит.

Роза ощутила слабый трепет страха. Месячные, кровавые и страшные, начались у нее пару месяцев назад. Она никому не сказала.

— Я не боюсь, — ответила она.

— Ах, Роза! мой цветочек на солнце… — порывисто вскрикнув, мама отступила в сумрак, но едва поезд покатил вдоль перрона, вышла на солнце и стала махать на прощание.

В поезде было замечательно. Малочисленные пассажиры сидели по купе, задернув шторы. В вагоне-ресторане не было ни штор, ни людей. Никто не заставлял Розу прятаться в тень. Она сидела в одиночестве и смотрела в широкие окна. Поезд летел через лес, прозрачные, встопорщенные рощицы тоненьких осинок и сосен. Сквозь лес вспыхивало солнце — солнце, тень и снова солнце, вспышки по лицу Розы. Они с братом назаказывали всевозможных десертов и молочных коктейлей — никаких укоризненных замечаний не последовало. Брат вслух читал ей про Солнце. — Знаешь, как бывает в центре Солнца? — спросил он. Да. Стоишь с совочком и ведерком, шевелишь босыми пальцами в песке, снова в детстве, ничего не боишься, лишь щуришься от желтого света.

— Нет, — ответила Роза.

— В центре солнца даже атомы не могут удержаться вместе. Там тесно, они все время сталкиваются друг с другом — бум-бум-бум! — а электроны, отрываясь от них, разлетаются во все стороны. Иногда эти коллизии создают излучение, которое несется со скоростью света, как шарик в пинболе: бац-бац-бац, до самых поверхностных слоев.

— Зачем ты читаешь такие книжки? Чтобы бояться?

— Нет, чтобы маму пугать. — Дерзкая откровенность, невозможная даже на свободе у бабушки, достижимая лишь в поезде. — А тебе совсем не страшно, что ли?

Ей захотелось ответить с такой же честностью.

— Нет, совсем нет. — Роза улыбнулась.

— Почему?

Потому что это не больно. Потому что я ничего не запомню. Потому что я встану на солнце с совком и ведерком, посмотрю вверх и перестану бояться.

— Не знаю, — ответила Роза. — Просто не страшно.

— А мне страшно. Мне все время снится огонь. Сначала думаю, как бывает больно, когда обожжешь палец, а потом снится, что так больно будет везде и всегда.

Он, значит, тоже рассказывал маме выдуманные сны.

— Все будет не так, — возразила Роза. — Мы даже не поймем, что происходит. Ничего не запомним.

— Солнце взорвется новой звездой и начнет сжигать себя. Ядро наполнится атомным пеплом, и Солнце израсходует свое собственное топливо. В центре Солнца темно, беспросветно темно: там такое коротковолновое излучение, что лучи невозможно увидеть. Они невидимые. Повсюду тьма кромешная и пепел. Представляешь?

— Это не важно. — За окном проплывали луга, лицо Розы заливали лучи солнца. — Нас там не будет. Мы умрем. Ничего не запомним.

Роза и не представляла, как обрадуется бабушке, с каким облегчением увидит худое загорелое лицо, голые руки. На ней даже шляпы не было!

— Роза, милая, как ты выросла! — сказала бабушка, но слова нисколько не напоминали смертный приговор. — А ты, Дэвид, все так же носом в книжках, а?

К бабушкиному домику они добрались почти в сумерках.

— Это что? — Дэвид замер на пороге. Бабушка спокойно ответила:

— Северное сияние. Слушайте, нам тут такие фейерверки в последнее время показывают! Совсем как в День независимости!

Роза только теперь поняла, как ей не хватало тех, кто не боится. Она запрокинула голову. Полотнища красного света колыхались до самого горизонта, вздрагивая от солнечного ветра.

— Как красиво… — прошептала Роза, но бабушка уже ждала в дверях, и так радостно было видеть ее ясные глаза, что Роза пошла за ней в кухню, к столу под красной клеенкой и красным занавескам на окнах.

— Как приятно принимать гостей, — бабушка вскарабкалась на стул. — Роза, подержи-ка с этой стороны… — Она спустила вниз длинный конец желтой пластиковой

ленты.

Роза взяла протянутый сантиметр и с беспокойством спросила:

— Что ты делаешь?

— Снимаю мерки для новых штор, милая, — ответила бабушка, роясь в карманах в поисках карандаша и листочка. — Какая длина получается?

— Зачем тебе новые шторы? — переспросила Роза. — Мне и эти нравятся.

— Они не защищают от солнца, — ответила бабушка и глаза ее наполнились угольно-черным ужасом, а голос срывался почти на визг. — Обязательно нужны новые шторы, Роза, а ткани нигде нет. Во всем городе нет, пришлось в Оттаве заказывать! Всю ткань скупили, во всем городе! Представляешь, Роза?!

— Да, — ответила Роза, честно стараясь испугаться.

Рон все еще крепко держал ее за руки. Она пристально смотрела на него.

— Теплее, Роза, — говорил он. — Уже скоро. — Да, — отозвалась она.

Он отпустил ее, встал с дивана, пробрался сквозь толпу в голубой гостиной и вышел на улицу, в снег. Она решила не возвращаться к себе в комнату и все смотрела, как беспорядочно бродят вокруг незнакомцы, как брат читает на ходу, как бабушка залазит на стул, а память возвращалась — легко и безболезненно…

— Хочешь, что-то покажу? — спросил брат.

Роза глядела в окно. Огни мерцали весь день, хотя на улице было спокойной тихо. Бабушка пошла в город, узнать, не прислали ли ткань для штор. Роза промолчала.

Брат сунул ей под нос книгу и заявил:

— Это протуберанец!

«Высокогорная обсерватория, Боулдер, Колорадо». Черно-белые картинки — как старые фотографии, только вот подписи совсем не похожи на мамины.

— Это вспышка раскаленного газа высотой в сотни тысяч футов.

— Нет, — возразила Роза, опуская книгу на колени. — Это мой золотой обруч. Я видела во сне…

Она перевернула страницу.

Дэвид склонился к ней и стал объяснять:

— Эта вспышка случилась в 1946 году, когда только начинались неприятности, но о них еще никто не знал. Протуберанец весил миллион тон. Газ вырвался на миллион миль! Рвануло, и весь этот газ вырвался в космос. Там начинались всякие…

— Это мой золотой мишка! — Роза вцепилась в книгу, точно в фотографию любимого. На картинке черное Солнце лениво тянуло гигантскую огненную лапу — дикую и шелковистую лапу пылающего газа.

— Тебе такое снилось? — удивился брат. В его голосе зазвучали истерические нотки. — Ты мне вот об этом рассказывала? Но ты же говорила, что сны у тебя хорошие?!

— Хорошие, — заявила Роза.

Он выхватил у нее книгу и стал сердито листать страницы, пока не нашел цветную диаграмму на черном фоне: сверкающий красный шар, заполненный концентрическими кругами.

— Вот что с нами будет! — Он яростно ткнул в один из кругов внутри красного шара. — Это мы! Мы! Вот здесь, прямо внутри Солнца! Пусть-ка тебе вот это приснится!

Он захлопнул книгу.

— Но мы все уже умрем, это будет не страшно, — протянула Роза. — Не больно. Мы ничего не запомним.

— Это ты так думаешь! Тебе все известно, да? Да ты вообще ничего не знаешь! Я читал, что никто, понимаешь — никто! — не знает, что такое память! Неизвестно, где она находится — может, даже и не в клетках мозга! Сидит себе в каких-нибудь атомах, и если нас разорвет на кусочки, то память все равно сохранится… Представь, что мы сгорим на солнце, но будем все помнить? Вот мы и будем гореть вечно, и помнить… помнить вечно!

— Оно так не сделает. Не сделает нам больно. — Роза шевелила пальцами в песке и

смотрела на брата. Страха не было, один лишь восторг. — Оно…

— Ты чокнутая! — закричал брат. — Понимаешь? Чокнутая! Говоришь о нем, как будто о друге, как будто оно — твой приятель! Но Солнце, твое замечательное Солнце скоро убьет нас всех! — Он вырвал у нее из рук книгу и заплакал.

Розе захотелось попросить у него прощения, но тут вошла бабушка, без шляпы, с волосами, спадающими на худое, загорелое лицо.

— Ткань привезли! — обрадовано сообщила она. — Я купила на все окна сразу! — Два рулона красной клетчатой ткани трепетали на столе, точно северное сияние — красное на красном. — Я уж думала, никогда не дождемся…

Роза провела рукой по ткани.

* * *

Она ждала его в вагоне-ресторане, присев за стол с белой скатертью. Он помедлил в дверях, на секунду застыл в проходе, обрамленный снежными хлопьями пепла, и вошел, весело напевая что-то невразумительное.

— Роза, Роза, расскажи теорию свою… — В руках у него был рулон красной материи. Он вручил его бабушке, свободный край ткани развернулся… Бабушка от радости застыла на стуле как вкопанная, и на пол навечно упали белые клочки бумаги и желтая сантиметровая лента.

Роза подошла и встала перед ним.

— Роза-мимоза, — весело начал он. — Расскажи мне… Она положила руку ему на грудь и заявила:

— Никаких теорий. Я все знаю.

— Все, Роза? — Он весело ухмыльнулся, а она с грустью — подумала, что никогда не сможет увидеть его по-настоящему. Он так и останется для нее юношей-всезнайкой из бакалейной лавки.

— Нет, но я, кажется, знаю. — Она не отрывала руки от пылающего обруча его груди. — Кажется, мы уже не люди. Не знаю, *что* мы такое — может, атомы, которые утратили все свои электроны и теперь бесконечно сталкиваются друг с другом в самом центре Солнца, а оно сжигает себя в пепел в бесконечной снежной буре…

Он ничего не возразил, но и не кивнул согласно, только улыбнулся — уверенно и беспечно.

— А я как же, Роза?

— Ты — мой золотой медведь, мой пылающий обруч, ты — Ра, без всякий других букв на конце, ты — всезнающий Ра.

— А кто ты?

— Я — Роза, которая любила солнце.

Он взглянул на нее насмешливо, но уже без улыбки, и накрыл ее руку своей загорелой рукой.

— Кто я теперь? Луч, стремящийся к поверхности Солнца, готовый стать светом? Куда ты меня заберешь? К Сатурну, где Солнце сияет на холодных кольцах, а те тают в вечности? Ты теперь там светишь, для Сатурна? Возьмешь меня туда? Или мы будем стоять здесь вечно — я с совочком и ведерком, прищурившись вверх?

Он медленно убрал руку.

— А куда бы ты хотела, Роза?

Бабушка стояла на стуле, сжимая отрез, точно дар небесный. Роза потрогала ткань — совсем как в тот миг, когда Солнце стало новой звездой. Она улыбнулась бабушке.

— Очень красиво! Хорошо, что ткань привезли.

Роза бросилась к окну, распахнула поблекшие шторы, как будто надеялась, что теперь — уже зная! — увидит, на единую секундочку, малышку с плоской грудью и выпяченным детским животиком… себя, настоящую: Розу, на солнце. Но за окном был только

бесконечный снег.

Брат читал на голубом диване в маминой гостиной. Она встала над ним, заглядывая через плечо.

— Мне страшно, — промолвила Роза.

Он поднял голову и оказался совсем не ее братом.

«Что ж, — подумала Роза, — Толку ни от кого нет. Не важно. Я встретилась лицом к лицу с самым страшным и самым любимым, но это — одно и то же».

— Ну, ладно, — сказала Роза и повернулась к Рону. — Давай покатаемся. С опущенным верхом! — Она хитро прищурилась и добавила: — Я люблю солнце.

Он обнял ее за плечи, и она не отпрянула. Его рука скользнула ей на грудь; он наклонился и поцеловал ее.

ЧАСТНАЯ ПЕРЕПИСКА

ПИСЬМО ОТ КЛИРИ[8]

На почте оказалось письмо от Клири. Я положила его в рюкзак вместе с журналом для миссис Талбот и вышла на улицу отвязать Стича.

Он натянул поводок насколько мог и сидел полузадушенный за углом, наблюдая за снегирем. Стич никогда не лает, на птиц тоже. Он ни разу не взвизгнул, даже когда отец накладывал ему швы на лапу; просто продолжал сидеть в том же положении, в каком мы нашли его на крыльце: подняв лапу, чтобы отец ее осмотрел, и чуть-чуть вздрагивая. Миссис Талбот говорит, что он отвратительный сторожевой пес, но я рада, что он не лает. Расти лаял постоянно, и это его в конце концов погубило.

Мне пришлось притянуть Стича поближе, и, только когда поводок провис, я смогла ослабить узел. Это оказалось не так-то просто: снегирь, видимо, ему очень понравился. «Признак весны, приятель?» — сказала я, пытаясь растянуть узел ногтями, и сорвала ноготь. Замечательно! Теперь мама захочет узнать, не заметила ли я, что у меня ломаются другие ногти.

Руки у меня вообще черт знает на что похожи. За эту зиму я уже раз сто обжигала их об нашу дурацкую дровяную печь. Особенно одно место, прямо над запястьем: ему достается снова и снова, так что оно никогда не успевает зажить. Печь у нас недостаточно большая, и, пытаясь засунуть туда слишком длинное полено, я каждый раз задеваю о край топки одним и тем же местом. Мой глупый брат Дэвид всегда отпиливает их длиннее, чем нужно. Я сто раз просила его отпиливать поленья короче, но он не обращает на меня никакого внимания.

Я просила маму, чтобы она велела ему отпиливать их короче, но она этого не сделала. Она никогда не критикует Дэвида. Он, по ее мнению, всегда поступает правильно, только потому, что ему двадцать три года и он был женат.

— Он делает это нарочно, — сказала я ей. — Надеется, что я совсем сгорю.

— Для четырнадцатилетних девочек паранойя — это убийца номер один, — ответила мама. Она всегда так говорит, и меня это настолько бесит, что я порой готова ее убить. — Он делает это не нарочно. Просто нужно быть аккуратней с печкой.

Но все это время она держала мою руку и смотрела на незаживающий ожог, словно перед ней была бомба с часовым механизмом, которая вот-вот взорвется.

— Нам нужна печь побольше, — сказала я и отдернула руку.

Нам действительно нужна большая печь. Отец отключил камин и установил эту, когда счета за газ выросли до небес, но печь была маленькая, потому что мама не хотела, чтобы она выпирала в гостиную. Тем более что мы собирались пользоваться ею только по вечерам.

---

[8] A letter from Cleary © Перевод. А.И. Корженевский, 1997

Но новой печи не будет. Они все слишком заняты работой над этими дурацкими теплицами. Может быть, весна придет раньше и рука у меня наконец хоть немного заживет. Хотя вряд ли. Прошлой зимой снег продержался до середины июня, а сейчас только март. Тот самый снегирь, за которым следил Стич, отморозит себе свой маленький хвост, если не улетит обратно на юг. Отец говорит, что прошлая зима была особенная и в этом году погода должна нормализоваться, но он тоже в это не верит, иначе не стал бы строить теплицы.

Как только я отпустила поводок, Стич, словно послушный ребенок, вернулся из-за угла и сел, ожидая, когда я закончу сосать палец и наконец отвяжу его.

— Пора нам двигаться, — сказала я ему, — а то мама с ума сойдет.

Мне нужно было зайти еще в магазин и поискать семена томатов, но солнце ушло уже далеко на запад, а до дома добираться как минимум полчаса. Если я не вернусь до темноты, меня отправят спать без ужина и я не успею прочесть письмо. И потом, если я не зайду в магазин сегодня, им придется отпустить меня завтра, и тогда мне не нужно будет работать на этой дурацкой теплице.

Иногда мне просто хочется ее взорвать. Кругом грязь и опилки. Дэвид как-то резал пленку и уронил кусок на плиту; она расплавилась, и в доме жутко воняло. Но никто, кроме меня, этого не замечает. Они только и говорят о том, как будет здорово, когда летом у нас появятся домашние дыни, помидоры и кукуруза.

Я не могу понять, почему следующее лето должно чем-то отличаться от прошлого, когда взошли только салат и картофель. Ростки салата не больше моего сломанного ногтя, а картошка твердая как камень. Миссис Талбот говорит, что это из-за высоты, но отец объясняет все необычной погодой и тем гранитным крошевом, которое здесь, у пика Пайка, называется почвой. Он сходил в библиотеку, что приютилась позади магазина, взял книгу о том, как самому построить теплицу, и принялся крушить все вокруг. Теперь даже миссис Талбот заразилась этой идеей.

— Для людей, живущих на такой высоте, паранойя — это убийца номер один, — сказала я им вчера, но они были слишком заняты распиливанием планок и крепежом пластика, чтобы обратить на меня внимание.

Стич бежал впереди, натягивая поводок, и, как только мы перебрались через шоссе, я сняла с него ошейник. Его все равно невозможно удержать на обочине. Я пробовала вести его на поводке, но он вытаскивал меня на середину дороги, и мне всегда попадало от отца за то, что я оставляла следы. Поэтому я стараюсь ходить по замерзшему краю дороги, а Стич носится вокруг, обнюхивая каждую яму. Когда он отстает, мне стоит только свистнуть, и он тут же меня догоняет.

Я старалась идти быстро, потому что становилось холодно, а на мне был только свитер. Добравшись до вершины холма, я посвистела Стичу. До дома оставалось еще около мили, и оттуда, где я стояла, был виден пик Пайка. Не исключено, что отец прав насчет весны: снег на пике почти сошел, а обгоревшая сторона выглядела уже не такой черной, как прошлой осенью. Может быть, деревья оживут.

В это же время год назад весь пик был совершенно белым. Мне это запомнилось, потому что тогда отец, Дэвид и мистер Талбот отправились на охоту. Снег шел постоянно, и их не было почти целый месяц. Мама чуть с ума не сошла. Каждый день она выходила на дорогу смотреть, не возвращаются ли они, хотя снега навалило футов пять и следы от нее оставались не хуже чем от Снежного Человека. Расти, который ненавидел снег так же, как Стич ненавидит темноту, она брала с собой. И ружье. Однажды она споткнулась о поваленное дерево, упала в снег, растянув лодыжку, и едва не замерзла, пока добралась до дома. Мне все хотелось сказать ей: «Для матерей паранойя — это убийца номер один», но тут встряла миссис Талбот и сказала, что в следующий раз я должна идти с ней. Вот, мол, что случается, когда людям разрешают ходить куда-нибудь в одиночку. Имелись в виду и мои походы на почту. Я ответила, что могу сама о себе позаботиться, но мама сказала, чтобы я не грубила миссис Талбот и что миссис Талбот права, и завтра я должна идти с ней.

Мама не стала ждать, когда ее нога заживет, затянула ее бинтом, и мы пошли на улицу

на следующий же день. За весь путь она не проронила ни слова, с трудом ковыляя по снегу Она даже ни разу не подняла глаз, пока мы не добрались до дороги. Снегопад на какое-то время прекратился, и облака приподнялись ровно настолько, что стал виден пик. Все напоминало черно-белую фотографию: серое небо, черные деревья и белая гора. Пик покрыло снегом целиком, и угадать, где проходило шоссе, было невозможно.

Мы собирались подняться на пик Пайка вместе с семейством Клири.

— Позапрошлым летом Клири так и не приехали, — сказала я, когда мы вернулись домой.

Мама сняла варежки и остановилась у печки, отдирая комочки налипшего на них снега.

— Конечно, не приехали, Линн, — проговорила она. Снег с моего пальто падал на плиту и с шипением таял.

— Я не это имела в виду, — сказала я. — Они должны были приехать в первую неделю июня. Сразу после того, как Рик закончит школу. Что могло случиться? Передумали или что-нибудь другое?

— Я не знаю, — ответила она, стягивая шапку и отряхивая волосы. Челка ее вся намокла.

— Может быть, они написали, что у них изменились планы, — сказала миссис Талбот, — а письмо потерялось на почте.

— Это не имеет значения, — сказала мама.

— Но, наверное, они все-таки написали, — не унималась я.

— Может быть, на почте письмо положили в другой ящик, — предположила миссис Талбот.

— Это не имеет значения, — повторила мама, развешивая пальто на веревках на кухне. Больше она об этом не говорила. Когда вернулся отец, я спросила про Клири и его, но он был слишком увлечен, рассказывая об их походе, и не ответил мне.

Стич куда-то пропал. Я снова свистнула, потом пришлось идти обратно. Он сидел у подножия холма, уткнувшись во что-то носом.

— Домой, — крикнула я. Он повернулся, и я поняла, в чем дело.

Стич запутался в упавших проводах, умудрившись обмотать их вокруг ног, как он это иногда делает с поводком, и чем сильнее он тянул, тем сильнее запутывался.

Сидел он прямо посреди дороги, а я стояла на обочине, пытаясь сообразить, как его вытащить, не оставив там следов, У вершины холма дорога почти вся замерзла, но здесь, внизу, снег еще таял, и вода сбегала в стороны большими ручьями. Я ступила носком ноги в грязь и сразу утонула на добрых полдюйма. Шагнув назад, я стерла след рукой, вытерла руку о джинсы и стала думать, что делать дальше. У отца такой же пунктик насчет следов, как у мамы насчет моих рук, но еще хуже будет, если я не вернусь засветло. Тогда он даже может запретить мне ходить на почту.

Стич уже дошел до такого состояния, что готов был залаять. Он обмотал провод вокруг шеи и затягивал его все сильнее.

— Ладно, — сказала я. — Сейчас.

Я прыгнула насколько смогла далеко в один из ручьев, добралась до Стича и оглянулась, чтобы удостовериться, что мои следы смыло водой. Вызволив Стича, я отбросила конец оборвавшегося провода на край дороги, к столбу, с которого он свисал. Но Стич все равно, возможно, запутается в нем в следующий раз.

— Глупая собака, — сказала я. — Теперь быстро! — И я бросилась бегом к обочине и вверх по холму в своих мокрых хлюпающих кроссовках. Стич пробежал метров пять и остановился, обнюхивая дерево.

— Быстро! — крикнула я. — Темно становится. Темно, Стич!

Он пулей пронесся мимо меня с холма. Я знаю, что собакам это несвойственно. Но Стич боится темноты. Иногда я говорю ему: «Для собак паранойя — это убийца номер один», но сейчас я хотела только, чтобы он бежал быстрее, пока у меня совсем не замерзли ноги. Сама я тоже побежала, и к подножию холма мы добрались почти одновременно.

У дороги к дому Талботов Стич остановился. Наш дом был всего в сотне футов от этого места на другой стороне холма. Он стоит в низине, окруженный холмами со всех сторон, и так глубоко и хорошо спрятан, что вы никогда бы его не нашли. Из-за холма Талботов не видно даже дыма из нашей трубы. Через их участок, немного срезав, можно пройти лесом к нашему заднему крыльцу, но я никогда там теперь не хожу.

— Темно, Стич! — строго сказала я и снова побежала. Стич держался рядом.

К тому времени, когда я добралась до въезда на наш участок, пик Пайка уже окрасился розовым цветом. Стич, наверно, раз сто успел задрать ногу у ели, пока я не затащила его на место. Это действительно большая ель. Прошлым летом отец и Дэвид срубили ее, а потом сделали все так, как будто она сама упала поперек дороги. Она совершенно закрывала то место, где дорога сворачивает к нашему дому, но ствол ее весь в занозах, и я опять поцарапала руку, причем там же, где и всегда. Замечательно!

Удостоверившись, что ни я, ни Стич не оставили на дороге следов (если не считать тех, что Стич всегда оставляет, — другая собака нашла бы нас в два счета, и, может быть, именно так Стич оказался у нас на крыльце: он учуял Расти), я бросилась под прикрытие холма. Стич не единственный, кто начинает нервничать с приходом темноты. Да и ноги у меня уже заболели от холода. Стич в этот раз вел себя действительно беспокойно. Он не остановился, даже когда мы оказались перед домом.

Дэвид как раз нес с улицы дрова, и я с одного взгляда определила, что он опять напилил слишком длинные поленья.

— Только-только успела, — сказал он. — Семена принесла?

— Нет, — ответила я. — Но я принесла кое-что другое. Для всех.

И я побежала в дом. Отец разматывал на полу гостиной пластиковую пленку, а миссис Талбот держала в руках конец рулона. Мама подняла карточный столик, все еще сложенный, и ждала, когда они закончат и можно будет поставить его перед печкой и накрывать к ужину. На меня никто даже не посмотрел. Скинув рюкзак, я достала журнал для миссис Талбот и конверт.

— На почте было письмо, — сказала я. — От Клири. Все подняли на меня глаза.

— Где ты его нашла? — спросил отец.

— На полу, в почте третьего класса. Я искала журнал для миссис Талбот.

Мама прислонила столик к дивану и села. Миссис Талбот посмотрела на меня непонимающим взглядом.

— Клири — это наши друзья, — пояснила я для нее. — Из Иллинойса. Они должны были приехать позапрошлым летом. Мы собирались вместе подняться на пик Пайка и все такое.

В дверь с грохотом ввалился Дэвид. Он взглянул на маму, сидящую на диване, на отца с миссис Талбот, стоящих с пленкой в руках, словно две статуи, и спросил:

— Что случилось?

— Линн говорит, что нашла сегодня письмо от Клири, — ответил отец.

Поленья вывалились у Дэвида из рук. Одно из них покатилось по ковру и остановилось у маминых ног, но никто не наклонился, чтобы его подобрать.

— Я вслух прочитаю? — спросила я, глядя на миссис Тал-бот. Ее журнал все еще был у меня в руках. Я вскрыла конверт, достала письмо и начала читать:

«Дорогие Дженис, Тодд и все остальные, как дела на славном западе? Нам не терпится вырваться отсюда и повидать вас, но, возможно, нам не удастся сделать это так скоро, как мы надеялись. Как там Карла, Дэвид и их малыш? Очень хочу увидеть маленького Дэвида. Он уже ходит? Бабушку Дженис, наверное, так распирает от гордости за внука, что ее бриджи трещат по швам. Я права? Кстати, как у вас там, на западе, носят бриджи или вы все ходите в джинсах?»

Дэвид, стоявший до того облокотившись о каминную полку, опустил голову на руки.

«Извините, что я не писала, но Рик заканчивал школу, и мы были очень заняты. Кроме того, я думала, что мы прибудем в Колорадо раньше письма. Но теперь, похоже, планы

немного меняются. Рик определенно настроился идти в армию. Мы с Ричардом отговаривали его до посинения, но, видимо, сделали только хуже. Мы даже не смогли уговорить его подождать до возвращения из Колорадо, потому что он уверен, что мы там будем все время его отговаривать. Конечно, он прав. Я очень о нем беспокоюсь. Надо же, в армию! Рик говорит, что я слишком много нервничаю, и, наверное, он опять прав, но что, если будет война?»

Мама подняла с пола полено, которое уронил Дэвид, и положила его рядом с собой на диван.

«Если вы там, на золотом западе, не возражаете, мы подождем до конца первой недели июля, когда Рик закончит базовую подготовку, и тогда приедем все вместе. Пожалуйста, напишите нам, что вы об этом думаете. Вы уж извините, что в последнюю минуту я так меняю наши общие планы, но здесь есть и положительная сторона: у вас будет целый лишний месяц для того, чтобы привести себя в спортивную форму перед восхождением на пик Пайка. Не знаю, как вы, но мне это не помешало бы».

Миссис Талбот выпустила из рук конец пленки. На этот раз она упала не на печь, но довольно близко, и пластик тут же начал морщиться от жара. Однако отец просто стоял и смотрел, даже не пытаясь его убрать.

«Как девочки? Соня растет, как лиана. Теперь она увлеклась бегом, приносит домой медали и грязные носки. И вы бы видели ее коленки! Они такие разбитые, что я чуть не потащила ее к врачу. Она говорит, что сбивает коленки о барьеры, а ее тренер сказал, что никаких поводов для беспокойства нет, но я все равно беспокоюсь. Мне кажется, что они просто не заживают. У вас не бывает такого с Линн и Мелиссой?

Знаю, знаю. Я опять слишком много беспокоюсь. С Соней все в порядке. С Риком тоже. Ничего ужасного до конца первой недели июля не случится, и мы снова увидимся.

Обнимаем. Клири. Р.Б. Кто-нибудь когда-нибудь падал с пика Пайка?»

Все молчали. Я сложила письмо и сунула его обратно в конверт.

— Мне нужно было написать им тогда, — сказала мама. — Написать, чтобы приезжали сразу. Тогда они были бы здесь.

— И мы, возможно, полезли бы в тот день на пик Пайка и оттуда увидели, как все взлетает на воздух. Вместе с нами, — сказал Дэвид, поднимая голову. Он рассмеялся, но голос его сломался и захрипел. — Видимо, мы должны радоваться, что они не приехали.

— Радоваться? — переспросила мама, вытирая руки о джинсы. — Ты еще скажи, мы должны радоваться, что Карла в тот день поехала вместе с Мелиссой и малышом в Колорадо-Спрингс и у нас теперь меньше ртов. — Она терла руки о джинсы так сильно, что я думала, она протрет в них дырки. — Скажи еще, мы должны радоваться, что мародеры застрелили мистера Талбота.

— Нет, — сказал отец. — Но мы должны радоваться, что они не застрелили тогда всех остальных. Мы должны радоваться, что они взяли только консервы и не тронули семена. Мы должны радоваться, что пожары не зашли так далеко. Мы должны радоваться…

— Что еще получаем почту? — спросил Дэвид. — Этому мы тоже должны радоваться? — Он хлопнул дверью и вышел на улицу.

— Когда мы не получили от них никаких вестей, мне надо было позвонить или еще что-нибудь, — сказала мама.

Отец все еще смотрел на испорченный пластик. Я подала ему письмо.

— Ты его сохранишь или как? — спросила я.

— Я думаю, оно свое дело уже сделало, — сказал он, скомкал его и, бросив в печь, захлопнул дверцу. Он даже не обжегся. — Пойдем поможешь мне с теплицей, Линн.

На улице было темным-темно и уже по-настоящему холодно. Мои кроссовки тут же задубели. Взяв фонарь, отец стал натягивать пластик на деревянные рамы, а я с интервалом в два дюйма забивала скобы, через одну попадая себе по пальцам. Когда мы закончили первую раму, я попросила, чтобы он отпустил меня в дом переобуться в ботинки.

— Ты принесла семена томатов? — спросил он, словно даже не слышал меня. — Или

ты была слишком занята поисками письма?

— Я его не искала, — сказала я. — Случайно нашла. Я думала, ты будешь рад получить письмо и узнать, что случилось с Клири.

Отец натянул пластик на следующую раму, и так сильно, что на пленке появились маленькие складки.

— Мы и так знали, — сказал он, потом отдал мне фонарик и взял у меня пистолет со скобами. — Хочешь, чтобы я сказал? Хочешь, чтобы я сказал тебе, что именно с ними случилось? Хорошо. Надо полагать, они были недалеко от Чикаго и просто испарились, когда упали бомбы. Если так, то им повезло. Потому что около Чикаго нет гор, как у нас. Они могли сгореть во время пожаров, могли умереть от радиационных ожогов или лучевой болезни. Или их застрелил какой-нибудь мародер.

— Или они сами это сделали, — добавила я.

— Или они сами. — Он приставил пистолет к рейке и нажал курок. — У меня есть теория насчет того, что случилось позапрошлым летом, — сказал он, передвинул пистолет дальше и всадил в дерево еще одну скобу. — Я не думаю, что это начали русские или мы. Я думаю, это сделала какая-нибудь небольшая террористическая группа или, быть может, даже один ненормальный. Надо полагать, они не представляли себе, что случится, когда сбрасывали свою бомбу. Я думаю, они просто были бессильны, злы и напуганы всем тем, что происходило вокруг. И они ударили наотмашь. Бомбой. — Он прикрепил раму и выпрямился, чтобы начать с другой стороны. — Что ты думаешь об этой теории, Линн?

— Я же сказала тебе. Я нашла письмо, когда искала журнал для миссис Талбот.

Он повернулся, держа пистолет перед собой:

— Но по какой бы причине они это ни сделали, они обрушили на свои головы весь мир. Хотели они того или нет, им пришлось на себе испытать все последствия.

— Если они выжили, — сказала я. — И если их кто-нибудь не пристрелил.

— Я не могу больше позволить тебе ходить на почту, — сказал он. — Это слишком опасно.

— А как же журналы для миссис Талбот?

— Иди проверь огонь в печке.

Я пошла в дом. Дэвид уже вернулся и теперь снова стоял у камина, глядя в стену. Мама разложила перед камином столик и поставила рядом складные стулья. На кухне резала картошку миссис Талбот. Она плакала, словно это была не картошка, а лук.

Огонь в печи почти погас. Чтобы его разжечь, я сунула внутрь несколько смятых страниц из журнала, и они вспыхнули голубым и зеленым пламенем. На горящую бумагу я швырнула пару сосновых шишек и немного щепок. Одна из шишек откатилась в сторону и застряла в слое пепла. Я протянула руку, чтобы швырнуть ее обратно, и ударилась о дверцу.

В том же самом месте. Замечательно! Волдырь сдерет старую корку, и все начнется сначала. И конечно же мама стояла рядом, держа в руках кастрюльку картофельного супа. Она поставила ее на плиту и схватила меня за руку, потянув вверх, словно это было доказательство преступления или еще что. Она ничего не сказала, просто стояла, держа мою руку в своей, и моргала.

— Я обожгла ее, — сказала я. — Просто обожгла.

Она осторожно потрогала края старой, засохшей корочки, как будто боялась чем-нибудь заразиться.

— Это просто ожог! — закричала я, отдергивая руку, и принялась засовывать дурацкие поленья Дэвида в печку. — Это не лучевая болезнь. Просто ожог!

— Ты знаешь, где отец, Линн? — спросила она.

— Там, у заднего крыльца, — ответила я. — Строит свою дурацкую теплицу.

— Он ушел, — сказала она, — и взял с собой Стича.

— Он не мог взять Стича. Стич боится темноты. Она молчала.

— Ты знаешь, как там темно?

— Да, — сказала она и поглядела в окно. — Я знаю, как там темно.

Я сдернула с крючка у камина свою парку и пошла к двери. Дэвид схватил меня за руку:

— Куда тебя черт понес? Я вырвалась:

— Искать Стича. Он боится темноты.

— Там слишком темно, — сказал он. — Ты потеряешься.

— Ну и что? Это лучше, чем торчать здесь, — ответила я и хлопнула дверью, придавив ему руку.

Он догнал меня и снова схватил, когда я была уже около дровяного сарая.

— Отпусти, — сказала я. — Я ухожу. Я найду каких-нибудь других людей и буду жить с ними.

— Никаких других людей нет! Черт побери, прошлой зимой мы дошли до самого Саут-Парка. Нигде никого нет. Мы не видели даже тех мародеров. Но вдруг ты на них наткнешься? На тех, что застрелили мистера Талбота?

— Ну и что? В худшем случае они меня пристрелят. В меня уже стреляли.

— Ты ведешь себя как ненормальная. Это ты хоть понимаешь? — спросил он. — Пришла тут с этим сумасшедшим письмом и всех просто-напросто убила.

— Убила! — Я так распсиховалась, что чуть не закричала. — Убила! А ты вспомни прошлое лето! Кто кого тогда убивал?

— Нечего было срезать через лес, — сказал Дэвид. — Отец говорил тебе не ходить там.

— И что, из-за этого нужно было в меня стрелять? И убивать Расти?

Дэвид так крепко сжимал мою руку, что я думала, он ее сломает.

— У мародеров была собака. Мы обнаружили ее следы вокруг мистера Талбота. Когда ты прошла через лес и мы услышали лай Расти, мы решили, что это опять банда мародеров. — Он посмотрел мне в глаза. Мама права. Паранойя действительно убийца номер один. Прошлым летом мы все немного сошли с ума. Да и сейчас, наверное, это осталось. — А ты берешь и приносишь письмо, напоминая всем о том, что случилось, и о том, что все мы потеряли…

— Я же сказала, что нашла его, когда искала журналы. Я думала, вы обрадуетесь, что оно не пропало.

— Да уж.

Он пошел в дом, а я еще долго стояла снаружи, дожидаясь отца и Стича. Когда я наконец вернулась, никто на меня даже не посмотрел. Мама все так же стояла у окна, и в черном небе над ее головой я увидела звездочку. Миссис Талбот перестала плакать и принялась расставлять на столике посуду. Мама разлила суп, и мы все сели, а когда начали есть, вернулись отец со Стичем. Все журналы отец принес с собой.

— Извините, миссис Талбот, — сказал он. — Если вы хотите, я спрячу их в подвале, и вы будете посылать Линн, чтобы она приносила их по одному.

— Это не важно, — ответила она. — Мне не хочется их больше читать.

Отец положил стопку журналов на диван и сел к столику. Мама налила ему тарелку супа.

— Я принес семена, — сказал отец. — Семена томатов немного набухли от влаги, но зато с кукурузой и тыквами все в порядке. — Он взглянул на меня. — Дверь на почте я заколотил, Линн. Ты, надеюсь, понимаешь? Ты понимаешь, что я не могу больше позволить тебе ходить туда? Это слишком опасно.

— Я же сказала, что нашла его. Когда искала журнал.

— Огонь гаснет, — заметил он.

После того как они застрелили Расти, мне не разрешали никуда ходить целый месяц, потому что они боялись застрелить меня, когда я буду возвращаться. Даже когда я пообещала ходить только длинной дорогой. Потом появился Стич, и ничего страшного не случилось. Мне опять разрешили выходить. До конца лета я ходила каждый день, а потом — когда отпускали. Я просмотрела каждую пачку, наверное, раз по сто, прежде чем нашла это письмо от Клири. Миссис Талбот была права насчет почты. Письмо действительно положили

в чужой ящик.

РОЖДЕСТВЕНСКИЙ ЛИСТОК[9]

Много позже, из старых газетных заметок и прогнозов погоды стало ясно, что все началось чуть ли не девятнадцатого октября. Сама я столкнулась с первым проявлением чего-то необычного только на День благодарения.

Я, как заведено, приехала к маме на ужин и занялась клюквенным соусом, скармливая старомодной мясорубке клюкву и апельсиновые дольки. Моя невестка Эллисон — опять же как обычно — разглагольствовала о своем рождественском листке.

— Нэн, как думаешь, какое из достижений Шайенн упомянуть в первую очередь? — спросила она, намазывая сырную массу на стебель сельдерея. — То, что она сыграла главную снежинку в «Щелкунчике», или ее успехи в детском футболе?

— Как насчет Нобелевки за мир? — буркнула я себе под нос, пользуясь тем, что хруст яблока в мясорубке заглушал слова.

— На все достижения девочек просто не хватит места! — ничего не заметив, сокрушалась Эллисон. — Митч требует, чтобы я не залезала на вторую страницу.

— Это все из-за листков тети Лидии, — сказала я. — Восемь страниц через один интервал.

— Ага, микроскопическим шрифтом. — Эллисон воодушевленно махнула стеблем. — А что, это идея!

— Написать восемь страниц через один интервал?

— Да нет, можно выбрать шрифт поменьше. Тогда хватит места на скаутские знаки Дакоты. Я уже и бумагу для листка купила — такую симпатичную! С ангелочками, которые держат ветви омелы.

Если вы вдруг еще не поняли, все мои родственники — дяди, дедушки, бабушки, троюродные братья и сестры, моя сестра Сьюэнн — пишут объемные рождественские листки. Они рассылают отксеренные опусы родне, коллегам, бывшим одноклассникам и знакомым по карибскому круизу (чему был посвящен не один абзац в прошлогоднем листке). Даже тетя Айрин, собственноручно надписывающая все рождественские открытки, обязательно прилагает к ним свои листки.

В упорной борьбе за звание самого несносного автора рождественских листков постоянно одерживает победу моя троюродная сестра Джеки. Прошлогоднее ее послание начиналось со следующих строк:

Вот и еще один год проскочил,
Я никак не пойму — ну куда же он так спешил?
В феврале — поездка, в июле я лежала в больнице,
И все мне никак не успеть, как бы я ни пыталась торопиться.

По крайней мере Эллисон не пытается рифмовать достижения дочерей.

— Я, наверное, вообще не буду отсылать в этом году листок, — сказала я.

Эллисон замерла с ножом в руке.

— Как это не будешь?

— Работу я не меняла, в отпуск на Багамы не ездила, никаких наград у меня нет. Не о чем рассказывать.

— Не глупи. — Мама внесла на кухню накрытую фольгой запеканку. — Как это — не о

---

[9] Newsletter © Перевод. В. Дегтярева, 2010

чем, Нэн?! А прыжки с парашютом?

— Это было в прошлом году, мам.

И занялась я этим только для того, чтобы было о чем написать в рождественском листке.

— Ну ладно, а общественная жизнь? Какие-нибудь новые знакомства на работе?

Мама спрашивает об этом каждый День благодарения. А еще каждое Рождество, каждый День независимости — и вообще каждый раз, как мы встречаемся.

— Да не с кем их заводить, — ответила я, промалывая клюкву. — Новых сотрудников не нанимают, потому что старые не уходят. У нас все работают давным-давно. За все время ни одного человека не уволили, даже Боба Ханзигера, а он за восемь лет ни разу не явился на работу вовремя.

— А как насчет… ну как же его? — спросила Эллисон, раскладывая сельдерей на хрустальном блюде. — Парень-то тот, который тебе нравится?

— Гэри, — ответила я: — Все еще сходит с ума по бывшей

— Ты же вроде говорила, что она та еще стерва.

— Так и есть. Марси Мегера. Постоянно звонит ему и жалуется на несправедливость условий развода, хотя получила в итоге практически все. На прошлой неделе она заявила, что в расстроенных из-за развода чувствах забыла рефинансировать ипотечный кредит — и теперь Гэри ей должен двадцать тысяч долларов, потому что процентные ставки поползли вверх. А Гэри все равно — он уверен, что они с Марси снова сойдутся. Он чуть не отказался от поездки к родителям на День благодарения — ждал, что она одумается и вернется.

— Напиши про нового парня Сьюэнн, — предложила мама, вставляя в сладкий картофель кусочки пастилы. — Она сегодня с ним придет.

Тут тоже не было ничего необычного. Сьюэнн всегда приводит новых парней на День благодарения. В прошлом году явилась с байкером — только вот не с молодым бородачом приятной наружности, который служит бухгалтером, по выходным щеголяет в футболках с эмблемой «Харлей-Дэвидсон», а отпуск проводит в Стерджис. Нет, сестрица моя обзавелась настоящим байкером, полноправным «ангелом ада».

Пожалуй, вряд ли найдется девушка с худшим вкусом при выборе мужчин, чем Сьюэнн. До байкера она встречалась с многоженцем, объявленным в розыск тремя штатами, а до этого — со скинхедом; которого впоследствии загребли федералы.

— Если этот ее новый бойфренд полы заплюет, я здесь не останусь, — заявила Эллисон, пересчитывая столовое серебро. — Вы его уже видели? — спросила она маму.

— Нет, но Сьюэнн говорила, что он раньше в твоей конторе работал, Нэн. Так что кто-то все-таки иногда оттуда уходит.

Я напрягла извилины, пытаясь вспомнить криминальных типов, работавших в моей конторе.

— Как его зовут?

— Дэвид как-то-там.

На кухню ворвались Дакота и Шайенн с криками:

— Тетя Сьюэнн приехала! Можно садиться за стол? Эллисон, опершись на мойку, раздвинула занавески и выглянула в окно.

— Ну, как он? — Я добавила сахара в клюквенный соус.

— Аккуратный, — удивленно ответила Эллисон. — Блондин, стрижка короткая, брюки, белая рубашка, галстук.

Та-ак, неонацист. Только этого нам не хватало.

Или женат и планирует развестись, как только дети окончат колледж, что произойдет совсем скоро — через двадцать три года, ведь его жена беременна третьим.

— Красивый? — поинтересовалась я, вставляя в соус ложку.

— Да нет. — Удивление в голосе Эллисон усилилось. — Обычный такой.

Я подошла к окну. Бойфренд как раз помогал Сьюэнн выйти из машины. Сестрица тоже вполне прилично оделась — в платье и джинсовую шляпку.

— Господи! — воскликнула я. — Это же Дэвид Каррингтон! Работал в компьютерном отделе на шестом.

— Бабник? — спросила Эллисон.

— Нет, — недоуменно ответила я. — Вообще-то отличный парень: не женат, не пьет, а от нас ушел учиться на врача.

— Ты-то почему с ним не стала встречаться? — спросила мама.

Дэвид пожал руку Митчу, рассмешил девочек забавным каламбуром и сказал маме, что сладкий картофель с пастилой — его любимое блюдо.

— Маньяк-убийца, не иначе, — шепнула я Эллисон.

— Ну что ж, давайте за стол, — предложила мама. — Шайенн, Дакота, вы вот сюда, с бабушкой. Дэвид — вы сюда, рядом со Сьюэнн. Сьюэнн, сними шляпу. Ты ведь знаешь: за столом нельзя сидеть в головных уборах.

— Мужчинам нельзя, — возразила Сьюэнн и, хлопнув по джинсовой макушке, уселась за стол. — А женщинам можно. Шляпы снова входят в моду, вы в курсе? В «Космо» пишут, что следующий год будет годом Шляпы.

— Меня это не волнует, — сказала мама. — Твой отец никогда бы не допустил за столом подобного безобразия.

— Я сниму шляпу, если ты выключишь телевизор. — Сьюэнн с самодовольным видом развернула салфетку.

Коса нашла на камень. Мама ни за что на свете телевизор не выключит.

— А вдруг что-нибудь случится? — упрямо заявила она.

— Например? — поинтересовался Митч. — Нашествие инопланетян?

— Между прочим, по Си-эн-эн сообщали, что две недели назад видели летающую тарелку.

— Все так аппетитно выглядит! — сказал Дэвид. — Это домашний клюквенный соус? Обожаю! Моя бабушка так вкусно его готовила!

Точно маньяк-убийца.

Следующие полчаса мы посвятили фаршированной индейке, пюре, стручковым бобам, каше из дробленой кукурузы, запеканке из сладкого картофеля с пастилой, клюквенному соусу, тыквенному пирогу и новостям по Си-эн-эн.

— Мам, сделай потише, — попросил Митч. — Говорить же невозможно.

— Я хочу узнать погоду в Вашингтоне, — сказала мама. — Для твоего рейса.

— Вы что, вечером улетаете? — спросила Сьюэнн. — Но вы же только приехали! Я с Шайенн и Дакотой пообщаться не успела…

— Митч улетает сегодня, — объяснила Эллисон, — а мы с девочками остаемся до среды.

— Не понимаю, почему бы не отложить отъезд до завтра, — укорила мама Митча.

— Вы сами взбивали сливки для тыквенного пирога? — спросил Дэвид. — Целую вечность не ел настоящих взбитых сливок!

— Дэвид, ты, помнится, с компьютерами работал, — встряла я. — Сейчас так много компьютерных преступлений…

— Компьютеры! — воскликнула Эллисон. — Чуть не забыла перечислить призы, выигранные Шайенн в компьютерном кружке! — Она повернулась к Митчу. — Придется писать листок на двух страницах. У девочек так много достижений — детский бейсбол, плавание, библейская группа…

— А в вашей семье рассылают рождественские листки? — спросила мама у Дэвида.

Он кивнул:

— Очень люблю получать от всех весточки.

— Вот видишь! — Мама переключилась на меня. — Людям нравятся рождественские листки!

— Ничего не имею против рождественских листков, — объяснила я. — Просто мне кажется, что они не должны быть смертельно скучными. У Мэри был пульпит, Бутси вроде

бы избавилась от лишая, мы установили новые водостоки. Ну почему никто не пишет о чем-нибудь интересном?

— Например? — спросила Сьюэнн.

— Ну не знаю… Аллигатор оттяпал руку. На дом свалился метеорит. Произошло убийство. Что-нибудь такое… захватывающее.

— Наверное, потому, что ничего подобного не происходит, — предположила Сьюэнн.

— Так можно же выдумать, — возразила я. — Чтобы не читать о поездке в Небраску и об операции на желчном пузыре.

— А ты бы так поступила? — шокировано спросила Эллисон. — Навыдумывала бы?

— В рождественских листках всегда что-нибудь да сочинят, ты же знаешь. Вспомни хотя бы, как тетя Лора с дядей Филом распространяются про отпуска, машины и акции. Нет, по-моему, если уж врать, так о чем-нибудь интересном.

— А тебе и выдумывать не нужно, — осуждающе сказала мама. — Вот Селия, например, пишет листок в течение года — день за днем.

Ну да, ну да. Листки у Селии, моей кузины, получаются почти такие же длинные, как у тети Лидии, и напоминают дневник — вроде тех, что ведут школьницы. Вот только она давно уже школу закончила, поэтому о прыщах, внеплановых контрольных и коде личного шкафчика писать нечего, так что ее дневник лишен малейшего намека на живость:

> *Среда, первое января. Спустилась за почтой и чуть не умерла от холода. Пакет с газетой оказался весь в снегу. Редакторская колонка вымокла — пришлось сушить на обогревателе. Еда на завтрак хлопья с отрубями, смотрела «Доброе утро, Америка».*
>
> *Четверг, второе января. Разбирала содержимое шкафов. Холодно и облачно.*

— Вот если бы ты писала понемногу каждый день, — продолжала мама, — то к Рождеству накопилось бы достаточно.

Ну конечно. У меня такая жизнь, что каждый день писать совсем не обязательно — я и сейчас могу сделать запись за понедельник:

> *Понедельник, двадцать восьмое ноября. Пока ехала на работу, чуть не умерла от холода. Боб Ханзигер еще не пришел. Пенни развешивает в офисе рождественские украшения. Сольвейг сообщили на УЗИ, что будет мальчик, и она спросила, какое имя мне больше нравится: Альбукерк или Даллас. Поздоровалась с Гэри — он мне не ответил, потому что расстроен. День благодарения напоминает ему о том, как его бывшая готовила потрошки. Холодно и облачно.*

Однако же со всем этим я ошиблась. В понедельник пошел снег, а на УЗИ выяснилось, что у Сольвейг будет девочка. «Как тебе имя Тринидад?» — поинтересовалась она у меня. Пенни не развешивала рождественские украшения, а раздавала бумажки с именами тех, кому мы должны стать Тайными Сантами.

— Рождественских украшений еще нет, — взволнованно сообщила она. — Как увидите — ахнете! Специально заказала у одного фермера на севере.

— А перья в них будут? — Я до сих пор выуживаю из клавиатуры куриные перышки, что украшали крылья картонных ангелочков в прошлое Рождество.

— Нет, — радостно ответила Пенни. — Это сюрприз! Ах, я так люблю Рождество! А ты?

— Ханзигер появился? — поинтересовалась я, стряхивая снег с волос. Шапки приминают мне прическу, поэтому я их не ношу.

— Смеешься, что ли? — сказала Пенни, вручая мне бумажку. — Сегодня же понедельник после Дня благодарения. Раньше среды не увидим.

Вошел Гэри с красными от мороза ушами и загнанным выражением на лице.

Наверное, бывшая жена отказалась от воссоединения.

— Привет, Гэри! — Не дожидаясь ответа, я отвернулась повесить пальто на вешалку.

Гэри и впрямь не ответил, но, повернувшись обратно, я обнаружила, что он стоит на том же месте и смотрит на меня. Я нервно поправила прическу, пожалев, что на мне нет шапки.

— Можно тебя на два слова? — спросил он, с опаской косясь на Пенни.

— Конечно. — На это предложение возлагать особых надежд не хотелось — наверное, он спросит что-нибудь по поводу Тайного Санты.

Он перегнулся через мой стол.

— С тобой на День благодарения ничего необычного не случилось?

— Моя сестра не привела на ужин байкера.

— Нет, я имею в виду чего-нибудь по-настоящему необычного — странного.

— Куда уж необычнее. Гэри подался еще ближе.

— Я летал к родителям, и на обратном пути… знаешь, как люди обычно пытаются запихнуть сумки, которые никуда не лезут?

— Знаю. — Я однажды совершила большую ошибку, сунув в багажное отделение букет подружки невесты.

— Ну и вот, никто так не делал. Никто не тащил с собой огромных сумок, набитых рождественскими подарками. У некоторых вообще не было ручной клади! И это еще не все! Вылет на полчаса задерживался, и дежурная объявила: «Пассажиры, летящие без пересадок, пожалуйста, оставайтесь на своих местах. Пассажиры, следующие с пересадками, проходите на борт». И все ее послушались! — Он выжидающе взглянул на меня.

— Ну, может, у всех было предрождественское настроение? Гэри покачал головой.

— Все четыре младенца в самолете мирно спали, а сидевший сзади ребенок лет двух ни разу не пнул мое сиденье.

Да, это и впрямь было из ряда вон.

— И еще — сосед справа читал «Путем всея плоти» Самуэля Батлера! Когда ты последний раз видела, чтобы в самолете читали что-то, кроме Джона Гришэма или Даниэлы Стил? Говорю тебе — творится что-то неладное!

— Что? — с любопытством спросила я.

— Не знаю. Ты точно ничего такого не заметила?

— Ничего, если не считать сестры. Сьюэнн все время встречается с неудачниками, но парень, с которым она появилась на День благодарения, был очень приятным. Он даже помог убрать со стола!

— Может, еще что-нибудь?

— Больше ничего, — с сожалением ответила я. Мы никогда еще так долго не говорили на темы, не касающиеся его бывшей жены. — Может, в аэропорте что-то в воздухе витает. Я в среду невестку с детьми провожаю — проверю как следует.

Гэри кивнул.

— Только о нашем разговоре — никому, ладно? — Он быстрым шагом направился в бухгалтерию.

— О чем вы говорили? — спросила вернувшаяся Пенни.

— О его бывшей жене. Когда нужно вручать подарки от Тайного Санты?

— По пятницам и в Сочельник.

Я развернула свою бумажку. Отлично — мне достался Ханзигер. Если повезет, вообще не придется покупать подарок Тайного Санты.

Во вторник я получила рождественский листок от тети Лоры и дяди Фила: золотистые чернила, кремовая бумага, по углам тисненые золотые колокольчики.

«Joyeux Noel, что по-французски означает «Веселого Рождества!» В этом году мы посылаем наш листок раньше обычного, потому что Рождество проведем в Каннах — отмечаем Повышение Фила по службе до заместителя генерального директора, а также начало моей замечательной карьеры! Да-да, я открываю новое дело — «Творения флоры от Лоры». Меня уже буквально засыпали заказами! О «Творениях» написали в «Красивом доме», а еще — ни за что не догадаетесь, кто звонил мне на прошлой неделе! Сама Марта Стюарт!» — и т. д. и т. п.

Гэри я не видела, ничего необычного тоже. Разве что официант, принимавший у меня заказ, для разнообразия ничего не перепутал. Зато Тоне (она работает выше, на третьем) принес совсем не то, что она заказывала.

— Я попросила его положить только помидор и шпинат, — пожаловалась она, вытаскивая из сандвича маринованные огурчики. — Ты вчера с Гэри разговаривала? Ну что, на свидание пригласил?

— Что это? — Я попыталась сменить тему и ткнула в папку, которую Тоня принесла с собой. — Документы?

— Нет. Хочешь огурец? Это наше рождественское расписание. Никогда не выходи замуж за мужчину с детьми от предыдущего брака. Особенно если они есть у тебя самой. Джанин, бывшая жена Тома, Джон, мой бывший муж, и четыре комплекта бабушек и дедушек хотят видеть детей — причем непременно в рождественское утро. Составить расписание высадки войск в Нормандии было куда легче!

— По крайней мере твой муж не сходит с ума по своей бывшей, — мрачно обронила я.

— Значит, Гэри так никуда тебя и не пригласил? — Тоня вонзила зубы в сандвич и, поморщившись, вытащила еще один огурчик. — Обязательно пригласит. Ну ладно, значит, в Сочельник около четырех мы отвезем детей к родителям Тома, в восемь их заберет Джанин… Нет, не получается. — Она переложила сандвич в другую руку и принялась стирать записи. — Джанин не разговаривает с родителями Тома. — Тоня вздохнула. — Ну, хотя бы Джон ведет себя разумно — сказал, что подождет до Нового года. Даже не знаю, что это с ним стряслось.

* * *

На моем столе в офисе лежала утренняя газета. Заголовок на первой странице гласил: «Открытие рождественской выставки в Сити-Холле». Ничего необычного в этом не было. Завтрашней будет «Протест против рождественской выставки в Сити-Холле» — либо организация «Свобода против веры» потребует убрать стенд с младенцем Иисусом в яслях, либо фундаменталисты выступят против эльфов, либо борцы за чистоту окружающей среды выразят несогласие с вырубкой елок, либо все начнут протестовать против всего. Такое повторяется из года в год.

Некоторые заметки в газете были обведены красным маркером — рядом с ними красовались пометки: «Понимаешь, о чем я? Гэри».

«Уменьшились случаи воровства в магазинах. По данным торговых центров, снизился уровень краж в первую неделю рождественского сезона. Обычно в это время года, наоборот…»

— Что это ты делаешь? — спросила Пенни, заглядывая мне через плечо.

Я проворно захлопнула газету и убрала в ящик.

— Ничего. Ты что-то хотела?

— Вот. — Она протянула мне бумажку.

— Опять Тайный Санта? Ты ведь уже раздавала имена.

— Это для рождественской выпечки. Все по очереди приносят кексы, пироги и торты.

Я развернула бумажку.

«Пятница, двадцатое декабря. Печенье — четыре дюжины».

— Вы с Гэри вчера общались. О чем?

— О его бывшей жене. Какое печенье нести?

— Шоколадное. Шоколад все любят.

Как только Пенни ушла, я вытащила газету и отправилась в кабинет к Ханзигеру.

«Легислатура приняла сбалансированный бюджет», «Сбежавший преступник сдался в руки властям», «Увеличились пожертвования в Рождественский благотворительный фонд».

Я прочитала все заметки, и газета отправилась в корзину для мусора. На полпути к выходу я вытащила газету, свернула ее и сунула в сумку.

Тут в кабинете появился Ханзигер.

— Если кто-нибудь будет меня спрашивать, скажи: вышел в туалет, — попросил он и вновь удалился.

В среду днем я провожала Эллисон и девочек в аэропорт. Эллисон все еще нервничала по поводу рождественского листка.

— Слушай, а приветствие писать обязательно? — спросила она, пока мы стояли в очереди на регистрацию. — Ну, всякое там «Дорогие родственники и друзья»?

— Нет, наверное, — рассеянно ответила я, озираясь в поисках чего-нибудь необычного. Пока все было как всегда: люди поглядывали на часы и жаловались на длину очереди; какой-то малец бесконтрольно стаскивал ремни со стопки чемоданов; регистратор багажа выкрикивал «Следующий!» человеку в самом начале очереди, который, после сорока пяти минут нетерпеливого ожидания, застыл в ступоре, устремив невидящий взгляд в пространство.

— Все ведь и так поймут, что это рождественский листок? Даже без приветствия?

«Вот-вот, послание на бумаге с ангелочками, которые держат ветви омелы… Ни за что не догадаться!» — подумала я.

— Следующий! — крикнул регистратор.

Мужчина перед нами забыл удостоверение личности, девушка в очереди на контроль фанатела от хард-рока, а в поезде к залу ожидания женщина отдавила мне ногу и при этом смерила уничтожающим взглядом — словно это я ее задела. Нет, определенно, весь запас приятных людей исчерпался в день возвращения Гэри.

Видимо, это был какой-то статистически допустимый всплеск — все спокойные и умные люди собрались в одном месте и попали на один рейс.

Такие всплески существуют. Сьюэнн одно время встречалась со страховым агентом (разумеется, злостным расхитителем служебного имущества, зная вкусы моей сестры), который утверждал, что события происходят неравномерно — бывают пики и спады. Гэри, очевидно, попал в пиковую фазу.

«А жаль», — подумала я и подхватила Шайенн на руки — она потребовала, чтобы ее несли всю дорогу, от поезда до зала ожидания. Похоже, Гэри заговорил со мной только потому, что хотел обсудить все эти странные вещи.

— У нас выход номер пятьдесят пять. — Эллисон опустила Дакоту и достала для девочек кассеты с уроками французского. — Если выбросить «Дорогих родственников», то хватит места для концерта Дакоты. Она играла на виолончели «Цыганский танец». — Эллисон усадила девочек и надела на них наушники. — Митч говорит, что в письме должно быть приветствие.

— Напиши что-нибудь совсем короткое. «Приветствуем» — или что-то в этом роде. Тогда листок можно начать с той же строчки.

— Только не «приветствуем», — поморщилась Эллисон. — В прошлом году так начал листок дядя Фрэнк — и перепугал меня до смерти. Я подумала, Митча забирают в армию.

Я тоже встревожилась, читая листок дяди Фрэнка, — но по крайней мере испытала прилив адреналина, которого никогда раньше не получала от писем дяди, набитых проблемами с простатой и разглагольствованиями о налогах на имущество.

— «Поздравляем с праздником!» или «Поздравляем с Рождеством!» даже длиннее, чем «Дорогие родственники!» — рассуждала Эллисон. — Надо бы что-то покомпактнее…

— «Привет»?

— Да, неплохо! — Она достала ручку с бумагой и начала строчить. — Как пишется «выдающиеся»?

— Вы-да-ю-щи-е-ся, — рассеянно продиктовала я, глядя на движущиеся дорожки перед залом ожидания. Люди стояли на них справа, как полагается, а шли по левой стороне. Ни один ребенок не бежал навстречу движению, не вопил и не хлопал ладонями по резиновым поручням.

— А «потрясающие»? — продолжала строчить Эллисон.

— Рейс 2216 на Спокан готов к посадке, — объявила дежурная. — Прошу пройти на посадку пассажиров с маленькими детьми и тех, кому потребуется дополнительное время для размещения.

Пожилая дама с палкой поднялась и встала в очередь. Эллисон сняла с девочек наушники, и мы приступили к ритуалу прощальных объятий.

— Увидимся на Рождество, — сказала она.

— Удачи тебе с листком, — пожелала ей я, возвращая Дакоте плюшевого медвежонка. — Не переживай из-за приветствия! Его спокойно можно выбросить.

Эллисон с девочками направились в проход, ведущий к самолету. Я махала им рукой, пока они не скрылись из виду.

— Приглашаем на посадку пассажиров с местами в рядах с двадцать пятого по тридцать третий.

Все, кто сидел перед выходом пятьдесят пять, тут же вскочили со своих мест. «Тоже ничего необычного», — подумала я, направляясь через зал ожидания к движущимся дорожкам.

— Какие она назвала ряды? — переспросила дама в красном берете у паренька лет семнадцати.

— С двадцать пятого по тридцать третий.

— А у меня четырнадцатый, — сказала она и опустилась в кресло.

Я замерла.

— …в рядах с пятнадцатого по двадцать четвертый. Пассажиры тщательно сверились с билетами, после чего

с дюжину отступили от выхода, терпеливо дожидаясь своей очереди. Какая-то женщина выудила из сумки книжку в мягкой обложке — «Похищенный» Роберта Льюиса Стивенсона — и углубилась в чтение. Наконец объявили, что все остальные пассажиры приглашаются на посадку. Все поднялись и организованно встали в очередь.

Конечно, это ничего не доказывало — так же, как и стояние справа на движущейся дорожке. Может, люди ведут себя прилично из-за приближающегося Рождества?

«Да нет, что за ерунда», — подумала я. На Рождество люди ведут себя ничуть не лучше — наоборот, они становятся грубее, напористее и раздражительнее обычного. А что творится под Рождество в торговых центрах или на почте!

— Завершается посадка на рейс 2216 в Спокан, — обратилась дежурная к пустому залу ожидания. — Вы летите в Спокан, мэм? — спросила она у меня.

— Нет, я друзей провожаю.

— Вот и хорошо, главное, чтобы вы свой рейс не пропустили, — сказала она и закрыла дверь.

Я направилась к движущейся дорожке и чуть не столкнулась с молодым человеком, который несся к выходу пятьдесят пять. Он подбежал к стойке и бросил дежурной свой билет.

— Простите, сэр. — Администратор слегка отклонилась, словно ожидая взрыва эмоций. — Ваш самолет улетел. К сожалению.

— Нет-нет, все в порядке, — сказал он. — Так мне и надо. Не учел время на парковку и все остальное, надо было раньше выезжать.

Дежурная быстро что-то набрала на компьютере.

— Следующий рейс на Спокан отправится только в двадцать три ноль пять.

— Ну что ж, я пока книжку почитаю. — Он улыбнулся и вытащил из дипломата «Бремя страстей человеческих» Уильяма Сомерсета Моэма.

В четверг Гэри поджидал меня в офисе.

— Ну что? — спросил он.

Я рассказала ему о двигающихся дорожках и парне, который опоздал на самолет.

— Что-то действительно происходит. Но что?

— Где бы нам поговорить? — спросил он, беспокойно озираясь.

— В кабинете Ханзигера, если он еще не пришел.

— Не пришел. — Гэри повел меня в кабинет и прикрыл дверь. — Садись. — Он указал на стул Ханзигера. — Слушай, это звучит дико, но, по-моему, этими людьми овладел внеземной разум. Ты смотрела «Вторжение похитителей тел»?

— Что-что?

— «Вторжение похитителей тел». О паразитах из космоса, которые вторгались в человеческие тела и…

— Да знаю я. Это же научная фантастика. Ты действительно думаешь, что опоздавший на самолет парень — оболочка, под которой скрывается пришелец? Пожалуй, ты прав. — Я взялась за дверную ручку. — Это дико.

— Именно это сказал Дональд Сазерленд в «Людях-пиявках с Марса». Никто не верит в подобные вещи, а потом становится слишком поздно.

Гэри вытащил из заднего кармана сложенную газету и замахал ею у меня перед носом.

— Только посмотри! Случаи мошенничества с кредитными картами снизились вдвое. Пожертвования на благотворительность выросли на шестьдесят процентов!

— Совпадение. — Пришлось рассказать ему про статистические пики и спады. — Вот, посмотри. — Я раскрыла газету на первой полосе. — «Движение за отмену жестокого обращения с братьями нашими меньшими» выступает против Рождественской выставки в Сити-Холле. Группа борьбы за права животных возмущена эксплуатацией оленей в упряжке Санта-Клауса».

— А как же твоя сестра? — возразил он. — Ты сама говорила, что она встречается только с неудачниками. С чего это она выбрала себе приличного парня? И зачем сбежавший преступник решил вернуться в тюрьму? Почему люди вдруг начали читать классику? Они все захвачены изнутри!

— Инопланетянами? — неверяще спросила я.

— Он был в шапке?

— Кто?

А что, если Гэри и вправду чокнулся? Сходил-сходил с ума по бывшей жене — и сошел окончательно.

— Парень, что опоздал на самолет. На нем была шапка?

— Не помню.

Внезапно я похолодела: Сьюэнн на ужине в День благодарения отказалась снять за столом шляпу, а женщина с посадочным талоном на четырнадцатый ряд была в берете.

— При чем тут шапки?

— В самолете мой сосед справа был в шапке и большинство остальных пассажиров тоже. Видела «Кукловодов»? Паразиты прикреплялись к спинному мозгу и распространялись по нервной системе. Сегодня утром здесь, в офисе, я насчитал девятнадцать человек в шапках: Лес Сотелл, Родни Джонс, Джим Бриджмен…

— Джим Бриджмен всегда носит шапку, — встряла я. — Чтобы скрыть лысину. И к тому же он программист — все программисты ходят в бейсбольных кепках.

— Диди Кроуфорд, — продолжил он перечисление, — Вера Макдермотт, Дженет Холл…

— Женские шляпы снова входят в моду.

— Джордж Фразелли, весь отдел документации…

— Нет, должно же быть какое-то логическое объяснение. Последнее время на работе очень холодно. Наверное, что-то случилось с отоплением.

— Все термостаты установили на десять градусов, — сказал Гэри. — Что само по себе странно. Причем на всех этажах.

— Это, наверное, начальство — вечно экономит на…

— Нам выдадут рождественскую премию. А Ханзигера уволили.

— Уволили Ханзигера? — переспросила я. — Но ведь начальство никогда никого не увольняет!

— Уволили — сегодня утром. Поэтому я и сказал тебе, что здесь никого нет.

— Неужели уволили?

— Да, и охранника, который много пил, — тоже. По-твоему, что происходит?

— Н-не знаю, — запинаясь, проговорила я. — Должно же быть еще какое-то объяснение, не инопланетное. Может, начальство решило укрепить рождественский дух, а психотерапевты посоветовали им совершать добрые поступки. Или еще что-нибудь, только не люди-пиявки. Пришествие инопланетян, которые завладевают человеческим мозгом, — нет, это невозможно!

— Именно так говорила Дана Уинтер во «Вторжении похитителей тел». Но тут нет ничего невозможного. Вторжение надо остановить, пока они не овладели всеми, кроме нас. Они…

В дверь постучали.

— Простите, что прерываю, — сказала Кэрол Залиски, заглядывая в кабинет, — но тебя просят к телефону, Гэри. Бывшая жена. Говорит, срочно.

— Иду. — Он взглянул на меня. — Ты подумай, ладно? Я сосредоточенно нахмурилась.

— О чем это вы тут говорили? — спросила Кэрол. На голове у нее красовалась белая меховая шапка.

— Да так, обсуждали подарки от Тайного Санты.

* * *

В пятницу Гэри на работу не вышел.

— Он сегодня встречается с бывшей женой, — сказала Тоня, вытаскивая из сандвича маринованные огурчики. — Марси требует, чтобы он оплатил ей психотерапевта. Считает, что раз Гэри треплет ей нервы — значит, должен платить за прозак. И чего он до сих пор сходит по ней с ума?!

— Не знаю, — ответила я, счищая с гамбургера горчицу.

— Кэрол Залиски сказала, что вы с Гэри вчера закрылись в кабинете Ханзигера. Гэри пригласил тебя на свидание?

— Тоня, после Дня благодарения ты с Гэри говорила? Он у тебя не спрашивал о чем-нибудь необычном?

— Спрашивал, не замечала ли я странностей в поведении родни. Ну, для моей родни странности — это норма жизни. Ты не представляешь, что у нас сейчас творится! Родители Тома разводятся, и теперь у нас будет не четыре, а пять комплектов бабушек и дедушек. Нет бы подождать до Рождества! Все расписание летит к чертям. — Тоня надкусила сандвич. — Гэри обязательно пригласит тебя на свидание! Он морально к этому готовится.

Похоже, Гэри выбрал весьма странный способ подготовки. Инопланетяне! Прячутся под шапками! Хотя, если честно, я заметила, как много народу вокруг носит шапки. Почти все сотрудники отдела анализа данных были в бейсбольных кепках, Джеррилин Уэллс — в вязаной шапочке, а мисс Джекобсон, секретарша, нацепила белую штуку с вуалью, как на свадьбу собралась. Впрочем, Сьюэнн говорила, что новый год объявили годом Шляпы.

Сьюэнн, которая встречалась исключительно с жиголо и мафиози. Впрочем, не так уж

и странно, что она познакомилась с приличным парнем, — она стольких сменила, что рано или поздно это должно было случиться.

Вот у стенографисток, куда я заглянула, чтобы сделать несколько копий документов, никаких следов инопланетного вторжения заметно не было.

— Не видишь — заняты, — рявкнула Пола Грэнди. — Рождество на носу.

Приободрившись, я вернулась на рабочее место и обнаружила на столе огромное блюдо из сосновых шишок, заполненное леденцами-тросточками и трюфелями в зеленой и красной фольге.

— Часть рождественского убранства? — спросила я Пенни.

— Нет, украшения еще не готовы. Это мелочь, для создания праздничного настроения. Я такие на все столы поставила.

Я почувствовала себя много лучше, отодвинула блюдо в сторону и обнаружила зеленый конверт от Эллисон и Митча. Похоже, Эллисон разослала листок, едва сошла с самолета. Интересно, что же она в итоге выкинула — приветствие или награждение Дакоты за особые успехи в овладении техникой игры на фортепиано?

«Дорогая Нэн, — начиналось письмо значительно ниже верхней границы с ангелочками и омелой. — В этом году у нас ничего особенного не случилось. Дела идут хорошо, только Митч беспокоится, как бы его не сократили, а я вечно ничего не успеваю. Девочки растут как трава в поле и неплохо учатся. Правда, у Шайенн небольшие проблемы с чтением, а Дакота все еще писается по ночам. Мы с Митчем решили, что не стоит на них давить, и постараемся не нагружать их всевозможными кружками — пусть растут обычными, счастливыми детьми».

Я сунула письмо обратно в конверт и помчалась на четвертый, к Гэри.

— Верю, я теперь всему верю, — сказала я. — Что делать будем?

Мы взяли в прокате фильмы. Правда, не все — «Атаку душегубов» и «Вторжение с Бетельгейзе» забрал кто-то до нас.

— Значит, кто-то еще догадался, — сказал Гэри. — Знать бы, кто именно.

— Давай спросим у клерка? Он энергично замотал головой.

— Ни в коем случае! Нельзя вызывать подозрения. Вполне вероятно, что они сами убрали эти фильмы с полок — а значит, мы на верном пути. Что еще возьмем?

— Зачем? — непонимающе переспросила я.

— Чтобы не выглядело так, будто мы берем только фильмы про пришельцев из космоса.

— А! — Я взяла с полки «Обыкновенных людей» и черно-белую версию «Рождественской песни».

Но это не сработало.

— «Кукловоды», — сказал клерк в сине-желтой кепке с эмблемой магазина «Блокбастер». — Хороший фильм?

— Не смотрели еще, — нервно ответил Гэри.

— Мы его берем из-за Дональда Сазерленда, — объяснила я. — Решили устроить себе фестиваль фильмов с его участием: «Кукловоды», «Обычные люди», «Вторжение захватчиков тел»…

— Он и в этом играет? — спросил паренек, указывая на «Рождественскую песнь».

— Да, — ответила я. — Его первая роль. Малютка Тим.

— Классно выкрутилась! — Мы с Гэри шли в другой конец торгового центра, к магазину «Санкоуст», купить «Атаку душегубов». — Здорово врешь.

— Спасибо, — сказала я, озираясь и запахивая пальто поплотнее. Здесь было ужасно холодно, и шапки мелькали повсюду, на людях и манекенах: панамы, кепки, широкополые шляпы.

— Нас окружили — ты только посмотри! — Гэри указал на «Северный полюс», где

Санта с эльфами развлекали детишек.

— Санта-Клаус всегда носил шапку, — возразила я.

— На очередь глянь!

Дети в очереди терпеливо и радостно ждали, никто не верещал и не просился в туалет.

— Хочу «Властелинов земли», — оживленно сказал маме малыш в войлочной шапочке.

— Хорошо, попросим Санту. Не знаю, найдет ли он их, все уже распродано.

— Ну ладно, тогда я хочу машинку.

«Атаки душегубов» в «Санкоусте» не оказалось, зато мы купили «Вторжение с Бетельгейзе» и «Лазутчиков из космоса», после чего отправились к Гэри и отсмотрели три фильма.

— Ну что, заметила? — спросил Гэри. — Они начинают потихоньку, а потом быстро распространяются.

Вообще-то персонажи в этих фильмах вели себя на удивление тупо. «Мозгососы атакуют человека во сне», — говорит герой и ложится подремать на диванчике. Подружка героя восклицает: «Они среди нас! Давайте уберемся отсюда поскорее!» — и возвращается в квартиру за вещами. Вдобавок, как и в любом ужастике, вместо того чтобы объединяться в группы, герои ходят поодиночке и отправляются гулять по самым темным переулкам. Определенно, они заслуживают атаки на мозг.

— Первым делом надо суммировать все, что известно о пришельцах. Так, шапки им нужны, чтобы замаскироваться от тех, кто еще не захвачен, а проникают они в голову.

— Или в спинной мозг, — сказала я. — Как в «Кукловодах». Гэри покачал головой.

— Тогда они присосались бы к спине или шее — не так подозрительно. Нет, они на макушках прячутся, потому и пошли на риск с шапками.

— А может, у шапок какое-то другое предназначение? Зазвонил телефон.

— Да? — Лицо Гэри засветилось было, но тут же осунулось.

«Ну ясно, бывшая», — подумала я и включила «Лазутчиков из космоса».

«Послушайте, — умоляла подруга главного героя своего психотерапевта. — В наш мир проникли пришельцы! Они выглядят точно так же, как вы и я! Прошу вас, поверьте мне!» — «Верю! — Глаза психотерапевта вспыхнули ярко-зеленым, и он ткнул в героиню пальцем. — Гр-р-р!»

— Марси. — Гэри надолго умолк. — Друг. — Снова пауза, еще длиннее. — Нет.

Подружка главного героя побежала на высоких каблуках по темному переулку, на полпути подвернула лодыжку и упала.

— Это неправда, ты же знаешь — сказал Гэри.

Я промотала фильм вперед. Герой разговаривал по телефону.

«Полиция? Помогите, нас захватили инопланетяне! Они проникают к нам в головы». — «Сейчас будем, мистер Дейли. Оставайтесь на месте». — «Откуда вы знаете, как меня зовут? Я не давал вам адреса!» — «Мы уже выезжаем».

— Поговорим об этом завтра. — Гэри повесил трубку и сел обратно на диван. — Извини. В общем, я тут скачал из интернета много всего про паразитов и инопланетян. — Он вручил мне скрепленные степлером распечатки. — Надо выведать, что они делают с людьми, в чем кроются слабости пришельцев и как бороться с вторжением; разобраться, где и как все началось, как и где распространяется, чем чревато для людей. Чем больше мы узнаем о сущности инопланетян, тем больше шансов, что найдется способ их уничтожить. Как они друг с другом общаются? Телепатически, как в «Деревне обреченных», или каким-нибудь другим способом? Если телепатически, то могут ли они читать наши мысли — или только мысли друг друга?

— Если могут, то, наверное, знают, что мы собираемся с ними бороться?

Снова зазвонил телефон.

— Наверное, опять моя бывшая.

Я вернулась к «Лазутчикам из космоса».

— Да, — сказал Гэри в трубку, после чего с подозрением спросил: — Откуда у тебя

мой телефон?

Герой бросил трубку и бросился к окну. Его дом окружали десятки полицейских машин, съезжавшихся со всех сторон с включенными фарами.

— Конечно, не забуду. — Гэри повесил трубку и пояснил: — Это Пенни. Забыла дать мне записку с рождественской выпечкой. В следующий понедельник я должен принести сахарное печенье. — Он задумчиво покачал головой. — Да уж, некоторым и впрямь пошел бы на пользу захват инопланетянами. — Он снова сел на диван и принялся составлять список. — Значит, так. Методы борьбы: болезни, яд, динамит, ядерное оружие. Что еще?

Я не ответила, думая над тем, что он сказал про Пенни.

— Проблема со всеми этими способами в том, что людей они тоже убивают, — продолжал Гэри. — Нужен какой-то особый вирус, как во «Вторжении». Или ультразвуковые импульсы, которые услышат только инопланетяне, как в «Войне с людьми-слизнями». Чтобы их остановить, нужно найти что-то, убивающее только паразита, а не его носителя.

— А нужно ли их останавливать?

— Что? — переспросил он. — Конечно, нужно. О чем это ты?

— Во всех фильмах пришельцы превращают людей в монстров или зомби, шатаются туда-сюда, нападают, убивают направо и налево и мечтают захватить мир. В нашем случае все совершенно по-другому. Люди стоят справа, а идут слева, уровень самоубийств снизился, моя сестра встречается с приличным парнем. Все, кем овладели пришельцы, стали приятнее, счастливее, вежливее. Может, паразиты по-настоящему хорошо на них влияют, — и вмешиваться не стоит?

— Может, пришельцы хотят, чтобы мы именно так и подумали. Что, если они таким образом нас дурачат — чтобы мы не захотели их останавливать? Помнишь «Атаку душегубов»? Что, если это все — игра? Они просто притворяются хорошими до тех пор, пока вторжение не завершится…

Если это и было притворство, то весьма убедительное. За следующие несколько дней Сольвейг, в красной соломенной шляпе, заявила, что назовет дочку Джейн, Джим Бриджмен кивнул мне в лифте, листок-дневник кузины Сел и и оказался лаконичным и забавным, а официант обзавелся фирменной пилоткой и не перепутал ни мой, ни Тонин заказ.

— Ни одного огурчика! — с восторгом провозгласила Тоня, принимаясь за сандвич. — Ой! Интересно, а запястный синдром может появиться от упаковывания рождественских подарков? У меня все утро руки болят.

В ее папке с документами обнаружилась новая схема — восьмиугольник с подписанными у каждой стороны именами.

— Новое рождественское расписание? — спросила я.

— Нет, план рассадки на рождественском ужине. Это же полный бред — детей из дома в дом перевозить! Вот мы и решили, пускай все соберутся у нас.

Я испуганно взглянула на нее, но шапки не заметила.

— Так ведь бывшая жена Тома терпеть не может его родителей?

— Все согласились потерпеть ради детей. Рождество ведь, в конце-то концов. — Тоня поправила прическу. — Как тебе мой парик? Джон подарил на Рождество — за то, что, несмотря на развод, я прекрасно забочусь о детях. Даже не верится. — Она похлопала себя по макушке. — Классный, а?

— Пришельцев скрывают под париками, — сообщила я Гэри.

— Знаю. Пол Ганден новой накладкой на лысину обзавелся. Больше никому нельзя верить. — Гэри протянул мне папку с вырезками из газет.

Уровень занятости вырос. Случаи воровства сумок и пакетов из машин, обычные для этого времени года, стали реже. Одна женщина из Миннесоты вернула в библиотеку книгу, взятую двадцать два года назад. «Различные общества поддерживают Рождественскую

выставку в Сити-Холле» — заметка сопровождалась фотографией, на которой активисты из «Южных баптистов Святого Духа» и «Равных прав для этнических меньшинств», взявшись за руки вокруг рождественского вертепа, пели гимны.

Девятого декабря позвонила мама.

— Ты уже написала рождественский листок?

— Нет, дел очень много, — ответила я, ожидая следующего вопроса: не начала ли я встречаться с кем-нибудь из коллег.

— Пришло письмо от Джеки Петерсон.

— Да, я тоже получила.

Вторжение определенно не докатилось до Майами, и похоже, Джеки превзошла себя.

В этом году мы добрались до Чили, Ели, гуляли и разные вина там пили, Самолет мгновенно домчал нас туда…

И так далее, акростих «Веселого Рождества и Счастливого Нового года», по строчке на каждую букву, не забыв и последние две — с ее инициалами.

— Зря она все-таки рифмует свои листки, — сказала мама. — Нескладно получается.

— Мама, у тебя все в порядке?

— Замечательно. Артрит последние пару дней беспокоит, а так — прекрасно себя чувствую. Я тут подумала — наверное, и правда не стоит писать рождественский листок, если не хочется.

— Мама, что тебе Сьюэнн подарила на Рождество? Шляпу?

— Она тебе сказала, да? Знаешь, я никогда шляпы не любила, но на свадьбу-то все равно надеть придется, так что…

— На свадьбу?

— Ой, совсем забыла! Они с Дэвидом решили пожениться сразу после Рождества. У меня словно камень с души упал. Я-то уж и не надеялась, что она встретит приличного человека.

Я доложила обо всем Гэри.

— Знаю, — мрачно сказал он. — Я только что получил прибавку.

— Пока нет ни одного побочного эффекта, никаких случаев насилия, антисоциального поведения, и даже никаких вспышек раздражения!

— Вот вы где, — раздраженно сказала Пенни, входя в офис с горщками пуансеттий. — Не поможете расставить цветы по столам?

— Это рождественские украшения? — спросила я.

— Нет, украшения я все еще жду от фермера. — Она вручила мне цветочный горшок. — Это так — пустячок, чтобы столы выглядели повеселее. — Пенни сдвинула блюдо из сосновых шишек на столе Гэри. — Что это ты не ешь леденцы-тросточки?

— Не люблю мяту.

— Вот никто их не ест! — недовольно сказала Пенни. — Конфеты слопали, а к тросточкам не притронулись.

— Все любят шоколад, — объяснил Гэри и сказал мне на ухо: — Когда уже ею наконец овладеют?

— Жди меня в кабинете Ханзигера, — шепнула я в ответ и обратилась к Пенни: — Пуансеттию куда нести?

— Джиму Бриджмену на стол.

Я отнесла пуансеттию на пятый, в компьютерный отдел. На Джиме красовалась бейсбольная кепка козырьком назад.

— Вот тебе пустячок, чтоб стол выглядел повеселее. — Я направилась обратно к лестнице.

— Можно тебя на минутку? — окликнул он.

— Конечно. — Я изо всех сил старалась говорить спокойно. Джим склонился ко мне и

тихо спросил:

— Ты ничего необычного не замечала последнее время?

— Ты имеешь в виду пуансеттию? Пенни всегда заносит перед Рождеством, но…

— Нет, — сказал он, неловким жестом дотронувшись до козырька кепки. — Такого, чтобы люди вели себя необычно? Словно их подменили?

— Нет, — с улыбкой ответила я. — Не замечала.

Я прождала в кабинете Ханзигера полчаса. Наконец явился Гэри.

— Извини, бывшая жена звонила. Так на чем мы остановились?

— Даже ты сказал, что неплохо было бы, если бы Пенни захватили пришельцы. А вдруг паразиты — вовсе не зло? Вдруг они из тех, что приносят пользу хозяевам? Ну как же они называются-то?.. Да ты знаешь, такие бактерии, что помогают коровам вырабатывать молоко. Или птицы, что избавляют носорогов от насекомых.

— Симбионты? — спросил Гэри.

— Точно! Что, если это симбиотические отношения? Может, они повышают наш интеллект или эмоциональную зрелость, тем самым оказывая на нас положительное воздействие?

— Если что-то слишком хорошо, то к хорошему это обычно не приводит. Нет, — покачал он головой. — Что-то они недоброе замышляют. Надо выяснить, что именно.

Десятого декабря Пенни с утра развешивала в офисе рождественские украшения, которые и впрямь оказались хоть куда: по всем стенам гирлянды — ленты красного бархата с бантами и здоровенными связками омелы через каждые несколько футов. Между связками красовались надписи: «Поцелуй меня под омелой», «Рождество всего раз в году».

— Ну, что скажешь? — спросила Пенни, слезая со стремянки. — На каждом этаже цитаты разные. — Она заглянула в большую картонную коробку. — В бухгалтерии висит: «Самый сладкий поцелуй — тот, что под омелой сорван».

Я подошла ближе и тоже заглянула в коробку.

— Откуда ты взяла столько омелы?

— От того самого фермера, который выращивает яблони, — ответила она, передвигая стремянку.

Я вытащила из коробки большую зеленую ветку с белыми ягодами.

— Каких же это деньжищ стоило!

В прошлом году я купила маленькую веточку за шесть долларов.

Пенни, взбираясь на стремянку, покачала головой.

— Бесплатно отдал — и был рад от нее избавиться. — Она привязала ветку омелы к красной ленте. — Это же паразит, она деревья убивает

— Убивает? — растерянно переспросила я, уставившись на белые ягоды.

— Или деформирует их. Вытягивает соки — из-за этого на стволе образуются всякие наросты, опухоли и прочие штуки. Мне фермер об этом рассказал.

Как только выдалась свободная минутка, я ускользнула в кабинет к Ханзигеру и углубилась в чтение материалов о паразитах, которые Гэри скачал из интернета.

Омела вызывает у дерева уродливые наросты там, где цепляется за ствол корнями. Антракнозы приводят к трещинам и создают участки мертвой коры, так называемый некроз растений. Тля иссушает листву. Ведьмина метла ослабляет ветви. Бактерии вызывают наросты на стволе, именуемые опухолью.

Мы сосредоточили внимание на возможном ущербе для психики, а нужно было подумать о физическом вреде. Повышение уровня интеллекта, вежливости и здравого смысла может быть побочным эффектом того, что паразиты высасывают из хозяев жизненные соки.

Я сунула распечатки в папку, вернулась на рабочее место и позвонила Сьюэнн.

— Привет! Я тут думаю над своим рождественским листком и хотела уточнить, как

пишется фамилия Дэвида — Каррингтон или Керрингтон?

— Каррингтон. Ох, Нэн, какой же он замечательный! Так отличается от всех неудачников, с которыми я раньше встречалась! Заботливый, предупредительный…

— Ты сама-то как? — перебила я. — У нас тут на работе все с гриппом свалились.

— Да ты что! Нет, у меня все в порядке.

Ну и что теперь делать? Не спрашивать же: «Точно?» — это звучит подозрительно.

— Значит, через «а». — Я лихорадочно раздумывала, с какой бы стороны подобраться к интересующему меня вопросу.

Сьюэнн избавила меня от мучений:

— А что он вчера сделал — не поверишь! Заехал за мной на работу! У меня лодыжки болят — так он привез тюбик с мазью «Бен-Гей» и дюжину розовых роз! С ума сойти, правда?

— У тебя лодыжки болят? — переспросила я, стараясь, чтобы голос звучал не очень встревожено.

— Просто жутко. Из-за погоды, наверное. По утрам вообще еле-еле хожу.

Я спрятала папку с материалами про паразитов в ящик стола — предварительно убедившись, что ни одна из распечаток не осталась на поверхности, как в фильме «Люди-паразиты с планеты Х», — и отправилась к Гэри.

Он говорил по телефону.

— Можно тебя на два слова? — шепнула я.

— Было бы неплохо, — сказал он в трубку со странным выражением лица.

— Что такое? — спросила я. — Они узнали, что мы хотим с ними бороться?

— Ш-ш! — сказал он мне, — и снова в трубку: — Ты же знаешь, что это правда.

— Да слушай же! — воскликнула я. — Я знаю, что они делают с людьми.

Он жестом попросил меня подождать.

— Одну секунду, — попросил он телефонного собеседника, после чего прикрыл трубку рукой. — Давай встретимся в офисе Ханзигера через пять минут?

— Нет, это небезопасно. Жду тебя на почте.

Он кивнул и вернулся к телефонному разговору — все с тем же странным выражением на лице.

Я сбегала к себе на второй этаж за сумочкой и отправилась на почту. Подождать на углу не получилось — на улице было полно волонтеров Армии Спасения, собирающих рождественские пожертвования. Я поднялась на ступеньки и огляделась: Гэри нигде не было.

— Веселого Рождества! — Человек у входа на почту приветственным жестом дотронулся до полей фетровой шляпы и приоткрыл для меня дверь.

— Спасибо, я не… — Тут я заметила приближающуюся Тоню и нырнула вовнутрь. — Спасибо!

Внутри было ужасно холодно. Длинная очередь, извиваясь, выходила в вестибюль. До окошечка раньше чем через час не добраться, так что можно спокойно подождать Гэри, не вызывая ни у кого подозрений.

Из толпы я, правда, всё равно выделялась — на всех, кроме меня, красовались шапки, включая широко улыбающихся служащих в фирменных кепках с эмблемой почтовой службы.

— Посылки за границу нужно было отправлять не позднее пятнадцатого ноября, — приветливо говорила девушка в среднем окошке маленькой японке в красной шапке, — но не волнуйтесь, мы постараемся, чтобы ваши подарки прибыли вовремя.

— Очередь всего минут на сорок пять, не так уж и плохо, учитывая рождественский бум, — радостно поделилась со мной стоявшая впереди женщина в черной шляпке с пером. В руках она держала четыре огромных пакета.

«Уж не забиты ли они пришельцами», — подумала я и оглянулась на дверь. Ну где же Гэри?!

— А вы здесь зачем? — с улыбкой продолжила женщина.

— Что? — Сердце у меня ушло в пятки.

— Вы что-то отправляете? — уточнила она. — Я вижу, у вас ничего с собой нет.

— М-марки нужно купить.

— Так идите передо мной. Если бы мы все здесь стояли за марками! Я вот пока все подарки отправлю… Чего вам зря дожидаться!

«Мне действительно надо подождать», — подумала я.

— Нет-нет, что вы! Мне нужно много марок — несколько блоков, для моего рождественского листка.

Она покачала головой, удерживая на весу пакеты.

— Не глупите. К чему вам ждать, пока все это взвесят. — Она постучала по плечу стоявшего впереди мужчину. — Девушке нужно купить марки, давайте пропустим ее вперед?

— Конечно, — откликнулся мужчина в русской каракулевой шапке и с легким поклоном посторонился, пропуская меня.

— Ну что вы, — пролепетала я, но было уже поздно. Очередь расступилась, словно воды Красного моря.

— Спасибо, — сказала я, проходя к окошку. — Веселого Рождества!

Очередь сомкнулась. «Они знают», — подумала я. Они знают, что я собирала информацию о паразитах. Я с отчаянием посмотрела на дверь.

— Плющ и остролист? — спросила работница почты, сияя улыбкой.

— Что-что?

— Какие марки желаете? — Она выложила передо мной несколько блоков. — С плющом и остролистом или с Мадонной и Младенцем?

— С плющом и остролистом, — ослабевшим голосом ответила я. — Три блока, пожалуйста.

Расплатившись, я еще раз поблагодарила толпу и вывалилась в смертельно холодный вестибюль. И что теперь? Притвориться, что у меня тут абонентский ящик, и начать возиться с кодом? Да где же Гэри?!

Стараясь не навлекать на себя подозрений, я подошла к стенду с объявлениями и стала разглядывать фотографии разыскиваемых преступников. Наверное, все они уже сдались в руки правосудия, сидят в тюрьме и образцово себя ведут.

Действительно жалко, что паразитов нужно остановить. Если, конечно, это вообще возможно.

Одно дело — побеждать пришельцев в фильмах (кстати, побед не так уж много — большинство кинокартин заканчивается тем, что по всей планете загораются ярко-зеленые глаза). Побеждают обычно после множества взрывов и опасных прыжков с вертолетов — надеюсь, в нашем случае дело до этого не дойдет. И до вирусов или до ультразвука тоже — даже если бы у меня был знакомый врач, я бы не рискнула с ним советоваться.

Никому нельзя верить! Гэри был прав. Нельзя. Слишком многое поставлено на карту. И в полицию обратиться не обратишься: «У вас слишком богатое воображение, мисс Джонсон. Оставайтесь на месте. Мы выезжаем».

Придется действовать самостоятельно. Где же Гэри?!

Один из преступников в розыске был очень похож на бывшего парня Сьюэнн. Он еще…

— Извини, что задержался, — задыхаясь, выпалил Гэри. Уши его покраснели от мороза, а волосы растрепались от быстрого бега. — Говорил по телефону и…

— Пойдем.

Мы вышли на улицу — вниз по ступенькам, мимо Санты с толпой помощников.

— Иди и не останавливайся. Ты был прав насчет паразитов — но не потому, что они превращают людей в зомби. — Я торопливо рассказала Гэри про опухоли и Тонин синдром запястья. — Моя сестра заразилась перед Днем благодарения — и теперь еле-еле ходит. Ты

прав, их нужно остановить.

— Но у тебя нет доказательств. Это может быть артрит или еще что-нибудь.

Я резко остановилась. — Что?!

— У тебя нет доказательств, что это происходит по вине пришельцев. Сейчас холодно — болезни суставов всегда обостряются в это время года. Даже если действительно виноваты пришельцы — подумаешь, боли. Может, это не слишком высокая цена. Польза, которую приносят инопланетяне, того стоит. Ты ведь сама говорила…

Я уставилась на его волосы.

— И не смотри на меня так. Меня никто не захватывал. Я думал над тем, что ты сказала о помолвке сестры и…

— С кем ты поговорил по телефону? Он поежился.

— Дело не в…

— С бывшей женой? Ее захватили, она стала милой и разумной, и ты надеешься, что вы сойдетесь, так?

— Ты же знаешь, как я отношусь к Марси, — виновато признал Гэри. — Она говорит, что всегда меня любила — и до сих пор любит.

«Если что-то слишком хорошо, то к хорошему это обычно не приводит», — подумала я.

— Марси считает, что нам надо съехаться, попробовать все сначала. — Он схватил меня за руку. — Но ведь это не единственная причина. Я все это читал: бросившие школу подростки берутся за учебу, сбежавшие преступники возвращаются в тюрьму… Вот я и подумал, что нужно как следует взвесить за и против, прежде чем что-то решать. Ничего страшного, если подождем несколько дней.

— Ты прав. — Я выдернула руку. — Мы еще многого о них не знаем.

— Надо все изучить поподробнее, — подытожил Гэри, открывая дверь в наше здание.

— Да, конечно.

Мы поднялись по лестнице до второго этажа и Гэри сказал:

— Ну, до завтра.

Я села за свой стол и закрыла голову руками.

Он согласился на то, чтобы паразиты захватили всю Землю, лишь бы вернуть бывшую жену, — но я-то чем лучше? Почему я поверила во вторжение инопланетян, согласилась смотреть фильмы и обсуждать эту проблему? Правильно — чтобы провести с ним побольше времени.

Гэри прав. Небольшие боли в суставах — невеликая цена, если моя сестра выйдет замуж за приятного парня, у работников почты будет хорошее настроение, а пассажиры в салоне самолета останутся на местах, пропуская к выходу пассажиров, следующих с пересадкой.

— Как дела? — спросила Тоня.

— Спасибо, хорошо. Как твоя рука?

— Нормально. — Тоня продемонстрировала, согнув ее в локте. — Растянула, наверное, или что-нибудь вроде этого.

Я ведь не знаю точно, что эти паразиты действуют, как омела. Может, они вызывают только временные боли. Гэри прав — нужно все изучить поподробнее. Ничего страшного, если подождем несколько дней.

Зазвонил телефон.

— До тебя не дозвонишься, — сказала мама. — Дакота в больнице. Что-то с ногами — врачи пока ничего не знают. Свяжись с Эллисон.

— Хорошо.

Я повесила трубку, открыла файл в компьютере, прокрутила на несколько страниц вниз: дескать, выскочила секунду назад и вот-вот вернусь. Сменив туфли на кроссовки, я надела пальто и вышла из офиса.

Информацию о том, как избавиться от паразитов, лучше всего искать в библиотеке, но

для получения доступа к базе данных нужна библиотечная карта. Пришлось прибегнуть ко второму варианту — книжному магазину. Отвергнув маленький на Шестнадцатой улице, где продавцы слишком много знают и слишком рвутся помочь каждому покупателю, я кружным путем (избегая, впрочем, темных переулков) направилась в «Барнс энд Нобль» на Восьмой.

Народу там было полно, да к тому же какой-то писатель раздавал автографы, так что на меня никто не обращал внимания. Я решила не направляться сразу в отдел для садоводов и побрела по рядам, разглядывая кружки и футболки. В одном месте даже остановилась полистать книжку «Как иррациональные страхи разрушают вашу жизнь» и только после этого неторопливо двинулась к нужному отделу. О паразитах там нашлось всего две книги: «Распространенные садовые паразиты и заболевания» и «Борьба с паразитами и сорняками». Схватив обе, я перешла в отдел художественной литературы и принялась за чтение.

«Антигрибковые средства, такие как беномил и фербам, эффективны в борьбе с определенными видами ржавчины растений, — говорилось в «Распространенных садовых паразитах», — а стрептомицин — в борьбе с некоторыми вирусами».

Но как узнать, ржавчина это или вирус, — а может, вообще ни то ни другое?

«В большинстве случаев большего эффекта можно достигнуть распылением диазинона или малатиона. Примечание: эти химикаты опасны, избегайте контактов с кожей и вдыхания паров».

Да, не годится. Я отложила «Распространенных паразитов» и взяла «Борьбу с паразитами и сорняками». По крайней мере, в ней не рекомендовалось распылять смертельные химикаты, но советы были не намного полезнее: «Обрежьте зараженные ветви, оборвите и уничтожьте ягоды, накройте ветви черной пленкой».

Чаще всего встречался самый простой совет: «Уничтожьте все зараженные растения».

«Основная сложность в борьбе с паразитами — уничтожить их, не нанеся при этом вреда хозяину». О, вот это уже ближе к делу! «Следовательно, необходимо подобрать средство, безопасное для хозяина и вредоносное для паразита. Некоторые виды ржавчины не переносят настойку имбиря на уксусе, распыленную на листву зараженного растения. Перечная мята является аллергеном для красных клещиков, заражающих пчел, поэтому пчел можно накормить сахарным сиропом с добавлением мятного масла. Как только мята попадет в организм пчелы, красные клещики отвалятся. На других паразитов действует колосовая мята, цитрусовые и чесночные масла, измельченное алоэ».

Но что из этого выбрать? И как узнать? Надеть на себя ожерелье из чеснока? Сунуть Тоне под нос апельсин? Незаметно этого не сделаешь — пришельцы обо всем догадаются.

Что ж, читаем дальше.

«Некоторых паразитов можно уничтожить, изменив условия окружающей среды. Для борьбы с влаголюбивой ржавчиной поможет осушение почвы. Термочувствительные паразиты реагируют на охлаждение помещения и/или использование дымообразующих грелок. Светочувствительные паразиты не выносят яркого света».

Термочувствительные! Я подумала о шапках. А что, если они нужны, чтобы защищать паразитов от низкой температуры? Нет, не может быть. В нашем здании последние две недели царит жуткий холод, а если паразитам нужно тепло, почему они не высадились во Флориде?

Я вспомнила о листке Джеки Петерсон. На нее паразиты явно не повлияли. Как и на дядю Марти — его письмо пришло сегодня утром. Точнее, не от дяди Марти, а от его собаки, якобы надиктовавшей текст. «Я лежу под рождественским цереусом в пустыне, грызу кость и надеюсь получить от Санты новый ошейник от блох».

Значит, ни в Аризоне, ни в Майами пришельцы не объявлялись — да и новости, отмеченные Гэри, не касались ни Мексики, ни Калифорнии, — все необычные события происходили в Миннесоте, в Мичигане или в Иллинойсе — там, где сейчас холодно. «Холодно и облачно», — вспомнился рождественский листок кузины Селии. Холодно и облачно.

Я пролистнула несколько страниц, ища упоминания о светочувствительных паразитах.

— Посмотрите на этой полке, — прозвучало сзади. Захлопнув книгу, я спрятала ее между пьесами Шекспира и схватила «Гамлета».

— Это для моей дочери, — объясняла покупательница, на которой, к счастью, не было шапки. — Она хочет эту книжку на Рождество. Удивительно, она ведь практически не читает.

На девушке, стоявшей позади покупательницы, красовался капор с красными и зелеными лентами.

— Сейчас все читают Шекспира, — сказала она с улыбкой. — Его книги так и расхватывают с полок.

Я пригнулась, притворившись, что увлечена чтением «Гамлета»:

Подлец, улыбчивый подлец, подлец проклятый! Мои таблички, — надо записать, Что можно жить с улыбкой и с улыбкой Быть подлецом…

Девушка в капоре пошла вдоль стеллажа, высматривая нужную книгу.

— «Король Лир», так-так… Сейчас найдем…

— Вот. — Я протянула ей «Короля Лира», пока она не добралась до «Распространенных садовых паразитов».

— Спасибо! — Продавщица улыбнулась и протянула книгу покупательнице. — Вы побывали на раздаче автографов? Дарла Шеридан, дизайнер модной одежды, подписывает свою новую книгу «В нарядной шляпке». И шляпки раздают.

— Правда? — воскликнула покупательница.

— Да-да, к каждому экземпляру книги прилагается шляпка — бесплатно.

— Серьезно?! А где это?

— Я вам покажу. — Девушка с улыбкой повела покупательницу прочь, словно ягненка на бойню.

Как только они ушли, я достала «Борьбу с паразитами и сорняками» и сверилась с алфавитным указателем. Светочувствительные паразиты нашлись на двести шестьдесят четвертой странице.

«Подрежьте ветви под инфицированной областью и удалите окружающую листву, чтобы подставить точку поражения под лучи солнца или искусственное освещение. Это, как правило, уничтожает светочувствительных паразитов».

Я боком спрятала книгу за шекспировскими пьесами, и приступила к «Распространенным паразитам».

— Привет! — сказал Гэри. — Что это ты здесь делаешь?

— Это ты что здесь делаешь? — спросила я, осторожно закрывая книгу.

Он попытался прочесть название, но я сунула том на полку между «Отелло» и «Загадкой личности Шекспира».

— Ты права. — Он осторожно огляделся. — Их необходимо уничтожить.

— Тебя послушать, так они, симбионты, пользу приносят!

— Подозреваешь, что меня захватили пришельцы? — Гэри провел рукой по волосам. — Как видишь — ни шапки, ни парика.

Да, но в «Кукловодах» паразиты присасывались к спинному мозгу.

— Ты же говорил, что польза перевешивает наносимый ими вред.

— Мне хотелось в это верить, — покаянно признался Гэри. — Я так мечтал, чтобы мы с женой снова сошлись.

— Что же заставило тебя передумать? — Я старалась не смотреть на книжную полку.

— Ты. Я, как дурак, страдал по бывшей жене, — а все это время рядом со мной была ты. И вот я слушал ее разглагольствования о том, как здорово снова жить вместе, — и совершенно неожиданно понял, что не хочу этого, потому что я встретил другую: гораздо лучше и приятнее. Ту, которой можно доверять. Это ты, Нэн. — Он улыбнулся. — Так что ты выяснила? Открыла какой-нибудь способ их уничтожить?

Я глубоко вздохнула, приняла решение и протянула Гэри книгу.

— Вот, посмотри раздел о пчелах. Там говорится, что попадание аллергенов в

кровеносный поток может уничтожить паразитов.

— Как в «Лазутчиках из космоса»?

— Именно. — Я рассказала ему о красных клещиках и пчелах. Масло грушанки, цитрусовые масла, чеснок и измельченное алоэ действуют на разные виды паразитов. Так что нам нужно подложить перечную мяту в пищу инфицированных и…

— Мяту? — непонимающе переспросил Гэри.

— Да. Помнишь, Пенни жаловалась, что никто не ест леденцы-тросточки? Кажется, это потому, что у паразитов аллергия на мяту.

— Перечная мята, — задумчиво произнес Гэри. — Да, и мятные карамельки Джен Гунделл тоже никто не ел. Похоже, ты попала в точку. Но как подсунуть им мяту? В кулер подсыпать?

— Нет, в печенье. В шоколадное печенье. Шоколад любят все. — Я сунула книгу на полку и направилась к выходу. — Завтра моя очередь нести рождественское угощение, так что я куплю все необходимое.

— Я с тобой.

— Нет, — возразила я. — Ты пойдешь за мятным маслом — оно продается в аптеке или в магазине здоровой еды. Купи самое концентрированное. Главное, чтобы продавец был не заражен. Выпечкой займемся у меня.

— Отлично.

— Выходить лучше поодиночке. — Я всучила ему «Отелло». — Вот, купи книжку — так у тебя появится пакет, легче будет мятное масло незаметно пронести.

Гэри кивнул и встал в очередь к кассе. Я вышла из «Барнса и Нобля», прошла по Восьмой к продуктовому, заглянула в него, выскочила через боковую дверь и вернулась в офис.

Взяв со стола металлическую линейку, я бросилась на пятый этаж. Джим Бриджмен в бейсбольной кепке, надетой козырьком назад, поднял на меня взгляд и тут же снова уткнулся носом в клавиатуру

Я отправилась к термостату. Наступил момент, когда все должны были собраться вокруг меня и, тыкая пальцами, что-то проскрипеть на неземном наречии. Или уставиться сверкающими зелеными глазами.

Я выкрутила термостат на максимум — до тридцати пяти градусов.

Ничего не произошло. Никто даже не взглянул в мою сторону — все сидели, уткнувшись в компьютеры. Джим Бриджмен увлеченно набирал какой-то текст.

Выдрав из термостата корпус и шкалу, я согнула металлический штырек так, чтобы его невозможно было сдвинуть, и направилась к лестнице.

«Хоть бы, воздух нагрелся до того, как все пойдут по домам!» — думала я, спускаясь на четвертый. Пускай все начнут обливаться потом и снимут шапки. Пусть пришельцы окажутся светочувствительными! Только бы они не общались телепатически и не читали чужие мысли!

Я расправилась с термостатами на четвертом и третьем. Наш термостат находился далеко от лестницы, у кабинета Ханзигера. Прикрывшись кипой служебных записок, я демонстративно прошла по этажу, вывела из строя термостат и направилась к лестнице.

— Куда это ты собралась? — Сольвейг преградила мне дорогу.

— На встречу. — Надеюсь, я выглядела менее испуганно, чем подружка героя во всех отсмотренных недавно фильмах. — На другом конце города.

— Никуда ты не пойдешь.

— Почему это? — ослабевшим голосом спросила я.

— Сначала полюбуйся, что я купила Джейн на Рождество. — Она вытащила крошечный розовый чепчик с белыми маргаритками. — Да, она родится только в мае, но я не могла устоять. Он специально для новорожденных, так что из больницы Джейн мы привезем в обновке. А еще я купила ей хорошенький…

— Слушай, у меня совсем из головы вылетело купить подарок Тайного Санты. Пенни

меня убьет, если узнает. Если кто-нибудь спросит, где я, — скажи, что в туалете, договорились? — И я вышла на лестницу.

Термостат на первом этаже находился рядом с дверью. Я вывела его из строя, спустилась в подвал и расправилась с последним. После этого я села в машину (предварительно осмотрев заднее сиденье — в отличие от персонажей фильмов) и направилась к зданию суда, больнице и «Макдоналдсу». Затем позвонила маме и напросилась на ужин.

— Принесу десерт! — пообещала я и поехала в торговый центр, заглянув по пути в булочную, магазин «Гэп», видеопрокат и кинотеатр.

Телевизор у мамы был выключен. Мама любовалось собой, а на голове у нее красовался подарок Сьюэнн.

— Правда, прелесть?

— Я купила чизкейк. Эллисон или Митч тебе звонили? Как Дакота?

— Хуже. Какие-то опухоли на коленях и щиколотках. Врачи не могут понять, в чем дело. — Она, прихрамывая, направилась с чизкейком на кухню. — Я так переживаю!

Я включила термостат в гостиной и спальне и вытащила электрообогреватель. Мама принесла суп.

— Просто закоченела, пока до тебя добралась, — пожаловалась я, включая обогреватель на максимум. — Жуткая холодина на улице. Наверное, вот-вот снег пойдет.

Пока мы ели суп, мама говорила о свадьбе Сьюэнн.

— Она хочет, чтобы ты была подружкой невесты, — поведала мама, обмахивая лицо. — Ты еще не согрелась?

— Нет, — ответила я, потирая ладони.

— Принесу тебе свитер. — Мама встала и вышла в спальню, выключив по дороге радиатор. Я снова его включила и направилась в гостиную разжечь огонь в камине.

— Ты никого последнее время на работе не встретила? — раздался вопрос из спальни.

— Что? — переспросила я.

Мама появилась в гостиной без свитера. Шляпы на ней не было, а волосы отчаянно растрепались, словно по ним кто-то побегал.

— Надеюсь, ты надумала все-таки написать рождественский листок. — Мама принесла чизкейк из кухни. — Садись и ешь десерт.

Я послушно села, не сводя с нее недоверчивого взгляда.

— Скажешь тоже, «выдумывать»! — покачала головой мама. — Что за глупость! Тетя Маргарет совсем недавно написала мне, как она любит получать от вас, девочек, весточки и какие у вас всегда интересные рождественские листки. — Она убрала со стола. — Ты останешься? Мне так тоскливо сидеть и ждать новостей о Дакоте.

— Нет, извини, мне пора, — сказала я. — Мне нужно…

Я растерянно задумалась. Что еще нужно сделать? Слетать в Спокан, убедиться, что с Дакотой все в порядке? Обежать весь город, включая на максимум термостаты, пока не свалюсь от изнеможения? И что потом? В фильмах пришельцы овладевают людьми во сне. У меня нет никаких шансов продержаться без сна до тех пор, пока все паразиты не окажутся на свету, даже если никто из них не нападет на меня и не обратит в одного из них. Даже если я не подверну лодыжку.

Зазвонил телефон.

— Скажи, что меня нет, — попросила я.

— Кому? — спросила мама, снимая трубку. — О господи, только бы не Митч с плохими новостями. Алло? — Пауза. — Это Сьюэнн, — сказала мама, прикрыв трубку рукой, после чего долго молча слушала. — Она рассталась со своим парнем.

— С Дэвидом? Дай-ка мне трубку.

— Ты же сказала, что тебя нет, — проворчала мама, передавая мне телефон.

— Сьюэнн? Почему ты рассталась с Дэвидом?

— Он ужасный зануда, — ответила Сьюэнн. — Вечно мне названивает, дарит цветы и все такое прочее. А сегодня за ужином я подумала: зачем я вообще с ним встречаюсь? — и мы расстались.

— Где вы ужинали? В «Макдоналдсе»?

— Нет, в пиццерии. Это, кстати, еще одна причина — он вечно меня водит по кафе и кинотеатрам. Придумал бы что-нибудь поинтереснее!

— А в кино вы сегодня были? — Возможно, она оказалась в кинотеатре на верхнем этаже торгового центра.

— Да нет же, говорю тебе — мы расстались! Ничего не понимаю. Я же не была в пиццерии! «А теперь о погоде», — объявили по Си-эн-эн.

— Мам, поставь потише, — попросила я. — Сьюэнн, это очень важно. Расскажи, что на тебе надето.

— Джинсы, голубая кофта и цепочка с кулоном. Какое это имеет отношение к моему разрыву с Дэвидом?

— А шляпа?

«Прекрасная погода, — продолжал парень с Си-эн-эн, — ожидает всех, кто сейчас ходит по магазинам в поисках рождественских подарков…»

Мама поставила потише.

— Мам, давай погромче! — крикнула я, замахав руками.

— Шляпы на мне нет, — сказала Сьюэнн. — А как шляпа связана с Дэвидом?

На экране появилась сводка погоды в близлежащих городах: семнадцать градусов, восемнадцать градусов, двадцать один градус…

— Мама! — повторила я. Мама взялась за пульт.

— Ты просто не поверишь, что он выдумал! — возмутилась Сьюэнн. — Подарил мне обручальное кольцо! Представляешь…

«Невероятно тепло и солнечно, — выдал парень в телевизоре. — Такая погода простоит все рождественские праздники».

— И о чем я только думала! — воскликнула Сьюэнн.

— Ш-ш! Я прогноз погоды слушаю…

— Теплую неделю обещают, — сказала мама.

Всю следующую неделю действительно было тепло. Эллисон позвонила и сказала, что Дакоту выписали.

— Врачи так и не поняли, что с ней, — какой-то вирус или типа того. Но главное, что все прошло. Она снова ходит на фигурное катание и чечетку, а со следующей недели я записала девочек в детский оркестр.

— Ты все сделала правильно, — неохотно сообщил мне Гэри. — Марси тоже сказала, что у нее колено болит. Ну, когда она со мной разговаривала.

— Значит, счастливое воссоединение отменяется?

— Угу. Но я не сдаюсь! Ее поведение доказывает, что она все еще любит меня — в глубине души, и главное — до нее достучаться.

Для меня поведение Марси доказывало одно — только вторжение пришельцев из космоса способно превратить ее во что-то, отдаленно напоминающее человека, но сообщать об этом вслух я не стала.

— Я уговорил ее обратиться со мной в брачную консультацию. Хорошо, что ты мне не поверила. В фильмах о пришельцах-паразитах герои вечно ошибаются.

Ну да — и в то же время нет. Если бы я доверилась Джиму Бриджмену, мне бы не пришлось одной возиться со всеми термостатами. Он объяснил мне, что догадался о слабости пришельцев, увидев, как я вывожу из строя термостат на пятом этаже.

— Так это ты включил отопление в пиццерии, где ужинала Сьюэнн со своим женихом? — спросила я. — И «Атаку душегубов» в прокате тоже ты взял?

— Я хотел с тобой поговорить. Сам виноват — надо было снять кепку, и ты бы мне

поверила, но я стеснялся своей лысины.

— Нельзя судить о людях по внешности, — заявила я.

К пятнадцатому декабря продажи головных уборов резко пошли на убыль, торговый центр был забит раздраженными покупателями, группа борьбы за права животных явилась в

Сити-Холл с протестом против меховой шубы Санта-Клауса, а бывшая жена Гэри пропустила первую консультацию, обвинив в этом его самого.

До Рождества осталось четыре дня, и все полностью вернулось на круги своя. На работе никто не носит шапок, кроме Джима; Сольвейг собирается назвать дочь Дуранго; Ханзигер судится с начальством из-за увольнения… Продажи антидепрессантов поползли вверх. Минуту назад позвонила мама: у Сьюэнн появился новый парень — террорист. Мама, как обычно, поинтересовалась, не встретила ли я кого-нибудь на работе.

— Встретила, — призналась я. — Приведу его на рождественский ужин.

Вчера Бетти Холланд подала в суд на Натана Стейнберга, обвиняя его в сексуальных домогательствах из-за поцелуя под омелой, а меня по дороге домой чуть не сбила машина. Зато мир избавился от опасности некроза, увядания листвы и наростов.

И это позволило мне написать интересный рождественский листок.

Выдумки, говорите?

Желаю вам всем веселого Рождества и счастливого Нового года!

Нэн Джонсон.

ПУТЕВОДИТЕЛИ

ПОЖАРНАЯ ОХРАНА[10]

История победила время, которое еще ничем не было побеждено, кроме вечности.
Сэр Уолтер Рэли.

20 сентября. Конечно, я тут же захотел взглянуть на ка мень пожарной охраны, и, естественно, его еще не установили. Его торжественно открыли в 1951 году, и его высокопреподобие настоятель Уолтер Мэтьюз произнес речь, а пока еще шел 1940 год. Я это прекрасно знал. Я ведь сходил посмотреть этот камень с дурацкой мыслью, что будет полезно обозреть место преступления. Куда полезнее, конечно, был бы ускоренный курс о Лондоне в период блица, не говоря уж о том, чтобы получить немножко времени на подготовку. Мне предложили обойтись и без того, и без другого.

— Путешествие во времени, мистер Бартоломью, это не поездка на метро, — сказал досточтимый мистер Дануорти, моргая за стеклами своих антикварных очков. — Либо вы отправитесь двадцатого, либо не отправитесь вовсе.

— Но я же не готов, — возразил я. — Ну послушайте! У меня ушло четыре года на подготовку для странствований со святым Павлом, а не с его собором! И вы не можете требовать, чтобы я за два дня приготовился к блицу в Лондоне.

— Можем, — сказал Дануорти. — И требуем.

— Два дня! — кричал я на Киврин, мою соседку по общежитию. — И все только потому, что какой-то паршивый компьютер добавил собор к святому Павлу! А досточтимый Дануорти даже глазом не моргнул, когда я ему объяснил, какая произошла накладка. «Путешествие во времени, молодой человек, это не поездка на метро, — заявляет он. — Рекомендую вам подготовиться. Вы отбываете послезавтра». Не человек, а сплошная

---

10 Fire Watch © Перевод. И. Гурова, 1997

некомпетентность!

— Вовсе нет, — говорит она. — Ничего подобного! Он здесь самый лучший. И может, тебе стоит прислушаться к его словам.

А я-то ждал от Киврин хоть чуточку сочувствия. Сама она чуть не в истерику впала, когда ее отправили в Англию XIV века вместо XV. А как эти века оцениваются по шкале практики? Даже учитывая инфекционные болезни — максимум на пятерку. Блиц тянул на восьмерку, а собор Святого Павла — с моим-то везением — весил полную десятку.

— По-твоему, мне следует еще раз поговорить с Дануорти? — Да.

— А дальше что? У меня в распоряжении двое суток. Я понятия не имею ни о деньгах, ни о языке, ни об истории. Ни малейшего.

— Он хороший человек, — сказала Киврин. — По-моему, тебе надо послушать его, пока есть такая возможность.

Старушка Киврин в своем репертуаре. Всегда кладезь сочувствия.

Из-за этого хорошего человека я и стоял сейчас в открытых дверях западного портала и таращил глаза, как провинциальный олух, каким, впрочем, мне и полагалось быть, высматривая мемориальный камень, которого там нет. Спасибо хорошему человеку! По его милости я был настолько не готов к моей практике, насколько это зависело от него.

Внутренности собора я почти не видел. Где-то в глубине мерцали свечи на аналое, а ближе по направлению ко мне двигалось смутное белое пятно. Причетник. А может, и сам высокопреподобный настоятель Мэтьюз. Я вытащил письмо моего дяди, священника в Уэльсе, которое предположительно должно было открыть доступ к настоятелю, а заодно погладил задний карман, проверяя, не потерял ли я «Микрооксфордский словарь английского языка, дополненный, с историческими приложениями». Я свистнул его из Бодлеинки, иными словами, достославной библиотеки Оксфордского университета. Конечно, во время разговора воспользоваться словарем я не мог, но если повезет, на первых порах я как-нибудь продержусь, улавливая общий смысл, а незнакомые слова посмотрю позже.

— Вы из веэспевео? — спросил он. По виду мой ровесник, ниже меня на целую голову и заметно более худой. Почти аскетически. Что-то в нем было родственное Киврин. Он прижимал к груди нечто белое. При других обстоятельствах я бы решил, что подушку. Но при других обстоятельствах я бы понял, что мне говорят, а так у меня не было времени очистить голову от средиземноморской латыни и иудейских законов, чтобы выучить лондонский жаргон, а также правила поведения во время воздушных налетов. Всего два дня с досточтимым Дануорти, который распространялся о священном долге историка вместо того, чтобы объяснить мне, что такое веэспевео.

— Так вы из веэспевео? — повторил он.

Я чутьбыло все-таки не вытащил «Микрооксфорд» — Уэльс ведь почти заграница, но вроде бы в 1940 году микрофильмов еще не существовало. Веэспевео? Это словечко могло означать что угодно, включая и пожарную охрану, а в таком случае потребность ответить «нет» могла все испортить.

— Нет, — сказал я.

Внезапно он рванулся вперед мимо меня и выглянул за дверь.

— Черт! — сказал он, возвращаясь ко мне. — Куда они запропастились, ленивые буржуазные стервы!

Вот и улавливай общий смысл!

Он подозрительно прищурился на меня, словно решив, что я все-таки из веэспевео и только скрываю это.

— Собор закрыт, — сказал он наконец.

— Я Бартоломью. Настоятель Мэтьюз здесь? — спросил я, предъявляя конверт.

Он продолжал смотреть наружу, видимо, в надежде, что ленивые буржуазные стервы все-таки появятся и можно будет накинуться на них, размахивая белой штуковиной. Потом обернулся ко мне и сказал тоном гида:

— Сюда, пожалуйста, — и шагнул во мрак собора. Слава богу, я запечатлел в памяти план собора, не то, последовав в кромешную тьму за взбешенным причетником, я не выдержал бы такой символической параллели с положением, в котором находился, и кинулся бы вон из собора через западные двери назад в Сент-Джонс-Вуд. Но я представлял, где нахожусь, и это давало спасительную зацепку. Вот сейчас мы проходим мимо номера 26 в «Путеводителе» — картина Ханта «Свет Миру», изображающая Иисуса с фонарем, — только в темноте ее не видно. А фонарь нам очень пригодился бы.

Мой проводник остановился так внезапно, что я чуть не налетел на него, и дал выход своему бешенству:

— Мы же не требуем номеров «люкс», а только десять раскладушек. Нельсону и то лучше, чем нам, ему хоть подушку под голову подложили! — Он взмахнул белой штуковиной, будто факелом во мраке. (Значит, это все-таки подушка!) Мы послали им запрос полмесяца назад и до сих пор спим на проклятущих героях Трафальгара, потому что эти сучки предпочитают поить томми чаем с плюшками в буфетах Виктории, а на нас им наплевать.

Он явно не ждал, что я что-нибудь отвечу на его излияния. И к лучшему, поскольку я понимал не больше одного ключевого слова из трех.

Он зашагал вперед, в сторону от кружка света, отбрасываемого одинокой свечкой на аналое, и остановился перед черной дырой. Номер двадцать пятый — лестница на Галерею шепота под куполом и в библиотеку (закрытую для посторонних). Вверх по ступенькам, дальше по коридору, и он опять остановился — на этот раз перед средневековой дверью.

— Мне надо вернуться высматривать их, — сказал он, постучав. — Не то они уволокут их в Аббатство. Попросите настоятеля еще раз им позвонить, хорошо? — И он зашагал назад к лестнице, по-прежнему прижимая к себе подушку, точно щит.

Постучать-то он постучал, но дверь была толщиной не меньше фута, а к тому же из дуба, и высокопреподобный настоятель явно стука не услышал. Я поднял руку, чтобы снова постучать. Очень мило! А человек, держащий точечную гранату, должен ее метнуть, но хоть ты и знаешь, что все кончится мгновенно и ты ничего не почувствуешь, а приказать себе «давай!» все равно труднее некуда. И я застыл перед дверью, проклиная на все корки исторический факультет, и досточтимого Дануорти, и навравший компьютер, из-за которых я очутился перед этой темной дверью, располагая только письмом от вымышленного дядюшки — письмом, от которого я ничего хорошего не ждал, как и от них всех. Даже прославленная Бодлеинка меня подвела. Справочный материал, который я для верности заказал через Баллиоль и главный терминал, теперь, наверное, уже лежит у меня в комнате на расстоянии какого-то столетия. А Киврин, которая уже прошла практику и, казалось бы, должна была сыпать советами, хранила молчание, точно статуя святой, пока я не взмолился к ней о помощи.

— Ты ходил к Дануорти?

— Да. И хочешь знать, какой бесценной информацией он меня облагодетельствовал? «Молчание и смирение — вот два бесценных бремени историка». Еще он сказал, что я влюблюсь в собор Святого Павла. Сияющие жемчужины мудрости из уст Учителя с большой буквы. К сожалению, мне-то надо знать, когда и куда будут падать бомбы, чтобы ни одна не угодила в меня. (Я плюхнулся на кровать.) И что ты порекомендуешь?

— Как у тебя с экстракцией? — спросила она. Я насторожился:

— Вообще-то неплохо. Думаешь, стоит ассимилировать?

— На это нет времени. По-моему, тебе надо запечатлеть все, что удастся, прямо в долгосрочную.

— То есть эндорфины? — спросил я.

Главная беда при использовании препаратов запечатления заключается в том, что запечатлеваемая информация даже на микросекунду не задерживается в вашей краткосрочной памяти, а это усложняет экстрагирование, не говоря уж о неприятнейших ощущениях, возникающих, когда внезапно узнаешь что-то, чего, как тебе твердо известно,

ты никогда прежде не видел и не слышал.

Впрочем, жутковатые ощущения — это мелочь по сравнению с проблемой экстрагирования. Никто еще точно не установил, каким образом мозг извлекает из запасников то, что ему требуется, но в этом, несомненно, участвует краткосрочная память. Короткое, иногда микроскопическое время, на которое информация задерживается в краткосрочной памяти, нужно как будто не только для претворения ее в речь. По-видимому, весь сложный процесс отбора и извлечения базируется в краткосрочной, и без ее помощи, без помощи препаратов, запечатлевших информацию, или их искусственных заменителей извлечь ее невозможно. Я пользовался эндорфинами на экзаменах, и никаких затруднений с экстрагированием у меня не возникало, так что, пожалуй, это был единственный способ запастись всеми необходимыми сведениями за остающееся у меня время. Однако это означало, что я ничего не осознаю даже на срок, необходимый, чтобы их забыть. Если когда эти сведения и поддадутся экстрагированию, я сразу буду знать что к чему. Но до тех пор мне от них никакого проку не будет, словно они и не хранятся вовсе в каком-то затянутом паутиной уголке моей памяти.

— Ты ведь сумеешь экстрагировать и без стимуляторов, верно? — сказала Киврин скептичным тоном.

— А куда мне деваться.

— Под стрессом? Без сна? При низком эндорфинном уровне?

В чем, собственно, состояла ее практика? Она ни разу словом о ней не обмолвилась, а студентам спрашивать самим не положено. Стрессы в Средневековье? По-моему, они там спали под стрессами как убитые.

— Надеюсь, — сказал я вслух. — Во всяком случае, попробую, раз ты полагаешь, что это поможет.

Она поглядела на меня мученическим взглядом и заявила:

— Помочь ничто не поможет.

Большое спасибо, святая Киврин Баллиольская.

Однако я тем не менее попытался. Все-таки лучше, чем сидеть в кабинете Дануорти, смотреть, как он мигает за стеклами своих исторически точных очков и расписывает, до чего мне понравится собор Святого Павла. Когда Бодлеинка не выполнила мои заказы, я истощил свой кредит и купил в магазине все кассеты на темы, какие мне только пришли в голову, — Вторая мировая война, кельтская Литература, история массовых переселений, путеводители и прочее. Затем я взял напрокат скоростной запечатлеватель и нагрузился. Когда я вышел из транса, меня так потрясло ощущение, что знаю я не больше, чем прежде, что я кинулся на метро в Лондон и взлетел на Ладгейт-Хилл проверить, не вызовет ли камень пожарной охраны хоть какие-нибудь воспоминания. Нет, не вызвал.

«Эндорфинный уровень у тебя еще не пришел в норму», — утешил я себя и постарался расслабиться. Куда там! Отправка на практику неумолимо надвигалась. А пули-то настоящие, мальчик! И пусть ты выпускник исторического факультета, проходящий практику, убьют тебя как миленького. В метро всю обратную дорогу я штудировал исторические справочники и продолжал их штудировать до нынешнего утра, когда подручные Дануорти явились доставить меня в Сент-Джонс-Вуд.

Тут я сунул микрооксфорд в задний карман и отправился в путь, чувствуя, что выкарабкаться смогу, только полагаясь на природную сметку, а также уповая, что в 1940 году отыщутся хоть какие-то стимуляторы. Уж первый-то день я как-нибудь сумею протянуть без осечек, думал я. И вот чуть ли не первое обращенное ко мне слово положило конец этой надежде.

Впрочем, не совсем. Вопреки совету Киврин ничем не загружать краткосрочную память я запечатлел в ней английские деньги, карту метро и карту моего Оксфорда. И пока продержался на этих сведениях. Так с какой стати ожидать подвоха от настоятеля?

Только я собрался с духом постучать, как он сам открыл дверь, и все действительно произошло быстро и безболезненно, как с точечником.

Я вручил ему письмо, а он пожал мне руку и сказал что-то вполне удобопонятное. Примерно:

— Весьма рад еще одному помощнику, Бартоломью.

Вид у него был до того усталый и измученный, что он, наверное, тут же испустил бы дух, скажи я ему, что блиц толькотолько начинается. Да знаю я, знаю! Держи язык за зубами. Священное молчание и пр. и пр.

— Попросим Лэнгби показать вам, что, как и где, — сказал он.

Подразумевая моего причетника с подушкой, решил я, и не ошибся. Он встретил нас внизу у лестницы, слегка отдуваясь, но ликуя.

— Раскладушки прибыли! — известил он настоятеля Мэтьюза. — Можно подумать, они оказали нам великое одолжение. Высоченные каблуки и гонор. «Из-за вас, миленький, мы остались без чая», — заявляет мне одна. «И отлично, — отвечаю. — Центнер-другой вам сбросить не помешает!»

Даже настоятель Мэтьюз словно бы не совсем его понял. И сказал:

— Вы отнесли их в крипту? — А затем познакомил нас. — Мистер Бартоломью приехал из Уэльса. Хочет присоединиться к нашим добровольцам.

(Добровольцы, а не пожарная охрана!)

Лэнгби показал мне, что, как и где, указывая на сгустки тьмы в глубоком сумраке, а затем потащил меня вниз полюбоваться десятью раскладушками, расставленными среди надгробий, а заодно указал и на саркофаг лорда Нельсона из черного мрамора.

Затем сообщил, что в первую ночь я дежурить не буду, и порекомендовал мне лечь спать, так как сон во время воздушных налетов — самая большая ценность. Я без труда ему поверил: подушку он прижимал к груди, точно возлюбленную после долгой разлуки.

— А сирены тут слышны? — спросил я, прикидывая, не прячет ли он под ней голову.

Он поглядел на низкие каменные своды:

— Кто их слышит, а кто нет. Бринтону требуется молоко с толокном, а Бенс-Джонс не проснется, даже если на него потолок обрушится. Мне нужна подушка. Очень важно отхватить свои восемь, несмотря ни на что. Не то превратишься в ходячего мертвеца. И погибнешь.

На этой бодрой ноте он удалился, чтобы развести дежурных по постам. А подушку оставил на раскладушке, приказав, чтобы я никому не позволял к ней прикасаться. И вот я сижу в ожидании первой в моей жизни воздушной тревоги и стараюсь записать все это, пока еще не превратился в ходячего (или лежачего) мертвеца.

С помощью украденного микрооксфорда я расшифровал некоторые высказывания Лэнгби. Более или менее. Стерва — либо труп издохшего животного, либо скверная, распутная женщина. (Полагаю, что верно второе, хотя с подушкой я напутал.) Буржуазный — эпитет для обозначения всех погрешностей среднего класса. Томми — солдат. Веэспевео я не отыскал, хотя испробовал разные возможные написания, и чуть было не махнул рукой, но тут в долгосрочной (спасибо тебе, святая Киврин!) всплыло что-то о широком распространении аббревиатур в военные годы, и я решил, что это первые буквы какого-то сложного названия. ВСПВО. Вспомогательная служба противовоздушной обороны. Ну конечно же! У кого еще требовать проклятущие раскладушки?

21 сентября. Теперь, когда я несколько свыкся с мыслью, что нахожусь здесь, и первый шок более или менее прошел, я осознал, что исторический факультет оставил меня в полном неведении, чем, собственно, я должен заниматься три месяца практики. Меня снабдили журналом для записей, письмом моего дядюшки, а также десятью фунтами довоенных денег и запузырили в прошлое. Десяти фунтов (уже уменьшившихся на стоимость проезда в поезде и в метро) должно мне хватить до конца декабря, а также на билет до Сент-Джонс-Вуда, места переброски, когда придет еще одно письмо, призывающее меня назад в Уэльс к одру занемогшего дядюшки. А до тех пор я буду жить здесь, в крипте, рядом с Нельсоном, которого, по словам Лэнгби, заспиртовали в гробу. При прямом

попадании, интересно бы знать, он вспыхнет как смоляной факел или просто тихой струйкой тления стечет на пол? Питание обеспечивается газовой горелкой, на которой можно вскипятить убогий чай или поджаривать неописуемую копченую рыбешку. В отплату за всю эту роскошь мне предстоит дежурить на крыше собора и гасить зажигательные бомбы.

Кроме того, я должен выполнить задание по практике, в чем бы оно ни заключалось. Впрочем, пока меня волнует только одно: как уцелеть до тех пор, пока не придет второе письмо от дяди и я не вернусь домой.

В ожидании, пока Лэнгби выберет время «показать мне что к чему», я занялся подручной работой — вычистил сковороду, на которой они жарят гнусных рыбешек, снес в алтарный конец крипты складные стулья и уложил их штабелем (а то они имели обыкновение вдруг складываться посреди ночи, грохоча хуже бомб) и попробовал уснуть.

Видимо, я не принадлежу к счастливчикам, способным сладко спать во время воздушных налетов. Почти до утра я оценивал собор Святого Павла с точки зрения риска. Практика тут должна тянуть минимум на шестерку. Ночью я не сомневался, что она потянет на всю десятку — с криптой в эпицентре взрыва. С тем же успехом я мог бы попроситься прямо в Денвер.

Пока же самое удивительное — я видел кошку! Она меня просто заворожила, но я стараюсь не подавать вида, потому что тут эти животные вроде бы ничем необычным не считаются.

22 сентября. Все еще в крипте. Время от времени в нее влетает Лэнгби, проклиная всевозможные службы (сплошные аббревиатуры!), обещает взять меня на крыши и уносится прочь. А я переделал всю подручную работу и научился пользоваться ножным насосом. Киврин явно сомневалась в моих способностях к экстракции, но пока никаких накладок. Даже наоборот. Я поискал информацию о тушении пожаров и во всех подробностях вспомнил справочник с иллюстрациями включительно — в том числе наглядную схему, как пользоваться ножным насосом. Если рыбки подпалят лорда Нельсона, я покажу себя героем.

Происшествие вчера ночью. Сирены завыли раньше обычного, и у нас в крипте укрылись уборщицы из Сити. Одна из них прервала мой крепкий сон, завопив громче любой сирены. Выяснилось, что она увидела мышь. Мы долго хлопали резиновыми сапогами между надгробиями и под раскладушками, пока не убедили ее, что мышь сбежала. А, вот какое задание имел в виду исторический факультет — борьба с мышами!

24 сентября. Лэнгби повел меня на экскурсию. Сначала на хоры, где я заново овладел тонкостями работы с ножным насосом, а также получил резиновые сапоги и жестяную каску. Лэнгби говорит, что коммандер Аллен раздобывает для нас асбестовые куртки, как у пожарных, но пока еще не раздобыл, так что мне придется обходиться моим пальто и шерстяным шарфом — на крышах очень холодно, хотя сейчас еще сентябрь. Но воздух прямо ноябрьский, да и общее ощущение тоже — уныло, пасмурно, без намека на солнце. Вверх под купол, а оттуда на крыши, которые считаются плоскими, но просто усеяны башнями, шпилями, желобами и статуями с таким расчетом, чтобы зажигательным бомбам было где прятаться или застревать вне досягаемости. Мне показали, как засыпать зажигалку песком, прежде чем прогорит крыша и заполыхает собор. Показали и веревки, сложенные у основания купола на случай, если нужно будет залезть на одну из западных башен или на купол.

Затем снова внутрь и на Галерею шепота.

Все это время Лэнгби говорил без умолку — сыпал инструкциями, вдавался в историю собора. Перед тем как выйти на галерею, он потащил меня к южным дверям, где, поведал он, Кристофер Рен, стоя среди дымящихся развалин старого собора, попросил рабочего принести с кладбища могильный камень, чтобы отметить место будущей закладки, а на камне оказалось высечено латинское слово, переводящееся как «Я восстану вновь», и совпадение так поразило Рена, что он распорядился высечь это слово над южным входом.

Лэнгби улыбался так самодовольно, словно анекдот этот не навяз в зубах любого первокурсника исторического факультета. Но вообще-то анекдот милый — если не помнишь о камне пожарной охраны.

Лэнгби погнал меня вверх по лестнице на узкий балкон Галереи шепота, где убежал далеко вперед, громогласно сообщая мне данные о размерах и акустике. Потом остановился и, глядя на стену напротив, сказал вполголоса:

— Вы так ясно слышите мой шепот благодаря форме купола. Звуковые волны усиливаются по его периметру. Во время бомбежек тут стоит такой грохот, словно мир рушится в Судный день. Купол имеет в поперечнике сто семь футов и поднимается над нефом на восемьдесят футов.

Я посмотрел вниз. Перила куда-то исчезли, и черно-белый мраморный пол ринулся на меня снизу с ужасающей скоростью. Я уцепился за что-то передо мной и упал на колени, оглушенный, борясь с головокружением. Из-за туч выплыло солнце, и внутренность собора залило золотом. Резное дерево хоров, белые каменные колонны, металлические трубы органа — все стало золотым, золотым…

Лэнгби нагибался надо мной, стараясь поднять меня, и кричал:

— Бартоломью, что с вами? Что случилось?

Мне надо было бы сказать ему, что, разожми я руки, собор и все прошлое обрушатся на меня, а этого я допустить не могу, я же историк. Что-то я ему сказал, но что-то совсем другое, потому что Лэнгби только удвоил усилия, оторвал-таки меня от перил и оттащил на лестницу. А там дал мне повалиться на ступеньки и попятился, не говоря ни слова.

— Не понимаю, что произошло, — сказал я. — Никогда прежде я не страдал боязнью высоты.

— Вас бьет озноб! — сказал он резко. — Вам надо лечь. И отвел меня в крипту.

25 сентября. Экстрагирование — справочник ПВО: симптомы, характерные для пострадавших при бомбежке. Стадия первая: оглушенность, бесчувственность к боли при травмах и ранениях, фразы, не имеющие смысла для посторонних. Стадия вторая: озноб, тошнота, ощущение боли, осознание утрат, возвращение к реальности. Стадия третья: болтливость, не поддающаяся контролю, стремление объяснить спасателям свое поведение под влиянием шока.

Лэнгби, безусловно, узнал симптомы, но чем он объясняет их при отсутствии бомбежки? И я не могу объяснить ему свое поведение под влиянием шока — и не только потому, что я историк.

Он ничего не сказал и назначил меня дежурить в первый раз завтра ночью так, словно ничего не произошло, и выглядит не более озабоченным, чем остальные. А те, с кем я успел познакомиться, заметно нервничают. (Согласно единственному воспоминанию в моей краткосрочной памяти, во время воздушных тревог все сохраняли удивительное спокойствие.) А с момента моего появления здесь ни единой бомбы вблизи не упало. Целью были главным образом Ист-Энд и доки.

Нынче ночью что-то говорилось о невзорвавшейся фугасной бомбе, и я задумался о том, как держался настоятель, о том, что собор закрыт, как вдруг вроде бы вспомнил, будто на всем протяжении блица он был открыт для молящихся. Как только представится возможность, попытаюсь экстрагировать сентябрьские события. Ну, а все остальное… какой у меня шанс экстрагировать нужную информацию, пока я не узнаю, что я должен тут осуществить? Если должен.

Для историка не существует ни директив, ни ограничений. Я бы мог объявить всем, что я из будущего, поверь они мне. Я бы мог убить Гитлера, доведись мне попасть в Германию. Но мог ли бы? Исторический факультет обсасывал парадокс времени и так и эдак, но аспиранты, вернувшиеся с практики, не говорят ни слова «за» или «против». Существует ли единое нерушимое прошлое или у каждого дня свое прошлое и мы, историки, изменяем его? К каким следствиям приводит то, что мы делаем, и приводит ли? И как мы осмеливаемся

делать что-то, понятия не имея, чем это чревато? Должны ли мы дерзко вмешиваться, уповая, что не навлечем гибели на всех нас? Или мы должны воздерживаться от действий и стоять сложа руки, пока, если так надо, собор Святого Павла сгорает у нас на глазах дотла, лишь бы не изменить будущего?

Прекрасные вопросы, когда занимаешься за полночь. Здесь они бессмысленны. Я так же не могу допустить, чтобы собор Святого Павла сгорел, как не могу убить Гитлера. Нет, вру! Мне вчера на галерее стало ясно, что я мог бы убить Гитлера, если бы поймал его, когда он поджигал собор Святого Павла.

26 сентября. Сегодня познакомился с девушкой. Настоятель Мэтьюз открыл-таки собор, так что пожарная охрана занялась его уборкой, и начали заходить молящиеся. Эта девушка напомнила мне Киврин, хотя Киврин много выше и ни за что не стала бы завивать волосы в такие тугие кудряшки. У нее было заплаканное лицо. Такое выражение появилось у Киврин после того, как она отбыла практику. Средние века ее доконали. Как бы она справилась тут? Наверное, излила бы свои страхи приходскому священнику. Жаль, если у ее подобия есть такое намерение.

— Не могу ли я вам помочь? — спросил я без малейшего желания помогать.

Она как будто огорчилась.

— Значит, вам не платят? — сказала она, вытирая платком красный носик. — Я читала про собор Святого Павла, про пожарную охрану и вообще. Ну и подумала, может, здесь найдется место для меня. В столовой там или вообще. Платное место.

В ее покрасневших глазах стояли слезы.

— Боюсь, столовой у нас нет, — сказал я насколько мог мягче, если вспомнить, как Киврин вечно испытывает мое терпение. — Как и настоящего бомбоубежища. Часть охраны ночует в крипте, и, боюсь, мы здесь все добровольцы.

— Значит, ничего не выйдет, — сказала она и вытерла глаза носовым платком. — Я люблю собор, но работать бесплатно не могу, теперь, когда мой младший брат Том вернулся с фермы, куда его эвакуировали.

Видимо, я чего-то недопонимал. Вопреки всем Внешним признакам уныния голос у нее звучал бодро, и заплакать она не заплакала.

— Мне надо подыскать, где нам жить. Раз Том вернулся, ночевать в метро нам нельзя.

Меня вдруг охватила безотчетная тревога, почти болезненная, которая иногда сопутствует невольной экстракции. — В метро? — переспросил я, пытаясь нащупать воспоминание.

— Обычно на станции «Марбл-Арч», — продолжала она. — Том, мой брат, занимает нам место загодя, и я… — Она умолкла, поднесла платок к носу и громко чихнула. — Извините. Такой противный насморк.

Красный нос, слезящиеся глаза, чихание. Заболевание верхних дыхательных путей. Я просто чудом не попросил ее не плакать! Пока лишь редкое везение спасало меня от непростительных ошибок, и не потому только, что у меня нет возможности добраться до долгосрочной памяти. Я не запасся и половиной необходимой информации — кошка, насморк, вид собора, озаренного солнцем… Рано или поздно я споткнусь обо что-нибудь мне неизвестное. Тем не менее вечером, сменившись с дежурства, я попробую экстрагировать. Хотя бы выясню, свалится ли на меня что-то, и если да, то когда именно.

Кошку я видел еще два раза. Она угольно-черная с белым пятном на груди, словно нарочно нарисованным по случаю затемнения.

27 сентября. Только что спустился с крыш, и меня все еще бьет дрожь. В начале налета бомбы в основном падали на Ист-Энд. Зрелище было грандиозное. Повсюду мечутся прожекторные лучи, в Темзе отражается небо, розовеющее заревом пожаров, зенитные снаряды рвутся, точно фейерверочные ракеты. Неумолчный оглушительный грохот, в который вплетается ноющее жужжание самолетов и тявканье зенитных орудий.

К полуночи бомбы начали падать все ближе и ближе с жутким воем, точно на меня накатывался поезд. Пришлось напрячь всю силу воли, чтобы не упасть ничком на крышу, но Лэнгби следил за мной, и я не хотел дать ему повод позлорадствовать, как тогда под куполом. А потому я держал голову высоко, а ведро с водой крепко, и очень этим гордился.

Нарастающий вой бомб прекратился часа в три, а затем, через полчаса затишья, по крышам собора загремел град. Все, кроме Лэнгби, начали хватать совки и насосы, он же уставился на меня, а я уставился на зажигалку. Она упала в нескольких метрах от меня за башней с курантами. Маленькая — куда меньше, чем я их себе представлял. Всего тридцать сантиметров длиной. Она свирепо фыркала, выбрасывая зеленоватобелое пламя, которое почти достигало места, где я стоял. Минута — и она, превратившись в расплавленную массу, начнет прожигать крышу. Стена огня, крики пожарных, а потом на мили — груды белого щебня. И ничего больше. Ничего. Даже камня пожарной охраны.

Вновь повторилась Галерея шепота — я поймал себя на том, что произношу какие-то слова, и взглянул на Лэнгби. Он улыбался кривой улыбкой.

— Святой Павел сгорит, — сказал я. — И не останется ничего.

— Да, — сказал Лэнгби. — Ведь задумано именно так? Сжечь собор Святого Павла? В этом суть плана?

— Чьего плана? — тупо спросил я.

— Гитлера, естественно, — ответил Лэнгби. — Кого еще, по-вашему, мог я иметь в виду? — И он небрежно взял свой насос.

Перед моими глазами словно вдруг возникла страница из справочника по ПВО. Я окружил кольцом песка бомбу, все еще полыхавшую огнем, схватил второе ведро и высыпал весь песок прямо на нее. Поднялось такое облако черного дыма, что я с трудом различал совок у себя в руке. Дым оказался таким едким, что у меня из глаз покатились слезы. Я отвернулся, утирая их рукавом, и увидел Лэнгби.

Он палец о палец не ударил, чтобы помочь мне, а теперь опять улыбнулся:

— Не такой уж глупый план, но, конечно, мы ничего подобного не допустим. Для того и создали пожарную охрану. Для того, чтобы помешать его исполнению, верно, Бартоломью?

Теперь я знаю, зачем меня прислали на практику именно сюда: чтобы помешать Лэнгби сжечь собор дотла.

28 сентября. Пытаюсь убедить себя, что вчера ночью ошибся, неверно истолковал фразу Лэнгби. Зачем ему сжигать собор? Во всяком случае, если он не нацистский шпион. А как мог бы нацистский шпион затесаться в пожарную охрану? Тут я припомнил мое собственное подделанное письмо, и по коже у меня забегали мурашки.

Как это выяснить? Если я устрою ему проверку, задам вопрос, ответ на который в 1940 году мог знать только патриотически настроенный англичанин, то, боюсь, разоблачен буду я сам. Нет, я должен, должен наладить экстракцию.

А до тех пор буду следить за Лэнгби. Пока это не составит труда. Он как раз объявил расписание дежурств на следующие две недели. Мы с ним в одной смене.

29 сентября. Я знаю, что произошло в сентябре. Мне рассказал Лэнгби. Вчера вечером на хорах, когда мы переодевались для дежурства, он вдруг сказал:

— Они, знаете, уже пытались.

Я понятия не имел, о чем он говорит, и растерялся прямо как в первый день, когда он спросил, не из веэспевео ли я.

— Привести в исполнение план уничтожения собора. Они уже пытались. Десятого сентября. Тяжелой фугасной бомбой. Ну да вы, конечно, об этом не знаете. Вы же еще были у себя в Уэльсе.

Но я уже не слушал. Едва он упомянул тяжелую фугасную бомбу, как я все вспомнил. Она пробила мостовую и застряла в фундаменте. Команда обезвреживания попыталась

удалить взрыватель, но из поврежденной трубы бил газ, тогда они решили эвакуировать всех из собора. Однако настоятель Мэтьюз отказался его покинуть, так что ее все-таки обезвредили и взорвали в Баркингских болотах. Миг — и полная экстракция.

— Команда обезвреживания спасла его в тот раз, — продолжал Лэнгби. — Словно бы всегда кто-то оказывается в нужном месте.

— Да, — сказал я и отошел от него.

1 октября. Я было поверил, что вчерашняя экстракция событий десятого сентября знаменует, так сказать, прорыв в долгосрочную память.

Но я почти всю ночь пролежал на своей раскладушке, нащупывая нацистских диверсантов в соборе Святого Павла, и никаких результатов. Или мне необходимо точно знать, что именно я ищу, и только тогда придет воспоминание? Какая мне от этого польза?

Может быть, Лэнгби не нацистский шпион. Но кто же он в таком случае? Поджигатель? Сумасшедший? Крипта не слишком способствует размышлениям, поскольку могильная тишина в ней отнюдь не царит Уборщицы переговариваются чуть ли не всю ночь напролет, а грохот рвущихся бомб почему-то кажется более страшным оттого, что он приглушен толстыми сводами. Я ловлю себя на том, что напрягаю слух в ожидании. Под утро, когда я все-таки задремал, мне приснилось прямое попадание в станцию метро — лопнувшие водопроводные трубы, тонущие люди.

4 октября. Сегодня попытался поймать кошку. Мне пришло в голову натравить ее на мышь, которая терроризирует уборщиц. И еще я хотел рассмотреть ее поближе. Я взял ведро, из которого ночью заливал раскаленные осколки зенитного снаряда. В нем еще оставалась вода, но не столько, чтобы утопить кошку, и я решил накрыть ее ведром, подсунуть под него руку, ухватить кошку, отнести ее в крипту и науськать на мышь. Но мне даже приблизиться к ней не удалось.

Я взмахнул ведром, и вода выплеснулась — самая чуточка. Мне казалось, я помнил, что кошка домашнее животное, но, видимо, тут вкралась какая-то ошибка. Широкая, благодушная морда вдруг преобразилась в жуткую маску с оттяну-то№К прижатым ушам кожей, а безобидные (как я считал) лапки вдруг вооружились устрашающими когтями, и кошка испустила вопль, с каким не потягалась бы никакая уборщица.

От удивления я выронил ведро, и оно откатилось к колонне. Кошка исчезла. У меня за спиной Лэнгби сказал:

— Так кошек не ловят.

— Бесспорно, — ответил я и нагнулся поднять ведро.

— Кошки ненавидят воду, — продолжал он тем же бесцветным голосом.

— А! — сказал я и прошел с ведром мимо него, направляясь на хоры. — Я не знал.

— Это знают все. Даже уэльские дураки.

8 октября. Эту неделю дежурства сдваивались — бомбежечное полнолуние. Лэнгби на крыши не поднимался, а потому я отправился искать его в соборе и увидел, что он стоит у западных дверей, разговаривая с каким-то стариком с газетой под мышкой. Вдруг старик протянул газету Лэнгби, но тот сразу же вернул ее, а старик увидел меня и выскочил вон.

— Турист, — сказал Лэнгби. — Спрашивал, как пройти в мюзик-холл «Уиндмилл». Прочел в газете, что девицы там сногсшибательные.

Я знаю, по моему лицу было видно, что я ему не поверил. Во всяком случае, он сказал:

— У вас паршивый вид, старина. Не выспались? Я найду вам замену на первое дежурство.

— Не надо, — ответил я холодно. — Отдежурю сам. Мне нравится на крыше.

А про себя добавил: «Где я могу следить за тобой!» Он пожал плечами и сказал:

— Пожалуй, крыша все-таки приятнее крипты. На крыше хоть услышишь ту, которая тебя накроет.

10 октября. Я думал, сдвоенные дежурства могут быть мне полезны, отвлекут, заставят забыть мою неспособность к экстрагированию. Принцип, согласно которому надо делать вид, будто не следишь за молоком, а то оно не закипит. Но бывает, что он срабатывает. Займешь чем-нибудь мысли на несколько часов — или хорошенько выспишься, — и факты всплывают на поверхность сами собой, без стимуляторов.

О том, чтобы выспаться, можно было и не мечтать. Не только уборщицы болтают без умолку, но и кошка теперь поселилась в крипте, ластится ко всем, испуская сиреноподобные звуки, и выпрашивает рыбешку. Я перетащу свою раскладушку из трансепта к Нельсону, прежде чем пойду дежурить. Он хоть и проспиртован, а помалкивает.

11 октября. Мне приснился Трафальгар. Грохотали корабельные пушки, клубился дым, сыпалась штукатурка, и Лэнгби выкрикивал мое имя. Разлепив глаза, я было подумал, что обрушились складные стулья, — сквозь дым ничего нельзя было различить.

— Иду, — откликнулся я и заковылял к Лэнгби, натягивая сапоги.

В трансепте громоздилась куча из штукатурки и складных стульев, Лэнгби торопливо ее раскапывал.

— Бартоломью! — крикнул он, отбрасывая кусок штукатурки. — Бартоломью!

Мне все еще чудился дым, и я сбегал за насосом, а потом опустился на колени рядом с Лэнгби и ухватил отломившуюся спинку стула. Она не поддалась, и тут меня осенило: под ней труп! Потянусь к куску штукатурки и прикоснусь к мертвой руке… Я сел на пятки, перебарывая тошноту, а потом опять принялся рыться в куче.

Лэнгби слишком уж торопливо орудовал ножкой стула, и я ухватил его за запястье, чтобы придержать, но он дернул рукой так, словно я был обломком, который следовало отшвырнуть подальше. Потом он поднял большой пласт штукатурки, и открылся пол.

Я поглядел через плечо. Обе уборщицы испуганно жались в нише за ангелом.

— Кого вы ищете? — спросил я, трогая Лэнгби за плечо.

— Бартоломью, — ответил он, расшвыривая мусор. Его руки, облепленные серой пылью, кровоточили.

— Вот я, — сказал я. — Цел и невредим. — Тут я поперхнулся дымком пыли. — Я переставил раскладушку в другое место.

Он резко обернулся к уборщицам и спросил с полным хладнокровием:

— Так что тут под штукатуркой?

— Только газовая горелка, — робко ответила одна из глубины ниши. — И бумажник миссис Голбрейт.

Лэнгби начал шарить в обломках и откопал их. Из горелки шел газ. Огонь, естественно, потух.

— Все-таки вы спасли собор и меня, — заметил я, стоя в одном белье, но в сапогах и держа бесполезный насос. — Мы все могли бы задохнуться от газа.

— Мне не следовало вас спасать, — сказал он.

Стадия первая: оглушенность, бесчувственность к боли при травмах и ранениях, фразы, не имеющие смысла для посторонних. Он еще не сознает, что его руки все в глубоких царапинах, он не вспомнит того, что сказал. Он сказал, что ему не следовало спасать мне жизнь.

— Мне не следовало бы вас спасать, — повторил он. — Я обязан думать о своем долге.

— У вас все руки в крови, — сказал я резко. — Вам надо лечь!

Говорил я тем же тоном, какой был у него тогда на галерее.

13 октября. Это была фугасная бомба. Она пробила дыру в хорах, некоторые мраморные статуи разбиты, но свод крипты не обрушился вопреки тому, что мне было почудилось. Только штукатурка местами осыпалась.

Не думаю, что Лэнгби помнит о своих словах. Это должно обеспечить мне некоторое

преимущество: ведь теперь я знаю, откуда грозит опасность, и могу быть уверен, что она не подстерегает где-то еще. Только что толку, если мне неизвестно, что он сделает и когда.

Уж наверное, факты, касающиеся этой бомбы, хранятся в моей долгосрочной, но даже обрушившаяся штукатурка не вышибла их наружу на этот раз. Сейчас я даже не пытаюсь экстрагировать, а просто лежу в темноте и жду, пока на меня не обвалится свод. И вспоминаю, как Лэнгби спас мне жизнь.

15 октября. Сегодня опять приходила та девушка. Насморк не прошел, но платное место она получила. Смотреть на нее было одно удовольствие: щегольская форма, туфли с открытыми носками, а лицо обрамляют тщательно завитые кудряшки. Мы все еще убираем мусор после бомбы, и Лэнгби отправился с Алленом за досками для хоров, а потому я спокойно подметал и слушал ее болтовню. От пыли она расчихалась, однако теперь я твердо знал, что с ней.

Она сообщила, что ее зовут Энола и что она устроилась в женскую добровольческую службу: заведует передвижным пунктом питания — из тех, что посылаются на пожары. И пришла она — только вообразить! — чтобы поблагодарить меня за эту работу. По ее словам, когда она объяснила, что при соборе нет настоящего бомбоубежища с пунктом питания, ей поручили участок в Сити.

— Ну и когда я окажусь поблизости, то буду забегать, рассказывать вам, что у меня и как, верно?

Она и ее брат Том все еще ночуют в метро. Я спросил, безопасно ли там, а она ответила, что навряд ли, зато там хотя бы не услышишь ту, которая тебя накроет, а это уже счастье.

18 октября. До того устал, что даже пишу с трудом. Девять зажигалок за ночь и бомба на парашюте, которая грозила опуститься на купол, но тут ветер отнес парашют в сторону. Всего во время моих дежурств я погасил их двадцать, не меньше, и помогал другим гасить их десятки и десятки. Но что толку? Еще одна зажигалка в ту секунду, когда Лэнгби останется без присмотра, — и все насмарку.

Вот отчасти почему меня одолевает такая усталость. Каждую ночь я надрываюсь, исполняя свои прямые обязанности, следя за Лэнгби и стараясь замечать каждую зажигалку. А после спускаюсь в крипту и терзаю себя, пытаясь экстрагировать что-нибудь о диверсантах, пожарах и соборе Святого Павла осенью 1940 года, ну хоть что-нибудь! Мучаюсь, потому что делаю слишком мало, но не знаю, что еще я мог бы сделать. Без экстрагирования я так же беспомощен, как бедные люди вокруг, не знающие, что принесет им завтра.

Если придется, буду заниматься тем, чем занимаюсь, пока меня не отзовут домой. Он не сможет сжечь собор, пока я тут, чтобы гасить зажигалки. «Я обязан думать о своем долге!» — сказал Лэнгби в крипте.

А я — о своем!

21 октября. После взрыва прошло две недели, а я только сейчас сообразил, что стой ночи мы ни разу не видели кошки. Под штукатуркой она не погибла. Когда мы с Лэнгби убедились, что там никого нет, то для верности перебрали мусор еще дважды. Но ведь она могла быть и на хорах!

Старик Бенс-Джонс советует не переживать.

— Ничего с ней не случилось, — сказал он. — Немцы могут сровнять Лондон с землей, но кошки высыпят им навстречу всей оравой. А почему? Да потому, что они никого не любят. Половина нас гибнет как раз поэтому. Ночи две назад старушка в Степни погибла, стараясь спасти свою кошку. А чертова тварь отсиживалась в бомбоубежище.

— Так где же наша?

— В безопасном месте, можете не сомневаться. Раз она ушла из собора, значит, нас

прихлопнет. Старая примета, будто крысы бегут с тонущего корабля, глубокое заблуждение. Бегут-то бегут, да только не крысы, а кошки.

25 октября. Снова появился турист Лэнгби. Вряд ли он все еще разыскивает мюзик-холл. И опять под мышкой у него была газета. Он спросил Лэнгби. Но тот с Алленом в другом конце города пытался раздобыть асбестовые куртки. Но я разглядел название газеты. «Уоркер». Нацистская рабочая газета?

2 ноября. Я провел на крышах целую неделю, помогая рабочим, на редкость безруким, заделывать дыру, оставленную бомбой. Они просто безобразничали. У края оставили зияющее отверстие, в которое может свободно провалиться человек, и утверждают, что ничего страшного: свалитесь-то вы не на пол, а на перекрытия и «живы останетесь». И не желают понять, что зажигалка там останется незамеченной.

А Лэнгби ничего другого и не надо. Ему даже не придется поджигать собор. Достаточно устроить так, чтобы одна-единственная зажигалка горела без помех до той секунды, когда уже поздно будет ее гасить.

Ничего не добившись от рабочих, я спустился вниз пожаловаться Мэтьюзу. И увидел за колонной Лэнгби с туристом возле окна. Лэнгби держал газету и что-то ему говорил. Когда я час спустя сбежал по лестнице из библиотеки, они все еще были там. Отверстие тоже никуда не делось. Мэтьюз сказал, что мы закроем его досками и будем надеяться на лучшее.

5 ноября. Я оставил все попытки экстрагировать. Я до того не высыпаюсь, что не способен извлечь сведения о газете, название которой знаю. Сдвоенные дежурства стали правилом.

Уборщицы покинули нас, как и кошка, а потому в крипте тихо, но спать я не могу.

Стоит мне задремать, и начинаются сны. Вчера мне приснилось, что Киврин стоит на крыше, одетая как святая. «Каким было твое задание на практике? — спросил я. — Что ты должна была установить?»

Она вытерла нос платком и ответила:

«Две вещи. Во-первых (тут она замолчала и чихнула), не ночуй в метро».

У меня остается одна надежда — найти искусственный стимулятор и вызвать транс. Загвоздка в том, что время искусственных эндорфинов, да и галлюциногенов еще не наступило. Алкоголь, бесспорно, наличествует, но мне надо что-нибудь покрепче эля, единственного алкогольного напитка, название которого мне известно. Спросить у других дежурных я не решаюсь. Лэнгби и так относится ко мне с подозрением. Опять за микрооксфорд в поисках неизвестного мне слова.

11 ноября. Кошка вернулась. Лэнгби снова отправился с Алленом выбивать асбестовые куртки, а потому я решил, что можно без опасений покинуть собор. Я отправился в бакалею за съестными припасами, а также в надежде подобрать стимулятор. Час был уже поздний, и сирены завыли прежде, чем я дошел до Чипсайда. Однако до темноты налетов обычно не бывает. Времени на покупки ушло порядком, и еще больше — на то, чтобы собраться с духом и спросить, есть ли у него алкоголь. (Он ответил, что мне надо обратиться в пивную.) И, выйдя на улицу, я словно провалился в черную яму. И уже понятия не имел, в какой стороне находится собор, где улица да и бакалея, откуда я только что вышел. Я стоял на том, что перестало быть тротуаром, сжимая пакет с рыбешкой и хлебом в руке, которую не разглядел бы, даже поднеся ее к лицу. Я покрепче стянул шарф, ожидая, пока мои глаза попривыкнут к темноте. Но не было хотя бы слабенького света, который они могли бы уловить. Я бы обрадовался даже луне, хотя в соборе все дежурные ее клянут и называют пособницей Гитлера. И даже автобусу — закрашенные фары все-таки отбросили бы достаточно света, чтобы я сориентировался. Или прожекторным лучам в небе. Или вспышке зенитного снаряда. Ну хоть чему-нибудь.

И тут я действительно увидел автобус — две узкие желтые полоски вдали. Я шагнул в сторону и чуть не слетел с тротуара. Но из этого следовало, что автобус стоит поперек улицы и, значит, автобусом быть не может. Совсем рядом мяукнула кошка и потерлась о мою ногу. Я посмотрел вниз — желтые огоньки, которые принял было за автобусные фары. Вот ее глаза какой-то свет улавливали — хотя я мог бы поклясться, что на мили вокруг ни малейшего света не было, — и отражали его прямо на меня.

— Старушка, тебя заберут за такое нарушение затемнения, — сказал я. — Или на тебя прицельно сбросят бомбу.

Внезапно мир озарился. Прожекторы ударили лучами в небо, и заблестела Темза, указывая мне путь домой.

— Пришла за мной, старушка? — весело спросил я. — Где ты пропадала? Поняла, что у нас кончилась рыбка? Вот это истинная верность!

Я разговаривал с ней всю обратную дорогу до дома и выдал ей полрыбешки за спасение моей жизни. Бенс-Джонс сказал, что к бакалейной ее привлек запах молока.

13 ноября. Мне приснилось, что я заблудился в затемнении. Я поднес руки к лицу и не увидел их, а потом пришел Дануорти и посветил на меня карманным фонариком. Но увидел я только, откуда иду, а не куда.

«Какая им от него польза? — сказал я. — Свет им нужен, чтобы видеть, куда они идут».

«Даже свет от Темзы? Даже свет пожаров и рвущихся зенитных снарядов?» — сказал Дануорти.

«Да! Что угодно, лишь бы не эта жуткая тьма».

Он подошел, чтобы отдать мне фонарик. Только не карманный электрический, а фонарь Христа с хантовской картины в южном приделе собора.

Я посветил на край тротуара, чтобы отыскать дорогу домой, но свет лег на камень пожарной охраны, и я сразу задул огонек.

20 ноября. Сегодня я попробовал поговорить с Лэнгби.

— А я видел, как вы беседовали с этим пожилым джентльменом.

Фраза прозвучала как обвинение, чего я и хотел. Пусть подумает, что я обо всем догадываюсь, и откажется от своих планов, в чем бы они ни заключались.

— Читал, — сказал он, — а не беседовал.

Мы разговаривали на хорах, где он укладывал мешки с песком.

— Знаю! Я видел, как вы читали! — заявил я воинственно, и он выронил мешок из рук.

— Ну и что? — сказал он, выпрямляясь. — У нас свободная страна. Я могу читать старику, как вы можете чесать языком с вашей стервочкой из ЖДС.

— И что же вы читали?

— То, что его интересовало. Он старик. И привык, возвращаясь с работы, выпивать рюмочку коньяку, слушая, как жена читает ему газету. Она погибла в бомбежку. Теперь я читаю ему. И не вижу, какое вам дело.

Его слова прозвучали искренне. Ложь была бы продуманно небрежной, и я бы ему поверил, если бы не слышал однажды искренность в его голосе. Тогда, в крипте. После падения бомбы.

— Я думал, он турист и интересуется дорогой в мюзик-холл, — сказал я.

Лэнгби всего секунду смотрел на меня с недоумением, а потом сказал:

— А, да! Он дал мне газету, чтобы я прочел ему адрес. Очень ловко! Я и не догадался, что старик сам прочесть

адрес не мог! Что же, достаточно! Я понял, что он лжет. А он положил мешок с песком почти мне на ногу.

— Вам, конечно, это трудно понять, верно? Добрый поступок, и только.

— Да, — ответил я холодно. — Конечно.

Все это не доказательство. И он ни о чем не проговорился, разве что назвал возможный

стимулятор. Не могу же я пойти к настоятелю Мэтьюзу и обвинить Лэнгби в том, что он читает вслух газету!

Я выждал, пока он не кончил возиться на хорах и не спустился в крипту. А тогда выволок мешок на крышу к дыре. Доски пока держатся, но все обходят их стороной, точно могилу. Я вспорол мешок и смотрел, как песок сыплется в отверстие. Если Лэнгби решит, что это самое удобное место для зажигалки, может быть, в песке она погаснет.

21 ноября. Я отдал Эноле часть «дядюшкиных» денег и попросил купить мне коньяка. Она замялась, чего я никак не ожидал (видимо, это чревато какими-то социальными сложностями), но потом обещала.

Не понимаю, зачем она приходила. Начала было рассказывать про своего брата, про какие-то его проказы в метро и как ему влетело от полицейского, но ушла, так и не докончив свою историю, после того как я попросил ее купить коньяк.

25 ноября. Приходила Энола, но без коньяка. Она на несколько дней уезжает в Бат к тетке. Ну, во всяком случае, во время налетов я смогу не опасаться за нее. Она докончила историю про Тома и добавила, что надеется оставить его у тетки до конца бомбежек, но не уверена, что та согласится.

Юный Том, видимо, не столько симпатичный проказник, сколько почти юный преступник. На станции «Бэнк-стрит» его дважды ловили, когда он залезал в чужие карманы, вот им и пришлось перебраться в «Марбл-Арч». Я постарался утешить ее, как смог. Повторял, что у всех мальчиков бывают такие периоды. По правде говоря, мне хотелось заверить ее, что она может о нем не тревожиться. Судя по всему, юный Том принадлежит к тем, кто выживает в самых экстремальных условиях, как моя кошка, как Лэнгби. Полное равнодушие ко всем, кроме себя, и все основания пережить блиц, а затем преуспеть в жизни.

Тут я спросил, купила ли она коньяк.

Она уставилась на свои туфли без носков и расстроенно пробормотала:

— Я думала, вы про это забыли.

Я тут же сочинил, что дежурные по очереди покупают бутылку на всех, и она словно бы чуть повеселела, но не исключено, что она использует поездку в Бат как предлог, чтобы не исполнить моей просьбы. Придется мне самому покинуть собор и купить коньяк. Однако оставить Лэнгби без присмотра слишком рискованно. Я взял с нее обещание принести коньяк сегодня же до ее отъезда. Но она еще не вернулась, а сигнал воздушной тревоги уже дали.

26 ноября. Энолы все нет, а их поезд, по ее словам, отходит в полдень. Наверное, мне следует радоваться, что она хотя бы благополучно выбралась из Лондона. Может, в Бате она отделается от своего насморка.

Сегодня вечером забежали девушки из ЖДС забрать у нас «временно» половину раскладушек и рассказали нам про то, во что превратилось наземное бомбоубежище после прямого попадания. Четверо убитых, двенадцать раненых. Случилось это в Ист-Энде.

— Хорошо, что хоть не в станцию метро, — закончила она. — Вот тогда бы такое было, дальше некуда. Верно?

30 ноября. Мне приснилось, что я захватил кошку с собой в Сент-Джонс-Вуд.

«Это спасательная экспедиция?» — спросил Дануорти.

«Нет, сэр, — ответил я с гордостью. — Я отгадал цель моей практики. Установить идеал выживаемости. Закаленность, находчивость, эгоизм. Вот единственный безупречный образчик. Лэнгби мне, как вам известно, пришлось убить, чтобы он не сжег собор Святого Павла. Брат Энолы уехал в Бат, а остальные не дотягивают до эталона. Энола носит туфли без носков зимой, спит в метро и закручивает волосы на металлические защипки, чтобы они вились. Ей блица не пережить».

А Дануорти сказал:

«Может быть, вам следовало ее спасти. Как, вы сказали, ее имя?»

— Киврин, — ответил я и проснулся, дрожа от холода.

5 декабря. Мне приснилось, что у Лэнгби есть точечная граната. Он нес ее под мышкой в оберточной бумаге, будто пакет: вышел из метро на станции «Собор святого Павла» и направился вверх по Ладгейт-Хиллу к западным дверям.

«Так нечестно! — сказал я, протягивая руку, чтобы его остановить. — Сегодня пожарная охрана не дежурит».

Он прижал гранату к груди, точно подушку.

«Все ваша вина!» — сказал он и, прежде чем я успел схватить ведро и насос, швырнул ее в открытые двери.

Точечные фанаты изобрели только на самом исходе XX века, и прошло еще десять лет, прежде чем низвергнутые коммунисты добрались до них и модифицировали настолько, что их стали носить под мышкой. Пакетец, который сметет Сити с лица земли на четверть мили вокруг.

Слава богу, что хоть этот сон не сбудется.

Во сне утро было солнечным, и правда, когда я сменялся с дежурства, впервые за несколько недель в небе сияло солнце. Я спустился в крипту, а потом снова поднялся наверх, дважды обошел крыши, потом лестницы и стены снаружи, заглядывая во все укромные закоулки, где зажигалка могла остаться незамеченной. После этого у меня отлегло от сердца, но едва я заснул, как снова увидел сон — на этот раз пожар, а Лэнгби смотрел на огонь и улыбался.

15 декабря. Утром я чуть не наступил на кошку. Всю ночь налет следовал за налетом, но по большей части в направлении Каннинг-Тауна, а на крыши собора попаданий почти не было. Однако кошка лежала мертвая. Я нашел ее на ступеньках, когда утром отправился в свой личный обход. Удар воздушной волны. На теле ни малейших повреждений, только белое пятно на груди, такое удобное во время затемнения. Но едва я взял ее на руки, под шкуркой она словно превратилась в студень.

Я не знал, как поступить с ней. На одно безумное мгновение я решил попросить у Мэтьюза разрешения похоронить ее в крипте. Почетная гибель на войне! Трафальгар, Ватерлоо, Лондон. Смерть в сражении. В конце концов я завернул ее в шарф, спустился с Ладгейт-Хилла и закопал ее в мусор внутри выпотрошенного бомбой дома. Какой толк? Мусор не укроет ее от собак или крыс, а другого шарфа мне взять негде — «дядюшкины» деньги почти все истрачены.

И зря я рассиживаюсь тут. Закоулки я не проверил и остальные лестницы тоже. А где-то притаилась несработавшая зажигалка, или замедленного действия, или еще что-нибудь в том же роде.

Прибыв сюда, я ощущал себя доблестным защитником, спасателем прошлого. Но у меня ничего не ладится. Хорошо хоть, что Энолы тут нет. Если бы я мог отправить в Бат на сохранение весь собор! Вчера ночью обошлось почти без налетов. Бенс-Джонс говорил, что кошки выживают при любых обстоятельствах. Что, если она шла за мной? Чтобы проводить меня вниз? А все бомбы падали на Каннинг-Таун.

16 декабря. Энола уже неделю как вернулась. Увидев ее на ступеньках у западных дверей, где я нашел кошку, и сообразив, что она опять ночует на станции «Марбл-Арч», а вовсе не находится вне опасности, я был оглушен.

— Я думал, вы в Бате! — вырвалось у меня.

— Тетя согласилась взять Тома, но без меня. У нее полон дом эвакуированных детей. От них с ума можно сойти. А где ваш шарф? Тут на холме такой холодище!

— Мне… — пробормотал я и замялся, не в силах сказать правду. — Я его потерял.

— Другого вы не купите! Вот-вот введут талоны на одежду. И на шерсть тоже. Другого такого у вас не будет.

— Знаю, — ответил я, моргая.

— Терять хорошие вещи! — сказала она. — Да это же преступление, если хотите знать!

По-моему, я ничего не ответил, просто повернулся и ушел, опустив голову, высматривать бомбы и мертвых животных.

20 декабря. Лэнгби не нацист. Он коммунист. Рука не поворачивается написать это. Коммунист!

Уборщица нашла за колонной номер «Уоркера» и отнесла его в крипту, как раз когда мы спускались туда после смены.

— Чертовы коммунисты! — сказал Бенс-Джонс. — Пособники Гитлера. Коммунисты поносят короля, сеют смуту в убежищах. Предатели — вот они кто!

— Англию они любят не меньше вашего, — возразила уборщица.

— Никого они не любят, кроме себя, эгоисты чертовы! Не удивлюсь, если выяснится, что они названивают Гитлеру по телефону: «Але, Адольф! Бомбы надо вот куда кидать!»

Чайник на горелке присвистнул. Уборщица встала, налила кипяток в щербатый чайничек для заварки и снова села.

— Ну, пусть они говорят, что думают, это же еще не значит, что они сожгут Святого Павла, верно?

— Абсолютно верно, — сказал Лэнгби, спускаясь по лестнице. Он сел, стащил резиновые сапоги и вытянул ноги в шерстяных носках. — Так кто же не сжег Святого Павла?

— Коммунисты, — ответил Бенс-Джонс, глядя на него в упор, и мне пришло в голову, что и он, возможно, относится к Лэнгби с подозрением.

Но тот и бровью не повел.

— На вашем месте я бы не стал тревожиться из-за них. Изо всех сил пока стараются его сжечь немцы. Уже шесть зажигалок, и одна чуть не угодила в дыру над хорами. — Он протянул чашку уборщице, и она налила ему чаю.

М не хотелось убить его, швырнуть в пыль и мусор на полу крипты, под растерянными взглядами Бенс-Джонса и уборщицы. Хотелось крикнуть, предупреждая их и остальных дежурных: «А вы знаете, что сделали коммунисты? — крикнул бы я. — Знаете? Мы должны его остановить!» Я даже вскочил и шагнул туда, где он сидел, развалясь, вытянув ноги, все еще в асбестовой куртке.

И от мысли о залитой солнцем галерее и о коммунисте, выходящем из метро, небрежно зажав под мышкой пакет, я вновь ощутил тошноту, беспомощность и горечь своей вины.

Я опять присел на край раскладушки и попытался сообразить, что я все-таки мог бы сделать.

Они не отдают себе отчета в опасности. Даже Бенс-Джонс, сколько он ни твердит о предателях, на самом деле считает их способными лишь поносить короля. Они тут не знают, не могут знать, во что превратятся коммунисты. Сталин скоро станет союзником. Коммунизм станет синонимом России для них. Они же ничего не слыхали ни про Каринского, ни про Новую Россию, ни про все то, из-за чего слово «коммунист» будет звучать как «чудовище». И никогда не узнают. К тому времени, когда коммунисты уподобятся тому, чему уподобятся, пожарная охрана исчезнет. Только мне понятно, каково это — услышать наименование «коммунист» здесь, в соборе Святого Павла.

Коммунист! Я должен был бы догадаться. Должен!

22 декабря. Опять сдвоенные дежурства. Я совсем не сплю и еле держусь на ногах. Сегодня утром чуть было не провалился в дыру. Еле-еле успел удержаться, упав на колени. Эндорфинный уровень у меня дико скачет, и совершенно очевидно, что мне необходимо выспаться, пока я окончательно не превратился в ходячего мертвеца, как выражается Лэнгби.

Если бы мне удалось раздобыть стимулятор, думаю, транс я бы сумел вызвать, каким

бы скверным ни было мое состояние. Но я не могу отлучиться даже в пивную. Лэнгби почти не покидает крыш, выжидая удобного момента. Когда придет Энола, надо во что бы то ни стало уговорить ее принести мне коньяк. Остаются считанные дни.

28 декабря. Сегодня утром пришла Энола. Я в западном портале возился с рождественской елкой — ее три ночи кряду опрокидывало воздушной волной. Дерево я установил как следует и нагибался, подбирая мишуру, и вдруг из тумана появилась Энола, точно веселая святая. Быстро наклонившись, она чмокнула меня в щеку. Потом выпрямилась — красноносенькая из-за вечного насморка — и протянула мне коробку в цветной обертке.

— Счастливого Рождества! — сказала она. — Ну-ка посмотрите, что там. Это подарок!

Рефлексы у меня совсем никуда. Я понимал, что коробка плоская и бутылка коньяка никак в ней не поместится. И все-таки я понадеялся, что Энола вспомнила и принесла мне мое спасение.

— Вы чудо! — сказал я, срывая обертку.

Шарф! Из серой шерсти. Я таращился на него добрые полминуты, не понимал, что это такое.

— Где коньяк? — спросил я.

Ее словно током ударило. Нос покраснел еще больше, на глаза навернулись слезы.

— Шарф вам нужнее. Талонов на одежду у вас нет, а вы все время под открытым небом. В такой жуткий холод!

— Мне необходим коньяк! — сказал я с бешенством.

— Я хотела как лучше, — начала она, но я ее перебил.

— Как лучше? Я попросил вас купить коньяк. И не помню, будто хоть раз упомянул, что нуждаюсь в шарфе.

Я сунул шарф ей обратно и принялся распутывать гирлянду цветных лампочек, которые разбились, когда елка упала.

Она приняла вид оскорбленной святой, который так удается Киврин.

— Я все время беспокоюсь о вас на этих крышах! — выпалила она. — Вы же знаете, они целятся в собор. И река так близко! Я подумала, вам не следует пить. Я… Это преступление так пренебрегать собой, когда они изо всех сил стараются убить нас всех. Получается, будто вы с ними заодно! Я так боюсь, что приду в собор, а вас нет…

— А шарф мне для чего? Держать над головой, когда падают бомбы?

Она повернулась, побежала и растворилась в сером тумане, едва спустилась на две ступеньки. Я кинулся за ней, споткнулся о гирлянду, которую продолжал держать, и покатился вниз по ступенькам.

Мне помог подняться Лэнгби.

— Снимаю вас с дежурства, — сказал он мрачно.

— По какому праву?

— А по такому. Я не хочу, чтобы на крышах рядом со мной толклись ходячие мертвецы.

Я позволил ему отвести меня в крипту, напоить чаем и уложить на раскладушку — очень-очень заботливо. Ничем не выдавая, что он только этого и дожидался. Ничего, полежу до сирен. А тогда поднимусь на крыши, и он уже не посмеет отослать меня вниз, побоится вызвать подозрения. Знаете, что он сказал, прежде чем уйти в асбестовой куртке и резиновых сапогах — самоотверженный член пожарной охраны?

— Я хочу, чтобы вы выспались!

Как будто я смогу заснуть, пока он на крыше! У меня нет желания сгореть заживо!

30 декабря. Меня разбудили сирены, и старик Бенс-Джонс сказал:

— Ну, наверное, это пошло вам на пользу. Вы ведь проспали круглые сутки!

— Какое сегодня число? — спросил я, натягивая сапоги.

— Двадцать девятое, — ответил он, и я метнулся к двери. — Не спешите так. Они

сегодня припозднились. Может, и вовсе не прилетят. Что было бы очень удачно. Ведь сейчас отлив.

Я остановился у двери на лестницу, упершись ладонью в прохладную каменную стену:

— Что с собором?

— Стоит как стоял, — ответил он. — Видели скверный сон?

— Да, — ответил я, вспоминая все скверные сны прошлых недель: мертвая кошка у меня на руках в Сент-Джонс-Вуде; Лэнгби с пакетом и «Уоркером» подмышкой; камень пожарной охраны, озаренный фонарем Христа… И тут я сообразил, что на этот раз никаких снов не видел, а был погружен в забытье, о котором мечтал, которое должно было навести меня на воспоминания.

И тут я вспомнил. Не собор Святого Павла, сожженный дотла коммунистами, а газетный заголовок: «Прямое попадание в «Марбл-Арч». Восемнадцать погибших». Дата оставалась неясной. Четко виделся только год. 1940. А от 1940 года оставалось ровно два дня. Я схватил куртку и шарф, выскочил из крипты и помчался по мраморному полу к дверям.

— Куда это вы, черт побери? — крикнул Лэнгби, невидимый в сумраке.

— Надо спасти Энолу, — ответил я, и мой голос эхом отозвался под темными сводами. — «Марбл-Арч» разбомбят.

— Вы обязаны остаться, — крикнул он мне вслед с того места, где установят камень пожарной охраны. — Идет отлив, ты, грязный…

Остальное я не расслышал, так как уже сбежал по ступенькам и прыгнул в такси, на которое ушли почти все деньги, которые я тщательно берег, чтобы было на что доехать до Сент-Джонс-Вуда. Когда мы выехали на Оксфорд-стрит, зарявкали зенитки, и шофер отказался везти меня дальше. Я вылез из машины в непроглядную тьму и понял, что не успеваю.

Взрыв. Энола распростерта на ступеньках, ведущих в метро. На ногах туфли без носков, на теле ни раны, ни ссадины. Я пробую ее поднять. Под кожей она как студень. И я заверну ее в шарф, который она мне подарила. Я опоздал! Вернулся на сто лет назад для того, чтобы опоздать ее спасти.

Последние кварталы я пробежал бегом, ориентируясь на зенитную батарею в Гайд-парке, и скатился по ступенькам «Марбл-Арч». Женщина в кассе забрала мой последний шиллинг за билет до станции «Собор святого Павла». Я сунул его в карман и бросился к лестнице.

— Бегать запрещено, — сказала женщина невозмутимо. — Налево, пожалуйста.

Правый вход был перегорожен деревянным барьером, металлические двери закрыты и замкнуты цепью. Доску с названием станции перечеркивал косой крест липкого пластыря, а к барьеру был прибит указатель с надписью: «Ко всем поездам». Стрелка под ней указывала налево.

Энола не сидела на замершем эскалаторе, не примостилась она и у стены прохода. Я дошел до ближайшей лестницы и остановился. Какая-то семья устроилась на ней выпить чаю. Там, куда я собирался ступить, на скатерти, вышитой по краю цветами, красовались хлеб с маслом, баночка джема, закрытая вощеной бумагой, и чайник на газовой горелке вроде той, которую мы с Лэнгби выудили из мусора. Я уставился на эти аксессуары мирного чаепития, расставленные каскадом по ступенькам.

— Я… «Марбл-Арч», — сказал я. (Еще двадцать человек были убиты обрушившимися керамическими плитками.) — Вам не следует здесь оставаться.

— А мы имеем право! — воинственно ответил мужчина. — Ты-то кто такой, чтобы нас отсюда гнать?

Женщина, доставававшая блюдца из картонки, посмотрела на меня с испугом. Чайник свистнул.

— Это тебе нечего тут торчать! — добавил мужчина. — Проходи!

Он посторонился, и я виновато протиснулся мимо вышитой скатерти.

— Извините, — сказал я. — Мне надо найти… На платформе.

— Ты ее в жисть не отыщешь, приятель, — сказал мужчина, тыча пальцем вниз.

Я все-таки чуть было не наступил на скатерть, спустился с последней ступеньки, завернул за угол и оказался в аду.

Впрочем, нет, не в аду. Продавщицы, заложив за спину сложенные пальто, прислонялись к стенам — веселые, угрюмые, сердитые, но ничуть не похожие на проклятые души. Двое мальчишек подбрасывали шиллинг, и он скатился на рельсы. Они перегнулись через край, обсуждая, спрыгнуть за ним или нет, й полицейский крикнул, чтобы они отошли от края. Мимо прогрохотал поезд, набитый пассажирами. На руку полицейского опустился комар, и он хотел его прихлопнуть, но промахнулся. Мальчишки захохотали. А позади них и впереди во всех направлениях под выложенными смертоносной плиткой потолками туннелей, у входов и на лестницах теснились люди, жертвы надвигающейся катастрофы. Сотни и сотни людей.

Я, спотыкаясь, вернулся на лестницу и опрокинул чашку. Чай залил скатерть.

— Я же говорил, приятель! — весело сказал мужчина. — Настоящий ад, верно? А ниже еще похлеще.

— Ад, — сказал Я. — Да.

Мне ее не найти. Я посмотрел на женщину, вытиравшую скатерть полотенцем, и вдруг понял, что и ее спасти не могу. Как Энолу, как кошку, как любого и каждого из них, затерянных среди бесконечных лестниц и туннелей времени. Они же были уже сто лет как мертвы и спасению не поддавались. Видимо, исторический факультет отправил меня сюда, чтобы я уловил эту истину. Очень хорошо! Я уловил. Можно мне теперь вернуться домой?

Как бы не так, милый мальчик. Ты по-идиотски просадил свои деньги на такси, на коньяк, и наступает ночь, в которую немцы сожгли Сити. (Теперь, когда уже поздно, я вспомнил все. Двадцать восемь зажигалок на крыше собора.) Лэнгби должен получить свой шанс, а ты должен усвоить самый трудный урок — и кстати, тот, который тебе полагалось бы знать с самого начала. Спасти собор Святого Павла ты не можешь.

Я вернулся на платформу и стоял у желтой линии, пока не подошел поезд. Я вытащил свой билет и держал его в руке всю дорогу до станции «Собор святого Павла». Едва я поднялся наверх, на меня, точно мелкая водяная пыль, накатили волны дыма. Собора я не увидел..

— Отлив, — сказала какая-то женщина безнадежным голосом, и я свалился в змеиный ров обмякших брезентовых шлангов. Руки мне облепила вонючая грязь, и только тогда (слишком поздно) я понял, чем был страшен отлив.

Качать воду для борьбы с огнем было неоткуда. Дорогу мне преградил полицейский, и я беспомощно замер на месте, не зная, что сказать.

— Гражданским лицам сюда нельзя, — объяснил он. — Святой Павел в самом пекле.

Дым клубился точно грозовая туча, весь пронизанный искрами. А над ним золотился купол.

— Я из пожарной охраны, — сказал я, его рука опустилась, и минуту спустя я был уже на крыше.

Эндорфинный уровень у меня, наверное, опускался и поднимался, как вой сирены. С этой секунды моя краткосрочная память отключилась. Сохранились отдельные обрывки, не стыкующиеся между собой: в уголке нефа, когда мы снесли Лэнгби вниз, тесным кружком сидят люди и играют в карты; смерч пылающих обломков дерева под куполом; шоферша санитарной машины в туфлях без носков, как у Энолы, смазывает мои обожженные руки.

И среди всего — одно четкое воспоминание: я соскальзываю по веревке к Лэнгби и спасаю ему жизнь.

Я стоял у купола, мигая от едкого дыма. Сити пылал, и казалось, собор вот-вот займется от нестерпимого жара, рассыплется от оглушающего грохота. У северной башни Бенс-

Джонс бил лопатой по зажигалке. Лэнгби стоял в опасной близости от дыры, пробитой

бомбой, и смотрел на меня. У него за спиной лязгнула зажигалка. Я обернулся взять совок, а когда посмотрел снова, его там не было.

— Лэнгби! — закричал я и не услышал собственного голоса. Он провалился в дыру следом за зажигалкой, и никто этого не заметил, кроме меня. Не помню, как я перебежал туда через всю крышу. Кажется, я крикнул, чтобы принесли веревку. У меня в руках появилась веревка, я обвязал ее вокруг пояса, отдал концы дежурным и спустился В дыру. Отблески пожара озаряли стены внутри почти до самого низа. Прямо подо мной виднелась груда сероватых обломков. Он под ними, решил я и оттолкнулся от стены. Там было так тесно, что отбрасывать мусор оказалось некуда. Я опасался нечаянно ударить его, а потому попытался перебрасывать мусор и обломки штукатурки через плечо, но там было буквально негде повернуться. Несколько жутких секунд меня мучил страх, что он вовсе не там, что вот-вот, как тогда в крипте, откроется голый пол.

А что, если он погиб, а я ползаю по нему? Мне не вынести стыда — того, что я попрал его еще не остывший труп. Но тут из обломков возникла рука, как рука призрака, и ухватила меня за щиколотку. Я вихрем повернулся и за несколько секунд высвободил его голову.

Он был белым как мел, но эта жуткая бледность меня больше не пугает.

— Я погасил бомбу, — сказал он.

Я смотрел на него, охваченный таким облегчением, что не мог произнести ни слова. Мгновение-другое меня душил истерический смех — так я обрадовался, что он жив. Наконец я сообразил, какие слова должен произнести:

— Вы целы?

— Да, — ответил он, пытаясь приподняться на локте. — И тем хуже для вас.

Встать ему не удалось. Едва он попробовал повернуться на правый бок, как застонал от боли и снова упал. Битая штукатурка омерзительно захрустела под ним. Я попытался осторожно приподнять его, чтобы определить, какие он получил повреждения. Несомненно, он обо что-то ударился спиной.

— Не поможет, — сказал он, хрипло дыша. — Я ее погасил.

Я растерянно взглянул на него, опасаясь, что он бредит, а потом снова попробовал повернуть его на бок.

— Я знаю, вы рассчитывали на это, — продолжал он, не сопротивляясь. — Рано или поздно это должно было случиться на одной из крыш. Только я ее не упустил. Что вы скажете своим друзьям?

Его асбестовая куртка была разорвана на спине почти во всю длину. В прорехе его спина обуглилась и дымилась. Он упал на зажигалку.

— Господи! — ахнул я, отчаянно стараясь определить величину ожога, не прикасаясь к нему. Насколько глубокой был, я определить не мог, но как будто ограничивался только узкой полоской, где куртка разорвалась. Я попытался вытащить из-под него зажигалку, но она была еще совсем раскаленной. Мой песок и тело Лэнгби погасили ее. Я понятия не имел, не вспыхнет ли она снова, когда воздух получит к ней доступ. Я отчаянно крутил головой, ища ведро и насос, которые Лэнгби уронил, когда падал.

— Ищете оружие? — сказал Лэнгби таким ясным голосом, словно и не был обожжен. — Почему бы просто не бросить меня тут? Небольшое переохлаждение, и к утру мне придет конец. Или вы предпочитаете доводить грязную работу до завершения в спокойной обстановке?

Я встал и окликнул дежурных на крыше над нами. Один из них посветил вниз фонариком, но луч до нас не достал.

— Он умер? — крикнул кто-то.

— Пошлите за санитарной машиной, — крикнул я в ответ. — Его обожгло.

Я помог Лэнгби подняться, стараясь поддерживать его так, чтобы не прикасаться к ожогу. Он пошатнулся, а потом прислонился плечом к стене, глядя, как я пытаюсь засыпать зажигалку песком, орудуя обломком доски вместо совка. Спустили веревку, и я обвязал Лэнгби под мышками. С того момента, как я помог ему встать, он молчал. А когда я затянул

узел, пристально посмотрел на меня и сказал:

— Надо было бы оставить вас в крипте наглотаться газа.

Он слегка, почти небрежно опирался на стропила, поддерживаемый веревкой. Я обмотал его кисти веревкой, понимая, что у него недостанет сил ухватиться за нее.

— Я вас раскусил еще тогда на галерее. Я знал, что высоты вы не боитесь. Когда вы поняли, что я сорвал ваши драгоценные планы, вы спустились сюда без всякого страха. Так что это было? Совесть заговорила? Плюхнулись на колени и хныкали, точно ребенок: «Что мы сделали? Что мы сделали?» Меня просто затошнило. А знаете, что вас выдало еще раньше? Кошка. Всем известно, что кошки ненавидят воду. Всем, кроме грязного нацистского шпиона.

Веревку дернули.

— Поднимайте! — крикнул я, и веревка натянулась.

— А эта стерва из ЖДС? Тоже шпионка? У вас была назначена встреча в «Марбл-Арч»? Заявить мне, что станцию разбомбят! Вы паршивый шпион, Бартоломью. Дальше некуда. Ваши друзья взорвали ее в сентябре. Ее восстановили.

Веревка натянулась струной, и Лэнгби начал подниматься. Он повернул руки, чтобы ухватиться покрепче.

— Знаете, вы допустили большую ошибку, — сказал он. — Вам следовало убить меня. Молчать я не буду.

Я стоял в темноте и ждал, когда спустят веревку. На крышу Лэнгби подняли уже без сознания. Я прошел мимо дежурных к куполу и спустился в крипту.

Утром пришло письмо от моего дядюшки с вложенной в него пятифунтовой банкнотой.

31 декабря. Двое подручных Дануорти встретили меня в Сент-Джонс-Вуде и сообщили, что я опаздываю на экзамены. Я даже не возразил, а покорно поплелся за ними, даже не подумав, что не слишком-то честно устраивать экзамены ходячему мертвецу. Я не спал уже… сколько времени? Со вчерашнего дня, когда побежал искать Энолу. Я не спал сто лет..

Дануорти был в экзаменационном корпусе и заморгал на меня: Подручный снабдил меня опросным листом, а другой заметил время. Я перевернул лист, и на нем остался жирный след от мази на моих ожогах. Я тупо уставился на них. Правда, я схватил было зажигалку, когда повернул Лэнгби на бок, но эти ожоги были на тыльной стороне ладоней. Ответ прозвучал тут же, произнесенный неумолимым голосом Лэнгби: «Это ожоги от веревок, дурак. Неужели вас, нацистских шпионов, не учат даже, как правильно спускаться по веревке?» Я пробежал глазами вопросы.

Число зажигательных бомб, сброшенных
на собор Святого Павла……
Число осколочных бомб……..
Число фугасных бомб……
Наиболее употребительный метод гашения
зажигательных бомб……..
Для ликвидации
неразорвавшихся осколочных бомб…….
неразорвавшихся фугасных бомб…….
Число добровольцев
в первой смене пожарной охраны…….
во второй смене……..
Раненые и больные…….
Потери……

Бессмысленные вопросы! После каждого — крохотный пробел, в который можно было вписать только цифры. Наиболее употребительный метод гашения зажигательных бомб. Ну как я сумею втиснуть в пробел все, что мне об этом известно? А где вопросы об Эноле?

Лэнгби? Кошке?

Я подошел к столу Дануорти.

— Вчера ночью собор Святого Павла чуть не сожгли, — сказал я. — Что это за вопросы?

— Вам следует отвечать на вопросы, мистер Бартоломью, а не задавать их.

— Тут нет ни единого вопроса о людях, — сказал я, и внешняя оболочка моего гнева начала плавиться.

— Но вот же они, — ответил Дануорти, переворачивая лист. — «Число раненых, больных и погибших. Тысяча девятьсот сороковой год. Взрывы, осколки, прочее».

— Прочее? — повторил я. В любую секунду на меня рухнет потолок яростным ливнем кусков штукатурки и серой пыли. — Прочее? Лэнгби погасил зажигалку собственным телом. У Энолы насморк становится все хуже. Кошка… — Я выхватил у него лист и в узенький пробел после «Взрыв» вписал: «Кошка, 1». — Они вам безразличны?

— Они важны со статистической точки зрения, — сказал он, — но индивидуальное мало что значит для общего хода истории.

Рефлексы у меня ни к черту. Но меня поразило, что и у Дануорти они заторможены. Мой кулак скользнул по его подбородку и сбил очки с носа.

— Нет, значат! — кричал я. — Они и есть история, а не эти проклятые цифры!

А вот рефлексы подручных были вполне расторможены. Я еще не успел замахнуться второй раз, как они уже подхватили меня под мышки и потащили вон из комнаты.

— Они там, в прошлом, где их некому спасти. Они не различают рук, когда подносят их к лицу, на них сыплются бомбы, а вы говорите мне, что они мало что значат? И это, по-вашему, быть историком?

Подручные вытащили меня за дверь и поволокли по коридору.

— Лэнгби спас Святого Павла! Неужели человек может значить больше? Вы не историк! Вы просто, просто… — Мне хотелось назвать его самым черным словом, но вспомнил я только ругательства Лэнгби. — Вы просто грязный нацистский шпион, — завопил я. — Вы просто ленивая буржуазная стерва!

Они выкинули меня за дверь, так что я упал на четвереньки, и захлопнули ее перед моим носом.

— Не хочу быть историком, хоть бы мне и заплатили, — закричал я и пошел посмотреть камень пожарной охраны.

31 декабря. Пишу кое-как. Руки у. меня в жутком состоянии, а мальчики Дануорти тоже постарались. Время от времени заходит Киврин с видом святой Жанны д'Арк и накладывает мне на руки столько мази, что карандаш выскальзывает.

Станции «Собор святого Павла», естественно, больше не существует, а потому я вышел в Холборне и пошел пешком, думая о моей последней встрече с настоятелем Мэтьюзом утром после сожжения Сити. Сегодня утром.

— Насколько понимаю, вы спасли Лэнгби, — сказал он. — И насколько понимаю, вы вместе спасли собор вчера ночью.

Я отдал ему письмо дяди.

— Ничто не вечно, — сказал он, и меня охватил ужас, Что сейчас я услышу о смерти Лэнгби. — Нам придется снова и снова спасать собор, пока Гитлер не выберет для своих бомб другую мишень.

Мне так хотелось сказать ему, что налеты на Лондон прекратятся буквально на днях. Бомбить теперь будут провинции. Через три-четыре недели начнутся налеты на Кентербери, на Бат, и мишенью неизменно будут соборы. А вы со Святым Павлом дождетесь конца войны и доживете до установки камня пожарной охраны.

— Впрочем, тешу себя надеждой, — сказал он, — что худшее уже позади.

— Да, сэр. — Я вспомнил камень и надпись на нем, все еще достаточно ясную. Нет, сэр. Худшее еще не позади.

Я умудрился не сбиться с пути почти до самой вершины Ладгейт-Хилла. Но там заплутался и бродил, словно человек, заблудившийся на кладбище. Я прежде не осознавал, что развалины так похожи на серый мусор, из-под которого меня старался выкопать Лэнгби. И я нигде не мог найти камня, а под конец чуть не споткнулся об него и отпрыгнул, словно наступил на труп.

Только он и остался. В Хиросиме в самом эпицентре вроде бы уцелели кое-какие деревья. В Денвере — лестница Законодательного собрания. Но на них нет надписи: «Памяти мужчин и женщин пожарной охраны святого Павла, которые по милости Господней спасли этот собор». По милости Господней…

Камень выщерблен. Историки утверждают, что у надписи был конец: «На все времена», но я не верю. Во всяком случае, если настоятель Мэтьюз участвовал в ее составлении. И никто из охраны, о которой в ней говорится, ни на секунду не поверил бы ничему подобному. Мы спасали собор всякий раз, когда гасили зажигалку — до той секунды, когда падала следующая. Неся дозор в наиболее опасных местах, гася небольшие возгорания песком и с помощью ножных насосов, а побольше — своими телами, чтобы не дать сгореть всему огромному зданию. Ну просто из курсовой по исторической практике за четыреста первым номером! Какой удачный момент — открыть-таки, зачем нужны историки — именно тогда, когда я выбросил в окно свой шанс стать историком, выбросил с такой же легкостью, с какой они бросили внутрь точечную гранату!. Нет, сэр, худшее еще не позади.

На камне — вплавленные пятна копоти там, где, согласно легенде, молился на коленях настоятель собора, когда взорвалась граната. Чистейший апокриф, естественно, поскольку портал не место для молитв. Куда вероятнее, что это тень туриста, забредшего спросить дорогу в мюзик-холл «Уиндмилл», или отпечаток девушки, которая принесла в подарок добровольцу шерстяной шарф. Или кошки.

Ничто нельзя спасти навсегда. Настоятель Мэтьюз и я знали это, еще когда я вошел в западные двери и сощурился от сумрака. Но все равно тяжело. Стоять по колено в мусоре, из которого нельзя выкопать ни складных стульев, ни друзей, и знать, что Лэнгби умер, веря, будто я — нацистский шпион, что Энола пришла в собор, а меня там уже не было.

Невыносимо тяжело.

И все-таки не так, как могло быть. И он, и она умерли, и умер настоятель Мэтьюз, но они умерли, не зная того, что знал я с самого начала, того, что заставило меня упасть на колени в Галерее шепота, изнывая от горя и вины — что в конечном счете никто из нас не спас собор Святого Павла. И Лэнгби не может обернуться ко мне, оглушенный, разбитый, и сказать: «Кто сделал это? Ваши друзья-нацисты?» И мне пришлось бы ответить: «Нет. Коммунисты». Вот что было бы хуже всего.

Пришлось вернуться к себе и подставить руки Киврин для новой порции мази. Она требует, чтобы я лег спать. Конечно, мне надо упаковать вещи и убраться отсюда. Зачем ставить себя в унизительное положение, дожидаясь, пока меня отсюда не вышвырнули? Но у меня не хватило сил спорить с ней. Она так похожа на Энолу!

1 января. Видимо, я проспал не только всю ночь, но и доставку утренней почты. Когда я проснулся минуту назад, то увидел, что в ногах кровати сидит Киврин с конвертом в руке.

— Твои оценки пришли, — сказала она. Я закрыл глаза рукой.

— Когда захотят, они проявляют потрясающую деловитость, верно?

— Да, — сказала Киврин.

— Что же, поглядим, — сказал я, садясь на постели. — Сколько у меня времени до того, как они явятся вышвырнуть меня вон?

Она отдала мне тоненький компьютерный конверт. Я вскрыл его по перфорации.

— Погоди, — остановила меня Киврин. — Прежде чем ты прочтешь, я хочу тебе кое-что сказать. — Она легонько провела ладонью по моим ожогам. — Ты неверно судишь об историческом факультете. Они по-настоящему хороши.

Я ждал от нее совсем другого.

— «Хороший» не тот эпитет, который я приложил бы к Дануорти, — сказал я и выдернул папиросный листок из конверта.

Выражение на лице Киврин не изменилось, даже когда я застыл с листком на коленях и она могла прочесть напечатанные строки.

— Ну-у… — сказал я.

Листок был собственноручно подписан досточтимым Дануорти. Я получил высший балл. С отличием.

2 января. С утренней почтой пришло два конверта. Во-первых, назначение Киврин. Исторический факультет все предусматривает — даже задержал ее здесь, чтобы она меня выхаживала, даже подстраивает испытание огнем для своих выпускников.

По-моему, мне отчаянно хотелось поверить, что так оно и было: Лэнгби и Энола — нанятые актеры, кошка — умело сконструированный биоробот, из которого для заключительного эффекта изъяли механизм. И даже не потому, что мне хотелось верить, что Дануорти вовсе не так уж хорош, а потому, что тогда бы исчезла эта ноющая боль от неведения того, что было с ними дальше.

— Ты говорила, что проходила практику в Англии в тысяча четырехсотом году?

— В тысяча триста сорок девятом, — сказала она, и ее лицо потемнело от воспоминаний. — В год чумы.

— Господи! — пробормотал я. — Как они могли? Чума же — это десятка!

— У меня природный иммунитет, — ответила она и посмотрела на свои руки.

Я не знал, что сказать, и вскрыл второй конверт. Данные об Эноле. Напечатанные компьютером факты, даты, статистические данные — все обожаемые историческим факультетом цифры. Но они сказали мне то, чего я не надеялся узнать, — что насморк у нее прошел и она пережила блиц. Юный Том погиб во время тотальных бомбежек Бата, но Энола умерла только в 2006 году, не дожив всего год до того, как собор Святого Павла был взорван.

Не знаю, поверил ли я этим сведениям или нет, но не в том дело. Это был просто добрый поступок, как то, что Лэнгби читал вслух газету старику. Они все предусматривают.

Впрочем, нет. Про Лэнгби они не сообщили ничего. Но сейчас, когда я пишу это, мне ясно то, что я уже знал: я спас ему жизнь. И пусть он мог умереть в больнице на следующий день. И вопреки всем суровым урокам, которые преподал мне исторический факультет, выясняется, что я все-таки не верю, будто ничто нельзя спасти навсегда. Мне кажется, что Лэнгби спасен во веки веков.

3 января. Сегодня я был у Дануорти. Не знаю, что я собирался сказать — какую-нибудь напыщенную чушь о том, что я готов служить в пожарной охране истории, неся дозор против падающих зажигательных бомб человеческих сердец — свято храня безмолвие.

Но он близоруко замигал на меня через стол, и мне почудилось, что его слепит последний сияющий образ собора Святого Павла, перед тем как собор исчез навсегда, и что он лучше кого бы то ни было знает, что спасти прошлое нельзя. И я сказал просто:

— Извините, что я разбил ваши очки, сэр.

— Вам понравился собор святого Павла? — сказал он, и как тогда, при первой встрече с Энолой, я почувствовал, что все толковал неверно, что он испытывает не грусть, а совсем иное.

— Я люблю его, сэр, — сказал я.

— Да, — сказал он. — Я тоже.

Настоятель Мэтьюз ошибается. Всю практику я боролся с памятью — только чтобы узнать, что она не враг, совсем не враг, а быть историком совсем не значит влачить священное бремя. Потому что Дануорти моргал не от рокового солнечного света в последнее утро, а вглядываясь в сумрак того первого дня, смотря сквозь величественную западную

дверь собора Святого Павла на то, что подобно Лэнгби, подобно всем нам, каждому нашему мигу, живущему в нас, спасено навеки.

ДО ПОРТАЛЕСА БЕЗ ОСТАНОВОК[11]

Каждый город чем-то славен. Даже в самом маленьком городишке найдутся какие-либо достопримечательности. Могила Джона Гарфилда, дом Уиллы Кэсер, американская столица георгинов… А если в городе нет дома, могилы или станции «Пони Экспресс», то его жители обязательно что-нибудь да придумают: следы снежного человека в Орегоне, призрачные огни Марфы в Техасе, явления Элвиса…

За исключением города Порталес, штат Нью-Мексико.

— Достопримечательности? — переспросила симпатичная латиноамериканская девушка за стойкой гостиницы «Порталес-Инн». — В форте Самнер есть могила Билли Кида. Это в семидесяти милях отсюда.

Я только что приехал на машине из Бисби, штат Аризона, и меньше всего мне хотелось снова садиться за руль и переть сто шестьдесят миль по окружной дороге, чтобы полюбоваться на покосившийся могильный камень с истертой надписью.

— А в городе есть что посмотреть?

— В Порталесе? — По ее тону было ясно, что нечего. — По дороге в Кловис есть археологический музей, можно посмотреть на раскопки. Восемь миль по 70-й трассе — справа увидите. Или поезжайте на запад — там арахисовые поля.

Просто отлично. Кости и бескрайний простор.

— Спасибо, — ответил я и вернулся в номер.

Сам виноват. Кросс появится только завтра, а я решил приехать в Порталес на день раньше — как следует осмотреться перед встречей. Но это, конечно, не оправдание — за последние пять лет я хорошо узнал западные городки: на рекогносцировку нужно четверть часа, не больше. И еще пять минут, чтобы увидеть вездесущие знаки «тупик».

В общем, оказался я в бездостопримечательном Порталесе в воскресенье, и делать мне совершенно нечего — разве что думать о предложении Кросса и подыскивать причину для отказа.

Мой друг Дэнни позвонил с новостью, что Кроссу нужен человек.

— Работа хорошая, надежная. Порталес — отличный городок. Все лучше, чем постоянно колесить по стране. Ездишь, ездишь, пытаешься продать технические новинки людям, которым они совершенно не нужны. Какие тут перспективы?

Никаких. Фермеров не интересуют ни системы солнечного орошения, ни устройства для хранения воды. А в последнее время они перестали интересовать и самого Хаммонда — парня, на которого я работаю.

Кондиционера в номере нет. Я распахиваю окна и включаю телевизор. Кабельного тоже не имеется. Смотрю минут пять какую-то проповедь, после чего звоню Хаммонду.

— Это Картер Стюарт, — говорю я как ни в чем не бывало, словно каждое воскресенье ему названиваю. — Я в Порталесе, приехал раньше, чем рассчитывал, а парень, с которым встречаюсь, будет только завтра. У вас здесь нет других клиентов?

— В Порталесе? — Интереса в его голосе не уловить даже при большом желании. — А с кем вы там встречаетесь?

— С Хаддом из «Северо-западных сельхозагрегатов». Договорились на одиннадцать. — «А в десять у меня встреча с Кроссом», — отмечаю я про себя. — Я приехал вчера вечером, в Бисби дела закончил раньше, чем думал.

— Хадд — наш единственный контакт в Порталесе.

— Может, в Кловисе кто-нибудь есть? Или в Тукумкари?

---

11 Nonstop to Portales © Перевод. В. Дегтярева, 2010

— Нет, — быстро отвечает он (слишком быстро — даже с базой данных не сверился, а мог бы). — В этой части штата у нас мало клиентов.

— Они туг все арахис выращивают. Может, поговорить с кем-нибудь из фермеров?

— Просто передохните денек, ладно? — ответил Хаммонд.

— Хорошо, спасибо. — Я повесил трубку и спустился в вестибюль.

За стойкой сидел усохший старикан — но о моей проблеме он уже был наслышан.

— Хотите посмотреть кое-что по-настоящему интересное? В Розвелле хранится космический корабль пришельцев. ВВС его ото всех прячут. Поедете по 70-й трассе на юг…

— Неужели никто из знаменитостей не жил в самом Порталесе?! Вице-президент? Двоюродный брат Билли Кида?

Он покачал головой.

— Интересные дома? Железнодорожная станция? Здание суда?

— Здание суда есть, но по воскресеньям оно закрыто. ВВС утверждают, что это не космический корабль, а шпионский самолет, но мне-то сам парень рассказывал, который видел, как этот аппарат спускался. В форме длинной сигары и весь в огоньках.

— 70-я трасса, говорите? — переспросил я, чтобы отвязаться от него. — Спасибо. — И вышел на парковку.

За верхушками деревьев с пожухлыми листьями виднелась крыша здания суда — всего в паре кварталов от гостиницы. Лучше уж пойти к суду, хоть он и закрыт, чем слушать в номере телепроповеди Джерри Фолуэлла и раздумывать о вакансии, которую мне предстоит занять, если до завтрашнего утра ничего не случится. Пешком прогуляться по городу полезнее, чем снова сесть в машину ради выдумки, которой заманивает туристов Розвелл…

Если очень повезет, то здание суда может оказаться знаменитым в связи с последней в Нью-Мексико казнью через повешение. Или в связи с первым маршем за мир. Я отправился в центр города.

Улочки вокруг здания суда были совершенно типичными для делового района маленького городка эпохи «Уолл-Марта»: никаких лавочек, продуктовых, аптек. Обнаружился только пустующий ресторан сети «Энтонис», магазин джинсовой одежды, на витрине которого лежали пыльная рубашка и два ремня с массивными круглыми пряжками, а еще банк с вывеской «Переехали».

Кирпичное здание суда выглядело точно так же, как любое другое здание суда от Нельсона, штат Небраска, до Тайлера, штат Техас, и стояло посреди поросшей травой и засаженной деревьями площади. Я дважды обошел вокруг, посмотрел на памятник погибшим на войне и флагшток, и все это время старался не думать о Хаммонде. В Бисби все прошло быстро только потому, что с покупателем встретиться не удалось. Впрочем, Хаммонду оказалось настолько наплевать, что он даже не поинтересовался, заключил ли я сделку. И контакты в Тукумкари не проверил. Причем дело не в том, что сегодня выходной. Он так же равнодушно разговаривал, когда я звонил ему последние два раза, — словно готов был сдаться и со всем покончить.

Выходит, придется принимать предложение Кросса — еще и спасибо говорить.

— Сорокачасовая неделя, — убеждал он. — У вас будет время работать над вашими изобретениями.

Ну да. Или погрузиться в рутину и благополучно о них забыть. Пять лет назад, когда я устраивался на работу к Хаммонду, Дэнни сказал: «Повидаешь кучу интересных мест! Гранд-каньон, гору Рашмор, Йеллоустоун». Ага, и впрямь я все повидал. И Пещеру ветров, и Дом Винчестеров, и индейские древности, и самого настоящего рогатого зайца.

Я еще раз обошел площадь, свернул к железнодорожным путям поглазеть на элеватор и вернулся к зданию суда. Вся прогулка заняла десять минут.

Пока я размышлял, не прогуляться ли мне к университету, стало жарко — еще какие-нибудь полчаса, и улицы расплавятся, а трава пожухнет под раскаленным солнцем. «Лучше уж вернуться в номер», — подумал я, направляясь обратно к «Порталес-Инн».

Тенистая улица с белыми деревянными домиками — возможно, именно на такой я буду

жить и работать над своими изобретениями, если приму предложение Кросса. Если, конечно, раздобуду для них детали в «Юго-западных сельхозагрегатах» или «Уолл-Марте». И если я вообще буду над ними работать, а не сложу через какое-то время лапки.

Я свернул направо и уперся в тупик. Очень символично, учитывая обстоятельства. «По крайней мере, я предлагаю реальную работу — вы выберетесь из тупика, в котором сейчас находитесь, — сказал Кросс. — Подумайте о будущем».

Ага, о будущем, похоже, думаю я один — никто больше этим не занимается. Все транжирят нефть, словно воду, и растрачивают воду так, словно водохранилище Огаллала никогда не иссякнет. Только и делают, что заводы строят, загрязняют и размножаются. Я много думал о будущем — и знаю, что нас ждет. Еще один тупик. Еще один пыльный котел. Истощенная земля, выработанные скважины воды и нефти, опустевшие города — Бисби, Кловис, Тукумкари. Еще одна Великая Американская пустыня, в которой не останется никого, кроме нескольких индейцев, напрасно поджидающих клиентов в казино. И меня, что обосновался в Порталесе на сорокачасовой рабочей неделе.

Я развернулся и пошел обратно. Тупиков больше не встретилось, достопримечательностей тоже, и в четверть одиннадцатого я снова был в «Порталес-Инн». Предстояло убить всего-навсего сутки. Посещение могилы Билли Кида с каждым мгновением выглядело все соблазнительнее.

У гостиницы стоял экскурсионный автобус с красно-серой надписью «Туры без остановок». На посадку выстроилась длинная очередь. У входа в автобус девушка в голубой футболке и джинсовой мини-юбке ставила галочки напротив имен туристов в блокноте. У нее были короткие светлые волосы, приятные черты лица и ладная фигура.

По ступенькам в автобус с трудом взбиралась пожилая пара в бермудах и футболках из «Дисней-уорлда».

— Привет, — сказал я девушке-гиду. — Куда едете?

Она встревожено взглянула на меня. Пожилая пара замерла на ступеньках. Гид сверилась со списком и снова встретилась со мной взглядом — тревоги в ее глазах уже не было, но щеки полыхали алым, как буквы на боку автобуса.

— Это тур по местным достопримечательностям. — Старики наконец-то забрались в автобус, и девушка махнула рукой следующему в очереди — толстяку в гавайской рубашке.

— Я и не знал, что здесь есть достопримечательности. Толстяк уставился на меня, открыв рот.

— Как вас зовут? — спросила гид.

— Джайлз Х. Пол, — сообщил он, все еще таращась на меня. Девушка жестом препроводила его в автобус.

— А вас как зовут? — спросил я, и она вздрогнула. — Ну ваше-то имя наверняка указано в блокноте, если запамятовали.

Девушка улыбнулась.

— Тоня Рэнделл.

— Так что, Тоня, куда вы направляетесь?

— Мы едем на ранчо.

— На ранчо?

— Где он вырос, — пояснила Тоня, опять зардевшись, и махнула рукой следующему. — Где все начиналось.

Кто вырос? Что начиналось? Мне очень хотелось задать эти вопросы, но Тоня занялась верзилой, который перемещался ненамного быстрее пожилой пары. К тому же было очевидно, что остальные экскурсанты прекрасно знают, о чем идет речь. Им прямо-таки не терпелось попасть в автобус, а молодая пара, стоявшая последней, показывала своему ребенку здание суда, гостиницу и большое дерево через дорогу.

— А он частный — этот ваш тур? Можно сейчас заплатить и присоединиться?

И что я, спрашивается, делаю? Я ведь однажды был на экскурсии по Блэк-Хиллс — проработал у Хаммонда месяц, горел желанием осматривать достопримечательности. Это

оказалось даже тоскливее, чем думать о будущем: гид выдавал заученные факты и несмешные шутки, мы все пялились в голубоватые окна, вылезали из салона полюбоваться на могилу Дикого Билла Хикока, забирались назад в автобус слушать вопли детей и жалобы жен… Нет, снова проходить через это совсем не хочется.

Тоня с пылающими щеками сказала: «К сожалению, нет», и меня окатила волна разочарования от того, что я ее больше не увижу.

— Ладно, — пожал я плечами, не желая выдавать эмоции. — Удачной вам поездки. Счастливо.

Я направился к входу в «Порталес-Инн».

— Погодите! — Тоня оставила пару с ребенком дожидаться разрешения пройти в автобус и подошла ко мне.

— Вы местный?

— Нет, — ответил я, осознавая, что решил отказаться от предложения Кросса. — Я здесь проездом. Приехал на встречу с одним парнем, но слишком рано — и теперь мне делать абсолютно нечего. С вами такое бывает?

Она улыбнулась, словно я пошутил.

— Вы здесь кого-нибудь знаете?

— Нет.

— А человека, с которым у вас назначена встреча?

Я покачал головой, гадая, в чем смысл всех этих расспросов. Она снова сверилась с записями в блокноте.

— Обидно, если вы все пропустите. Раз уж вы проездом… Минутку.

Тоня поднялась в автобус, несколько минут посовещалась с водителем, выбралась наружу и махнула рукой паре с ребенком, пометив их имена в блокноте.

— Все места заняты, — сказала она, снова подойдя ко мне. — Поедете стоя?

Вопящие дети, видеокамеры, да еще и присесть негде — на пути к ранчо, где начинал человек, о котором я, скорее всего, никогда не слышал. Билли Кида я по крайней мере знаю — и мне стоит только доехать до форта Самнера, чтобы налюбоваться вдоволь на его могилу.

— Хорошо, — ответил я и вытащил кошелек. — Давайте только сразу выясним, сколько стоит тур?

Она снова встревожилась.

— Нисколько. Автобус полон.

— Вот и отлично. Еду.

Тоня улыбнулась и призывно махнула блокнотом. Изнутри автобус походил скорее на городской, чем на туристический, — задние и передние места располагались вдоль стен, а с поручней свисали петли, за которые можно было держаться. В салоне имелся даже шнур оповещения об остановке — пригодится, если экскурсия окажется такой же скучной, как поездка в Блэк-Хиллс. Я ухватился за петлю недалеко от входа и посмотрел вокруг.

Автобус был забит людьми самого разного возраста. Седовласый мужчина, явно старше пары в дисней-уорлдовских футболках, люди средних лет, подростки, дети. Как минимум пятерым было меньше пяти. Может, прямо сейчас дернуть за шнурок?

Тоня пересчитала туристов и кивнула водителю. Дверь с шипением закрылась. Автобус неуклюже выбрался со стоянки и медленно покатил вдоль деревьев и одинаковых домов. Диснеевская пара на переднем сиденье сдвинулась, освобождая мне место. Я кивком предложил сесть Тоне, но она покачала головой и махнула, чтобы я садился сам.

Гид отложила блокнот и взялась за поручень рядом с сиденьем водителя.

— Наша первая остановка, — сказала она, — будет у дома, где он жил и активно работал.

Я начал подозревать, что за всю экскурсию так и не узнаю, кому она посвящена. Когда Тоня упомянула ранчо, я подумал, что речь идет о персонаже Дикого Запада, но все дома в городе были построены в тридцатых-сороковых годах.

— Он переехал сюда с женой Бланш вскоре после свадьбы. Заскрипели тормоза, и автобус остановился у белого здания с верандой.

— Он жил здесь с 1947 до… — она сделала паузу и искоса взглянула на меня, — настоящего момента. Именно здесь он написал «Корабль Сити» и «Черное солнце» и разработал идею генной инженерии.

Ага, значит, писатель — что ж, это уже легче. Правда, названия, перечисленные Тоней, мне ни о чем не говорили. Но он должен быть достаточно знаменитым, чтобы на его имя клюнул целый автобус народу. Том Клэнси? Стивен Кинг? В моем представлении, они жили в домах покруче.

— Впереди — окна гостиной. Кабинет отсюда разглядеть невозможно, он находится в южной части дома. Именно там хранится премия «Гранд-мастер Небьюла» — прямо над рабочим столом.

Название премии мне тоже ни о чем не сказало, но всех остальных эти сведения явно впечатлили, а пара с ребенком привстала со своих мест, выглядывая в тонированное окно.

— Сзади видны окна кухни — здесь он читал газету и смотрел телевизор, перед тем как приступить к работе. Он пользовался пишущей машинкой, а позже — персональным компьютером. Сейчас его нет в городе — он участвует в конвенте научной фантастики.

«Наверное, это и к лучшему, — подумал я, — неизвестно, как этот писатель, кто бы он ни был, относится к паркующимся у дома автобусам с туристами». Научный фантаст, значит? Может, Айзек Азимов?

Водитель завел двигатель, и автобус тронулся с места.

— Проезжая мимо парадного крыльца, — сказала Тоня, — мы увидим кресло, в котором он чаще всего читал.

Автобус, набирая скорость, покатил дальше по близлежащим улочкам.

— Джек Уильямсон работал в журнале «Порталес ньюс трибьюн» с 1947 по 1948 год, а затем, после публикации «Это мрачнее, чем вы думаете», оставил журналистику и полностью посвятил себя писательству. — Тоня помолчала и снова бросила на меня взгляд. Если она рассчитывала, что на меня эта информация производит такое же неизгладимое впечатление, как на прочих, то зря. За последние пять лет я немало времени провел за чтением книг в дешевых номерах без кондиционеров, но имя Джека Уильямсона ни о чем мне не говорило.

— А сейчас мы приближаемся к университету восточного Нью-Мексико., где Джек Уильямсон преподавал с 1960 по 1977 год.

Автобус подъехал к стоянке колледжа. Все с оживлением выглянули в окна, хотя студенческий кампус выглядел совершенно типично для любого колледжа западных штатов: кирпич, стекло, редкие деревца и разбрызгиватели, увлажняющие жухлую траву.

— Это — кампус «Юнион», — сообщила Тоня, пока автобус медленно разворачивался на стоянке. — В лектории Беки Шарп каждую весну проводится цикл лекций в его честь. В этом году лекции начинаются двенадцатого апреля.

«Как-то у них все непродуманно — сказал себе я. — Мало того что самого героя пропустили, так еще мимо недели в его честь пролетают».

— Вон там виднеется здание, где он читает лекции по научной фантастике вместе с Патрицией Колдуэлл. А это, конечно, Золотая библиотека, где собраны все награды и коллекция его работ.

Все кивнули, узнавая знаменитое место.

Я думал, водитель откроет двери автобуса и выпустит экскурсантов посмотреть на библиотеку, но автобус набрал скорость и направился к городской границе.

— Библиотеку осматривать не будем? — спросил я. Тоня покачала головой.

— На этой экскурсии — нет. Коллекция еще слишком маленькая.

Автобус, следуя на юго-запад, ехал по шоссе с табличкой «18-я магистраль штата Нью-Мексико».

— Мы проезжаем Льяно-Эстакадо, или Столбовую равнину, — сказала Тоня. — Джек

Уильямсон в автобиографии «Дитя чудес» отмечал, что она получила такое название из-за столбов, которыми отмечал свой путь через нее конкистадор Франсиско Коронадо. Семья Джека переехала сюда в 1915 году в крытом фургоне, заняв небольшой земельный участок в песчаных холмах. Здесь Джек помогал на ферме, носил воду, собирал хворост и читал «Остров сокровищ» и «Дэвида Копперфильда».

По крайней мере, об этих книгах я слышал. И Джеку, получается, должно быть как минимум семьдесят девять лет.

— Жили они бедно — скудная почва, воды не хватало, — и через три года, чтобы свести концы с концами, семья переехала на испольную ферму. Джек в это время учится в Ричардсоне и в Центре, где и знакомится с будущей женой Бланш Слейтен. У кого есть вопросы?

По части скуки экскурсия начисто обставляла тур в Блэк-Хиллс, но туристы, похоже, так не считали — в воздух взметнулось море рук. Тоня пошла по проходу, останавливаясь у каждого и указывая на что-то за тонированными окнами. Пожилая пара встала с места и подошла к толстяку. Уцепившись за петли и оживленно жестикулируя, они нависли над его сиденьем.

Я выглянул в окно. Почему испанцы не назвали это место Льяно-Флатто? На всем пространстве до самого горизонта не было ни холмика, ни впадинки.

Все пассажиры, включая детей, таращились в окна — хотя смотреть было не на что. Вспаханные поля красной глины, несколько скучающих коров, ряды каких-то зеленых побегов — наверное, арахис; еще одно вспаханное поле. Ну вот — в итоге я все-таки полюбовался на бескрайний простор.

Тоня вернулась в переднюю часть автобуса и присела рядом.

— Ну как, нравится экскурсия?

Ни одного приличного ответа в голову не приходило, поэтому я сам задал вопрос:

— Далеко еще до ранчо?

— Двадцать миль. Раньше там был городок Пеп, а теперь — только ранчо. — Она помолчала немного, а потом спросила: — Как вас зовут? Вы ведь так и не представились.

— Картер Стюарт.

— Правда? — расплылась она в улыбке. — Вас назвали в честь Картера Ли из «Без остановок к Марсу»?

Я впервые слышал это название. Наверняка одна из книг Джека Уильямсона.

— Не знаю. Может быть.

— Меня назвали в честь Тони Андрос из «Станции мертвой звезды». А водителя — в честь Джайлза Хабибула.

Тут опять поднял руку верзила, и Тоня сорвалась с места.

— Сейчас вернусь, — бросила она мне и торопливо двинулась по проходу.

Толстяка звали Джайлз — а ведь это не самое распространенное имя. Еще я видел имя «Летони» в блокноте Тони — тоже явно из книжки. Как же это? Человек, о котором я никогда не слышал, оказался таким знаменитым, что людей называют в честь его персонажей!

Наверное, это какое-то общество фанатов — из тех, что ездят на родину Элвиса в Грейсленд и называют своих детей Пол и Ринго. Впрочем, если бы они были фанами, то носили бы футболки с фотографиями Джека Уильямсона и уши Спока, а не одежду с эмблемой «Дисней-Уорлда».

Пожилая пара вернулась и села рядом, с улыбкой глядя в окно.

И поведение у них не похоже. Во всех фанах, которых я встречал, чувствовался внутренний вызов — мол, «я знаю — ты считаешь меня психом из-за того, что мне это нравится, и, возможно, ты прав». А еще они всегда настырно объясняют, как их угораздило податься в фанаты — и почему всем вокруг нужно последовать их примеру. В этих же людях не чувствовалось ничего подобного. Они все, даже Тоня, вели себя так, словно осмотр здешних мест был самой естественной вещью в мире. И если они любители научной

фантастики — почему не едут на ранчо к Айзеку Азимову? Или к Уильяму Шатнеру?

Тоня вернулась и встала рядом, держась за петлю.

— Вы говорили, что собираетесь здесь с кем-то встретиться?

— Да. С потенциальным работодателем.

— В Порталесе?! — воскликнула она. — Вы согласитесь на его предложение?

Решение я уже принял, но сказал:

— Не знаю. Не уверен. Работа в офисе, стабильная зарплата, никаких разъездов, как сейчас. — Я начал рассказывать ей о Хаммонде, о тяге к изобретательству и опасениях по поводу того, что новая работа заведет меня в тупик.

— «У меня не было будущего» — так сказал Джек Уильям-сон в своей прошлогодней лекции. «У меня не было будущего — нищий мальчишка в разгар Депрессии, без гроша в кармане, без образования, без перспектив».

— Сейчас, конечно, не Депрессия, но я хорошо понимаю, что он чувствовал. Если я не приму предложение Кросса — у меня тоже не будет будущего. А если приму… — Я пожал плечами. — В любом случае, это никуда меня не приведет.

— Но вы будете жить в одном городе с Джеком Уильямсоном! — сказала Тоня. — Сможете столкнуться с ним в супермаркете или даже попасть к нему на семинары.

— Наверное, это вам нужно согласиться на работу у Кросса.

— Не могу. — Она опять зарделась. — У меня уже есть работа. — Выпрямившись, Тоня обратилась к группе: — Мы подъезжаем к повороту на ранчо. Джек Уильямсон жил там с 1915 года до начала Второй мировой войны — и затем, после демобилизации, пока не женился на Бланш.

Автобус притормозил и съехал на узкую проселочную дорогу между обнесенных заборами пастбищ.

— Ферма изначально была земельным наделом, — продолжала Тоня, и все оживленно зашушукались, выглядывая в окна на поля с кустиками юкки. — Именно здесь он впервые прочел ежеквартальный выпуск «Удивительных историй», после чего в журнале появился его первый рассказ «Металлический человек». Если помните, на вчерашней экскурсии я рассказывала, что он увидел публикацию в витрине аптеки.

— Вижу! — воскликнул верзила, вытягивая шею над сиденьем водителя. — Вижу!

Все подались вперед, пытаясь что-то разглядеть. Автобус подъехал к каким-то сараям и остановился.

Водитель открыл двери, и пассажиры вывалились на изрытую колеями фунтовую дорогу, восхищенно глядя на некрашеные постройки и корыто с водой. Черная телка лениво приподняла голову и снова принялась жевать траву у стены одного из сараюшек.

Туристы столпились вокруг Тони. Она указала на длинный зеленый дом, во дворе которого росла одинокая ива.

— В этом доме Джек Уильямс жил с родителями, братом Джимом и сестрами Джо и Кэти. Именно здесь, за кухонным столом, он написал «Девушку с Марса» и «Легион пространства». Дядя отдал ему пишущую машинку «Ремингтон» с истершейся лентой, и, когда обитатели дома ложились спать, Джек печатал на ней свои истории. Брат Джека, Джим… — она сделала паузу и взглянула на меня, — в настоящее время владеет этим ранчо. Они с женой в эти выходные находятся в Аризоне.

Потрясающе. Они вообще всех упустили — и никто не возмущается. Тут я сообразил, что мне с самого начала показалось странным в этой экскурсии — на ней не раздалось ни одной жалобы. Во время тура по местам Дикого Билла Хикока туристы только и делали, что жаловались: на жару, на дороговизну, на длинные расстояния, на отсутствие колы в сувен ирном магазинчике и прочее, и прочее. Если бы их гид заявил, что восковой музей, в который они собирались, закрыт, его бы смело стихийным бунтом.

— Писать в таких условиях, в постоянном шуме и сутолоке, было нелегко, — Продолжала Тоня, ведя туристов от дома к пастбищу. — В 1934 году он выстроил отдельную хижину. Будьте осторожны, — предупредила она, огибая заросли полыни, — тут водятся

гремучие змеи.

Этот факт почему-то никого не взволновал. Туристы бодро проследовали за Тоней через поле с высохшей, колкой травой и подошли к развалюхе, покрытой облупившейся серой краской.

— Вот и хижина.

Хижиной ее можно было назвать с большой натяжкой. Развалюха и есть развалюха. Когда мы подъехали к ранчо, я подумал, что это заброшенный сарай: покосившиеся стены из серых досок, какие-то ржавые банки… Как только Тоня начала говорить, из хижины выпрыгнул кот — очевидно, до этого спокойно спавший в укромном местечке под остатками крыши, — и бросился со всей прыти в поле.

— Внутри находился стол, книжные полки, а позже — отдельная спальня.

Глядя на крохотную хижину, сложно было представить, как в ней помещалась пишущая машинка — не говоря уже о кровати, — но все эти люди приехали именно для того, чтобы на нее посмотреть. Они благоговейно стояли в колючей траве перед развалюхой, словно перед памятником Вашингтону, и глазели на покосившиеся доски и ржавые банки.

— Он провел сюда электричество, работавшее от маленькой мельницы, и установил ванную. Правда, ему все равно мешали работать — то змеи, то скунс, который поселился под хижиной. Здесь Джек написал «Станцию мертвой звезды» и «Девушку с метеора» — первый рассказ, в котором речь шла о путешествиях во времени. «Достаточно сильное энергетическое поле, — написал он, — сможет переносить через время физические тела, а не только зрительные образы».

По какой-то неведомой причине эта фраза всех очень позабавила. Туристы еще какое-то время постояли в почтительной тишине, а затем Тоня, с улыбкой обернувшись ко мне, спросила:

— Ну, что думаете?

— Как он увидел журнал с «Металлическим человеком» в аптеке? — попросил я.

— Ах да, я и забыла, что вас не было с нами вчера в аптеке! Джек Уильямсон отослал первый рассказ в «Удивительные истории» в 1928 году и не получил ответа. Той же осенью, он отправился в город за продуктами и, проходя мимо аптеки, увидел в витрине обложку журнала. Герой, нарисованный на ней, смахивал на персонажа его рассказа. Джек зашел внутрь и так обрадовался, обнаружив публикацию, что купил все три экземпляра журнала и оставил в аптеке свои сумки с продуктами.

— Значит, у него все-таки были перспективы? Она сказала серьезным тоном:

— Он говорил: «У меня не было будущего, а потом я увидел в витрине «Удивительные истории» Хьюго Гернбека, — и оно появилось».

— Хотел бы я, чтобы оно появилось и у меня.

— Невозможно предсказать свое будущее, но можно наметить к нему путь. Это тоже он сказал.

Она снова повернулась к группе:

— Здесь он также написал «Без остановок к Марсу» — мой любимый рассказ, в котором говорится о колонизации Марса. И еще… — На этот раз она посмотрела на неуклюжего верзилу. — Он разработал идею андроидов.

Группа обошла хижину два-три раза. Туристы то отходили на несколько шагов, то снова приближались — и наматывали все новые круги, указывая на болтающиеся доски и жестяные банки. Что удивительно, никто никуда не торопился. На экскурсии в Блэк-Хиллс мы не продержались и десяти минут на кладбище Храмовой горы под аккомпанемент ребенка, который ныл, не переставая: «Когда мы уже отсюда пойдем?» Эта же группа вела себя так, словно готова была провести здесь целый день. Один из туристов достал блокнот и начал что-то записывать. Пара с ребенком подошла к телке, и все трое осторожно ее погладили.

Вскоре Тоня с водителем уже раздавали пакеты с едой — вся группа, опустившись прямо на землю с гремучими змеями, устроила пикник. Бутерброды оказались черствыми,

печенье каменным, а кола теплой. Как ни странно, никто не жаловался. И не разбрасывал мусор.

Туристы аккуратно собрали обертки от еды в пакеты и снова закружили у дома, заглядывая в окна и пугая парочку обитавших в хижине котов. Некоторые остались сидеть на земле, глядя на развалюху, а несколько человек, подойдя к забору, с тоской смотрели на дом.

— Жаль, что тут нет никого, чтобы провести их внутрь, — сказал я. — Обычно на ранчо животных без присмотра не оставляют — наверняка здесь кто-то есть, показали бы вам дом.

— Здесь живет племянница Джека, Бетти, — охотно пояснила Тоня. — Но она уехала в Кловис за запасными частями для водяного насоса и вернется не раньше четырех.

Она отряхнула юбку от пыли и сухой травы.

— Ну ладно, нам пора.

В ответ раздалось недовольное бурчание, а один ребенок выдал: «Ну можно здесь еще чуть-чуть побыть?» Впрочем, все послушно подобрали пакеты и пустые банки из-под колы и направились к автобусу.

Тоня ставила галочки в списке напротив каждого имени, словно боялась, что кто-нибудь останется и обоснуется тут в компании гремучих змей.

— Картер Стюарт, — сказал я ей. — Куда теперь, в аптеку?

— В аптеке мы были вчера. Так, а где же Андерхилл? Тоня направилась к ранчо. Я последовал за ней. Верзила молча и совершенно неподвижно стоял напротив хижины, глядя в окно на пустую комнату.

— Андерхилл? Нам пора, — окликнула его Тоня.

Он постоял еще минуту, словно пытаясь навсегда запечатлеть в памяти этот вид, а затем неуклюже проследовал мимо нас к автобусу.

Тоня пересчитала туристов, и автобус медленно тронулся с места, проехал мимо дома, развернулся и выбрался на проселочную дорогу.

В салоне царила тишина. Мы добрались до трассы. Туристы бросили последний взгляд на ранчо. Пожилая пара промокнула глаза, а один из детей встал на заднее сиденье и помахал на прощание. Верзила сидел, закрыв лицо руками.

— Ну вот, вы только что увидели хижину, в которой все началось, — сказала Тоня, — с пары дешевых журналов и богатого воображения.

Она рассказала, как Джек Уильямсон стал метеорологом, преподавателем колледжа и научным фантастом; как он путешествовал по Италии и Мексике, добрался до Великой китайской стены — словом, добился всего, что казалось совершенно невозможным в этой убогой хижине, где он в полном одиночестве печатал свои рассказы на машинке с истершейся лентой.

Я слушал ее вполуха, думая об Андерхилле и пытаясь понять, что же мне показалось в нем странным. Не то, как неуклюже он двигался — я и сам после многих часов в машине обычно чувствовал себя совершенно одеревенелым, — нет, было что-то еще. Я вспомнил, как он стоял около хижины и неотрывно смотрел, словно старался унести этот образ с собой. Может, он просто забыл фотоаппарат? И тут до меня дошло: фотоаппаратов не было вообще ни у кого. А ведь туристы всегда фотографируют! На экскурсии в Блэк-Хиллс фотоаппараты были у всех — даже у детей. И видеокамеры тоже. Один парень провел всю экскурсию, не отрывая камеру от лица. Все только и делали, что щелкали: могилу Дикого Билла, экспонаты музея восковых фигур (хоть на них и висели таблички «Не фотографировать!»), друг друга — на фоне салуна, кладбища, автобуса. А еще раскупали открытки в магазинчике сувениров — на случай, если фотографии не получатся.

А тут… ни фотоаппаратов, ни сувениров, ни разбрасывания мусора, ни нарушения правил, ни жалоб. Что ж это за туристы такие?

— Он предсказал Золотой век прекрасных городов, новых законов и механизмов, — говорила Тоня, — невероятных человеческих способностей, цивилизации, покорившей материю и природу, расстояние и время, болезни и смерть.

Я тоже представлял себе такое будущее. Интересно, он когда-нибудь пытался продавать свои идеи фермерам? Эта мысль вернула меня к проблеме работы, о которой я практически весь день умудрился не думать.

Тоня подошла ближе и встала напротив меня, держась за центральный поручень.

— Бедный деревенский мальчишка, практически необразованный, недовольный окружающей его реальностью, стремящийся к иному… Так Джек Уильямсон описывал себя в 1928 году — Она посмотрела на меня. — Вы ведь от предложенного места откажетесь, верно?

— Возможно, — ответил я. — Не знаю.

Она разочарованно посмотрела в окно, на поля и коров.

— Он появился здесь, среди суши, пыли и зарослей полыни. Он понятия не имел, что ждет его в будущем — так же, как и вы сейчас.

— И нашел ответ в витрине аптеки?

— Ответ был внутри него.

Тоня отошла и обратилась к группе:

— Через минуту мы въедем в Порталес. В 1928 году Джек Уильямсон написал: «Наука — это дорога в будущее, а научная фантастика — золотой ключ. Научная фантастика идет впереди и освещает путь. Наука видит вещи, что обретают реальность в воображении писателя, — и воплощает их в жизнь».

Группа разразилась аплодисментами, а автобус тем временем подъехал к стоянке «Порталес-Инн». Я ожидал, что все начнут толкаться в проходе, но никто не встал с места.

— Мы едем дальше, — объяснила мне Тоня.

— А, понятно. — Я встал. — Необязательно было довозить меня до места посадки — я мог бы и пройтись пешком от вашего отеля.

— Ничего, все в порядке, — улыбнулась Тоня.

— Ну что ж… — Мне очень не хотелось с ней прощаться. — Спасибо за интересный тур. А можно пригласить вас на ужин? В качестве благодарности за то, что разрешили поехать с вами.

— К сожалению, я не могу. У меня еще много дел — проследить за регистрацией в отеле и все такое прочее.

— Да, конечно. Ну…

Водитель Джайлз нажал на кнопку, и двери автобуса со свистом раскрылись.

— Спасибо. — Я кивнул пожилой паре. — И вам спасибо — за место.

— А может, присоединитесь к нам завтра? — окликнула меня Тоня. — Мы отправимся смотреть номер 5516.

Номер 5516? Наверное, какая-нибудь проселочная дорога, по которой Джек Уильямсон ходил в школу, — или что-нибудь в этом роде. Бескрайний простор и арахис, на которые группа будут в восторге глазеть, не делая фотографий.

— У меня завтра встреча, — ответил я и тут же сообразил, что не попрощался с ней. — В другой раз. Когда у вас следующий тур?

— Я думала, вы здесь проездом.

— Вы сами сказали — здесь живет много хороших людей. Вы тут часто туры устраиваете?

— Время от времени, — зардевшись, ответила она.

Я проводил взглядом отъезжавший от стоянки автобус и посмотрел на часы. Шестнадцать сорок пять. Еще как минимум час до ужина и пять — до отбоя. Я направился было в гостиницу, но передумал и вернулся на стоянку. Надо бы съездить к офису Кросса, чтобы назавтра не искать дорогу.

Дорогу искать не пришлось — офис располагался на южной границе города, рядом с мотелем «Супер-8». Туристического автобуса у мотеля не оказалось. Не было его и у «Хиллкреста», и у мотеля «Сэндз». Наверное, остановились на ночь в Розвелле или в Тукумкари.

Я снова взглянул на часы. Семнадцать ноль пять. Надо бы перекусить. «Макдоналдс», «Тако Белл», «Бургер Кинг». У забегаловок быстрой еды есть один недостаток: еда там и в самом деле быстрая. Мне же нужно место, в котором полчаса ждешь меню — и еще полчаса, пока не принесут заказ.

В итоге я остановил выбор на «Пицце Хат» (пицца на сковородке за пять минут — или вам вернут деньги).

— Частенько к вам заезжают автобусы с туристами? — спросил я у официантки.

— В Порталес-то?! Шутите! Порталес — местечко посреди дороги из ниоткуда в никуда. Хотите коробку, чтобы унести с собой остаток пиццы?

Хорошая идея. Официантка несла коробку минут десять, так что из «Пиццы Хат» я вышел почти в шесть. Всего-то четыре часа убить. На заправке я купил упаковку колы. Рядом с журналами красовался ряд книжек в мягкой обложке.

— У вас есть Джек Уильямсон? — спросил я парнишку за стойкой.

— А?

Он явно никогда не слыхал об этом авторе.

— Книжный магазин в городе есть?

— В «Алко», по-моему, есть книжный отдел. Но они в пять закрываются.

— А аптека? — спросил я, вспомнив о номере «Удивительных историй» в витрине.

Искры понимания в глазах мальца так и не промелькнуло. Я заплатил за бензин с колой и вернулся к машине.

— Аптека? Там, где аспирин продают и всякое такое? — очнулся парень. — Это вам в «Ван Уинклс» надо.

— Когда он закрывается? — спросил я и направился прямо по курсу

«Ван Уинклс» оказался продовольственным магазином с двумя полками «аспирина и всякого такого» и половинкой ряда книг в мягких обложках. Гришэм. «Парк Юрского периода». Том Клэнси. «Легионы времени» Джека Уильямсона. Похоже, книга стояла тут давно — обложка в стиле пятидесятых поблекла, края обтрепались.

Я взял ее и понес на кассу.

— Приятно, наверное, что у вас в городе живет известный писатель? — спросил я у немолодой кассирши.

— Парень, написавший эту книгу, живет в Порталесе?! Вот это да!

Восемнадцать двадцать две. Ну по крайней мере теперь мне есть что почитать.

Я вернулся в свой номер в гостинице, открыл окна и банку колы и уселся читать «Легионы времени», где девушка путешествовала в прошлое — рассказать герою о своей эпохе.

«Будущее так же реально, как и прошлое», — говорилось в книге. Для героини переместиться во времени было не сложнее, чем туристическому автобусу проехать по 18-й трассе штата Нью-Мексико.

Я закрыл книгу и подумал о сегодняшней экскурсии. У туристов не было ни одной камеры, они не боялись гремучих змей, а на Льяно-Флатто смотрели так, словно никогда не видели ни поля, ни коровы. Все они знали, кто такой Джек Уильямсон, в отличие от служащих на заправке и в «Ван Уинклсе», и были в восторге от двух дней глазения на пустые хижины и проселочные дороги. Нет, погодите-ка — три дня! Тоня ведь сказала, что вчера они ездили в аптеку.

У меня появилась идея. В ящике тумбочки телефонной книги не нашлось. В вестибюле гостиницы дама с голубыми волосами вручила мне справочник размером с «Легионы времени», и я пролистал его до рубрики «Аптеки», где обнаружилась сеть «Эконом» и пара-тройка местных, но не центральных аптек.

— А где находится аптека «Би-энд-Джей»? Недалеко от центра?.

— В паре кварталов.

— Они давно уже работают?

— Погодите-ка… Я покупала там лекарство для Норы, когда она болела крупом… Ей

было шесть… Нет, в шесть у нее была корь, а круп…

Ладно, спрошу в самой «Би-энд-Джей».

— И еще один вопрос, — перебил я, надеясь, что ответ на него будет покороче. — Во сколько открывается университетская библиотека?

Дама вручила мне брошюрку. Библиотека открывалась в восемь, а коллекция Уильямсона — в девять тридцать. Я вернулся в номер и попробовал позвонить в «Би-энд-Джей». Никто не взял трубку.

Стемнело. Я задернул занавески и снова открыл книгу. «Мир — длинный коридор, а время — фонарь, который по нему несут». И ниже: «Если время — протяженность Вселенной, значит ли это, что завтрашний день так же реален, как вчерашний? Если бы кто-нибудь перескочил назад…»

«Или вперед», — подумал я. «Джек Уильямсон жил в этом доме с 1948 по… — Тоня сделала паузу, и только потом добавила: —…настоящий момент». Я-то считал, что она посмотрела на меня — проверить, знаю ли я, кто такой Джек Уильямсон, но вдруг она собиралась сказать: «С 1947 по 1998 год» или «по 2015 год»?

И что, если она постоянно запиналась, потому как приходилось говорить о Джеке в настоящем, а не в прошедшем времени? И прикидывать, в каком это было году — успело событие произойти или нет.

На ранчо она сказала: «Достаточно сильное энергетическое поле сможет переносить через время физические тела, а не только зрительные образы» — и вся группа при этих словах улыбнулась.

Что, если они и были этими физическими телами? Что, если они путешествовали не через пространство, а через время? Но какой в этом смысл? Ведь если можно было выбрать день, они попали бы на посвященную ему неделю лекций иди, по крайней мере, на тот день, когда он оказался бы дома.

Я принялся читать дальше, ища объяснения. В книге говорилось о квантовой механике и теории вероятности, о том, как изменение одного события в прошлом может повлиять на будущее. Возможно, именно поэтому они и приехали в день, когда Джека Уильямсона не было в городе, — чтобы не вступить с ним в контакт, и не изменить ненароком будущее.

А может, «Туры без остановок» просто плохо организованы — и организаторы случайно перепутали даты. У группы не было фотоаппаратов, потому что все забыли их дома. Автобус был наполнен обычными туристами, а «Легионы времени» — фантастический роман. Я же выдумываю безумные теории, чтобы не размышлять о Кроссе и его работе.

Впрочем, обычные туристы не провели бы целый день за разглядыванием хижины-развалюхи в богом забытой дыре. Ну допустим, прибыли они из будущего — ну и смотрели бы на президентов и рок-звезд. Зачем им потребовался писатель-фантаст? Разве что в их будущем осуществилось все, что Уильямсон предсказывал в своих книгах. Может, у них действительно есть генная инженерия, андроиды и космические корабли? Что, если они занимаются терраформацией, высадились на Марсе, и исследуют галактику? В таком случае они почитали бы Джека Уильямсона как отца-основателя — и мечтали бы посмотреть на места, где все начиналось.

На следующее утро я отправился в библиотеку — кое-что выяснить, прежде чем принять окончательное решение по поводу работы. Выезжать из номера нужно было только в двенадцать, так что вещи я оставил в гостинице. Аптеки — «Би-энд-Джей» и «Колледж» — были закрыты, и по виду снаружи нельзя было определить, с какого момента они появились в городе.

Библиотека открывалась в восемь, а коллекция Уильямсона — в девять тридцать. Я подъехал в четверть десятого и какое-то время рассматривал коллекцию через стеклянную дверь. Тоня говорила, что она пока небольшая, но по мне так она выглядела внушительно — ряды книг, картотеки, коробки, фотографии…

Молодой человек в светлых летних брюках открыл дверь и впустил меня внутрь.

— Надо же, у нас сегодня очередь на вход! — воскликнул он. — Первый раз такое!

Это предвосхитило мой вопрос, но я все же его задал:

— А много у вас бывает посетителей?

— Не очень. Меньше, чем могло бы быть — учитывая то, что коллекция посвящена человеку, который практически изобрел будущее. Андроиды, терраформация, антиматерия, — он ведь все это описал в своих книгах. Через две недели посетителей будет больше — начнется лекционная неделя, и сюда обязательно заглянут писатели, которые на ней выступают.

Он включил свет.

— Давайте я вам тут все покажу. Мы постоянно пополняем коллекцию.

Он взял в руки длинную плоскую коробку.

— Вот созданный им комикс «Выше Марса». А здесь мы храним его рукописи. — Он достал из канцелярского шкафа стопку пожелтевших листов. — Вы когда-нибудь с ним встречались?

— Нет. — С портрета на меня глядел седовласый старик с симпатичным, слегка вытянутым лицом. — Что он из себя представляет?

— О, более приятного человека вы в жизни не встретите! Сложно поверить, что он — один из основателей научной фантастики. Он сюда часто заскакивает. Отличный парень. Сейчас работает над новой книгой «Черное солнце». Жаль, уехал на эти выходные из города, а то я бы вас познакомил — он всегда рад пообщаться с поклонниками. Может, вас интересует что-то конкретное?

— Вообще-то, да. Говорят, журнал со своим первым рассказом он увидел в витрине аптеки. Что это была за аптека?

— В Техасе, в городе Каньон. Они с сестрой ходили там в школу.

— А вы знаете ее название? И как ее найти?

— Да она давно закрылась, наверняка даже здание снесли. Тоня сказала: «Мы были там вчера». Интересно, в каком

году и в какой день? В тот самый, когда Джек купил три экземпляра и забыл сумку с продуктами? И во что они были одеты? В ситцевые платья и двубортные пиджаки?

— У нас есть этот номер. — Он вытащил из пластиковой папки ветхий журнал с яркой обложкой, на которой был нарисован человек, вылетающий из кратера на сверкающем кристалле:

— Декабрь 1928 года. Жаль, что аптеки больше нет. Зато хижина, в которой он писал первые рассказы, еще жива — находится на ранчо его брата, к югу по 18-й трассе. Там сейчас Бекки — она вам все покажет.

— А здесь экскурсионные группы бывают? — перебил я.

— Группы? — удивился он, а потом, видимо, решил, что я шучу. — Ну, он ведь не настолько знаменит.

«Ну да», — подумал я, прикидывая, через сколько лет здесь появятся «Туры без остановок». Через десять? Сто? И что будет надето на туристах?

Я взглянул на часы. Без четверти десять.

— Мне пора — встреча. — Я направился было к выходу, но обернулся. — Знакомый, что рассказывал про аптеку, еще упоминал номер 5516. Это что-то из книг Уильямсона?

— 5516? Нет, это астероид, названный в его честь. А вы откуда знаете? Я думал, это будет сюрпризом. Ему выдадут пластину только на лекционной неделе.

— Астероид, — повторил я, направляясь к выходу.

— Спасибо, что заскочили, — сказал библиотекарь. — Вы проездом или здесь живете?

— Живу.

— Ну, тогда заезжайте еще!

Я спустился по лестнице. Без десяти десять. Как раз хватит времени добраться до Кросса и сообщить, что принимаю его предложение.

На стоянке никаких туристических автобусов не было — значит, Джек Уильямсон, должно быть, уже вернулся с конвента. После встречи с Кроссом я собирался заехать к

Джеку и представиться.

«Я знаю, что вы чувствовали, когда увидели «Удивительные истории», — скажу ему я. — Меня тоже интересует будущее. Мне нравятся ваши слова о том, что научная фантастика освещает путь, а наука делает будущее реальностью». Я направился через город по 70-й трассе. Астероид! Зря я с ними не поехал.

«Будет интересно», — сказала Тоня. Вот уж точно. Ну ладно, в следующий раз. Только я еще хочу посмотреть на терраформацию. И отправиться на Марс.

Я свернул на юг, к офису Кросса, и проехал мимо указателя «Розвелл — девяносто две мили».

— Заезжайте еще, — сказал я, высовываясь из окна. — Обязательно!

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Два года назад мне посчастливилось выступать на лекционной неделе Джека Уильямсона в Порталесе, штат Нью-Мексико, что не только позволило провести время с Джеком, но и собрать материал для этой новеллы. Мы с семьей Джека провели на ранчо восхитительный день за увлекательной беседой и самой вкусной спаржей на свете. Когда меня попросили представить рассказ для этого сборника, я сразу поняла, о чем хочу написать.

При написании этой новеллы я перечитала ранние истории Джека. Множество научно-фантастических произведений тридцатых-сороковых годов безнадежно устарели (и дело не только в описанных там тепловых лучах и вакуумных трубах), но истории Джека совершенно не потеряли своей актуальности. «Станция Мертвой Звезды», «Джамбори» и, конечно, «Без остановок к Марсу» и сейчас оторвали бы с руками в изданиях типа «Аналог» или «Журнал фэнтези и научной фантастики».

А главное, «До Порталеса без остановок» дал мне возможность написать о Джеке, которого я очень люблю: об ученом и настоящем джентльмене, о человеке выдающегося таланта и удивительной скромности, впечатляющего ума и огромной доброты. Нам потрясающе повезло, что он — один из отцов-основателей нашего жанра.

Конни Уиллис, 1996

ШТРАФ ЗА ПАРКОВКУ И ПРОЧИЕ НЕПРИЯТНОСТИ

МНОГО ШУМУ[12]

В понедельник перед весенними каникулами я сообщила классу, в котором веду английскую литературу, что мы приступаем к Шекспиру. В это время года в Колорадо от погоды ничего хорошего не жди. Весь снег, требующийся лыжным курортам, мы получаем в декабре, используем календарные снежные дни и в завершение получаем добавочную неделю в июне. Прогноз в программе «Сегодня» снега до субботы не предвидит, но немножко везения — и мы получим его раньше.

Мое объявление было встречено бурно. Пола ухватила свой диктофон и мгновенно перемотала пленку, чтобы запечатлеть все мои слова до последнего, Эдвин Саммер самоуверенно ухмыльнулся, а Далила сгребла учебники, громко топая, вышла из класса и хлопнула дверью так, что разбудила Рика. Я раздала листки «да/нет», сказала, что они должны вернуть их в среду. Шарон я дала один лишний для Далилы.

— Шекспир считается одним из самых великих наших писателей, возможно, самым

---

12 Ado © Перевод. И. Гурова, 1997

великим, — сказала я, адресуясь к диктофону Полы. — В среду я расскажу о биографии Шекспира, а в четверг и пятницу мы будем читать его творения.

Вэнди подняла руку:

— Мы прочтем все пьесы?

Иногда я ловлю себя на мысли: где, собственно, Вэнди провела последние годы? Во всяком случае, не в этой школе, а возможно, и не в этой Вселенной.

— Что именно нам предстоит изучать, пока не решено, — сказала я. — Встреча с директором у меня завтра.

— Лучше пусть будет одна из трагедий, — зловеще произнес Эдвин.

К обеду новость облетела всю школу.

— Желаю удачи, — сказал в учительской Грэг Джефферсон, биолог. — Я как раз кончил проходить эволюцию.

— Неужели опять подошло это время года? — вздохнула Карен Миллер (она преподает американскую литературу по ту сторону коридора). — А я еще не добралась до гражданской войны.

— Да, подошло, — сказала я. — Ты не могла бы взять мой класс завтра в свой свободный час? Мне надо поговорить с Хэрроус.

— Возьму хоть на все утро. Мы проходим «Танатопсис».[13] На тридцать милых деток больше — какая разница?

— «Танатопсис»? — переспросила я с уважением. — Целиком?

— За исключением десятой и шестьдесят восьмой строки. Жуткая вещь, ты знаешь. И по-моему, никто не способен разобраться в ней настолько, чтобы заявить протест. Заглавие я оставлю без перевода.

— Выше нос! — посоветовал Грэг. — Может, разразится буран.

Небо в четверг было ясным, температура, согласно метеосводке, держалась на пятнадцати-шестнадцати градусах. Подходя к школе, я увидела Далилу в шортах и майке с алой надписью «Старшеклассники Против Культа Дьявола В Школах». Она держала на палке плакат «Шекспир — Прислужник Сатаны» с ошибками в «Шекспире» и «Сатане».

— К Шекспиру мы приступим завтра, — сказала я ей. — У тебя нет причины отсутствовать на занятиях. Миссис Миллер ведет урок о «Танатопсисе».

— За исключением десятой и шестьдесят восьмой строки. К тому же Брайант был деист, а это то же, что сатанист. — Она сунула мне свои листок с «нет» и пухлый конверт.

— Здесь наши протесты, — сказала она и вдруг понизила голос. — А что значит слово «танатопсис»?

— По-индейски оно означает «Та, что прячется за свою религию, чтобы прогуливать уроки и загорать».

Я вошла, направляясь в библиотеку, извлекла из бронированного подвала Шекспира и явилась к директрисе. Миссис Хэрроус уже приготовила шекспировскую папку и коробочку бумажных носовых платков.

— А обойтись без этого вы не можете? — спросила она, сморкаясь.

— Пока у меня в классе учится Эдвин Саммер, не могу. Его мать возглавляет президентскую Ударную Силу, Противостоящую Отсутствию Знакомства С Классиками.

Я добавила протест Далилы к стопке на столе и села за компьютер.

— Ну, может, будет легче, чем мы опасаемся, — сказала я. — С прошлого года было предъявлено достаточно исков, чтобы сбросить со счетов «Макбет», «Бурю», «Сон в летнюю ночь» и «Ричарда Третьего». Далила хорошо потрудилась, заметила я, вводя нецензурированную дискету и программы изъятий и толкований. — Но я что-то не помню

---

[13] «Размышление о смерти». Стихотворение Уильяма К. Брайанта(1813).

колдовства в «Ричарде Третьем».

Она чихнула и схватила еще платок.

— Его там и нет. Иск был о клевете. Его пра-пра-пра-пра и так далее потомок с какого-то боку утверждает, что убийство маленьких принцев ему приписывается без достаточных доказательств. Да это и не важно. Королевское Общество Восстановления Божественного Права Королей добилось запрета всех хроник. И что это за погода?

— Ужасная, — сказала я. — Теплая и солнечная. — Я набрала код каталога и исключила «Генриха IV», части первую и вторую, й весь остальной ее список. — «Укрощение строптивой»?

— Союз Разгневанных Женщин. А также «Виндзорские проказницы», «Ромео и Джульетта» и «Напрасные усилия любви».

— «Отелло»? Ну да, ясно. «Венецианский купец»? Лига Противников Диффамации?

— Нет. Ассоциация Американских Юристов. И Международные Гробовщики. Они протестуют против свинцового ларца в третьем действии как иносказательного обозначения гроба. — Она высморкалась.

На то, чтобы разобраться с пьесами, у нас ушли первые два урока, а почти весь третий мы потратили на сонеты…

— На четвертом уроке я занята, а потом дежурю в столовой. Остальное придется перенести на вторую половину дня.

— А что там остального? — спросила миссис Хэрроус.

— «Как вам это понравится» и «Гамлет», — ответила я. — Боже мой, как это они проморгали «Гамлета»?

— А насчет «Как вам это понравится» вы уверены? — спросила миссис Хэрроус, перебирая свою пачку. — Мне кажется, кто-то добился судебного запрета.

— Вероятно, Матери Против Травести, — сказала я. — Во втором акте Розалинда переодевается мужчиной.

— Нет. Вот оно. Клуб «Сиерра». «Посягательства на окружающую среду». Какие посягательства? — Она посмотрела на меня.

— Орландо вырезает имя Розалинды на коре дерева. — Я наклонилась так, чтобы увидеть, что делается за окном. Все так же злорадно сияло солнце. — Видимо, возьмемся за «Гамлета». Эдвин и его мамаша будут счастливы.

— Нам еще надо пройтись по каждой строке, — напомнила миссис Хэрроус. — У меня невыносимо першит в горле.

Я уговорила Карен заменить меня и на последних уроках. Литература для подростков. Мы проходили Беатрис Поттер, и ей надо было просто раздать вопросник по «Бельчонку Орешкину». Я дежурила снаружи. Жарко было так, что я сняла жакет. Общество «Студенты за Христа» маршировало вокруг школы с плакатами «Шекспир был секулярным гуманистом».

Далила лежала на крыльце, благоухая маслом для загара, и томно помахивала мне своим «Шекспир — Прислужник Сатаны».

— «Вы сделали великий грех, — процитировала она. — Изгладь и меня из книги Твоей, в которую Ты вписал». «Исход», глава тридцать вторая, стих тридцатый.

— «Первое послание к Коринфянам», тринадцать, три, — сказала я. — «И если отдам тело мое на сожжение, а любви не имею — нет мне в том никакой пользы».

— Я позвонила доктору, — сказала миссис Хэрроус. Она стояла у окна и смотрела на пылающее солнце. — Он думает, что у меня, возможно, пневмония.

Я села за компьютер и ввела «Гамлета».

— Ну, не все так черно. Во всяком случае, у нас есть программы изъятия и толкования. Нам не придется делать Все вручную, как прежде.

Она села перед своей стопкой.

— Как будем работать? Построчно или группируя?

— Начнем с самого начала.

— Строка первая. «Кто здесь». Национальная Коалиция Противников Усечений.

— Лучше будем группировать, — сказала я.

— Хорошо. Сначала уберем самые существенные. Комиссия Предупреждения Отравлений считает, что «наглядное описание отравления отца Гамлета может вызвать подражательные преступления». Они ссылаются на дело в Нью-Джерси, когда шестнадцатилетний подросток, прочитав пьесу, влил в ухо отцу политуру. Минуточку. Возьму платок. Фронт Освобождения Литературы протестует против фраз «Бренность, ты зовешься женщина!» и «О пагубная женщина!» и против монолога о речи, а также против королевы.

— Королевы целиком? Она заглянула в листок:

— Да. Все реплики, упоминания и аллюзии. — Она пощупала себя под подбородком, сначала слева, потом справа. — По-моему, у меня распухли железки. Это симптом пневмонии, как по-вашему?

С пакетом вошел Грэг Джефферсон.

— Я решил, что вам потребуется подкрепить силы. Как идут дела?

— Мы потеряли королеву, — ответила я. — Что дальше?

— Национальный Совет По Столовым Приборам протестует против изображения рапир как смертоносного оружия.

«Рапиры не убивают людей. Людей убивают люди». Копенгагенская Торговая палата возражает против реплики «Подгнило что-то в Датском государстве». Студенты Против Самоубийства, Международная Федерация Флористов и Красный Крест протестуют против того, что Шекспир утопил Офелию.

Грэг расставил на столе флаконы сиропа от кашля и коробочки с таблетками от насморка, а мне вручил пузырек валерьянки.

— Международная Федерация Флористов? — переспросил он.

— Она упала в ручей, собирая цветы, — ответила я. — Как там с погодой?

— Просто летняя, — ответил он. — Далила пользуется алюминиевым солнечным рефлектором.

— Осел, — сказала миссис Хэрроус.

— Извините? — переспросил Грэг.

— ОСЕЛ, Организация «Солнце — Елей Лета» возражает против строки «Мне даже слишком много солнца». — Миссис Хэрроус отхлебнула сироп из горлышка.

К концу уроков мы дошли только до половины. Объединение Монахинь возражало против реплики «Уйди в монастырь», Толстяки, Гордые Своей Толщиной, требуют убрать монолог, начинающийся: «О если б этот плотный сгусток мяса», а мы еще не добрались до списка Дал ил ы, занявшего восемь страниц.

— Какую пьесу мы будем проходить? — спросила Вэнди, когда я вышла.

— «Гамлета», — ответила я.

— «Гамлета»? — повторила она. — Та, про парня, чей дядя убивает короля, а потом королева выходит за дядю?

— Больше не выходит, — сказала я. За дверями меня поджидала Далила.

— «Многие, собравшие книги свои, сожгли их перед всеми». «Деяния», девятнадцать, девятнадцать.

— «Не смотрите на меня, что я смугла, ибо солнце опалило меня».

* * *

В среду было пасмурно, но все равно тепло. Ветераны За Чистоту Америки и Стражи

Сублиминального Соблазна устроили пикник на лужайке. Далила была в очень короткой майке.

— То, что вы вчера сказали, что солнце смуглит людей, откуда это?

— Из Библии, — сказала я. — «Песнь песней Соломона». Глава первая, стих шестой.

— А-а! — сказала она с облегчением. — В Библии ее больше нет. Мы ее выкинули.

Миссис Хэрроус оставила мне записку. Она ушла к врачу и ждет меня на третьем уроке.

— Мы начнем сегодня? — спросила Вэнди.

— Если все принесли листки, а не забыли их дома. Я собираюсь рассказать вам о жизни Шекспира, — сказала я. — Не знаешь, какой на сегодня прогноз?

— Ага! Обещают самую лучшую погоду.

Я поручила ей собрать листки с «нет», а сама просмотрела свои заметки. Год назад Иезавель, сестра Далилы, пол-урока писала протест против «попытки проповедовать промискуитет, контроль над рождаемостью и аборты», заявив, что «Энн Хэтеуэй забеременела до брака». «Промискуитет», «аборт», «беременна» и «брака» были написаны с ошибками.

Листков никто не забыл. Все с «нет» я отослала в библиотеку и приступила к рассказу.

— Шекспир, — сказала я, и диктофон Полы щелкнул. — Уильям Шекспир родился двадцать третьего апреля тысяча пятьсот шестьдесят четвертого года в Стрэтфорде-на-Эйвоне.

Рик, который весь год не поднимал руки и вообще не подавал признаков жизни, поднял руку.

— Вы предполагаете уделить столько же времени бэконовской теории? — сказал он. — Бэкон родился не двадцать третьего апреля тысяча пятьсот шестьдесят четвертого года. Он родился двадцать первого января тысяча пятьсот шестьдесят первого года.

К третьему уроку миссис Хэрроус от врача не вернулась, а потому я взялась за список Далилы. Она протестовала против сорока трех упоминаний духов, призраков и тому подобного, против двадцати одного непристойного слова («непристойный» с орфографической ошибкой) и семидесяти восьми, которые, по ее мнению, могли означать непристойности, как-то: «нимфа», «малевание» и тому подобные.

Миссис Хэрроус вошла, когда я добралась почти до конца списка, и швырнула дипломат на стол.

— Результат стресса! — сказала она. — У меня пневмония, а он говорит, что мои симптомы — результат стресса.

— Снаружи все еще пасмурно?

— Снаружи двадцать три градуса. На чем мы остановились?

— Опять Международные Гробовщики, — сказала я. — «Смерть подается как нечто всеобщее и неизбежное». — Я прищурилась на документ. — Как-то странно.

Миссис Хэрроус забрала у меня лист.

— Это их протест против «Танатопсиса». На прошлой неделе они проводили свой национальный съезд. И сразу подали пачку протестов. Я еще не успела их рассортировать. — Она порылась в своей стопке. — А вот о «Гамлете». «Негативное изображение персонала, готовящего погребение…»

— Могильщики.

— «…и неверное воспроизведение правил погребения. В сцене не фигурируют ни герметически закрытый гроб, ни склеп».

Мы работали до пяти часов. Общество Пропаганды Философии сочло реплику «И в небе и в земле сокрыто больше, чем снится вашей мудрости, Горацио» оскорблением их профессии. Актерская Гильдия протестует против того, что Гамлет нанял актеров, не состоящих в профсоюзе, а Лига Защиты Драпировок возмущена, что Полония закололи сквозь ковер. «Вся сцена внушает мысль, что ковровые портьеры опасны, — пишут они в

своем иске. — Драпировки не убивают людей. Людей убивают люди».

Миссис Хэрроус положила документ на верх стопки и отхлебнула сиропа.

— Вот так. Еще что-нибудь осталось?

— По-моему, да, — сказала я, набрала «переформатировать» и всмотрелась в экран. — Кое-что имеется. Как насчет «Есть ива под потоком, что склоняет седые листья к зеркалу волны»?

— «Седые листья» вам не протащить, — заметила миссис Хэрроус.

В четверг я пришла в школу перед половиной восьмого, чтобы напечатать тридцать экземпляров «Гамлета» для моего класса. За ночь похолодало и стало еще пасмурнее. Дал ил а пришла в парке и рукавицах. Лицо у нее было малиновым, а нос начинал лупиться.

— «Неужели всесожжения и жертвы столько же приятны Господу, как послушание гласу Господа»? «Первая Царств», пятнадцать, двадцать два.

И я погладила ее по плечу.

— Ую-юй! — охнула она.

Я раздала экземпляры «Гамлета» и поручила Вэнди и Рйку читать за Гамлета и Горацио.

— «Как воздух щиплется: большой мороз», — прочла Вэнди.

— Где это? — спросил Рик. Я ткнула пальцем в строку.

— А! «Жестокий и кусающийся воздух».

— «Который час?» — прочла Вэнди.

— «Должно быть, скоро полночь».

Вэнди перевернула свой лист и посмотрела на обороте.

— И только? — сказала она. — Это весь «Гамлет»? А я думала, его дядя убил его отца, а потом призрак сказал ему, что с согласия его матери, а он сказал: «Быть или не быть», а Офелия самоубилась, и вообще. — Она еще раз перевернула лист. — Это же никак не вся пьеса!

— Пусть-ка попробовала быть всей! — сказала Далила, входя со своим плакатом на палке. — Лучше, чтобы в ней не было никаких призраков. Или малевания.

— Тебе не нужно немножко соларкацина, Далила? — спросила я.

— Мне нужен фломастер, — произнесла она с достоинством.

Я достала ей фломастер из ящика стола, и она удалилась деревянной походкой, словно каждый шаг причинял ей боль.

— Нельзя же выбрасывать что-то из пьесы, потому что кому-то это не нравится! — сказала Вэнди. — Ведь тогда пьеса теряет смысл. Спорю, будь Шекспир тут, он бы не позволил вам выбрасывать…

— Если допустить, что ее написал Шекспир, — перебил Рик. — Если во второй строке взять каждую вторую букву, кроме первых трех и последних шести, то они сложатся в «боров», явно кодовое слово для Бэкона.

— Снежный день! — сказала миссис Хэрроус по коммуникатору. Все кинулись к окнам. — Мы кончим пораньше. В девять тридцать.

Я посмотрела на часы. Девять часов двадцать восемь минут.

— Организация Озабоченных Родителей заявила следующий протест:

«Поскольку идет снег и, согласно прогнозу, будет идти еще и поскольку снег может сделать улицы скользкими, ухудшить видимость, вызвать столкновения автобусов, обморожения и лавины, мы требуем, чтобы школы сегодня и завтра были закрыты и наши дети не подвергались опасности». Автобусы отойдут в девять тридцать пять. Приятных весенних каникул.

— Снег тает, даже не долетев до земли, — сказала Вэнди. — Так мы никогда не доберемся до Шекспира.

В холле Далила на коленях наклонялась над своим плакатом и вымарывала слово

«прислужник».

— Сюда приперлись Феминистки Против Языковой Дискриминации, — сказала она брезгливо. — Притащили судебное постановление. — Над зачеркнутым «прислужником» (слово мужского рода!) она надписала «прислуга» (женский род). — Постановление суда. Нет, вы только подумайте! А наша свобода слова где?!

— Ты сделала ошибку в «прислуге».

ВОЗЛЮБЛЕННЫЕ МОИ ДОЧЕРИ[14]

Баррет: Я этого ее пса… Октавиус!
Октавиус: Сэр?
Баррет: Уничтожить псину! Немедленно!
Октавиус: Н-но… н-не понимаю, п-при чем тут бедное животное…
«Барреты с Уимпоул-стрит»

Первым делом соседка по комнате рассказала мне историю всей своей жизни. Вторым — заблевала мне всю кровать. Добро пожаловать в Ад.

Да знаю я, знаю — сама виновата, что оказалась здесь с этой тупой салагой. Папочкина ненаглядная девочка, завалив экзамены, вернулась в общежитие — пока администратор не доложит, что ученица снова стала паинькой. Хотя зря, конечно, запихнули меня в отделение для бесплатников. Эти заучки из внешних колоний — все до одной испуганные целки. То ли дело богатенькие — те-то, хоть и с приветом, вовсю вжих-вжихались в частных школах, да и что-нибудь новенькое выучить не прочь. Эта же дуреха палку от щелки не отличит — и не разберется, что куда совать. Да еще и уродка — стрижка под горшок, так сейчас даже детей из внешних колоний не стригут. Звать ее Зибет, родом из занюханной колонии Мэрисон-Уиннет, три младших сестры, мать умерла, отец не хотел ее сюда отпускать. Зибет выпалила все это залпом, демонстрируя дружелюбие, а потом блеванула, — весь ужин выплеснула на меня и на мои новехонькие шлифоновые простыни.

Белье это, между прочим, самое приятное воспоминание о летних каникулах. Папочка заслал меня в лес, полный склизких шлифоновых деревьев и благородных аборигенов, — типа закалять характер, а на самом деле — из-за заваленных экзаменов. Но благородные аборигены оказались гениями не только в изготовлении своего знаменитого продукта, на котором практически не ощущается трение. Вжих-вжих на шлифоновых простынях — нечто неповторимое, и я за лето доросла до уровня эксперта в этой области. Брауну такого пробовать не доводилось. Что ж, я с удовольствием ему продемонстрирую.

— Прости меня, прости, — говорила Зибет без конца, словно икала, и лицо ее то краснело, то бледнело, словно гребаная сигнализация. Крупные слезы стекали по щекам, падая на блевотину. — Наверное, в шаттле немного укачало.

— Ага. Да не реви ты, вжиха ради, подумаешь — ерунда какая. В вашей Мэри-сунет-вынет прачечных, что ли, нет?

— Мэрисон-Уиннет. Это родник так называется. Неиссякаемый.

— Точь-в-точь как ты, детка. — Я собрала белье в кучу, блевотиной внутрь. — Пустяки. Сестра-хозяйка обо всем позаботится.

Зибет явно была не в состоянии сама нести белье вниз, да оно и к лучшему — Мамуля, увидев ее крокодильи слезы, тут же наградит меня новой соседкой. Конечно, и эту идеалом не назовешь. Я уже сообразила, что вряд ли она способна делать домашние задания без истерик, пока мы с Брауном вжих-вжихаемся на свежих простынях. С другой стороны, проказы у нее нет, тонну она не весит и за щелку меня не ухватила при первой возможности. В общем, могло быть и хуже, причем гораздо.

---

[14] All My Darling Daughters © Перевод. В. Дегтярева, 2010

Хотя могло бы быть и лучше. Свидание с Мамулей в первый же день семестра — не самое прекрасное начало учебного года, но ничего не поделаешь. С мерзким комком простыней в руках я спустилась по лестнице и постучала в дверь.

Мамуля у нас — женщина не промах. Приходится выстаивать в малюсеньком закутке у входа в ее комнату и дожидаться, пока она соизволит ответить. Закуток этот — вылитая крысиная клетка, плюс маленькое дополнение от Мамули — три больших зеркала, которые наверняка обошлись ей в целое состояние. Но оно того стоило, Иисус-мать-его-Марию: оружие против студентов получилось потрясающее, потому что отражения демонстрируют тебе криво сидящую юбку, растрепанные волосы и капельку пота над губой — верный признак дикого страха. В итоге ко времени, когда Мамуля наконец отвечает на стук — минут через пять, если у нее окажется хорошее настроение, — ты или чувствуешь, что у тебя крыша едет, или просто сбегаешь. Определенно — женщина не промах.

Вины за собой я не чувствовала, а юбка моя никогда прямо не сидела, так что зеркала мне были нипочем. Однако пять минут в этой душегубке не прошли даром — хотя нос мой практически упирался в вонючее белье, я успела подготовить речь. Представляться не имело смысла — все равно администратор наговорил ей про меня кучу гадостей. Сообщать о том, что это мои простыни, тоже не стоило — пусть думает, что они принадлежит целке.

Мамуля открыла дверь, и я одарила ее ослепительной улыбкой:

— У моей соседки тут проблемка возникла. Она совсем новенькая — и, наверное, переволновалась в шаттле…

Я ожидала лекции на тему бережного обращения с вещами, важности утилизации И божественности чистоты — в этой занюханной общаге и шагу не ступить без подобных нотаций. Но Мамуля меня удивила.

— Что ты с ней сделала?

— Я? Да ее стошнило! Вы думаете, я ей пальцы в горло запихивала?

— Что ты ей дала? Самурай? Флоут? Алкоголь?

— Вжихнутый Иисус, да когда бы я успела?! Она зашла в комнату, сказала, что из какой-то Мэрижопы, — и тут же блеванула.

— И?

— Что «и»? Может, видок у меня и тот еще, но вряд ли он вызывает у новеньких рвоту.

У Мамули, судя по выражению лица, на этот счет было другое мнение. Я всучила ей вонючий ком.

— Послушайте, мне совершенно все равно, что вы с этим сделаете — не моя забота. Главное, чтобы малышка получила чистое белье.

На мерзкие простыни Мамуля смотрела значительно нежнее, чем на меня.

— Утилизация в среду До этого поспит на голом матрасе.

Мария-мастурия, до среды новую простыню можно связать — вон сколько пуха по территории гребаного колледжа летает. Я вырвала у нее простыни.

— Пошла на хер, мразь.

Ну и получила два месяца ареста в спальне и встречу с администратором.

Я спустилась на третий уровень и сама разобралась с бельем. Пришлось, конечно, раскошелиться — ведьмы должны помнить об уроне, который причиняем хрупкой окружающей среде, и прочее, и прочее. Чушь собачья. Среда у нас хрупкая, как щелка старшекурсницы. Старикан Молтон купил этот третьеразрядный Ад-Пять, и ему взбреднулось построить здесь копию колледжа своего детства. Чем он вообще думал, когда покупал эту рухлядь, — загадка. Видно, идея ему прямиком в точку Лагранжа втемяшилась.

Как же быстро и невнятно, должно быть, тараторил риелтор, раз убедил старикана в том, что Ад чем-то смахивает на Эймс, штат Айова. Хорошо еще, со времени постройки здесь хоть что-то подправили, а то мы бы так и парили в невесомости над этим убогим местом. Мало было старикану наладить гравитацию, починить трубы и нанять учителей — он еще и построил общежитие из песчаника, разбил футбольное поле и посадил деревья!

Конечно, все это обошлось в целое состояние, и теперь здесь учатся только богатенькие да те, что на, особом попечении — плюс несколько стипендиатов Молтоновского благотворительного фонда. В те времена для удовлетворения отцовских инстинктов нельзя было просто вжихнуть сперму в баночку, вот Молтон и отгрохал колледж. А мы теперь торчим здесь, затерянные в космосе, в компании заполонивших все и вся хлопковых деревьев.

Иисус-мать-его-Марию, деревья! Атмосферу столетней давности — круглые шапочки первокурсников, предматчевые собрания и прочее — еще можно пережить. Плиссированные юбки и кардиганы так и вовсе обеспечивают легкий доступ к телу. Но эти чертовы деревья!

Сначала у нас тут сменялись сезоны. Зимой отмораживаешь щелку, летом задыхаешься — как в старой доброй Айове. В те времена еще сносно было: месяц от пуха дышать нечем, потом все, как миссисипские рабы, горбатятся на сборе — и благополучно сплавляют урожай на Землю. Но в итоге это оказалось слишком дорого даже для Молтона. Пришлось перейти на усредненный климат, как и все остальные Ады-Пять. Конечно, деревьям об этом никто не сообщил — и теперь они плюются пухом и сбрасывают листья, когда им заблагорассудится, — то есть весь год напролет. Пройти в таких условиях по двору и не задохнуться — настоящее достижение.

Под землей деревья тоже поработали на славу, радостно впившись корнями в кабели и трубы, — так что теперь у нас ничего не работает. Зуб даю — даже если вся внешняя оболочка полетит к чертям собачьим, никто и не заметит, потому что корневая система удержит нас на месте. И администратор еще спрашивает, почему мы называем это место Адом. Да пусть этот хрупкий баланс раз и навсегда летит вверх тормашками!

Я продезинфицировала белье и сунула его в стиральную машину, последними словами поминая новеньких и размышляя, как бы половчее обойти арест. В прачечную заглянула Арабел.

— Тавви! Ты когда вернулась? — Само очарование, как обычно. На первом курсе мы играли во всякие лесби-штучки — и она, похоже, жалеет порой, что все осталось в прошлом. — На классную вечеринку пойдешь?

— Я под арестом. — Арабел, прямо скажем, не самый крупный спец по вечеринкам. Она бы и в компании пластиковой палки классно повеселилась. — А где вечеринка-то?

— В моей комнате. Браун тоже там, — небрежно обронила она. Ну конечно — я должна тут же выпрыгнуть из штанов и рвануть к лестнице. Вместо этого я отвернулась и задумчиво посмотрела на белье в машине.

— Ты чего сюда пришла, Арабел?

— Флоут раздобыть. У нас машина не работает. Так что, пойдем? Арест тебя раньше не останавливал.

— Была я на твоих вечеринках, Арабел. Смотреть на стирку белья и то интереснее.

— Ты права, — со вздохом ответила Арабел. Совсем на нее не похоже.

— Что случилось?

— Ничего, — озадаченно протянула она. — Такая вот самурайская вечеринка без самураев. Ни одной палки поблизости — и не предвидится. Вот я сюда и пришла.

— А Браун? — Браун, конечно, тот еще псих, но чтобы вступить в ряды приверженцев целибата? Что-то не верится.

— Браун тоже. Они все сидят и ничего не делают.

— Значит, закинулись чем-нибудь. Новую дурь на каникулах раздобыли. — Я решительно не понимала, из-за чего тут расстраиваться.

— Нет, — ответила Арабел. — Ничем они не закинулись. Пойдем, сама увидишь. Ну пойдем, пожалуйста.

Может, конечно, это просто уловка, чтобы затащить меня на убогую вечеринку. А может, и нет. В любом случае, нечего Мамуле думать, что арест меня сильно расстроил. Я повесила на стиральную машину замок, чтобы белье никто не спер, и отправилась за Арабел.

Арабел нисколько не преувеличивала. Вечеринка и впрямь была убогая — даже по ее заниженным меркам. Чувствовалось это с первой же минуты: несчастные девчонки, равнодушные парни. Ну ладно, может, все не так уж и плохо? Как-никак Браун здесь. К нему-то я и направилась.

— Тавви! — с улыбкой сказал он. — Как лето провела? Научилась чему-нибудь у аборигенов?

— А то. Гребаному папаше и не снилось, — улыбнулась я в ответ.

— Он хочет для тебя самого лучшего, — произнес Браун. Я уж было начала отвечать что-то остроумное, но сообразила, что он это без юмора заявил. Браун ведь, как и я, на особом попечении, — так что просто не может не шутить. Но нет, он был совершенно серьезен — даже улыбка исчезла.

— Отец тебя защищает — для твоего же блага. Вжихнутый Иисус, точно чем-то закинулся.

— Как же, нужна мне его защита, — ответила я. — Ты сам прекрасно знаешь.

— Угу, — разочарованно буркнул он и отошел.

Да что за фигня творится?! Браун прислонился к стене и следил за Септом с Арабел. Арабел уже сняла свитер и стягивала юбку — мне и раньше доводилось видеть ее в таком состоянии, а иногда и быть его причиной. Вот только подобного отчаяний на ее лице я не замечала еще ни разу. Что-то явно не складывалось. Септ разделся, и его палка выглядела весьма внушительно, но выражение лица Арабел не изменилось. Септ повернулся к Брауну, осуждающе покачал головой и вплотную занялся Арабел.

— У меня все лето никого не было. — Браун возник сзади, накрывая ладонью мою щелку. — Пойдем-ка отсюда.

С радостью.

— Ко мне нельзя — целка в соседки досталась. Может, к тебе?

— Нет! — резко ответил он, и тут же добавил, уже спокойнее: — Та же проблема. Парень только что с шаттла. Хотелось бы ввести его в курс дела поделикатнее.

Врешь, Браун. И вот-вот сдашь назад.

— Есть тут одно местечко, — выпалила я и быстро потащила его в прачечную, пока не передумал.

Лихорадочно избавившись от одежды, я бросила на пол высохшую шлифоновую простыню и улеглась, однако Браун никуда не торопился. Гладкая поверхность простыни, похоже, настроила его на лирический лад, и он прошелся руками по всему моему телу.

— Тавви, — шепнул он, скользя губами от бедер к шее. — Я почти забыл, какая нежная у тебя кожа.

Браун вроде как говорил сам с собой. О чем?! Не мог он жить без вжих-вжиха все лето — иначе сейчас рвался бы в бой, а не вел себя так, словно ему совершенно некуда спешить.

— Почти забыл… совсем не похоже на…

На что не похоже?! Я взъярилась. Что же там такое у него в спальне?! И чем оно лучше меня?!

Я раздвинула ноги пошире, чтобы Брауну было удобнее. Он недовольно приподнял голову и снова начал медленно чертить языком дорожку по коже. Он что, думает, я могу ждать вечно?

— Давай же! — шепнула я, пытаясь бедрами направить его в нужное русло. — Входи, Браун! Я хочу вжихаться! Пожалуйста!

Браун поднялся на ноги — так резко, что я треснулась затылком о каменный пол. Натягивая одежду, он выглядел… виноватым? сердитым?

Я села.

— Какого хрена?

— Ты не поймешь. Я все думаю о твоем отце.

— О моем отце?! Да что за херня, Браун?!

— Слушай, не могу объяснить. Просто… не могу.

И он ушел. Взял и ушел. Распалил меня так, что я вот-вот кончу, — и что в итоге? Шишка на затылке — и только.

— Нет у меня никакого отца, мудила! — крикнула я ему вслед.

Я кое-как оделась и стала выдергивать белье из машины — с нерастраченной на Брауна яростью. В дверях прачечной появилась Арабел, все с тем же отчаянным выражением лица.

— Нет, ты видела?! Как мило! — Простыня зацепилась за ручку машины и е треском разорвалась от очередного рывка.

— Нет, но могу себе представит — если Браун вел себя так же, как Септ. — Она с несчастным видом прислонилась к двери. — Наверное, они все резко поголубели за лето.

— Очень даже может быть. — На самом деле вряд ли. Иначе Браун не врал бы про новенького соседа. — и не говорил бы такие странные вещи про моего папашу.

Собрав выстиранное белье в кучу, я прошла мимо Арабел.

— Не волнуйся, ты у меня кандидат номер один, если вернемся к лесби-штучкам.

Как-то не особенно она этому обрадовалась.

Моя придурковатая соседка еще не спала — таки сидела на кровати, вытянувшись в струнку. Похоже, безмозглая клуша вообще не шелохнулась, пока меня не было. Я расстелила кровать, второй раз за вечер разделась и нырнула под одеяло.

— Как надоест, туши свет, подруга.

Она подскочила к выключателю — в ночнушке времен студенческой юности старикана Молтона, а то и древнее.

— У тебя неприятности? — спросила Зибет, вытаращив глаза.

— С чего бы это? Не меня ведь вырвало. Уж если у кого и должны быть неприятности, так это у тебя, — мстительно добавила я.

Зибет сползла по стене.

— Мой отец… ему обо всем расскажут? — Она снова начала то краснеть, то бледнеть. Интересно, куда на этот раз приземлится блевотина? Хороший будет мне урок — не срывать злость на соседке по комнате.

— Конечно, нет. Вообще забудь, никаких неприятностей. Подумаешь, парочка гребаных простыней.

Она меня словно не слышала.

— Если у меня будут неприятности, папа за мной сам приедет. Обещал, что вернет меня домой.

Я села на кровати. Первокурсницы обычно умирают от тоски по дому — во всяком случае, те, кого ждет любящая семья, а не мешок денег и пара поганых юристов. Зибет же просто трясло от страха. Сегодня, похоже, у всей общаги съехала крыша.

— Нет у тебя никаких неприятностей, — повторила я. — Не переживай.

Она все еще цеплялась за стену, словно та была ее последней опорой.

— Да послушай ты! — Мария-мастурия, сейчас ее удар хватит — и я буду виновата. — Все в порядке. Твой папочка ни о чем не узнает.

Похоже, Зибет немного отпустило.

— Спасибо, что выручила. — Она забралась в кровать, а свет так и не погасила.

Вжихнутый Иисус, за что мне это? Я встала и щелкнула гребаным выключателем.

— Ты — хорошая, — тихо сказала Зибет в темноте. Точно свихнулась. Я поудобнее устроилась под одеялом — поласкаю себя перед сном, раз уж по-другому не вышло. Только тихонько — не хватало мне новой истерики Зибет.

Неожиданно комнату заполнил энергичный голос:

— К молодым людям Молтон-колледжа, мужественным моим сыновьям обращаюсь я…

— Что это? — прошептала Зибет.

— Первый вечер в Аду, — ответила я, в тридцатый раз вылезая из постели.

— Пусть все ваши благородные дерзновения увенчаются успехом, — продолжал

старикан Молтон.

Я включила свет, достала из дорожной сумки пилочку для ногтей, забралась на кровать Зибет и потянулась к селектору.

— К юным женщинам Молтон-колледжа, возлюбленным моим дочерям… — Ну вот — наконец-то заткнулся. Пилочка и шурупы полетели в дорожную сумку. Я вырубила свет и улеглась в постель.

— Кто это? — шепотом спросила Зибет.

— Наш отец-основатель. — Я внезапно вспомнила, какую реакцию слово «отец» вызывает у обитателей этого психованного места, и торопливо добавила: — Сегодня ты его слышала последний раз. Завтра подложу туда какую-нибудь заглушку и вставлю шурупы на место — сестра-хозяйка ни о чем не узнает. До конца семестра будем жить в блаженной тишине.

Ответа не последовало — соседка уже спала, негромко похрапывая. Ну вот, и тут я просчиталась. Отличное начало семестра!

* * *

Администратор было прекрасно осведомлен о вечеринке.

— Вам известно точное значение слова «арест», не так ли?

Старому козлу лет сорок пять — возраст любимого папаши. Выглядит он неплохо — наверное, не слезает с тренажеров, чтобы соблазнять первокурсниц подтянутым животиком. Этак можно и грыжу заработать.

Наверняка он, подобно папаше, вжихнул в свое время сперму в баночку — обеспечить продолжение династии. Вжихнутый Иисус, такое нужно запрещать законом.

— Вы ведь на особом попечении, Октавия?

— Верно. — Иначе мирилась бы я с таким гребаным имечком, как же!

— Ни отца, ни матери?

— Нет. Оплаченная суррогатная мать. Временное имя до двадцати одного года. — Я внимательно следила за его выражением лица. Уже не раз эти слова вызывали у людей страх.

— Значит, оповещать некого — не считая ваших юристов. Исключить вас невозможно, а накладываемые аресты не оказывают надлежащего воздействия. Впрочем, мне затруднительно даже предположить, какие еще исправительные меры следует принять.

Ну да, ну да. Я не сводила с него взгляда, а он — с меня. Гадает, наверное, не его ли я возлюбленная дщерь — вдруг случилось, что вжихнутая в баночку сперма обернулась девицей, перед которой он теперь распинается.

— Как вы назвали сестру-хозяйку?

— Мразью.

— Мне и самому пару раз очень этого хотелось.

Так, ясненько — прикидывается своим парнем. Я приготовилась к следующей фразе.

— По поводу вечеринки — говорят, молодые люди вели себя несколько необычно. Вам известна причина?

Вопрос сбил меня с толку — я ждала совершенно другого.

— Не знаю, — ответила я и тут же сообразила, что он пробил брешь в моей защите. — А знала бы, так стучать не приучена.

— Да-да, разумеется. Я восхищаюсь вами. Вы такая искренняя, преданная юная особа, — и очень симпатичная к тому же.

Угу, угу. Никак работу предлагаешь?

— Моя секретарша увольняется. Сказала, что предпочитает мужчин моложе, — и, если верить слухам, ее уходу можно только радоваться. Работа хорошая, много бонусов… Конечно, если вы не похожи на мою секретаршу и не предпочитаете мальчиков мужчинам.

Ну что ж, чем не выход? Никаких тебе соседок-первокурсниц, никаких арестов. Весьма заманчиво. Только вот ему как минимум сорок пять, а я не в состоянии представить себе, как

вжихаюсь с собственным папашей. Извините, сэр.

— А об особом попечении не беспокойтесь — уверен, мы сможем навести справки.

Врешь. Папаши ничего не знают о своих детях. Именно поэтому нам и дают временные имена — чтобы мы не возникали на пороге с заявлением: «Привет, я твоя возлюбленная доченька». Система предотвращает подобные сцены — хотя после общения с подобной мразью кажется, что нам такая охрана нужна не меньше.

— Помните, что я сказала сестре-хозяйке? — Да.

— Вам того же — в двойном размере.

Арест до конца учебного года и уродский охранный браслет на запястье.

— Я знаю, чем они обзавелись, — шепнула мне Арабел на занятии.

Я с ней только на уроках и виделась — охранный браслет срабатывал, даже если я мастурбировала без разрешения.

— Чем? — спросила я без особого любопытства.

— Потом расскажу.

Мы встретились во дворе, утопающем в листве и пухе, — система циркуляции опять свихнулась.

— Животными, — сообщила Арабел.

— Животными?

— Мерзкие такие твари, размером с руку — тессели. Совершенно отвратные.

— Не верю. Слишком просто — должно быть что-то еще. Они накачаны биодобавками?

— Феромонами или чем-то типа этого? — Она нахмурилась. — Не знаю. Я в этих зверюшках ничего привлекательного не вижу, но мальчишки… Браун притащил свою на вечеринку, носил на руке и называл «доченькой Энни». Парни вокруг этих тварей так и вертятся — гладят, сюсюкают, говорят: «Иди к папуле». Дикость какая-то!

Я пожала плечами.

— Ну и ладно — если ты права, не о чем беспокоиться. Даже если в них есть биодобавки — ну сколько можно в это играть? К середине семестра мальчишкам надоест.

— Может, зайдешь в гости? Я тебя в последнее время совсем не вижу. — По ее голосу чувствовалось, что она морально созрела для лесби-игрищ.

— Не могу. — Я ткнула в охранный браслет. — Ладно, Арабел, мне на следующий урок пора.

Я торопливо скрылась в желто-белом вихре. Урока у меня не было, так что я вернулась в спальню и приняла флоут. Придя в себя, я обнаружила в комнате Зибет — она сидела, поджав ноги, на кровати и что-то деловито писала в тетрадке. За последнее время Зибет изрядно похорошела — волосы немного отросли и вились, приятно обрамляя лицо. Загнанное выражение исчезло — Зибет казалась почти счастливой.

— Что делаешь? — Я надеюсь, что спросила именно это: первые фразы после флоута получаются совершенно непредсказуемыми.

— Переписываю свои конспекты.

Вжих-перевжих, как мало людям нужно для счастья! Неужели она парнем обзавелась? Это бы объяснило и посвежевший вид… Что ж, в таком случае дела у Зибет идут гораздо лучше, чем у меня или у Арабел.

— Для кого?

— Что? — непонимающе переспросила она.

— Как зовут парня, для которого ты их переписываешь?

— Парня? — В голосе Зибет зазвучали истерические нотки, лицо исказила паника.

— А-а, я было подумала, у тебя парень появился, — осторожно пояснила я.

И тут она снова психанула. Мария-сына-своего-Иисуса! Это флоут меня подвел… Что же я такое ляпнула?

Зибет отпрянула, словно уворачиваясь от нападения, и прижала конспект к груди.

— Почему ты так решила?

Да что решила-то? Мразь господня, надо было с самого начала рассказать ей про последствия флоута. А теперь придется отвечать так, словно у нас тут нормальный разговор, а не метания крысы, в которую тычут палкой. Ладно, может, позже объясню.

— Не знаю почему. Просто ты выглядишь…

— Значит, это правда. — Она жутко напряглась и снова начала то краснеть, то бледнеть.

— Что именно? — Я гадала, во что флоут превратил мое невинное замечание.

— У меня раньше были косы — как у тебя. Ты, наверное, удивлялась, глядя на мои волосы…

Мразь господня, я брякнула что-то про ее уродскую стрижку!

— Мой отец… — Она вцепилась в конспект точно так же, как цеплялась тем вечером за стену, — словно за последнюю опору в жизни. — Отец их обрезал.

Зибет признавалась в чем-то ужасном — и я понятия не имела в чем.

— Зачем?

— Сказал, что я… косами соблазняю мужчин. Что… вызываю у них нехорошие мысли. Что я сама во всем виновата. И обрезал мне волосы.

До меня дошло, что я действительно спросила, появился ли у нее парень.

— Ты тоже так считаешь? — умоляюще спросила она. Она что, издевается? Да ей не соблазнить даже Брауна в

самом что ни на есть «сунь-вынь» настроении. Сказать об этом я не могла — но и ответить утвердительно тоже, иначе она заблюет всю спальню. Жалко ее, конечно, — скотина отец застращал бедную девочку, наговорил гадостей и обрезал косы. Неудивительно, что она так психовала, когда только-только здесь оказалась.

— Ты так считаешь? — настойчиво переспросила Зибет.

— Хочешь знать, что я считаю? — Я нетвердо поднялась на ноги. — Все отцы — дерьмо. — Я вспомнила о бурых животных размером с руку и словах Брауна: «Отец тебя защищает». — Даже хуже, чем дерьмо. Все без исключения.

Зибет смотрела на меня, вжимаясь в стену. Похоже, ей очень хотелось в это верить.

— Слушай, что выкинул мой отец, — продолжала я. — Нет, он не обрезал мне волосы — он выдумал кое-что получше. Ты слышала про особое попечение? — Зибет помотала головой. — Ну так вот — мой родитель возжелал продолжить свой драгоценный род, но так, чтобы никаких проблем. Что он делает? Оформляет особое попечение, платит кучу денег, вжихает сперму в баночку и — оп-па! — он уже счастливый отец, а вся грязная работа достается юристам, которые заботятся обо мне, обеспечивают здоровый отдых на каникулах и оплачивают обучение в этом занюханном заведении. А еще цепляют на меня вот это. — Я показала ей уродливый браслет на запястье. — Он меня никогда не видел. Он даже не знает, кто я. Поверь, я все знаю, о сволочных папашах.

— Если бы… — Зибет умолкла и раскрыла тетрадку. Я опустилась на кровать, чувствуя приближение обычной после флоута головной боли. Тут Зибет принялась лить слезы на свой драгоценный конспект. Вжихнутый Иисус, опять я все испортила. В этом чокнутом месте остается надеяться только на одно: что мальчики к середине семестра наиграются в своих тварей, а мне удастся нормально сдать экзамены.

К середине семестра система циркуляции окончательно вышла из строя. Вся территория колледжа была по колено завалена листвой и пухом, и ходить по ней было практически невозможно. Я с трудом пробиралась на занятия, по сторонам не глядела и едва не врезалась в Брауна. На руке у него сидела зверюшка.

— Познакомься, это доченька Энни. Доченька Энни, это Тавви.

— Пошел на хер. — Я попыталась пройти, но он схватил меня за руку и больно сжал, вдавливая в кожу охранный браслет.

— Это невежливо, Тавви. Доченька Энни хочет с тобой познакомиться. Правда ведь,

солнышко? — Он сунул зверька мне под нос. Арабел была права — на редкость мерзкая тварь, с острой мордочкой, мутными глазами и крошечным розовым ротиком. Тельце, покрытое жестким бурым мехом, безвольно свисало с руки Брауна, а на шее была повязана ленточка.

— Абсолютно твой типаж, Браун. Страшная как смерть — и дырка такая большая, что даже ты не промахнешься.

Он сжал мне запястье еще сильнее.

— Не смей говорить в таком тоне о моей…

— Привет, — раздалось позади меня. Зибет! Только ее здесь не хватало!

— Привет, — ответила я, высвобождая руку. — Браун, познакомься — моя соседка-первокурсница. Зибет, это Браун.

— А это — доченька Энни. — Браун приподнял тварь повыше. Нежный розовый рот тесселй был глупо приоткрыт, а под задранным хвостом виднелось еще одно нежное розовое отверстие. И Арабел не догоняет, в чем заключается их привлекательность?

— Приятно познакомиться, соседка-первокурсница, — буркнул Браун, развернулся, прижал к себе зверька и замурлыкал: — Иди к папуле.

Я потерла ноющее запястье. Ох, Зибет, только не спрашивай, для чего мальчишкам эти тесселй! На объяснение целке мерзких повадок Брауна меня уже не хватит.

Однако же я недооценила Зибет.

Она передернулась и стиснула конспекты.

— Бедная зверюшка.

— Что ты знаешь о грехе? — спросила меня Зибет перед сном. На этот раз она сообразила щелкнуть выключателем — уже прогресс.

— Многое. Иначе не заполучила бы этот браслет.

— Ну вот когда делаешь что-то очень плохое, причиняешь вред другому, чтобы спасти себя. — Она замолчала.

Я не ответила. Долгое время в комнате царила тишина, пока Зибет вновь ее не нарушила:

— Я в курсе насчет администратора.

Вот это да! Заори старикан Молтон через селектор: «Благословляю тебя, дочь моя» — я и то удивилась бы меньше.

— Ты хорошая, я это точно знаю. — В голосе Зибет сквозила мечтательность — будь на ее месте другая, я бы подумала, что она мастурбирует. — Есть вещи, на которые ты никогда не пойдешь, даже под угрозой смерти.

— А ты у нас, значит, особо опасный преступник.

— Есть вещи, на которые ты никогда не пойдешь, — сонно повторила она, а потом вдруг ляпнула невпопад: — Ко мне на Рождество сестра приезжает.

Вжих-перевжих, да она сегодня полна сюрпризов!

— Ты что, не поедешь домой на Рождество?

— Я никогда не вернусь домой.

— Тавви! — завопила Арабел через весь двор. — Привет! «Неужели мальчишкам надоели их твари?» — подумала я.

Вот только как избавиться от чертова браслета? Накатило такое облегчение, что я чуть не разревелась.

— Тавви! — повторила Арабел. — Сто лет тебя не видела!

— Что случилось? — Странно, что она не выбалтывает с ходу новости про мальчишек.

— В смысле? — Арабел вытаращила глаза, и я сообразила, что дело не в мальчишках. Они все еще возятся со своими тес-селями — и Септ, и Браун, и все остальные. «Это просто твари, — яростно сказала я себе. — Просто твари, и не надо так сходить с ума. Как же, отец хочет для тебя самого лучшего. Иди к папуле».

— Секретарша администратора уволилась, — сообщила Арабел. — А на меня наложили арест из-за того, что я устроила самурайскую вечеринку. — Она пожала плечами. — Такое вот лучшее предложение за всю осень.

Ох, но ты ведь на особом попечении, Арабел! На особом попечении… Что, если он твой отец? Иди к папуле.

— Ужасно выглядишь, — продолжала она. — Флоутом балуешься?

Я покачала головой.

— Слушай, что мальчишки делают со своими зверюшками?

— Тавви, солнце мое, если ты не въезжаешь, для чего у тварей большая розовая дырка…

— Отец моей соседки обрезал ей волосы, — сказала я. — А она ведь целка, ничего плохого не делала. Он ее всю обкромсал.

— Эй, что-то у тебя совсем крыша едет. Ты давно не вжих-вжихалась? Слушай, давай я тебе все устрою, с парнями помоложе администратора, так что никаких папочек. Гарантирую!

Я тряхнула головой.

— Мне никто не нужен.

— Но я же за тебя волнуюсь! Хочешь, с администратором поговорю насчет браслета?

— Нет, — твердо ответила я. — Спасибо, Арабел, у меня все в порядке. Мне пора на занятия.

— Не морочься так из-за этих тесселей, Тавви! Это же просто твари.

— Ага. — Я твердым шагом пошла от нее по плюющемуся пухом и сбрасывающему листву двору. Отойдя подальше, чтобы Арабел не заметила, я прислонилась к здоровенному хлопковому дереву и вцепилась в него, как Зибет в ту стену, — словно за последнюю опору в жизни.

О сестре Зибет не упоминала до самого конца семестра. Ее отросшие волосы выглядели еще хуже, чем раньше. С каждым днем она становилась все более напряженной и измученной, смахивая на жертву облучения.

Да и у меня видок был неважнецкий. Сон не шел, головные боли от флоута не прекращались неделями. Сыпь от браслета расползлась до локтя. Арабел была права — у меня ехала крыша. Эти тессели никак не выходили из головы. Спросили бы меня летом, что я думаю о божьих тварях, я бы сказала, что они очень даже забавные. А теперь одна мысль о Брауне с жутким буро-розовым существом на руке вызывала рвотный рефлекс.

Я все думаю о твоем отце. Об особом попечении не беспокойтесь — мы все уладим. Иди к папуле.

Мои юристы так и не убедили администратора отпустить меня на Рождество в Аспен или еще куда-нибудь. Привилегии мне на каникулы они выторговали — «как только все разъедутся», — а вот браслет остался. Может быть, если я покажу, что творится с рукой, сестра-хозяйка разрешит снять его на несколько дней. Система циркуляции снова работала, и по всему Аду дули ураганные ветры. Счастливого Рождества.

В последний день занятий я зашла в темную спальню, щелкнула выключателем и замерла. На моей кровати сидела Зибет — с тесселью на коленях.

— Где ты ее раздобыла? — прошептала я.

— Украла.

Я заперла дверь и прислонила к ней стул.

— Как?

— Там у кого-то вечеринка была в разгаре, и спальня стояла пустая.

— Ты зашла в спальню к мальчику? Она не ответила.

— Ты же на первом курсе! За такое могут и отчислить, — неверяще проговорила я. И это девица, которая в буквальном смысле лезла на стенку из-за постельного белья и говорила, что никогда не вернется домой!

— Меня никто не видел, — спокойно сказала Зибет. — Все были на вечеринке.

— Совсем свихнулась. Чья хоть эта тварь, ты знаешь?

— Это доченька Энни.

Я сдернула с постели простыню и принялась выстилать дно дорожной сумки. Мразь господня, Браун первым делом прибежит именно к нам! Я нашарила в ящике стола ножницы, чтобы проделать в сумке отверстия для вентиляции. Зибет все поглаживала жуткую тварь.

— Нужно ее спрятать, — сказала я. — Это не шутки — у нас теперь и правда большие неприятности.

Она меня не слушала.

— Моя сестра Генра симпатичная. У нее длинные косы, как у тебя. И она такая же хорошая. — И добавила почти умоляюще: — Ей всего пятнадцать.

Браун потребовал обыскать спальни — начали, разумеется, с нашей. Я вынесла в прачечную дорожную сумку с тесселью и сунула ее в стиральную машину, прикрыв сверху шлифоновой простыней. В этом сквозила особая ирония — вот только Браун ее не оценит.

— Нужно провести повторный обыск, — сказал он, после того как с разрешения сестры-хозяйки перевернул нашу спальню вверх дном. — Она где-то здесь. — Браун повернулся ко мне. — Я точно знаю.

— Последний шаттл уходит через десять минут, — сообщила сестра-хозяйка. — На повторный обыск нет времени.

— Да у нее же на лице все написано! Она ее где-то здесь прячет!

Сестра-хозяйка, которая с удовольствием засунула бы Брауна в свой пыточный закуток как минимум на час, покачала головой.

— Ты проиграл, Браун, — сказала я. — Останешься — пропустишь шаттл, застрянешь на Рождество в Аду. Уедешь — потеряешь свою драгоценную доченьку Энни. По-любому непруха.

Он схватил меня за руку. Покрытое сыпью запястье под браслетом побагровело и распухло. Я попыталась оттолкнуть Брауна, но его хватка была такой же злобной и мстительной, как выражение лица.

— На прошлой неделе Октавия пришла на самурайскую вечеринку в спальне мальчиков, — сообщил он сестре-хозяйке.

— Неправда, — с трудом выговорила я. От боли тошнило до потери сознания.

— Вряд ли, — заметила сестра-хозяйка, — Октавия под контролем охранного браслета.

— Вот этого, что ли? — Браун дернул меня за руку, крутанув браслет. — Да она в момент снимает — разве вы не в курсе? — Он отпустил меня и смерил презрительным взглядом. — Нашей ловкой Тавви охранный браслет не помеха — правда, Тавви?

Прижимая к груди пульсирующую от боли руку, я изо всех сил пыталась не отключиться. «Дело не в животных, — в отчаянии подумала я. — Из-за животных он бы так со мной не поступил. Тут что-то другое — гораздо хуже. Браун не получит ее обратно — ни за что и никогда».

— Началась посадка на шаттл, — сказала Мамуля. — Октавия, твои привилегии на каникулы отменяются.

На прощание Браун окинул меня торжествующим взглядом и вышел. Я с трудом дождалась отправления последнего шаттла, сбегала в прачечную за тесселью и принесла ее в спальню. Наложенный арест меня не волновал — все равно идти некуда, зато зверек со мной в безопасности.

— Все будет хорошо, — пообещала я ей.

И наврала.

Генра, симпатичная сестра Зибет, оказалась вовсе не симпатичной: волосы обрезаны под корень, физиономия вся в красных пятнах, ну и море слез, опять же. Смертельно бледное лицо Зибет словно окаменело. Она, похоже, свое уже отрыдала. Просто удивительно, что

делает с человеком семестр в колледже!

Несмотря на арест, мне позарез надо было выбраться из спальни. Я прихватила книги и обосновалась в прачечной — сделала две итоговых контрольных, прочитала три учебника и, подобно Зибет, переписала все свои конспекты.

Он обрезал мне волосы. Сказал, что я соблазняю мужчин… Что сама во всем виновата. Отец тебя защищает. Иди к папуле.

Я включила все стиральные машины, чтобы не слышать собственных мыслей.

Так прошли все каникулы. Стиснув зубы, я занималась — только бы не думать ни о Брауне, ни о тесселях, ни обо всем остальном. В последний день перед началом занятий Зибет с сестрой спустились ко мне сообщить, что Генра уезжает первым шаттлом.

— Надеюсь, ты еще сюда приедешь. — Звучит глупо, но на месте Генры я ни за что на свете не вернулась бы в Мэрисон-Уиннет.

— Вернусь, как только окончу школу.

— Всего через два года, — сказала Зибет. Два года назад Зибет была хорошенькой, как сестра. Через два года Генра будет выглядеть, словно ожившая смерть. Не слишком-то весело расти в Мэрисон-Уиннет, где девушки в семнадцать лет превращаются в развалин.

— Поехали со мной, Зибет.

— Не могу.

Похоже, сейчас начнется сеанс рвоты. Я вернулась в спальню и, устроившись на кровати со стопкой книг, приступила к чтению. Тессель спала на полу, выставив напоказ розовую щелку, но тут же проснулась и залезла ко мне на колени. Я взяла ее на руки, не встретив никакого сопротивления, и впервые как следует рассмотрела вблизи. На мягких лапках зверюшки не было когтей, а во рту — ни единого зуба. На другом конце виднелось отверстие размером с двадцатипятицентовик. Особых феромонов не ощущалось. Возможно, вся привлекательность тессели заключалась в ее беззащитности.

Я положила тессель на колени и осторожно просунула в ее щелку кончик пальца. По лесбийским экспериментам на первом курсе я вполне представляла себе, какова щелка на ощупь. Я протолкнула палец глубже.

Тессель закричала.

Я выдернула палец и затолкала кулак себе в рот, чтобы не заорать самой. Жуткий, жалкий, чудовищный звук. Беспомощный. Безнадежный. Как будто насилуют женщину. Нет, хуже, — ребенка. Я никогда в жизни не слышала ничего подобного… Неправда, этот звук раздавался весь семестр. Феромоны? Нет, это гораздо сильнее, чем какая-то там химия. Или страх — это тоже химия?

Я положила несчастное создание на кровать и около часа отмывала в ванной руки. Я-то думала, Зибет понятия не имела, для чего нужны тессели. Оказывается, она знала — и пыталась оградить меня от этого. Знала — и отправилась одна в спальню к мальчишкам, чтобы выкрасть доченьку Энни. Нужно украсть всех зверюшек — отобрать у этих мудацких подонков, у этих… Для них надо было подыскать слова погрязнее эпитетов, которыми я долгие годы награждала своего отца. Мерзкие твари, ушлепки, вонючие кучи дерьма.

В двери ванной стояла Зибет.

— Сестра уезжает после обеда.

— Нет, — сказала я. — Нет, только не это! — И выскочила из комнаты.

Наверное, я слегка сорвалась. Во всяком случае, совершенно потеряла счет времени, хотя при этом отчетливо помнила, что нужно торопиться, иначе случится ужасное.

Я точно знаю, что нарушила режим ареста, — помню, как сидела под хлопковыми деревьями и думала о том, какое замечательное чувство юмора было у старикана Молтона. Голые ветви деревьев обмотали гирляндами лампочек — пух и жухлые листья налетали на них и загорались. Кругом пахло паленый. Дым и огонь — отличные атрибуты Рождества в Аду.

Едва я задумывалась о том, что делать с тесселями и всем остальным, мысли

становились тяжелыми и путаными, словно после передоза флоута. Иногда чудилось, что Браун хотел вернуть не доченьку Энни, а Зибет, и я говорила: «Ты обрезал ей косы. Я никогда не отдам ее тебе. Никогда». А Зибет отчаянно от него отбивалась.

Иногда в мыслях возникал администратор — со словами: «Об особом попечении не беспокойтесь, мы можем навести справки», — на что я отвечала: «Вы сами хотите заполучить тессель». Потом появлялся отец Зибет и говорил: «Я просто старался тебя защитить. Иди к папуле». Я вставала на кровать и выкручивала шурупы из селектора, но никак не могла его заткнуть.

— Мне не нужна ваша защита, — отвечала я ему. А Зибет продолжала отбиваться.

Кусок пуха зацепился за рождественский огонек, вспыхнул пламенем и приземлился на опавшую листву. Отовсюду несло дымом. Кто-то должен об этом доложить. Ад сгорит до основания — или до верхушки — за время каникул, пока здесь никого нет. Мне нужно кому-то рассказать. Вот оно — обязательно нужно рассказать кому-то. Но кому? Ведь никого нет. Мне нужен отец — но его тоже нет, и не было никогда. Он заплатил деньги, спустил свое семя и вышвырнул меня волкам.

Но по крайней мере он не был одним из них. Он не был одним из них.

Некому рассказывать.

— Что ты с ней сделала? — спросила Арабел. — Ты дала ей что-нибудь? Самурай? Флоут? Алкоголь?

— Я не…

— Считай, что ты под арестом.

— Дело не в тварях, — сказала я. — Они называют зверьков «милая деточка» и «доченька Энни». Они считают себя отцами. Они — отцы. Но у тесселей нет когтей. У них нет зубов. Они даже не знают, что такое вжих-вжих.

— Он хочет для тебя самого лучшего, — сказала Арабел.

— О чем это ты? Он обрезал ее волосы. Видела бы ты, как она держалась за стену, — как за последнюю опору в жизни. Она отбивалась и отбивалась — но все без толку, ведь у нее нет когтей. У нее нет зубов. Ей всего пятнадцать. Нужно спешить.

— К середине семестра все образуется. Я тебе устрою вжих-вжих. Гарантированно никаких папаш.

Я колотила в дверь пыточного закутка Мамули, понятия не имея, как я там оказалась. Зеркала отражали мое лицо. Лицо Арабел — напряженное и отчаянное. Лицо моей соседки — краснеющее, бледнеющее и снова краснеющее, как охранный браслет. Сестра-хозяйка наложит на меня арест. Она добьется моего исключения. Все это без разницы.

Мамуля открыла дверь, и я застыла на месте. Мне нужно кому-то сказать, пока все вокруг не занялось огнем.

— О господи! — Она прижала меня к груди.

Зибет наверняка сидит на моей кровати, в темноте. Я открыла дверь спальни, щелкнула выключателем, задержав на нем перевязанную руку, словно он служил опорой.

— Зибет, — сказала я, — все в порядке. Сестра-хозяйка конфискует тесселей. На животных в общежитии наложат запрет. Все будет хорошо.

Она подняла на меня взгляд.

— Я отослала ее с сестрой.

— Что? — непонимающе переспросила я.

— Он не оставит нас в покое. Он… Я отослала доченьку Энни с сестрой.

Нет. Только не это.

— Генра хорошая — как ты. Она не сможет себя защитить. Она не продержится два года. — Взгляд Зибет был непреклонен. — У меня еще две сестры. Младшей всего десять.

— Ты послала тессель домой? К отцу?!

— Да.

— Ей нечем защищаться. У нее нет когтей. Ей нечем защищаться!

— Я же говорила — ты ничего не знаешь о грехе, — сказала Зибет и отвернулась.

Я никогда не спрашивала у сестры-хозяйки о том, какая судьба постигла конфискованных тесселей. Надеюсь, ради их же блага, они были избавлены от мучений.

В ПОЗДНЕМ МЕЛОВОМ[15]

— Именно в позднем меловом периоде хищные динозавры достигают расцвета, — сказал доктор Отниэль. — Разумеется, плотоядные существовали и в среднем триасе, но именно в позднем меловом, с появлением альбертозавра, велоцираптора, дейнониха, и особенно тираннозавра, хищники вступили в эпоху процветания.

«Поздний меловой. Хищники» — изобразил на доске преподаватель. Из-за артрита и сутулости он писал только на нижней ее трети. Далее в столбик шел перечень: «альбертозавры, целофисы, велоцирапторы, дейнонихи, тираннозавры рексы», причем «тираннозавры рексы» с трудом уместились над самым бортиком.

— Самый знаменитый среди них, и вполне заслуженно, тираннозавр, — продолжил Отниэль.

Его студенты аккуратно занесли в блокноты: «ПМ хищник ТР», «В позднем меловом хищников не было», «У меня новая соседка. Зовут Трейси. Дина». Один из слушателей сочинял пространное воззвание о несправедливости штрафных парковочных талонов.

— Расцвет хищников отчасти объясняется беспрецедентным изобилием пищи. По континентам бродили неисчислимые стада травоядных: трицератопсов, хасмозавров и утиноклювых динозавров, или гадрозавров.

Чтобы написать «Жертвы. Гадрозавры», доктору Отниэлю пришлось стереть «Тираннозавра рекса».

Слушатели послушно записали: «Пищей хищников служили утконосы», «У моей новой соседки Трейси потрясный парень, зовут Тодд» и «Сами платите ваши грабительские штрафы!»

— Гадрозавры служили легкой добычей. У них не было ни рогов, ни костных шипообразных выступов, как у трицераптопсов, — вещал лектор, — а только полые наросты, с помощью которых, завидев или учуяв хищников, утиноклювые динозавры издавали звуки, предупреждавшие собратьев об их приближении.

Доктор втиснул «Полые наросты» под «Гадрозаврами», склонил голову набок и прислушался.

Один из второкурсников написал «А у меня машины нет» и украдкой бросил взгляд в сторону двери… За дверью было тихо.

Доктор Отниэль медленно — позвонок за позвонком — выпрямился: макушка лысой головы сравнялась с верхним краем доски. Он выпятил подбородок, втянул воздух, словно принюхиваясь, и снова сгорбился.

— Следует заметить, однако, что, даже предупрежденные об опасности, гадрозавры были бессильны против пятидесятифутовых тираннозавров с их пятифутовыми челюстями и зубами размером в семь дюймов, — закончил доктор и поверх стертого написал: «Челюсти — 5 ф., зубы — 7 д.».

Студенты занесли в блокноты: «В парковочном комитете заправляют нацисты», «Дина + Тодд» и «ТР был длиной пять футов».

Закончив чтение углубленного курса «Недостающие звенья эволюции», доктор Сара Райт забрала почту, намереваясь пролистать ее в кабинете. Желтовато-коричневый пакет из Департамента образования штата, письмо парковочной администрации кампуса («Это ваше третье предупреждение. Немедленно заплатите штраф за парковку в неположенном месте!») и официального вида конверт из канцелярии декана… Нет, корреспонденцию вскрывать не

---

15 In the Late Cretaceous © Перевод. М. Клеветенко, 2010

хотелось.

Неоплаченных штрафов за ней не числилось, Департамент наверняка извещал о намерении урезать финансирование еще на восемнадцать процентов, а декан спешил сообщить, что затянуть пояса придется именно палеонтологам.

Была еще рекламная брошюра летной школы, которую Сара пролистала между парами, предварительно проверив сто сорок три контрольных работы, авторы которых звезд с неба не хватали. На обложке брошюры красовался орел, небо в облаках и девиз «Махните на все рукой!».

Сара раскрыла брошюру и прочла:

«Хотите бросить осточертевшую работу? Сжечь за собой мосты и наконец-то заняться настоящим делом?»

На протяжении нескольких иллюстрированных абзацев автор брошюры продолжал лить воду — и в этом не слишком отличался от ее студентов, — а затем перешел к неумолимым фактам: курс в Летной академии Линдберга стоил три тысячи долларов, «включая подготовку частных и коммерческих пилотов, предоставление необходимого оборудования, страховок, теоретические и практические тесты. Проживание за дополнительную плату. Академия не несет ответственности за возможные травмы, в том числе со смертельным исходом, и прочие несчастные случаи».

«Интересно, — подумала Сара, — включают ли «прочие несчастные случаи» урезание бюджетных ассигнований?»

На ходу жуя «Туинкиз» и помахивая конвертом из канцелярии декана, вошел Чак — ассистент доктора Сары Райт.

— Видели?

— Видела, — показала свой конверт Сара. — Как раз собиралась открыть. Что там? Приглашение на казнь?

— Всего лишь на встречу с каким-то деятелем. Сегодня днем, в библиотеке.

Сара подозрительно осмотрела конверт.

— А что, декан не уехал на конференцию?

— Уже вернулся.

Сара разорвала конверт и вынула приглашение.

«Декан будет рад представить вам доктора Тайрона Рекса», — прочла она вполголоса. — Хм, что это еще за доктор Тайрон Рекс?

Она распечатала и внимательно изучила циркуляр Департамента образования: о докторе Тайроне Рексе — ни слова.

— Знаешь такого?

— Откуда?

Что ж, по крайней мере он не из подпевал госчиновников. Имени доктора Тайрона Рекса в документе нигде не упоминалось.

— Остальных тоже пригласили?

— Понятия не имею. Такой же конверт болтался в ящике Отниэля в верхнем ряду. Только вряд ли Отниэль до него дотянется.

Размахивая листком, в кабинет влетел доктор Роберт Уолкер и воскликнул:

— Нет, вы только послушайте! Еще один штрафной талон за отсутствие разрешения на парковку! А у меня их целых два! Одно на бампере, другое — на ветровом стекле. Чем они смотрят?

— Вы получили приглашение, Роберт? — спросила Сара. — Декан собирает нас после обеда. Наверное, снова бюджет урежет.

— Не знаю, — ответил Уолкер. — Подумать только, на самом видном месте! Я даже нарисовал маркером стрелку на бампере!

— Бюджет уже уменьшили на восемнадцать процентов, — сказала Сара. — Спорим, декан пойдет на сокращение штатов? Иначе зачем ему запрашивать на прошлой неделе статистику приема на наш факультет?

— Прием упал на всех факультетах, — заметил Роберт, подойдя к окну и выглянув наружу. — Скоро тут и вовсе никого не останется. Кому по карману учиться в колледже, где разрешение на парковку обходится в восемьдесят долларов за семестр? Что толку выбрасывать деньги на ветер — они все равно лепят свои чертовы штрафные талоны!

— Нельзя сидеть сложа руки, — сказала Сара. — Если хотя бы одну ставку сократят, мы окажемся самым маленьким факультетом, а следующим шагом станет объединение с геологическим. Пришла пора действовать. Роберт, вы с нами?

— Как вы думаете, — Уолкер все еще выглядывал из окна, — если я попрошу кого-нибудь покараулить у машины…

— У какой машины?

— Ну да, заплачу какому-нибудь студенту, чтобы ткнул их носом прямо в разрешение! И пусть эта затея обойдется мне… Эй, вы, стойте! — заорал Роберт, рывком раскрыл окно и высунулся наружу. — Разуйте глаза! У меня целых два разрешения на парковку!

Роберт Уолкер вылетел из кабинета и с воплями устремился вниз по лестнице.

— Еще один штрафной талон! Уму непостижимо! Нет, вы представляете?!

— Куда мне… — Сара с тоской посмотрела на брошюрку летной школы.

— Интересно, нас хоть накормят? — спросил Чак, не сводя глаз с приглашения.

— Надеюсь, что нет.

— Почему?

— Хищники всегда нападают на травоядных, когда те мирно пасутся.

— А что обычно подают? — не унимался Чак.

— Когда как, — вертя брошюру в руках, ответила Сара. — Обычно чай с печеньем.

— С домашним печеньем?

— Домашняя выпечка — к плохим новостям. Сыр с крекерами означает сокращение штатов, печеночный паштет — урезание бюджета. Если достаточно серьезное, на закуски может и не хватить.

На обороте брошюры значилось курсивом: «Стань покорителем неба!», а ниже жирным шрифтом: «Одобрено Федеральной авиационной администрацией. Обучение субсидируется. Бесплатная парковка».

— Изменения, произошедшие за последние годы в науке о динозаврах, — сказал доктор Альбертсон, подняв вверх учебник по микропалеонтологии, — были так радикальны, что практически обесценили все предыдущие исследования. Итак, обратимся к предисловию, — продолжил он, открывая книгу.

Студенты послушно зашуршали страницами учебника (шестьдесят четыре доллара девяносто пять центов штука).

— Открыли? — спросил Альбертсон, держа за край первую страницу. — Превосходно. А теперь рвем. — Доктор Альбертсон торжественно рванул обреченную страницу. — Это совершенно бесполезные знания, которые давно свое отжили! — торжественно заключил он.

Сказать по правде, за последние годы многие теории относительно поведения и физиологии динозавров (особенно крупных) неоднократно подвергались пересмотру, но этот процесс почти не затронул науку о динозаврах на микробиологическом уровне. Однако это не смущало доктора Альбертсона, на которого сильное впечатление произвела игра Робина Уильямса в фильме «Общество мертвых поэтов».

Его студенты заметно приуныли. Надежды загнать подержанный учебник за полцены (тридцать два доллара сорок семь центов) таяли на глазах.

— А если мы пообещаем не читать предисловия? — робко поинтересовался один из слушателей.

— Исключено, — отрезал доктор Альбертсон, рывком выдирая из учебника дюжину страниц. — Ну же, смелее! Все до единой!

Доктор швырнул вырванные страницы в металлическую корзину для бумаг и протянул ее студенту с экономического, который успел потихоньку засунуть обрывки в конец

учебника, надеясь продать книгу по цене бракованного экземпляра.

— Вот и славно! Все до единой! Рвем все страницы, на которых изложены устаревшие, никому ненужные теории!

В дверь постучали. Доктор вручил корзину студенту с экономического и велел будущему биржевому воротиле открыть дверь. На пороге стояла Сара Райт с конвертом в руке.

— Приглашение к декану, — сообщила она. — Собирается весь факультет.

— Титульный лист тоже рвать? — спросил студент с психологического.

— Законодатели решили урезать фонды еще на восемнадцать процентов. Боюсь, декан нацелился на одну из наших ставок.

— Я всецело в вашем распоряжении, — закивал доктор Альбертсон.

— Замечательно, — с облегчением выдохнула Сара. — Сами понимаете, поодиночке нам не выстоять.

Доктор Альбертсон закрыл за ней дверь и мельком взглянул на часы. На то, чтобы вернуться к доске, как он задумал, времени уже не оставалось. Приближалась пора вдохновенной финальной коды.

— Диатомеи, остракоды, фузулиниды — ради них только и стоит жить на свете! — воскликнул он. — Carpe diem! Лови момент!

Студент-психолог поднял руку.

— Можно одолжить ваш скотч? Я случайно вырвал две первых главы.

Стол накрыли в холле: сыр бри, херес, слойки со шпинатом и поднос с клубникой — в боку каждой торчала обернутая в целлофан зубочистка. Сара взяла ягоду и быстро пересчитала коллег по головам. Все были на месте, за исключением доктора Отниэля и Роберта Уолкера, который наверняка пытался найти место для парковки.

— Ты уверен, что доктор Отниэль получил приглашение? — спросила она Чака, уплетавшего клубнику за обе щеки.

— Угу, — промычал он с набитым ртом. — Да вот же он! — Чак махнул тарелкой в сторону кресла с высокой спинкой у камина.

Сара подошла к камину. Доктор Отниэль безмятежно спал. Она вернулась к столу, гадая, кто из трех незнакомцев доктор Рекс. Двое, мастерившие термоядерный реактор из пластикового стаканчика и зубочисток, могли быть только с физического. Третий, и наиболее вероятный кандидат — высокий представительный мужчина в твидовом пиджаке с заплатами на локтях, — улизнул на кухню и вернулся оттуда с подносом, на котором лежали крекеры и паштет.

В холл влетел Роберт с курткой в руках.

— Со мной такое случилось! — выпалил он с порога.

— Влепили очередной штрафной талон? — предположила Сара. — Что-нибудь разузнали о докторе Рексе?

— А, он какой-то консультант по вопросам образования, — ответил Роберт. — Нет, вы мне скажите, чего ради платить по восемьдесят долларов в семестр за разрешение на парковку, если припарковаться все равно негде? Знаете, где я оставил машину? Напротив стадиона! В пяти кварталах от моего дома!

— Консультант по вопросам образования? И о чем только думает декан? — Сара задумчиво рассматривала ягоду, наколотую на зубочистку. — Консультант по вопросам образования…

— Автор «Глобальных проблем образовательной системы», — вмешался в разговор доктор Альбертсон. — Эксперт по реструктаризационной имплементации… — Он положил на тарелку слойку со шпинатом.

— А что это? — Чак намазал паштет на два ломтика грудинки сразу.

— Все вам, ассистентам, нужно объяснять, — свысока бросил доктор Альбертсон, что свидетельствовало о его полной некомпетентности в вопросах реструктаризационной

имплементации.

— Обязательно попробуйте вот это, — добавил доктор, откусив отслойки. — Я только что разговаривал с деканом. Она сама их пекла.

— Тогда нам точно конец, — вздохнула Сара.

— А вот и доктор Рекс, — доктор Альбертсон показал на увальня в рубашке поло и широких брюках.

Декан устремилась к гостю и крепко сжала его руку в своих.

— Простите за опоздание, — громогласно заявил гость. — Не мог припарковаться, пришлось оставить машину прямо у входа.

Внезапно доктор Отниэль проснулся и удивленно огляделся. Сара поманила его зубочисткой. Доктор приковылял к столу, сел рядом с ней и немедленно задремал.

Декан вышла на середину комнаты и хлопнула в ладоши, призывая к молчанию. Доктор Отниэль вздрогнул во сне.

— Не хочется отрывать вас от угощения, поэтому, прошу, продолжайте, — обратилась декан к собравшимся, — я вас надолго не задержу. Мне выпала большая честь представить доктора Тайрона Рекса, который будет работать с факультетом палеонтологии. Не сомневаюсь, тему его исследований все вы сочтете чрезвычайно увлекательной. Доктор Рекс, не хотите сказать пару слов?

Доктор Рекс улыбнулся. Его широкий дружелюбный оскал напомнил Саре челюсти ископаемого.

— Как всем известно, современное общество неотделимо от овладения революционизирующими технологиями, — начал он.

— Революционизирующими? — встрял Чак, набрасываясь на лимонный пирог, только что принесенный образцовым джентльменом с заплатками на локтях. — А разве не «революционными»?

— Не важно, — ответила Сара, — в позднем меловом говорили «революционизирующими».

— Ш-ш-ш, — недовольно прошипел доктор Альбертсон.

— На пути в двадцать первый век общество претерпевает некоторые трансформировывания. А как же образование? Мы по-прежнему учим устаревшим предметам еще более устаревшими методами. — Доктор Рекс обворожительно улыбнулся декану и продолжил: — Так было до сих пор. Отныне я объявляю о начале инновациаторского эксперимента — новой динамичной образовательской методики в обучении палеонтологии. Завтра мы еще обмозгуем с коллегами-динозавролюбами детали, а сегодня я хочу, чтобы вы задумались о значении одного слова…

— Очевидно, вымирание, — пробормотала Сара.

— И это слово — релевантивность! Релевантивна ли палеонтология жизни современного общества? Как нам сделать ее таковой? Подумайте об этом, коллеги. Релевантивность.

Представители факультетов, с которыми доктор Рекс не собирался ничего обмозговывать, слабо зааплодировали. Роберт одним глотком осушил рюмку хереса.

— Час от часу не легче, — вздохнул он. — Сначала штрафной талон, теперь вот это.

— Летчики загребают кучи денег, — сказала Сара. — И единственное слово, о значении которого им приходится задумываться, — «авиакатастрофа».

Доктор Альбертсон поднял руку.

— Говорите, — откликнулась декан.

— Мне хотелось бы уведомить доктора Рекса, что я всецело в его распоряжении.

— А эту белую корочку на сыре едят? — спросил Чак.

* * *

На следующий день палеонтологи обнаружили в своих почтовых ящиках послание от

доктора Рекса, которое гласило: «В понедельник в два часа дня в кабинете доктора Райт состоится сеанс группового обмозговывания. Т. Рекс. P.S.: Экспериментативное информатирование — по вторникам и четвергам».

Встревоженная тем, что доктор Рекс без спросу оккупировал ее кабинет, Сара заметила:

— Нам всем не помешает немного экспериментативного информатирования.

Доктор Райт отправилась на поиски своего ассистента. Чак жевал «сникерс» в ее кабинете.

— Чак, попробуй разузнать, нет ли в прошлом доктора Рекса темных пятен.

— Зачем?

— Затем, что в прошлом он наверняка был тренером девчоночьей баскетбольной команды. Вот и разузнай, не крутил ли он роман со старшеклассницей.

— Откуда вы знаете, что он был тренером баскетбольной команды?

— Все консультанты по вопросам образования начинают тренерами или преподавателями общественных наук. — Разглядывая записку, Сара брезгливо сморщилась. — Как ты думаешь, что такое экспериментативное информатирование?

Экспериментативное информатирование заключалось в прогулках, которые доктор Рекс — с блокнотом в руке — совершал по коридору корпуса естественных дисциплин, в непосредственной близости от кабинета, где проводил лекцию доктор Альбертсон.

— Итак, что у нас получилось? — спросил Альбертсон студентов. На докторе красовался поварской передник и бумажный колпак. Мясницким тесаком Альбертсон кромсал яблоки на трети, половинки и четвертинки. Это занятие имело мало общего с наукой об исчезнувшей фауне, но доктор не мог забыть игру Эдварда Джеймса Олмоса в фильме «Выстоять и сделать».

— О-ля-ля! — воскликнул Альбертсон, старательно копируя латиноамериканский акцент.

Внезапно в дальнем углу кабинета возник доктор Рекс с блокнотом.

— Но главное, разумеется, релевантивность, — поспешно добавил доктор Альбертсон. — Какое влияние оказывает исчезнувшая фауна на современную жизнь?

Студенты насторожились, а один даже прикрыл руками учебник, словно боялся, что его снова заставят выдирать страницы.

— Так вот, исчезнувшая фауна в высшей степени релевантивна современному обществу, — произнес доктор Альбертсон, и доктор Рекс покинул аудиторию, направляясь в класс доктора Отниэля.

— Обычно тираннозавры подкрадываются к жертвам исподтишка, — вещал тот, обернувшись к доске и не замечая приближающегося доктора Рекса, — внезапно набрасываются на жертву и отступают.

«1. Подкрадываются. 2. Набрасываются. 3. Отступают», — изобразил он в столбик на доске — и чем ниже, тем кривее и мельче выходили строчки.

Его студенты записали: «1. Крадутся. 2. Впиваются в задницу. 3. Загрызают до смерти» и «Вчера вечером звонил Тодд. Сказала ему, что Трейси нет дома. Проболтали до утра».

«И где тут релевантивность?» — черкнул в блокноте доктор Рекс и вышел вон из класса.

— Укус мощных челюстей тираннозавра, как правило, заканчивается фатальным исходом. Вдобавок, хищники преследуют жертву на расстоянии, дожидаясь, пока та истечет кровью, — сказал доктор Отниэль.

На понедельничное собрание Роберт опоздал.

— Вы не поверите! — воскликнул он с порога. — Пока я получал в автомате разрешение на стоянку, мне прилепили штрафной талон!

Доктор Рекс в сером спортивном костюме, бейсбольной кепке с надписью «Средняя

школа Дэна Куэйла» и со свистком на шее восседал за столом Сары Райт.

— Уверен, размышляя над осуществлевованием нашего образовательного эксперимента, вы испытываете не меньшее воодушевление, чем я, — развил он свою мысль.

— Еще бы! — поддакнул доктор Альбертсон.

Сара пристально посмотрела на Альбертсона и спросила:

— Эксперимент подразумевает сокращение штатов?

Доктор Рекс широко улыбнулся. Саре показалось, что где-то она уже видела эти зубы. Не иначе как в музее естественной истории в Денвере.

— Ставки, факультеты, лекции — все эти термины безнадежно нерелевантивны. Стремясь к релевантивности образования современному обществу, мы должны заняться переоцениванием всей системы. Кто из вас применяет на занятиях парадигмальные связи?

Доктор Альбертсон поднял руку.

— Парадигмальные связи, экспериментальные ролевые игры, когнитивные модули. Я провел оценивание ваших лекций. Где компьютерные классы, где мультимедийные технологии, где исследования по когнитологии? Не поверите, в одном из кабинетов я своими глазами видел доску! — Доктор Рекс очаровательно улыбнулся доктору Отниэлю. — Подобные методики давным-давно вымерли.

— Как и динозавры, — пробормотала Сара, а вслух спросила: — Вы, кажется, хотели что-то сказать, Роберт?

— Доктор Рекс, — начал Роберт, — не намерены ли вы распространить ваш эксперимент на прочие сферы университетской жизни?

«Неплохо, — мысленно похвалила Роберта Сара, — направь-ка его кипучую энергию в сторону английской филологии».

— Разумеется! — просиял доктор Рекс. — Палеонтологический — это только начало! В дальнейшем я произведу охватывание всего университета.

— Ибо есть сфера, настоятельно требующая реформ, — продолжил Роберт. — Парковочная администрация совсем отбилась от рук! На знаке было четко написано, что сначала вы паркуетесь и только потом получаете разрешение в автомате!

* * *

— Что-нибудь разузнал о докторе Рексе? — спросила Сара Чака во вторник утром.

— Он тренировал не девчачью баскетбольную команду, — ответил Чак, отхлебнув лаймовый «Слопи», — а юношескую борцовскую сборную.

— Тогда поищи, где он защищался. Может быть, нам удастся лишить его степени за употребление слова осуществлевование.

— Зачем мне это? Типа мне ведь осталось доучиться один семестр. Да и сказать по правде, — замялся Чак, не отрываясь от пойла, — его идеи не так уж бессмысленны. Типа хватит впихивать в нас всякую муру. Кому нужен ваш поздний меловой? А вот в ролевых играх или типа того я поучаствовать не прочь.

— Попробуй. Ты — корифозавр, юркий и быстрый, но все-таки от тираннозавра тебе не убежать. Что делать, если он тебя настиг и впился зубами в ляжку?

— Ни фига себе задачка! — Чак задумчиво причмокнул. — А вы что сделали бы?

— Отрастила бы крылья, — ответила Сара.

После лекций Сара отправилась на поиски Роберта Уолкера. В кабинете его не оказалось. Прождав полчаса и ознакомившись с объявлением о семестре в море, она уверенно зашагала в направлении кабинета, где заседала парковочная администрация.

Роберт мялся в голове длиннющей очереди, которая спускалась вниз по ступенькам и исчезала за дверью. Состояла очередь в основном из студентов, но возглавлял ее субтильный старикан, который размахивал зеленой бумажкой перед носом юного Гиммлера за стойкой.

— …сердечный приступ! — восклицал старичок. «Интересно, случился с ним приступ

во время вручения

штрафного талона или же старик опасно близок к инфаркту прямо сейчас?» — подумала Сара и попыталась привлечь внимание Роберта, но ей мешали двое первокурсников доктора Отниэля.

— Ах, Тодд, я знала, ты не откажешь! — щебетала первокурсница юнцу в джинсах и футболке без рукавов. — Я просила Трейси пойти со мной — в конце концов, это ее машина, — но у Трейси свидание.

— Свидание?

— Ну, я не уверена. За ее дружками не уследишь! Вот если бы ты был моим парнем, я бы на остальных и не взглянула. — Первокурсница скромно потупила глаза.

— Простите, — перебила Сара, — мне нужно поговорить с доктором Уолкером.

Тодд подвинулся, и, вместо того чтобы отступить в другую сторону, первокурсница прижалась к нему. Сара проскользнула мимо, не обращая внимания на негодующие взгляды очереди, и устремилась к Роберту.

— Вы тоже получили талон? — спросил Уолкер.

— Нет, — ответила Сара. — С этим доктором Рексом нужно срочно что-то делать!

— Вот именно!

— Я так рада, что вы меня поддерживаете! От доктора Отниэля никакого проку. Он даже не понимает, что происходит, а Альбертсон готовит лекцию «Релевантивность микроскопических окаменелостей обществу двадцать первого века».

— Как это?

— Понятия не имею. При мне он крутил студентам мультфильм «Земля до начала времен».

— У меня коронаротромбоз! — вскричал старичок.

— Незарегистрированным транспортным средствам запрещено парковаться на платных стоянках, — сказал активист «Гитлерюгенда». — Однако мы непременно инициируем внутреннее расследование этого инцидента.

— Расследование! — Старик схватился за сердце. — Ваше прошлое расследование растянулось на пять лет!

— Давайте поговорим с доктором Рексом, — сказала Сара. — Попробуем убедить, что релевантивность — еще не все; что палеонтология важна сама по себе, и вовсе не потому, что серьги в виде бронтозавриков — последний писк моды. За нами логика и наука! Ему придется признать нашу правоту!

Роберт смотрел на старичка у прилавка.

— Что здесь расследовать? Вы оштрафовали карету «Скорой помощи», когда врачи делали мне искусственное дыхание!

— Не уверен, что это поможет, — с сомнением протянул Роберт.

— Тогда составим петицию! Если промолчим, то придется вместо лекций крутить мультики о семейке Флинтстоунов! Доктор Рекс опасен!

— Еще как! — согласился Уолкер. — Знаете, за что меня оштрафовали? Я припарковался напротив факультетской библиотеки!

— Вы можете хоть на минуту забыть об этих дурацких штрафах? — вспылила Сара. — Если мы не избавимся от доктора Рекса, то скоро вам вообще не нужно будет здесь парковаться! Студенты доктора Альбертсона подпишут петицию. Вчера он заставил их вырезать иллюстрации из учебника и составлять из них коллажи!

— Парковочная администрация не принимает петиций, — сказал Роберт. — Помните, что сказал доктор Рекс? «Я припарковался прямо у входа». Представляете, он оставил на ветровом стекле записку, что якобы парковка разрешена ему факультетом палеонтологии!

Роберт помахал зеленым листком перед носом Сары.

— А знаете, где припарковался я? За пятнадцать кварталов отсюда! И я здесь такой не один!

— Счастливо оставаться, Роберт, — сказала Сара.

— Куда вы? Мы ведь еще ничего толком не обсудили! Сара двинулась назад мимо очереди. Двое первокурсников по-прежнему торчали у двери.

— Трейси поймет, — сказала девушка, — раз уж между вами не было ничего серьезного…

— Постойте! — крикнул Роберт. — Что вы намерены предпринять?

— Эволюционирую, — ответила Сара.

В четверг Роберт обнаружил в почтовом ящике еще одну зеленую квитанцию. Он смял злополучную бумажку в кулаке и, грязно ругаясь, бросился в административный корпус. Переминаясь в очереди за девушкой в инвалидной коляске и двумя пожарными, Уолкер развернул зеленый листок.

— Да, я припарковалась в специально отведенном для инвалидов месте… — объясняла девушка.

Роберт ойкнул и бросился к выходу.

На час у Сары была назначена лекция, но в аудитории доктора Райт не оказалось. Студенты коротали время за стиранием пометок в учебниках (в надежде вернуть их обратно в магазин) и понятия не имели, где их преподаватель. Не знал этого и доктор Альбертсон, мастеривший фораминиферу из папье-маше.

Оставался доктор Отниэль.

— Господство хищников в позднем меловом привело к сильнейшему эволюционному давлению, результатом которого стала адаптация к водной и воздушной средам.

Роберт попытался привлечь внимание лектора, но доктор Отниэль как раз писал на доске «Птицы».

Роберт вышел в коридор. У кабинета Сары, жуя «Доритос», стоял Чак.

— Где доктор Райт?

— Она ушла, — неразборчиво прочавкал ассистент.

— Ушла? Хотите сказать, ее уволили? По какому праву?! — ужаснулся Уолкер и сунул зеленую бумажку под нос Чаку. — Доктор Рекс собирается заняться предварительным сбором данных для… как же он это называет? Вот, «подготовки к изучению педагогических воззрений, господствующих в среде практикующих палеонтологов, с последующим аналитическим обзором». Мы спасены! На ближайшие пять лет можно забыть о его существовании.

— Ага, доктор Райт в курсе, — кивнул Чак, доставая из заднего кармана банку острого соуса. — Сказала, что слишком поздно. Она уже заплатила за обучение.

— Обучение? О чем вы? Где она?

— Выпорхнула из клетки. — Чак макнул чипсы в соус. — Вот, оставила кое-что для вас.

Чак протянул стаканчик Роберту, выудил из второго заднего кармана брошюру и зеленый пластиковый квадратик.

— Ее разрешение на парковку, — озадаченно промолвил Уолкер.

— Просила передать, что ей теперь ни к чему.

— И это все? Больше она ничего не передавала?

— Ах да, — Чак макнул чипсы в стаканчик, который Роберт по-прежнему держал перед собой. — Что-то про опасность схода лавин.

— Плотоядные динозавры процветали весь поздний меловой, — сказал доктор Отниэль, — а затем исчезли, впрочем, как и их жертвы. Существует множество гипотез, объясняющих их исчезновение, но ни одна из них не доказана научно.

— Они не нашли место для стоянки, — прошептал один из студентов. Он долго сочинял петицию в парковочную администрацию, но впоследствии решил, что проще продать «фольксваген» и купить скейтборд.

— Что? — Доктор Отниэль близоруко осмотрелся и снова вернулся к доске. —

Уменьшение запасов пищи, рост количества млекопитающих и конкуренция со стороны более мелких хищников также сыграли свою роль.

В самом низу доски он накорябал столбик: «1. Запасы пищи. 2. Млекопитающие. 3. Конкуренция».

Последнее слово Отниэль вместил с большим трудом.

Студенты написали: «А говорили, что это из-за астероида» и «Терри, моя новая соседка по комнате пытается отбить у меня Тодда! Представляешь? Дина».

— Гибель динозавров… — начал доктор Отниэль и запнулся. Он осторожно, позвонок к позвонку, распрямил спину, задрал подбородок, словно принюхиваясь, подошел к открытому окну, высунулся наружу и несколько минут изучал пустое и чистое небо.

КОРОЛЕВСКАЯ ВЛАСТЬ

ПРОКЛЯТИЕ КОРОЛЕЙ[16]

Проклятие лежало на всех нас — хоть мы этого и не знали. Лако, к примеру, даже не подозревал. Он запер меня в клетке и прочел мне надпись на печати, что охраняла вход в гробницу, но понятия не имел, кому адресовано предостережение. Да и Римлянин, смотревший с черного кряжа на горящие трупы, тоже не догадывался, что пал жертвой проклятия.

Под тяжестью проклятия скорбела принцесса, десять тысяч лет назад заключенная в усыпальницу. Проклятие разъедало плоть Эвелины, которая безуспешно пыталась предупредить меня об опасности.

В тот последний вечер на Колхиде мы ждали корабля… Электричество в очередной раз вырубилось. Лако зажег соляриновую лампу и поставил ее рядом с транслятором, чтобы мне были видны датчики. Голос Эвелины стал таким неразборчивым, что настройки прибора постоянно приходилось корректировать. Света хватало только на пространство вокруг меня — тьма скрывала Лако, склонившегося над подвесной койкой.

У лампы, разинув рот, сидела бея Эвелины — на черных зубах играли красноватые отблески пламени. Я все ждал, что бея сунет в огонь руку, но впустую. Пламя недвижно застыло в пыльном и спертом воздухе.

— Эви! — сказал Лако. — Времени совсем не осталось. На рассвете здесь появятся солдаты Римлянина. Они не дадут нам уйти.

Эвелина что-то сказала, но транслятор не разобрал.

— Подвинь ближе микрофон! — сказал я.

— Эви! — повторил Лако. — Расскажи, что произошло. Пожалуйста, Эви, нам очень нужно знать. Расскажи обо всем…

Она снова попыталась. Я выкрутил громкость на полную мощь, и транслятор что-то уловил — но на выходе выдал помехи в эфире. Эвелина закашлялась — резко и мучительно. Из транслятора прозвучал отчаянный крик.

— Господи, да надень ты на нее респиратор! — сказал я.

— Не могу, — ответил Лако, — аккумуляторы сели.

«Так, респираторы нужно к питанию подключать, — подумал я, — а удлинителей не хватает». Но вслух я этого не сказал — ведь чтобы надеть на Эвелину респиратор, Лако пришлось бы отключить рефрижераторную установку.

— Дай ей попить, что ли…

Лако вытащил из ящика рядом с койкой бутылку колы, сунул в нее трубочку и приподнял Эвелине голову. Я выключил транслятор. С меня было достаточно ее

---

16 The Curse of Kings © Перевод. В. Дегтярева, 2010

мучительных попыток говорить — не осталось сил выслушивать напряженное глотание. Прошла вечность, прежде чем Лако вернул бутылку в ящик.

— Эвелина, — попросил он. — Расскажи нам, что случилось. Ты заходила в усыпальницу?

Я включил транслятор и приготовился нажать кнопку записи. Не было смысла записывать издаваемые ею мучительные звуки.

— Проклятие, — четко произнесла она. Я надавил на кнопку. — Не открывайте ее. Не открывайте. — Она попыталась сглотнуть. — Койседень?

— Какой сегодня день? — перевел транслятор.

Она снова попыталась сглотнуть. Лако вручил бее бутылку из-под колы.

— Сходи за водой. Быстро!

Бея, не отрывая взгляда от пламени, взяла бутылку.

— Быстро! — сказала Эвелина. — До беи.

— Вы открыли гробницу после того, как отправили бею за Римлянином?

— Не открывайте ее. Не открывайте. Простите. Не знала.

— Чего не знала, Эвелина?

Бея завороженно глядела на пламя — во рту поблескивали черные зубы. Грязными руками она сжимала бутылку зеленого стекла. Стеклянную трубочку для питья — толстую, неровную, пузырчатую (возможно, так и было задумано при изготовлении) — покрывали длинные извилистые царапины: работа Эвелины. «Завтра она трубочку на кусочки раздерет», — подумал я, но потом вспомнил, что завтрашнего дня у нас не будет. Если, конечно, кожу беи не покроют ячеистые рубцы, не заполнят ей легкие и горло, и она не свалится ничком в алое пламя.

— Скорее, — сказала Эвелина в гипнотической тишине. Бея обернулась к койке, словно наконец-то очнулась от спячки, и бегом выскочила из комнаты с бутылкой из-под колы в руках. — Скорее! Какой сегодня день? Спасите сокровище. Он убьет ее.

— Кто, Эвелина? Кто кого убьет?

— Не стоило нам заходить, — произнесла она и судорожно выдохнула — словно песок проскрежетал по стеклу. — Трепещите. Проклятие королей.

— Она цитирует надпись на печати, — сказал Лако, выпрямляясь. — Значит, они входили в гробницу. Ты записал?

— Нет, — ответил я, нажимая на кнопку удаления. — Она все еще не отошла от дилаудида. Начну записывать, когда что-то толковое будет говорить.

— Комиссия вынесет решение в пользу Римлянина. Говард клянется, что внутрь они не заходили, ждали Римлянина.

— Какая разница? — спросил я. — Эвелина не доживет до заседания Комиссии, а если Римлянин и его бойцы доберутся сюда раньше, чем корабль, от нас тоже толку не будет. Так что какая, к черту, разница? Вдобавок после Комиссии от сокровища и следа не останется — и какого, спрашивается, дьявола мы делаем эту запись? Эвелину все равно не спасти.

— А если в склепе действительно что-то было? Что, если там вирус?

— Не было там никакого вируса. Это Римлянин всех отравил. Если бы это был вирус — почему бея не заразилась? Она ведь была с ними в усыпальнице.

— Скорее! — раздался чей-то голос. Я чуть не решил, что это Эвелина, но оказалось — бея. Она вбежала в комнату, разбрызгивая воду из бутылки.

— Что случилось? — спросил Лако. — Корабль прилетел?

— Скорее! — Она дернула его за руку и потащила по заставленному ящиками коридору.

— Скорее, — эхом выдохнула Эвелина.

Я поднялся и подошел к койке. Ее лица было почти не разглядеть, что немного облегчало дело. Я разжал кулаки.

— Эвелина, это я — Джек.

— Джек, — с трудом произнесла она в микрофон, прикрепленный к пластиковой сетке

у ее шеи, и захрипела. Морфий помог бы, но сразу после дилаудида Эвелина бы вырубилась окончательно.

— Я доставил твое послание Римлянину. — Я склонился ближе, стараясь уловить ответ. — Что в нем было?

— Джек, — ответила она. — Какой сегодня день?

Я призадумался. Такое ощущение, что мы болтаемся здесь уже несколько лет.

— Среда.

— Завтра… — Эвелина закрыла глаза и расслабилась, почти заснула.

Бесполезно, от нее ничего не добиться! Я надел медицинские перчатки и достал шприц с ампулой. Морфий вырубит ее через несколько минут — но она будет свободна от боли и, возможно, останется в сознании.

Рука Эвелины свесилась с койки. Я передвинул лампу ближе и попытался найти место для укола. Кожу покрывала ячеистая сетка белых зарубцевавшихся валиков, которые местами достигали двух сантиметров в высоту. С момента нашей первой встречи рубцы стали толще и мягче, хотя поначалу были тонкими и острыми как бритва.

Вену между ними найти было нереально, но тепло лампы размягчило участок кожи на запястье и растопило пятиугольный рубец, — туда я и сделал укол. Пришлось ткнуть два раза, прежде чем вокруг иглы медленно собралась кровь. Алые капли упали на пол. Вытереть кровь было нечем — утром Лако использовал последний кусок ваты. Я вырвал листок из блокнота и промокнул им пол.

Бея скользнула мне под локоть, подставила кусок пластиковой сетки. Я свернул запачканный листок и бросил его в центр сетки. Бея аккуратно подняла сетку за края, стараясь не касаться крови.

— Джек, — подала голос Эвелина. — Ее убили.

— Убили? — Я подправил настройки транслятора, но ответа не услышал. — Кого убили, Эвелина?

— Принцессу. Из-за сокровища.

Морфий действовал — слова легко было разобрать, хотя они и не имели смысла. Никто не убивал принцессу — она мертва уже десять тысяч лет. Я склонился над Эвелиной.

— Что было В послании, которое ты передала Римлянину?

Включился свет. Эвелина прикрыла лицо рукой.

— Убила бею Римлянина. Пришлось. Ради сокровища. Бея все еще аккуратно сворачивала сетку маленькими грязными ручками.

— Бею никто не убивал. Вот она, здесь.

Эвелина не услышала. Доза обезболивающего подействовала — рука Эвелины, расслабившись, соскользнула на грудь. На мягкой, словно воск, коже лба остались четкие вмятины — там, где коснулась кисть. Ячеистые выступы на подушечках пальцев расплющились и вдавились внутрь так, что виднелись кончики костей.

Эвелина открыла глаза.

— Джек… — В ее голосе сквозила такая безнадежность, что я потянулся и выключил транслятор. — Слишком поздно.

Лако протиснулся мимо меня и приподнял сетку, что занавешивала койку.

— Что она сказала?

— Ничего. — Я снял перчатки и швырнул их в ящик, куда мы складывали все, к чему прикасалась Эвелина. Бея вертела в руках пластиковую сетку, в которой лежал окровавленный листок. Я отнял ее и бросил вслед за перчатками. — Она не в себе. Я вколол ей дозу. Корабль прибыл?

— Нет. Зато появился Римлянин.

— Проклятие, — сказала Эвелина. Но я ей не поверил.

К моменту перехвата послания от Лако я передал в эфир восемь колонок с репортажами о проклятии. Мы с лисийской экспедицией тащились по бесконечной пустыне Колхиды.

Давно закончился ажиотаж вокруг «потрясающих археологических находок», которые состояли из парочки глиняных горшков и горстки черных костей. Правда, и два горшка — прогресс по сравнению с результатами пятилетних изысканий команды Говарда на Хребте. Редакция периодически вякала, что меня пора отправить оттуда первым же пассажирским кораблем, но я знал, что они этого не сделают, пока Ассошиэйтед Пресс не отзовет с планеты Брэдстрита. Когда — и если — сокровище, за которым все так упорно охотятся, будет найдено, в дамках окажется редакция, представитель которой торчит на Колхиде. Чтобы оказаться в нужном месте в нужное время, нужно было сочинять что-нибудь интересненькое. Я смотался на север, написал о заштатной сухундулимской резне, после чего присоединился к лисийцам. Как только тема горшков исчерпала себя, настал черед проклятия.

Ничего серьезного из этого выудить было нельзя — ни убийств, ни снежных обвалов, ни загадочных пожаров не случалось — но из каждой растянутой лодыжки и укуса хранита я умудрялся выжать как минимум четыре колонки.

После первой, которая называлась «Новая жертва проклятия королей», Говард послал мне с Хребта записку наземной почтой: «Эй, Джеки, где сокровище, там и проклятие!», на что я откликнулся: «Чего ради я торчу здесь, если сокровище на твоей территории? Как найдешь, так сразу и примчусь». Ответа я не получил, а лисийская экспедиция не нашла больше ни одной косточки. Пришлось выкручиваться. Шесть малюсеньких камушков, скатившихся со склона вулкана, в моей интерпретации превратились в «Проклятие королей: загадочный обвал едва не накрыл археологическую экспедицию». Я только скормил это сообщение передатчику, как раздалось шипение — заработала консульская связь. Репортеры не имеют права перехватывать консульские коммуникации. Лако, консул в Хребте, всячески пытался обезопасить свои каналы связи, но у меня хватило и времени, и терпения. Я перепробовал все частоты, нашел-таки нужную и пробился сквозь консульскую систему защиты.

В послании содержалось требование немедленно прислать корабль. Пассажирский должен был прибыть через месяц, но Лако, очевидно, ждать не мог. Похоже, что-то нашли.

Наземной почтой я отослал Говарду копию своей колонки с вопросом «Нашли что-нибудь?», но ответа не получил.

После этого я расспросил членов экспедиции, кому что нужно на базе — мол, у меня полетел амортизатор, надо съездить и заменить. Мне вручили список, я погрузил оборудование в джип и направился на Хребет.

Всю дорогу я передавал репортажи — пересылая их наземной связью на радиорелейную станцию, которая осталась в лагере лисийцев: пусть Брэдстрит думает, что я все еще там. Конечно, для этого приходилось каждый раз останавливать джип и заново монтировать передатчик, но я совсем не хотел, чтобы Брэдстрит заявился на Хребет — пускай себе сидит на севере в надежде на очередную резню. На «ласточке» ему до Хребта всего полтора дня лету.

Я отослал в эфир статью «Орудие проклятия: храниты угрожают жизни археологов». Клещевидные храниты сосут кровь у придурков, которые по всяким ямам да раскопам шарят. Лисийская экспедиция именно этим и занимается: руки археологов покрыты участками омертвелой кожи — там, где яд поступил в кровь. Противоядия от укусов хранитов нет, кровь сохраняет токсичность как минимум неделю — вот кто-то и додумался повесить на бараках зловещий значок с черепом и скрещенными костями: «Грызня запрещена!» Об этом я, конечно же, в статье рассказывать не стал — представил хранитов зловещими орудиями проклятия, которые яростно атакуют всякого нарушителя покоя древних колхидских королей.

На следующий день мне удалось перехватить сообщение с аментийского грузового корабля: «Можем прибыть через неделю». Лако откликнулся одним словом: «Скорее!»

Чтобы опередить корабль, нужно было завязывать с репортажами. Я отослал несколько заранее состряпанных записей с предусмотрительно не проставленными датами: весьма лестный рассказ о многострадальном консуле Лако, честном и справедливом миротворце;

интервью с Говардом и Борхардтом; не слишком лестный очерк о местном диктаторе Римлянине; ну и краткое описание разграбленных склепов, из-за чего экспедиция Говарда и прибыла на эту планету.

Передавать все это с Хребта было опасно, но я надеялся, что Брэдстрит, проверив пункт передачи, решит, что я пытаюсь запутать следы и покрываю грязные махинации экспедиции в надежде первым сообщить сенсационную новость. Если повезет, он на своей клятой «ласточке» метнется к лисийцам.

До деревни Римлянина я добирался шесть дней. К Хребту оттуда больше суток тащиться, но Лако и его люди должны быть здесь — ведь именно сюда через два дня прибудет корабль.

Над рядами белых глиняных домов царила мертвая тишина, напомнившая мне о другом месте. Времени было — начало шестого. Наверняка все легли вздремнуть после обеда и проснутся не раньше шести. Я постучал к консулу. Дверь оказалась заперта — никого нет дома. Сквозь спущенные жалюзи я разглядел, что передатчика Лако на столе не было. В приземистом бараке, где обосновались члены экспедиции на Хребет, тоже пусто. Я встревожился: куда, черт побери, они провалились?! Неужели застряли на Хребте? Корабль вот-вот приземлится. А вдруг он уже забрал их и улетел — на двое суток раньше намеченного?

Я третий день ничего не передавал в эфир — заранее подготовленные репортажи закончились, а тратить время на установку оборудования не хотелось. Даже в лисийской экспедиции я соблюдал предельную осторожность: время от времени подкапливал репортажи, по два-три дня не выходя в эфир, так что Брэдстрит вряд ли догадается, в чем дело. Впрочем, рано или поздно он все поймет — тут уж ничего не поделаешь. Срываться на Хребет я не собирался — надо кого-нибудь расспросить, наверняка узнать, что люди еще там. Да и темно уже — в любом случае идти некуда. Я сел на глиняные ступеньки барака, достал передатчик, проверил местонахождение корабля. Все еще в пути — прибудет через день. Так где же экспедиция? Что это, проклятие сработало? Загадочное исчезновение команды археологов?

Репортажа об этом в любом случае не напишешь, так что пришлось набросать пару колонок об Эвелине Герберт, единственной участнице экспедиции Говарда, с которой я не успел познакомиться. Она присоединилась к группе после того, как я уехал на север делать репортаж о резне. Брэдстрит говорил, что она красавица. Ну, то есть вообще-то он настаивал, что она — самая прекрасная женщина на свете, но это потому, что мы с ним, застряв в Хамсине, распили бадью джина, разлитого в бутылки из-под колы.

— У нее лицо, как у Елены Троянской, — утверждал он. — Краса, что в дальний путь подвигнет…

Он так и не договорил: залитые джином мозги не соображали, что же такое грандиозное может двинуться с Колхиды.

— Даже Римлянин без ума от нее! В это верилось с трудом.

— Да нет же, серьезно! Он осыпает ее дарами — даже свою бею отдал, упрашивал переселиться в его дом, вот только она не согласилась. Видел бы ты ее!

Принять такое на веру мой разум отказался, но материал для репортажа был неплохим. Я обозвал это «самой романтической историей века» — и датировал сообщение предыдущим днем. Но что же придумать на сегодня?

Я обошел все дома в поселке. Кругом по-прежнему царила мертвая тишина. Б-р-р! Напоминает Хамсин после резни. Что, если истерическое «скорее!» Лако каким-то образом относилось к Римлянину? Что, если Римлянин узнал о сокровище и решил ни с кем не делиться?

Накропаю-ка я статейку о Комиссии. Как только возникают споры по поводу археологических находок, созывается Комиссия по древностям — спорщиков берут измором, пока они не поднимают лапки кверху. Относятся к Комиссии гораздо серьезнее, чем она того заслуживает. Однажды ее даже созвали, чтобы решить вопрос о праве владения

планетой, когда раскопки обнаружили, что так называемые аборигены высадились на корабле несколько тысячелетий назад. Комиссия весьма серьезно подошла к проблеме — хотя это было все равно что обсуждать требование неандертальцев о возвращении права владения Землей. В общем, четыре года выслушивались свидетельства обеих сторон, после чего объявили перерыв для ознакомления с кипами свидетельских показаний и предоставили сторонам самостоятельно выяснять отношения. С тех пор прошло уже десять лет, а к рассмотрению дела Комиссия так и не вернулась. Но в репортаже об этом рассказывать ни к чему. Я представил Комиссию воплощением археологического правосудия, строго, но справедливо наказывающей зарвавшихся хапуг. Может, это отвлечет Римлянина от идеи расправиться с экспедицией Говарда и загрести себе сокровище — если, конечно, он ее уже не реализовал.

Кругом по-прежнему не наблюдалось никаких признаков жизни. Что бы это значило? Я сделал еще один круг по деревне, боясь наткнуться на гору трупов за одной из дверей. В отличие от Хамсина, никаких следов разрушения здесь не было. Никто никого не убивал — может, все собрались у Римлянина и делят сокровища?

Попасть в обнесенный высоким забором дом было не так-то просто. Я тряхнул ажурные чугунные ворота. Незнакомая бея вышла на улицу — зажечь соляриновую лампу лучами закатного солнца. Вряд ли она слышала, как я ломился в ворота.

Возраст бей определить сложно — ростом они с двенадцатилетних детей, темные волосы не седеют, а черные зубы не выпадают. И тем не менее эта была немолода. Черное одеяние вместо сорочки — значит, она у Римлянина на хорошем счету, хоть я ее и не помнил. К тому же ее руки покрывали следы хранитовых укусов — либо она слишком любопытна, даже для беи, либо лет ей немало.

— Римлянин дома? — окликнул я.

Она, словно не слыша, повесила фонарь на крюк изнутри ворот и смотрела, как занимается огнем лужица солярина на дне.

— Мне Римлянин нужен, — громко сказал я. Похоже, она туга на ухо.

— Нет. — Плоское лицо беи было бесстрастно. Интересно, она имеет в виду, что никого нет дома — или ей впускать никого не велено?

— Римлянин дома? — повторил я. — Мне нужно с ним поговорить.

— Нет.

С другой беей Римлянина получилось гораздо проще: подарил карманное зеркальце — и лучший друг на всю жизнь. Но ее тут не было — а значит, нет и самого Римлянина. Но где же он?!

— Я журналист. — Я протянул ей свое удостоверение. — Вот, покажи ему — он наверняка захочет со мной поговорить.

Бея посмотрела на удостоверение, провела грязными пальцами по гладкой поверхности и перевернула.

— Где он? На Хребте?

Бея подковырнула голографическую эмблему редакции, словно надеялась сунуть палец между трехмерными буквами.

— Где Лако? Где Говард? Где Римлянин?

Она продолжала вертеть удостоверение — смотрела на него то сбоку, то прямо, то опять сбоку, наблюдая за тем, как трехмерные буквы становятся плоскими.

— Послушай, оставь удостоверение себе — дарю. Скажи боссу, что мне надо с ним встретиться.

Бея попробовала подцепить трехмерные буквы ногтем. Эх, не надо было ей удостоверение давать!

Я открыл рюкзак, вытащил бутылку колы, но сквозь прутья забора просовывать не стал. Бея заметила бутылку и потянулась к ней. Я отступил на шаг.

— Где копатели? — Я вспомнил, что у беев работают женщины — если, конечно, выполнение мелких поручений сухундулимов и питье колы можно назвать работой. Во

всяком случае, они целый день на ногах, в отличие от беев-мужчин, которые постоянно спят. Женщины их игнорируют — впрочем, как и остальных лиц мужского пола, если только не получают прямых приказов. Вот женщину бея вряд ли оставит без внимания.

— Где Эвелина Герберт?

— Большое облако.

«Большое облако»? Что она имеет в виду? До сезона дождей еще далеко. Может, огонь? Название корабля? — Где?

Она снова потянулась к бутылке с колой. Я не стал отводить руку.

— Большое облако где?

Она ткнула пальцем на восток — туда, где лава образовывала низкий горный кряж. Именно под ним, в небольшой бухте, приземлялись корабли. Что, если кто-то еще откликнулся на призыв Лако — и увез всю команду вместе с сокровищем?

— Корабль?

— Нет. — Она настойчиво тянулась через прутья. — Большое облако.

Я вручил ей бутылку. Бея отошла к ступенькам дома, уселась и стала вертеть удостоверение, любуясь тем, как оно вспыхивает на солнце.

— Давно оно там?

Бея даже не отреагировала.

По пути к кряжу я уговаривал себя в том, что бея видела пыльного дьявола, а не корабль, который улетел, прихватив команду и сокровище. А может, корабль все еще там?

Нет, корабля на кряже не было. Круг выжженной земли радиусом в полумилю, где постоянно приземлялись корабли, пустовал. Я вскарабкался на склон повыше и увидел «большое облако» посредине площадки: купол, обтянутый пластиковой сеткой. Рядом припарковали консульский лендровер и несколько гусеничных транспортеров — видимо, в них перевозили сокровище с Хребта.

Я оставил джип за лавовым пригорком и прокрался, прячась за большими валунами, к центральному входу, который охраняли два сухундулима. Значит, сокровище еще не увезли. Единственное распоряжение Комиссии гласит, что археологическая экспедиция имеет право на половину найденного — оставшаяся половина принадлежит местным жителям. Римлянин явно заботится о том, чтобы получить причитающееся. Странно, что Говард не выставил свою охрану — в том же самом распоряжении говорится, что любые злоупотребления ведут к полной конфискации сокровища в пользу пострадавшей стороны. Лисийские охранники буквально сидят на этих несчастных скелетах и черепках — а вдруг кто решит украсть косточку, и тогда лисийцы получат право на все находки.

Через охрану Римлянина мне не пробиться — придется заходить с тыла. Я прокрался к джипу и спустился ниже по кряжу, стараясь не высовываться из-за камней. Передатчик я с собой тащить не стал: конфискуют еще под предлогом того, что репортажи — злоупотребление, да и неизвестно, удастся ли попасть внутрь. К тому же черная лава вся изрыта ямами с острыми краями — если передатчик упадет, то определенно разобьется.

Я пересек открытое пространство и нырнул под внешнюю оболочку сетки, покрывавшей купол. Задней двери не было — да и не должно было быть: у лисийской экспедиции имелся такой же тент, где хранилась найденная керамика. Попасть в купол сзади можно было только одним способом — проползти под сеткой. Но в «большом облаке» у стен громоздились коробки и оборудование, так что пришлось осторожно продвинуться вправо. Там нашлось местечко, где пластик слегка расходился. Я подцепил его ножом и заглянул в образовавшееся отверстие — ничего, только все та же пластиковая сетка. Я протиснулся внутрь и до смерти испугал какую-то бею — она отпрянула и распласталась на одном из упаковочных ящиков, сжимая в руках бутылку с колой. Я и сам перетрусил.

— Ш-ш-ш. — Я прижал палец к губам.

Бея, вместо того чтобы заверещать, изо всех сил вцепилась в бутылку и бочком начала стратегическое отступление.

— Эй! — тихонько окликнул я. — Не бойся, ты меня знаешь. — Теперь я понял, где Римлянин — это была его бея. Ту, что постарше, наверное, оставили охранять дом, а сами заявились сюда. — Помнишь, я подарил тебе зеркало? Где твой босс? Где Римлянин?

Она вытаращилась на меня.

— Зеркало… — Бея отставила бутылку в сторону, но ближе не подошла.

— Где Римлянин? Где копатели? — Никакой реакции. — Где Эвелина Герберт?

— Эвелина! — Бея ткнула перемазанной в грязи рукой в сторону пластикового занавеса. Я нырнул туда.

Задрапированный пластиковой сеткой участок палатки походил на комнату с низким потолком. Упаковочные ящики вдоль стены практически не пропускали вечерний свет — и я почти ничего не видел. Кажется, в углу висело некое подобие койки, отгороженное сеткой. Оттуда раздавалось тяжелое, прерывистое дыхание. Бея вошла следом.

— Эвелина? — окликнул я и спросил у беи: — Здесь можно включить свет?

Бея нырнула мне под руку, дернула шнурок лампочки, свисающей со сплетения проводов, и отскочила к противоположной стене. Дыхание определенно доносилось с койки.

— Эвелина? — Я приподнял пластиковый полог, охнул, закрыл рот руками, словно от удушливого дыма, и отпрянул назад.

Стоявшая позади бея едва устояла на ногах и распласталась по тоненькой стенке — еще чуть-чуть, и провалилась бы сквозь нее наружу.

— Что с ней? — Я вцепился в костлявые узкие плечики беи, тряхнул… — Что случилось?

Перепуганная бея не отвечала. Я выпустил ее, и она еще сильнее вжалась в пластиковые складки стены.

— Что произошло? — жутким шепотом повторил я. — Это какой-то вирус?

— Проклятие, — ответила бея.

И тут отключилось электричество.

В темноте раздавалось только дыхание: мучительные, прерывистые всхлипы Эвелины и мои учащенные, испуганные вздохи. На миг я поверил бее. Свет зажегся снова, я оглянулся на прикрытую сетчатым пологом койку и понял, что нахожусь в нескольких шагах от самого грандиозного репортажа в своей жизни.

— Проклятие, — повторила бея.

«Нет, это не проклятие, это — моя добыча», — подумал я.

Я подошел к койке, двумя пальцами отвел полог и взглянул на то, что осталось от Эвелины Герберт. Толстый слой все той же сетки прикрывал ее до самой шеи; руки, скрещенные на груди, испещряли белые рубцы, проступавшие даже на ногтях. Кожа между рубцами истончилась так, что под ней просвечивали кровеносные сосуды и мышцы. Соты рубцов избороздили лицо, веки и слизистую оболочку приоткрытого рта. На скулах рубцы утолщались, но с виду были настолько мягкими, что, казалось, вот-вот разорвутся под внутренним давлением костей черепа. Я похолодел: если инфекция попала на пластик, то я заразился, как только вошел в комнату.

Эвелина открыла глаза, и я с такой силой дернул полог, что чудом его не сорвал. Глаза Эвелины тончайшей паутиной покрывала сетка крошечных сот. Не знаю, видела ли она.

— Эвелина, меня зовут Джек Мертон. Я журналист. Вы говорить можете?

Она издала неразборчивый хриплый звук, закрыла глаза и едва слышно выдавила из себя:

— Помогите мне.

— Как? Что сделать?

Последовала серия неясных звуков. Я отчаянно пожалел, что оставил транслятор в джипе.

Эвелина напрягла мышцы спины и попыталась приподняться всем телом, не опираясь на руки. Надсадно кашлянула, словно прочищая горло, и снова выдала какой-то звук.

— У меня в джипе есть прибор, транслятор — он поможет вам говорить. Я сейчас

принесу.

— Нет, — четко ответила она и снова перешла на серию неразборчивых звуков.

— Не понимаю! — сказал я.

Неожиданно Эвелина протянула руку и схватила меня за рубашку. Я отдернулся — так резко, что задел лампочку, которая начала выписывать широкие круги под потолком. Бея отлепилась от стены и приблизилась, увлеченная зрелищем.

— Сокровище… — Эвелина прерывисто выдохнула. — Римлянин. От. Рава.

— Отрава?

Над нами безостановочно раскачивалась лампочка. От прикосновения острых рубцов на руках Эвелины пола моей рубашки расползлась на длинные лоскуты.

— Вас отравили? Римлянин?

— Помогите.

— Сокровище отравлено?

Она с усилием качнула головой.

— Передайте…

— Передать что? Кому?

— Рим… ну. — Эвелина бессильно рухнула на койку и зашлась кашлем, прерывисто дыша в промежутках между приступами.

Я отодвинулся.

— Что? Вы хотите предупредить Римлянина, что вас кто-то отравил? Что я ему должен передать?

Она перестала кашлять и лежала, глядя на меня.

— Помогите.

— Если я сообщу Римлянину, вы объясните, что случилось? Расскажете, кто вас отравил?

Она попыталась кивнуть и снова закашлялась. Бея подскочила к койке, сунула трубочку в бутылку. Вода пролилась Эвелине на подбородок, и бея промокнула капли подолом засаленной сорочки. Эвелина попыталась подняться — бея обхватила ее за плечи, покрытые толстыми рубцами. Как ни странно, бею они не поранили, а напротив, словно разгладились под нажимом ее рук. Эвелина поперхнулась. Со второй попытки Эвелине удалось сделать пару глотков, и она снова легла.

— Да, — совершенно четко выговорила она. — Лампа. Я решил, что недопонял.

— Эвелина, что нужно передать?

— Лампа. — Она попыталась указать пальцем. Позади меня, на коробке стояла соляриновая лампа, рядом с ней лежал пластиковый пакет и пара одноразовых шприцев — из тех, что обычно кладут в наборы первой помощи. Бея протянула мне пакетик, и я с опаской коснулся его — Что, если до него дотрагивалась Эвелина? — но, взглянув на ее руки и свою разорванную рубашку, сообразил, что бея, скорее всего, не только сама положила послание в пакет, но написала его под диктовку Эвелины. Хотелось верить, что его можно будет разобрать.

Я положил пакет в изолированный фольгой кармашек, где обычно хранились запасные аккумуляторы для передатчика, и, подавив желание вымыть руки, снова подошел к койке.

— Где он? Здесь?

Она опять попыталась покачать головой. Я уже научился понимать ее жесты, но все равно жалел об оставленном в машине трансляторе.

— Нет. — Она закашлялась. — Не здесь. Дома. В поселке.

— Он дома? Точно? Я там сегодня был — никого не видел, кроме какой-то беи.

Она вздохнула — словно зашипела свеча, задуваемая ветром.

— Дом. Скорее.

— Ладно, — сказал я. — До темноты постараюсь обернуться.

— Скорее, — повторила она и снова закашлялась.

Выбрался я тем же путем, которым проник внутрь, предварительно уточнив у беи, куда все-таки подевался Римлянин.

— Север, — ответила она. — Солдаты. Это могло означать что угодно.

— Он отправился на север? Его нет дома?

— Дома. Сокровище.

— Но он не здесь? Точно?

— Дом, — сказала бейка. — Солдаты.

Пришлось мне признать поражение. В обтянутом пластиком закутке я помедлил. Стоит ли искать Говарда, Лако или еще кого-нибудь, прежде чем отправляться назад в поселок, к дому Римлянина? Солнце уже почти село, вот-вот стемнеет. Вдобавок рисковать нельзя — пакет с посланием жег карман. Совсем некстати, если Лако, разгневанный вторжением, меня здесь задержит. В джипе я смогу прочесть послание — и возможно, пойму, что здесь происходит. Римлянин и правда может быть дома — отправившись на север, он не оставил бы здесь свою бею.

Я выбрался через знакомое отверстие, торопливо пересек открытое пространство и, укрывшись за выступом, вытащил фонарик, чтобы не провалиться в какую-нибудь яму. В черной расщелине я остановился перевести дух и решил прочесть послание — пока доберусь до джипа, того и гляди стемнеет. Света уже осталось так мало, что без фонарика не обойтись. Я вытащил из-за пазухи сумку с посланием.

— Назад! — заорал кто-то у меня над ухом. Я вжался в расщелину, словно бея Эвелины в стену палатки. Фонарик, выпав из руки, закатился в яму.

— Назад! Не трогать! Я сам!

Я осторожно приподнял голову и взглянул вниз. Похоже, слои лавы сыграли со мной акустическую шутку. Вдали, с другой стороны огромного тента, едва различимый в сгущающихся сумерках, стоял Лако в сопровождении двух приземистых фигур в белом — кажется, сухундулимов. И тем не менее голос его звучал так четко, словно он рядом со мной.

— Я сам его похороню. Просто выкопайте могилу. Могилу для кого? Присмотревшись, я увидел голубоватый предмет на песке — тело, завернутое в пластик.

— Римлянин прислал вас охранять сокровище, — сказал Лако. — Вы обязаны следовать моим приказам. Как только он вернется…

Дальнейшего я не расслышал, но его слова явно убедили сухундулимов. Они попятились, а затем повернулись и побежали прочь. Хорошо, что их скрывала темнота — от их внешности мне всегда становится не по себе: под кожей на лице и на теле сухундулимов явственной проступают корявые узлы мышц. В своих репортажах Брэдстрит описывает их как рубцы или вспученные следы от ударов плетью, но он просто с приветом. На самом деле кажется, что под кожей клубками свернулись змеи. Римлянин еще выглядит более или менее — икры и ступни его обвиты набухшими мускулами, словно ремнями сандалий римских легионеров, как написал Брэдстрит в одном из репортажей. Собственно говоря, за это Римлянин и получил свое прозвище, а вот лицо у него почти нормальное.

Римлянин. Он, скорее всего, дома, раз Лако сказал: «Как только он вернется». Ни Лако, ни охранники не смотрели в мою сторону, так что я тихонько распрямился и перелез через выступ, стараясь не шуметь — на случай, если странная акустика срабатывает и в другую сторону.

На западе по-прежнему было достаточно светло — дорогу все еще видно. Я раздумывал, не остановиться ли на полпути, чтобы в свете фар прочесть послание, но решил, что не стоит — если Лако заметит свет, то догадается, что я был в палатке. Лучше доехать до поселка и прочитать записку под каким-нибудь фонарем.

Я ехал без фар, пока еще что-то было видно на расстоянии вытянутой руки, а когда наконец включил, обнаружил, что чуть не врезался в стену, которой была обнесена деревня. На ней не было зажжено ни одного фонаря. Я припарковал джип, пожалев, что не могу въехать на нем в деревню.

На заборе Римлянина по-прежнему висел фонарь — там, куда его повесила бея. Он был

единственным источником освещения в деревне, в которой все так же стояла тишина, как после резни. Может, все узнали, что лежит в койке внутри пластикового купола, — и сбежали, как те охранники-сухундулимы.

Я подошел к воротам. Фонарь висел слишком высоко — не снять. Похоже, мне не удастся прочесть послание, укрывшись где-нибудь в переулке. Главное, чтобы Римлянин меня не увидел — вряд ли ему понравится, что кто-то вскрывает его письма.

Прислонившись к стене, я достал сумку с посланием.

— Нет, — сказала бея. В руке у нее по-прежнему было журналистское удостоверение — изрядно погрызенное по краям. Наверное, она весь день просидела на ступеньках, пытаясь выковырять голографические буквы.

— Мне нужен Римлянин. Впусти меня. У меня для него послание.

— Послание, — повторила бея, с любопытством глядя на сумку.

Я поспешно убрал сумку в карман, обреченно вздохнул и вытащил полиэтиленовый пакет.

— Послание. Римлянину. Впусти.

— Нет. Я возьму. — Она просунула руку между прутьями забора.

Я отдернул пакет.

— Это не тебе. Для Римлянина. Отведи меня к нему.

Бея испугалась, поспешно отступила от ворот и вернулась на ступеньки.

— Нет. — Она вертела в грязных руках мое удостоверение.

— Я тебе дам подарок, а ты отнесешь послание Римлянину. Подарок лучше удостоверения.

Бея подозрительно покосилась на меня и подошла к воротам. Я понятия не имел, что ей дать. В изодранном кармане рубашки нашлась ручка с двумя топографическими буквами по бокам.

— Вот. Тебе! — Я показал ей ручку. — Скажи Римлянину, что у меня для него послание. — Другой рукой я поднял пакет, чтобы ей было понятнее. — Впусти.

Бея двигалась быстрее змеи: только что с опаской приглядывалась к ручке, а через секунду сжимала в руках пакет. Она сняла фонарь со стены и бросилась к ступенькам.

— Нет! — закричал я. — Погоди!

Дверь дома захлопнулась — и я остался в кромешной темноте.

Великолепно. Бея поужинает посланием, я ни на миллиметр не продвинулся к решению загадки, а Эвелина Герберт, скорее всего, умрет до моего возвращения в купол. Я на ощупь продвигался вдоль стенки, пока не увидел тускнеющие фары джипа. Еще лучше — аккумуляторы садятся. Для полного счастья не хватает только Брэдстрита на водительском сиденье, передающего в эфир репортажи на моем оборудовании.

В полной темноте к куполу подъехать невозможно, поэтому я включил фары — вдруг Лако не заметит, как я подъезжаю, — но даже в свете фар пару раз цеплял днищем валуны и вдобавок наткнулся на кусок лавы, который совершенно не отбрасывали тени.

Я снял изодранную рубашку, вылез из джипа и целую вечность спускался по кряжу, волоча на себе транслятор с передатчиком. В проделанное мной отверстие в стенке купола с этим объемным оборудованием было не пролезть, так что пришлось опустить приборы на землю и задом протиснуться внутрь. Сумку с транслятором я повесил на плечо и потянул на себя передатчик.

— Где тебя носило, Джек? — спросил Лако. — Охранники Римлянина давно ушли… Впрочем, от них вообще толку никакого. Что ж, они сбежали, а ты заявился. Брэдстрит тоже здесь? — Ну и видок у Лако — как будто неделю не спал, не меньше! — Давай, как вошел сюда, так и уматывай. Сделаем вид, что тебя здесь не было.

— Без репортажа я отсюда ни ногой, — ответил я. — А еще мне к Говарду надо.

— Нет.

— Имею право. — Я автоматически потянулся за журналистским удостоверением, которое в этот момент, наверное, упоенно дожевывала бейка. Если еще не приступила к

посланию Эвелины, разумеется. — Журналисты имеют право брать интервью у непосредственных участников событий.

— Говард умер. Я его сегодня похоронил.

Я сделал вид, что меня интересуют исключительно новости о сокровище и что я в глаза не видел ужасное создание, которое лежит в койке за пластиковым пологом. Видимо, получилось у меня неплохо — Лако ничего не заподозрил. Может, он уже не чувствовал весь ужас происходящего и не ожидал от меня никакой реакции, а может, я вел себя именно так, как полагается репортеру.

— Умер? — переспросил я, пытаясь припомнить, как выглядел Говард. Перед глазами встало изуродованное лицо Эвелины, ее руки, хватающиеся мне за рубашку, — пальцы, острые как бритва, совсем не похожие на человеческие.

— А Каллендер?

— Тоже умер. Все умерли. Только Борхардт и Герберт живы — да и те говорить не могут. Опоздал ты.

Сумка с транслятором оттягивала плечо. Я поправил лямку, но легче не стало.

— Что это? — спросил Лако. — Транслятор? Он нарушенную речь воспринимает? Если человек не в состоянии говорить из-за… Что-нибудь он разберет?

— Да, — ответил я. — А в чем дело? Что случилось с Говардом и остальными?

— Считай, что твой передатчик конфискован. И транслятор тоже.

— Попробуй только! — Я попятился. — Репортеры имеют право на…

— Только не здесь. Дай сюда транслятор.

— Зачем? Ты же сказал, что Борхардт и Герберт говорить не могут.

Лако достал из-за спины соляриновый огнемет-самоделку — бутылку из-под кока-колы с приделанным к ней зеркалом. Такими огнеметами сухундулимы проводят массовые расстрелы.

— Ну-ка, взял передатчик и марш за мной. — Лако наклонил огнемет так, что свисающая сверху лампочка оказалась точно над зеркалом.

Я поднял коробку с передатчиком.

Лако повел меня сквозь лабиринт ящиков к центру палатки, уводя от закутка Эвелины. Все вокруг было затянуто пластиковой сеткой. Если Лако плутает нарочно, зря старается — к Эвелине я все равно выйду, следуя за паутиной электрических проводов.

В центре палатки, похоже, устроили склад — повсюду раскрытые ящики, лопаты, кирки и прочий археологический инструмент. Спальные мешки свалены в кучу рядом со стопкой расплющенных картонных коробок. Посредине стояла клетка, а напротив нее, под кучей проводов, возвышался подключенный к сети рефрижератор — древний и основательный двустворчатый гроб, наследие завода по производству кока-колы. И никаких следов сокровища — разве что его уже упаковали или хранят в холодильнике. Интересно, для чего нужна клетка?

— Передатчик на пол клади, — сказал Лако, угрожающе поигрывая зеркалом. — И полезай в клетку, живо!

— А где твой передатчик?

— Не твое дело.

— Послушай, у тебя своя работа, у меня — своя. Мне репортаж нужен.

— Репортаж? — Лако толкнул меня в клетку. — Будет тебе репортаж: ты только что вступил в контакт со смертоносным вирусом и посажен под карантин.

И он выключил свет.

Да уж, журналист из меня — просто блеск. Сначала бея Римлянина, теперь вот Лако — а я ни на миллиметр не приблизился к разгадке. Через несколько часов я уже никогда не узнаю, что пожирает Эвелину изнутри. Я тряс прутья клетки, пытался выломать замок, до хрипоты звал Лако — безрезультатно. Гудение рефрижератора периодически замолкало — отключалось электричество. За ночь это произошло раза четыре. В конце концов я забился в

угол и уснул.

Едва рассвело, я разделся и проверил, не появились ли на коже ячеистые наросты. Вроде бы ничего не было. Я натянул штаны, обулся, нацарапал записку на листке из блокнота и забарабанил в дверь клетки. В помещении появилась бея с подносом в руках. Она принесла кусок местного хлеба, шмат сыра и бутылку колы со стеклянной трубочкой. Не хватало еще, чтобы это оказалась бутылка, из которой пила Эвелина.

— Кто здесь? — спросил я бею. Она смотрела на меня с испугом: похоже, так и не оправилась от вчерашнего общения.

Я улыбнулся ей.

— Помнишь меня? Я подарил тебе зеркало. — Ответной улыбки не последовало. — А еще беи есть?

Она поставила поднос на коробку и сунула через решетку хлеб.

— Здесь есть другие беи?

Бутылка через решетку не пролезала, ее содержимое расплескивалось.

— Поможем друг другу, — предложил я, придвинулся к решетке и начал пить через трубочку.

— Больше бей нет. Только я.

— Послушай, — сказал я, — отнеси записку Лако.

Она не ответила — но и не отпрянула. Я вытащил ручку с голографическими буквами и, не желая повторять вчерашней ошибки, предложил:

— Отнесешь записку — отдам тебе ручку.

Бея отступила на шаг и прижалась спиной к рефрижератору, не сводя больших черных глаз с ручки. Я написал на листочке имя Лако и спрятал ручку в карман. Бея проводила ее завороженным взглядом.

— Я дал тебе зеркало. Это тоже дам.

Она кинулась вперед и взяла у меня записку.

Я спокойно доел завтрак и прилег, гадая, что же случилось с посланием, оставшимся у беи Римлянина. Я проснулся оттого, что ярко светило солнце. Оказывается, я много чего не разглядел накануне вечером. Мой передатчик так и остался неподалеку от спальных мешков, а вот транслятора нигде не было видно.

Рядом с клеткой стоял небольшой ящик. Я просунул руку между прутьями, подтащил его поближе и снял клейкую ленту. Интересно, кто упаковывал сокровище — команда Говарда? Или они сразу начали помирать, один за другим? Ящик был запакован аккуратно — сухундулиму такое не под силу. Может, это дело рук Лако? Но зачем ему заниматься упаковкой, ведь его работа — просто охранять сокровище, чтобы не украли.

Клейкая лента, пластиковая сетка, противоударная пузырчатая прослойка. Да, очень аккуратно. Я изо всех сил потянулся — рука застряла между прутьев, — наклонил коробку и наконец-то нащупал что-то внутри.

Ваза! В длинное и узкое горлышко вставлена серебристая трубка в форме цветка — похоже на бутон лилии. Трубка слегка расширялась и затем сужалась к открытой верхушке. На стенках выгравированы какие-то тонкие полоски. Сама ваза была сделана из голубой керамики — тоненькой, как яичная, скорлупа. Я завернул ее в пластиковую сетку и положил в коробку. Потом нашарил новый объект — не впечатляет: словно бея пожевала и благополучно выплюнула какой-то лисийский черепок…

— Это печать, — пояснил Лако. — Борхардт уверял, что на ней написано: «Бойся проклятия королей и хранитов, что кровью окропит мечты». — Лако отобрал у меня черепок.

— Ты получил мою записку? — Затаскивая руки в клетку, я оцарапал запястье о металлические прутья. — Ну?

— Типа того. — Лако продемонстрировал мне пожеванную бумажку. — Беи проявляют большое любопытство ко всему, что попадает к ним в руки. Что там было написано?

— Я хочу с тобой договориться.

— О чем? Я и без тебя знаю, как работать с транслятором. И с передатчиком.

— Никому не известно о том, что я здесь. Мои репортажи отправлялись на радиорелейную станцию в лагере лисийской экспедиции и уже оттуда уходили в эфир.

— Какие репортажи? — Он не выпускал печать из рук..

— Так, ерунда всякая. Флора и фауна, старые интервью, Комиссия. То, что людям обычно нравится. Местный колорит.

— Комиссия? — Лако странно покачнулся, едва не уронил печать и только в последний момент успел ее подхватить.

Интересно, как он себя чувствует? Выглядел он кошмарно.

— Вся информация передается через радиорелейную станцию в лагере лисийцев, и Брэдстрйт думает, что я там. Если мои репортажи прекратятся, он примет: что-то случилось. А у него «ласточка» — так что здесь он будет завтра же.

Лако аккуратно обернул вазу пузырчатой пленкой, уложил в коробку и заново заклеил лентой.

— Так что ты предлагаешь?

— Я начну передавать репортажи, и Брэдстрйт будет думать, что я с лисийцами.

— И что ты за это хочешь?

— Расскажи, что произошло. Дай опросить очевидцев. Короче, мне нужна сенсация.

— До послезавтра Брэдстрита задержишь?

— А что будет завтра?

— Задержишь или нет?

— Да.

Лако призадумался.

— Корабль прибудет завтра утром, — медленно сказал он. — Мне нужна помощь с погрузкой сокровища.

— Я помогу.

— Никаких интервью, никаких репортажей без моего ведома. Ни слова без моего разрешения.

— Согласен.

— Материал сдашь в редакцию только после отлета с Колхиды.

Я согласился бы на что угодно. Это вам не какая-нибудь захудалая статейка о коварных аборигенах, которые отравили парочку чужаков. Самый сенсационный материал в моей жизни! Да за это я готов расцеловать змеистые ступни Римлянина.

— По рукам, — сказал я. Лако вздохнул.

— Три недели назад мы нашли сокровище на Хребте. В усыпальнице принцессы. В денежном выражении… Даже не знаю. Большинство предметов — из серебра, уникальны, их археологическая ценность невероятна. Неделю назад мы закончили расчищать склеп, перенесли найденное сюда — для изучения, но тут у археологов появились определенные симптомы… Причем только у наших людей — ни охрана Римлянина, ни носильщики, которые переносили сокровище с Хребта, не пострадали. Римлянин утверждает, что мы вскрыли гробницу, не дожидаясь разрешения местных властей.

— Следовательно, все сокровище конфискуют в пользу Римлянина. Очень удобно. А где был представитель Римлянина, когда усыпальницу якобы открыли?

— С нашей группой была его бея — ее отправили за Римлянином. Говард клянется — клялся, — что никто в склеп не входил, все ждали прибытия Римлянина. Он говорит — говорил, — что команду отравили.

«От. Рава, — говорила Эвелина. — Римлянин».

— Римлянин утверждал, что это был древний яд, заложенный в гробницу ее создателями, и что наши отравилась, нелегально забравшись в склеп.

— А Говард? Кого он обвинял?

— Никого. Эта… отрава, которую они подхватили, попала в горло. Говард вообще не мог говорить. Эвелина Герберт может — но ее очень сложно понять. Именно поэтому мне нужен транслятор. Необходимо выяснить, кто их отравил.

Я задумался. Охранный яд в усыпальнице? Я слышал о таком — более того, я передавал репортажи о ядах, которые представители всех древних цивилизаций наносили на гробницы, чтобы защитить их от расхищения. Этим ядом покрывали и все сокровище. А я трогал пломбу!

Лако внимательно следил за мной.

— Я помогал переносить сокровище с Хребта, и носильщики тоже его таскали. А еще я носил тела. У меня были перчатки, но они бы не защитили от зараженного воздуха. Что бы это ни было — вряд ли оно заразно.

— Значит, это не яд?

— Официально считается, что это вирус, которому подверглись все при открытии гробницы — включая бею Римлянина.

— И самого Римлянина?

— Бея вошла в усыпальницу первой. За ней — археологи, а потом и сам Римлянин. По официальной версии анаэробный вирус действовал всего несколько минут.

— Ты сам в это веришь? — Нет.

— Тогда к чему все это? Обвините Римлянина! Если все это из-за сокровища, то Комиссия…

— Комиссия закроет планету и начнет расследование.

— Тебе-то что? — Я хотел было уточнить, но решил, что лучше сначала выйду из клетки, и вместо этого спросил: — Но если это вирус, то почему не заболела бея?

— Разница в размере и биохимическом составе крови. Я объявил карантин — и Римлянин согласился, хоть и неохотно. Дал нам неделю — если за это время вирус у беи не проявится, он. подаст жалобу в Комиссию. Неделя истекает послезавтра. Если бея заболеет…

Теперь понятно, почему бея Римлянина была здесь, в зоне карантина, вместе с археологами, — в то время как никто другой, даже охранники Римлянина, в тент даже не совались. Бея играла роль не сиделки Эвелины, а главной надежды экспедиции.

Разумеется, бея не заболеет. Римлянин согласился на отсрочку и отдал бею Лако. Римлянин был абсолютно уверен, что с ней ничего не случится. Да, шансов никаких. Но, может быть, Эвелина знает, что это за яд. Так вот что было написана в ее послании!

— А почему Римлянин не перебил всю команду прямо в усыпальнице? — спросил я. — Представил бы это как несчастный случай — что-нибудь типа обвала в горах…

— В таком случае началось бы расследование, а рисковать он не хотел.

Я хотел было спросить почему, но вспомнил нечто более важное.

— Кстати, где он сейчас?

— Ушел на север, в Хамсин — армию собирает.

В Хамсин. Значит, в доме его не было — бея, наверное, благополучно пообедала посланием Эвелины. И еще — если Римлянин в Хамсине, то Брэдстрит определенно догадается о сокровище. Интересно, почему сам Лако этого не понимает?

Лако открыл клетку.

— Выходи. Поговорим с Эвелиной. Но сначала отправь репортаж.

— Ладно. — Я уже решил, что буду отправлять. Брэдстрита я, конечно, не одурачу — но хотя бы выбью отсрочку — и первым сообщу сенсационную новость.

— Только сначала текст мне покажи.

— Передатчик не распечатывает тексты. Впрочем, информацию перед отправкой можно отредактировать на мониторе в режиме паузы. — Я указал ему на нужную кнопку.

— Отлично.

Паузу можно было держать автоматически, но Лако предпочел не спускать пальца с кнопки.

Я набрал сообщение с грифом приватности: «Большое открытие на Хребте, двенадцать колонок».

— Выманиваешь Брэдстрита на Хребет? — спросил Лако. — Но он же заметит купол. И потом — как он перехватит частное послание?

— Элементарно. Узнал же я, что корабль прибудет сюда. Но Брэдстрит знает, что мне известно о перехвате сообщений, поэтому он моему посланию не поверит. Поверит он вот в это… — Я набрал код наземной почты и сам текст. Передатчик выдал мне сообщение: «Отправление невозможно». Ну разумеется — Лако же держит кнопку. Впрочем, просить его не пришлось — он убрал руку и уставился на экран.

«Возвращаюсь незамедлительно. Задержите выпуск. Джеки».

— Кому это?

— Никому. Оно сохранится на радиорелейном передатчике. Утром я сделаю репортаж про Хребет, отправлю его отсюда. Учитывая, что купол в дне езды от Хребта…

— Брэдстрит подумает, что ты действительно направляешься оттуда к лисийцам!

— Точно. Так что, можно увидеться с Эвелиной Герберт?

— Да. — Мы отправились через лабиринт коробок и электрических проводов к месту, где лежала Эвелина. На полпути Лако остановился, словно внезапно о чем-то вспомнил:

— Эта… штука, которую они подцепили, довольно-таки жуткая. Эвелина… В общем, ты морально подготовься.

— Я журналист, — пояснил я, чтобы у Лако не возникло вопросов, если у меня будет недостаточно потрясенный вид. Впрочем, объяснения не потребовалось — ужас изобразился сам собой. Эвелина выглядела так же жутко, как и в прошлый раз.

Лако укрепил у нее на груди какое-то непонятное устройство, подсоединенное к паутине проводов над головой. Я установил транслятор. Делать с ним было особо нечего, пока Эвелина не заговорит, но я демонстративно повозился с кнопками. Бея смотрела на меня во все глаза. Лако натянул защитные перчатки и склонился над койкой.

— Я сделал ей укол полчаса назад — она через несколько минут проснется.

— Что ты колешь?

— Дилаудид и морфий — то, что было в наборе первой помощи. Еще были капельницы, но они все время протекают.

Он сказал это так буднично, словно не испытывал ужаса, пытаясь поставить капельницу на руку, способную порвать прочнейший пластик в лоскуты. Похоже, внешний вид Эвелины его совсем не устрашает.

— Дилаудид вырубает ее примерно на час — после этого она находится в сознании, но ей очень больно. Морфий снимает боль — но от него она вырубается через две минуты.

— Пока мы ждем, я покажу бее транслятор, ладно? Если я разберу его у нее на глазах и все объясню, то есть шанс, что назавтра он останется нетронутым.

Он кивнул и склонился над Эвелиной.

Я снял чехол с корпуса транслятора, жестом подозвал бею и продемонстрировал ей каждую кнопку, колесико и рукоятку. Я даже разрешил ей за все подержаться, вытащить и сунуть в рот, после чего позволил разложить все по местам. В процессе этого увлекательного занятия снова отключилось электричество, и мы минут пять сидели в потемках, но Лако даже не подумал встать и зажечь соляриновую лампу.

— Это все из-за респиратора, — объяснил он. — Борхардт тоже им пользуется. Генератор не выдерживает.

Жаль, без света мне было толком не разглядеть его лица. Охотно верю в маломощность генератора — в лисийском лагере свет постоянно вырубало и без респираторов. И все же мне казалось, что Лако лжет и основная причина, по которой генератор не выдерживает, заключается в двустворчатом рефрижераторе, что стоял рядом с клеткой. Что в нем хранится? Кока-кола?

Зажегся свет. Лако склонился над Эвелиной, а мы с беей сунули на место последний чип и собрали транслятор. Я вручил бее перегоревший предохранитель, и она забилась с ним в угол.

— Эвелина! — позвал Лако.

В ответ послышалось невнятное бормотание.

— По-моему, пора, — обратился он ко мне. — Что ей нужно сказать, чтобы ты настроил транслятор?

Я попросил его прикрепить к пластиковому пологу микрофон на зажиме.

— Пусть скажет «рефрижератор». — Я тут же понял, что хватил через край. Эдак можно снова очутиться в клетке. — Да что угодно — пусть представится, что ли.

— Эви! — Голос Лако звучал на удивление нежно. — У нас есть прибор, который поможет тебе говорить. Назови, пожалуйста, свое имя.

Она что-то произнесла — но транслятор не расшифровал.

— Микрофон далековато, — предположил я.

Лако приспустил полог, и в приборе загудело. Я покрутил колесико настойки, но ничего не получилось.

— Еще раз. Прибор не улавливает. — Я нажал на повтор, пытаясь воспроизвести сказанное слово, но наружу выходило только гудение. Может, бея засунула одну из трубок задом наперед?

— Давай попробуем еще разочек, — нежно попросил Лако. — Эвелина?

В этот раз он склонился так низко, что практически касался ее.

Сплошное гудение.

— Что-то с прибором, — сказал я.

— Она говорит не «Эвелина», — сообщил Лако.

— А что?

Лако взглянул на меня.

— «Послание».

Свет снова вырубился — всего на несколько секунд. Стараясь, чтобы мой голос звучал неторопливо и спокойно, я произнес:

— Ладно, попробую настроить на «послание». Пусть повторит.

Загорелся свет, на трансляторе вспыхнула лампа, и раздался женский голос: «Послание». А потом еще: «Нужно тебе сказать».

Воцарилась мертвая тишина. Странно, что транслятор не уловил бешеный стук моего сердца, преобразовав его в слово «Попался».

Свет потух — в очередной раз и надолго. Эвелина хрипела все громче и громче.

— Переключи респиратор на батарейки.

— Этот не подключается к автономному питанию. Сейчас принесу другой. — Лако вытащил фонарик, зажег с его помощью соляриновую лампу и куда-то с ней исчез.

Я на ощупь придвинулся к койке и чуть не упал: бея сидела по-турецки на полу и обсасывала предохранитель.

— Принеси воды, — велел я ей и обратился к Эвелине, ориентируясь по ее хрипам: — Это я, Джек. Мы с вами уже общались.

Хрипы прекратились, словно она задержала дыхание.

— Я отдал послание Римлянину лично в руки.

Она что-то сказала, но транслятор был слишком далеко. Правда, мне послышалось слово «свет».

— Я сразу же к нему отправился — как только ушел от вас вчера.

— Хорошо. — В этот раз ответ прозвучал четко. Вспыхнул свет.

— Что было в послании, Эвелина?

— В каком послании? — спросил Лако.

Он положил респиратор рядом с кроватью. Теперь я понял, почему Лако не хотел им воспользоваться. Эта модель крепилась к трахее и не позволяла говорить.

— Что ты сказала, Эвелина? — спросил Лако.

— Послание. Римлянин. Хорошо.

— Это бессмыслица, — заявил я. — Может, морфий все еще действует? Задай ей вопрос, на который знаешь ответ.

— Эвелина, кто был с тобой на Хребте?

— Говард. Каллендер. Борхардт. — Она умолкла, словно припоминая: — Бея.

— Хорошо, не нужно перечислять всех. Что вы сделали, когда нашли сокровище?

— Отправили бею к Римлянину. Ждали.

— Вы заходили в гробницу? — Он уже не раз это спрашивал — по голосу чувствовалось. Правда, на последнем вопросе его тон изменился, и я напрягся, ожидая ответа.

— Нет, — четко ответила она. — Ждали Римлянина.

— Что ты вчера сказала, Эвелина? Я не разобрал. Но теперь у меня есть транслятор. Что ты хотела сказать?

Что она ответит? «Не важно — мое поручение выполнил другой»? У меня промелькнуло подозрение, что она не отличает нас друг от друга. Сотообразные рубцы покрывают ей уши изнутри — она не узнает наши голоса. Хотя нет, конечно: Эвелина до самого конца четко знала, с кем говорила. Но в тот момент я затаил дыхание, занеся руку над кнопкой транслятора. Я боялся, что она перепутает Лако со мной, выдаст меня. Но больше всего я надеялся услышать, что было в послании.

— Расскажи мне о яде, Ивлин.

— Слишком поздно. Лако обернулся ко мне.

— Не разобрал, что она сказала?

— По-моему, «сокровище».

— Сокровище, — повторила Эвелина. — Проклятие.

Ее дыхание стало ровным, и транслятор перестал воспринимать сигналы. Лако встал и опустил занавес.

— Она спит. Всегда так быстро засыпает на морфии. Лако посмотрел на меня. Бея шмыгнула мимо, выхватив из коробки бутылку с колой. Он проводил ее взглядом.

— Может, Эвелина права, и это действительно проклятие, — тускло сказал он.

Я взглянул на бею. Она стояла у изголовья койки и ждала, когда Эвелина проснется, чтобы дать ей попить. Маленькая, словно десятилетняя девочка, она держала в одной руке бутылку, а в другой — предохранитель. Я попытался представить себе, как бы она выглядела, если бы на нее подействовал вирус.

— Иногда мне кажется, что я бы пошел на это.

— На что?

— Отравил бы бею Римлянина, если бы знал, какой яд использовать. Это ведь тоже проклятие — желать чего-то так сильно, чтобы пойти на убийство?

— Да, — ответил я.

Бея сунула предохранитель в рот.

— Едва я увидел сокровище… Я встал.

— Ты бы убил безобидную бею ради чертовой вазы?! Но сокровище и без этого можно заполучить! Возьми пробы крови у команды. Докажи, что это яд. Комиссия отдаст тебе сокровище.

— Комиссия закроет планету.

— Ну и что?

— Это разрушит сокровище. — Лако глядел в пространство, словно забыл о моем присутствии.

— О чем это ты? Римлянина и его приспешников к сокровищу не подпустят. Ценности никто не разрушит. Конечно, разбирательство затянется — но в итоге вы все получите.

— Ты сокровища не видел! Ты… Ты ничего не понимаешь! — отчаянно выкрикнул Лако.

— Так покажи мне это драгоценное сокровище! Лако сник и опустил голову.

— Ладно, — согласился он.

Все во мне завопило: «Вот она, сенсация!»

Он запер меня в клетке и пошел к Борхардту, возвращать респиратор. Я не попросил разрешения пойти с ним — с Борхардтом, как и с Говардом, мы были хорошо знакомы, и

хотя я его не особо любил, такого никогда не пожелал бы.

Время близилось к полудню. Солнце поднялось высоко и светило так ярко, что едва не прожигало дыру в пластике. Лако вернулся через полчаса, еще более изможденный, чем раньше.

Он сел на упаковочный ящик и закрыл руками лицо.

— Борхардт умер, пока мы с Эвелиной беседовали.

— Выпусти меня, — попросил я.

— У Борхардта была теория насчет бей и их любопытства. Он считал, что это проклятие.

— Проклятие, — послышалось из угла, где скрючилась бея.

— Выпусти меня из клетки.

— Он считал, что любопытство сгубило расу беев: сухундулимы прибыли на планету, беи заинтересовались их змеистой кожей и позволили им остаться… Так гости аборигенов и поработили. Борхардт считал, что беи были великой расой с высокоразвитой цивилизацией, пока на Колхиде не появились сухундулимы.

— Выпусти меня из клетки, Лако.

Лако нагнулся и сунул руку в стоявший рядом ящик.

— Это не может быть творением сухундулимов, — сказал он, вытаскивая из ящика предмет. — Вот, тончайшая работа: серебряная канитель, унизанная керамическими бусинами, — их только под микроскопом и разглядишь. Сухундулимы на такое не способны.

— Не способны, — согласился я.

Нет, это не просто мелкие бусины, нанизанные на серебряные нити, — изделие казалось грозовым облаком над пустыней. Лако подставил вещицу под свет, что проникал через пластиковый купол: нити порозовели, а затем приняли глубокий лиловый оттенок. Красиво.

— Сухундулимам только это по силам. — Лако повернул облако другой стороной — сплющенной и тускло-серой. — Один из носильщиков Римлянина уронил.

Лако аккуратно уложил облачное чудо в ящик, прикрыл пузырчатой пленкой и запечатал крышку.

— Планету закроют, — сказал он, — и даже если мы убережем сокровище от Римлянина, расследование Комиссии займет несколько лет — или даже больше.

— Выпусти меня.

Лако распахнул дверь рефрижератора и отошел в сторону.

— Электричество постоянно вырубается… Иногда по несколько дней не работает.

С самого первого перехваченного сообщения Лако я подозревал, что это будет сенсация века — нутром чуял. И вот она — передо мной.

Девочка — лет двенадцати, не старше, — сидела на серебряной платформе в бело-голубом одеянии с ниспадающей бахромой, опираясь о стену рефрижератора и спрятав лицо в сгиб руки. Поза выражала глубочайшую скорбь. Черные волосы были прихвачены заколкой из витого серебра. На шее красовалось ожерелье из голубого фаянса, инкрустированное серебром. Выставленное вперед колено приподнимало край одеяния — виднелся носок серебристой туфельки. Статуя была вылеплена из воска, мягкого и белого, точно кожа. Казалось, если она каким-то чудом поднимет голову, то я увижу лицо, которое ждал всю свою жизнь. Я вцепился в прутья клетки и заворожено смотрел на нее, затаив дыхание.

— Цивилизация беев была очень продвинутой, — сказал Лако. — Искусство, наука, бальзамирование. — Он улыбнулся, заметив мое недоумение. — Это не статуя, это принцесса беев. Процесс бальзамирования обратил ткани ее тела в воск. Усыпальницу мы обнаружили глубоко в горах, в холодной пещере, но принцессу решили перенести сюда. Говард попросил найти терморегулирующие и охлаждающие устройства, но все, что мне удалось раздобыть на заводе, — вот этот рефрижератор. — Лако приподнял бело-голубой подол одеяния. — Мы до самого последнего дня не хотели ее перемещать. Вот —

носильщики Римлянина зацепились за дверь, когда выносили.

Поврежденный слой воска на бедре принцессы обнажил черную кость. Неудивительно, что первым словом Эвелины было «скорее». Неудивительно, что Лако рассмеялся, когда я сказал, что Комиссия спасет сокровище. Если расследование займет год или больше, то принцесса так и останется в этом рефрижераторе с отключающимся электричеством.

— Нужно увезти ее с планеты! — Я сжал прутья так, что они впились мне в кожу, разрезая ее чуть ли не до кости.

— Да.

Тон Лако подтвердил все мои догадки.

— Но Римлянин этого не допустит. Он боится, что Комиссия отберет у него планету. — А я, дурак, передал репортаж о Комиссии, который подогрел эти страхи. — Но ведь планету не отдадут горстке десятилеток, сующих в рот что ни попадя, — даже если они первыми здесь появились!

— Знаю, — ответил Лако.

— Это Римлянин отравил археологов.

Прекрасное лицо принцессы застыло в вековечной скорби. Римлянин убил археологов, а теперь ведет с севера армию, чтобы убить всех нас и уничтожить принцессу.

— Где твой передатчик?

— У Римлянина.

— Значит, он знает о корабле. Принцессу нужно вывезти отсюда.

— Да, — мрачно ответил Лако.

Бахрома одеяния снова прикрыла ноги принцессы. Дверь рефрижератора захлопнулась.

— Выпусти меня. Я помогу тебе. Во всем.

Он долго на меня смотрел, словно решал, можно ли мне доверять.

— Ладно, выпущу, — в конце концов сказал Лако. — Но попозже.

Лако пришел за мной, как стемнело. Он и до этого заходил пару раз — сначала за лопатой, которую пришлось вытаскивать из кучи археологического инструмента, сваленного рядом с коробками, а затем — за ампулой и шприцем. Пока дверь рефрижератора была открыта, я завороженно смотрел на принцессу, заклиная ее повернуть голову. После этого я еще долго ждал, пока Лако закончит свои дела, в которых моей помощи не требовалось. Странно, что прутья решетки не превратили мои ладони в расплавленный жир.

Лако выпустил меня из клетки в сумерках — солнце, должно быть, час как село. Он бросил на пол моток желтых проводов и удлинитель, прислонил к коробкам лопату.

— Нужно передвинуть рефрижератор, — сказал Лако. — Поставим его у задней стены тента — и погрузим сразу же, как только приземлится корабль.

Я разматывал провода, не спрашивая, где Лако их раздобыл. Один был очень похож на шнур от респиратора Эвелины. Мы подсоединили все шнуры, и Лако выключил рефрижератор. Я изо всех сил вцепился в провод, хоть и знал, что через несколько секунд Лако подключит рефрижератор к удлинителю. Лако проделал эту операцию с необычайной осторожностью, словно боялся, что свет вырубится. Впрочем, все обошлось.

Едва мы подняли рефрижератор — он оказался не таким уж и тяжелым, — свет слегка потускнел. Мы двинулись вдоль ряда ящиков. Так вот чем Лако занимался большую часть дня! Он передвинул все ящики в восточной части тента, расчищая проход, и освободил место у стены. Провода удлинителя немного не хватило, и рефрижератор пришлось поставить в нескольких метрах от стены. Все равно успеем вынести — если, конечно, корабль прибудет вовремя.

— Римлянин уже здесь? — спросил я.

Лако направился к центру тента, и я подозревал, что мне. не стоит идти за ним, — совсем не хотелось дожидаться в клетке появления армии сухундулимов. Так что я остался у рефрижератора.

— У тебя есть магнитофон? — спросил Лако, останавливаясь и оборачиваясь на меня.

— Нет.

— Надо записать показания Эвелины — они понадобятся, если за дело возьмется Комиссия.

— У меня нет магнитофона.

— Я тебя больше не стану запирать. — Он швырнул мне ключ от клетки. — Если не доверяешь — отдай его бее.

— На трансляторе есть кнопка записи.

Мы отправились к Эвелине, и она сказала нам про проклятие, но я ей не поверил.

А потом появился Римлянин.

Лако, похоже, совсем не волновало, что Римлянин расположился на кряже, что высился над нами.

— Я выкрутил все лампочки. — Лако присел рядом с койкой Эвелины. — Им здесь ничего не разглядеть. Крыша накрыта брезентом. У сухундулимов есть фонари, но спускаться ночью они не рискнут.

— А на рассвете?

— По-моему, она приходит в себя. Включай запись. Эвелина, у нас есть магнитофон. Расскажи нам, что произошло. Можешь говорить?

— Последний день, — сказала Эвелина.

— Да, — подтвердил Лако. — Сегодня — последний день, завтра утром сюда прилетит корабль и заберет нас домой. Тебя осмотрит врач.

— Последний день, — повторила она. — Гробница. Грузили принцессу. Холод.

— Что она сказала в конце? — спросил Лако.

— По-моему, «холод».

— В гробнице было холодно, да, Эви? Ты это имеешь в виду?

Она попыталась покачать головой.

— Кола. Римлянин. Вот — пить, наверное, хотите. Кола.

— Римлянин дал тебе колу? Там был яд? Он отравил команду?

— Да, — выдохнула она, как будто именно это и пыталась нам все время сказать.

— Что это был за яд, Эвелина? — Крой.

Лако резко обернулся ко мне.

— Она сказала «кровь»? Я покачал головой.

— Спроси ее еще раз.

— Кровь, — четко проговорила Эвелина. — Хранит.

— О чем это она? — удивился я. — Укус хранита не смертелен. От него даже плохо не становится.

— Да, но концентрированный яд хранита убивает. И как я сразу не сообразил — изменения в структуре клеток, восковой налет… Древние беи использовали для бальзамирования концентрированный раствор крови, зараженной ядом хранита. Как думаешь, откуда Римлянин это узнал?

А может, он и не узнавал, — может, у него всегда был этот яд. Может, его предки, высадившись на Колхиде, были такими же любопытными, как беи, у которых незваные гости собирались украсть планету. «Покажите нам процесс бальзамирования», — попросили они, а затем, разглядев очевидную выгоду, просто сказали умнейшей из беек — так же, как Римлянин сказал Говарду, Эвелине и остальной команде: «Вот вам кола — пить, наверное, хотите».

Я подумал о красавице-принцессе, в горе скрывшей лицо. Об Эвелине. О бее, которая бездумно сидела перед соляриновой лампой.

— Это заразно? — спросил я. — Кровь Эвелины отравлена?

Лако сморгнул, словно никак не мог взять в толк, о чем я говорю.

— Только если выпьешь, наверное. — Он умолк и посмотрел на Эвелину. — Она просила меня отравить бею. Но я не понял — ведь тебя с транслятором здесь еще не было.

— А ты бы решился? Если бы знал, отравил бы бею? Чтобы спасти сокровище?

Он меня не слушал — смотрел на крышу тента, в уголок, не до конца прикрытый брезентом.

— Светает? — спросил он.

— До рассвета еще час.

— Нет. Хотя для нее я бы сделал что угодно… — В голосе Лако было столько мучительной тоски, что мне стало не по себе. — Но не это.

Он сделал Эвелине еще один укол, задул огонь в лампе и через несколько минут сказал:

— Осталось три ампулы. Утром я вколю ей все.

Подозреваю, он глядел на меня и размышлял, можно ли мне доверять, сделаю ли я то, что требуется.

— Это убьет ее? — спросил я.

— Надеюсь. Ее никак не перенести.

— Знаю, — ответил я. Мы замолкли.

— Два дня. — Голос Лако был полон той же тоски. — Инкубационный период длится всего два дня.

Больше мы ничего не говорили — ждали восхода солнца.

С рассветом Лако отвел меня в комнату Говарда и сквозь прорезанное в пластиковой стене окно показал мне плоды своих трудов.

Солдаты Римлянина выстроились на кряже. Их змеящихся лиц было не разглядеть, но я знал, что смотрят они вниз, на купол, — на песке перед тентом лежал ряд тел.

— И давно они здесь? — спросил я.

— Со вчерашнего дня. Как только Борхардт умер, я и…

— Ты выкопал Говарда?

Говард лежал к нам ближе всего. Выглядел он не так ужасно: ячеистых наростов на нем почти не было и, хотя кожа казалась восковой и мягкой, как скулы Эвелины, в целом он почти не изменился. Похоже, солнце растопило рубцы.

— Да, — ответил Лако. — Римлянин знает, что это яд, но его солдаты — нет. Они никогда не перейдут через тела — побоятся заразиться вирусом.

— Он им расскажет.

— Ты бы ему поверил? Пошел бы через тела после его уверений, что это не вирус?

— Здорово, что ты меня в клетке оставил — не пришлось тебе в этом помогать.

На кряже что-то вспыхнуло.

— Они что, в нас стреляют? — спросил я.

— Нет. У беи что-то блестящее в руке — отражается на солнце.

Бея из дома Римлянина вертела в руках мое удостоверение, пуская вокруг солнечных зайчиков.

— Раньше ее здесь не было, — заметил Лако. — Наверное, Римлянин ее прихватил, чтобы продемонстрировать, что она не заразилась — и это не вирус.

— А почему она должна заразиться? Я думал, с археологами была бея Эвелины.

Лако посмотрел на меня, недоуменно нахмурившись.

— Бея Эвелины — служанка, которую Римлянин подарил Эвелине, — никогда не приближалась к Хребту. С чего ты взял, что она была представительницей Римлянина? После того как мы выторговали себе несколько дней, Римлянин нас к своей бее не подпускал: боялся, что мы ее отравим в отместку за то, что он отравил археологов. Нет, он запер ее у себя дома и отправился на север.

— А Эвелина знала? Что Римлянин пошел на север и оставил дома бею? Ведь знала, да?

Лако не ответил — он смотрел на бею. Римлянин что-то вручил ей: кажется, ведро. Бея сунула мое удостоверение в рот и обеими руками ухватилась за дужку ведра. По приказу Римлянина она двинулась вниз, на ходу расплескивая жидкость. Римлянин запер бею в доме,

но охранники оттуда сбежали — так же, как они сбежали из купола. А любопытные беи могут открыть любой замок.

— Похоже, не заразилась, — с горечью сказал Лако. — Неделя уже вышла. Вся наша группа заболела через два дня.

— Через два дня, — повторил я. — Так Эвелина знала, что Римлянин оставил бею дома?

— Да. — Лако взглянул на выступ. — Я ей сказал.

Бея спускалась по склону к ровной площадке. Римлянин что-то крикнул ей вдогонку, и она побежала. Жидкость из ведра расплескивалась. Бея добежала до тел и оглянулась. Голос Римлянина эхом отразился от кряжа:

— Лей! Лей огонь!

Бея подняла ведро и пошла по ряду.

— Солярин, — бесцветно произнес Лако. — Загорится от солнечных лучей.

В ведре почти ничего не осталось, — к счастью, на бею солярин не пролился. На труп Говарда из ведра упало несколько капель. Бея бросила ведро и помчалась обратно. Рубашка Каллендера занялась. Я закрыл глаза.

— Два дерьмовых дня, — сказал Лако.

У Каллендера загорелись усы. Борхардт вспыхнул желтым, словно свеча. Лако не заметил, как я ушел.

Сквозь паутину проводов я пробрался к Эвелине. Беи там не было. Я включил транслятор и рывком поднял полог.

— Что было в послании?

Транслятор передавал только звуки громкого дыхания. Глаза Эвелины были закрыты.

— Ты знала, что Римлянин ушел на север, когда передала со мной послание! — Мой голос эхом звучал в трансляторе. — Ты знала, что я не доставил послание самому Римлянину. Но это было не важно — ведь послание предназначалось не Римлянину, а его бее.

Транслятор не разобрал ответ Эвелины, но это не имело значения, — я и так понял. Мне неожиданно захотелось ее ударить изо всех сил — так, чтобы покрытая ячеистыми наростами щека прогнулась под кулаком, вмялась в кость.

— Ты знала, что она сунет послание в рот!

— Да. — Эвелина открыла глаза. Снаружи доносился глухой шум.

— Ты ее убила.

— Пришлось. Спасти сокровище. Прости. Проклятие.

— Нет никакого проклятия! — Я с трудом удержался от удара. — Ты все выдумала, чтобы выиграть время, пока яд не начнет действовать.

Она закашлялась. Тут же подскочила бея с бутылкой колы и, нежно приподняв голову Эвелины, сунула ей в рот трубочку.

— Ты бы и свою бею убила ради этого чертова сокровища!

— Проклятие, — сказала Эвелина.

— Корабль прибыл, — сообщил подошедший сзади Лако. — Но мы туда не попадем. Остался только Говард. Бея спускается с новой порцией солярина.

— Попадем.

Я отключил транслятор, прорезал ножом пластиковую стену за койкой Эвелины. Бея вскочила на ноги и подошла к нам. Бея Римлянина с ведром в руке двигалась медленнее, не расплескивая жидкость. До тела Говарда ей оставалось полпути. Солдаты Римлянина на выступе двинулись в нашем направлении.

— Мы вывезем сокровище, — сказал я. — Эвелина об этом позаботилась.

Бея подошла к телам, подняла ведро на телом Говарда… Неожиданно она поставила ведро на землю. Римлянин что-то крикнул ей, она взялась было за ведро, но выронила его и упала.

— Вот видишь, — заметил я. — Это все-таки вирус. Сверху раздался странный звук — словно прерывистый выдох. Солдаты Римлянина отошли от края выступа.

Команда грузчиков появилась еще до того, как мы вскрыли заднюю стену тента. Коробки перенесли на корабль, не задавая лишних вопросов. Мы с Лако ухватились за рефрижератор и осторожно, тихонечко, чтобы не повредить щиколотки принцессы, понесли его к грузовому отсеку корабля. Капитан, окинув взглядом рефрижератор, тут же крикнул команде, чтобы помогли его погрузить.

— Скорее! — сказал он нам. — Там, на кряже, какое-то орудие приволокли.

Через заднюю дверь мы торопливо передавали вещи грузчикам, а те бегали по песку к кораблю быстрее, чем бея Эвелины таскала воду в бутылке из-под колы. И все-таки мы не успели — раздался какой-то шум, что-то шлепнуло по крыше тента, и на нас полилась жидкость.

— Соляриновая пушка, — сказал Л ако. — Голубую вазу вынесли?

Я бросился в комнату с подвесной койкой.

— Где бея Эвелины?

Пластиковая сетка занавеса оплавлялась, сквозь нее прорывался огонь. Бея сидела, прислонившись к внутренней стене — там же, где и в первый вечер, — и смотрела на огонь. Я схватил ее под мышку и, пригнувшись, побежал к центру, но прорваться туда не смог — все ящики у стены полыхали. Из комнаты Эвелины нам тоже не выбраться, но я вспомнил, что сделал прорезь в стене.

Я прикрыл рот беи ладонью, чтобы она не надышалась испарениями горящего пластика, задержал дыхание и бросился мимо койки к стене.

Эвелина все еще была жива. Сквозь рев пламени хриплого дыхания не было слышно. Ее грудь плавно поднималась и опускалась, пока не начала таять. Эвелина прижала щеку к плавящейся койке, но, словно услышав мое приближение, повернулась: ячеистые наросты на лице расширились и полностью разгладились от жара — и на миг я увидел ее прежней. Я понял, почему Брэдстрит восхищался ее красотой, а Римлянин подарил ей бею. О повернутом ко мне лице я мечтал всю жизнь. Вот только было слишком поздно.

Эвелина истаяла, как свеча, а я все стоял и смотрел. На Лако и двух членов команды рухнула крыша. Голубая ваза разбилась в последнем бешеном броске к кораблю с остатками сокровища.

Но мы спасли принцессу. И я получил свою сенсацию.

Сенсация века. По крайней мере так сказали Брэдстриту при увольнении. Мой босс просит присылать по сорок колонок в день — что я и делаю.

При этом сочиняю отличные истории. Эвелина в них — прекрасная жертва, а Лако — герой. И я тоже герой. В конце концов, я помог спасти сокровище. В моих репортажах не упоминается о том, что Лако выкопал Говарда и устроил форт из мертвых тел; в них не говорится, что я подставил лисийскую экспедицию — их всех перебили. В этих историях только один злодей.

Я отсылаю по сорок колонок в день и пытаюсь собрать вазу из осколков, а в оставшееся время пишу историю, которую никогда не напечатают. Бея играет с освещением.

Наша каюта оборудована системой верхнего света, реагирующего на воздушные потоки — он делается ярче или тусклее в зависимости от перемещения тел. Бея никак не может с ним наиграться — даже осколки вазы оставила в покое и не пытается запихнуть их в рот.

Кстати, я выяснил, что это за ваза. Полоски на серебряной трубке, которая выглядят как бутон лилии, — на самом деле царапины. Я собираю бутылку колы десятитысячетилетней давности. Вот — пить, наверное, хотите. Возможно, у беев и была прекрасная цивилизация, но за годы до того, как на планете появились предки Римлянина, они отравили принцессу. Они ее убили — и она, должно быть, знала об этом, поэтому и отвернулась так обреченно.

Из-за чего они ее убили? Из-за сокровища? Из-за планеты? Из-за сенсации? И неужели никто не пытался ее спасти?

Первое, что сказала мне Эвелина, было: «Помогите мне». А если бы я помог? Если бы я наплевал на репортаж, вызвал Брэдстрита, отправил его к лисийцам за врачом и эвакуировал оставшуюся команду? Если бы я, пока он в пути, отправил сообщение Римлянину: «Забирай себе принцессу, только выпусти нас с планеты», — и после этого подключил бы к трахее респиратор, который лишил бы Эвелину речи, но сохранил ей жизнь до осмотра корабельного врача?

Хочется верить, что если бы я был с ней знаком, то так бы и поступил — если бы не было, как она сама сказала, «слишком поздно». Впрочем, не знаю. Даже Римлянин, влюбленный в нее до такой степени, что подарил свою бею, поднес Эвелине бутылку с ядом. И Лако — он знал Эвелину, но погиб не из-за нее, а из-за голубой вазы.

— Проклятие существует, — говорю я.

Бея Эвелины медленно пересекает комнату: свет делается ярче, затем тускнеет.

— Всем. — Бея садится на кровать. Включается бра над изголовьем.

— Что? — Жалко, у меня больше нет транслятора.

— Проклятие всем. Тебе. Мне. Всем. — Она скрещивает грязные руки на груди и ложится на кровать. Свет выключается. Знакомая история. Через минуту бее надоест темнота и она встанет. Я вернусь к пронумеровыванию осколков вазы, чтобы ее могли собрать еще не убитые проклятием археологи. Но пока приходится сидеть в темноте.

Проклятие на всех. Даже на лисийцах. Из-за радиорелейной станции в моей палатке Римлянин подумал, что они помогают мне вывезти сокровище с Колхиды. Он заживо похоронил всю лисийскую экспедицию в пещере, где они вели раскопки. Брэдстрита ему убить не удалось: мой соперник застрял на полпути к Хребту — его хваленая «ласточка» сломалась. К тому времени как Брэдстрит ее починил, Комиссия прибыла, его уволили, а мой босс нанял заново — писать репортажи о заседаниях. Римлянина держали под арестом в куполе — вроде того, который он сжег. Остальные сухундулимы присутствуют на заседаниях Комиссии, но беи, если верить Брэдстриту, не обращают на них никакого внимания, а больше интересуются париками заседателей — уже четыре штуки украсть успели.

Бея Эвелины поднялась и снова шлепнулась на кровать. Свет замигал. История, которую я пишу, ее совершенно не интересует, — ни убийство, ни яд, ни проклятие, поразившее людей. Наверное, ее народ в свое время пресытился всем этим. А может, Борхардт ошибался, и сухундулимы не отбирали у беев планету. Может, гости приземлились, а беи сказали: «Вот. Берите. Скорее!»

Бея заснула, тихо посапывая. По крайней мере на нее проклятие не действует.

Я спас ее — и принцессу тоже, пусть и с тысячелетним опозданием. Так что, возможно, я не совсем пал жертвой проклятия. Но через несколько минут я включу свет, допишу свою историю и спрячу ее в надежное место. Вроде гробницы. Или рефрижератора.

Почему? Потому что мне очень хочется рассказать эту историю, полученную такой дорогой ценой? Или потому, что проклятие королей окружает меня, словно клетка, нависает сверху, будто спутанные провода?

«Проклятие королей и хранителей», — говорю я.

Моя бея соскакивает с кровати, выбегает из каюты, приносит мне воду в бутылке из-под колы, которую она, должно быть, прихватила с собой, когда я тащил ее на борт. Словно я был ее новым пациентом и медленно умирал за пластиковым пологом.

ДАЖЕ У КОРОЛЕВЫ[17]

[17] Even the Queen © Перевод. М. Гитт, 1997

Телефон зазвонил как раз в ту минуту, когда я наблюдала за тщетными попытками защиты закрыть дело.

— Универсальный звонок, — доложил мой заместитель Байш, подходя к аппарату. — Это, наверное, подзащитный. Из тюрьмы запрещено звонить с опознавательным кодом.

— Да нет, — сказала я. — Это моя мать.

— О-о! — Байш снял трубку. — А почему она не пользуется своим кодом?

— Знает, что я не хочу с ней разговаривать. Похоже, она проведала о том, что натворила Пердита.

— Твоя дочка? — спросил он, прижав трубку к груди. — Эта та, у которой малышка?

— Нет, та у Виолы. Пердита — моя младшенькая. Бестолковая.

— И что же она натворила?

— Вступила в кружок циклисток.

Байшу, похоже, это ни о чем не говорило, но у меня было не то настроение, чтобы просвещать его. А также беседовать с мамулей.

— Я знаю совершенно точно, что скажет мамочка. Она спросит, почему я ей не сообщила о поступке Пердиты, потом захочет узнать, какие меры я собираюсь принять, а я отвечу, что не могу сделать больше того, что уже сделала.

Байш был сбит с толку.

— Хочешь, я скажу ей, что ты в суде?

— Нет. Рано или поздно с ней все равно придется разговаривать. — И я взяла трубку.

— Привет, мама, — сказала я.

— Трейси, — трагическим голосом произнесла мамуля, — Пердита стала циклисткой.

— Знаю.

— Почему ты мне не сказала?!

— Я решила, что Пердита должна сама рассказать тебе об этом.

— Пердита! — Она фыркнула. — Она бы нипочем мне не сказала. Она знает, что я бы ей ответила. Полагаю, ты уже сообщила об этом Карен.

— Карен здесь нет. Она в Ираке.

Нет худа без добра. Спасибо И раку, который из шкуры вон лезет, силясь доказать, что он — ответственный член мирового сообщества, а его пристрастие к самоуничтожению осталось в прошлом. Благодаря ему моя свекровь находилась в единственном на всей планете месте, где телефонная связь настолько плоха, что я могла сказать матери, будто пыталась дозвониться, но не сумела, и ей пришлось бы мне поверить.

Освобождение избавило нас от всевозможных бедствий вроде иракских Саддамов, но свекрови, увы, в их число не попали. Я была почти благодарна Пердите за то, что она так удачно выбрала время, — конечно, в те редкие минуты, когда мне не хотелось хорошенько ее отшлепать.

— А что Карен делает в Ираке? — поинтересовалась мамуля.

— Ведет переговоры с палестинцами.

— А тем временем ее внучка ломает себе жизнь, — гнула свое мамуля. — А Виоле ты сказала?

— Повторяю, мама. Я подумала, что Пердита должна всем вам сообщить о своем решении сама.

— Ну так знай, что этого не случилось. Сегодня утром одна из моих пациенток, Кэрол Чен, позвонила мне и говорит: дескать, ей известно, что я от нее скрываю. А я даже понятия не имела, о чем это она.

— А как об этом пронюхала Кэрол Чен?

— От своей дочки, которая чуть было не заделалась циклисткой в прошлом году. Вот ее семья сумела отговорить девчонку, — произнесла мамуля с упреком. — Кэрол была убеждена, что какая-то медицинская компания обнаружила некий ужасный побочный эффект амменерола и скрывает это. И все же я не понимаю, как ты могла держать меня в неведении, Трейси!

Я в этот миг думала, что не понимаю, почему не попросила Байша сказать, что я в суде.

— Повторяю, мама. Мне показалось, что Пердита сама должна ввести тебя в курс дела. В конце концов это ведь ее собственное решение.

— Ох, *Трейси!* — воскликнула мамуля. — Неужели ты и в самом деле так считаешь?

Давным-давно, когда подул первый вольный ветерок Освобождения, я лелеяла надежду, что теперь-то все изменится, придет конец неравенству и засилью матриархата и мир избавится от тех лишенных чувства юмора особ, которые заливаются краской, слыша слово «сучка».

Конечно, ничего этого не произошло. Мужчины по-прежнему зарабатывают больше, слова-паразиты благоденствуют в цветнике родной речи, а моя мать по-прежнему произносит «Ох, *Трейси!* » таким тоном, что я начинаю чувствовать себя сопливой девчонкой.

— «Ее решение»! — передразнила мамуля. — Ты хочешь сказать, что собираешься безучастно взирать, как твоя дочь совершает главную ошибку всей своей жизни?

— А что я могу сделать? Пердите двадцать два года, и ей не откажешь в здравом смысле.

— Будь у нее хоть капля здравого смысла, она бы так не поступила. Неужели ты не пыталась ее отговорить?

— Конечно, пыталась. — Ну и?

— И я не преуспела. Она твердо решила стать циклисткой.

— Нет, мы должны что-то сделать! Наложить судебный запрет, или подрядить депрограмматора, или устроить циклисткам промывание мозгов. Ведь ты судья, и ты можешь откопать какой-нибудь закон…

— Законом провозглашена независимость личности. А поскольку именно закон сделал возможным Освобождение, его вряд ли удастся обратить против Пердиты. Ее выбор отвечает всем критериям Определения Независимой Личности: это личное решение, принятое независимым взрослым человеком, которое не задевает никого…

— А как насчет моей практики? Кэрол Чен утверждает, что шунты вызывают рак.

— Медицинская наука вообще склонна считать любую болезнь результатом каких-то внешних воздействий. Вроде пассивного курения. Здесь этот номер не пройдет. Мама, нравится нам или нет, у Пердиты есть полное право поступить по-своему, а у нас нет никаких оснований вмешиваться. Свободное общество возможно лишь тогда, когда мы уважаем чужое мнение и не лезем не в свое дело. Мы должны признать право Пердиты на собственное решение.

Все это было правдой. Жаль только, что я не смогла сказать все это Пердите, когда она мне позвонила. Я только брякнула в точности мамочкиным тоном: «Ох, *Пердита!»*

— Во всем виновата ты, — заявила мать. — Я ведь *говорила* тебе, что нельзя позволять ей делать на шунте эту татуировку. И не рассказывай мне сказки о свободном обществе. Что в нем хорошего, если оно позволяет моей внучке разрушать свою жизнь? — И она бросила трубку.

Я вернула телефон Байшу.

— Мне страшно понравилось, когда ты толковала об уважении права своей дочери на самостоятельное решение, — заметил мой помощник, подавая мантию. — И насчет того, чтобы не вмешиваться в ее личные дела.

— Я хочу, чтобы ты нашел мне прецеденты депрограммирования, — отозвалась я, всовывая руки в рукава. — И посмотри, не обвинялись ли циклистки в каких-нибудь нарушениях свободы выбора — промывании мозгов, запугивании, принуждении…

Раздался звонок, и вновь универсальный.

— Алло, кто говорит? — на всякий случай спросил Байш. Неожиданно его голос смягчился. — Минутку. — И он зажал ладонью трубку. — Это твоя дочь Виола.

Я взяла трубку:

— Привет, Виола.

— Я только что говорила с бабушкой, — доложила моя дочурка. — Ты просто не поверишь, что на сей раз выкинула Пердита. Она примазалась к циклисткам.

— Знаю.

— Ты *знаешь?* И ты мне ничего не сказала? Просто не верится. Ты никогда мне ничего не говоришь.

— Я решила, что Пердита должна сама поставить тебя в известность, — устало сказала я.

— Ты что, смеешься? Да она тоже все от меня скрывает. В тот раз, когда ей взбрело на ум имплантировать себе эти ужасные брови, она молчала об этом три недели. А когда сделала лазерную татуировку, вообще ничего не сказала. Мне сообщила об этом *Твидж!* Ты должна была позвонить мне. А бабушке Карен ты сказала?

— Она в Багдаде, — мстительно произнесла я.

— Знаю. Я ей звонила.

— Ох, Виола, ну как ты могла!

— В отличие от тебя, мамочка, я считаю, что должна говорить членам нашей семьи о том, что их касается.

— И что же она? — У меня перехватило дыхание.

— Я не смогла дозвониться. Там ужасная связь. Мне попался какой-то тип, который совершенно не понимал английского. Я повесила трубку и попробовала еще раз, и мне сказали, что весь этот город отключен.

Слава богу, подумала я, тихонько переводя дух. Слава Богу, слава богу.

— Бабушка Карен имеет право знать, мама. Подумай только, как это может подействовать на Твидж. Ведь она считает Пердиту образцом для подражания. Когда Пердита имплантировала эти ужасные брови, Твидж налепила себе на лоб пару клепучек, и я еле-еле их потом отодрала. А что, если Твидж тоже вздумает податься в циклистки?

— Твидж всего девять лет. К тому времени, когда ей понадобится шунт, Пердита и думать забудет об увлечениях молодости. — «То есть я на это надеюсь», — добавила я про себя. Татуировка украшала Пердиту уже полтора года, и не похоже, чтобы очень ей надоела. — И кроме того, у Твидж больше здравого смысла.

— Это верно. Ох, мама, ну как Пердита могла так поступить? Разве ты не объяснила ей, как это ужасно?

— Объяснила, — ответила я. — Ужасно, старомодно, негигиенично и болезненно. И все это не произвело на нее ни малейшего впечатления. Она заявила, что, по ее мнению, это будет ужасно весело.

Байш показал на часы и одними губами произнес:

— Пора отправляться в суд.

— Весело! — воскликнула Виола. — И ведь она видела, чего мне стоило пережить то время. Честное слово, мам, иногда мне кажется, что у нее вообще нет мозгов. А ты не можешь добиться, чтобы её признали недееспособной, засадили за решетку или еще куда?

— Нет, — ответила я, тщетно пытаясь застегнуть мантию одной рукой. — Виола, мне нужно идти. Я опаздываю в суд. Боюсь, мы не можем сделать ничего, чтобы остановить ее. Она разумный взрослый человек.

— Разумный! — фыркнула Виола. — Она совсем чокнулась с этими своими бровями. У нее лазерная татуировка на руке — «Последний Стояк Кастера»!

Я протянула трубку Байшу:

— Скажи Виоле, что я поговорю с ней завтра. — Я наконец справилась с застежкой. — А потом позвони в Багдад и узнай, долго ли там будут отключены телефоны. А если будут еще универсальные звонки, убедись, что они местные, прежде чем снимать трубку.

И я отправилась в зал заседаний.

Байш не смог дозвониться до Багдада, что я сочла добрым знаком. О моей свекрови не было ни слуху ни духу. В полдень позвонила мамуля и поинтересовалась, можно ли на

законном основании сделать лоботомию.

Она позвонила снова на следующий день. Я как раз читала лекцию об Определении Независимой Личности, рассказывая студентам о неотъемлемом праве любого гражданина свободного общества делать из себя законченного болвана.

— По-моему, это твоя мать, — прошептал Байт, протягивая трубку. — Она опять пользуется универсальным номером, хотя звонит по местному. Я проверил.

— Привет, мам, — сказала я.

— Мы все устроили, — сообщила мамуля. — Мы пообедаем с Пердитой в «Мак-Грегорсе». Это на углу Двенадцатой улицы и Лоримера.

— У меня лекция в разгаре.

— Знаю. Я тебя надолго не оторву. Я просто хотела сказать тебе, чтобы ты не беспокоилась. Я обо всем позабочусь.

Мне не понравилось то, как это прозвучало.

— Что ты затеяла?

— Пригласила Пердиту пообедать с нами. Я же тебе сказала. В «Мак-Грегорсе».

— А кто это «мы», мама?

— Просто наша семья, — невинно ответила мамуля. — Ты и Виола.

Ну, по крайней мере она не притащит с собой депрограмматора. Пока.

— Что ты задумала, мама?

— И Пердита спросила то же самое. А что, бабушке нельзя пригласить внучку пообедать? Приходи туда в половине первого.

— У нас с Байшем запланирована встреча в суде в три.

— О, тогда нам хватит времени. Кстати, захвати Байша. Он будет представлять мужскую точку зрения.

Она повесила трубку.

— Придется тебе обедать со мной, Байш, — сказала я. — Прости.

— А что? На этом обеде произойдет какой-нибудь скандал?

— Понятия не имею.

На пути к «Мак-Грегорсу» Байш выложил мне все, что ему удалось узнать о циклистках.

— Это не культ. У них нет религиозной привязки. Кажется, впервые они заявили о себе еще до Освобождения, — тараторил мой заместитель, сверяясь со своими записями — Хотя есть кое-какие связи с движением за свободу выбора,

Висконсинским университетом и Музеем современного искусства. — Что?

— Они называют своих предводительниц наставницами. Похоже, их философия представляет собой смесь радикального феминизма с лозунгами защитников окружающей среды восьмидесятых годов. Они вегетарианки и не склонны к юмору.

— Ни шутов, ни шунтов, — подытожила я. Мы остановились у «Мак-Грегорса» и выбрались из автомобиля.

— А в использовании каких-нибудь средств для управления сознанием они замечены не были? — с надеждой спросила я.

— Нет. Зато полным-полно исков против отдельных членов, и все они выиграли.

— По Определению Независимой Личности.

— Ага. А также одно уголовное дело, возбужденное некой участницей этого движения, члены семьи которой пытались ее депрограммировать. Депрограмматора приговорили к двадцати годам, а родственничков — к двенадцати.

— Не забудь упомянуть об этом при мамуле, — сказала я, открывая дверь заведения.

Это был один из тех ресторанчиков, где вьюнок обвивает столик метрдотеля, а в зале повсюду разбросаны островки растительности.

— Его предложила Пердита, — объяснила мамуля, провожая нас с Байшем мимо зарослей к нашему столику. — Она сказала, что большинство циклисток — вегетарианки.

— А она пришла? — спросила я, огибая оплетенную огурцами стойку.

— Пока нет.

Мамуля указала на беседку из роз:

— Вон наш столик.

«Наш столик» оказался плетенным из прутьев сооружением, укрывшимся под шелковичным деревом. Виола и Твидж восседали в дальнем углу под увитой фасолью шпалерой, рассматривая меню.

— А ты что здесь делаешь, Твидж? — спросила я. — Почему ты не в школе?

— А я все равно что там, — ответила она, поднимая свою лазерную доску. — Учусь на расстоянии.

— Я решила, что наша беседа должна касаться и ее, — заявила Виола. — В конце концов ей скоро тоже придется получить шунт.

— А вот моя подруга Кинси говорит, что она не будет его носить. Как Пердита, — сообщила Твидж.

— Я уверена, что Кинси изменит свое мнение, когда придет время, — сказала мамуля. — И Пердита тоже. Байш, не сядешь ли рядом с Виолой?

Байш послушно забрался под шпалеру и уселся на плетеный стул. Твидж потянулась через Виолу, передавая ему меню.

— Отличный ресторанчик, — заявила она. — Тут можно ходить без обуви. — И в доказательство она задрала босую ногу. — А если проголодаешься, пока ждешь свой заказ, можно что-нибудь поклевать. — Крутанувшись на стуле, она сорвала пару зеленых стручков. Один протянула Байшу, второй надкусила сама. — Спорим, что Кинси не передумает! Кинси говорит, от шунта боль еще хуже, чем от растяжения связок.

— А без него боль куда сильнее, — заверила ее Виола, бросив на меня выразительный взгляд, означавший: «Ну вот, теперь ты видишь, что натворила моя сестра?»

— Трейси, почему бы тебе не сесть напротив Виолы? — предложила мамуля. — А Пердиту, когда она явится, мы посадим рядом с тобой.

— Если она явится, — заметила Виола.

— Я попросила ее прийти в час, — сказала мамуля. — Так что у нас есть возможность выработать стратегию до ее прихода. Я говорила с Кэрол Чен…

— Ее дочь чуть было не стала циклисткой в прошлом году, — пояснила я Виоле и Байшу.

— Кэрол сказала, что они собрались всей семьей, вот как мы сейчас, и просто поговорили с дочерью. И та в конце концов решила, что не будет становиться циклисткой. — Она обвела взглядом стол. — Мне кажется, что нам следует поступить так же. По-моему, сначала мы должны объяснить Пердите важность Освобождения и рассказать о временах ужасного угнетения, которые ему предшествовали…

— А по-моему, — прервала ее Виола, — мы должны попытаться уговорить ее прожить несколько месяцев без амменерола, вместо того чтобы удалять шунт. Если только она придет. Я в этом не уверена.

— Почему бы и нет?

— А что бы ты делала на ее месте? Я хочу сказать, что все это напоминает мне суд инквизиции. Она должна будет сидеть, слушать и оправдываться, одна против всех. Может, она и чокнутая, но дурой ее не назовешь.

— Никакая это не инквизиция, — возмутилась мать. Она озабоченно поглядела мимо меня на входную дверь. — Я уверена, что Пердита… — Она запнулась, встала и неожиданно бросилась в заросли аспарагуса.

Я обернулась, ожидая узреть Пердиту с обесцвеченными губами или татуировкой на всем теле, но сквозь листву ничего не было видно. Я отвела ветви в сторону.

— Неужто Пердита? — спросила Виола, подаваясь вперед. Я всмотрелась в просвет шелковичных ветвей.

— О господи, — только и смогла я выговорить.

Это была моя свекровь в чем-то просторном, черном и шелковом. Она устремилась к нам прямо по тыквенной грядке. Ее одежды развевались, а глаза сверкали. Наградив меня гневным взглядом, мамуля бросилась навстречу, оставляя в кильватере полосу помятой редиски.

Я точно так же посмотрела на Виолу.

— Это твоя бабушка Карен, — укоризненно произнесла я. — Ты же сказала мне, что не смогла ей дозвониться.

— А я и вправду не смогла, — ответила она. — Твидж, сядь прямо. И положи свою дощечку.

В розовой беседке послышался зловещий шелест, листья затрепетали, и появилась моя свекровь.

— Карен! — воскликнула я, изо всех сил пытаясь изобразить радостное удивление. — Каким ветром тебя сюда занесло? Я думала, ты в Багдаде.

— Я вернулась домой, как только получила весточку от Виолы, — холодно проговорила она, рассматривая всех по очереди. — А это кто? — Ее осуждающий взгляд остановился на моем помощнике. — Новый сожитель Виолы?

— Нет! — испуганно воскликнул Байш.

— Это мой заместитель, — объяснила я. — Байш Адамс-Харди.

— Твидж, а ты почему не в школе?

— А я как раз в школе, — сказала Твидж. — Я присутствую на уроке. — И она подняла свою дощечку. — Видишь? Идет математика.

— Ясно. — Свекровь повернулась, чтобы обрушиться на меня. — Значит, это достаточно серьезный повод для того, чтобы оторвать мою правнучку от занятий в школе. К тому же вам потребовалась помощь юриста. И все же ты не считаешь дело достаточно важным, чтобы сообщать о нем *мне!* Конечно, ты *никогда* мне ничего не говоришь, Трейси!

Она плюхнулась на самый дальний стул, взметнув в воздух целое облако листьев и лепестков душистого горошка и обезглавив капусту, украшавшую наш столик.

— Я не знала о том, что Виоле нужна помощь, до вчерашнего дня. Виола, никогда ничего не передавай через Хассима. Он почти не говорит по-английски… Твой опознавательный код я кое-как разобрала, но телефонная сеть не работала, и мне пришлось лететь самой. В разгар переговоров, заметьте.

— И как идут переговоры, бабушка Карен? — поинтересовалась Виола.

— Они *шли* достаточно хорошо. Израильтяне отдали палестинцам пол-Иерусалима и договорились вскоре поделить Голанские высоты.

Она бросила на меня гневный взгляд.

— Вот *они* понимают важность связи. — Карен снова повернулась к Виоле: — Так из-за чего на тебя все ополчились, Виола? Им не нравится твой новый сожитель?

— Я вовсе не ее сожитель, — запротестовал Байш.

Я часто удивляюсь, как моей свекрови удалось сделаться дипломатом. Трудно представить, чтобы она могла быть полезна на всех этих посреднических заседаниях со всякими сербами и католиками, протестантами и хорватами, Северной и Южной Кореей. Она примыкает сразу к обеим враждующим партиям, делает слишком поспешные выводы, неверно истолковывает любые доводы собеседника и отказывается кого-либо слушать. И все же Карен сумела так уболтать Южную Африку, что ее главой стал Мандела. Она же, вероятно, заставила палестинцев принять во внимание Йом Киппур.[18] Наверное, она просто запугивает противника до состояния рабской покорности. Или, может быть, враждующие стороны объединяются для того, чтобы общими усилиями защититься от нее.

Байш продолжал негодовать:

---

[18] Еврейский национальный праздник. — *Примеч. пер.*

— Я ни разу не видел Виолу до сегодняшнего дня. Я и по телефону-то разговаривал с ней всего несколько раз.

— Ты, должно быть, что-то натворила, — проницательно заметила Карен, обращаясь к Виоле. — Ясно, что они жаждут твоей крови.

— Не моей, — возразила Виола, — Пердиты. Она стала циклисткой.

— Мотоциклисткой? Так, значит, я бросила переговоры с Западным берегом только потому, что вам не нравится, что девочка стала ездить на мотоцикле? Как, по-вашему, я объясню это президенту Ирака? Она *не* поймет этого, и я тоже. Мотоциклистка, подумать только!

— У циклисток нет мотоциклов, — сказала мамуля.

— У них есть менструации, — брякнула Твидж.

По меньшей мере на целую минуту воцарилась тишина, и я подумала: «Ну вот, свершилось». Неужели мы с моей свекровью примем одну сторону в этом семейном споре?

— Так, значит, весь сыр-бор разгорелся только оттого, что Пердита удалила шунт? — наконец спросила Карен. — А разве она не совершеннолетняя? И это, безусловно, тот случай, где действует Определение Независимой Личности. Уж ты-то должна это знать, Трейси. Ты же в конце концов судья.

Я просто ушам своим не верила. Это было слишком хорошо, чтобы быть правдой.

— Уж не хочешь ли ты сказать, будто тебе все равно, что она ни во что не ставит великие свершения Освобождения? — возопила мамуля.

— Мне это вовсе не кажется преступлением, — заявила Карен. — На Среднем Востоке тоже, знаете ли, существуют антишунтовые группы, но никто не принимает их всерьез. Даже иракские женщины. Они до сих пор закрывают лицо покрывалом.

— А вот Пердита принимает их всерьез.

Карен отмела возражение решительным взмахом черного рукава.

— Это просто причуда. Вроде микроюбок. Или этих забавных электронных бровей. Порой некоторые женщины ненадолго увлекаются подобными странностями, но ведь не все поголовно сходят с ума от веяний моды.

— Но Пердита… — заикнулась было Виола.

— Если Пердите хочется, чтобы у нее были месячные, — пускай. Тысячи лет женщины прекрасно обходились без шунтов.

Мамуля побагровела.

— Так же *прекрасно* они уживались с крысами, холерой и корсетами, — сказала она, подкрепляя каждое слово ударом кулака по столу. — Однако нет никакой причины заводить их добровольно, и я не собираюсь позволять Пердите…

— Да, кстати, а где же сама бедняжка? — спросила Карен.

— Появится с минуты на минуту, — ответила мать. — Я пригласила ее на обед, так что мы можем обсудить это с ней.

— Ага, — кивнула Карен. — Ты хочешь сказать, можем дать ей такую затрещину, что она изменит свое решение. Ну, у меня нет никакого желания сотрудничать с вами. Я собираюсь выслушать мнение бедной малышки с интересом и пониманием. «Уважение» — вот то ключевое слово, которое вы все, кажется, забыли. Уважение и обыкновенная вежливость.

У нашего столика вдруг появилась босоногая молодая женщина в комбинезоне в цветочек и с красным шарфом, повязанным на левой руке. В руках у нее была стопка розовых брошюрок.

— Самое время, — строго сказала Карен, выхватывая одну из книжечек. — Обслуживание у вас ужасное. Я сижу здесь битых десять минут. — Она раскрыла брошюру. — Я и не надеюсь, что у вас есть скотч.

— Меня зовут Евангелина, — представилась молодая женщина. — Я наставница Пердиты. — Она отобрала книжку у Карен. — Пердита не смогла присоединиться к вам. Она попросила меня прийти вместо нее и объяснить вам нашу философию.

Наставница села на плетеный стул рядом со мной.

— Циклистки ценят свободу больше всего на свете, — изрекла она. — Свободу от всего искусственного — от пилюль, контролирующих фигуру, от синтетических гормонов, свободу от власти мужчин, которые пытаются навязать нам все это. Как вы, вероятно, уже знаете, мы не носим шунтов.

Она показала на красный шарф, завязанный на руке.

— Вместо них мы носим этот символ нашей свободы и нашей женской сущности. Я надела его сегодня, чтобы все знали, что настало время моего цветения…

— У нас такой символ тоже есть, — вставила мамуля. — Только мы носим его под юбкой.

Я рассмеялась.

Наставница укоризненно воззрилась на меня.

— Мужчины стремились управлять женским телом задолго до так называемого «Освобождения». Они начали с правительственного контроля над абортами, научного ограничения рождаемости, нарушения прав эмбрионов и в конце концов дошли до амменерола, который вообще уничтожил репродуктивный цикл. Все это было частью тщательно разработанной программы порабощения женского тела, а потом и женской души мужским тираническим режимом.

— Какая интересная точка зрения! — с воодушевлением воскликнула Карен.

Действительно интересная. Правда, на это можно было бы возразить, что амменерол создали вовсе не для того, чтобы уничтожить менструации. Этот препарат предназначался для лечения злокачественных опухолей, а свойство маточной оболочки усваивать его было обнаружено случайно.

— Вы хотите сказать, — заволновалась мамуля, — что мужчины *навязали* женщинам шунты? Да нам пришлось *бороться* со всем и вся, чтобы ФДА одобрил использование амменерола!

И это было правдой. В деле объединения женщин, там, где потерпели поражение суррогатные матери, противники абортов и борцы за права эмбрионов, победила перспектива не иметь менструаций вообще. Женщины стали организовывать митинги, собирать подписи и выдвигать своих сенаторов. Они добивались поправок к законам, их отлучали от церкви и сажали в тюрьмы, и все во имя Освобождения!

— Мужчины были *против* амменерола, — продолжала мамуля. — Не говоря уже о религиозных фанатиках, производителях гигиенических пакетов и католической церкви…

— Церковь понимала, что тогда придется разрешить женщинам становиться священниками, — заметила Виола.

— Что и произошло, — добавила я.

— Освобождение не освободило вас, — громко заявила наставница. — Разве что от естественных ритмов вашей жизни, самой женской вашей сущности.

Она нагнулась и сорвала ромашку, которая росла под столом.

— Мы, циклистки, празднуем приход наших менструаций и наслаждаемся своим телом, — провозгласила она, воздев ромашку к потолку, словно знамя. — Когда у циклистки начинается пора цветения, как мы называем это, мы приветствуем ее цветами, стихами и песнями. Затем мы соединяем руки и вспоминаем все самое лучшее, что есть в наших месячных.

— Отеки, например, — предположила я.

— Или лежание в постели с противным тампоном три дня в месяц, — сказала мать.

— А по-моему, главная прелесть в припадках болезненного беспокойства, — подхватила Виола. — Когда я отказалась от амменерола, чтобы завести Твидж, мне порой мерещилось, будто на меня вот-вот рухнет космическая станция.

Пока Виола говорила, к нам подошла женщина средних лет в цветастой форме и соломенной шляпке и остановилась рядом со стулом моей матери.

— У меня тоже бывали такие перепады настроения, — заметила она. — Я то

радовалась жизни, как жеребенок, то была угрюма, что твоя Лиззи Борден.

— А кто такая Лиззи Борден? — поинтересовалась Твидж.

— Она прикончила своих родителей, — пояснил Байш. — Топором.

Карен и наставница переглянулись.

— Кажется, ты должна заниматься математикой, Твидж? — напомнила Карен.

— Мне всегда было интересно, не было ли у Лиззи Борден ПМС, — произнесла Виола, — из-за которого…

— Нет, — возразила мамуля. — Это случилось до тампонов и ибупрофена. Убийство при смягчающих обстоятельствах.

— Не думаю, что сейчас нам помогут разговоры о подобной ерунде, — твердо заявила Карен, метнув на каждого сердитый взгляд.

— А вы — наша официантка? — поспешно спросила я женщину в соломенной шляпе.

— Да, — ответила та, извлекая блокнот из кармана своего комбинезона.

— У вас есть вино?

— Да. Одуванчиковое, первоцветовое и примуловое.

— Мы возьмем все три сорта.

— По бутылке каждого?

— Конечно, — кивнула я, — раз уж вы не подаете их в бочках.

— Сегодня наше фирменное блюдо — арбузный салат и choufleur gratinée,[19] — сообщила она, одарив всех улыбкой. Карен и наставница не улыбнулись в ответ. — Пусть каждый из вас сорвет себе по кочанчику цветной капусты с этой грядки. А еще у нас великолепное соте из бутонов лилии в календуловом масле.

Пока все заказывали первое, наступило временное перемирие.

— Я возьму сладкий горошек, — решила наставница, — и стакан розовой воды.

Байш наклонился к Виоле:

— Простите, что я выглядел таким испуганным, когда ваша бабушка спросила, не ваш ли я любовник.

— Да ладно, — ответила Виола. — Бабушка Карен иногда бывает совершенно невыносимой.

— Я просто не хотел, чтобы вы подумали, будто вы мне не нравитесь. Ведь это не так. То есть вы мне нравитесь.

— А у них нет эрзацбургеров? — спросила Твидж.

Как только официантка удалилась, наставница разложила свои розовые брошюрки.

— Здесь излагается наша философия, — заявила она, протягивая мне одну брошюру, — а также практические сведения о менструальном цикле. — Другую она протянула Твидж.

— В точности как те книжонки, что нам подсовывали в старших классах, — заметила мамуля, взглянув на свой экземпляр. — «Особый Подарок», вот как они назывались. И там были все эти слащавые картиночки, на которых улыбались и играли в теннис девушки с розовыми ленточками в волосах. Издевательство, иначе не назовешь.

Она была права. Там имелось даже то самое знакомое всем со школьной скамьи изображение фаллопиевых труб, которое всегда напоминало мне кадр из первых серий фильма ужасов «Чужой».

— Ой, фу, — сказала Твидж. — Это отвратительно.

— Занимайся своей математикой, — рявкнула Карен. Байша, похоже, затошнило.

— Неужели женщины и *вправду* интересуются этой гадостью?

Появилось вино, и я налила каждому по большому бокалу. Наставница неодобрительно поджала губы и покачала головой.

— Циклистки не употребляют искусственных стимуляторов и гормонов, которыми женщин вынудили пользоваться мужчины, чтобы сделать их тупыми и покорными.

---

[19] Цветная капуста в сухарях *(фр.)*.

— А сколько у вас длятся месячные? — полюбопытствовала Твидж.

— Бесконечно, — встряла мамуля.

— От четырех до шести дней, — сухо ответила наставница. — Об этом сказано в брошюре.

— Нет, я хочу спросить, всю жизнь или нет?

— Как правило, первые менструации начинаются в двенадцать лет и прекращаются к пятидесяти пяти.

— А у меня это первый раз случилось в одиннадцать лет, — сообщила официантка. — В школе.

— А у меня последняя началась как раз в тот день, когда ФДА разрешил использовать амменерол, — сказала моя мать.

— Триста шестьдесят пять разделить на двадцать, — бормотала Твидж, царапая что-то на своей доске, — и умножить на сорок три года… — Она подняла голову. — Это будет пятьсот пятьдесят девять циклов!

— Не может быть, — возмутилась мамуля, отнимая у нее доску. — Их должно быть по меньшей мере пять тысяч.

— И каждый начинается именно в тот день, когда отправляешься в поездку, — заметила Виола.

— Или выходишь замуж, — добавила официантка. Мамуля начала что-то писать на дощечке.

Воспользовавшись временным прекращением огня, я подлила всем одуванчикового вина. Мамуля оторвалась от доски:

— Нет, вы только подумайте! Учитывая, что «неудобства» продолжаются в среднем по пять суток, вы мучились бы около трех тысяч дней! Ведь это целых восемь лет!

— А в промежутках — ПМС, — заметила официантка, ставя на стол цветы.

— А что такое ПМС? — спросила Твидж.

— «Предменструальный синдром» — название, придуманное медициной мужчин для обозначения естественного колебания гормонального уровня, предвещающего наступление регул, — изрекла наставница. — Эти незначительные и совершенно нормальные изменения мужчины считали чем-то вроде болезни. — Она взглянула на Карен, ожидая подтверждения.

— Я, бывало, отрезала себе волосы, — вспомнила моя свекровь.

Наставница заерзала на стуле.

— Однажды я отхватила с одной стороны все начисто, — продолжала Карен. — Каждый месяц Бобу приходилось прятать ножницы. И ключи от машины. Я начинала рыдать всякий раз, как загорался красный свет.

— А отеки у тебя были? — поинтересовалась мать, наливая Карен очередной стакан одуванчикового вина.

— Да я становилась похожа на Орсон Уэллис!

— А кто такая Орсон Уэллис? — спросила Твидж.

— Ваши комментарии отражают ту ненависть к собственному телу, которую вам привило владычество мужчин! — воскликнула наставница. — Мужчины вывели породу женщин с промытыми мозгами, женщин, которые считают, что месячные — это зло, и даже называют их «проклятием», а все оттого, что приняли точку зрения мужчин.

— А я называла их проклятием, поскольку была уверена, что его наложила на меня злая колдунья, — заявила Виола. — Как в «Спящей красавице».

Все воззрились на нее.

— Ну да, так я и думала, — подтвердила моя старшая дочь. — Это была единственная причина, которую я сумела изобрести. — Она вернула свою книжицу наставнице. — Да я и теперь верю в это.

— По-моему, вы поступили очень храбро, отказавшись от амменерола, чтобы завести Твидж, — сказал галантный Байш.

— Это было ужасно, — с чувством произнесла Виола. — Вы просто не представляете.

Мамуля вздохнула:

— Когда у меня начались месячные, я спросила свою мать, были ли они и у Аннеты.

— А кто такая Аннета? — немедленно заинтересовалась Твидж.

— Девушка-мушкетер, — ответила мамуля и добавила, заметив непонимающий взгляд Твидж:

— Ну та, по телику.

— Высший класс, — сказала Виола.

— «Клуб Микки Мауса», — уточнила мамуля.

— Это что, такая старшеклассница, которую звали Клубника Мауса, что ли? — недоверчиво спросила Твидж.

— Да, это были тяжелые времена — во многих отношениях, — вздохнула я.

Мать испепелила меня взглядом и обратилась к Твидж:

— Аннета была идеалом каждой девочки. У нее были вьющиеся волосы, неподдельная грудь и отутюженная юбка в складку. Я просто не могла вообразить, чтобы и ее отягощало нечто столь же *грязное* и неблагородное. Мистер Уолт Дисней никогда не допустил бы этого. А уж коли у Аннеты этого не было, то, думала я, и мне оно ни к чему. И вот я спросила свою маму…

— А что она ответила? — не выдержала Твидж.

— Она сказала, что такое бывает у каждой женщины. И тогда я поинтересовалась: «Что, даже у английской королевы?» И она ответила: «Даже у королевы».

— Правда? — изумилась Твидж. — Да ведь она *такая старая!*

— Это сейчас у нее ничего нет, — раздраженно сказала наставница. — Я же объяснила вам, что менопауза наступает примерно в пятьдесят пять лет.

— И тогда у вас начинаются вспышки беспричинной ярости и остеопороз, а на верхней губе вырастают усы, как у Марка Твена.

— А кто такой… — начала было Твидж.

— Вы просто вторите пристрастному мнению мужчин, — прервала ее изрядно покрасневшая Евангелина.

— Знаете, что меня всегда интересовало? — спросила Карен, заговорщицки наклоняясь к мамуле. — Не была ли причиной Фолклендской войны менопауза Мэгги Тэтчер?

— А кто такая Мэгги Тэтчер? — спросила Твидж. Наставница, лицо которой к этому времени стало почти того же цвета, что ее шарф, вскочила:

— Мне ясно, что с вами бесполезно разговаривать дальше. Мужчины основательно поработали над вашими мозгами. — Она принялась лихорадочно собирать свои брошюрки. — Да вы слепы, все вы! Вы даже не понимаете, что являетесь жертвами тайного заговора, цель которого — лишить вас вашей биологической основы, всей вашей женской сущности! Ваше хваленое «Освобождение» вовсе не было освобождением. Это просто новый вид рабства.

— Даже если бы это было правдой, — произнесла я, — даже если это и был заговор, призванный подчинить нас влиянию мужчин, ей-богу, оно того стоило.

— А знаєте, Трейси права, — заметила Карен, обращаясь к мамуле. — Совершенно права. Если есть на свете что-нибудь, ради чего стоило бы пожертвовать даже своей свободой, то это, несомненно, избавление от регул.

— Жертвы! — возопила наставница. — У вас украли вашу женственность, а вас это даже не волнует!

И она ринулась к выходу, сокрушив по дороге несколько кабачков и клумбу гладиолусов.

— Знаете, что я ненавидела больше всего до Освобождения? — невозмутимо спросила Карен, выливая остаток одуванчикового вина в свой бокал. — Гигиенические пояса.

— И эти картонные аппликаторы для тампонов.

— Ни за что не стану циклисткой, — заявила Твидж.

— Замечательно, — поддержала я.

— А сладкое будет?

Я подозвала официантку, и Твидж заказала засахаренные фиалки.

— Кто-нибудь еще хочет десерт? — спросила я. — Или вина из примулы?

— По-моему, вы нашли прекрасный способ помочь своей сестре, — промурлыкал Байш, склоняясь к Виоле.

— А реклама «Модакса»? — не унималась мамуля. — Помните, там была такая шикарная девица в шелковом вечернем платье и длинных белых перчатках? А под картинкой написано: «Модакс, потому что…» Я была уверена, что «Модакс» — это такие духи.

Карен хихикнула:

— А я думала, что это сорт *шампанского!*

— По-моему, пить нам уже хватит, — вздохнула я:

На следующее утро, едва я вошла в контору, раздался телефонный звонок. Универсальный. Я испуганно посмотрела на Байша:

— Карен вернулась в Ирак, не так ли?

— Ага, — ответил он. — Виола сказала, что заминка в ее переговорах произошла оттого, что не могли решить, строить на Западном берегу Диснейленд или нет.

— А когда звонила Виола?

Байш сонно потянулся:

— Я сегодня завтракал с ней и Твидж. — О!

Я подняла трубку:

— Вероятно, мамуля хочет сообщить мне план похищения Пердиты. Алло?

— Это Евангелина, наставница Пердиты, — произнес голос в трубке. — Вот теперь вы, наверное, счастливы. Вы вынудили Пердиту смириться с порабощающим владычеством мужчин.

— Я?

— Очевидно, вы обратились к депрограмматору, и я хочу, чтобы вы знали, что мы собираемся подать на вас за это в суд.

И она отключилась. Телефон тотчас же зазвонил вновь. Опять универсальный.

— Какая польза от опознавательных кодов, если ими никто никогда не пользуется? — с горечью заметила я, снимая трубку.

— Привет, мам, — произнесла моя дочь Пердита. — Мне показалось, что тебе будет приятно услышать, что я раздумала становиться циклисткой.

— Да ну? — сказала я, пытаясь приглушить ликование в голосе.

— Я узнала, почему они носят на руке этот красный шарф. Он символизирует их… ммм… «убил-и-съел».

— Ах, вот как…

— Ну, это еще не все. Наставница рассказала мне о вашем обеде. Так это правда, что бабушка Карен поддержала тебя?

— Да.

— Ух ты! Просто не верится. Но так или иначе, наставница заявила, что вы не стали слушать о том, как это здорово — иметь менструации, и без умолку твердили о негативных сторонах этого явления, вроде опухания, колик и повышенной раздражительности. Тут я спросила, что такое колики. А она говорит: «Боли при менструальном кровотечении». Я так и ахнула: «Какое еще кровотечение? Никто мне не говорил ни о каком кровотечении!» Мама, ну почему ты не сказала мне, что от этого идет кровь?

В свое время я рассказывала ей об этом, но почувствовала, что сейчас разумнее промолчать.

— И ты ни слова не сказала о том, что это больно! И о колебаниях гормонов тоже! Да какой же дуре захочется иметь все эти прелести, если можно не иметь! И как вы все это терпели до Освобождения!

— То было мрачное, тяжелое время, — произнесла я с пафосом, достойным жюри

присяжных.

— Еще бы! Ну, во всяком случае, я с этим завязала, и моя наставница была просто вне себя. Но я заявила ей, что это — Решение Независимой Личности и она должна его уважать. Тем не менее я не собираюсь бросать вегетарианство. Даже *не пытайся* отговорить меня от этого.

— Боже упаси!

— Знаешь, на самом деле во всем виновата ты, мама. Если бы ты с самого начала сказала мне, что это больно, ничего бы не случилось. Все-таки Виола права. Ты нам никогда ни о чем не рассказываешь!

ГОСТИНИЦА[20]

Служба в канун Рождества. Прозвучали последние аккорды хорала «Приди, приди, Еммануил», и хор сел. Преподобный Уолл заковылял к кафедре, сжимая в руке пачку пожелтевших машинописных листков.

В хоре Ди повернула голову к Шерон и прошептала:

— Поехали! Двадцать четыре минуты по часам. Сидящая справа от Шерон Вирджиния пробормотала:

— «И пошли все записываться, каждый в свой город». Преподобный Уолл пристроил листки на кафедре, слезящимися глазами посмотрел на свою паству и заговорил:

— «И пошли все записываться, каждый в свой город. Пошел также и Иосиф из Галилеи, из города Назарета, в Иудею, в город Давидов, называемый Вифлеем, потому что он был из дома и рода Давидова. Записаться с Мариею, обрученною ему женою, которая была беременна» .[21]

Преподобный Уолл умолк.

— Мы ничего не знаем об этом путешествии из Назарета, — прошептала Вирджиния.

— Мы ничего не знаем об этом путешествии из Назарета, — нетвердо продолжал преподобный Уолл, — какие испытания выпали на долю молодой четы, на каких постоялых дворах они останавливались по дороге. Нам известно лишь, что в такой же вечер, как сейчас, прибыли они в Вифлеем и не хватило им места в гостинице.

Вирджиния что-то быстро писала на полях программки. Ди закашлялась.

— У тебя есть леденцы от кашля? — шепотом спросила она у Шерон.

— А куда ты дела те, что я дала тебе вчера? — прошептала в ответ Шерон.

— Хотя нам ничего не известно об их путешествии, — говорил преподобный Уолл, его голос набирал силу, — мы много знаем о мире, в котором они жили. Это был мир воинов и сборщиков податей, мир бюрократов и политиканов, мир, озабоченный вопросами собственности и власти, мир, занятый своими делами…

Ди опять закашлялась. Порывшись в папке для нот, вытащила леденец от кашля в бумажной обертке. Развернула и сунула в рот.

— ...мир, слишком занятый своими делами, чтобы обратить внимание на неприметную пару, пришедшую издалека, — произнес нараспев преподобный Уолл.

Вирджиния передала программку с каракулями Шерон. Ди наклонилась, ей тоже хотелось прочитать. На программке было написано: «Что случилось вчера вечером после репетиции? Когда я ехала домой с ярмарки, тут были полицейские машины».

Ди схватила программку и снова начала рыться в папке. Нашла карандаш, нацарапала: «Кто-то забрался в церковь» — и передала программку Шерон и Вирджинии.

— Ты шутишь, — прошептала Вирджиния. — Их поймали?

---

[20] Inn © Перевод. Н. Магнат, 1997

[21] Евангелие от Луки, глава 3, стих 3.

— Нет, — ответила Шерон.

Двадцать третьего числа репетиция должна была начаться ровно в семь. Но без пятнадцати восемь хор все еще ждал, когда можно будет петь гимн, пастухи и ангелы прыгали вдоль стен, а преподобный Уолл клевал носом позади кафедры. Второй священник, преподобная Фаррисон, передвигала цветы в горшках на ступенях алтаря, чтобы освободить место для яслей, регент Роза Хендерсон, стоя на коленях, прикрепляла фанерные стволы к картонным пальмам. Пальмы уже два раза падали.

— Пожалуй, так мы проторчим здесь до завтрашней предрождественской службы. — Шерон прислонилась к двери.

— Я не могу задерживаться, — взглянув на часы, сказала Вирджиния. — Мне до девяти нужно попасть на ярмарку. Миген вдруг объявила, что хочет «Барби на школьном балу».

— Горло болит жутко, — пожаловалась Ди. — Здесь жарко или у меня поднимается температура?

— Жарко в этих балахонах, — ответила Шерон. — Зачем мы их надели? Это же репетиция.

— Роза хочет, чтобы все было в точности так же, как завтра во время службы.

— Если завтра я буду себя чувствовать в точности так же, я умру, — пытаясь откашляться, заметила Ди. — Мне нельзя болеть. У меня подарки не завернуты, и я еще даже не думала, что приготовить к Рождеству на обед.

— У тебя хотя бы подарки есть, — отозвалась Вирджиния. — А мне еще надо купить что-нибудь для восьми человек. Не считая «Барби на школьном балу».

— У меня ничего не готово. Нужно написать рождественские открытки, сходить в магазин, завернуть подарки, испечь пирог. Да еще родители Билла придут, — сказала Шерон. — Ну скорей, пора начинать представление.

Роза и ангел из младшей группы хора поднимали пальмы. Деревья сильно клонились вправо, будто над Вифлеемом несся ураган.

Так прямо? — обернувшись, крикнула Роза.

— Да, — сказала Шерон.

— Ложь в церкви, — съехидничала Ди. — Нехорошо.

— Хорошо, — взяв в руки программку, сказала Роза. — Слушайте все. Богослужение пойдет в таком порядке. Входная песнь в исполнении духового квартета, гимн, вступительная молитва, объявления; преподобная Фаррисон, здесь вы собираетесь говорить о начинании «Для малых сих»?

— Да, — ответила преподобная Фаррисон. — А можно сделать короткое объявление прямо сейчас? — Она повернулась к хору: — Если кто-нибудь хочет пожертвовать что-то еще, приносите ваши дары в церковь завтра до девяти утра. В девять мы будем раздавать подарки бездомным. Нам нужны еще одеяла и консервы. Пожертвования приносите в зал общины.

Преподобная Фаррисон прошла в дальний конец храма, а Роза продолжала:

— Объявления, «Приди, приди, Еммануил», проповедь преподобного Уолла…

Услышав свое имя, преподобный Уолл проснулся.

— А! — Он потащился к кафедре с пачкой пожелтевших машинописных листков в руке.

— Ну нет, — возмутилась Шерон. — И рождественское представление, и проповедь. Мы не уйдем отсюда до скончания века.

— Не просто проповедь. А та же самая проповедь, — сказала Вирджиния. — Двадцать четыре минуты. Я ее наизусть знаю. Он читает ее каждый год с тех пор, как появился у нас.

— Он читает ее всю жизнь, — прошептала Ди. — Могу поклясться, в прошлом году я слышала, как он что-то говорил о Первой мировой войне.

— «И пошли все записываться, каждый в свой город, — бубнил преподобный Уолл. —

Пошел также и Иосиф из Галилеи, из города Назарета…»

— Ну, это уж слишком, — прошипела Шерон. — Он что, все целиком читать собирается?

— Мы ничего не знаем об этом путешествии из Вифлеема, — продолжал старик.

— Спасибо, преподобный Уолл, — сказала Роза. — После проповеди хор поет «О город Вифлеем», и Мария с Иосифом…

— Чему учит нас история их путешествия? — все больше воодушевлялся преподобный Уолл.

Роза заспешила по проходу и поднялась на ступени алтаря.

— Преподобный Уолл, сейчас нет необходимости читать проповедь целиком.

— О чем эта история говорит нам теперь, когда мы стремимся оправиться от последствий мировой войны? — вопросил священник.

Ди пихнула локтем Шерон.

— Преподобный Уолл. — Роза подошла вплотную к кафедре. — К сожалению, у нас сейчас нет времени, чтобы выслушать вашу проповедь целиком. Нам нужно сделать прогон представления.

— А! — Преподобный Уолл собрал свои бумажки.

— Итак, — продолжала Роза. — Хор поет «О город Вифлеем», и Мария с Иосифом идут по центральному проходу.

Мария с Иосифом в купальных халатах и носках в крапинку встали в дальнем конце храма и пошли между рядами по центральному проходу.

— Пожалуй, нет, Мария и Иосиф, — передумала Роза. — По центральному проходу пойдут волхвы с Востока, а вы идете из Назарета. По боковому проходу.

Мария с Иосифом послушно пустились рысцой по боковому проходу.

— Нет, нет, помедленнее. Вы устали. Весь долгий путь из Назарета вы проделали пешком. Попробуйте еще раз.

Они отбежали назад и снова пошли, сначала неторопливо, потом опять заспешили.

— Паства их не видит, — покачала головой Роза. — Нужно освещение. Преподобная Фаррисон, мы можем осветить боковой проход?

— Ее здесь нет, — сказала Ди. — Она за чем-то пошла.

— Я ее позову. — Шерон вышла в коридор.

Мириам Берг как раз входила в комнату, где размещалась воскресная школа для взрослых, с бумажной тарелкой глазированного печенья.

— Ты не знаешь, где преподобная Фаррисон? — спросила Шерон.

— Минуту назад была в канцелярии, — ответила Мириам.

Шерон отправилась в канцелярию. Преподобная Фаррисон стояла у письменного стола и разговаривала по телефону.

— Когда приедет фургон? — Она кивнула Шерон, давая понять, что сейчас освободится. — Вы не можете выяснить?

Шерон смотрела на стол и ждала. Около телефона стояло стеклянное блюдце с леденцами от кашля в бумажных обертках, а рядом банка копченых устриц и три банки чилима. Вероятно, «Для малых сих», уныло подумала Шерон.

— Через пятнадцать минут? Хорошо. Спасибо. — Преподобная Фаррисон повесила трубку. — Минуточку, — сказала она Шерон и пошла к входной двери.

Преподобная Фаррисон открыла Ддерь и высунула голову наружу. Шерон обдало холодным воздухом. Наверное, пошел снег.

— Фургон придет через несколько минут, — сказала кому-то преподобная Фаррисон.

Шерон через витражное стекло пыталась рассмотреть, кто там, на улице.

— Я отправлю вас в приют, — сказала преподобная Фаррисон. — Нет, вам придется подождать на улице. — И закрыла дверь. — Ну, так что вы хотели? — поворачиваясь к Шерон, спросила она.

Все еще глядя в окно, Шерон сказала:

— Вас просят зайти на репетицию.

Начинался снег. Сквозь стекло хлопья казались синими.

— Сейчас приду. Тут бездомные, о них нужно позаботиться. За сегодняшний вечер это уже вторая пара. Они всегда приходят на Рождество. А в чем дело? Что-то с пальмами?

— Что? — Шерон как завороженная смотрела на падающие хлопья.

Преподобная Фаррисон проследила за ее взглядом:

— Через несколько минут за ними приедет фургон из ночлежки. Мы не можем оставить их здесь без надзора. За последний месяц было два ограбления методистской церкви, а у нас тут все пожертвования «Для малых сих».

Она показала в сторону зала общины. «А мне казалось, что подарки именно для бездомных», — подумала Шерон.

— Они не могут подождать в храме или где-нибудь еще? — спросила она.

Преподобная Фаррисон вздохнула:

— Если их впустить, это не пойдет им на пользу. Они приходят сюда, а не в ночлежку, потому что в ночлежке у них отбирают спиртное. — Она направилась в коридор. — Зачем я нужна?

— А, это насчет света. Роза спрашивает, можно ли осветить боковой проход для Марии и Иосифа.

— Не знаю. — Преподобная Фаррисон пожала плечами. — Здесь со светом такая неразбериха. — Она остановилась около распределительного щита, рядом с лестницей, которая вела вниз, в комнаты для занятий воскресной школы и хора. — Скажите мне, где зажжется свет.

Щелкнул выключатель. Свет в коридоре погас. Преподобная Фаррисон снова включила его. Попробовала другой рубильник.

— Это свет в канцелярии, — сказала Шерон, — и в нижнем коридоре, где занимается воскресная школа для взрослых.

— А этот?

Хористы взвизгнули. Дети завопили от радости.

— Подходит, — сказала Шерон. — Вот и освещение бокового прохода. — Она крикнула вниз: — Ну как?

— Прекрасно, — ответила было Роза. — Нет, подождите. Орган отключился.

Преподобная Фаррисон нажала еще какую-то кнопку, и орган со стоном проснулся.

— Теперь погасли лампы в боковых проходах, — заметила Шерон, — и на кафедре.

— Я говорила, что с этим светом одна морока. — Преподобная Фаррисон щелкнула еще одним выключателем. — А сейчас?

— Потух фонарь на крыльце.

— Хорошо. Так и оставим. Может, это отпугнет бездомных. На прошлой неделе преподобный Уолл разрешил бездомному подождать в помещении, а тот помочился на ковер в воскресной школе для взрослых. Ковер пришлось сдать в чистку. — Она с укором посмотрела на Шерон. — С этими людьми нельзя поддаваться состраданию.

«Нельзя, — подумала Шерон. — Иисус поддался состраданию, и смотрите, что с ним сделали».

— Хозяин гостиницы мог прогнать их, — нараспев читал преподобный Уолл через двадцать минут после начала предрождественской проповеди. — Он был занят, и гостиница была переполнена путешественниками. Он мог закрыть дверь перед Марией и Иосифом.

Вирджиния наклонилась к Шерон и Ли:

— Человек, который залез в церковь, взял что-нибудь?

— Нет, — сказала Шерон.

— Он написал на пол в детской, — прошептала Ди. Преподобный Уолл смущенно умолк и взглянул на хор.

Ди громко закашлялась и закрыла рот рукой, чтобы заглушить кашель. Преподобный Уолл слабо улыбнулся ей и повторил:

— Хозяин гостиницы мог прогнать их.

Ди немного подождала, затем открыла сборник церковных гимнов на том месте, где лежала программка, и застрочила карандашом. Она передала программку Вирджинии, та прочитала и отдала Шерон.

«Преподобная Фаррисон думает, что нескольким бездомным удалось проникнуть в храм, — сообщали каракули на программке. — Еще они сломали пальмы, приготовленные для представления. Сорвали их с планок. Можете себе представить, кто на такое способен?»

— Подобно хозяину гостиницы, нашедшему место для Марии и Иосифа в тот канун Рождества, много лет назад, — закругляясь, сказал преподобный Уолл, — найдем и мы в наших сердцах место для Христа. Аминь!

Орган начал вступление к хоралу «О город Вифлеем», вдалеке в сопровождении Мириам Берг показались Мария и Иосиф. Мириам поправила белое покрывало Марии и что-то зашептала им обоим. Иосиф потрогал приклеенную бороду.

— Как они пойдут? — прошептала Вирджиния. — По боковому проходу или прямо по центральному?

— По боковому, — ответила Шерон. Хор встал.

«О город Вифлеем, тих и сладок твой сон, — запел хор. — В вышине над тобой, храня твой покой, звезды плывут чередой».

Мария и Иосиф медленно, размеренным шагом, как учила их Роза, рука об руку двинулись по боковому проходу. «Нет, — подумала Шерон. — Это неправильно. Иосиф должен идти немного впереди, оберегая Марию, а Мария должна держать руку на животе, оберегая ребенка».

После долгих споров вопрос о том, как следует идти Марии и Иосифу, отложили до окончания репетиции, и прогон представления начался. Мария и Иосиф постучали в дверь гостиницы, и хозяин, широко улыбаясь, сказал им, что мест нет.

— Патрик, чему ты так радуешься? — спросила Роза. — Ты должен быть в плохом настроении. Ты устал, у тебя не осталось свободных комнат.

Патрик попытался нахмуриться.

— У меня нет свободных комнат, — сказал он, — но вы можете остановиться в хлеву.

Он провел их к яслям, и Мария опустилась на колени.

— Где младенец Иисус? — спросила Роза.

— Он будет готов только к завтрашнему вечеру, — шепотом ответила Вирджиния.

— У кого-нибудь есть подходящая кукла?

Ангел из младшей группы подняла руку, и Роза сказала:

— Прекрасно. Мария, сейчас просто возьми одеяло. Хор споет первый куплет гимна «Далеко-далеко, в яслях». Подойдите и встаньте с этой стороны, — показала она.

Пастухи подняли связанные по две хоккейные клюшки, швабры и палки, приладили головные уборы.

— Хорошо, начнем, — сказала Роза.

Орган взял вступительный аккорд, и хор встал.

— «Да-алеко», — пропела Ди и закашлялась, прикрываясь рукой. — Есть… леденцы… от кашля? — удалось выдавить ей между приступами.

— Я видела в канцелярии. — Шерон сбежала вниз по ступеням алтаря и заспешила по проходу мимо пастухов в коридор.

Было темно, но Шерон не хотелось тратить время на поиски нужного выключателя. Лампы, горящие в храме, слабо освещали дорогу, и ей казалось, что она помнит, где лежат леденцы от кашля.

В канцелярии тоже не было света, а фонарь на крыльце преподобная Фаррисон выключила, чтобы не привлекать бездомных. Шерон. открыла дверь, ощупью пробралась к

письменному столу и пошарила по нему, пока не наткнулась на стеклянное блюдо. Взяв пригоршню леденцов, она осторожно вышла в коридор.

Хор запел «В полночь на ясном небе», но после двух тактов умолк, и во внезапно наступившей тишине раздался стук.

Шерон повернулась было к двери, потом замешкалась, подумав, что это, возможно, вернулась та пара, которую выставила преподобная Фаррисон, и сейчас начнутся неприятности, но стук был мягкий, почти робкий, и сквозь витражное стекло было видно, что идет сильный снег.

Шерон пересыпала леденцы от кашля в левую руку, приоткрыла дверь и выглянула наружу. На крыльце стояли двое, один немного впереди. В темноте можно было разглядеть лишь очертания их фигур, и Шерон сначала показалось, что это две женщины, но человек, стоящий впереди, произнес голосом молодого мужчины:

— Эркаш.

— Извините, — сказала Шерон. — Я не говорю по-испански. Вы ищете, где остановиться?

Снег таял на лету, превращаясь в дождь, поднимался ветер.

— Кумрах, — сказал молодой человек, слово звучало так, как будто он просто хотел откашляться, а дальше слова так и посыпались, но Шерон не могла ничего разобрать.

— Подождите минутку. — Шерон закрыла дверь.

Она вернулась в канцелярию, поискала в полумраке телефон, набрала номер.

Занято. Шерон повесила трубку, немного помедлила, набрала снова. Опять занято. Она вернулась к двери в надежде, что пара ушла.

— Эркаш, — услышала она, как только открыла дверь.

— Извините, я пытаюсь дозвониться в приют для бездомных. — И тут молодой человек быстро, взволнованно заговорил, шагнув вперед и положив ладонь на дверь. Он был завернут в одеяло, поэтому Шерон и приняла его за женщину.

— Эркаш, — расстроенно, безнадежно, но все так же робко и застенчиво повторил он. — Ботт лом. — И показал на женщину, которая стояла позади, не поднимаясь на крыльцо.

Шерон смотрела не на нее, а на ноги пришедших.

Они были в сандалиях. Сначала ей показалось, что они босые, и она пришла в ужас. Босые на снегу! Потом, приглядевшись, она заметила темную полоску ремешка. Но это все равно что босые. Снег так и сыплет.

Бросить их на улице казалось Шерон немыслимым, но и оставить их в коридоре до прибытия фургона из приюта она не решалась: боялась преподобной Фаррисон.

Канцелярия отпадает: может зазвонить телефон, в зал общины тоже нельзя, там подарки для бездомных.

— Минуточку, — сказала Шерон и, закрыв дверь, пошла посмотреть, не ушла ли Мириам из воскресной школы для взрослых.

Свет не горел, так что, очевидно, Мириам в комнате не было. На столе у двери стояла лампа. Шерон включила ее. Нет, это тоже не годится: в витрине на стене выставлено серебро общины; на столе стоят бумажные чашки и тарелки с рождественским печеньем, которые принесла Мириам, значит, после представления здесь будет угощение для участников. Шерон выключила свет и вышла в коридор.

Кабинет преподобного Уолла не подходит, к тому же он все равно заперт. Кабинет преподобной Фаррисон, разумеется, тоже. Если разместить бездомных в одной из комнат воскресной школы, потом придется тайком вести их наверх.

Может, в каминную? Каминная помещалась между воскресной школой для взрослых и залом братства. Она потянула за ручку, дверь открылась, и Шерон заглянула внутрь. Камин занимал почти всю комнату, рядом были свалены в кучу складные стулья. Она не нашла выключателя, но снаружи сюда проникал свет, и можно было спокойно двигаться. И здесь было теплее, чем на крыльце.

Шерон выглянула в коридор, убедилась, что никто не идет, и впустила мужчину и женщину.

— Можете подождать здесь, — сказала Шерон, хотя было ясно, что они ее не понимают.

Гости прошли за Шерон через темный коридор в каминную, она поставила для них два складных стула и жестом пригласила сесть.

Звуки «В полночь на ясном небе» замерли, и послышался голос Розы:

— Посох пастуха не оружие. Хорошо. Где ангел?

— Я позвоню в приют, — поспешно сказала Шерон, вышла и закрыла дверь каминной.

В канцелярии она опять набрала номер приюта.

«Пожалуйста, пожалуйста, ответьте», — подумала Шерон. На другом конце действительно подняли трубку. От удивления она забыла сказать, что пара бездомных будет ждать в помещении.

— Мы приедем в лучшем случае через полчаса, — сказал служащий приюта.

— Через полчаса?

— Когда температура падает ниже нуля, всегда так, — сказал мужчина. — Постараемся побыстрее.

По крайней мере она поступила правильно, бездомные не смогли бы полчаса простоять под таким снегом. «И кто напоит одного из малых сих только чашею холодной воды… истинно говорю вам, не потеряет награды своей»,[22] — грустно подумала Шерон. Но в каминной хотя бы тепло и нет снега, им ничто не грозит, пока ее саму не хватятся. Она вдруг сообразила, что пообещала Ди леденцы от кашля.

Леденцы лежали на письменном столе, где Шерон оставила их, когда звонила. Схватив леденцы, она поспешила через коридор в храм.

Стоящий на ступеньках алтаря ангел убеждал пастухов, что бояться нечего. Шерон пробралась сквозь толпу к алтарю, села между Ди и Вирджинией, подала Ди леденцы от кашля. Ди спросила:

— Почему ты так задержалась?

— Мне надо было позвонить. Я что-то пропустила?

— Ничего. Мы застряли на пастухах. Одна пальма свалилась, и пришлось ее укреплять, а потом преподобная Фаррисон остановила репетицию и предупредила всех, чтобы не впускали в храм бездомных, потому что недавно осквернили церковь Святой Троицы.

— А-а. — Шерон поискала глазами преподобную Фаррисон.

— Хорошо, теперь, закончив речь, ангел присоединится к остальным ангелам, — сказала Роза. — Младшая группа, я вам говорю. Нет. Вы стойте на ступеньках. Орган, пожалуйста.

Орган заиграл «Чу, вот ангелы несут благую весть», и младший хор еле слышно запел писклявыми голосами. Преподобной Фаррисон нигде не было.

— Ты не знаешь, куда делась преподобная Фаррисон? — спросила Шерон у Ди.

— Она вышла, как раз когда ты вошла. Ей что-то понадобилось в канцелярии.

В канцелярии. Вдруг она услышит голоса в каминной, откроет дверь и обнаружит там этих людей? Шерон приподнялась.

— Хор! — свирепо глядя на Шерон, сказала Роза. — Может, вы подпоете младшей группе?

Шерон села на место. Через минуту, держа в руках ножницы, появилась преподобная Фаррисон.

— «Поздно ночью он придет», — запела младшая группа. Мириам вышла.

— Куда пошла Мириам? — прошептала Шерон.

— Откуда я знаю? — Ди с любопытством посмотрела на Шерон. — Наверное,

---

[22] Евангелие от Матфея, глава 10, стих 42.

подготовить угощение. А что?

— Ничего, — сказала Шерон.

Роза снова сверкнула на нее глазами, Шерон стала подпевать «Свет и жизнь принесет», ей не терпелось, чтобы хорал поскорее закончился и можно было выйти, но как только хорал закончился, Роза сказала:

— Хорошо, теперь волхвы, — и по среднему проходу двинулся шестиклассник со шкатулкой для драгоценностей. — Хор, «Мы три волхва». Орган, пожалуйста.

Начались четыре длинных куплета хорала «Мы три царя Востока». Шерон не могла ждать.

— Мне нужно выйти, — сказала она.

Положив папку для нот на стул, Шерон сбежала вниз по лестнице за алтарем и прошла через узкую комнату, которая вела к боковому проходу. Хористы называли эту комнату цветочной, потому что туда склады вали искусственные цветы для украшения алтаря. Через нее проходили украдкой, когда надо было пораньше уйти из церкви. Сейчас здесь едва можно было повернуться. Везде стояли пюпитры и горшки с шелковыми крупными лилиями, перед дверью в храм возвышался огромный куст красных роз.

Шерон отодвинула куст в угол, осторожно пробралась среди лилий и открыла дверь.

— Бальтазар, положи золото перед яслями, только не урони, — говорила Роза. — Мария, ты Матерь Божия. Не смотри так испуганно.

Шерон прошмыгнула по боковому проходу в коридор, где с флаконами благовоний ждали еще два волхва.

«Все дальше на запад веди нас, звезда, младенцу идем поклониться», — пел хор.

Свет в коридоре и канцелярии по-прежнему не горел, но при свете, идущем из двери воскресной школы для взрослых, можно было видеть весь коридор. Дверь каминной была все так же закрыта.

«Позвоню в приют, — думала Шерон, — и попрошу, чтобы фургон прислали побыстрее, а если не получится, оставлю этих людей внизу и, когда все уйдут, сама отвезу их в приют».

Она прошла на цыпочках мимо открытой двери воскресной школы для взрослых, чтобы Мириам ее не увидела, а потом побежала вниз и открыла дверь канцелярии.

Там около письменного стола стояла Мириам. В одной руке она держала алюминиевый кувшин, а другой шарила в верхнем ящике.

— Ты не знаешь, где секретарь хранит ключи от кухни?

— Не знаю, — сказала Шерон. Сердце ее гулко билось.

— Мне нужна ложка, чтобы размешать шипучку, — выдвигая и задвигая боковые ящики стола, сказала Мириам. — Наверное, секретарь взяла ключи с собой домой. Ее можно понять. В прошлом месяце украли ключи в Первой Баптистской церкви. Там пришлось сменить все замки.

Шерон с тревогой поглядывала на дверь каминной.

— Ну ладно, — еще раз выдвинув верхний ящик, сказала Мириам. — Придется довольствоваться вот этим. — Она вытащила пластмассовую линейку. — Малыши не обидятся.

Мириам пошла было к двери, но остановилась:

— Они ведь еще не собрались?

— Нет, — сказала Шерон. — Они еще репетируют. Мне нужно позвонить мужу, попросить, чтобы он вынул индейку из морозильника.

— Я вытащу индейку, когда приду домой, — сказала Мириам и пошла в библиотеку, оставив дверь открытой.

Шерон немного подождала и набрала номер приюта. Занято. Она приподняла руку, чтобы свет из коридора падал на часы. В приюте сказали, что приедут через полчаса. К тому времени репетиция кончится и в коридоре будет полно народу.

Меньше чем через полчаса. Хор уже поет «Мирра для меня, горький аромат ее».

Осталось только «Ночь тиха» и потом «На радость миру», и ангелы ринутся за печеньем и шипучкой.

Шерон подошла к входной двери и выглянула наружу. Сотрудник приюта сказал, что температура ниже нуля, и действительно, автостоянку быстро засыпало снегом.

Нельзя в такую погоду выпускать людей на улицу босиком. Но и здесь их держать нельзя: в соседней комнате будут дети. Надо отвести их вниз.

Но куда? Только не в комнату хора. После представления хористы понесут туда папки для нот и балахоны, а дети побегут за своими пальто в комнаты для занятий воскресной школы. Кухня заперта.

В детскую? Возможно. Она на другом конце коридора, далеко от хора, но придется идти к лестнице мимо воскресной школы для взрослых, а там открыта дверь.

«Ночьти-и-ха, свя-та-а-я ночь», — донеслось из храма, затем звук оборвался, и Шерон услышала голос преподобной Фаррисон. Должно быть, та опять разъясняла, как опасно впускать в церковь бездомных.

Шерон еще раз бросила взгляд на дверь каминной и пошла в комнату воскресной школы для взрослых. Мириам расставляла на столе бумажные чашки. Она подняла голову:

— Дозвонилась мужу?

Шерон кивнула. Мириам смотрела на нее выжидающе.

— Можно съесть печенье? — спросила Шерон, чтобы что-нибудь сказать.

— Возьми звездочку. Малыши больше любят Санта-Клаусов и рождественские елки.

— Спасибо. — Схватив покрытую яркой желтой глазурью звездочку, Шерон вышла и прикрыла за собой дверь.

— Не закрывай, — крикнула Мириам. — Я хочу услышать, когда кончится репетиция.

Шерон открыла дверь наполовину (она боялась, что, если открыть меньше, Мириам подойдет и распахнет ее настежь) и неторопливо пошла в каминную.

Хор пел последний куплет из «Ночь тиха». Осталось только «На радость миру» и благословение. Открыта дверь или закрыта, надо увести молодых людей сейчас. Шерон открыла дверь каминной.

Они стояли там, где она оставила их, среди складных стульев, и Шерон точно знала, что они простояли так все время, пока ее не было.

Мужчина немного впереди женщины, также, как на улице, около двери церкви. Только это был не мужчина, а юноша, почти мальчик, с реденькой бородкой, как у подростка. Женщина была еще моложе, малышка лет десяти… Нет, очевидно, постарше: теперь, когда на них падал свет из полуоткрытой двери воскресной школы для взрослых, стало заметно, что девочка беременна.

Шерон как-то вдруг словно еще раз увидела все: неуклюжую грузность девочки и бородку почти мальчика; то, что они не стали садиться; то, что именно свет из двери воскресной школы для взрослых открыл ей не замеченное ранее. Она все еще соображала, скоро ли приедет фургон из приюта и как провести их мимо преподобной Фаррисон, но каким-то уголком сознания впитывала каждую мелочь, подтверждающую догадку, которая возникла, едва она открыла им дверь.

— Что вы здесь делаете? — прошептала Шерон, и мальчик беспомощно раскрыл ладони.

— Эркаш, — сказал он.

И все в том же уголке сознания у Шерон родился план. Она приложила палец к губам. Жест, вероятно, был известен мальчику, потому что и он, и девочка вдруг встревожились.

— Вам надо пойти со мной, — сказала Шерон.

Затем сознание будто отключилось. Они втроем почти бегом миновали открытую дверь, вышли на лестницу, и Шерон даже не слышала громыхания органа «На радость миру явился Господь», она только шептала: «Скорей. Скорей!» — а дети не знали, как спускаться по лестнице; девочка повернулась и стала сходить, пятясь и опираясь ладонями о верхние ступени, мальчик помогал ей одолевать ступеньку за ступенькой, словно они карабкались по

скалам. Шерон стала торопить девочку, и та чуть не споткнулась, но и это не привело Шерон в чувство.

Она шепнула: «Вот так!» — и пошла вниз по лестнице, держась рукой за перила, но они не обращали на нее внимания и продолжали спускаться задом, как дети, только начинающие ходить, и это длилось бесконечно долго; хор, который Шерон не слышала, уже допел третий куплет, а они прошли всего полпути, и все трое задыхались, и Шерон суетилась вокруг детей, точно это могло заставить их поторопиться, и думала, как же ей удастся подняться с ними по этой же лестнице, и надо позвонить в приют и отменить фургон, но главное — «Скорей, скорей» и «Как они сюда попали?». Шерон пришла в себя только тогда, когда девочка кое-как спустилась в нижний коридор и все трое подошли к детской; тогда она подумала: «Детская не может быть заперта, пожалуйста, пусть она будет не заперта» — и она оказалась не заперта, и Шерон ввела их внутрь, и закрыла дверь, и попыталась запереть ее, но замка не было, и Шерон догадалась: «Вот почему она не была заперта» — и с тех пор, как она открыла дверь каминной, это была первая ясная мысль.

Тяжело дыша, Шерон пристально смотрела на гостей: это *они,* их неумение спускаться по лестнице только доказывало это, но Шерон не нуждалась в доказательствах, едва лишь она увидела их, она уже знала, знала несомненно.

У нее мелькнула мысль, уж не галлюцинация ли это; бывает ведь, что добрым людям привидится на холодильнике лик Иисуса или Дева Мария, вся в белом и голубом, окруженная розами. Но с их грубых коричневых одеяний капал на ковер растаявший снег, ноги в бесполезных сандалиях покраснели от холода, и оба — и мальчик, и девочка — были слишком напуганы.

Они выглядели совсем не так, как на картинках. Очень маленького роста, волосы у мальчика грязные, лоснящиеся, лицо грубое, как у юного хулигана, покрывало девочки напоминало мятое полотенце, и оно не свисало свободно, а было обмотано вокруг шеи и завязано сзади узлом; и оба они были слишком молоды, почти как дети, изображающие их наверху.

Испуганно озираясь, они разглядывали белую детскую кроватку, кресло-качалку, свисающую с потолка лампу. Мальчик пошарил за поясом, достал кожаный мешочек, протянул его Шерон.

— Как вы сюда попали? — в удивлении сказала Шерон. — Вы должны были идти в Вифлеем.

Мальчик стал совать ей в руки мешочек, а когда Шерон не взяла его, развязал кожаную тесемку, вытащил плохо отшлифованную монету и подал ей.

— Мне не нужна плата, — сказала Шерон, хотя говорить было глупо: мальчик не мог понять ее. Тогда она оттолкнула монету и покачала головой. Это, кажется, всем понятный жест. А какой жест означает приветствие? Шерон улыбнулась и протянула руки.

— Добро пожаловать! — пробуя интонацией передать смысл слов, сказала она. — Садитесь. Отдыхайте.

Они продолжали стоять. Шерон пододвинула кресло-качалку.

— Садитесь, пожалуйста.

Лицо Марии выражало страх, Шерон положила ладони на ручки кресла и показала ей, как сесть. Иосиф сразу же опустился на колени, и Мария неуклюже попыталась последовать его примеру.

— Нет, нет! — Шерон так быстро вскочила с кресла, что оно закачалось как сумасшедшее. — Не становитесь на колени. Я никто. — Она в отчаянии посмотрела на них. — Как вы сюда попали? Вы должны быть не здесь.

Иосиф встал.

— Эркаш, — сказал он и подошел к доске объявлений. На доске были прикреплены цветные картинки из жизни

Иисуса: Иисус исцеляет хромого, Иисус во Храме, Иисус в Гефсиманском саду.

Иосиф показал на картинку, изображающую Рождество Христово.

— Кумрах, — сказал Иосиф.

«Может, он узнал себя», — подумала Шерон, но он показывал на стоящего рядом с яслями ослика.

— Эркаш, — сказал он. — Эркаш.

Это значит «осел»? Он спрашивает, куда Шерон дела осла или есть ли у нее осел? На всех картинках, во всех вариантах этой истории Мария едет на ослике, но Шерон подумала, что, должно быть, наше представление об этом, так же, впрочем, как и обо всем остальном, не соответствует действительности: у них совсем другие лица, другая одежда, а главное, они юны и беззащитны.

— Кумрах эркаш, — сказал мальчик. — Кумрах эркаш. Ботт лом?

— Не знаю, — сказала Шерон. — Я не знаю, где Вифлеем.

«И что с вами делать?» — подумала она. Ее первым побуждением было спрятать их в детской до окончания репетиции, до того, как все уйдут домой. Она не допустит, чтобы преподобная Фаррисон их обнаружила.

Конечно, как только преподобная Фаррисон поймет, кто они, она… что она сделает? Упадет на колени? Или вызовет фургон из ночлежки? «Уже вторая пара за сегодняшний вечер», — закрыв дверь, сказала преподобная Фаррисон. Шерон вдруг пришло в голову, что, возможно, преподобная Фаррисон выставила именно их, и они, испуганные и растерянные, побродили вокруг автостоянки, а потом опять постучали.

Шерон не позволит, чтобы преподобная Фаррисон их обнаружила, но той вроде и незачем спускаться в детскую. Все дети наверху, и угощение приготовлено в помещении воскресной школы для взрослых. Но что, если она перед тем, как запереть церковь, проверяет все комнаты?

«Я возьму их домой», — решила Шерон. Там они будут в безопасности. Если только удастся подняться по лестнице и покинуть автостоянку до конца репетиции.

«Мы спускались сюда, и никто нас не видел», — подумала Шерон. Но даже если получится, а это большой вопрос, и они не умрут от страха, когда машина тронется с места и Шерон пристегнет ремни безопасности, дома будет не лучше, чем в приюте.

Они заблудились из-за какого-то сбоя во времени и пространстве и оказались возле церкви. Обратный путь, если он есть, а он наверняка есть, ведь завтра вечером они должны прийти в Вифлеем, начинается отсюда.

Внезапно Шерон осенило, что, возможно, их не следовало впускать, так как путь назад начинается у северного входа. «Но я не могла их не впустить, — возразила она сама себе, — идет снег, а они почти босые».

А вдруг, если бы она их не Впустила, они сошли бы с крыльца и вернулись в свое время? Может, это еще осуществимо?

Шерон сказала:

— Подождите здесь, — и подняла руку, поясняя жестом свои слова, затем вышла из детской в коридор и плотно прикрыла дверь.

Хор все еще пел «На радость миру». Очевидно, у них опять был перерыв. Шерон бесшумно взбежала по лестнице и пронеслась мимо воскресной школы для взрослых. Дверь была полуоткрыта, на столе стояли тарелки с печеньем. Шерон открыла северный вход, секунду помешкала, будто ожидая увидеть песок и верблюдов, и выглянула наружу. Дождь со снегом все еще шел, на машины уже нанесло снега на несколько сантиметров.

Шерон поискала, чем бы подпереть дверь, чтобы она не захлопнулась, пододвинула к ней кадку с пальмой и вышла на крыльцо. Было скользко, и Шерон пришлось держаться за стену, чтобы не оступиться. Она медленно подошла к краю крыльца и стала всматриваться в падающую крупу, с трепетом надеясь увидеть что-то необычное, но что? Может быть, что дождь со снегом прекратился, или что где-то тьма сгустилась еще больше, или, наоборот, вдруг стала не так черна? Вдруг где-нибудь вспыхнет огонек?

Но ничего не было видно, и Шерон так же осторожно, как Мария и Иосиф сходили с лестницы, спустилась с крыльца и обошла вокруг стоянки.

Нет. Если путь назад и пролегает здесь, он откроется не сейчас, а достаточно постоять на этом месте еще немного, и она просто замерзнет. Вернувшись в церковь, Шерон встала у порога, глядя на дверь, пытаясь сообразить, что делать. «Мне необходима помощь», — думала она, сжимая холодные руки. Надо кому-нибудь рассказать. Она пошла по коридору в храм.

Орган умолк.

— Мария и Иосиф, мне нужно с вами поговорить, — услышала Шерон голос Розы. — Пастухи, оставьте посохи на скамье. Остальные могут идти в комнату воскресной школы для взрослых, там приготовлено угощение. Хор, не уходите. Придется повторить некоторые отрывки.

Послышался стук палок и страшный топот. Пастухи едва не сбили Шерон с ног. Один из волхвов запутался в своем одеянии и чуть не упал, двое ангелов в суматохе потеряли парчовые венчики.

Наконец Шерон пробилась сквозь эту толпу. Роза в боковом проходе показывала Марии и Иосифу, как надо идти, хор собирал ноты. Ди нигде не было.

Вирджиния спустилась в центральный проход, на ходу снимая балахон. Шерон подошла к ней:

— Ты не знаешь, где Ди?

— Ушла домой. — Вирджиния протянула Шерон папку с нотами. — Ты оставила папку на стуле. У Ди совсем сел голос, и я ей сказала: «Это глупо. Иди домой и ложись».

— Вирджиния… — начала было Шерон.

— Ты можешь взять мой балахон? — спросила Вирджиния. — Мне нужно через десять минут быть на ярмарке.

Шерон рассеянно кивнула. Вирджиния бросила балахон ей в руки и поспешила к выходу. Шерон стала оглядывать хор, думая, кому еще она может довериться.

Роза отпустила Марию и Иосифа, которые тут же убежали, и повернулась к центральному проходу.

— Репетиция завтра вечером в 6.15, — сказала она. — В это время вы должны быть здесь уже в балахонах, потому что в 6.40 у меня занятия с духовым квартетом. Вопросы есть?

«Есть, — оглядываясь вокруг, мысленно ответила Шерон. — Кто мне поможет?»

— Какой гимн мы поем? — поинтересовался тенор.

— «Adeste fidèles», — сказала Роза. — Перед уходом давайте построимся, чтобы каждый видел, кто его партнер.

Преподобный Уолл сидел на задней скамье и просматривал заметки к своей проповеди. Шерон нерешительно прошла вдоль скамьи и подсела к нему.

— Преподобный Уолл! — Она запнулась, не зная, как начать. — Вы не скажете, что значит слово «эркаш»? Мне кажется, это по-древнееврейски.

Оторвавшись от заметок, он пристально посмотрел на Шерон:

— По-арамейски. Это значит «потеряться».

Они потерялись. Вот что пытался сказать мальчики у двери, и в каминной, и внизу. «Мы потерялись».

— «Заблудиться», — продолжал преподобный Уолл. — «Попасть не туда».

«Попасть не туда», хорошенькое «не туда». Проскочить две тысячи лет, океан и еще невесть сколько миль по суше.

— Когда Мария и Иосиф направились из Назарета в Вифлеем, как они шли? — спросила Шерон, надеясь, что он скажет: «Почему вы задаете все эти вопросы?» — и тогда она откроет ему, но он сказал:

— А! Вы не слушали мою проповедь. Мы ничего не знаем об этом путешествии, кроме того, что они пришли в Вифлеем.

«Но такими темпами, как сегодня, они не придут», — подумала Шерон.

— Сдайте листы с гимном, — говорила тем временем Роза. — У меня всего тридцать

экземпляров, и я боюсь, что завтра вечером не хватит.

Шерон подняла голову. Хор начал расходиться.

— Во время этого путешествия они могли где-нибудь потеряться? — торопливо спросила Шерон.

— «Эркаш» также означает «спрятанный», «скрытый от глаз», — ответил преподобный Уолл. — Арамейский очень похож на древнееврейский. В древнееврейском это слово…

— Преподобный Уолл! — В центральном проходе появилась преподобная Фаррисон. — Мне нужно поговорить с вами о благословении.

— А! Вы хотите, чтобы я дал его сейчас? — Преподобный Уолл поднялся, не выпуская из рук свои бумажки.

Шерон поспешно схватила папку с нотами и побежала вниз вслед за хором.

Хористам незачем было идти в детскую, но Шерон остановилась в коридоре и начала перебирать ноты в папке, словно желая привести их в порядок. При этом она судорожно размышляла, что же ей предпринять.

Может, если все отправятся в комнату хора, она прошмыгнет в детскую или в одну из комнат воскресной школы и спрячется там до тех пор, пока все не уйдут. Но, возможно, преподобная Фаррисон перед уходом проверяет все комнаты. А возможно, и того хуже, запирает их.

Шерон могла бы сказать, что ей надо посидеть подольше и переписать гимн, но она сомневалась, доверит ли ей преподобная Фаррисон ключи от церкви, а Шерон не хотела привлекать к себе внимание, не хотела, чтобы преподобная Фаррисон подумала: «А где Шерон Энглерт? Я не видела, как она ушла». Пожалуй, можно спрятаться за алтарем или в цветочной, но это значит оставить детскую без присмотра.

Нужно решать. Толпа редела, хористы отдавали Розе ноты и надевали пальто. Нужно что-то делать. В любую минуту преподобная Фаррисон может спуститься по лестнице и проверить детскую. Шерон все стояла, машинально перебирая ноты, пока не увидела сходящую по лестнице преподобную Фаррисон со связкой ключей.

Подобно Иосифу, Шерон, будто защищаясь, отступила назад, но преподобная Фаррисон даже не заметила ее, она подошла к Розе и спросила:

— Вы можете вместо меня запереть двери? Мне надо в 9.30 быть в лютеранской церкви и собрать пожертвования «Для малых сих».

— Я собиралась позаниматься с духовым квартетом… — недовольно сказала Роза.

«Не дайте Розе увильнуть», — подумала Шерон.

— Убедитесь, что заперты все двери, особенно в зал общины, — подавая Розе ключи, сказала преподобная Фаррисон.

— У меня есть свои, — сказала Роза. — Но…

— И проверьте автостоянку. Вокруг нее околачивались какие-то бездомные. Спасибо.

Преподобная Фаррисон побежала наверх, а Шерон тут же подошла к Розе.

— Роза, — окликнула она.

Та протянула руку, собираясь взять ноты. Шерон, порывшись в папке, подала их Розе.

— А можно… — Шерон старалась говорить как можно небрежнее. — Мне бы нужно остаться и порепетировать. Я была бы рада запереть двери. Я могу завезти вам домой ключи завтра утром.

— Ты не представляешь, как ты меня выручила, — обрадовалась Роза. Она отдала Шерон пачку нот и достала из кошелька ключи. — Вот ключ от входной двери, от северного входа, от восточного входа, от зала общины. — Роза говорила так быстро, что Шерон не успевала разглядеть, какой ключ от какой двери, но это уже не имело значения. Только бы все разошлись, а потом она разберется.

— Этот от комнаты хора, — закончила Роза и отдала ключи Шерон. — Я тебе очень благодарна. Духовой квартет не мог прийти на репетицию, у них сегодня концерт, а мне на самом деле нужно порепетировать с ними входную песнь. У них что-то не ладится.

«У меня тоже», — подумала Шерон. Роза накинула пальто.

— А потом еще надо зайти к Мириам Берг, забрать младенца Иисуса. — Она наполовину натянула рукав, но вдруг остановилась. — Может, ты хочешь, чтобы я осталась и позанималась с тобой?

— Нет! — испугалась Шерон. — Нет, я сама. Я просто несколько раз пропою все от начала до конца.

— Хорошо. Замечательно. Еще раз спасибо. — Роза похлопала себя по карманам, потом взяла у Шерон связку ключей и сняла с нее ключ от машины. — Ты не представляешь, как ты меня выручила, правда. — Роза быстро побежала вверх по лестнице.

Появились, натягивая перчатки, две контральто.

— Знаешь, что мне предстоит дома? — спросила Джулия. — Установить елку.

Они подали свои ноты Шерон.

— Терпеть не могу Рождество, — сказала Карен. — Когда праздник кончится, я буду как выжатый лимон.

Продолжая разговаривать, они тоже поспешили наверх, а Шерон отправилась в комнату хора, чтобы убедиться, что там никого нет. Бросила ноты и балахон Вирджинии на кресло, сняла свой балахон и поднялась по лестнице.

Мириам выходила из двери воскресной школы для взрослых с кувшином шипучки в руках.

— Скорей, Элизабет! — крикнула она. — Нам нужно до закрытия успеть в магазин. Она ухитрилась совершенно испортить свой венчик, — обратилась Мириам к Шерон, — придется купить еще кусок парчи. Элизабет, все уже ушли.

Элизабет сдвинулась с места, в руке она держала печенье в форме рождественской елки. Она остановилась на полпути, слизывая глазурь.

— Элизабет, — снова позвала Мириам. — Скорей.

Шерон открыла им входную дверь, и Мириам вышла, нагнув голову, стараясь спрятать ее от снега. Элизабет плелась за ней, глядя вверх на густо падающий снег.

Мириам помахала рукой.

— До завтра.

— Да-да, я буду здесь, — сказала Шерон и закрыла дверь. «Я все еще буду здесь», — подумала она. А что, если они

тоже? Что тогда? Рождественского представления не будет и вообще ничего не. будет? Ни печенья, ни беготни по магазинам, ни «Барби на школьном балу»? Ни церкви?

Шерон смотрела сквозь витражное стекло, пока не увидела, как лилово вспыхнули задние фары и автомобиль с Мириам и Элизабет выехал со стоянки, тогда, перепробовав один за другим несколько ключей, она нашла нужный и заперла дверь.

Быстро заглянув в храм и в ванные и убедившись, что там никого нет, Шерон побежала вниз по лестнице в детскую, чтобы удостовериться, что Мария и Иосиф еще там, что они не исчезли.

Они были там. Они сидели на полу рядом с креслом-качалкой и ели что-то похожее на сушеные финики, разложенные на тряпице. Как только Шерон просунула голову в дверь, Иосиф сделал движение, чтобы подняться, но Шерон сделала ему знак сесть снова.

— Оставайтесь здесь, — мягко сказала она и сообразила, что разговаривать шепотом нет необходимости. — Я вернусь через несколько минут. Только запру двери.

Плотно закрыв дверь, она снова пошла наверх. Ей как-то не приходило в голову, что Мария с Иосифом могут проголодаться, и она понятия не имела, к какой пище они привыкли: может, они едят мацу? Или баранину? Ни того, ни другого на кухне нет, но на прошлой неделе у дьяконов был предрождественский ужин. Если повезет, в холодильнике, может, найдется красный перец. Или даже лучше — сухое печенье.

Кухня была заперта. Шерон забыла, что Мириам говорила ей об этом, но должен же один из ключей быть от этой двери. Дверь не поддавалась. Дважды перепробовав все ключи, она вспомнила, что это ключи Розы, а не преподобной Фаррисон. Тогда Шерон отправилась в зал общины и зажгла свет. Здесь были тонны еды, рядом с одеялами и игрушками на столе

высились целые горы консервных банок. Не случайно преподобная Фаррисон говорила именно о консервах.

Шипучку Мириам унесла домой, но печенье она, кажется, не взяла. «Может, дети не все съели». Шерон пошла в комнату воскресной школы для взрослых. На бумажной тарелке лежали только желтые звездочки. Мириам была права: детям больше нравятся рождественские елки и Санта-Клаусы. На столе стояли еще бумажные чашки. Шерон взяла тарелку с остатками печенья и чашки и пошла вниз.

— Я принесла вам поесть, — сказала она и поставила тарелку на пол между Марией и Иосифом.

Они не сводили с Шерон встревоженных глаз, Иосиф медленно поднимался на ноги.

— Это еда, — поднимая руку ко рту и делая вид, что жует, сказала Шерон. — Печенье.

Иосиф потянул Марию за руку, стараясь помочь ей встать, и они оба в ужасе уставились на джинсы и свитер Шерон. Шерон вдруг поняла, что они, наверное, не узнали ее без балахона. Хуже того, мантия хоть немного напоминала их одежду, а такой костюм, конечно, напугал их.

— Я принесу вам попить, — поспешно сказала Шерон, показывая на бумажные чашки, и вышла.

Сначала она побежала вниз, в комнату хора. Ее балахон валялся на ручке кресла, там, где она его бросила, рядом с балахоном Вирджинии и нотами. Шерон надела балахон, наполнила бумажные чашки водой из питьевого фонтанчика и понесла их в детскую.

Мария и Иосиф стояли, однако, увидев Шерон в балахоне, они опять сели. Шерон протянула Марии бумажную чашку, но та только со страхом посмотрела на этот сосуд. Тогда Шерон подала чашку Иосифу. Он так крепко схватил ее, что чашка смялась, и вода брызнула на ковер.

— Ничего, это не важно, — мысленно обзывая себя идиоткой, сказала Шерон. — Я принесу вам настоящую чашку.

Она бросилась наверх, пытаясь вспомнить, где можно найти чашку. Кофейные чашки — в кухне, стаканы тоже, в зале общины и в воскресной школе для взрослых Шерон посуды не видела.

Внезапно она улыбнулась:

— Я принесу вам настоящую чашу. — Она пошла в комнату воскресной школы для взрослых и взяла из витрины серебряный потир общины.

Еще там были серебряные тарелки. Шерон пожалела, что не догадалась сделать это раньше.

Она заскочила в зал общины, взяла одеяло и понесла все это вниз. Наполнив потир водой, она пошла в детскую и подала потир Марии. На этот раз Мария без колебаний взяла чашу и сделала несколько больших глотков. Шерон протянула Иосифу одеяло.

— Я оставлю вас одних, чтобы вы поели, и отдохнули, — сказала Шерон и, прикрыв дверь, вышла в коридор.

Сама она направилась в комнату хора, повесила балахон Вирджинии, сложила ноты аккуратной стопкой на столе. Затем прошла в каминную, убрала с прохода складные стулья и прислонила их к стене. Проверила восточный выход и зал общины. Обе двери были заперты.

Шерон уже выключила свет, но вспомнила, что надо позвонить в приют, и опять зажгла лампы. Прошел час. Вероятно, они приезжали и никого не нашли, но на всякий случай лучше позвонить: вдруг фургон запаздывает?

Занято. Шерон дважды набрала номер, потом позвонила домой. В гостях были родители Билла.

— Я вернусь поздно, — сказала Шерон. — Репетиция задерживается. — И повесила трубку, мысленно подсчитывая, сколько раз за сегодняшний вечер ей пришлось врать.

Ну что ж, если здесь все так делают? Иосиф делает вид, что Младенец его, волхвы возвращаются другим путем, чтобы не предать Ироду Божественного Младенца, Святое семейство прячется, а потом бежит в Египет, и хозяин гостиницы посылает солдат Ирода по

ложному следу.

А сейчас опять игра в прятки. Шерон вернулась вниз, легко, стараясь не спугнуть Марию и Иосифа, приоткрыла дверь и стала наблюдать.

Они съели печенье. На пустой бумажной тарелке не осталось ни крошки. Мария лежала, как ребенок, свернувшись калачиком, а Иосиф сидел спиной к креслу и охранял ее.

«Бедные дети», — прижимаясь щекой к двери, подумала Шерон. Бедные дети. Такие юные и так далеко от дома. Шерон стало интересно, о чем они думают. Может, считают, что забрели в какое-то странное царство и попали во дворец? «Дальше будет еще более странно, — подумала Шерон, — пастухи, ангелы, волхвы, которые пришли с Востока и принесли шкатулки с драгоценностями и флаконы с благовониями». А потом Кана. И Иерусалим. И Голгофа.

А пока они нашли место для ночлега, крышу над головой, и немного еды, и несколько минут покоя. «Тих и сладок твой сон». Шерон долго стояла, прижавшись щекой к дверному косяку, и смотрела, как спит Мария и как старается бодрствовать Иосиф.

Однако голова его стала клониться; пытаясь стряхнуть сон, он вскинул голову и увидел Шерон. Тут же осторожно встал, стараясь не потревожить Марию, и подошел к Шерон. На его лице было написано беспокойство.

— Эркаш кумрах, — повторил он. — Ботт лом?

— Я поищу дорогу, — ответила Шерон.

Она поднялась по лестнице, снова включила свет и пошла в зал общины. У северного входа путь назад не начинается, но, возможно, раньше они стучали в какую-нибудь другую дверь, а потом, когда никто не открыл, обошли здание. Вход в зал общины — на северо-западе. Пробуя один ключ за другим, Шерон отперла дверь и выглянула на улицу. Дождь со снегом хлестал все сильнее. Снег уже засыпал следы шин на автостоянке.

Шерон закрыла дверь и пошла к восточному входу, которым пользовались только во время воскресной службы, потом — снова к северному. Ничего. Крупа, ветер и ледяной воздух.

Что же теперь? Они шли из Назарета в Вифлеем и где-то повернули не туда. Но как? Где? Шерон даже не знает, в каком направлении они шли. «В глубь страны». Иосиф шел из Назарета в глубь страны, это значит на север, и в Евангелии от Матфея сказано, что звезда была на северо-западе.

Нужна карта. Кабинеты священников заперты, но в воскресной школе для взрослых на нижней полке под витриной лежат книги. Может, там есть атлас?

Атласа не оказалось. Одни только книги по самопомощи — как преодолеть горе, о взаимной поддержке, о подростковой беременности, а в дальнем углу — древнего вида алфавитный указатель к Библии и Библейский словарь.

На последних страницах Библейского словаря помещались карты. Древнееврейские поселения в Ханаане, Ассирийское царство, исход древних евреев по пустыне. Шерон листала дальше. Путешествия апостола Павла. Она перевернула еще страницу. Палестина во времена Нового Завета.

Шерон без труда нашла Иерусалим, а Вифлеем должен быть к северо-западу от Иерусалима. Вот Назарет, откуда вышли Мария и Иосиф, значит, Вифлеем дальше к северу.

Вифлеема не было. Шерон водила пальцем по карте, читая крошечные надписи. Вот Кана, вот Вифсаида, а Вифлеема нет. Ерунда какая-то! Он должен быть здесь. Шерон начала с севера, обводя ногтем каждый город…

Вифлеем оказался совсем не там, где она думала. «И они тоже», — пришло ей в голову. Вифлеем стоял к юго-западу от Иерусалима, так близко, каких-то несколько миль.

Шерон посмотрела на масштаб и увидела вклейку: «Путешествие Марии и Иосифа в Вифлеем» — путь обозначен красным пунктиром.

Вифлеем находился почти прямо к югу от Назарета, но они шли на восток до реки

Иордан, а потом к югу вдоль берега. У Иерихона они свернули на запад к Иерусалиму и пошли через закрашенное на карте коричневым пространство, которое значилось как пустыня.

А не здесь ли они заблудились? Может, ослик пошел искать воду, а они за ним, вот и сбились с дороги. Если так, значит, путь назад лежит к юго-западу, но в церкви нет дверей, открывающихся в этом направлении, а даже если б и были, все равно там падал бы снег и виднелась автостоянка двадцатого века, а не Палестина первого.

Как они сюда попали? Нет, карта не могла подсказать, что произошло во время путешествия.

Шерон положила словарь на место и вытащила алфавитный указатель к Библии.

Послышался звук поворачивающегося в замке ключа: кто-то открывал дверь. Шерон захлопнула книгу, быстро сунула ее на полку и вышла в коридор. У двери стояла перепуганная преподобная Фаррисон.

— Ох, это вы, Шерон. — Она приложила руку к груди. — Что вы здесь делаете так поздно? Вы меня до полусмерти перепугали.

«А вы меня».

— Мне надо было порепетировать, — сказала Шерон. — Я обещала Розе, что запру двери. Что случилось? Почему вы вернулись?

— Мне позвонили из приюта, — открывая дверь канцелярии, сказала преподобная Фаррисон. — Из нашей церкви их просили забрать бездомную пару, но, когда они приехали, на улице никого не оказалось.

Она вошла в канцелярию и заглянула в угол за письменный стол, туда, где были выдвижные ящики.

— Я беспокоюсь, что бездомные проникли в церковь. Не хватает только, чтобы кто-нибудь осквернил храм за два дня до Рождества. — Она заперла дверь канцелярии. — Вы все двери проверили?

«Да, — подумала Шерон. — И ни одна никуда не ведет».

— Да, — сказала она. — Все двери заперты. И потом, я бы услышала, если бы кто-нибудь пытался войти. Я ведь слышала, как вы открывали дверь.

Преподобная Фаррисон заглянула в каминную.

— Они могли проскользнуть внутрь и спрятаться, когда все уходили домой.

Она осмотрела сваленные в кучу складные стулья и, закрыв дверь, пошла по коридору к лестнице.

— Я все проверила, всю церковь, — следуя за ней, говорила Шерон.

Преподобная Фаррисон остановилась на лестнице и задумчиво посмотрела вниз.

— Когда я осталась одна, мне сделалось не по себе, — в отчаянии повторила Шерон, — я везде включила свет и проверила все комнаты для занятий воскресной школы, хора и ванные. Там никого нет.

Преподобная Фаррисон подняла голову и посмотрела в конец коридора:

— А в храме?

— Что в храме? — тупо переспросила Шерон.

Но преподобная Фаррисон уже шла по коридору, и Шерон вслед за ней. Она почувствовала облегчение и внезапную надежду. Может быть, там есть дверь, которую она пропустила. Дверь храма, выходящая на юго-запад.

— Разве там есть дверь?

Преподобная Фаррисон была раздосадована.

— Если кто-нибудь вышел из восточной двери, они могли войти и спрятаться в храме. Вы проверили скамьи? В последнее время мы столько натерпелись от бездомных, которые спали на скамьях. Вы идите по той стороне, а я по этой. — Преподобная Фаррисон устремилась по боковому проходу. Она шла вдоль рядов обитых тканью скамей, наклонялась и заглядывала под каждую. — В церкви Скорбящей Божьей Матери утащили серебро общины прямо с алтаря.

«Серебро общины», — пробираясь между рядами, подумала Шерон. Она и забыла о потире.

Преподобная Фаррисон подошла к первой скамье. Открыла дверь цветочной комнаты, заглянула внутрь, закрыла и вошла в алтарь.

— Вы проверили воскресную школу для взрослых? — нагибаясь и заглядывая под стулья, спросила она.

— Там никто не мог спрятаться. Там было устроено угощение для младшей группы хора. — Шерон понимала, что говорить бесполезно.

Преподобная Фаррисон все равно будет настаивать на проверке каждой комнаты, и, когда обнаружит, что витрина открыта, а потир пропал, она одну задругой начнет обыскивать все остальные комнаты. Пока не доберется до детской.

— Вы думаете, мы правильно поступаем? — попробовала остановить ее Шерон. — Я хочу сказать, что, если кто-то проник в церковь, это могут быть опасные люди. Мне кажется, надо подождать. Я позвоню мужу, и, когда он приедет, мы втроем обыщем…

— Я вызвала полицию, — сходя со ступеней алтаря и направляясь к центральному проходу, проговорила преподобная Фаррисон. — Машина приедет с минуты на минуту.

Полицию! А они здесь, прячутся в детской, хулиган с бородкой и беременная девочка, и их поймают на месте преступления с серебром общины.

Преподобная Фаррисон вышла в коридор.

— Я не проверила зал общины, — нашлась наконец Шерон. — То есть я закрыла дверь, но я не включала свет, а там все эти подарки для бездомных…

Она повела преподобную Фаррисон по коридору мимо лестницы.

— Они могли во время репетиции войти в северную дверь и спрятаться под столом.

Преподобная Фаррисон остановилась у щита с выключателями, щелкнула каким-то — свет в храме погас, но загорелась лампа над лестницей.

«Третий сверху, — отметила Шерон, следя за действиями преподобной Фаррисон. — Пожалуйста. Не надо включать свет в воскресной школе для взрослых!»

Лампы в канцелярии зажглись, в коридоре погасли.

— После Рождества нужно первым делом пометить выключатели, — сказала преподобная Фаррисон. В зале общины загорелся свет.

Шерон дошла с ней до самой двери и, как только преподобная Фаррисон вошла в зал, сказала:

— Вы посмотрите здесь. А я проверю воскресную школу для взрослых, — и прикрыла дверь.

Подойдя к двери воскресной школы для взрослых, она отперла ее, чуть-чуть помедлила, затем снова тихо закрыла. Проскользнула по коридору к щиту с выключателями, погасила свет на лестнице и в темноте кинулась по ступенькам вниз и дальше по коридору, в детскую.

Дети уже встали. Чтобы было легче подняться на ноги, Мария уцепилась за сиденье кресла-качалки, и кресло пришло в движение, но Мария не отпускала руку.

— Пойдемте со мной, — схватив потир, прошептала Шерон. Чаша была наполовину полна, Шерон оглянулась, потом выплеснула воду на ковер и зажала потир под мышкой.

— Скорей! — открывая дверь, прошептала Шерон, но поняла, что нет нужды торопить их и прикладывать палец к губам.

Они молча быстрым шагом пошли за ней по коридору; Мария, наклонив голову, Иосиф, готовый прийти ей на помощь и защитить.

Они приближались к лестнице, и Шерон боялась даже подумать о том, как они будут подниматься. Она было подумала спрятать их в комнате хора и запереть. У нее есть ключ, и она может попробовать убедить преподобную Фаррисон, что проверила эту комнату и заперла, чтобы никто туда не вошел. Нет, не годится, Иосиф и Мария окажутся в ловушке. Придется подняться с ними по лестнице.

У подножия лестницы она задержалась, оглядела лестничную площадку и

прислушалась.

— Надо спешить. — Шерон взялась за перила, чтобы показать им, как идти вверх по ступенькам, и пошла.

Сейчас у них получалось гораздо лучше, они все еще хватались ладонями за верхние ступеньки, но двигались быстро. Преодолев три четверти пути, Иосиф даже взялся за перила.

Шерон тоже почувствовала себя гораздо лучше, она спокойно размышляла, что сказать полиции и где спрятать детей.

Только не в каминной, хотя преподобная Фаррисон туда уже наведывалась. Это слишком близко к двери, а полиция начнет с коридора. И не в храме. Там все на виду.

Шерон остановилась, не доходя нескольких ступенек до верха, и сделала знак Марии и Иосифу, они сразу же застыли в темноте. Почему их все понимают — знаки предостерегающие, призывающие к молчанию или к бегству? «Потому что мир полон опасностей во все времена, — подумала Шерон, — и никогда не знаешь, что ждет впереди». Царь Ирод и бегство в Египет. И Иуда. И полиция.

Прокравшись наверх, она посмотрела в сторону храма, а затем на дверь. Преподобная Фаррисон, наверное, все еще в зале общины. В коридоре ее не было. Если бы она отправилась в воскресную школу для взрослых, то обнаружила бы пропажу потира и подняла бы крик.

Шерон закусила губу и подумала, успеет ли она вернуть потир на место. Для этого нужно решиться оставить детей на лестнице, прошмыгнуть в комнату и поставить чашу в витрину. Нет, слишком поздно. Полиция уже здесь. Шерон увидела через витражное стекло лиловые отблески фар. Через минуту полицейские постучат в дверь, преподобная Фаррисон выйдет из зала общины. Нет, времени не осталось.

Придется спрятать детей в храме, пока преподобная Фаррисон пойдет с полицией вниз, а потом перейти с Марией и Иосифом, но куда? В каминную? Слишком близко к двери. В зал общины?

Шерон помахала, чтобы они поднялись наверх (жест Джона Уэйна[23] в одном из военных фильмов), и повела их по коридору. Преподобная Фаррисон выключила лампы, но света, идущего от креста на алтаре, было достаточно. Шерон положила потир на последнюю скамью и прошла с Марией и Иосифом вдоль заднего ряда в боковой проход, затем пропустила их вперед, а сама прислушалась, не стучат ли.

Иосиф шел впереди, опустив глаза, словно ожидая, что сейчас снова появятся ступеньки, а Мария подняла голову и устремила взгляд к алтарю. Она смотрела на крест.

«Не смотри туда, — мысленно сказала Шерон. — Не смотри туда». И заспешила к двери цветочной.

Раздался приглушенный звук, словно отдаленный гром, с шумом захлопнулась какая-то дверь.

— Сюда, — прошептала Шерон, открывая дверь цветочной.

Когда преподобная Фаррисон проверяла эту комнату, Шерон стояла в другом конце храма. Теперь она поняла, почему преподобная Фаррисон так быстро вышла. В цветочной и раньше было тесно, а теперь сюда впихнули еще пальмы и ясли и в них свалили остальной реквизит: фонарь трактирщика, одеяло Младенца. Шерон отодвинула ясли, их сбитые крест-накрест ножки задели пюпитр, и он опрокинулся. Шерон подхватила его, поставила и, прислушиваясь, замерла.

В коридоре стук. Хлопнула дверь. Голоса. Шерон отодвинула пюпитр и стала проталкиваться с Марией и Иосифом в глубь комнаты; чуть не опрокинув еще один пюпитр, она наконец пробилась с Марией в угол к кусту роз.

Шерон показала Иосифу, чтобы он встал с другой стороны, и прижалась к пальме, пропуская его, потом закрыла дверь и тут же поняла, что совершила ошибку.

---

[23] Джон Уэйн (1907–1979) — американский киноактер. Снимался в вестернах и военных фильмах.

Они не могут неподвижно стоять в темноте, а достаточно им пошевелиться, как все кругом с грохотом полетит на пол. И Марии неудобно долго стоять, скорчившись в углу.

Надо было оставить дверь приоткрытой; свет, струящийся от креста, позволял бы им все видеть, и она услышала бы приближение полиции. А с закрытой дверью ничего не слышно, кроме легкого дыхания детей, да еще, когда Шерон попыталась встать поудобнее, задребезжал фонарь. Опять открыть дверь очень опасно, ведь, возможно, Шерон уже ищут. Ей нужно было запереть Марию и Иосифа здесь, вернуться и придумать, как сбить с толку полицию. А теперь преподобная Фаррисон вот-вот хватится ее, а если не найдет, посчитает это еще одним доказательством пребывания в церкви преступников и уж не успокоится, пока полиция не облазит все закутки.

«Может, удастся пройти через хоры, — подумала Шерон, — надо только отодвинуть пюпитры или переставить вещи так, чтобы Мария и Иосиф могли за ними спрятаться, но в такой темноте ничего не получится».

Шерон медленно, осторожно, стараясь держаться прямо, опустилась на колени и нащупала сзади себя ясли. Она водила ладонью по колючей соломе, пока не нашла одеяло Младенца. Должно быть, волхвы бросили в ясли свои флаконы благовоний. Когда Шерон вытаскивала одеяло, стекло зазвенело.

Она нагнулась пониже и засунула одеяло в узкую щель под дверью. Затем осторожно выпрямилась и стала искать на стене выключатель.

Нащупала его. «Пожалуйста, — молилась Шерон, — пусть свет зажжется здесь, а не где-нибудь еще». Она щелкнула выключателем.

Они не сдвинулись, даже не пошевелились. Прижатая к розам, Мария затаила дыхание, а потом медленно выдохнула, как будто до этого вообще не дышала.

Они наблюдали, как Шерон, стоя на коленях, засовывает под дверь угол одеяла, а затем медленно поворачивается к ним. Вот она протянула руку, взяла один из пюпитров и пододвинула его к стене. Она действовала так неспешно и осторожно, словно обезвреживала бомбу. Шерон снова протянула руку через ясли, подняла пюпитр, поставила его на солому так, чтобы можно было отодвинуть ясли подальше и освободить побольше места. Пюпитр наклонился, и Иосиф помог его выпрямить.

Подняв одну из картонных пальм, она открепила фанерный ствол и поставила его В ясли, а пальму прислонила к стене около Марии. Сделала то же самое с еще одной пальмой.

Немного места освободилось. Остальные пюпитры так и останутся стоять: их металлические каркасы сцеплены. У внешней стены был высокий металлический шкаф, перед которым наставили горшков с лилиями. Лилии по крайней мере можно поднять на шкаф.

С минуту Шерон внимательно слушала, приложив ухо к двери, а затем осторожно переступила через ясли и подошла к лилиям. Наклонилась, взяла один горшок, поставила на шкаф, но вдруг нахмурилась и остановилась. Потом снова нагнулась и стала водить рукой по полу, будто рисуя полукруг.

Из-за шкафа потянуло холодом. Шерон приподнялась на носки и заглянула за шкаф.

— Здесь дверь, — прошептала она. — Наружу.

— Шерон! — звал приглушенный голос.

Мария оцепенела, Иосиф встал между ней и дверью. Шерон ждала, прислушиваясь, положив руку на выключатель.

— Миссис Энглерт! снова позвал мужской голос. Другой мужчина откуда-то издалека сказал:

— Ее машина еще здесь.

А потом раздался голос преподобной Фаррисон:

— Может, она пошла вниз?

Тишина. Шерон прижалась ухом к двери, послушала, а затем боком пробралась мимо Иосифа к шкафу и снова заглянула за него. Дверь открывалась на улицу. Шкаф не придется особенно двигать, только немного, чтобы можно было протиснуться и открыть дверь. Тогда

все пройдут, даже Мария.

С этой стороны около церкви растут кусты. Можно спрятаться, пока не уедет полиция.

Шерон сделала знак Иосифу, чтобы он ей помог, и вдвоем они слегка отодвинули шкаф от стены. Один горшок с лилией упал, Мария неловко наклонилась, подняла горшок и взяла его в руки, как младенца.

Шерон и Иосиф вновь толкнули шкаф. Теперь внутри что-то забренчало, точно там было полно вешалок, и Шерон показалось, что она опять слышит голоса. Но делать было уже нечего. Она пролезла в узкий проход, подумала: а вдруг заперто?.. И открыла дверь.

За дверью было тепло. Темное, усеянное звездами чистое небо.

— Что это… — глядя себе под ноги, как-то глуповато произнесла Шерон.

Земля была каменистая. Дул легкий ветерок, донося запах пыли и чего-то сладкого. Может, апельсинов?

Шерон повернулась, чтобы сказать: «Я нашла ее. Я нашла дверь» — но Иосиф уже отодвинул побольше шкаф, сделал проход пошире и повел через него Марию. Мария все еще несла лилию, Шерон взяла у Марии горшок, подперла им дверь, чтобы не закрылась, и вышла в темноту.

Свет из открытой двери падал на землю, по краю освещенного пространства пролегла узкая полоска, которую Шерон приняла за тропинку. Подойдя поближе, она увидела, что это пересохшее русло ручья. За ним круто вздымался скалистый склон. Должно быть, сейчас они в нижней части бассейна реки, и Шерон подумала, не здесь ли Мария и Иосиф заблудились.

— Ботт лом? — сказал позади Шерон Иосиф. Она обернулась.

— Ботт лом? — разводя руками, как в детской, снова спросил он.

Куда идти?

Шерон понятия не имела. Дверь выходила на запад. Если они действительно находятся в пустыне, Вифлеем — к юго-западу отсюда.

— Туда, — Шерон показала на самый крутой склон. — Мне кажется, вам надо идти туда.

Они не сдвинулись с места. Они стояли и смотрели на нее, Иосиф немного впереди Марии; они ждали, что Шерон их поведет.

— Я не могу… — начала Шерон и осеклась.

Бросить их здесь — все равно что бросить в каминной. Или под снегом. Шерон оглянулась на дверь, почти желая, чтобы появилась преподобная Фаррисон с полицией… И пошла на юго-запад; она неуклюже карабкалась по склону, туфли скользили на камнях.

Как это им удается, да еще с осликом, цепляясь за пучки высохшей травы, удивлялась Шерон. Сможет ли Мария подняться по этому склону? Шерон в тревоге обернулась.

Мария и Иосиф шли легко и уверенно, как Шерон по лестнице.

А что, если, поднявшись, они увидят такой же склон или обрыв? И никакой тропинки? Втыкая в землю носки туфель, Шерон поднималась все выше.

Неожиданно послышался какой-то звук. Шерон быстро оглянулась на дверь, но та по-прежнему была полуоткрыта, раму подпирал горшок с лилией, за ним стояли ясли.

Снова раздался скрип, теперь ближе, Шерон услышала шарканье, а потом резкий крик.

— Это ослик, — сказала она, и он засеменил к ней, словно был рад увидеть ее.

Шерон протянула руку и поискала поводья. Их заменяла старая веревка. Ослик подошел еще на шаг и закричал Шерон в ухо: «И-и!» — а потом взвизгнул: «А-а» — и это было похоже на смех.

Шерон тоже рассмеялась и погладила его по шее.

— Не заблудитесь снова, — сказала она, подводя ослика к Иосифу, который ждал там, где Шерон их оставила. — Держитесь тропинки. — И она стала взбираться дальше на вершину холма, уже не сомневаясь, что тропа именно там.

Тропы не было, но это не имело значения. Потому что на юго-западе лежал Иерусалим; далекий и сверкающий белизной в свете звезд, он был озарен огнем сотен очагов и тысяч лампад, а за ним, немного к западу, низко на небе стояли три звезды, расположенные так

близко, что почти касались друг друга.

Мария и Иосиф подошли к Шерон и встали рядом с ней.

— Ботт лом, — показывая пальцем, сказала Шерон. — Вон туда, где звезда.

Иосиф снова пошарил за поясом и вытащил кожаный мешочек.

— Нет, — отстраняя мешочек, сказала Шерон. — Он вам понадобится в Вифлееме, в гостинице.

Иосиф неохотно положил мешочек обратно, и Шерон вдруг пожалела, что ей нечего им подарить. У нее нет ни ладана, ни мирры.

«И-а», — крикнул ослик и начал спускаться с холма. Иосиф схватил веревку и пошел за осликом, Мария, опустив голову, — за ними.

— Будьте осторожны, — сказала Шерон. — Берегитесь царя Ирода.

Она подняла руку и помахала им на прощание, рукав ее балахона развевался от ветерка, подобно крылу, но Мария и Иосиф не увидели прощального приветствия. Они спускались с холма, Иосиф чуточку впереди, Мария, придерживаясь за ослика. Когда они уже почти спустились, Иосиф остановился, показал на землю, и они с осликом пропали из поля зрения Шерон. Но она знала, что они нашли тропу.

Шерон немного постояла наверху, наслаждаясь свежим воздухом и глядя на три звезды, почти слившиеся в одну, а затем спустилась, то и дело скользя по камням и комкам грязи, взяла горшок с лилией и закрыла дверь. Подвинула на место шкаф, вытащила из-под двери одеяло, выключила свет и вышла в темный храм.

Там никого не было. Шерон взяла потир, спрятала его в широкий рукав балахона и выглянула в коридор. В коридоре тоже никого. Она прошла в воскресную школу для взрослых, поставила потир обратно в витрину и спустилась по лестнице.

— Где вы пропадали? — спросила преподобная Фаррисон.

Из детской вышли двое полицейских в форме, с карманными фонариками в руках.

Шерон скинула с себя балахон.

— Я проверяла серебро общины, — сказала она. — Все на месте.

Прошла в комнату хора, повесила балахон.

— Мы заглядывали туда. — Преподобная Фаррисон шла за ней по пятам. — Вас там не было.

— Да, я, кажется, слышала ваши голоса у двери, — ответила Шерон.

Когда второй куплет хорала «О город Вифлеем» подошел к концу, Мария с Иосифом преодолели лишь три четверти пути.

— Такими темпами они не приплетутся в Вифлеем и к Пасхе, — прошептала Ди. — Неужели они не могут побыстрее?

— Они придут вовремя, — наблюдая за ними, прошептала Шерон.

Мария с Иосифом медленно шли вдоль прохода, не сводя глаз с алтаря.

— «В тиши, — пела Шерон, — в тиши чудесный дар приходит».

Мария с Иосифом миновали вторую скамью и исчезли из поля зрения хора. На верхнюю ступень алтаря вышел хозяин гостиницы с фонарем, виду него был мрачный и решительный.

Так Бог дает людским сердцам Небесное благословение.

— Куда они делись? — вытягивая шею, чтобы разглядеть Марию и Иосифа, прошептала Вирджиния. — Они проскользнули в заднюю дверь или куда-нибудь еще?

Мария и Иосиф вновь появились, неторопливым, степенным шагом направляясь к пальмам и яслям. Хозяин гостиницы стал спускаться по ступенькам, изо всех сил стараясь показать, что он их не ждал и не так уж рад их видеть.

Пускай его не слышен шаг. Но в мир греха и слез…

Позади, гремя своими клюшками, собрались пастухи, Мириам подала волхвам шкатулку с драгоценностями и флаконы с благовониями. Элизабет поправила парчовый венчик.

Для утешенья кротких душ Приходит к нам Христос.

Иосиф и Мария вышли на середину площадки и остановились. Стоящий чуть впереди Иосиф постучал в воображаемую дверь, и хозяин гостиницы, широко улыбаясь, пошел открывать.

ВОПРОСЫ ЖИЗНИ И СМЕРТИ

САМАРИТЯНИН[24]

> *Жители, страны этой, работая в чаще леса, разводят костры, дабы спастись от ночной сырости. Утром же, когда люди уйдут, к кострам приходят понго [орангутаны] и греются поодаль, пока костры не угаснут, ибо у них не хватает разумения поддержать огонь дровами.*
>
> ***Эндрю Баттелл, 1625***

Преподобный Хойт сразу же сообразил, зачем пришла Натали. Его помощница в чине младшего пастора постучалась в полуоткрытую дверь и прошествовала в кабинет, ведя за руку Исава. На губах Натали играла торжествующая улыбка, так что в цели визита сомнений не оставалось.

— Преподобный, Исав хочет вам что-то сказать, — объявила она.

Орангутан с видимым усилием выпрямился. Тщательно расчесанные темно-рыжие волосы покрывали его широкое плотное тело, а смоченный водой небольшой хохолок на макушке был приглажен. Широкое бесстрастное лицо Исава избороздили складки.

Выждав, Натали сделала орангутану несколько знаков на языке жестов. Тот по-прежнему стоял неподвижно, безвольно опустив длинные руки вдоль тела.

— Он хочет, чтобы вы его окрестили! Правда, прекрасно? Ну, скажи ему, Исав!

Этого следовало ожидать. Двадцатидвухлетнюю Натали Эбрю, которая год назад закончила Принстон, переполнял энтузиазм. Она навела новые порядки в воскресной школе, возглавила работу по утешению страждущих и модернизировала положенное ее чину церковное облачение таким радикальным образом, что преподобного оторопь брала. Сегодняшний ее наряд — подризник со шлейфом, покрытый красной, расшитой золотом сутаной с оборочкой, — возмущал его до глубины пресвитерианской души. Должно быть, Натали нарядилась так в честь праздника Пятидесятницы. В этих своих нелепых мантиях, стихарях и ризах, невысокая, коротко остриженная, как мальчишка из хора, преподобная Натали словно на крыльях летала, исполняя свою работу с небывалым рвением. Исава она просто обворожила.

А ведь она не знала языка жестов, когда пришла работать. Преподобный Хойт мог сказать только самое простое, вроде «Да», «Нет», «Иди сюда», так что давать поручения Исаву приходилось с помощью пантомимы. Он сгоряча попросил Натали выучить несколько жестов, чтобы лучше общаться с орангутаном, но она выучила весь учебник языка глухонемых и болтала с Исавом часами, помогая ему читать Библию. Пальцы ее так и

---

24 Samaritan © Перевод. Н. Мальцева, 2010

порхали, пересказывая библейские сюжеты и объясняя трудные места.

— Почему вы решили, что он хочет креститься?

— Он мне сам сказал. В воскресной школе мы проходили конфирмацию, и он попросил меня все-все рассказать про конфирмацию. Я объяснила, что все эти люди — возлюбленные дети Господа нашего. Вот Исав и заявил, что он тоже хочет быть в числе возлюбленных детей Господа.

Слова Исава в переводе Натали всегда приводили преподобного в некоторое замешательство. Язык орангутана, примитивный и стоивший ему больших усилий, преображался в устах Натали в искусные синтаксические цепочки, разукрашенные эпитетами. Было в этом какое-то надувательство, как бывает иногда в зарубежных фильмах, когда герой произносит длинный монолог, а переводной титр гласит: «Да, это так».

Здесь, правда, все было наоборот — Исав, скорее всего, изобразил что-то вроде «Моя хотеть ребенок Бог», но в устах Натали его слова напоминали профессорскую лекцию в семинарии. Так, конечно, было сложно общаться с орангутаном, но все лучше, чем пантомима.

— Исав, — терпеливо начал он. — Ты любишь Бога?

— Конечно, любит! — сказала Натали. — Иначе не хотел бы креститься.

— Подождите, Натали, — сказал Хойт. — Я сам с ним поговорю. Пожалуйста, спросите его: «Ты любишь Бога?»

Всем видом выражая недовольство, она, тем не менее, перевела вопрос. Преподобный поморщился. Слово «Бог» выглядело на языке жестов чрезвычайно глупо — что-то вроде салюта куда-то вверх и вбок. Как прикажете спрашивать о любви к салюту?

Исав кивнул. Он старательно сохранял принятую позу. «Как ему, должно быть, неудобно, — подумал Хойт. — Позвоночник орангутана не создан для прямохождения». Натали хотела, чтобы Исав ходил одетым, и купила ему рабочую форму — комбинезон, кепку и ботинки. На этом терпение изменило преподобному. «Зачем Исаву ботинки?! — вопрошал он. — Мы взяли его на работу, потому что на ногах у него пальцы, как на руках! Ему так легче по балкам лазить! Комбинезон ему тоже не нужен. Если уж на то пошло, его природное одеяние выглядит гораздо приличнее вашего!» После этого Натали появилась в какой-то жуткой бенедиктинской робе — власяница, подпоясанная вервием. Преподобному пришлось извиняться, признать, что вспылил, но, тем не менее, он настоял на том, чтобы Исав ходил в прежнем виде.

— Предложите ему сесть, — сказал Хойт, опускаясь в кресло и улыбаясь орангутану.

Натали перевела и осталась стоять. Исав забрался на стул, подтянувшись руками, и уселся: короткие ножки торчали под прямым углом. Сгорбившись, орангутан попытался обнять себя руками, но, встретив взгляд Натали, торопливо опустил их. Натали заметно смутилась.

— Исав, — снова начал Хойт, знаком попросив Натали переводить. — Крещение — это очень серьезно. Обряд крещения означает, что ты любишь Бога и обязуешься служить Ему. Ты знаешь, что такое «служить»?

Исав важно кивнул, и сделал странный жест, похлопав себя ладонью по левой стороне головы.

— Что он сказал? — спросил Хойт. — Только, пожалуйста, без украшательства. Просто переведите.

— Это знак, которому я его научила, — сухо объяснила Натали. — Он означает «талант». В учебнике его не было.

— Ты знаешь притчу о десяти талантах, Исав? Натали перевела. Исав снова кивнул.

— Ты хочешь, чтобы твои таланты служили Богу?

Весь диалог, от начала до конца, был полным абсурдом. Нельзя же, в самом деле, обсуждать идею христианского служения с орангутаном! Тем более орангутаны вообще не распоряжались собой в полной мере. Они принадлежали научно-исследовательскому институту приматологии в Шайенн-Маунтин, где раньше был зоопарк. Именно там обезьяны

научились языку жестов. Получилось это так: семейная пара взяла на воспитание детеныша орангутана и научила языку глухонемых. Когда малышу исполнилось три года, приемные родители погибли в автокатастрофе, и детеныша вернули в институт, в общество соплеменников. Орангутан знал около двадцати слов-жестов и реагировал на простейшие команды. Через год вся колония приматов разговаривала на языке жестов, усвоив основные понятия и правила построения высказывания. В Шайенн-Маунтин заботились о подопечных, обучали их навыкам, необходимым для выполнения простейшей работы, случалось, даже подыскивали им рабочие места. Но официально обезьяны считались собственностью института. Раз в год приматологи увозили Исава для спаривания с самками колонии. Это было вполне оправдано тем, что орангутаны на воле больше не водились, и институт делал все возможное, чтобы сохранить их как вид. В Шайенн-Маунтин орангутанов, по-видимому, любили. Несмотря на это, преподобному Хойту было жаль Исава, которого уподобляли лабораторному животному.

Хойт сменил тактику.

— Ты любишь Бога, Исав? — На этот раз преподобный жестикулировал сам.

Исав кивнул и показал знак «любить».

— А ты знаешь, что Бог тебя тоже любит?

Исав помедлил, глядя на Хойта. Песочного цвета веки выделялись на темном лице, круглые глаза смотрели серьезно. Наконец орангутан сложил правую руку в кулак и протянул по направлению к Хойту. Затем методично согнул большой палец, разогнул и вложил внутрь кулака.

— С-А-М… — переводила Натали. — Он хочет сказать «добрый самаритянин», мы на прошлой неделе читали эту притчу. Должно быть, забыл слово, которое выучил. Смотри, Исав! — Она сложила ладонь и дважды легонько стукнула себя в бок.

— «Добрый самаритянин», Исав, — сказала она. — Помнишь?

Орангутан как будто не понимал, а может, не хотел согласиться. Вытянув сложенный кулак, он медленно повторил по буквам: «С-А-М-А-Р-И-Т-Я-Н-И-Н».

Натали расстроилась.

— Неужели ты все забыл, Исав? Добрый самаритянин. Но вы же видите, он притчу помнит, просто слово забыл.

Она сложила руки орангутана в нужный жест.

— Погодите, Натали, — сказал преподобный Хойт, — Мне кажется, он хочет сказать что-то другое. Не стоит настаивать.

Натали чуть не плакала.

— Мы же проходили все библейские притчи. Он умеет читать! Он почти весь Новый Завет сам прочитал!

— Я знаю, — спокойно сказал Хойт.

— Так вы не будете его крестить? — спросила она. Хойт посмотрел на сгорбленного на стуле Исава.

— Мне надо подумать, — сказал он. — Дайте мне несколько дней.

Натали с вызовом смотрела на него.

— Почему? Он же хочет креститься! Экуменическая церковь его окрестит. Только в прошлое воскресенье четырнадцать человек окрестили. А ему что — нельзя?

— Мне надо подумать, — устало повторил Хойт. Натали, видимо, хотела возразить, но передумала.

— Пойдем, Исав, — сказала она, жестом приглашая орангутана за собой.

Исав неловко сполз со стула, стараясь делать это, как человек. «Наверняка, чтобы угодить Натали, — подумал Хойт. — Может быть, он и креститься хочет, чтобы угодить Натали?»

Нескончаемым коридором преподобный Хойт прошел к дверям храма. Перед ним простиралось залитое солнцем пространство молитвенного зала. Собор построили в самом

начале появления Экуменической церкви, еще до Откровения. Свод поддерживали огромные некрашеные сосновые балки, привезенные из Колорадо. Знаменитое окно Лазетти — великолепные витражи в стальной оправе — занимало всю фронтальную стену и возносилось на высоту четырех этажей.

На уровне первого этажа, между амвоном и хорами, господствовали темные тона. Коричневые и темно-зеленые тени нижней четверти витража сверху обрамляли изящные силуэты пальм. Над верхушками деревьев господствовал закат. Сочные цвета — оранжевый, алый, малиновый — постепенно бледнели, переходя в нежные персиковые и сиреневые оттенки над головой паствы. На высоте третьего этажа стекло неуловимо менялось, становясь прозрачным, как горный хрусталь, так что по вечерам заходящее солнце Денвера, пробиваясь сквозь смог, золотило мозаичные облака. Появляющиеся в небе звезды были неотличимы от звезды, изображенной художником в зените стеклянного неба.

Наверху орангутан ветошью стирал пыль с витражей. Он сновал между балками, ловко выбрасывая длинные волосатые руки. До того, как Исав появился в церкви, эту работу выполняли люди, забираясь вверх по лестницам. Но лестницы были ненадежны — они царапали балки и могли в любой момент соскользнуть. Однажды сорвавшаяся лестница лишь чудом не разбила бесценное окно.

Преподобный Хойт посчитал нужным отложить принятие окончательного решения. На все настойчивые вопросы Натали он упрямо ответствовал, что еще не решил. На воскресной службе Хойт читал из Псалтири — 72-й псалом, проповедь о смирении.

Под потолком, на перекладине сидел Исав. Орангутан опирался на колонну, обвив ее руками, и внимательно смотрел на преподобного.

— «А я — едва не пошатнулись ноги мои, едва не поскользнулись стопы мои. Тогда я был невежда и не разумел; как скот был я пред Тобою». — Хойт обвел глазами паству. Все они выглядели на редкость самодовольно. Он перевел взгляд на Исава. — «Но я всегда с Тобою: Ты держишь меня за правую руку; Ты руководишь меня советом Твоим и потом примешь меня в славу. Изнемогает плоть моя и сердце мое: Бог твердыня сердца моего и часть моя вовек». — Хойт захлопнул Библию. — На этом я закончу сегодняшнюю проповедь о смирении. Того самого, о котором большинство из вас не имеет ни малейшего представления.

Прихожане удивленно переглянулись и зашептались. Натали, в желтой шелковой ризе поверх ярко-красной мантии, расплылась в улыбке.

По просьбе преподобного Натали благословила паству, перекрикивая шум. Хойт вышел через боковую дверь. Придя к себе, он первым делом убавил громкость телефонного звонка до минимума. Через час явилась взволнованная Натали, ведя за собой Исава. Щеки ее пламенели под стать мантии.

— Как замечательно, что вы решились! Я так этого ждала! Вот увидите, все будут в восторге. Жаль, что вы его раньше не окрестили. Представляете, какой был бы сюрприз для всех! Первое такое крещение, да еще в нашей церкви! Исав, как здорово — ты скоро будешь крещеным!

— Погодите, Натали, еще ничего не решено. Я просто оповестил прихожан.

— Но все они только обрадуются, вот увидите!

Хойт отослал ее домой, запретив отвечать на телефонные звонки и разговаривать с журналистами, хотя заранее знал, что она не послушается. Исава он попросил остаться на ужин. По телевизору показывали бейсбольный матч. После ужина Исав взял на руки старого и несговорчивого кота, который в силу дурного характера никогда не ладил с гостями преподобного, и уселся с ним в кресло перед телевизором. Хойт подумал, что Исаву не поздоровится — придется ему испытать на себе Силу кошачьих когтей. Но кот, против ожиданий, уютно устроился у Исава на коленях.

Пришло время ложиться спать. Исав усадил кота в изножье кровати и бережно погладил. Орангутан забрался в постель — подтягиваясь руками, что всегда так смущало Натали, — и Хойт аккуратно подоткнул ему одеяло. Это показалось таким естественным,

хотя Исав был совсем взрослый, жил самостоятельно и прекрасно сам о себе заботился.

Хойт немного постоял рядом с кроватью Исава. Орангутан безмятежно глядел на него снизу вверх, только один раз приподнялся проверить, на месте ли кот. Наконец Исав улегся на бок, обвив шею руками. Хойт выключил свет. Как пожелать спокойной ночи на языке жестов, он позабыл, поэтому легонько махнул Исаву, выходя из комнаты. Орангутан помахал в ответ.

За завтраком кот пристроился к Исаву на колени. Телефон звонил, не переставая. Пора было идти в церковь. Орангутан попытался что-то сказать Хойту, указывая на кота, — наверняка просил разрешения взять его с собой. Хойт жестом ответил «Нет», но улыбнулся, чтобы Исав не подумал, что он сердится.

Исав с сожалением опустил кота на стул. Вместе с Хойтом они отправились в церковь. По дороге преподобный раздумывал, как бы намекнуть орангутану, что ему вовсе не обязательно все время ходить выпрямившись. Ничего не придумывалось. В дверях Хойт обернулся к Исаву. Тот жестом спросил: «Работа?» — и преподобный утвердительно кивнул. Дверь не открывалась — мешала куча корреспонденции, сваленной на порог кабинета. Пришлось вытаскивать письма сквозь щель снизу. Хойт распахнул дверь, подобрал с пола оставшиеся конверты и положил их на стол. В дверь заглянул Исав и помахал Хойту. Хойт приветственно поднял ладонь и закрыл дверь. Орангутан враскачку удалился.

Под ногами у преподобного хрустнуло. Пол усеивали осколки стекла, а в окне зияла дыра с острыми краями. На полу валялся булыжник с привязанной к нему запиской. Хойт прочел: «И разверзлась земля, и увидел я, как вышел оттуда зверь, а на голове у него было имя богохульное».

Преподобный собрал с полу битое стекло и вызвал епископа. Ожидая ее приезда, он читал письма и время от времени посматривал на стоянку за стеклянными дверьми, поскольку епископ всегда подъезжала с той стороны. Кабинет Хойта находился в самом конце административного крыла церкви, с тем, чтобы обеспечить ему максимальный покой и уединение. Раньше за окнами кабинета был маленький дворик, где росла яблонька-дичок. Пять лет назад и двориком, и яблонькой пришлось пожертвовать и построить на этом месте стоянку. Преподобный утратил покой и уединение, зато первым узнавал обо всех передвижениях. Других способов выведать, что происходит в церкви, не выходя из кабинета, не существовало — шум до кабинета не доносился.

Епископ приехала на велосипеде. Короткие седые кудри, растрепанные ветром, открывали загорелое лицо. На ней был салатовый брючный костюм, но через руку была перекинута черная мантия. Хойт впустил ее через стеклянные двери.

— Я не знала, какой у нас повод для встречи, и решила на всякий случай взять с собой официальное облачение. Кто знает, что вы нам еще подкинете!

Усаживаясь за стол, заваленный бумагами, Хойт вздохнул.

— Да, я сам знаю. Я поступил глупо. Спасибо, что приехали, Мойра.

— Надо было меня предупредить. Первый репортер вопил что-то невнятное о грядущем конце света. Я уж было подумала, что христиане-харизматики экстремистского толка опять пошли в наступление. Потом какой-то идиот поинтересовался, есть ли, по моему мнению, бессмертная душа у свиней. Минут двадцать я не могла понять, в чем дело, пока не выяснила, что тут у вас происходит. Честно сказать, Уилл, пришлось помянуть вас весьма недобрыми словами. — Наклонившись через стол, она дружески потрепала его по руке. — Беру все нелестные слова назад! Как вы, голубчик?

— Я не хотел ни о чем извещать, пока не решу окончательно, — задумчиво ответил Хойт. — Собирался позвонить вам на неделе, посоветоваться. Натали я так и сказал.

— Так я и знала, что за этим стоит Натали Эбрю! «Чувствуется рука помощницы пастора», — сказала я себе. Честное слово, Уилл, все они одинаковы! Молодежь опасно так рано выпускать из семинарии. Нужно держать их там еще лет десять, пока не образумятся. Ну, куда это годится — реформы, идеи, нововведения и опять реформы! Я так от этого устала!!! Вот у моего помощника, например, идея фикс — хоровое пение. Хор мальчиков,

хор юношей, мадригалы, антифоналы, славословия. Собственно, для службы и времени не остается — только бы все перепеть! Не церковь, а военный парад: батальоны в разноцветных мантиях с песнями маршируют взад-вперед. — Она помолчала. — Иногда мне хочется его задушить. Сейчас, впрочем, я бы придушила Натали. Как ей в голову такое пришло?

Хойт сокрушенно покачал головой.

— Она очень любит Исава.

— Значит, Натали пичкала его библейскими притчами и Писанием. А в воскресную школу она его водила?

— Да. В первый класс, кажется.

— Ну, тогда можно все списать на оказанное давление. Придется заявить, что решение Исава не было ни добровольным, ни самостоятельным.

— То же самое можно сказать о доброй половине воскресной школы. В этом вся беда, Мойра. Каждый аргумент против него применим ко многим прихожанам. Исав одинок. Ему нужен духовный отец. Ему нравятся свечи и нарядные мантии. Инстинкт. Условный рефлекс. Сублимация полового влечения. Все это, может быть, и правда в отношении Исава. Но ведь это правда и в отношении почти всех, которых я крестил. А их я никогда не спрашивал: «Почему вы хотите креститься?»

— Исав же хочет сделать это в угоду Натали.

— Верно. А сколько младших пасторов училось в семинарии в угоду своим родителям? — Хойт вышел из-за стола и принялся мерять шагами тесное пространство кабинета. — В церковном законодательстве, я полагаю, ничего подходящего не найдется?

— Я проверяла. Но Экуменическая церковь так молода, Уилл, что более или менее четко сформулирована только общая законодательная база. Частные случаи закон не комментирует. К сожалению, даже прецедентов за двадцать лет толком не накопилось. Я проштудировала до-юниатские законы, думала, может быть, что-нибудь оттуда притянуть к этому случаю. Увы.

Более четверти века либеральные церкви заигрывали с идеей объединения, но так и не продвинулись дальше взаимных деклараций доброй воли, и только когда харизматики выступили с Откровением, все церкви объединились под эгидой экуменизма.

Движение харизматиков-фундаменталистов набирало силу. В 1989 году приверженцы идеи грядущего прихода Антихриста и неизбежных гонений внезапно провозгласили, что конец света, который прежде был лишь неминуем, уже наступил. Все истинные христиане должны немедленно объединиться, дабы выступить на борьбу со Зверем. При этом конкретное имя Зверя не называлось, но наиболее истовые христиане пришли к заключению, что он нашел убежище под кровом либеральной церкви. Методисты фанатично молились на газонах перед молитвенными домами. Какие-то молодчики, скандируя лозунги, прерывали епископальные мессы. Перебили немало церковных витражей, и в том числе все окна Лазетти, кроме одного. Некоторые церкви даже поджигали.

Два года спустя небеса все еще оставались на прежнем месте, а не разверзлись и не вознесли всех истинно верующих. Откровение лишилось значительного числа последователей. Несмотря на это, харизматики являли силу, с которой новообразованной Объединенной Экуменической церкви приходилось считаться. Представляя собой довольно разнородное объединение, она, тем не менее, служила надежным заслоном экстремизму харизматиков.

— Таки ничего не удалось подыскать? Но епископы по крайней мере могут вынести решение?

— В этом деле епископы не помогут. Объединенная Церковь Христа настояла на самоопределении каждой отдельной церкви при выборе священников, а также в вопросах таинств причастия и крещения. Иначе они не соглашались на объединение, — извиняющимся тоном закончила епископ.

— Ничего не понимаю! Они же остались в одиночестве перед оголтелыми стаями харизматиков. У них и выбора никакого не было! Как же они умудрились выторговать себе

самоопределение?

— Не забывайте о наших собственных интересах: Объединенная Церковь Христа готова была присоединиться к харизматикам! Кроме того, все остальные под сурдинку протащили свои условия. Например, как правильнее — «должники наши» или «обидчики наши»? Вы, пресвитерианцы, помнится, везде пихали это свое «предопределение».

Хойт догадался, что епископ старалась его развеселить. Он улыбнулся.

— А вы, католики, по какому поводу протестовали? Ах да, виноградный сок!

— Одним словом, — закончила Мойра, — епископ не может помочь вам советом. Придется вам самостоятельно с этим разобраться и представить на суд публики справедливое и рациональное решение.

— Справедливое и рациональное?! Когда они мне пишут такое? — Преподобный тряхнул пачкой писем.

— Так вы же сами напросились. Нечего было распинаться с кафедры по поводу смирения.

— Вот послушайте: «Нельзя крестить обезьяну, ведь у обезьян нет души. Однажды в Сан-Диего мы пошли в обезьянник. И там, на виду у всех, два орангитанга…» — Хойт выразительно взглянул на Мойру. — Тут моя корреспондентка явно не знала, какие слова подобрать, даже кляксу поставила. «… Два орангитанга занимались этим». Подчеркнуто. «Хуже всего, что им это ужасно нравилось. Поэтому, даже если иногда кажется, что они хорошие…» И так далее. И все это пишет женщина, которая сменила трех мужей, не считая «маленьких грешков», как она их называет. Она утверждает, что нельзя крестить Исава потому, что ему нравится секс! — Преподобный просматривал другие послания. — Настоятели считают, что это отрицательно скажется на количестве пожертвований. Служители опасаются наплыва туристов с фотокамерами. Трое мужчин и девять женщин настаивают, что обряд крещения, каким-то образом выведет из повиновения животные страсти Исава и людям будет опасно находиться с ним в церкви наедине.

Хойт вытащил из пачки еще одно письмо, написанное на бледно-розовой бумаге с орнаментом из розовых бутонов, и зачитал:

— «В воскресенье вы спросили, имеют ли обезьяны душу. Я думаю, что имеют. Из-за своего ужасного артрита я обычно сижу в последнем ряду. Прямо передо мной сидели трое малышей, и во время молитвы они премило сложили ручки. А возле двери я увидела вашу обезьяну, тоже со сложенными руками и склоненной головой». — Хойт потряс письмом. — Моя единственная союзница! И та на моей стороне только потому, что умиляется при виде того, как обезьяна складывает ручки. Какое решение я могу принять, когда мне дают такие советы? Даже Натали пытается сделать из Исава то, чем он не является и являться не может. Одежда, манеры, осанка! А я должен решать!

Мойра терпеливо выслушала его жалобы.

— Вот именно, Уилл. Решать должны вы, а не Натали, прихожане или харизматики. Это должно быть именно ваше решение.

Епископ села на велосипед и уехала.

«Чтоб им всем провалиться, этим поборникам церковной автономии», — пробормотал Хойт вполголоса.

Он разложил письма на три стопки, озаглавил их «За», «Против» и «Невменяемые» и, по некотором размышлении, сгреб их все в мусорную корзину. Он вызвал к себе Натали и Исава, распорядился, чтобы орангутан натянул защитную сетку с наружной стороны центрального окна. Натали встревожилась и, как только Исав с ключом от кладовой вышел из кабинета, обратилась к Хойту:

— Что случилось? Угрозы?

Преподобный показал ей записку, снятую с булыжника, но умолчал о письмах.

— Сегодня Исав переночует у меня, — сказал он. — Когда ему надо быть в Колорадо-Спрингс?

— Завтра, — рассеянно ответила Натали, читая письмо, выуженное из мусорной

корзины. — Впрочем, поездку можно отменить. Они уже в курсе.

Она покраснела.

— Не отменяйте. Там он, возможно, в большей безопасности, чем здесь, — сказал Хойт, перестав скрывать усталость.

Внезапно Натали сказала:

— Собираетесь сдаться? Не хотите крестить его? Из-за каких-то гадов! — Она швырнула письмо на стол Хойта. — Вы их послушаетесь? Каких-то мерзавцев, которые понятия не имеют, что такое душа, и утверждают, будто у Исава ее нет! — Она так стремительно направилась к двери, что полы ее желтой ризы развевались. — Может, сказать в институте, чтобы оставили Исава у себя насовсем, раз вам он не нужен?

Натали с шумом захлопнула за собой дверь. Кусок стекла со звоном упал на пол.

Преподобный Хойт пошел в денверскую библиотеку, где набрал книг по человекообразным обезьянам и языку глухонемых, и заперся у себя кабинете до позднего вечера. Затем он пошел за Исавом. Защитная сетка затягивала окно; за цветными стеклами сгущалась темнота. В церковном зале стояла неубранная лестница.

Исав неподвижно сидел на заднем ряду: короткие ноги нелепо торчали на бархатных подушках, руки опущены вдоль тела ладонями вверх. Лицо Исава не выражало ничего, кроме усталости. Рядом с ним лежала ветошь. Преподобного поразила печаль в его глазах.

Орангутан с готовностью поднялся ему навстречу. Дома у Хойта Исав тут же отправился на поиски кота.

На следующий день с утра пораньше микроавтобус из Шайенн-Маунтин припарковался на стоянке. Натали привела Исава. Молодой человек из института открыл дверцу и что-то сказал Натали. Она застенчиво улыбнулась. Исав сел на заднее сиденье, Натали обняла его на прощание и автобус тронулся. В окне мелькнуло безучастное лицо Исава. Уходя со стоянки, Натали даже не поглядела в сторону окон Хойта.

На следующий день около полудня Хойт увидел знакомый микроавтобус — Исава привезли назад. Вскоре в кабинет преподобного пришла Натали в сопровождении давешнего молодого человека. Натали была во всем белом — наверное, Пятидесятница кончилась, и наступила Троица. В белом стихаре, пышном, как детское платьице, Натали напоминала ангела из школьного рождественского спектакля. Она держалась довольно сдержанно — очевидно, пыталась скрыть неловкость из-за того, что друзья за нее заступаются. Хойт подумал, что этот молодой человек, должно быть, не первый раз приезжает за Исавом.

— Вас наверняка интересует, как обстоят дела с нашим подопечным, — заговорил молодой человек. — Медицинский осмотр Исав прошел удовлетворительно. У него, правда, обнаружен небольшой астигматизм, так что, возможно, ему понадобятся очки. За исключением этого, для самца его возраста состояние здоровья у него превосходное. За последние два месяца изменилось к лучшему и его отношение к программе размножения. Бывает, что самцы-орангутаны с возрастом становятся подвержены неврозам и депрессиям, избегают общества сородичей. До недавнего времени Исав вообще не хотел иметь дела с самками, а теперь он принимает регулярное участие в программе. От него даже забеременела одна самка. Я, собственно, пришел сказать, сэр, как хорошо влияют на Исава работа и друзья здесь, в церкви. Сейчас он гораздо счастливей, лучше приспособлен к жизни. Вас можно поздравить — этого нелегко достичь. Обидно было бы нарушить достигнутую эмоциональную гармонию.

«Замечательный аргумент», — подумал Хойт. — Самый веский. Счастливая обезьяна охотно совокупляется. Крещеная обезьяна — счастливая обезьяна. Следовательно…»

— Понимаю, — сказал он вслух. — Я читал об орангутанах, и у меня возникли некоторые вопросы. Не могли бы вы уделить мне немного времени сегодня после обеда?

Молодой человек взглянул на часы. Натали занервничала.

— Может быть, после пресс-конференции? Она продлится до… До четырех? — Молодой человек вопросительно повернулся к Натали.

Натали слабо улыбнулась.

— Да, до четырех. Нам уже пора. Преподобный Хойт, может быть, вы примете участие?

— Нет, спасибо, ко мне вот-вот придет епископ. Молодой человек взял Натали за руку.

Хойт продолжил:

— После пресс-конференции, пожалуйста, скажите Исаву, чтобы убрал лестницу. Она ему не нужна.

— Но…

— Спасибо, преподобная Эбрю.

Натали с молодым человеком ушли на пресс-конференцию. Хойт привел в порядок библиотечные книги, сложил их на краю стола, опустил голову на руки и погрузился в раздумья.

— Где Исав? — спросила Мойра.

— Наверное, в зале. Он вешает защитную сетку на окно изнутри.

— Я его не видела.

— Может быть, Натали взяла его на свою пресс-конференцию.

— Ну, что вы решили?

— Не знаю. Вчера я убедил себя, что он всего лишь животное. В три часа ночи я проснулся: мне приснилось, что Исава сделали святым. Я нисколько не приблизился к ответу на проклятый вопрос «Что делать?».

— Мой архиепископ, который не может забыть своего баптистского прошлого, любит вопрошать: «А что сделал бы Господь на моем месте?» А вы себе этого вопроса не задавали?

— Вы имеете в виду притчу о добром самаритянине из Евангелия от Луки? «А кто мой ближний? На это сказал Иисус: некоторый человек шел из Иерусалима в Иерихон и попался разбойникам…» Знаете, а ведь Исав это тоже вспомнил. Я его спросил, знает ли он, что Бог его любит, а он проговорил «самаритянин» по буквам.

— Интересно, — задумчиво сказала Мойра, — он имел в виду доброго самаритянина или…

— «Как ты, будучи Иудей, просишь пить у меня, Самарянки?»

— Что?

— Евангелие от Иоанна, четвертая глава. Так сказала Иисусу самаритянка у колодца. Знаете, Мойра, один детеныш орангутана, самочка, жил с приемными родителями-людьми. Ее часто просили выполнить тестовое задание — разложить по разным кучкам картинки людей и обезьян. Так вот, она никогда не делала ошибок. Кроме одной — себя она всегда относила к людям. — Преподобный расхаживал по кабинету. — Я сначала думал, что он хочет креститься потому, что не знает, что он не человек. Но он знает. Он знает.

— Да, — сказала она. — Кажется, знает. Они направились в церковный зал.

— Я сегодня не поехала на велосипеде. Репортеры узнают его издалека. Что это за звук?

Исав сидел на полу, привалившись к церковной скамье. Из груди его вырывался сиплый свист.

— Уилл, — сказала Мойра, — лестница внизу! Он, наверное, упал!

Лестница лежала в центральном проходе. Пластиковая сетка, как рыболовная снасть, покрывала первый ряд скамей. Хойт бросился к Исаву.

— Что с тобой, Исав? — Преподобный забыл, что надо жестикулировать.

Исав поднял на него затуманенные глаза. На носу и подбородке у него пузырились слюна и кровь.

— Сходите за Натали, — попросил Хойт.

Натали появилась в дверях. При виде Исава ее лицо побелело, как ее стихарь. «Приведите доктора», — шепнула она молодому человеку из Шайенн-Маунтин и бросилась на колени рядом с орангутаном.

— Исав, что с тобой, Исав! Он что, заболел? Хойт не знал, как сказать ей.

— Он упал, Натали.

— С лестницы, — тут же сказала она. — Он упал с лестницы.

— Давайте положим его на спину и приподнимем ноги? — предложила Мойра. — Он, наверное, в шоке.

Преподобный Хойт слегка оттянул губу Исава. Десны были синевато-пепельные. Исав тихонько кашлянул, и изо рта на грудь выплеснулась кровь.

Натали зарыдала и прижала пальцы к губам.

— Ему легче дышать в этом положении, — сказал Хойт. Мойра откуда-то принесла одеяло, и Хойт укутал им орангутана. Натали вытерла Исаву лицо краем своей робы. Ждали врача.

Высокий, худой доктор в огромных круглых очках осторожно опустил Исава на пол, подложив ему под ноги бархатную подушку со скамьи. Как и Хойт, он взглянул на десны орангутана, сосчитал пульс, неторопливо и тщательно приготовил капельницу и выбрил участок на руке Исава. Это успокаивающим образом подействовало на Натали: в ее позе убавилось напряжения, а лицо немного порозовело.

Давление у Исава было очень низкое. Врач ввел иглу и подсоединил ее к трубке с раствором глюкозы. Доктор осторожно осматривал Исава и пытался задавать ему вопросы с помощью Натали, но орангутан не отвечал. Его дыхание немного выровнялось, но из носа по-прежнему появлялись кровавые пузыри.

— Имеют место внутренние разрывы, — сказал врач. — При падении внутренние органы сместились в сторону грудной клетки, и легкие находятся в сдавленном положении. Он обо что-то сильно ударился.

Должно быть, о край скамьи. Доктор продолжал:

— У него очень сильный шок. Когда это случилось?

— До моего прихода, — ответила Мойра. — Я не заметила лестницы. Часа в три, даже раньше.

— Будем транспортировать, как только восстановим потерю жидкости, — сказал врач и обратился к молодому человеку: — «Скорую» вызвали?

Тот кивнул.

Исав закашлялся: кровь на этот раз была ярко-красная и пенистая.

— У него легочное кровотечение… — Врач медленно поправил внутривенный катетер. — Выйдите, пожалуйста, — я попробую облегчить ему дыхание.

Натали прижала руки ко рту, подавляя судорожный всхлип.

— Нет, — сказал Хойт.

Доктор выразительно взглянул на преподобного Хойта. «Вы знаете, что произойдет, — словно говорил он. — Я рассчитываю на ваше благоразумие и самообладание. Уведите людей, незачем на это смотреть».

— Нет, — негромко повторил Хойт. — Время не ждет. Натали, принесите крестильную чашу и мой молитвенник.

Натали вышла, вытирая слезы испачканной в крови рукой.

— Исав! — окликнул Хойт. О, Господи, только бы не забыть нужные жесты. — Исав, дитя Господа нашего…

Преподобный справился с нелепым салютом, протянул ладонь, как бы показывая рост ребенка. О грамматике он не имел ни малейшего представления.

Дыхание Исава участилось. Он приподнял правую руку и сложил пальцы в кулак. «С-А-М…»

— Нет! Нет! Исав — дитя Господа нашего!

Жесты бессильны были передать чувства Хойта. Он скрестил руки на груди — это было слово «любовь». Исав попытался сделать тот же жест, но левая рука его совсем не слушалась. Посмотрев на Хойта, Исав поднял правую руку и помахал.

Натали стояла с крестильной чашей наготове. Хойт жестом предложил ей опуститься на колени рядом с ним и переводить. Чашу он передал Мойре.

— Крещается раб божий Исав, — твердо проговорил Хойт и опустил руку в чашу со святой водой. — Во имя Отца, и Сына, и Святого духа. — Он опустил руку на всклокоченную рыжую голову. — Аминь.

Преподобный Хойт обменялся взглядом с Мойрой, обнял Натали за плечи и увел в боковой придел. Через несколько минут врач позвал их обратно.

Исав лежал на спине с раскинутыми в стороны руками. Его маленькие глазки были широко раскрыты.

— Он умер от шока, — сказал доктор. — Легкие заполнились кровью, в них не осталось места для воздуха. Вот номер моего телефона, — продолжил он, протягивая Хойту визитную карточку. — Звоните, если понадоблюсь.

— Благодарю вас, — промолвил Хойт.

— Институт поможет увезти тело, — сказал молодой человек из Шайенн-Маунтин.

Натали рассматривала визитку врача.

— Нет, — произнесла она странно напряженным голосом. Ее одежда была влажной от крови и святой воды. — Нет, спасибо.

Молодой человек не стал настаивать и ушел вместе с врачом.

Она опустилась на пол рядом с мертвым Исавом.

— Он позвал ветеринара, — тихо сказала она. — Сказал мне, что поможет крестить Исава, а сам вызвал ветеринара. Как будто Исав — животное! — Она заплакала и погладила мокрую ладонь Исава. — Мой друг, мой милый, бедный друг.

Мойра вызвалась побыть с Натали. Наутро они пришли к Хойту в кабинет.

— Я сама поговорю с репортерами, — пообещала Мойра, обнимая их на прощание.

Натали, в простой синей юбке и блузке, села напротив письменного стола Хойта, комкая бумажный носовой платок.

— Ну, что вы мне скажете? — спокойно спросила она. — Я ведь целый год утешала страждущих, так что знаю. Ему было очень больно, он долго мучился, и все это — моя вина.

— Я ничего такого не собирался вам говорить, Натали, — ласково сказал Хойт.

Она крутила платок, пытаясь справиться со слезами.

— Исав мне рассказывал, как вы ему подтыкали одеяло на ночь. И про кота вашего рассказал… — Голос Натали предательски дрогнул. — Я хотела поблагодарить вас за то… За то, что вы были добры к нему. И за то, что вы его окрестили, хотя и не считали, что он — человек. — Она тихонько всхлипнула. — Наверняка вы это для меня сделали.

Хойт не знал, как ее утешить.

— Бог считает, что у нас есть душа, потому что любит нас. Мне кажется, Исава он тоже любит. Во всяком случае, мы его любили.

— А я рада, что именно я убила Исава, — сквозь слезы сказала Натали. — Я, а не те, кто его ненавидел, харизматики или еще кто-нибудь. По крайней мере никто его нарочно не убивал.

— Нет, только не нарочно, — сказал Хойт.

— Все равно он был человек, а не животное!

— Я знаю, — согласился Хойт. Ему было очень ее жалко. Натали оправила юбку и пробормотала, вытирая глаза промокшим носовым платком:

— Я пойду посмотрю, что там нужно сделать в церкви. Вид у нее был чрезвычайно жалкий и приниженный. Неукротимая Натали побеждена. Хойт этого не вынес.

— Натали, я знаю, вы очень заняты. Но может быть, выкроите время и найдете мне белую мантию для воскресной службы? Я уже давно хотел вас об этом попросить. Наши прихожане с восторгом отзываются о ваших облачениях — они очень украшают службу. И может быть, епитрахиль. Какой у нас цвет для Троицына дня?

— Белый! — быстро ответила она и смутилась. — Белый с золотом.

ЧТО ПОСЕЕШЬ…[25]

— Ах! — вздохнула Сомбра. — Никак не дождусь, когда наступит завтра… У всех новые платья… Интересно, а школу уже цветами украсили?

— Да, — ответила я, пытаясь разглядеть с холма персиковое дерево, где Френси всегда ждала меня после школы, радуясь, что прибежала домой раньше поливальной машины. Но в то утро Френси с уроков забрала мама, и рядом с низкорослым деревцем никого не было.

— А на цветы как хочется взглянуть! — сказала Сомбра. — Мамита говорит, что всегда привозят желтые розы и красные гвоздики. Хейз, а на что похожи гвоздики?

Я пожала плечами. Я цветов никогда не видела, только герани из маминой оранжереи.

Сегодня утром районная медсестра долго разговаривала с мамой. Прозвучали слова «скарлатина» и «северный». Лицо медсестры залил гневный румянец.

— Цветы! — сердито сказала она. — От нас откупаются цветами и антибиотиками вместо того, чтобы прислать центрифугу для изготовления лекарств. Забирают наше зерно, а взамен дают цветы!

Мама поспешно отвела Френси домой.

— Представляешь! — сказала Сомбра, всматриваясь в сероватую дымку. — «Магассар» уже на орбите. Плывет где-то там, в космосе, а в трюмах — цветы.

Она поежилась, зябко обхватила себя руками. Мы отправились домой на поливальной машине, прижимаясь к узким сиденьям под разбрызгивателями, и обе промокли насквозь.

«Чертовы поливалки, — говорил мой папа. — От нас откупаются этими драндулетами, вместо того чтобы установить на всей планете контроль климата и избавиться от стрептококка».

В тот день я только и думала, что об этих раздраженных словах в адрес правительства, и мне хотелось выкинуть эти мысли из головы, ведь завтра — окончание школы.

Специально для нашего первого выпускного класса правительство выслало дополнительный корабль. А чуть раньше мы получили ткани для платьев и костюмов. И хотя романтические представления Сомбры о корабле, полном цветов, не совсем верны и огромные трюмы «Магассара» наверняка доверху набиты зерном и спиртом из орбитальных бункеров, в них обязательно будут подарки и продукты с Земли, свежие фрукты, шоколад и цветы, о которых мечтает Сомбра. И тем не менее мысли мои занимали лишь гневные слова отца.

Папа грозился разобрать поливалку, которая целыми днями крутилась вокруг нашей фермы, и сделать из нее пушку. «Раз эти типчики из правительства твердят о том, что делают все возможное для борьбы со стрептококком, я скажу им все, что о них думаю!»

Правительство считает, что вспышки стрептококковой инфекции возникают из-за пыли, вот нам и шлют автоматизированные разбрызгиватели, которые ползают туда-сюда по глинистым дорогам между фермами, вздымая пыль массивными колесами, и понапрасну тратят и без того скудные запасы воды Хейвена.

Правила изоляции и обеззараживания, установленные первыми поселенцами, намного эффективнее препятствовали распространению стрептококка, чем эти машины.

Фермеры пользовались поливалками в своих целях, прикрепляли сзади прицепы с посылками и письмами для рассылки между фермами. Во время карантина районная медсестра таким образом переправляла антибиотики… а иногда и гробы. Дети подстерегали поливалки по дороге домой или в школу, цеплялись за них и приезжали мокрыми и взъерошенными. Родители конечно же за это нас ругали, объясняли, что мы простудимся и подхватим стрептококк, засовывали нам в рот тесты Шульца-Чарлтона, присланные правительством, и укутывали одеялами. Мамита Турильо заботилась так о Сомбре, а моя мама — о Френси. Но не обо мне. Я никогда не мерзла. Вот и в тот день прохладный ветер

---

[25] Cash Crop © Перевод. С. Сидорова, 2010

обдувал мою влажную рубашку и джинсы, но мне не было холодно.

— Ты никогда не мерзнешь, — сказала Сомбра, стуча зубами. — Так нечестно!

Зимой я спала под тоненьким одеялом и забывала в школе пальто. И даже жарким хейвенским летом на моих бледных щеках никогда не играл румянец, как у Сомбры. А мои волосы цвета пыли никогда не кучерявились от испарины, как черные локоны подруги. Сомбра напоминала цветок из оранжереи. Она была высокой, худенькой и яркой. Я едва доходила ей до плеча и больше походила на цветы, которые мама пыталась выращивать в открытом грунте: маленькие и невзрачные, они никогда не цвели.

Но я такая не одна. Несколько фермеров из первого поколения, подобно старику Фелпсу, были невысокими и выносливыми, да и все больше и больше новобранцев-иммигрантов, что столовались у Мамиты, выглядели так же, как я.

Я посмотрела на наши с Сомброй фермы, на пустынную дорогу и низкий кирпичный забор, что разделял тусклые посадки озимой пшеницы, окутанные розовато-коричневой дымкой. Может, эмиграционная служба решила присылать сюда столь же невзрачных и блеклых людей, как сам Хейвен, в надежде, что стрептококк их не заметит?

Френси не было на обычном месте, рядом с папиным персиковым деревцем на углу нашей фермы, откуда Сомбре останется пройти еще четверть мили до своего дома. Только одно могло заставить маму увести Френси домой — известие о том, что на западе кто-то болен.

— Сомбра, — спросила я, — в нашем районе никто не заболел?

— Ну как же, — равнодушно ответила она, — старик Фелпс. Я слышала, как медсестра рассказывала об этом твоей маме.

— Скарлатина? — безучастно спросила я.

Ничего другого здесь быть не могло — только скарлатина. Блуждающий стрептококк, занесенный сюда первыми поселенцами, приспособился к сухому и пыльному климату Хейвена, как малиновки к деревьям. Как только антибиотики заканчивались, появлялся стрептококк.

Три недели назад на севере произошла ужасная вспышка скарлатины: семнадцать случаев, в большинстве своем — дети. Участковая медсестра объявила карантин по району, чтобы заболевание не распространилось на запад. А теперь вот из-за мистера Фелпса карантин могли объявить на всей планете. Мистер Фелпс — один из старожилов, он никогда не подхватывал стрептококк и ни разу не болел скарлатиной.

— Районная медсестра говорила твоей маме, что беспокоиться не о чем. Мистер Фелпс живет один, а распространение стрептококка можно пресечь с помощью антибиотиков, которые доставит «Магассар».

— Если он прилетит, — сказала я.

Едва различимый покалывающий страх сдавил мне горло. Еще два сообщения о болезни — и «Магассар» вернется на Землю, так и не совершив посадку. И тогда не будет выпускного.

— Мамита говорила, что нет никаких оснований изолировать нас без антибиотиков, — сказала Сомбра. — Лекарства можно сбросить с орбиты. Нас ведь не изолируют, правда?

Покалывания стали почти болезненными.

— Нет, конечно, нет. Если бы можно было, давно бы так и поступили. Без лекарств нас не оставят, с доставкой что-нибудь придумают.

Мне вспомнилось, как умер малыш Уилли. Давно это было. Мама мне тогда сказала: «Уходи, не попадайся мне на глаза». А папа за меня вступился: «Не срывай свое зло на Хейз. Правительство с нами так обращается, вот их и обвиняй. Или меня — я тебя сюда привез, хотя прекрасно знал, что они затеяли. А Хейз не трогай, она ни в чем не виновата».

Горло мне сдавило. Я сглотнула, но боль не прекращалась, тогда я прижала пальцы к ямке между ключицами, сглотнула еще раз. Стало легче.

— Конечно, нет, — сказала я. — Не беспокойся о мистере Фелпсе, выпускной из-за него не отменят. «Магассар» приземлится раньше, чем пройдет инкубационный период.

Возможно, все обойдется карантином одного района.

Мы почти спустились с холма, но не хотелось, чтобы Сом-бра и дальше волновалась о возможном карантине. Я сказала:

— Вчера вечером мама наши платья закончила. Давай зайдем к нам, ты свое примеришь.

Румяное лицо Сомбры раскраснелось еще больше.

— Проверишь, как там длина, нерешительно добавила я. — Заодно и увидишь, как завтра будешь хороша.

Сомбра покачала темноволосой головой.

— Нет, все будет хорошо, я знаю, — замявшись, ответила она. — Мамита просила меня помочь по хозяйству — перед прибытием «Магассара» столько дел! Она наняла еще двух работников и дала мне задание собрать все, что поспело в оранжерее для завтрашнего ужина… Жаль, что не Мамита платья шила, — печально закончила Сомбра.

— Ладно, я твое платье завтра утром вам принесу, — сказала я. — Вдвоем и нарядимся.

Да, о платьях не стоило напоминать, но хуже всего то, что шила их моя мама. Я любила приходить в гости к Сомбре. Мамита, миниатюрная, веселая и неугомонная, как малиновка, кормила нас овощами из теплицы, расспрашивала о школе, на цыпочках тянулась потрепать кудри дочери и обнимала меня на прощание. Моя мама, наоборот, была строгой и неприступной, словно гигантский тростник, что рос у нашего крыльца. Во время примерок она с нами почти не разговаривала. Да, вот если бы Мамита шила нам платья для выпускного…

Вчера Сомбра робко примерила свой наряд, почти готовый, только розовые ленты были приколоты к корсажу булавками.

— Сомбра, ты такая хорошенькая! — воскликнула я. — Мамочка! Это самое красивое платье на свете!

Мама повернулась и так на меня посмотрела, что Сомбра онемела от изумления.

— Больше никогда не называй меня так, — сухо промолвила мама и вышла, хлопнув дверью.

Сомбра так быстро стянула с себя свой наряд, что едва не порвала тонкий белый муслин.

— Это из-за малышей, — сказала я сокрушенно. — Она родила семерых между мной и Френси. Все они почти сразу умерли. Один Уилли дожил до трех, но тут планету охватила эпидемия, лекарств не осталось. Он пять дней умирал, метался по кровати в спальне, плакал и звал маму…

Сомбра застегнула блузку и собрала учебники.

— Но Френси же называет ее мамой! — сердито возразила она.

— Это разные вещи.

— Почему? У Мамиты стрептококк загубил девять малышей. Девять!

— Но у нее осталась ты и близняшки. А у мамы — только Френси.

— И ты. У нее есть ты.

Я не знала, как объяснить Сомбре, что голубоглазая, светловолосая Френси напоминает маме о Сан-Франциско, о Земле. Френси и герани, за которыми мама так тщательно ухаживает в жарком и влажном воздухе своей оранжереи… А о чем она вспоминает, когда смотрит на меня? В день смерти Уилли я спряталась в оранжерее, а мама нашла меня и отстегала розгами. О чем она думала тогда? И что вспомнилось ей сегодня, когда районная медсестра сообщила, что мистер Фелпс болен, и что эпидемия скарлатины вот-вот распространится по всей планете?

Колючий ком опять подкатил к моему горлу. На этот раз я ощутила тупую, ноющую боль. Я надавила на горло кулаком, но лучше не стало. Мелькнула мысль: «Надо бы провериться…»

— Думаешь, карантин объявят? — спросила Сомбра. Мы уже почти спустились с холма, а я так ни слова и не проронила.

— Интересно, привезут ли завтра розовые гвоздики? — задумчиво сказала я. — А если бы прически разрешили цветами украсить…

— Конечно, разрешат! Мамита говорит, что разрешат. Тебе пойдут красные розы. Ты будешь такой хорошенькой!

Мы спустились с высокого, пыльного холма. Одежда наша совсем просохла, темные волосы Сомбры кучерявились от испарины, выступившей на лбу.

— Давай присядем на минутку! — Сомбра села на низенькую кирпичную ограду и стала обмахиваться учебником. — Сегодня так жарко!

Персиковое деревце за спиной подруги было с меня ростом. Его скрюченные ветви почти совсем не давали тени, а узкие бледно-зеленые листья из-за пыли казались одного цвета с пшеницей. Между ними проглядывали розовато-белые пятнышки. Я присмотрелась.

— Как же все-таки припекает! — пожаловалась Сомбра. Это единственное папино деревце, которое прижилось в открытом фунте планеты, однако за пять лет оно ни разу не плодоносило. А сейчас на нем появились бледные пятнышки. Может, это моль или светло-рыжие муравьи?

Я согнулась от тупой, давящей боли в груди, прижала к больному месту кулак и заставила себя выпрямиться. Стоило маме в очередной раз заметить, что я должна держаться прямо, а не как сгорбленный гном, — я сразу же непроизвольно вытягивалась в струнку… Захотелось вновь услышать мамин голос. Я расправила плечи, словно пытаясь растянуть боль, и замерла, тяжело дыша. Боль отступила.

— Что-то мне не присесть, — с трудом произнесла я. — Пойду-ка я домой.

— Сегодня так жарко! Чувствуешь, какая я горячая? — Сомбра потянулась ко мне и прижалась пылающей щекой к моему прохладному лицу.

— Немного, — ответила я. «Приду домой — обязательно проверюсь. И папе о персиковом деревце расскажу».

— Ты что, заболеть решила? — воскликнула Сомбра. Завтра же выпускной! Иди скорей домой и ложись. Только эпидемии нам не хватало!

— Я так и сделаю. — Я перелезла через ограду и подошла поближе к деревцу.

Пятнышки были даже больше, чем мне показалось вначале, почти такие же, как…

— Сомбра! — радостно крикнула я. — Не будет никакой эпидемии, и я не заболею. Это предзнаменование! У нас обязательно будут цветы к выпускному!

— Откуда ты знаешь? — крикнула она.

— Я думала, с деревом что-то не так, а оно зацвело!

— Зацвело? — Сомбра радостно улыбнулась, легко перепрыгнула через низенькую ограду и уставилась горящим взглядом на крошечные тугие бутончики.

— Ой, они только начали распускаться! Какая прелесть!

Над нашими головами пролетела малиновка и бесстрашно уселась на верхушку дерева. Усеянные бутонами ветки закачались и склонились.

— Розовые цветы — как мои ленты, а перышки малиновки — как твои! А значит… — Сомбра счастливо улыбнулась и обняла меня за талию. Сквозь тонкую ткань блузки я почувствовала жар ее руки.

— Значит, завтра у нас будет выпускной, и все пройдет великолепно!

— О, Хейз! Скорее бы уже завтра! — Сомбра крепко обняла меня. — Утром принесешь мне платье? Нарядимся вместе. Все будет просто замечательно! — Она свернула на тропинку к своей ферме и крикнула мне вслед: — Сегодня столько хороших предзнаменований!

Френси делала уроки на кухне, держа во рту бумажную полоску — тест Шульца-Чарльтона.

— Папа в оранжерее. Вместе с мамой, — объявила она, вытащив тест изо рта.

Бумажка осталось ярко-красной: значит, Френси здорова. При взаимодействии с активным стрептококком бумажная полоска обычно белеет, как лицо человека от страха.

— Не боишься? — спросила сестра.

— Чего?

— Мама говорит, еще два случая — и объявят эпидемию. Выпускной ваш отменят!

— Не отменят, и никакой эпидемии не будет.

— Откуда ты знаешь?

— Просто знаю. — Я подумала о персиковом деревце и о том, что скажет папа, увидев его в цвету. Наверное, тоже решит, что это хороший знак. Я улыбнулась Френси и пошла его искать.

Отец стоял в дверном проеме оранжереи. Около чанов с питательным раствором мама схватилась за опорную стойку. Сквозь толстый пластик оранжереи казалась, что она тонет, да и вообще — будто вся конструкция вот-вот рухнет.

— Это то, чего они хотят, — сказал папа. — Мы от них зависим, так что придется делать все, что им нужно.

— Мне наплевать, — ответила мама.

— Ты же понимаешь, мы потеряем шанс продать пшеницу…

— Мистер Фелпс умер сегодня утром. И на севере зафиксировано семнадцать случаев заболевания.

— Завтра прилетит «Магассар». Нельзя…

— Нет, — сказала мама, не сводя с него глаз. — Ты мне должен.

Папина рука, упиравшаяся в притолоку, напряглась, на ней взбухли вены.

— Персиковое дерево зацвело! — выпалила я. Родители посмотрели на меня: папа — растерянно и хмуро, а мама — так, словно одержала победу.

— Правда, это хороший знак, — сказала я в наступившей тишине. — Предзнаменование! Значит, «Магассар» обязательно прилетит… И все будет в порядке… В любом случае, должен пройти инкубационный период. Не могут же все заразиться скарлатиной в один день!

— Это новый штамм. — Мама отпустила опорную стойку и принялась рыхлить почву вокруг своих гераней. — Районная медсестра говорит, что у него очень короткий инкубационный период.

— Откуда она знает? Такое нельзя утверждать наверняка, — убежденно заявила я.

Мама подняла голову, но взглянула не на меня, а на папу.

— Мистер Фелпс подхватил стрептококк вчера утром. Никто не ожидал, что он заболеет и так быстро умрет. Кого еще постигнет та же участь?

Внезапно затрещал телефон экстренной связи, прикрепленный к пластиковой стене оранжереи — резкий, короткий сигнал вызова медсестры. Звонили из нашего района. Мама взглянула на меня.

— Что я вам говорила? — сказала она. Папа подошел к ней.

— Пересади свои герани в питательный раствор. Мне нужна земля под посев. — Он повернулся и вышел.

Я помогла маме пересадить герани в чаны с раствором. Взволновавший меня звонок больше не повторялся.

После ужина мы посидели на кухне, а как отправились спать, папа взял телефон с собой, как ленту намотав его провода себе на руку. Впрочем, звонков больше не было. Да, предзнаменований хоть отбавляй!

Утром розоватая дымка исчезла, небо стало ясным, а воздух холодным и прозрачным, значит, ночью подморозило. Перед завтраком мы с папой отправились посмотреть, как цветет персик. Папа дотронулся до ветки, и бутоны, словно клочки бумаги, посыпались к его ногам.

— Вымерзли, — сказал он.

— Не все, — ответила я.

Горсточка цветочных почек, туго скрученных в узелки, все еще крепко держались на

ветвях.

— Не все бутоны вымерзли, — повторила я. — Похоже, сегодня будет тепло. В день окончания школы должно быть тепло.

У забора Сомбры взмахнула крыльями малиновка — наше доброе предзнаменование.

— Конечно! — внезапно воскликнул папа. Я удивленно взглянула на него, и он тихо продолжил: — Мороз уничтожил не все бутоны. Некоторые выжили!

Папа взял меня за руку и повел домой. Он держался между мною и деревом, словно побитые морозом почки были моими обманутыми надеждами, и мне невыносимо на них смотреть.

Я остановилась у оранжереи, с трудом сдерживая восторженную дрожь.

— Нужно Сомбре платье отнести, мы же к выпускному должны принарядиться.

Отец не отпускал меня, но его пальцы внезапно ослабли. Я погладила папину холодную руку, метнулась в дом, и, держа наряд Сомбры над головой, промчалась вниз по ступенькам крыльца. Розовые ленты развевались на ветру. Папа так и остался стоять у входа, словно только что увидел замерзшие цветы и не мог скрыть своей печали.

Оказалось, это не малиновка, а объявление о карантине, привязанное к измерительной метке.

Я остановилась около персикового деревца и посмотрела на негр так, как только что смотрел папа. Платье оттягивало руку.

— Нет! — воскликнула я и побежала дальше.

О нарушении карантина лучше не думать. «Мне все равно, — сказала я себе, переводя дух у забора. — Скажу Мамите, что сегодня — выпускной, что «Магассар» прилетает, полный цветов, и что мы обязательно должны быть там!»

Только Мамита обязательно задумается о последствиях.

«Ну и что с того, если один из работников заболел? Новобранцы всегда болеют. Но сегодня наш выпускной, и никто не испортит нам праздник. А цветы? — скажу я ей. — Сомбра умрет, если цветов не увидит. Давайте, проверьте ее! Проверьте нас обеих. Мы не заразимся!»

Через забор пришлось перелезать осторожно, чтобы не порвать платье, которое, хоть и сложенное пополам, все равно едва не волочилось по земле. Ворота наверняка закрыты. Со всех ног я бросилась через поле, к черному ходу. Странно, что дверь оранжереи распахнута. Наверно, это Сомбра, хлопоча по хозяйству, в спешке забыла ее закрыть. Ох, Мамита так рассердится! Я бы прикрыла дверь, только если меня заметят, то сразу же отправят домой. Главное — добраться до Мамиты и убедить ее.

Я подошла к черному ходу, и, постучав, прислонилась к шершавому стеблю гигантского тростника. Дыхание перехватило, да так, что не вымолвить ни слова из тех, что я собиралась сказать. Мамита открыла дверь, и я тут же поняла, что говорить нечего.

В доме заплакал ребенок. Мамита прижала руки к груди, словно ей стало больно, затем прикоснулась ко лбу. Складка на сгибе, у локтя, полыхнула алым.

— Хейз? Что ты здесь делаешь? — спросила она.

— Вот, платье для Сомбры.

Черные глаза Мамиты вспыхнули внезапным гневом. От неожиданности я отступила назад и оцарапала руку о тростник. Уже потом, намного позже я сообразила: Мамита подумала, что я принесла погребальный саван для Сомбры, вот и разгневалась — совсем как моя мама, когда смотрела на меня, живую и здоровую, в то время как малыши умирали один за другим. Но в тот момент мне это в голову не приходило. Я с ужасом поняла, что болен не новый работник, а Сомбра. — Для выпускного… — Я настойчиво протягивала платье Мамите. Если она его возьмет, значит, Сомбра здорова.

— Спасибо, Хейз, — поблагодарила Мамита, но платье не взяла. — Наш папа уже отмучился… А Сомбра… — вздохнула Мамита, и в ту же секунду я подумала, что она скажет, будто моя подруга тоже умерла. Нет, нет, нельзя этого говорить!

— «Магассар» сегодня приземляется. Давайте, я на космодром сбегаю — вскочу на поливалку и мигом вернусь. На «Магассаре» полно антибиотиков, районная медсестра говорила, я знаю.

— Мой муж умер, так и не дождавшись медсестры. Он до последнего не хотел ее вызывать, чтобы не испортить Сомбре праздник. А потом мы нашли Сомбру в оранжерее…

— Но «Магассар»…

Мамита положила мне руку на плечо.

— Сомбра — двадцатый случай заражения.

Я никак не могла взять в толк, о чем она говорит.

— Ведь был только один звонок, девятнадцатый. Всего один. Сомбра и ее папа. Один звонок.

— Иди-ка ты домой, проверься на всякий случай, детка. Здесь же инфекция… — Мамита погладила меня по щеке. От ее руки веяло жаром. — Маме спасибо от нас передай, за платье. — Дверь захлопнулась.

* * *

Френси нашла меня под персиковым деревцем. Платье Сомбры лежало у меня на коленях, точно плед. На него падали последние цветочные почки, побитые морозом. Они умерли. На борту «Магассара» так же умирали наши цветы — только медленнее.

— Папа сказал, чтобы ты шла домой, — заявила Френси. С помощью сахарной воды мама завила сестренке волосы, и тугие локоны свисали вдоль ее розовых щек.

— Выпускного не будет, — сказала я.

— Знаю! — с негодованием ответила Френси. — Мама все утро мне проверки устраивает. Она считает, что я обязательно заболею.

— Нет. — Прикосновения Сомбры и Мамиты жгли мне щеки, боль теснила грудь и утихать не собиралась. — Заболею я.

— Я же маме все так и объясняю: рядом с Сомброй не сидела, домой вместе с вами не ходила, потому что вы всегда катаетесь на поливалке… Она меня из школы забрала, как только узнала о мистере Фелпсе. Сомбра тогда еще была здорова. Но мама и слышать ничего не желает… Ты же все равно не заболеешь! Наверное, тебя можно даже не проверять. Сом-бра ведь вчера не болела? Значит, и ты не заразилась. Мама говорит, что инкубационный период очень короткий. — Тут Френси вспомнила, зачем ее послали. — Папа сказал, чтобы ты шла домой. Немедленно! — заявила она и отправилась прочь.

Я осторожно подняла белое платье и вслед за Френси пошла через поле колючей пшеницы. «Они не знают, что я нарушила карантин, — подумала я изумленно. — Интересно, зачем папа меня позвал? Наверно, он все-таки знает и хочет поговорить со мной прежде, чем сообщит властям».

— Зачем? — спросила я.

— Не знаю. Он сказал, что я должна привести тебя до того, как проедет поливальная машина. Одна уже проезжала, с гробом для мистера Турильо.

По дороге, мимо персикового деревца, с грохотом катилась поливалка, разбрызгивая воду на опавшие цветы и на гроб, прицепленный сзади. Гроб Сомбры. Папа пытался избавить меня от этого зрелища. А мне придется вести себя так, чтобы он не догадался, что я умираю.

Я объявила свой собственный карантин, вернулась домой и незаметно стащила тест. Я боялась, что мама сама заставит меня проверься, но она обо мне даже не вспомнила. За кухонным столом Френси в негодовании отворачивалась от ярко-красной бумажки в маминой руке. Я спрятала украденный тест за спиной, сбежала в оранжерею и, спрятавшись за чанами с питательным раствором, вложила в рот бумажную полоску, которая тут же побелела. Впрочем, мне не требовалось этого подтверждения — я и так знала, что

заразилась. Щеки до сих пор ощущали обжигающие прикосновения Сомбры и Мамиты.

Эпидемия охватила всю планету. «Магассар» сошел с орбиты Хейвена и держал курс на Землю. Мы были предоставлены самим себе, и единственное, что могло остановить распространение инфекции — это соблюдение карантина. Как ни странно, никто обо мне никуда не сообщил, хотя при всей своей любви ко мне Мамита, несомненно, доложила бы властям о нашем с ней контакте. Скорее всего, Мамита тоже заразилась, а может, и все обитатели фермы Турильо умирали от скарлатины, и помощи им ждать было не от кого.

Я старалась держаться подальше ото всех, особенно от Френси: разговаривала, отвернувшись; сама стирала свои вещи и мыла посуду. Я нарочно поссорилась с Френси и обзывала ее «приставалой» для того, чтобы она избегала меня так же тщательно, как я ее. Мама не обращала на меня никакого внимания. Ее интересовала лишь Френси.

Через три недели после смерти Сомбры папа сказал за ужином, что карантин с фермы Турильо снят. Районная медсестра днем подтвердила, что Мамита выздоровела.

— А близнецы? — спросила мама.

— Умерли. — Отец сокрушенно покачал головой. — Однако ни один из работников не заболел. Они уже полгода здесь, но положительной реакции на присутствие стрептококка ни у кого из них не наблюдается.

— Да, необычный штамм, — сказала мама. — Однако это ничего не доказывает. Все они могут завтра умереть.

— Вряд ли, — ответил отец. — Инкубационный период действительно очень короткий, как ты и говорила, но ни один из работников не подхватил стрептококк.

— И тем не менее я считаю, что это не последний новый штамм на Хейвене… А у нас до сих пор нет антибиотиков, — сказала мама, но почему-то без привычного страха в голосе.

— «Магассар» задержали на полпути, уведомили, что у нас уже неделю нет ни единого случая заболевания. Если на следующей неделе не произойдет новой вспышки инфекции, то корабль вернется на Хейвен. — Папа улыбнулся мне. — Хорошие новости, Хейз! Персики все-таки не замерзли, даже плоды завязались. — Он взглянул на маму и тем же радостным тоном произнес: — Придется тебе вытащить герани из питательного раствора.

Мама схватилась за щеку, словно ее ударили.

— Я говорил с Мамитой, — сообщил отец. — Она готова купить у нас весь урожай пшеницы.

— Давай я цветы в грунт пересажу, — попросила мама.

— Нет, — ответил отец. — Земля дороже золота, везде будем сеять.

Мама смотрела на него через стол, словно на врага, отец отвечал ей тем же — словно они вступили в какую-то сделку друг с другом, и маме приходится расплачиваться своими драгоценными цветами. Мне стало интересно, чем расплатился отец.

— Если персики не замерзли, это же ценный товар! — выпалила я. — Все изголодались по настоящим фруктам. А поспевают они так же быстро, как и пшеница.

— Нет, — ответил отец, не сводя глаз с матери. — Нужна выручка от продажи зерна. У нас тут счета накопились.

— Да, — ответила мама и отодвинула свой стул от стола. — Платить придется всем.

— Я завтра сеять начинаю, — крикнул отец ей вслед. — Герани сегодня убрать надо.

Френси изумленно уставилась на отца.

— Пойдем, Хейз, — спокойно сказал он мне. — На персики посмотрим.

На месте тугих бутонов возникли маленькие, твердые как камушки, припухлости — ничего похожего на персики.

— Смотри, — сказал папа, — будет у нас еще товар на продажу.

С забора Сомбры исчезло объявление о карантине. Мой тест сегодня вновь оказался белым, и боль, которая ни на минуту не оставляла меня в покое, опустилась глубже, в лёгкие.

— Колониям первого поколения нечем торговать, — заговорил отец. — Они находятся

на краю гибели и просто пытаются выжить. Они очень благодарны правительству за любую помощь — оранжереи, антибиотики и все прочее. Колонии второго поколения особой благодарности не испытывают — урожаи зерновых гарантируют достаток, а от помощи правительства, как выясняется, особой пользы-то и нет. Колониям третьего поколения благодарить никого не приходится: излишки урожая они продают с прибылью и сами покупают с Земли все, что им требуется. Колонии четвертого поколения вообще не выращивают зерно на продажу, они наладили производство, сами себя обеспечивают всем необходимым и послали Землю ко всем чертям.

— Мы — колония четвертого поколения… — Я никак не могла сообразить, о чем говорит отец.

Под персиковым деревом стояло ведро с раствором извести и серы, рядом лежала связка тряпок — ствол побелить.

— Нет, Хейз. — Папа решительно опустил тряпку в ведро. — Мы — колония первого поколения, и если правительство будет продолжать в том же духе, останемся такими навсегда. Стрептококк препятствует нашему развитию, вынуждает нас бороться за существование. Промышленного развития мы обеспечить не можем, мы даже не в состоянии уберечь от ранней смерти детей — они даже школу закончить не успевают. Мы здесь уже почти семьдесят лет, Хейз, а вы — наш первый выпускной класс.

— Но ведь антибиотики можно просто сбросить с орбиты, без всякой посадки? — спросила я. Тут же вспомнился малыш Уилли, который метался по огромной кровати, плакал и звал маму. — Инфекцию можно навсегда искоренить. Почему никто не принимает никаких мер?

Папа наклонился над ведром, пахнущим серой, и обмакнул тряпку в жидкость.

Сейчас он скажет, что ничего не поделаешь, что невозможно производить антибиотики, не имея фильтров, центрифуг и реагентов, которых правительство никогда нам не пришлет. Я думала, он скажет, что нам отправляют лишь те промышленные изделия, которые никак нельзя разобрать на части, что основное достоинство поливальных машин, с точки зрения правительства, в том, что их нельзя преобразовать в оборудование для производства антибиотиков. Но отец усердно обрабатывал ствол персика. Наконец он ответил:

— Мы станем колонией второго поколения, Хейз. У нас будет, чем торговать, и никакое правительство нас не остановит. Они отправляют нам именно то, что нам сейчас нужно, но даже не догадываются об этом.

Я опустилась на колени и тоже опустила тряпку в пахнущий серой раствор.

— Когда я впервые попытался вырастить персики, Хейз, я взял обычные персиковые косточки, которые привез с Земли. Я держал их в чанах с питательным раствором, и некоторые из них прижились и даже зацвели. Тогда я скрестил их с другими, которые тоже выжили. Ты помнишь, Хейз, как оранжерея была полна персиковых деревьев?

Все еще стоя на коленях, я недоверчиво покачала головой — такое невозможно даже представить, ведь у отца ни для чего не было места, даже для маминых гераней.

— Я вывел сорт с такими качествами, какие, на мой взгляд, были необходимы: толстая кора выдержит нашествие рыжих муравьев, короткий ствол лучше противостоит ветрам… Только вот генная инженерия была мне не под силу — оборудования ведь никакого! Поэтому я просто скрещивал самые перспективные деревья с теми, которым удалось зацвести. Я знал, для чего я их вывожу, но не догадывался, что получится в результате. Кто же мог предположить, что они вырастут такими… мелкими и кривыми…

Папа не смотрел на деревья. Он смотрел на меня. Ему на ботинки стекала беловатая жидкость с тряпки.

— Разные люди приезжают сюда на заработки: некоторые из них становятся поселенцами, другие — нет, в зависимости от их генетического кода и разрешения эмиграционной службы. Мы считали, что мама… Ее генетический код почти такой же, как у мистера Фелпса, а он никогда не был носителем стрептококка. А я за все эти годы подхватывал его лишь два раза. Вот мы и решили, что если расхождения столь малы, значит,

все должно быть в порядке… Но с людьми нельзя обращаться так, как с персиковыми деревьями. Люди смертны… Все, что у меня осталось, — сказал он, выжав тряпку на землю, — это жалкий корявый персик… И ты.

На следующий день мы выкопали вокруг деревца узкий ров и заполнили его сухой глиной и соломой, для того чтобы сдержать нашествие рыжих муравьев. Больше папа ни о чем не рассказывал, и я ничего не могла прочесть по его лицу.

А через день мой тест показал отрицательный результат. Я сидела, уставившись на ярко-красную бумажку, и размышляла: «Как же так вышло, что мне никогда не становилось ни жарко, ни холодно и почему в детстве я ни разу не подхватила стрептококк? Но ведь мистер Фелпс умер от скарлатины. Мистер Фелпс, который был похож на меня и тоже никогда не чувствовал холода. А мамин генетический код почти такой же, как у него».

Я побежала к нашему деревцу, путаясь в колосьях созревающей пшеницы. Папа стоял рядом с ним и рассматривал один из персиков. Плод не увеличился в размере, но уже немного порозовел.

— Как ты думаешь, накинуть на дерево сетку от моли? — спросил он. — Или еще рано?

— Папа, — сказала я, — от нас тут больше ничего не зависит. Думаю, все дело в семени.

Он улыбнулся, и его улыбка сказала мне то, чего я так боялась.

— Именно так мне и говорили, — сказал он.

— Я невосприимчива к стрептококку?

— Генетический код твоей матери почти такой же, как у мистера Фелпса. А я лишь два раза подхватывал стрептококк. Мы предполагали, что наши генетические возможности почти равны, а после того, как ты родилась, убедились в этом. — Папа смотрел сквозь меня, как в тот день, когда мы увидели объявление о карантине на заборе Сомбры. — Я сделал для нее все, что мог. Я всегда помнил, что она ни в чем не виновата, что я сам привез ее сюда и обрек на эту жизнь, что только я виноват в том, что думал о ней так же, как о своих персиковых деревьях. Она превратила Френси в оранжерейный цветок, которому никогда не выжить самостоятельно. Мама обращается с тобой, как с падчерицей, а я не упрекаю ее в этом, потому что уверен: ты выживешь, что бы она с тобой ни сделала. Я позволил…

Он замолчал и провел рукой по груди.

— В оранжерее есть тайник с пенициллином, купленным на черном рынке… для Френси. На это ушла вся выручка за урожай. — Отец посмотрел в сторону фермы Турильо. — Думаю, пора отправить тебя к Мамите. Ей требуется помощь по хозяйству, вот ты и поможешь, — сказал он и отправил меня домой собирать вещи.

Стояла ужасная жара. На полпути через поле лоб у меня покрылся испариной. «Под персиковым деревом будет прохладнее», — подумала я и повернула назад. Но вокруг вдруг сгустился туман, плотный, как розовое облако, и стало холодно. «Согреюсь в оранжерее», — решила я и, задрожав, повернула к дому.

В оранжерее я упала и выбила одну из опорных стоек. «Френси заметит, — подумала я. — Френси меня найдет». Я попыталась подняться, ухватившись за край чана, но не устояла, зато порезала руку. Кровь закапала в питательный раствор.

Френси увидела, что оранжерея сильно провисла с одной стороны и побежала в дом за помощью, так что нашла меня мама. Она долго стояла надо мной, Словно не зная, что делать.

— Что с ней? — спросила Френси, стоя в дверном проеме.

— Ты дотрагивалась до нее? — спросила мама.

— Нет, мам.

— Правда?

— Конечно! — Ярко-голубые глаза Френси наполнились слезами. — Может, позвать папу?

Мама опустилась рядом со мной на колени и положила прохладную руку на мою горячую щеку.

— У нее скарлатина, — сказала она Френси. — Иди домой. Меня положили на большую кровать в дальней спальне.

Я пыталась натянуть на себя все одеяла, но стало так жарко, что я скинула их и вновь заметалась в лихорадке. Меня бил озноб и родители принесли одеяла даже из спальни Френси.

— Как она? — спросил папа.

— Лучше не стало, — ответила мама без испуга в голосе. — Температура не падает.

«Интересно, эпидемию отменили?» — мелькнуло у меня в голове.

— Я позвонил районной сестре.

— Зачем. Она все равно ничего ей не даст. И «Магассар» не вернется.

— У нас есть пенициллин.

«Неужели они смотрят друг на друга, как в тот день, в оранжерее, только схватившись за спинку кровати?» — подумала я.

Мама дотронулась до моей щеки прохладной рукой.

— Нет, — тихо сказала она.

— Хейз умрет без антибиотиков, — произнес отец чуть слышно.

— Пенициллина больше нет, — ответила мама холодно. — Я дала его Френси.

Какая-то мысль билась в моем сознании. Я попыталась ее удержать, но не смогла. От озноба у меня зуб на зуб не попадал. Боль в груди обжигала, как пламя. «Надо прижать боль, и она утихнет», — подумала я, но рука, обмотанная бинтом, белым, словно положительный тест, оказалась неподъемно тяжелой.

Мамита сказала мне тогда, чтобы я шла домой и проверилась. Я так и сделала, и бумажная полоска побелела. Что-то тут не так, потому что инкубационный период слишком короткий, а я заболела только через месяц.

«Но я ведь уже была нездорова, — мелькнуло у меня в голове. — Мы с Сомброй возвращались из школы, Сомбра еще спросила, не заболеваю ли я, и такое же пламя в груди буквально согнуло меня пополам. Должно быть, я уже тогда заразилась».

Медленно, постепенно я собирала разрозненные обрывки мысли в единое целое, но мне было так холодно! А ведь раньше я никогда не мерзла. В тот день, перед выпускным, Сомбра наклонилась ко мне и спросила: «Чувствуешь, какая я горячая?» Она тоже была больна, как и я, — но мне удалось выздороветь.

Я попыталась вытащить руку из-под одеял и вновь затряслась в лихорадке. Рука все еще была невероятно тяжелой, но я все-таки приложила пальцы к ямке между ключицами и все нажимала, и нажимала. Тело потихоньку выпрямлялось, плечи расправились, словно растягивая боль, которая начала уходить. Потом я встала и надела выпускное платье, неловко застегивая пуговицы забинтованной рукой. Я ослабела от высокой температуры, но чувствовала себя лучше, немного лучше.

Папа стоял около нашего дерева и швырял персики на дорогу. Они подпрыгивали, ударяясь о затвердевшую глину, и откатывались к забору соседей.

— Папа! — воскликнула я. — Не надо!

Казалось, он меня не слышал. Вдалеке в облаке пыли дребезжала поливальная машина. Папа сорвал с дерева твердокаменный персик, и, едва не раздавив его, швырнул в сторону поливалки.

— Папа, — снова позвала я.

Он яростно замахнулся, словно хотел бросить персиком в меня. Я удивленно отступила.

— Она убила тебя, — сказал он, — чтобы спасти свою драгоценную Френси. Ты ее звала, она оставила тебя умирать. Подожила руку на щеку и подоткнула одеяло. Она погубила тебя! — Папа со злостью бросил на землю очередной плод, который откатился к

моим ногам. — Убийца! — воскликнул отец и потянулся за очередным персиком. Я протестующее вскинула руку.

— Папа, прекрати! Это же персики! Это же деньги! Отец обессилено уронил руки и уставился на поливалку, что с грохотом приближалась к нам. Она тащила за собой гроб. Мой гроб.

— Я уже расплатился, сполна, — тихо ответил он.

Мне вспомнилось лицо Мамиты, которая подумала, что я принесла платье для погребения Сомбры, и я взглянула на свой, похожий на саван, наряд. До меня наконец дошло…

— Папочка! Я не умерла. Я выздоровела.

— Она отдала пенициллин Френси, — произнес он. — Ты еще лежала в оранжерее. Перед тем, как отправить Френси за мной. Ты истекала кровью, а она скормила Френси весь пенициллин, даже руку тебе не перевязала.

— Это не имеет значения, — ответила я. — Мне не нужны лекарства. Я излечилась от скарлатины сама!

Наконец, он начал понимать, постепенно, как понимала я, когда лежала там, на большой кровати.

— Мы считали, что ты неуязвима для стрептококка. А ты все-таки подхватила его. Мы думали, у тебя иммунитет…

— Папа, у меня нет иммунитета, но я переношу скарлатину. Всю жизнь ее переносила.

Я подняла персик с земли и протянула отцу. Он смотрел на меня в оцепенении.

— Мы думали, у наших детей будет иммунитет…

— Я понимаю, папа. Вы знали, чего хотели добиться, но не догадывались о результатах. — М не захотелось его обнять. — На Хейвене постоянно появляются новые штаммы стрептококка. Невозможно обладать иммунитетом к каждому из них.

Медленно, словно во сне отец вытащил из кармана нож и разрезал им толстую, бледную кожицу персика, оказавшегося на удивление мягким внутри. Он попробовал плод на вкус, а я с волнением наблюдала за ним.

— Вкусно, папа? — спросила я. — Персик сладкий?

— Слаще меда, — ответил отец, обнял меня и прижал к себе. — Хейз, милая! Мы хотели побороть стрептококк, и у нас получилось! — воскликнул он и с гордостью посмотрел на меня. — Отправляйся-ка ты к Мамите. Здесь ты ничем не сможешь помочь. Но у всех работников, которые живут у Мамиты на ферме, такой же генетический код, как и у тебя. — Глаза отца наполнились слезами. — Все-таки ты — мой самый дорогой урожай… Ну, беги! — сказал он, и отправился через поле домой.

Я смотрела отцу вслед… Не было сил окликнуть его, объяснить, как сильно я их всех люблю. Я перелезла через заборчик и встала на дороге, глядя на разбросанные персики.

Поливальная машина заканчивала свой привычный объезд на вершине холма. А что, если прокатиться до Мамиты на своем гробу, даже не замочив выпускного платья. Внезапно эта затея показалась мне самой лучшей на свете — победно проехать на собственном гробу в белом платье с развевающимися красными лентами!

На вершине холма я перевела дух и оглянулась на персиковое дерево. Френси стояла у ствола и словно спрашивала о чем-то. Мама накрутила ей волосы сахарной водой, и они не развевались на ветру, как мои ленты. Сестра прижала тонкие руки к груди, и казалась такой же неподвижной, как коричневый туман вокруг нее. Я была слишком далеко и не видела, как она дрожит. А если бы увидела, возможно, и не поняла бы, что это значит… Я не для того родилась, чтобы толковать предзнаменования.

— Я принесу вам пенициллин, — крикнула я, но и папа, и Френси были слишком далеко, и не расслышали моих слов. — Я принесу лекарство, даже если придется пешком идти до самого «Магассара»! Не беспокойтесь! Карантин со всей планеты снимут, я знаю!

Поливалка прогремела мимо меня, заглушая мои слова. Я побежала к ней и запрыгнула на крышку гроба.

— Не волнуйся, Френси, — закричала я, приложив забинтованную ладонь ко рту и вцепившись здоровой рукой в поручень поливалки. — Мы будем жить вечно!

ДЖЕК[26]

Ви опаздывала. Задерживались и немецкие бомбардировщики: было уже восемь, а сирены все молчали. В тот вечер Джек и явился к нам на пост.

— Наша Виолетта, похоже, забросила ВВС и принялась за воздушных наблюдателей, — сострил Моррис. — Так их очаровала, что они даже сирены забыли включить.

— Тогда и нам лучше поостеречься, — отозвался Суэйлс, снимая каску; он только что вернулся с обхода. Мы сдвинули чашки, фонарики, противогазы, освобождая место на застеленном клеенкой столе. Твикенхем сгреб свои бумаги в стопку возле пишущей машинки и стал печатать дальше.

Суэйлс налил себе чаю.

— После них возьмется за гражданскую оборону, — продолжил он, потянувшись за молоком; Моррис подтолкнул к нему кувшинчик. — И нам всем придется держать ухо востро. — Он поглядел на меня и усмехнулся. — Особенно молодым, вроде Джека.

— Мне это не грозит, — ответил я. — Меня скоро призовут. А вот Твикенхему стоит поберечься.

Твикенхем взглянул на меня.

— Поберечься? — спросил он, держа пальцы над клавишами.

— Ну да, глядишь, наша Виолетта начнет тебя завлекать, — объяснил Суэйлс. — Девушкам нравятся поэты.

— Я не поэт. Я журналист. Как насчет Ренфрю? — Твикенхем кивнул в сторону кроватей в соседней комнате.

— Эй, Ренфрю! — гаркнул Суэйлс и, вскочив со стула, ринулся к двери.

— Ш-ш-ш, — оборвал я его. — Не буди. Он всю неделю не спал.

— Да, правда. Ренфрю не годится: и без того ослаб. — Суэйлс опять сел. — Моррис у нас женат… Моррис, а твой сын, который летчик, — он в Лондоне?

Моррис покачал головой.

— Квинси сейчас на базе в Норт-Уилде.

— Повезло парню, — сказал Суэйлс. — Так что, Твикенхем, остаешься только ты.

— Нет уж, увольте, — ответил Твикенхем, печатая. — Она не в моем вкусе.

— Она ни в чьем вкусе. Верно?

— Она во вкусе Королевских ВВС, — произнес Моррис. Мы помолчали, думая об удивительной популярности Виолетты среди пилотов в Лондоне и его окрестностях.

У Ви были белесые ресницы и волосы тусклого неопределенного цвета, которые она на дежурстве накручивала на мелкие бигуди. Инструкции это запрещали, но миссис Люси не делала Ви никаких замечаний.

Пилоты наперебой приглашали пухленькую глупышку Виолетту на танцы и вечеринки.

— Я все-таки считаю, что она все выдумывает, — заявил Суэйлс. — Сама покупает все эти так называемые «подарки» — апельсины, шоколад. Достает где-то на черном рынке.

— На заработок в отряде ПВО? — возразил я. Нам платили два фунта в неделю; то, что Ви приносила на пост — шоколад, вино, сигареты, — купить за эти деньги было невозможно. Она щедро делилась с нами. Алкоголь и сигареты запрещались инструкциями, но миссис Люси никогда не делала замечаний.

Миссис Люси вообще не делала нам выговоров; только осаживала, если мы начинали насмехаться над Ви — поэтому при ней мы не сплетничали. Интересно, где она? Я вспомнил,

---

26 Jack © Перевод. В. Гайдай, 2010

что не видел ее с тех пор, как пришел.

— А где миссис Люси? Неужели тоже опаздывает? Моррис кивнул на дверь в кладовую.

— У себя. Прибыл новичок на замену Олмвуду, так что миссис Люси вводит его в курс дела.

Олмвуд был у нас лучшим из работавших в неполную смену: здоровяк, бывший шахтер, он в одиночку поднимал тяжеленные балки. Поэтому-то Нельсон, пользуясь своим положением районного уполномоченного по гражданской обороне, и перевел его к себе на пост.

— Надеюсь, новичок окажется плохоньким, — заметил Суэйлс. — А то Нельсон и его прикарманит.

— Я вчера встретил Олмвуда, — сказал Моррис. — С виду стал как Ренфрю, только еще хуже. Говорит, что они у Нельсона всю ночь патрулируют и ищут зажигалки.

Это было бессмысленно. С улицы не видно, куда падают зажигательные снаряды; а если начнется бомбежка, никого не собрать. Поначалу миссис Люси назначила патрули на период налетов, но неделю спустя стала прекращать обходы в полночь, давая нам выспаться. По ее словам, незачем было погибать без толку, если все и так уснули.

— Еще Олмвуд рассказывал, что Нельсон заставляет их носить противогазы во время дежурства, — продолжил Моррис. — И два раза за смену устраивает тренировки по пользованию ручным пожарным насосом.

Суэйлс не выдержал.

— Ручным насосом?! Да сколько же, интересно, надо учиться, чтоб с ним управиться? Нет, в жизни не пойду к Нельсону на пост, даже если сам Черчилль подпишет бумаги о переводе.

Дверь кладовой приотворилась, и оттуда выглянула миссис Люси.

— Половина девятого. Хоть сирены и молчат, наблюдателю лучше подняться наверх. Чья сегодня очередь?

— Ви, — ответил я. — Но она до сих пор не пришла.

— Господи, — вздохнула миссис Люси. — Наверно, кому-то надо пойти и поискать ее.

— Я схожу. — Я принялся натягивать сапоги.

— Спасибо, Джек, — сказала она и закрыла дверь.

Я встал, сунул за ремень фонарик, перекинул через плечо противогаз — на случай, если встречусь с Адмиралом Нельсоном. По инструкции, во время патрулирования полагалось надевать противогазы; но миссис Люси быстро поняла, что в них ничего не разглядишь. «Вот почему, — подумал я, — ее пост и лучший во всем районе».

Миссис Люси снова выглянула из-за двери.

— Обычно она приезжает на метро. Станция «Слоан-сквер». Вы уж там поосторожнее.

— Точно, — добавил Суэйлс. — Поосторожнее, там Ви прячется во тьме! Готовая броситься на тебя! — Он ухватил Твикенхема за шею и притянул к груди.

— Буду начеку, — пообещал я, поднялся по ступенькам и вышел наружу.

На темных улицах мне не встретилось ни души; только спешила к подземке девушка с подушкой, одеялом и платьем на вешалке. Я проводил ее до станции, чтобы она не заблудилась, хотя было не так уж темно. Сияла полная луна, у реки догорал пожар от вчерашнего налета.

— Спасибо огромное. — Девушка перехватила вешалку и пожала мне руку. Она была куда красивей, чем Ви; светлые волосы вились кудряшками. — Работаю в магазине «Джон Льюис», а моя начальница, старая перечница, сроду не отпустит и на минутку раньше — даже если уже включили сирены.

Я подождал несколько минут у выхода со станции. Потом, подумав, что Ви могла выйти в Южном Кенсингтоне, прошел до Бромптон-роуд, но ее не было и там. Пришлось вернуться на пост, но Ви все еще не появлялась.

— У нас здесь новая теория насчет того, почему молчат сирены, — сообщил мне

Суэйлс. — Мы решили, что Ви переключилась на люфтваффе. И те капитулировали.

— Где миссис Люси? — спросил я.

— Все с новеньким, — откликнулся Твикенхем.

— Скажу ей, что не смог найти Ви. — Я шагнул к двери. Дверь отворилась, и из кладовой появились миссис Люси и новичок.

Его трудно было назвать заменой крепкому Олмвуду: худощавый, с тонким и бледным лицом, чуть старше меня — балку вряд ли поднимет. «Должно быть, студент», — подумал я.

— Знакомьтесь, это мистер Сеттл, наше пополнение, — представила его миссис Люси и указала на каждого из нас по очереди. — Мистер Моррис, мистер Твикенхем, мистер Суэйлс, мистер Харкер. — Она улыбнулась мне и новичку. — Мистера Харкера тоже зовут Джек. Постараюсь вас не перепутать.

— Вот так парочка! Хорошая примета, — вставил Суэйлс. Новичок улыбнулся.

— Если захотите вздремнуть — кровати вон там. На случай бомбежки у нас укреплен угольный подвал. Остальная часть подвала, к сожалению, не укреплена, но я постараюсь это исправить. — Она взмахнула пачкой бумаг, которые держала в руке. — Я уже запросила у районного уполномоченного брусья. — Противогазы здесь. — Миссис Люси показала на деревянный сундук. — Батарейки для фонариков здесь. — Она выдвинула ящик. — А на стене расписание дежурств: вот патрульные, вот наблюдатели. Как видите, первый наблюдатель сегодня — мисс Вестен.

— А той все нет, — пробормотал Твикенхем, не переставая печатать.

— Я не нашел ее, — сказал я.

— Господи. Надеюсь, с ней ничего не случилось. Мистер Твикенхем, вас не затруднит взять это дежурство на себя?

— Я подежурю, — подал голос Джек. — Куда идти?

— Я покажу. — Я направился к ступенькам.

— Погодите, — остановила нас миссис Люси. — Мистер Сеттл, ужасно не хочется отправлять вас на пост, вы же не успели толком со всеми познакомиться. Да и нет особой нужды подниматься наверх, пока не включат сирены. Да вы не торопитесь, присядьте оба. — Она сняла с чайника цветастую грелку. — Выпьете чаю, мистер Сеттл?

— Нет, спасибо.

Миссис Люси вернула грелку на место и улыбнулась.

— Вы из Йоркшира, мистер Сеттл, — произнесла она чинно, словно на званом чаепитии. — Откуда именно?

— Из Ньюкасла, — вежливо отозвался Джек.

— Что вас привело в Лондон? — спросил Моррис.

— Война, — ответил Джек все так же вежливо.

— А! Хотите исполнить свой долг?

— Да.

— Вот и сын мой, Квинси, так сказал. «Папа, — говорит, — я хочу исполнить свой долг перед Англией. Хочу стать летчиком». Двадцать один самолет он подбил, мой Квинси. И самого два раза сбивали. Побывал в передрягах, скажу вам!.. Только об этом нельзя — военная тайна.

Джек кивнул.

Порой я сомневался, уж не выдумал ли Моррис подвиги сына, как Ви — своих пилотов ВВС? Иногда казалось, что Моррис выдумал и самого сына; впрочем, в таком случае можно было подыскать Имя получше, чем Квинси.

— «Папа, — как-то говорит он мне, — я должен исполнить свой долг». И показывает документы о зачислении. Я даже опешил. Не то, чтобы у него не хватало патриотизма, но трудности в колледже были — знаете, молодость… И вдруг, представьте себе, заявляет: «Папа, хочу исполнить свой долг».

Одна за другой завыли сирены.

— А вот и они, — сказала миссис Люси так, словно на ее чаепитие прибыл последний

долгожданный гость.

Джек поднялся.

— Мистер Харкер, будьте добры, покажите, где здесь пост наблюдателя.

— Зови меня Джек, — поправил я. — Имя простое, запомнить легко.

Мы поднялись наверх, в мансарду, служившую когда-то спальней для кухарки миссис Люси. Отсюда, с пятого этажа, было удобно следить за зажигалками — не то что с улицы. Остальные дома в округе были ниже — и все, что падало на крыши, виднелось как на ладони. Вдалеке, между дымовых труб, поблескивала Темза. С другой стороны светили прожектора Гайд-парка.

У окна с выставленной рамой миссис Люси поставила мягкое кресло, а узкую площадку в конце лестницы укрепили тяжелыми дубовыми балками, поднять которые не смог бы даже Олмвуд.

Я посветил на балки фонариком.

— Если бомбы близко, лучше всего здесь прятаться. Будет сперва свист, а за ним — такой нарастающий вой. — Я провел Джека в спальню. — Если увидишь зажигалку — сообщи и постарайся заметить, куда именно она угодила. — Я показал ему, как пользоваться укрепленным на деревянном основании прицелом, который мы использовали вместо секстанта, и вручил Джеку бинокль. — Что-нибудь еще нужно?

— Нет, — тихо ответил он. — Благодарю.

Я оставил его и спустился вниз. Там все еще обсуждали Виолетту.

— Начинаю всерьез о ней беспокоиться, — призналась миссис Люси.

Рявкнула зенитка; где-то далеко глухо загрохотали бомбы. Мы замерли, прислушиваясь.

— Сто девятые «мессершмиты», — определил Моррис. — Опять идут с юга.

— Надеюсь, у нее хватило ума укрыться в бомбоубежище, — сказала миссис Люси.

И тут в дверь влетела Ви.

— Извините, опоздала, — выпалила она, выкладывая перевязанную ленточкой коробку на стол рядом с машинкой Твикенхема. Ви раскраснелась и часто дышала. — Знаю, сейчас мое дежурство, но Гарри днем повез меня поглядеть на его самолет, а оттуда я еле до вас добралась. — Она сбросила пальто на спинку стула, на котором недавно сидел Джек. — Ни за что не поверите, как он назвал самолет. «Милая Виолетта»! — Она развязала ленточку. — Мы так задержались, что не осталось времени попить чай, и тогда он говорит: «Возьми это к себе на пост, попейте там чаю всласть, а я пока задам немцам жару». — Она вынула из коробки торт, покрытый сахарной глазурью. — Он написал имя на носу самолета, а вокруг нарисовал фиалки — по одной за каждого подбитого немца.

Мы во все глаза глядели на торт. Яйца и сахар с начала года выдавались по карточкам, да и раньше с ними было туго. Такого чудесного торта я не видел уже давно.

— С малиновой начинкой, — объяснила Ви, разрезая лакомство на части. С поднятого ножа капал джем. — Шоколада у них не нашлось. Ну, кому?

— Мне, — сказал я.

Я недоедал с начала войны и испытывал постоянный зверский голод с тех пор, как записался в гражданскую оборону. Особенно не хватало сладкого. Свой кусок я проглотил еще до того, как Ви закончила раскладывать другие по тарелкам из веджвудского сервиза миссис Люси.

Оставалась еще четверть торта.

— А кто дежурит вместо меня? — спросила Ви, слизывая малиновый джем с пальцев.

— Новенький, — ответил я. — Я отнесу ему наверх. Ви отрезала кусок и положила на тарелку.

— Какой он? — заинтересовалась она.

— Йоркширец, — сказал Твикенхем и повернулся к миссис Люси. — Чем он занимался до войны?

Миссис Люси взглянула на свой почти съеденный кусок торта, словно удивляясь, что

он так быстро закончился.

— Он не говорил.

— Я в смысле — симпатичный? — уточнила Ви, кладя вилку на тарелку с тортом. — Может, я ему сама отнесу?

— Хилый. И бледный, — ответил Суэйлс с набитым ртом. — Похож на чахоточного.

— Нельсон на такого вряд ли позарится, — добавил Моррис.

— А, тогда ладно. — Ви передала тарелку мне.

Я поднялся на площадку третьего этажа, переложил тарелку в другую руку и зажег фонарик.

Джек стоял у окна и глядел поверх крыш на реку. С его шеи свисал бинокль. В небе сияла луна, отражаясь в воде и озаряя дорогу бомбардировщикам — словно немецкая осветительная ракета.

— В твоем секторе что-нибудь было?

— Нет, — отозвался он. — Они пока на востоке.

— Вот, малиновый торт, — сказал я.

Он повернулся ко мне. Я протянул тарелку.

— Приятель Виолетты угостил. Он из BBC.

— Спасибо, не надо. Я не люблю сладкого.

Я вытаращился на него. Поверить в это было так же трудно, как в имя Виолетты, выписанное на носу истребителя.

— Она принесла целый торт. Хватит на всех.

— Благодарю. Я не голоден. Съешьте без меня.

— Ты на самом деле не хочешь? Такой торт сейчас нигде не достанешь.

— На самом деле, — сказал он и отвернулся к окну.

Я неуверенно покосился на кусок торта; стыд за собственную жадность боролся во мне с неутоленным голодом. Что ж, тогда я по крайней мере не пойду спать и составлю ему компанию.

— Виолетта — это та, за которую ты дежуришь. — Я сел на пол и прислонился к окрашенной деревянной стене, принявшись за еду. — Она опоздала, но вообще работает в отряде в полную смену. Всего у нас таких пятеро: Виолетта, я, Ренфрю, — его ты не видел, он спит; ему сейчас тяжело приходится, совсем не может спать днем, — Моррис и Твикенхем. И еще есть Питерсби. Он у нас, как ты, в неполную смену.

Джек стоял, не оборачиваясь, и ничего не ответил. Только смотрел в окно. С неба, освещая комнату, упала россыпь ракет.

— Ребята они неплохие. — Я подцепил вилкой кусочек торта. В неверном свете ракет малиновая начинка казалась черной. — Суэйлс, правда, любит позубоскалить, а Твикенхем любого вопросами замучает; но во время бомбежки на них можно положиться.

Он повернулся.

— Какими вопросами?

— Для нашей газеты. Вообще-то это не газета, а информационный листок — для инструкций, сведений о новых типах бомб, всего такого. Твикенхем вообще-то должен просто перепечатывать его и рассылать на другие посты; но он, кажется, всегда мечтал проявить себя в литературе — и вот выдалась возможность. Он назвал листок «Весточки Твикенхема» и добавляет туда всякую всячину — новости, рисунки, последние слухи, интервью.

Гул моторов в ночном небе становился все громче и громче и наконец пронесся мимо. Раздался тихий свист. Потом свист усилился и превратился в вой.

— На лестницу! — Я выронил тарелку, схватил Джека за руку и затащил его на лестничную площадку. Мы сжались, ожидая взрыва; я закрыл голову руками. Но ничего не случилось: вой перешел в пронзительный визг — и вдруг зазвучал уже в отдалении. Я выглянул из-за балки и посмотрел в окно. Вспышка, за ней удар — не меньше чем в трех секторах от нас.

— Фугаска. — Я подошел к окну, пытаясь определить, куда она попала. — Где-то на юго-востоке, похоже, в Ли.

Джек навел бинокль.

Я вышел на лестницу, сложил ладони рупором и крикнул в подвал: «Ли! Фугас!» Вернувшись, снова усаживаться не стал — бомбардировщики были слишком близко, — а прислонился к стене.

— Твикенхем нас всех проинтервьюировал. Он захочет узнать, чем ты занимался до войны, почему пошел в ПВО и все такое. На прошлой неделе писал заметку про Ви.

Джек опустил бинокль, но продолжал глядеть туда, куда упала бомба. Пожар еще не начался — от фугасной бомбы огонь занимается не сразу: нужно время, чтобы разлетевшиеся горящие угли подожгли газ из поврежденных труб.

— А кем она была до войны? — спросил Джек.

— Ви? Стенографисткой. И очень одинокой, по-моему. Война для нашей Ви стала настоящим благословением.

— Благословением, — повторил Джек, неотрывно глядя в ту же точку. Я не видел его лица — только темный силуэт — и не мог понять, покоробило его это слою или удивило.

— Ну, не то чтобы благословением, конечно. Вряд ли этот ужас можно назвать благословением. Но Ви получила шанс, которого до того была лишена. Моррис говорит, что, если бы не война, Ви умерла бы старой девой. А сейчас у нее отбоя нет от поклонников.

— Моррис, — произнес Джек так, как будто не был уверен, о ком идет речь.

— Рыжий, усы щеточкой. У которого сын — летчик.

— Выполняет свой долг. — Лицо Джека озаряли красноватые отблески, но я по-прежнему не мог понять, что оно выражало.

За рекой, искрясь и сверкая, падали зажигалки, и повсюду занимались пожары.

* * *

Следующей ночью случился налет на Олд-Черч-стрит: два фугаса. Миссис Люси отправила меня с Джеком узнать, не нужна ли наша помощь. Похоже, полное затемнение бомбардировщикам не помешало. Пробираясь в кромешной тьме до Кингс-роуд, я перестал понимать, где мы находимся.

Место попадания фугасок чувствовалось по запаху. Точнее, это был не совсем запах; скорее резкое неприятное ощущение в носу от цементной пыли и взрывчатки, которой немцы начиняют снаряды. Ви от такого всегда чихала.

Я попробовал сориентироваться, но различал в черноте только чуть более темные очертания какого-то холма слева. Похоже, мы зашли не туда: в Челси нет холмов.

И вдруг я понял, что это и есть место происшествия.

— Первым делом надо найти ответственного за работы по происшествию, — объяснил я Джеку.

Синего фонаря нигде не было видно. Наверно, спасатели работали с другой стороны холма.

Мы вскарабкались на холм — я впереди, Джек следом, — стараясь не оступиться на ненадежном склоне. На дальней стороне другого холма, пониже, горел синий огонек: призрачное голубоватое пятно слева от нас.

— Вон они, — показал я. — Надо доложить о прибытии. Ответственным наверняка окажется Нельсон, а он любит, чтобы все делалось строго по правилам.

Я побежал вниз, оскальзываясь на разбитых кирпичах и штукатурке.

— Осторожней, — крикнул я Джеку. — Тут везде стекло и острые доски.

— Джек, — окликнул он.

Я обернулся. Джек остановился на середине склона и глядел вверх, словно прислушивался к чему-то. Я тоже посмотрел вверх, испугавшись, что возвращаются бомбардировщики — но все звуки заглушал грохот зенитных пушек. Джек стоял

неподвижно; теперь он опустил голову и разглядывал обломки.

— В чем дело? — окликнул я его.

Он вынул из кармана фонарик и стал беспорядочно светить им во все стороны.

— Прекрати! — закричал я. — Ты нарушаешь затемнение! Джек выключил фонарик.

— Тут, внизу, есть живой. — Он опустился на колени. — Его надо откопать.

Он вытащил из обломков балясину перил и стал ковырять ею гору мусора.

Я недоуменно взглянул на него.

— Откуда ты знаешь? Он разгребал обломки.

— Достань кирку. Эта штука твердая, как камень. Скорей, — нетерпеливо крикнул он.

Ответственным за спасательные работы оказался кто-то мне незнакомый. Это меня обрадовало: Нельсон никогда не выдал бы кирку без соответствующих санкций. У ответственного — он был моложе меня и весь в прыщах под слоем кирпичной пыли — кирки не нашлось, но он вручил мне пару лопат, не задавая никаких вопросов.

Я полез через холмы назад. Дым и пыль немного улеглись, в небе у реки дождем падали осветительные ракеты, которые озаряли все чересчур ярким, не дающим ничего различить светом — как автомобильные фары в тумане. Джек стоял «а Четвереньках на середине склона и втыкал балясину в холм, разгребая завал, — словно убийца, снова и снова вонзающий нож в тело жертвы.

С неба упала россыпь ракет, уже намного ближе. Я пригнулся и поспешил на помощь Джеку, протягивая ему одну из лопат.

— Не выйдет, — отмахнулся он.

— Что такое? Ты больше его не слышишь? Джек упорно ковырял балясиной в склоне.

— Что? — Он поглядел на меня так, будто понятия не имел, о чем я только что спрашивал.

— Ты его слышишь? — повторил я. — Голос?

— Эта штука… — произнес он. — Лопатой ее не возьмешь. Ты захватил корзины?

Корзин я не принес, но на склоне нашлась большая жестяная кастрюля. Я передал ее Джеку и стал копать. Он, конечно, оказался прав: я вогнал лопату в обломки и тут же погнул ее о потолочное перекрытие. Снизу подцепить перекрытие не удавалось — сверху его придавил здоровенный кусок балки. Бросив лопату, я выломал из перил еще одну балясину и опустился рядом с Джеком.

Перекрытие придавливала не только балка, но и сыпучая груда обломков — кирпичи, куски дерева и штукатурки. Все это было спрессовано крепче цемента. Мы углубились фута на три, как вдруг невесть откуда возник Суэйлс.

— Это глина такая, тверже мрамора. Весь Лондон из нее выстроен, — объяснил он.

Суэйлс принес два ведра и новости. Оказалось, Нельсон уже прибыл и успел разругаться с прыщавым ответственным из-за того, кто руководит работами на объекте.

— Нельсон с криком тычет в карту, где обозначено, что эта сторона Кингс-роуд входит в его район, — весело рассказывал Суэйлс. — А прыщавый ему и говорит: «Ах так? Ну и разбирайтесь тут сами».

Даже с помощью Суэйлса мы продвигались слишком медленно. Попавший под обвал либо задохнется, либо умрет от потери крови, прежде чем мы его отроем. Джек не прерывался ни на секунду, хотя прямо над головой свистели бомбы. Он, казалось, точно знал, где надо копать, но даже в краткие минуты затишья никто из нас не слышал ни звука. Сам Джек, похоже, особо не прислушивался.

Балясина, которой он орудовал, сломалась в твердой, как камень, глине; Джек взял мою и стал рыть дальше. Из груды обломков показались разбитые часы. Потом — подставка для яиц.

Появился Моррис. Он только что закончил эвакуировать людей с двух улиц, где упала неразорвавшаяся бомба. Суэйлс рассказал ему о Нельсоне и ушел разузнать что-нибудь про обитателей дома.

Джек показался из ямы.

— Нужны распорки, — сказал он. — Края вот-вот обвалятся.

У подножья холма нашлось несколько перекладин от кровати. Одна из них оказалась слишком длинной; Джек надпилил ее и сломал пополам.

Вернулся Суэйлс.

— В доме никого не было! — крикнул он в яму. — Полковник и миссис Годалминг с утра уехали в Суррей.

Заглушая его слова, прозвучал отбой воздушной тревоги.

— Джек, — окликнул Джек. — Джек! — настойчиво повторил он.

Я склонился над ямой.

— Который час? — спросил он.

— Около пяти, — ответил я. — Только что дали отбой.

— Светает?

— Пока нет. Что-нибудь нашел?

— Да, — сказал он. — Помоги.

Я протиснулся в выкопанную нору и понял, почему Джек спросил, не рассвело ли: внизу стояла кромешная тьма. В свете фонарика наши лица, освещенные снизу, казались ликами призраков.

— Он там. — Джек потянулся к балясине, похожей на ту, которой он раскапывал завал.

— Под лестницей? — спросил я, и тут балясина ухватилась за его руку.

За пару минут мы вытащили его наружу. Джек тянул за руку, которую я принял за балясину, а я выгребал глину и штукатурку из пещерки, образованной дверью и холодильником, что свалились друг на друга.

— Полковник Годалминг?

— Где, черт возьми, вас носило? — осведомился он, отталкивая мою протянутую руку. — Обеденный перерыв, что ли?

Пышные усы и фрак полковника покрывала белая пыль.

— Что это за страна, где человеку приходится самому выкапываться из завала?! — вопил он, тыча в лицо Джеку половник, полный штукатурки. — Да я бы до самого Китая дорыл, пока вы, болваны, возились тут наверху! Проклятые неумехи! — надрывался он, пока его вытаскивали из ямы. Мы с Джеком подталкивали его зад, обтянутый элегантными брюками. — Копуши! Своего носа найти не сможете!

Как выяснилось, полковник Годалминг и в самом деле уехал за день до этого в Суррей, но решил вернуться за охотничьим ружьем — на случай вторжения.

Я отвел полковника к машине «Скорой помощи».

— Разве можно полагаться на нашу чертову гражданскую оборону! — разглагольствовал он.

Начинало светать. От бомбежки пострадали всего два квартала. Холм к югу оказался пустующим многоквартирным домом; в соседних постройках даже стекла не вылетели.

«Скорая помощь» подъехала поближе к разрушенному дому, и я помог полковнику добраться до нее.

— Как вас зовут? — спросил он, не обращая внимания на раскрытые перед ним двери фургона. — Я доложу вашему начальству. И о том, другом — тоже. Чуть руку мне не оторвал! Куда он делся?

— На работу ушел, — ответил я. Как только мы вытащили Годалминга, Джек засветил фонарик, взглянул на часы и сказал: «Мне пора». Я пообещал, что отмечу его у ответственного, и помог полковнику спуститься с холма. Сейчас я уже жалел, что не ушел вместе с Джеком.

— На работу! — фыркнул Годалминг. — Наверняка дрыхнет, ленивая свинья! Сперва чуть не сломал мне руку, а теперь преспокойно оставил умирать. Я ему покажу работу!

— Если бы не он, вас бы не нашли, — огрызнулся я. — Он, расслышал, как вы зовете на помощь.

— Зову на помощь? — изумился он и стал весь пунцовым. — Зову на помощь! Стал бы я звать на помощь кучку тунеядцев!

Женщина-водитель подошла к нам выяснить, из-за чего задержка.

— Меня оклеветали — будто я звал на помощь, как жалкий трус! — выпалил полковник. — А я не звал никого. Да и зачем, толку же все равно не будет. Либо выкапывайся сам, либо сиди тут до Второго Пришествия! Я уж почти выкопался — и тут явился этот молодчик, обвинил меня в том, что я плакал, как ребенок! Чудовищно! Безобразие!

Она взяла его за руку.

— А вы себе что позволяете, девушка? Почему не сидите дома, почему бегаете везде в такой короткой юбке? Это же неприлично!

Негодующего полковника уложили на койку и накрыли одеялом. Я захлопнул двери машины, проследил, как они уезжают, а потом обошел вокруг места происшествия, ища Морриса и Суэйлса. Среди облаков проглянуло солнце, окрасило развалины алым; луч сверкнул по осколку зеркала.

Морриса и Суэйлса я не нашел и отправился доложиться Нельсону, который сердито беседовал с кем-то по полевому телефону. Я попробовал рассказать про Джека, но Нельсон только кивнул и отмахнулся. Я направился на свой пост.

Ви и Моррис завтракали, а Суэйлс изображал перед ними полковника Годалминга. Миссис Люси все заполняла бумаги — кажется, ту же самую форму, над которой она трудилась вчера вечером.

— Огромные усищи. — Суэйлс развел ладони на пару футов, показывая размер. — Как у моржа. И фрак — вы представьте себе. «Господа, это же форменный скандал! — Суэйлс зажмурил правый глаз с воображаемым моноклем. — Куда катится Британия? Порядочных людей не могут даже спасти подобающим образом!» — Он перешел на свой обычный голос. — Я думал — отправит наших Джеков под трибунал прямо на месте. — Он заглянул мне за плечо. — А где Сеттл?

— Ему на работу надо было.

— Ну и ладно, — Суэйлс снова вставил в глаз воображаемый монокль. — Годалминг так грозно выглядел, словно собирался вернуться с полком королевских уланов. — Суэйлс вскинул руку с воображаемой саблей. — «В атаку! Смерть негодяям!»

Ви хихикнула. Миссис Люси подняла взгляд от бумаг.

— Виолетта, сделайте для Джека тосты. Садитесь, Джек. Вы едва держитесь на ногах.

Я хотел положить каску на стол, но поглядел на покрывавший ее толстый слой пыли и повесил каску на спинку стула. Моррис подвинул ко мне тарелку с копченой рыбой.

— Никогда не угадаешь, как они себя поведут. Некоторых вытащишь, так они рыдают и кидаются тебя обнимать. Некоторые держатся так, словно оказывают тебя одолжение. Одна старушка страшно оскорбилась, когда я высвобождал ее ногу из завала. Утверждала, что у меня были непристойные намерения.

Из соседней комнаты вышел Ренфрю в наброшенном на плечи одеяле. Серое, изможденное лицо — наверно, такое же было и у меня.

— Где объект? — взволнованно спросил он.

— За Олд-Черч-стрит. В секторе Нельсона, — успокаивающе пояснил я.

— С каждым разом все ближе, — нервно произнес Ренфрю. — Заметили?

— Неправда, — возразила Ви. — В нашем секторе не было целую неделю.

Ренфрю не обратил на нее внимания.

— Сперва Глостер-роуд, потом Иксворт-плэйс, теперь Олд-Черч-стрит… Ходят кругами. Как будто ищут чего-то…

— Лондон ищут, — перебила его миссис Люси. — И найдут, если не соблюдать затемнение. — Она передала Моррису отпечатанный лист. — Вот список нарушений за прошедшую ночь. Обойдите нарушителей и сделайте им выговор. — Она положила руку на плечо Ренфрю. — Может, вздремнете еще, мистер Ренфрю? А я пока приготовлю вам

завтрак.

— Я не хочу есть, — отозвался он, но позволил увести себя, вместе с одеялом, назад к кроватям.

Миссис Люси укрыла его и подоткнула одеяло. Суэйлс сказал, зевая:

— Знаете, кого мне напомнил этот Годалминг? Женщину, что мы вытаскивали на Говер-стрит. Достали ее из-под обломков и спрашиваем: где муж, с ней или нет? А она отвечает: «Нет. Он, подлый трус, на фронт ушел».

Все засмеялись.

— Таких, как этот полковник, вообще бы спасать не надо, — заявила Ви, намазывая тост маргарином. — Оставили бы его там ненадолго — посмотрим, как бы ему понравилось.

— Ему повезло, что его не оставили там навсегда, — заметил Моррис. — В учетном журнале было записано, что он с женой в Суррее.

— Повезло, что у него такой громкий голос. — Суэйлс подкрутил конец огромных невидимых усов. — «Достопочтенный сэр! Не соблаговолите ли извлечь меня отсюда?»

«Вот только сам полковник утверждал, что не проронил ни звука», — подумал я. И вспомнил, как Джек крикнул мне сквозь грохот зениток: «Тут, внизу, есть живой».

К столу вернулась миссис Люси с бумагами.

— Я запрашивала брусья для укрепления подвала. — Она постучала краем стопки об стол, выравнивая ее. — На днях придет инспекция из муниципалитета.

Две пустые бутылки из-под пива отправились в мусорный ящик, следом за ними — содержимое пепельницы.

— Для укрепления? А зачем? Боитесь, что полковник Годалминг заявится с тяжелой артиллерией? — спросил Суэйлс.

В дверь громко застучали.

— Достопочтенные господа, — объявил Суэйлс, — он здесь. И привел с собой свирепых псов.

Миссис Люси открыла дверь.

— Хуже, — прошептала Ви, быстро хватая со стола последнюю пивную бутылку. — Это Нельсон.

Ви протянула бутылку мне, я передал ее Ренфрю, а тот спрятал ее под одеялом.

— Мистер Нельсон! — раздался голос миссис Люси. — Заходите, пожалуйста. Как у вас дела?

— Мы получили выговор, — ответил он, сверкая на нас глазами, словно это мы были виноваты.

— Полковник жаловался, — шепнул мне Суэйлс. — Приятель, тебе крышка.

— Надо же! — посочувствовала миссис Люси. — Итак, чем я могу быть вам полезна?

Нельсон достал из кармана формы сложенную бумагу и аккуратно развернул ее.

— Это мне вручил главный инженер города. Все запросы на материальное обеспечение надлежит отправлять районному уполномоченному по гражданской обороне. А не через его голову в муниципалитет.

— Я так этому *рада,* — сказала миссис Люси, увлекая Нельсона в кладовую. — Гораздо приятней иметь дело с понимающими людьми, а не с безликой бюрократической машиной. Если б только я знала, что вы — тот самый, кому надо отправлять запрос, я бы *немедленно* обратилась к вам.

Ренфрю достал бутылку из-под одеяла и сунул ее поглубже в мусорный ящик. Виолетта начала снимать бигуди.

— Брусья мы не получим, — подытожил Суэйлс. — От Адольфа фон Нельсона не дождешься.

— Ш-ш-ш, — зашипела Ви, дергая похожие на улиток завитки волос. — Он услышит.

— Олмвуд рассказывал, что Нельсон заставляет их работать на месте происшествия, даже если бомбы свистят прямо над головой. Он настаивает, чтобы так было на всех постах.

— Ш-ш-ш, — повторила Ви.

— Фашист чертов, — выругался Суэйлс, но потише. — Уже двоих из своего отряда угробил. Если пронюхает, как здорово вы с Джеком людей в завалах отыскиваете, то и вам придется от шрапнели уворачиваться.

Как здорово мы людей отыскиваем… Перед глазами всплыла неподвижная фигура Джека на груде обломков. «Тут, внизу, есть живой. Скорей».

— Потому Нельсон и крадет людей с других постов. — Ви сгребла бигуди со стола в сумку для противогаза. — Свои-то мрут как мухи. — Она достала расческу и запустила ее в спутанные волосы.

Из кладовой вышли Нельсон и миссис Люси. Он все еще держал развернутую бумагу; она все так же светски улыбалась, только улыбка стала тоньше.

— Вы ведь понимаете, что девять человек не могут часами жаться в тесном угольном подвале, — сказала миссис Люси.

— В Лондоне много людей, которым приходится, как вы выражаетесь, часами жаться в тесных угольных подвалах, — отрезал Нельсон. — И они не желают, чтобы средства гражданской обороны тратились на излишества.

— Я не считаю безопасность моих подчиненных излишеством, — ответила миссис Люси. — Хотя вы, кажется, придерживаетесь другого мнения. Достаточно поглядеть на историю вашего отряда.

Нельсон уставился на нее, пытаясь придумать уничтожающий ответ, а потом обернулся ко мне.

— Ваша форменная одежда в позорном состоянии, — произнес он и вышел наружу.

* * *

Способность Джека обнаруживать в завалах пострадавших на зажигалки не распространялась. Бомбы он искал так же беспорядочно, как и все мы. Ви, которая на этот раз дежурила на посту наблюдателя, выкрикивала указания: «Нет, не туда! Дальше по Фулхэм-роуд! В овощной лавке».

Похоже, вместо того чтобы вести наблюдение, она грезила о своих летчиках. Снаряд упал не на овощную лавку, а на мясную — через три дома от нее. Пока мы с Джеком туда добрались, пожар в подсобке, служившей складом, уже занялся. Потушить его оказалось нетрудно — гореть там было почти что нечему: ни мебели, ни штор, а деревянные полки предохранял от возгорания холод. Благодарный мясник настоял, чтобы мы взяли с собой пять фунтов бараньих отбивных. Он завернул мясо в белую бумагу и сунул сверток Джеку.

— Тебе и впрямь так рано на работу — или просто хотелось поскорей отделаться от полковника? — спросил я на обратном пути.

— Замучил он тебя? — сочувственно спросил Джек и передал мне пакет с отбивными.

— Да я только заикнулся, что ты его крики услышал, так он мне чуть не оторвал голову. Заявил, что помощи ему не требовалось и что он сам себя откапывал. — Бумага мясника так ярко белела, что немцы, пожалуй, могли принять ее за прожектор. Я сунул сверток за пазуху. — А что у тебя за работа?

— Военная, — ответил он.

— Тебя перевели в Лондон, и ты к нам попал?

— Нет, — сказал он. — Я сам сюда хотел. — Мы свернули на улицу, где жила миссис Люси. — А ты почему записался в ПВО?

— Меня скоро призовут — поэтому нигде не берут на работу, — объяснил я.

— И хотелось исполнить свой долг.

— Ну да, — ответил я, жалея, что не вижу его лица.

— А миссис Люси? Почему она в гражданской обороне?

— Миссис Люси? — недоуменно переспросил я. Этот вопрос мне никогда не приходил в голову. Она была лучшим начальником отряда ПВО во всем Лондоне; это было ее призванием. Я не мог представить ее кем-то еще. — Понятия не имею. Дом принадлежит ей.

Она вдова. Наверно, Управление гражданской обороны затребовало дом — он самый высокий в округе — и ей пришлось взять отряд на себя… — Я попробовал вспомнить, что о ней писал Твикенхем. — До войны она занималась чем-то в церкви.

— В церкви, — повторил Джек, и мне снова захотелось увидеть его лицо. В темноте я не разобрал — то ли в его голосе слышалось презрение, то ли тоска по чему-то.

— Была диаконисой или вроде того, — сказал я. — А что за военная работа? Снабжение?

— Нет, — произнес он и пошел впереди меня.

Миссис Люси встретила нас на пороге. Я отдал ей сверток, а Джек поднялся наверх, сменить Ви на посту наблюдателя. Миссис Люси занялась отбивными: как только среди бомбежки выдалось затишье, сбегала на кухню за солью и мятным соусом, а потом целую вечность колдовала у газовой плитки. Пахло восхитительно.

Твикенхем раздал всем свежеотпечатанные экземпляры своих «Весточек» и гордо заявил:

— Почитаете, пока ждете ужин.

В передовице говорилось, что вспомогательный пост Д передислоцирован в связи с повреждением водопровода в результате частичного обрушения.

— Им Нельсон тоже не дал брусьев? — спросил Суэйлс.

— Послушайте-ка, — сказал Питерсби и стал читать вслух. — «С того момента, когда ввели затемнение, уровень преступности в Лондоне повысился на двадцать восемь процентов».

— Ничего удивительного. — Ви спустилась по лестнице. — Ночью сейчас и самого себя не заметишь, не то что какого-нибудь злоумышленника. Я, когда патрулирую, всегда боюсь, что на меня бросятся из темной аллеи.

— Дома пустые, половина города спит в бомбоубежищах, — прикинул Суэйлс. — Если б я был злоумышленником, отправился бы прямиком в Лондон.

— Это гадко, — высказался Моррис. — Гадко, что некоторые, прикрываясь войной, свои черные дела проворачивают.

— Кстати, мистер Моррис. — Миссис Люси надрезала отбивную, проверяя, как она прожаривается. Брызнула кровь. — Звонил ваш сын. Передал, что у него для вас какой-то сюрприз и что он ждет вас… — Она порылась в кармане халата, извлекла клочок бумаги. — В Норт-Уилде, в понедельник, если не ошибаюсь. Его командир организовал для вас поездку; я все записала. — Она вручила листок Моррису и вернулась к плите.

— Сюрприз? — обеспокоился Моррис. — Он не попал в какую-нибудь неприятность? Меня хочет видеть его командир?

— Не знаю. Он ничего не объяснил. Только передал, что просит вас приехать.

Ви подошла к миссис Люси и заглянула в сковороду.

— Все-таки хорошо, что бомба упала в мясную лавку, а не к зеленщику. Брюкву так не приготовишь!

Миссис Люси положила отбивную на тарелку и подала ее Виолетте.

— Отнесите наверх, Джеку.

— Он не хочет. — Ви взяла тарелку и села за стол.

— Почему? — спросил я.

Ви непонимающе взглянула на меня.

— Наверно, не голоден. А может, не любит бараньи отбивные.

— Надеюсь, с ним все в порядке, — произнес Моррис, и я не сразу понял, что он имеет в виду своего сына. — Он парень хороший, только часто поступает необдуманно. Молодой, горячий — вот и все.

— И торт он не ел, — сказал я. — Он объяснил, почему не хочет отбивную?

— Если мистеру Сеттлу отбивная не нужна, отнесите ее мистеру Ренфрю. — Миссис Люси отобрала у Ви тарелку. — И пусть не говорит, что не голоден; ему надо хорошо питаться, он сильно истощен.

Ви со вздохом поднялась. Миссис Люси отдала ей тарелку, и Ви вышла в соседнюю комнату.

— Все должны хорошо питаться и вдоволь спать, — проворчала миссис Люси. — Силы поддерживать.

— Я написал об этом статью в «Весточках Твикенхема», — вмешался Твикенхем. — Такое состояние называют «ходячий мертвец». Наступает от плохого питания, недостатка сна и боязни налетов. У ходячих мертвецов замедленная реакция, они плохо соображают, и это часто приводит к несчастным случаям на рабочем месте.

— В моем отряде никаких ходячих мертвецов не будет. — Миссис Люси раздала нам отбивные. — Как только доедите — отправляйтесь спать.

Отбивные оказались даже лучше, чем пахли. Я съел свою, читая заметку Твикенхема про ходячих мертвецов. Там сообщалось, что потеря аппетита — распространенная реакция на бомбежки. Еще говорилось, что от недосыпания у людей бывает странное поведение и навязчивые идеи: «Ходячие мертвецы воображают, что их хотят отравить или что кто-то из близких — немецкий шпион. У них возникают галлюцинации, видения, они слышат голоса и верят в невероятные вещи».

— В колледже он попал в неприятную историю. Но это было еще до войны, с тех пор он остепенился, — задумчиво сказал Моррис. — Что же он такого натворил…

В три часа ночи на Олд-Черч-стрит разорвалась наземная мина — почти там же, куда упал фугас. Нельсон прислал к нам за помощью Олмвуда; миссис Люси отправила с ним Суэйлса, Джека и меня.

— Мина приземлилась, считай, через два дома от первой воронки, — рассказывал Олмвуд, пока мы собирались. — Надо же, как будто нарочно целились.

— Я знаю, куда они целятся. — В дверях появился Ренфрю — бледный, изможденный, похожий на привидение. — И знаю, зачем запросили брусья для укрепления подвала. Из-за меня, верно? Они охотятся за мной.

— Ни за кем из нас они не охотятся, — твердо сказала миссис Люси. — Это же в двух милях к северу. И никуда не целятся.

— Да зачем Гитлеру бомбить именно тебя? — спросил Суэйлс.

— Не знаю. — Ренфрю опустился на стул и обхватил голову руками. — Не знаю. Но они за мной охотятся. Я чувствую.

Миссис Люси послала Суэйлса, Джека и меня потому, что мы уже «были там и знали местность». Впрочем, особо рассчитывать на наши познания не приходилось: мины взрываются выше уровня земли и причиняют намного больше разрушений, чем фугасные бомбы. Там, где в прошлый раз стояла палатка ответственного за спасательные работы, теперь возвышался холм, а за ним — еще три, точно горная гряда в центре Лондона. Суэйлс вскарабкался на ближайшую вершину.

— Джек! Сюда! — крикнул кто-то с другой стороны холма, и мы оба ринулись вверх.

На противоположном склоне пятеро заглядывали в дыру под ногами.

— Джек! — снова позвал один из них, с синей бригадирской повязкой на рукаве, и посмотрел куда-то мимо нас. Кто-то тащил по склону нечто, похожее на ручной насос. «Неужели они собираются тушить пожар внутри вырытого туннеля?» — подумал я и вдруг понял, что это не насос, а автомобильный домкрат — его «Джеком» называют. Человек с повязкой спустил его в дыру и прыгнул следом.

Остальные члены спасательной команды осталась стоять, всматриваясь в черноту под ногами, словно могли в ней что-то разглядеть. Через некоторое время вниз спустили ведра, вытаскивая наверх обломки досок и кирпичей. На нас не обращали никакого внимания, даже когда Джек протянул руки за одним из ведер.

— Мы из Челси, — объяснил я бригадиру сквозь грохот бомб и рев моторов. — Чем вам помочь?

Ведра продолжали передавать по цепочке. В одном из ведер на груде обломков лежал

фарфоровый чайничек — весь в пыли, но даже не потрескавшийся.

— Кто там, внизу? — спросил я.

— Двое, — отозвался один из спасателей. Он вытащил чайничек из ведра и протянул его человеку в вязаном подшлемнике. — Мужчина и женщина.

— Мы из Челси, — снова закричал я, стараясь перекрыть рявканье зениток. — От нас что-нибудь нужно?

Он забрал чайничек у того, в подшлемнике, и передал его мне.

— Отнесите вниз, на тротуар, к другим ценным вещам. Держа в одной руке чайничек, а в другой — крышку от

него, я спустился с холма, осторожно ступая по обломкам кирпичей. Потом еще дольше искал хоть какой-нибудь заасфальтированный участок дороги — мина разметала и тротуар, и всю улицу.

Нетронутый квадрат асфальта обнаружился перед разрушенной булочной. Здесь аккуратно выстроились в ряд спасенные «ценные вещи»: приемник, сапог, две раздаточных ложки вроде той, которой размахивал полковник Годалминг, шитая бисером дамская сумочка. Рядом, охраняя их, стоял спасатель.

— Стой, — Он выступил вперед, держа в руке то ли фонарик, то ли пистолет. — В зону происшествия входить запрещено.

— Я из ПВО, Джек Харкер, Челси, — торопливо представился я и протянул чайничек. — Меня прислали вот с этим.

Он щелкнул фонариком — это был все-таки фонарик, — засветив его на долю секунды.

— Извини. В последнее время мародеры так и прут. — Он взял у меня чайничек и поставил на тротуар рядом с сумкой. — На прошлой неделе поймали вора — шарил по карманам трупов, что лежали на улице, ожидая отправки в морг. Ужасно, что некоторые способны на такое.

Я вернулся на холм. Джек работал у самой дыры — передавал ведра. Я встал в цепочку за ним.

— Нашли? — спросил я, как только выдался перерыв в бомбежке.

— Тихо! — крикнули из дыры. Человек в подшлемнике повторил:

— Тихо! Никому ни звука!

Все остановились и прислушались. Ручка от ведра с кирпичами резала руку. На секунду воцарилась полная тишина, а потом опять раздался гул самолетов, свист и грохот бомб.

— Не волнуйтесь, — прокричали из дыры, — мы уже близко. Ведра снова пришли в движение.

Я не расслышал ничего, но спасатели внизу, видимо, расслышали голос или стук. Я облегченно вздохнул: значит, там был кто-то живой, и мы копали там, где следовало. Однажды после октябрьской бомбежки нам пришлось остановиться на полпути и начинать новый тоннель из-за того, что звук в груде обломков искажался. Даже если раскапывать прямо над жертвой завала, тоннель все равно выходит кривым, потому что приходится огибать препятствия. Единственный способ не сбиться с пути — регулярно останавливаться и слушать.

Я вспомнил, как Джек откапывал полковника Годалминга балясиной перил. Джек не делал остановок. Он будто сразу знал, в какую сторону рыть.

Человек, спустившийся в дыру, снова потребовал джек; мы с Джеком подали ему домкрат. Спасатель протянул к нему руки, но Джек вдруг замер и поднял голову.

— Что такое? — спросил я. — Что-то слышишь?

Сам я не слышал ничего, кроме выстрелов зенитных пушек.

— В чем дело? Где джек? — крикнул снизу бригадир.

— Поздно, — сказал Джек. — Они умерли.

— Да давай же его сюда! — заорал бригадир. — Живее! Джек спустил ему домкрат.

— Тихо, — крикнул бригадир, и сверху призрачным эхом отозвался голос человека в подшлемнике: «Тихо, пожалуйста! Ни звука!»

Начали бить церковные часы, и тот, что подшлемнике, добавил раздраженно: «Нужна абсолютная тишина…»

Часы пробили четыре. Прошелестела грязь по металлу, и в тишине донесся слабый звук.

— Тихо! — крикнул бригадир еще раз. Снова тишина. Снова тот же звук. Плач? Стон? — Мы слышим вас! Держитесь!

— Один из них еще жив, — заметил я. Джек не ответил.

— Мы же *слышали.* Только что, — добавил я раздраженно. Джек покачал головой.

— Нужны бревна или доски для распорок, — сказал человек в подшлемнике. Я думал, что Джек его не послушается и ответит, что в этом уже нет смысла; но Джек немедленно отошел и вскоре вернулся с выкрашенным в белое книжным шкафом.

В шкафу еще оставались три книги. Я помог Джеку и обладателю подшлемника вышибить полки и отнес книги вниз, к другим «ценным вещам». Охранник сидел на тротуаре и рылся в дамской сумочке.

— Осматриваю. — Он вскочил и сунул в сумочку носовой платок и губную помаду. — А то еще украдут чего.

— Вот возьми, почитаешь на досуге, — сказал я, кладя книги возле чайничка. — «Преступление и наказание».

Вскарабкавшись по склону, я помог Джеку спустить в тоннель полки шкафа, и через несколько минут из дыры снова стали поступать полные ведра. Мы восстановили распавшуюся цепочку — обладатель подшлемника в начале, мы с Джеком в конце.

Прозвучал сигнал отбоя тревоги. Как только он затих, бригадир сделал остановку и прислушался. На этот раз мы ничего не услышали. Теперь, передавая Джеку ведра, я старался не глядеть на него.

На востоке брезжила заря; холмы над нами озарил тусклый серый свет. Два холма, высотой в несколько этажей, возвышались на месте домов, что уцелели прошлой ночью — мы находились в их тени. Из тоннеля, словно могильный камень, торчал край белой полки книжного шкафа.

Полные ведра поднимались все реже.

— Не курить! — скомандовал бригадир.

Мы принюхались, стараясь уловить запах газа. Если двое внизу погибли, как утверждал Джек, то скорее всего не от увечий, а от газа из поврежденных труб. Неделю назад мы откопали из-под завала мальчика с собакой; на них не было ни царапины. Собака лаяла и скулила до самого последнего момента. Врач из «Скорой помощи» сказала, что они, должно быть, умерли всего за несколько минут до того, как мы их нашли.

Запаха газа не ощущалось. Через минуту бригадир воскликнул:

— Вижу! Вот они!

Человек в подшлемнике уперся руками в колени и заглянул в тоннель.

— Живы?

— Да! Зови «скорую»!

Он бросился вприпрыжку вниз по склону, поскальзываясь на обломках кирпичей, которые скатывались вниз маленькими лавинами.

Я встал на колени возле дыры и крикнул вниз:

— Носилки нужны?

— Нет, — отозвался бригадир.

По его голосу я понял, что мужчина и женщина, которых мы откапывали, мертвы.

— Оба?

— Оба.

Я поднялся.

— Откуда ты знал, что они умерли? — Я повернулся к Джеку. — Откуда…

Его нигде не было.

Человек в подшлемнике добежал почти до подножия холма и остановился,

схватившись за выломанную оконную раму. За ним клубилась кирпичная пыль.

Джек исчез.

Светало. Уже хорошо виднелись серые холмы, а возле них — спасатель, охранявший «ценные вещи». На третьем холме работала другая команда; я разглядел среди них Суэйлса, подававшего ведра.

— Помоги, — нетерпеливо окликнул бригадир и протянул мне джек.

Оттащив домкрат в сторону, я помог бригадиру выбраться из дыры. Ему на руки налипла темная бордовая грязь.

— От чего они умерли? Газ? — спросил я, хотя уже заметил, что он достал из кармана пачку сигарет.

— Нет. — Он встряхнул пачку и вытащил сигарету зубами. Потом вытер ладони об одежду, оставив на ней вишневые пятна.

— Давно умерли?

Он нашел спички, чиркнул и закурил.

— Похоже, вскоре после того, как мы их слышали в последний раз. — Часа два назад, не меньше.

«К тому времени их уже не было в живых, — подумал я. — И Джек это знал…»

Я поглядел на часы: начало седьмого.

— Но не от газа?

Он взял сигарету двумя пальцами, выпустил длинную струю дыма, снова сунул в рот. Там, где он брался за сигарету, бумага покраснела.

— От потери крови.

На следующую ночь бомбардировщики объявились рано.

Мне не удалось как следует выспаться — Моррис все беспокоился о сыне, а Суэйлс безжалостно насмехался над Рэнфрю: «Все открылось. Геринг прознал, что ты шпион, и высылает «юнкерсы»».

Я поднялся на пятый этаж, попробовал уснуть в кресле для наблюдателя, но было слишком светло. Полдень выдался облачным, и от пожаров, горевших в Ист-Энде, в небе сияло неприятное красное зарево.

Кто-то оставил на полу экземпляр «Весточек Твикенхема». Я перечитал статью про «ходячих мертвецов», а за ней, не в силах заснуть, и всю остальную газету: отчет о вторжении Гитлера в Трансильванию, рецепт клубничного пирога без масла, сообщение о росте преступности. Приводились слова Нельсона: «Лондон стал идеальным местом для криминального элемента. Наша обязанность — бороться с преступностью».

Под рецептом помещалась заметка о шотландском терьере Бонни Чарли, который громко лаял и скребся у развалин дома, пока не привлек внимание спасателей, которые откопали из-под обломков двоих детей. Читая об этом, я, кажется, задремал; очнулся оттого, что Моррис тряс меня за плечо — включили сирены, хотя было только пять часов.

В полшестого на наш сектор упал фугас — всего в трех кварталах от поста. Стены дрогнули, на машинку Твикенхема и на кровать лежавшего без сна Ренфрю посыпалась штукатурка. Мы кинулись за касками.

— «Излишества», как же! — проворчала миссис Люси. — Нам *нужны* эти брусья.

Работавшие у нас в неполную смену еще не пришли на пост; миссис Люси оставила Ренфрю, чтобы тот направил их к месту происшествия. Мы точно знали, куда угодила бомба — Моррис заметил, как она падала, — и все же найти ее оказалось непросто: темнело быстро, и пока мы прошли полквартала, сгустилась кромешная тьма.

Поначалу я думал, из-за взрыва наступает что-то вроде частичной слепоты, но оказалось, что виновата пыль, что поднималась в воздух от рухнувших зданий. Она дымкой покрывала все вокруг и гасила свет лучше любого затемнения. Синий фонарь, который установила миссис Люси на клочке тротуара, призрачно сиял сквозь рукотворный туман.

— На улице оставалось всего две семьи, — сказала миссис Люси, поднеся к свету

регистрационный журнал. — Киркадди и Ходжсоны.

— Пожилая пара? — Моррис внезапно появился из туманной мглы.

Миссис Люси заглянула в журнал.

— Да. Пенсионеры.

— Я их нашел. — По угрюмому тону Морриса стало ясно: оба погибли. — Ударная волна.

— Господи, — вздохнула миссис Люси. — Киркадди — мать с двумя детьми. Они в андерсеновском бомбоубежище. — Она поднесла журнал поближе к фонарю. — Все остальные воспользовались убежищем в метро.

Она развернула карту и показала нам, где располагался задний двор Киркадди, но нам это мало помогло. Целый час мы бродили по грудам обломков, прислушиваясь к звукам, которые все равно нельзя было расслышать за возгласами бомбардировщиков и ответными комментариями зениток.

Вскоре после восьми показался Питерсби, еще через несколько минут подошел Джек. Их миссис Люси тоже отправила бродить в тумане.

— Сюда, — почти сразу позвал Джек, и сердце в моей груди дрогнуло.

— Он их услышал, — оживилась миссис Люси. — Джек, отыщите его.

— Сюда! — снова крикнул Джек. Я отправился на голос, почти опасаясь того, что там обнаружится, но шагов через десять услышал и сам — плакал ребенок, эхом раздавались глухие удары, словно кто-то бил кулаком по железу.

— Не останавливайтесь! — крикнула Ви. Они с Джеком стояли на коленях у края неглубокой ямы. — Не прекращайте шум. Мы идем на помощь. — Ви обернулась ко мне. — Скажи миссис Люси, что нужно вызывать спасателей.

Я двинулся через темноту назад. Спасательную команду миссис Люси уже вызвала; меня отправили к станции метро «Слоан-сквер», где укрылись остальные обитатели квартала.

Пыль от кирпичей и штукатурки немного улеглась, но дороги по-прежнему не было видно. Я перешел через бордюр на улицу, споткнулся сначала о груду мусора, потом о чей-то труп. Луч фонаря выхватил из темноты лицо девушки — той самой, которую я провожал две ночи назад. Она сидела у входа на станцию, прислонившись к выложенной плитками стене. В руке у нее, как и в тот раз, была зажата вешалка с платьем. Старая перечница из «Джона Льюиса» сроду не отпускала ее и за минутку до закрытия — а в этот раз налет начался рано. Девушку убило ударной волной или разлетевшимися осколками: лицо, шею и руки покрывали мелкие порезы. Я сдвинул ее ноги, и под ними захрустело стекло.

Я вернулся на место происшествия, дождался, когда приедут из морга, отправился к станции вместе с ними и часа три разыскивал семьи из списка. За это время спасательная команда на объекте углубилась футов на пять.

— Почти добрались, — сообщила Ви, вываливая содержимое корзины за край воронки. — Теперь наверх Поднимают только грязь, да иногда кусты роз.

— Где Джек? — спросил я.

— Ушел за пилой. — Ви передала корзину одному из спасателей; тот сунул сигарету в рот, высвобождая руки. — Там попалась доска, но прокопали мимо нее.

Из ямы по-прежнему доносился стук, но ребенка слышно не было.

— Живы?

Ви покачала головой.

— Ребенок молчит уже где-то час. Мы боимся, что стук — это что-то механическое.

Может быть, они уже умерли — и Джек, зная об этом, ушел не за пилой, а на работу? Появился Суэйлс.

— Угадайте, кто попал в больницу, — сказал он.

— Кто? — спросила Ви.

— Олмвуд. Нельсон опять заставил их патрулировать во время налета, и Олмвуда зацепило куском шрапнели. Чуть ногу не оторвало.

Спасатель, куривший сигарету, передал Ви нагруженную корзину. Виолетта, слегка пошатываясь от тяжести, унесла ее прочь.

— Эй, ты только перед Нельсоном особо не усердствуй, — крикнул ей вслед Суэйлс, — а то переведет в свой сектор. А где Моррис? — И Суэйлс ушел — вероятно, рассказать теперь про Олмвуда Моррису или кому-нибудь другому.

Вернулся Джек с пилой.

— Уже не надо, — сказал спасатель, у которого из уголка рта свисала сигарета. — О, передвижная кухня приехала, — добавил он и ушел к машине выпить чаю.

Джек опустился на колени перед ямой и передал пилу вниз.

— Живы? — спросил я.

Джек оперся руками о край ямы. Стук здесь слышался особенно громко; внутри убежища он, наверно, просто оглушал. Джек уставился вниз — так, словно не слышал ни голосов, ни даже стука.

— Они левее, — произнес он.

Почему левее? Мы же слышим их прямо под нами!

— Живы? — повторил я. — Да.

Вернулся Суэйлс.

— Нет, он точно шпион. Гитлер его специально заслал, чтоб угробить наших лучших людей. Я ж вам говорил, его полное имя — Адольф фон Нельсон.

Семью Киркадди откопали левее. Спасателям пришлось расширить тоннель и вскрыть андерсоновское убежище сверху, как банку консервов. Копали до девяти утра, но мать и детей нашли живыми.

Джек исчез незадолго до рассвета; я не видел, как он ушел. Суэйлс рассказывал про увечье Олмвуда, а потом я обернулся, но Джека уже не было.

Мы вернулись на пост. Виолетта, прислонив к противогазу зеркало, принялась укладывать волосы.

— Джек не говорил, куда это он так рано уходит? — спросил я у нее.

— Не-а. — Она обмакнула расческу в стакан с водой и смочила ею прядь. — Подай бигуди, пожалуйста. У меня сегодня свидание — хочу выглядеть на все сто.

Я подвинул к ней заколки.

— А где он работает, тоже не рассказывал?

— Нет. Ну, наверно, на каком-то военном объекте. — Она накрутила волосы на палец. — Знаешь, он уже сбил десять самолетов. Шесть «юнкерсов» и четыре сто девятых.

Я подсел к Твикенхему, который печатал отчет о происшествии.

— Ты не брал интервью у Джека?

— Когда? — удивился тот. — С тех пор, как он у нас появился, каждую ночь налеты.

Из соседней комнаты шаркающей походкой вышел Ренфрю, завернутый в одеяло, как индеец, и с покрывалом на плечах. Выглядел он ужасно: бледный, изможденный, похожий на привидение.

— Завтракать будешь? — обратилась к нему Ви, держа в зубах заколку.

Ренфрю покачал головой.

— Нельсон не прислал брусья для подвала?

— Нет, — ответил Твикенхем, невзирая на знаки, которые ему тайком показывала Ви.

— Передайте Нельсону, что они крайне необходимы. — Ренфрю запахнул одеяло, словно кутаясь от холода. — Я знаю, почему на меня охотятся. Это еще до войны… Когда Гитлер вторгся в Чехословакию, я написал письмо в «Таймс».

Письмо в «Таймс»! Хорошо, что Суэйлса нет.

— Может, пойдешь и приляжешь на чуть-чуть? — Ви поднялась и скрепила локон заколкой. — Ты же просто устал, вот и все. Поэтому и волнуешься. А они там «Таймс» не выписывают.

Она взяла его за руку, и Ренфрю покорно позволил отвести себя в другую комнату.

Было слышно, как он говорит: «Я его назвал прохвостом. Там, в письме…» От сильного недосыпания у людей возникают галлюцинации и видения, они слышат голоса и верят в невероятные вещи…

— Он рассказывал, что у него за работа? — спросил я у Твикенхема.

— Кто?

— Джек.

— Нет. Но хочется верить, что делает он ее так же здорово, как ищет людей. — Он оторвался от пишущей машинки и перечитал напечатанное. — Уже пятерых обнаружил, так?

— Смотрите, чтобы Нельсон об этом не узнал. — Ви вернулась и окунула расческу в стакан с водой. — А то украдет его, как Олмвуда. А нам и так людей не хватает — Ренфрю-то совсем ни на что не годится.

Появилась миссис Люси, держа в руках синий фонарь с места происшествия; она отнесла его в кладовую и вернулась к нам с бланком заявки.

— Мистер Твикенхем, позвольте воспользоваться вашей печатной машинкой?

Твикенхем достал из машинки свои листы и уступил место. Миссис Люси стала печатать.

— Я решила запросить брусья в Управлении гражданской обороны, — объяснила она.

— Вы не знаете, где работает Джек?

— На каком-то военном объекте. — Миссис Люси протянула мне заполненный бланк. — Джек, будьте добры, отнесите в управление.

— Днем работа, по ночам — налеты. — Ви соорудила на затылке еще один завиток. — Когда же он спит?

— Не знаю, — проговорил я.

— Лучше бы поберег себя, — сказала Ви. — А то станет, как Ренфрю, «ходячим мертвецом».

Миссис Люси подписала форму, сложила ее пополам и отдала мне. Я отправился в Управление гражданской обороны и провел там полдня, пытаясь найти нужный кабинет.

— У вас неправильная форма, — объяснила мне шестая по счету девушка. — Надо было прислать форму А-114, «Наружные усовершенствования».

— Это не снаружи, — сказал я. — Нашему посту нужно укрепить подвал.

— Брусья для укрепления относятся к «наружным усовершенствованиям», — ответила она и передала мне бланк, который точь-в-точь походил на заполненный. Я ушел.

На обратном пути меня остановил Нельсон. Я думал, что он снова отчитает меня за позорное состояние форменной одежды, но вместо этого он указал на мою каску и потребовал объяснить, почему та не соответствует инструкциям. «Всем членам отрядов ПВО надлежит носить защитный шлем с красной надписью «ПВО» спереди», — процитировал он.

Я снял каску; часть надписи отшелушилась, оставалась только красная буква «В».

— С какого поста? — рявкнул Нельсон.

— Сорок восьмой. Челси, — отрапортовал я и подумал, не ждет ли он, что я отдам ему честь.

— Пост миссис Люси, — проговорил он с отвращением. Я ждал, чего он скажет дальше; наверно, поинтересуется, что я вообще делаю в гражданской обороне. Вместо этого он произнес: — Я слышал про полковника Годалминга. Вашему отряду в последнее время везет с поиском людей.

Отвечать «Да, сэр» было нельзя; «Нет, сэр» навело бы его на подозрения.

— Прошлой ночью нашли троих в андерсоновском убежище, — сказал я. — Один из детей догадался по крыше плоскогубцами колотить.

— Я слышал, что их находит ваш новенький, Сеттл. — Теперь Нельсон говорил дружелюбно, почти весело. Как Гитлер в Мюнхене.

— Сеттл? — недоуменно переспросил я. — Убежище нашла миссис Люси.

* * *

Сюрприз, который готовил Квинси, оказался крестом Виктории.

— Орден, — снова и снова повторял Моррис. — Кто бы мог подумать! Мой Квинси — с орденом. Пятнадцать самолетов подбил.

Крест вручали на особой церемонии в штабе командования; присутствовала сама герцогиня Йоркская. Моррис лично приколол орден сыну.

— Я ведь костюм надел, — рассказывал он нам в сотый раз. — Ну, на случай, если Квинси чего натворил, чтобы произвести хорошее впечатление. И правильно сделал! Что бы подумала герцогиня, если бы я выглядел вот как сейчас?

Мы все выглядели неважно: еще бы, два налета, град зажигательных бомб, Ви на посту наблюдателя. Снова пришлось спасать мясную лавку, а помимо нее — булочную и распятие тринадцатого века.

— Говорила же Джеку: пробило крышу алтаря, — возмущалась Ви, когда мы с ней выносили распятие из церкви. — Твой приятель не нашел бы зажигалку, даже если б она свалилась прямо на него.

— Ты сказала ему, что бомба упала на церковь? — переспросил я, разглядывая деревянное изваяние. Нижняя часть — ноги, прибитые к кресту, — обуглилась, словно Христа не распяли, а казнили на костре.

— Ну да. И даже сказала куда: на алтарь. — Она обернулась и оглядела неф. — Вот же бомба, как войдешь, сразу видно…

— А он что? Так и не нашел?

Ви задумчиво посмотрела на крышу.

— Может, конечно, она застряла между стропил и только потом рухнула вниз. Впрочем, какая разница? Все равно мы ее потушили. Пошли на пост. — Она поежилась. — Холодно тут.

Я тоже замерз. С нас обоих текло: мы только справились с пожаром, как в церковь ворвался отряд вспомогательной пожарной службы и залил все ледяной водой.

— Сам ему приколол, — не унимался Моррис. — А герцогиня Йоркская поцеловала его в обе щеки и назвала гордостью Англии.

Он принес бутылку вина — отпраздновать награду сына; вытащил к столу Ренфрю, завернутого в одеяло; уговорил Твикенхема оставить на время печатную машинку. Питерсби притащил еще стульев, а миссис Люси сходила наверх за хрусталем.

— К сожалению, только восемь, — объявила она, вернувшись с изящными бокалами. Руки миссис Люси покрывала копоть. — Остальное перебили немцы. Кому-то придется пить из зубного стаканчика.

— Спасибо, мне не нужно, — сказал Джек. — Я не пью.

— Как так — не пьешь? — весело откликнулся Моррис. Он снял каску, открыв белую полоску лба на перемазанном сажей лице, — словно специально начернился, собираясь выступать в мюзик-холле. — Тогда хотя бы подними с нами тост за Квинси. Подумать только! Мой мальчик — кавалер ордена!

Миссис Люси ополоснула стаканчик для полоскания зубов и передала его Ви, разливавшей вино. Все взяли по бокалу; Джеку достался зубной стаканчик.

— За моего сына Квинси — лучшего пилота Королевских ВВС! — провозгласил Моррис.

— Пусть посбивает все немецкие самолеты! — громко поддержал Суэйлс. — И закончит, наконец, эту проклятую войну!

— Чтобы по ночам можно было спокойно спать, — добавил Ренфрю, и все засмеялись.

Мы выпили. Джек поднял стаканчик вместе с другими, но как только Ви принялась доливать всем вина, прикрыл его ладонью.

— Представьте только, — продолжал Моррис, — мой сын — и с орденом. У него были трудности в колледже — попал в плохую компанию, неприятности с полицией… Как я волновался о нем, беспокоился, что из него выйдет!.. А пришла война — и он стал героем.

— За героев! — сказал Питерсби.

Мы выпили снова, и Ви влила оставшееся в бутылке вино в бокал Морриса.

— Вот и все. — Она просияла. — А у меня есть бутылка вишневого ликера от Чарли!

Миссис Люси поморщилась.

— Подождите-ка! — Она исчезла в кладовой и вернулась с двумя заросшими паутиной бутылками портвейна, который и налила всем — щедро и немного неловко.

— «Строго запрещается держать на посту алкогольные напитки, — процитировала она. — Штраф: за первое нарушение пять шиллингов, за каждое последующее нарушение — один фунт». — Она положила на стол фунтовую купюру. — Интересно, кем был Нельсон до войны?

— Уродом, — сказала Ви.

Джек по-прежнему закрывал стаканчик ладонью.

— Директором школы, — предположил Суэйлс. — Нет, знаю: налоговым инспектором!

Все засмеялись.

— Я до войны была чудовищем, — заявила миссис Люси. Ви хихикнула. — Служила диаконисой — знаете, из тех кошмарных женщин, что украшают церковь цветами, устраивают благотворительные распродажи и держат в страхе священника. А уж как я служек терроризировала — заставляла их раскладывать книги с гимнами по скамьям прихожан строго по линеечке… Моррис знает, он пел в церковном хоре.

— Верно, — сказал Моррис. — И всегда требовали, чтобы мы выстраивались по росту.

Я попытался представить миссис Люси ярой поборницей правил, мелким тираном вроде Нельсона — и не смог.

— Иногда, чтобы найти свое настоящее призвание, требуется что-то страшное, вроде войны, — проговорила она, глядя в бокал.

— За войну! — радостно воскликнул Суэйлс.

— Не уверен, что стоит пить за такие ужасы, — с сомнением произнес Твикенхем.

— Не так уж война и ужасна, — возразила Ви. — Из-за нее мы и собрались вместе, правда же?

— Да, ты никогда бы не познакомилась со своими пилотами, а, Ви? — поддел ее Суэйлс.

— Даже в самой плохой ситуации всегда найдется хорошее, — обиженно заметила Виолетта.

— Некоторые идут и дальше, — заметил Суэйлс. — Некоторые пользуются войной для сомнительных целей, вот, например, полковник Годалминг. Я тут говорил с одним парнем из вспомогательной пожарной службы; оказывается, возвращался полковник совсем не за ружьем. — Он подался вперед. — Говорят, у него была интрижка с белобрысой танцовщицей из «Мельницы». Жена-то его считала, что он на куропаток в Суррее охотился, а теперь у нее появилось много неприятных вопросов.

— Не один полковник войной пользуется, — ответил Моррис. — В ночь, когда откапывали Киркадди, я нашел пожилую пару — их убило ударной волной. Я вытащил тела на дорогу, чтобы их отвезли в морг, а потом смотрю, кто-то наклонился над ними и что-то такое с ними делает. Я было подумал, он хочет уложить их поровней, пока не закоченели. А потом меня осенило: он их грабил. Мертвых.

— А кто сказал, что их убила ударная волна? — добавил Суэйлс. — Сейчас ведь повсюду трупы… и никто их подробно не рассматривает. Кто сказал, что их убили немцы?

— Ну вот, завели… — возмутился Питерсби. — Мы ведь празднуем, а не смерть обсуждаем. — Он поднял бокал. — За Квинси Морриса!

— И за ВВС, — добавила Ви.

— За хорошее в плохой ситуации, — сказала миссис Люси.

— Правильно, — произнес Джек и поднял бокал, но так и не отпил.

Через три дня Джек отыскал четверых.

Я не слышал никого из них до того, как мы начинали копать; а последнюю, тучную женщину в полосатой пижаме и розовой сетке для волос, не слышал вообще — хотя она потом утверждала, что «звала, молилась и снова звала».

Твикенхем все подробно описал в «Весточках». Он снял с первой полосы статью об ордене Квинси Морриса и печатал новую передовицу.

Миссис Люси в очередной раз попросила у него машинку, заполнить бланк формы А-114.

— Это что? — спросила она.

— Ну как же, «срочно в номер» — пояснил Твикенхем, передавая ей лист. — «Сеттл находит четверых».

— «Джек Сеттл, недавно присоединившийся к команде поста номер сорок восемь, прочла миссис Люси, — прошлой ночью отыскал под обломками четырех человек. «Я хотел принести пользу людям», — скромно ответил мистер Сеттл на вопрос о том, для чего он прибыл в Лондон из Йоркшира. И он оказался нужен в первую же ночь на посту, когда…» — Миссис Люси вернула статью Твикенхему. — Извините, но печатать такое нельзя. Нельсон и без того вовсю разнюхивает и задает вопросы. Он уже отобрал у меня подчиненного и чуть не погубил его. Больше я ему никого не отдам.

— Но это же цензурный произвол! — вознегодовал Твикенхем.

— Идет война, — отрезала миссис Люси. — Нам не хватает рабочих рук. Я освободила мистера Ренфрю от обязанностей — он уезжает к сестре в Бирмингем. Впрочем, даже если бы у нас в отряде случился переизбыток людей — я все равно не отдала бы Нельсону никого. Он чуть Олмвуда не убил.

Она вручила мне форму А-114, и я отнес ее в управление. На месте девушки, с которой я говорил в прошлый раз, сидела другая.

— Это заявка для наружных усовершенствований. Вам надо заполнить форму Д-268.

— Я уже приносил Д-268. Мне сказали, что брусья относятся к «наружным усовершенствованиям».

— Только если ими укрепляют снаружи. — Она дала мне форму Д-268. — Извините, — виновато произнесла она. — Я бы рада вам помочь, но начальство требует, чтобы все делали по правилам.

— Вы можете помочь в другом, — ответил я. — Мне надо передать сообщение одному из тех, кто у нас в неполную смену — только вот забыл, где он работает днем. Вы адресок не подскажете? Джек Сеттл. А то придется возвращаться в Челси и смотреть там.

— Минуточку. — Она убежала по коридору и вернулась с листом бумаги. — Сеттл? Пост сорок восемь, Челси?

— Да-да. Мне нужен его рабочий адрес.

— А у него нет.

Джек покинул место происшествия, когда мы откапывали из-под обломков тучную женщину. Начинало светать; мы только соорудили ворот и обвязали пострадавшую, как вдруг Джек передал свой конец веревки Суэйлсу и сказал: «Мне пора на работу».

— Вы уверены? — спросил я девушку.

— Уверена. — Она показала мне документ, утверждавший Джека на нашем посту, с подписью миссис Люси. Графы для домашнего и рабочего адресов пустовали. — Больше в его папке ничего нет. Ни разрешения на работу, ни удостоверения личности, ни даже продовольственной карточки. Мы храним для всего этого копии. Выходит, у него нет работы.

Я вернулся на пост с формой Д-268, но миссис Люси не застал.

— Приходили от Нельсона с новой инструкцией, — объяснил Твикенхем, печатая экземпляры газеты на копировальном аппарате. — Теперь по ночам обязаны патрулировать все — кроме тех, кто дежурит на посту наблюдателя и у телефона. *Все.* Она собирается устроить Нельсону взбучку! — радостно закончил он. Похоже, гнев на цензурный произвол уже улегся.

Передовица влажной свежеотпечатанной копии рассказывала о вторжении Гитлера в Грецию; в правом нижнем углу помещалась заметка о Квинси и его ордене, а над ней располагался список, озаглавленный: «Что для нас сделала война». Первым пунктом шло: «Раскрыла в нас способности, о которых мы не подозревали».

— Миссис Люси сказала, что он — убийца, — прибавил Твикенхем.

Убийца.

— А что ты хотел ей сообщить? — спросил Твикенхем. «Что Джек нигде не работает, — подумал я. — У него нет

продовольственной карточки. Он не стал тушить зажигалку в церкви, хотя Ви объяснила ему, куда именно упал снаряд. Он знал, где искать андерсеновское убежище».

— Требуют заполнить другой бланк. — Я выложил на стол форму Д-268.

— Пара пустяков, — отозвался Твикенхем, вставил форму в машинку, поколдовал несколько минут над клавишами и отдал заполненный бланк мне.

— Нужна подпись миссис Люси.

Твикенхем достал авторучку и ловко подписал ее имя.

— Ты чем занимался до войны? — спросил я. — Подделывал документы?

— Все равно не поверишь. — Он отдал мне форму. — Ужасно выглядишь, Джек. Ты вообще спал на этой неделе?

— Да где там!

— Может, приляжешь, пока никого нет? — Он взял меня за руку, как Ви брала Ренфрю. — Я сам отнесу бумагу в управление.

Я сбросил его руку.

— Со мной все в порядке.

В управлении уже не было девушки, которая искала для меня адрес; зато появилась та, первая. Я пожалел, что не захватил заодно и форму А-114; но девушка, внимательно изучив бумагу, без лишних слов поставила на нее печать.

— Ваша заявка будет рассмотрена примерно за шесть недель.

— Шесть недель! — воскликнул я. — Да Гитлер к тому времени всю Европу завоюет.

— В этом случае, думаю, вам придется заполнять уже другую форму.

На пост возвращаться не хотелось. Что я мог сказать миссис Люси? Да, я подозревал Джека — но в чем? В том, что он не любит торт и бараньи отбивные? Что рано уходит на работу? Что спасает детей из-под развалин?

Он говорил, что работает днем. Девушка из управления не нашла его разрешение на работу — но управлению требуется шесть недель, чтобы обработать заявку на несколько брусьев; с разрешением Джека они провозились бы до конца войны. А может, разрешение лежало в папке — но девушка его не заметила. От недосыпания у людей часто возникают ошибки на работе. И навязчивые идеи…

Я дошел до станции «Слоан-сквер». Там, где когда-то лежала молодая продавщица, не осталось никаких следов. Стекло уже подмели. Старая перечница из «Джона Льюиса» никогда не отпускала ее раньше закрытия — даже если включали сирены, даже если было темно. Девчушка с платьем на вешалке в одиночестве бежала по затемненным улицам, прислушиваясь к рявканью зениток и стараясь угадать, насколько далеко гудят самолеты. Она не услышала бы того, кто крался за ней; а тело выглядело так, словно девушку убило осколками стекла.

Я скажу миссис Люси, что он не ест. Скажу, что он не стал тушить пожар в церкви. Что всегда уходит с места происшествия до рассвета, даже если мы еще не вызволили людей из-под обломков. Что немецкие бомбардировщики охотятся за мной — это из-за письма, которое я написал в «Таймс». От сильного недосыпания у людей возникают галлюцинации и видения; они слышат голоса и верят в невероятные вещи…

Завыли сирены. Должно быть, я простоял несколько часов, глядя на тротуар.

Я вернулся на пост.

— Джек, вы плохо выглядите, — заметила миссис Люси. — Как давно вы не спали?

— Не помню, — ответил я. — Где Джек?

— На посту.

— Ты поосторожней, — заметила Ви, выкладывая на тарелку шоколад. — А то станешь «ходячим мертвецом». Хочешь конфету? Меня Эдди угостил.

Пискнул телефон. Миссис Люси взяла трубку, поговорила с минуту и обернулась к нам.

— Слэйни нужна помощь. Просят, чтобы прислали Джека.

Она послала нас обоих.

Место происшествия удалось найти сразу. Не было ни пыли, ни едкого запаха — только чуть сбоку догорал пожар.

— Бомба упала сюда давно, — сказал я Джеку. — День назад, не меньше.

Я ошибся: налет произошел два дня назад. Спасательные команды начали работу немедленно, но под развалинами оставалось еще человек тридцать. Некоторые спасатели продол-

жали без особого усердия раскапывать холм, но большинство стояли тут и там, курили и выглядели так, словно сами побывали под завалом.

Джек взобрался к копавшим, покачал головой и пошел дальше по холму, подсвеченному пожаром.

— Говорят, у вас нюхач есть, — обратился ко мне один из куривших. — В Уайтчепеле тоже такой имеется. Ползает по развалинам на четвереньках, вынюхивает, что твоя ищейка. Ваш тоже так делает?

— Нет, — ответил я.

— Сюда! — раздался голос Джека.

— Говорит, будто чует людей по их мыслям. Тот, из Уайтчепела. — Спасатель потушил сигарету, взял кирку и вскарабкался на холм к Джеку.

Обломки поддались довольно легко, но на полпути мы уперлись в тяжелую спинку кровати.

— Надо подкопать сбоку, — сказал Джек.

— К чертям, — отозвался спасатель, что рассказывал мне про нюхача. — Откуда ты знаешь, что там кто-то есть? Ничего же не слышно.

Джек не ответил. Он спустился по холму немного вниз и стал копать сбоку.

— Прошло два дня. Они уже умерли, а я не собираюсь работать сверхурочно. — Спасатель бросил кирку и зашагал к передвижной кухне.

Джек даже не заметил, что тот ушел. Он наполнял корзины, я их опрокидывал; иногда Джек отрывисто говорил: «Пилу!» или «Резак!» — и я подавал ему инструмент. Когда он откопал девочку, я как раз ушел за носилками.

Ей было лет тринадцать. Белая ночная рубашка… впрочем, она только казалась белой из-за известковой пыли, такой же, что покрывала лицо Джека, делая его мертвенно-бледным. Он держал девочку на руках, а она обняла его за шею и уткнулась ему плечо — такими я увидел их в отблесках пламени.

Джек опустился на колени и попробовал уложить ее на носилки, но девочка его не отпускала.

— Все хорошо, — тихо успокаивал он. — Все кончилось.

Он осторожно разжал ей руки, сложил их у нее на груди. На ночной рубашке засохла кровь — но, кажется, не ее. Кто же еще был с ней под обломками?

— Как тебя зовут? — спросил Джек.

— Мина, — еле слышно прошептала она.

— А меня — Джек, — сказал он и кивнул на меня. — И его вот тоже. Сейчас мы тебя отнесем к «скорой помощи». Не бойся. Теперь ты в безопасности.

«Скорая» еще не подъехала. Мы положили носилки на тротуар, и я отправился к ответственному за спасательные работы — узнать, когда прибудут врачи. Прежде чем я

вернулся, кто-то крикнул: «Здесь кто-то еще!»; я взобрался по склону, и мы откопали чью-то руку, а за ней и обескровленное тело.

У подножья холма на носилках лежала девочка. Над ней склонился Джек.

На следующий день я съездил в Уайтчепел — посмотреть на тамошнего нюхача, но не застал его.

— Он у нас в неполную смену, — объяснил начальник отряда, освобождая для меня стул. На посту царил беспорядок: всюду разбросаны грязные тарелки, запачканная одежда.

— Работает днем на складе снабжения в Доркинге, — подтвердила пожилая женщина, жарившая почки на сковородке.

— Как он находит людей под завалом? — спросил я. — Я слышал…

— …будто он мысли читает? — Женщина выложила почки на тарелку и подала начальнику отряда. — Он это, к сожалению, тоже слыхал. Теперь объявляет спасателям, словно какой-нибудь Гудини: «Я чувствую их здесь!» — и показывает, где надо копать.

— Так как же он их все-таки находит?

— Удача, — ответил начальник.

— Я думаю — по запаху, — сказала женщина. — Поэтому их и зовут нюхачами.

Начальник фыркнул.

— Сквозь запах немецкой взрывчатки, газа и остальной дряни?

— А если он… — начал я и осекся. — Если он чувствует запах крови?

— Трупный запах не учуять, даже если тело неделю пролежит под обломками, — отозвался начальник, жуя почки. — Он ищет их по звукам. Как и мы.

— У него очень хороший слух, — подтвердила женщина, приняв теорию начальника. — Мы все глохнем от шума зениток, а он — нет.

Я не слышал криков тучной женщины в розовой сетке для волос, хотя она утверждала, что звала на помощь. Но Джек, приехавший из Йоркшира, где не звучали зенитки, — слышал; ничего тут загадочного и зловещего. Просто у некоторых очень хороший слух, вот и все.

— На прошлой неделе мы откопали полковника, который настаивал, что не издал ни звука, — вспомнил я.

— Врет, — ответил начальник, разрезая почку ножом. — Два дня назад мы спасали монашку. Вся такая чинная, благопристойная. Всю дорогу, пока ее откапывали, ругалась как сапожник. А потом все отрицала: «Грязные слова никогда не оскверняли и не осквернят моих уст». — Он махнул вилкой. — Вопил ваш полковник, будьте уверены. Просто не хочет признаваться.

«А я не звал никого, — настаивал полковник. — Толку же все равно не будет». Может, начальник отряда прав, и полковник только хорохорился. Но ведь он боялся, что его жена узнает об интрижке с белобрысой танцовщицей. У него были причины молчать, поэтому он старался выбраться из-под завала без посторонней помощи.

Я пришел домой и позвонил знакомой в «Скорую» — выяснить, куда положили Мину. Через несколько минут, выслушав ответ, я поехал на подземке в больницу Святого Георгия.

Все остальные спасенные кричали или колотили в крышу убежища — все, кроме Мины; когда Джек ее вытащил, она была так напугана, что едва могла говорить, да и то шепотом. Хотя это еще не значит, что она не кричала и не плакала под обломками.

«Вчера, когда тебя откапывали — ты звала на помощь?» — спрошу я у девочки. И она ответит тихо-тихо, как мышка: «Да. Я звала, молилась и снова звала. А что?» И я скажу ей: «Ничего. Просто навязчивая идея от сильного недосыпания. Джек днем работает на складе снабжения в Доркинге, и у него очень хороший слух». В том, что я себе навоображал, не больше правды, чем в страхах Ренфрю, поверившего, что нас бомбят из-за его письма в «Таймс».

На одном из входов в больницу была надпись: «Эвакуационный пункт». Я спросил у сидевшей за столом медсестры, как найти Мину.

— Ее привезли вчера ночью. Налет на Джеймс-стрит. Сестра заглянула в исчерканный карандашный список.

— У нас такой пациентки нет

— Я точно знаю, что ее доставили сюда. — Я вывернул голову, пытаясь прочесть список. — Другой больницы Святого Георгия ведь нет?

Сестра покачала головой, отодвинула список, и проглядела еще один листок.

— Вот она.

Я слишком часто слышал от спасателей слова, произнесенные тем же тоном. Но это же невозможно. Спинка кровати укрыла девочку от обломков. Даже кровь на ночной рубашке была не ее.

— Мои соболезнования, — сказала сестра.

— Когда она умерла? — спросил я.

Сестра снова заглянула во второй список, который был гораздо длиннее первого.

— Утром.

— Кто-нибудь еще приходил к ней?

— Не знаю. Я здесь только с одиннадцати.

— От чего она умерла?

Сестра посмотрела на меня, как на сумасшедшего.

— Какая записана причина смерти? — не отступал я. Она сверилась со списком.

— Кровопотеря.

Я поблагодарил ее и пошел искать Джека.

* * *

Он сам нашел меня.

Я вернулся на пост и дождался, пока все заснут, а миссис Люси поднимется наверх. Прокравшись в кладовую, я стал искать адрес Джека в бумагах миссис Люси. Адреса не было. Что ж, я так и думал. А если бы он и назвал адрес — что бы нашлось по этому адресу? Заброшенный дом? Груда обломков?

Я дошел до станции метро «Слоан-сквер», не надеясь увидеть там Джека. Где же его искать? Джек мог быть где угодно. В Лондоне много пустых домов, развороченных бомбами подвалов, укромных мест, где можно скрываться до заката. Поэтому он сюда и пришел.

«Если б я был злоумышленником, отправился бы прямиком в Лондон», — говорил Суэйлс. Но не только злоумышленников привлекали затемненные улицы, трупы и легкая добыча большого города. Привлекала и кровь…

У станции мальчишки рылись в сточной канаве, выискивая конфеты, которые выбросило взрывом из витрины кондитерской. Спустились сумерки. Я вернулся к посту и, спрятавшись в дверях соседнего дома, стал наблюдать за входом.

Прозвучали сирены. Суэйлс отправился делать обход. Пришел Питерсби. Моррис вышел наружу, остановился в дверях и поглядел наверх, словно надеясь увидеть там самолет своего сына. Похоже, миссис Люси не убедила Нельсона отменить приказ о патрулировании.

Стемнело. В небе пересекались лучи прожекторов, высвечивая серебристые аэростаты заграждения. На востоке нарастал низкий гул — летели бомбардировщики. Прибежала Ви на высоких каблуках, с коробкой, перевязанной ленточкой. Питерсби и Твикенхем ушли патрулировать. За ними вышла Ви, застегивая под подбородком ремешок каски и что-то жуя на ходу.

— Я тебя везде искал, — произнес Джек. Я обернулся.

Он подъехал на грузовике вспомогательной транспортной службы; дверцу Джек оставил открытой, мотор не выключал.

— Вот, брусья привез, подвал укрепить. Помнишь вчерашний налет? Они валялись сверху, и я купил их у владельца дома. — Из кузова грузовика торчали концы деревянных балок. — Давай, помоги. Если поторопимся, успеем сегодня занести. — Он шагнул к

грузовику. — Где ты был? Я тебя везде искал.

— Ездил в больницу Святого Георгия, — ответил я. Он замер, взявшись рукой за дверцу кабины.

— Мина умерла, — сказал я. — Только ты ведь и так знаешь… Он промолчал.

— Умерла от потери крови.

Сверху упала ракета, осветив его лицо мертвенным светом.

— Я знаю, кто ты.

— Если поспешим, успеем занести брусья до налета. — Он потянул дверцу на себя; я ухватился за нее, не давая ему закрыть кабину.

— Военный объект, — горько усмехнулся я. — Как ты это делал? Оставался с ними один на один в вырытом тоннеле? Или приходил проведать их в больнице?

Он отпустил дверцу.

— Прекрасный ход: записаться в ПВО, — продолжал я. — Никто не заподозрит отважного добровольца — особенно если он так здорово отыскивает людей под завалами. А если некоторые из тех, кого он вытаскивает, потом умрут, если кого-то найдут мертвым на улице — что ж, бывает. Война идет…

Гул моторов над головой внезапно усилился, ливнем посыпались осветительные ракеты. Лучи прожекторов кружили по небу, стараясь отыскать бомбардировщики. Джек ухватил меня за руку.

— Пошли вниз, — сказал он и потащил меня к двери. Я стряхнул его руку.

— Знаешь, я б тебя убил. Но ведь не получится, верно? — Я махнул рукой на небо. — И у них не получится. Такие, как ты, не умирают.

Раздался протяжный свист, который перешел в нарастающий вой.

— И все-таки я убью тебя, — крикнул я. — Убью, если притронешься к Ви или к миссис Люси.

— Миссис Люси… — повторил он, и я не мог понять, что слышалось в его голосе — то ли восхищение, то ли презрение.

— Или к Ви. Или к любому из них. Проткну тебе грудь колом, или что там нужно… — Внезапно мир треснул.

Казалось, зарычало громадное чудовище. Звук все длился и длился; я хотел зажать уши, но у меня были заняты руки — я изо всех вцепился в тротуар. Рычание превратилось в вопль, земля резко вздрогнула, и я с нее слетел.

— Ты как? — спросил Джек.

Я сидел возле грузовика, который перевернулся на бок. Брусья высыпались из кузова.

— Нас задело?

— Нет, — ответил он, но я уже все понял. Едва он успел поднять меня на ноги, как я бросился к посту.

Миссис Люси говорила Нельсону, что если отправить весь отряд в патруль, то, случись налет, никого не соберешь. Она ошибалась: все сбежались за несколько минут — Суйэлс, Моррис, Виолетта, стучащая каблучками, Питерсби. Каждый подходил и останавливался, глупо уставившись туда, где раньше был дом миссис Люси, словно не понимая, что с ним случилось.

— Где Ренфрю? — спросил Джек.

— В Бирмингеме, — откликнулась Ви.

— Его с нами не было, — объяснил я. — Ушел в отпуск по болезни. — Я вглядывался сквозь облако пыли в их лица. — Где Твикенхем?

— Тут, — отозвался он.

— А миссис Люси?

— Там, — ответил Джек, показав на груду обломков.

Мы копали всю ночь. На помощь нам прибыли две спасательных команды; они звали и прислушивались каждые полчаса, но ответа не было. Ви, как ответственная за спасательные

работы, раздобыла где-то лампу и обмотала ее синим шарфом. Приехала машина «Скорой помощи», подождала немного, уехала к другому месту происшествия, опять вернулась. Объявился Нельсон и взял должность ответственного на себя.

— Она жива? — спросила Ви.

— Еще бы, — произнес я, глядя на Джека.

Сгущался туман. Над нами снова пролетели самолеты, сбрасывая ракеты и зажигалки; мы не останавливались. В одной из корзин появилась печатная машинка Твикенхема. В другой — хрустальный бокал миссис Люси.

Около трех Моррису показалось, что он чего-то слышал. Мы прекратили работать, стали кричать и вслушиваться; ответа не было. Туман перешел в моросящий дождь. В половине пятого я снова позвал миссис Люси.

— Я здесь, — послышалось глубоко из-под земли.

— Вы целы?

— Что-то с ногой. Кажется, сломана, — крикнула она. — По-моему, я под столом.

— Не волнуйтесь, — крикнул я. — Мы до вас почти добрались.

Дождь превратил пыль от штукатурки в скользкую, липкую грязь. Стенки тоннеля приходилось постоянно укреплять распорками и прикрывать брезентом — внутри становилось слишком темно, и мы не могли копать. Суэйлс лежал на краю тоннеля и светил нам фонариком.

Прозвучал сигнал отбоя тревоги.

— Джек! — позвала миссис Люси.

— Да! — откликнулся я. — Отбой?

— Да. Не волнуйтесь, мы вас скоро вытащим.

— Который час?

Я не видел в темноте часов и ответил наугад:

— Начало шестого.

— Джек с вами? — Да.

— Ему нельзя оставаться. Скажите ему, пусть уходит. Дождь прекратился; начинало светать. Джек поглядел на

небо.

— Даже не думай, — предупредил я его. — Никуда ты не уйдешь.

Мы наткнулись на одну, потом на другую балку — из тех, что укрепляли лестничную площадку на пятом этаже; их пришлось распиливать. Суэйлс сообщил, что Моррис обозвал

Нельсона «грязным убийцей». Ви принесла чаю в бумажных стаканчиках.

Мы звали миссис Люси, но она больше не откликалась.

— Задремала, наверное, — сказал Твикенхем, и все мы кивнули, как будто поверили ему.

Запах газа стал чувствоваться задолго до того, как мы добрались до миссис Люси. Но Джек продолжал копать, и я вместе с остальными убеждал себя, что с ней все будет хорошо, что мы успеем вовремя.

Нашли ее не под столом, а под дверью в кладовую. Чтобы приподнять дверь, понадобился джек. Моррис очень долго за ним ходил, но это уже было не важно.

Миссис Люси лежала очень ровно, сложив руки на груди и закрыв глаза, словно спала. Левую ногу оторвало ниже колена.

Джек опустился рядом с ней на колени и бережно приподнял ее голову.

— Не смей ее трогать, — отогнал я его.

Я попросил Суэйлса помочь мне вытащить миссис Люси. Виолетта и Твикенхем положили ее на носилки; Питерсби отправился за машиной «Скорой помощи».

— Никогда она не была чудовищем, — проговорил Моррис. — Никогда.

Снова закапал дождь; над головой чернело небо — трудно было сказать, встало солнце или нет. Суэйлс прикрыл миссис Люси куском брезента.

— «Скорая» опять уехала, — сообщил вернувшийся Питерсби. — Я послал за машиной

в морг, но там говорят, что приедут не раньше половины девятого.

Я посмотрел на Джека. Выглядел он хуже, чем Ренфрю в самые тяжелые дни: вымотанный, изможденный, лицо серое от пыли.

— Мы подождем.

— Нет смысла нам всем мокнуть еще два часа, — сказал Моррис. — Я останусь с… Я побуду здесь. — Он повернулся к Джеку — Сообщи обо всем Нельсону.

— Я схожу, — вызвалась Ви. — Джеку нужно на работу.

— Откопали? — Нельсон перебрался к нам через балки, укреплявшие когда-то лестничную площадку. — Умерла? — Он посмотрел на Морриса, потом на мою каску, и я подумал, что он опять сделает мне выговор за состояние форменной одежды.

— Кто ее нашел? — требовательно спросил Нельсон.

— Сёттл, — ответил я, поглядев на Джека. — Он у нас просто чудо. За эту неделю отыскал шестерых.

Через два дня после похорон миссис Люси пришла служебная записка, переводившая Джека на пост Нельсона, а мне — официальное уведомление о призыве. Меня отправили в тренировочный лагерь, оттуда — в Портсмут. Ви присылала мне еду, Твикенхем — экземпляры своих «Весточек».

Наш пост перевели через дорогу, напротив лавки мясника, в дом мисс Артур, которая впоследствии присоединилась к отряду. «Мисс Артур любит рукоделие и садоводство, — писал Твикенхем. — Без сомнения, она окажется ценным добавлением к нашей маленькой отважной команде». Ви обручилась с пилотом ВВС. Гитлер бомбил Бирмингем. В отряде Нельсона Джек спас шестнадцать человек за неделю — рекорд для ПВО.

Полмесяца спустя меня отправили на корабле в Северную Африку; почта туда не доходила. Письмо от Морриса я получил только через три месяца. Джек погиб, спасая ребенка: неподалеку упала бомба замедленного действия, а «грязный убийца Нельсон» запретил спасательной команде эвакуироваться. Бомба разорвалась, тоннель, который копал Джек, обвалился, и Джека не стало. Но ребенка вытащили; девочка была невредима, если не считать нескольких порезов.

«И все-таки он не умер, — думал я. — Его нельзя убить. Я пробовал, но, даже предав его Нельсону, ничего не добился. Джек все еще в Лондоне — скрытый затемнением, шумом бомб и огромным число трупов — кто заметит лишние?»

В январе мы атаковали танковый батальон у Тобрука. Я убил девятерых, но тут некстати подвернулся осколок шрапнели, и меня отправили в Гибралтар, в госпиталь, где я и получил письма. Ви вышла замуж, налеты прекратились, а Джека посмертно наградили крестом Георга.

В марте меня отправили в Англию. Госпиталь располагался недалеко от Норт-Уилда, где служил сын Морриса, Квинси. Он навестил меня. С виду — образцовый летчик: твердый подбородок, стальные глаза, бесшабашная улыбка — ничего от малолетнего правонарушителя. Сейчас Квинси летал по ночам и бомбил Германию — «платил Гитлеру той же монетой», как он выразился.

— Говорят, вас к награде представили, — сообщил он, глядя на стену поверх моей головы, словно ожидал увидеть там девять нарисованных фиалок — по одной за каждого убитого немца.

Я спросил его об отце. У Морриса дела шли хорошо, его назначили начальником отряда.

— Я вами, из ПВО, восхищаюсь, — заметил Квинси. — Спасаете жизни, и вообще.

Он говорил это всерьез. А сам летал по ночам над Германией, превращал их города в руины, среди которых ползали немецкие отряды ПВО, разыскивая мертвых детей. Интересно, есть ли у немцев свои нюхачи. А если есть — все ли они… чудовища. Как Джек.

— Папа писал о вашем друге. Тяжело, наверно, узнать вот так, издалека.

Похоже, он и впрямь мне сочувствовал. А сам уничтожил двадцать восемь самолетов и

убил бог знает сколько женщин в розовых сетках для волос и тринадцатилетних девочек. Но никто не звал его чудовищем. Герцогиня Йоркская назвала его гордостью Англии и поцеловала в обе щеки.

— Я был с папой на свадьбе Виолетты Вестен, — сказал Квинси. — Невеста — прелесть, как картинка.

Это Ви-то, с ее бигуди и непривлекательным лицом! Казалось, война преобразила ее, сделал прекрасной и желанной.

— Подавали клубнику и два сорта пирогов, — рассказывал Квинси. — Один из отряда — Тоттенхем, кажется, — прочитал стихи в честь новобрачных. Сам написал.

Война преобразила и Твикенхема, и миссис Люси, державшую когда-то в страхе священника. Только на самом деле они не изменились. «Что для нас сделала война».

Виолетте нужно было всего лишь немного внимания, чтобы проявилась ее скрытая привлекательность. Всякая девушка красива, когда знает, что желанна.

Твикенхем всегда стремился проявить себя в литературе.

Нельсон всегда был мелким тираном.

Миссис Люси, чтобы она ни говорила, никогда не была чудовищем. «Иногда, чтобы найти свое настоящее призвание, требуется что-то страшное, вроде войны», — сказала она…

А Квинси, что бы ни говорил о нем Моррис, был дрянным мальчишкой, которого ждала жизнь, полная мелких и крупных преступлений. Но пришла война — и его дерзость стала доблестью, именно тем, что требовалось.

«Что для нас сделала война», пункт второй. Война изобрела работы, о которых раньше и не слыхали. Например, доброволец ПВО. Или пилот Королевских ВВС. Или нюхач.

— Тело Джека нашли? — спросил я, заранее зная ответ. «Нет, — скажет Квинси, — тело найти не смогли — или от него ничего не осталось».

— Разве папа вам не рассказывал? — Квинси обеспокоенно посмотрел на висевший над моей головой пакет с кровью для переливания. — Им пришлось копать мимо него, чтобы добраться до девочки. Говорил, та еще была картина. Когда взорвалась бомба, вашему другу проткнуло грудь ножкой от стула.

Все же я его убил. Мы вместе — Нельсон, Гитлер и я.

— Зря я про это сказал. — Квинси озабоченно глядел, как кровь стекает по капельнице из пакета мне в вену, словно это было плохим признаком. — Я знаю, вы с ним дружили. Не стоило вам об этом говорить. Но папа велел передать, что последнее, чего он сказал перед смертью — ваше имя. Прямо перед тем, как разорвалась бомба. «Джек», — сказал. Как будто чувствовал, что умрет. И позвал вас.

«Никого он не звал», — подумал я. «Грязный убийца Нельсон» не запрещал ему эвакуироваться. Джек просто делал свою работу — забыв и о Нельсоне, и о бомбе замедленного действия. Он разбрасывал груду мусора, словно вонзая нож в тело жертвы, требуя время от времени то пилу, то кусачки, то распорки… то джек. Он не думал ни о чем, только о том, чтобы извлечь людей из-под обвала, пока их не погубил газ, пока они не истекли кровью. Он забыл обо всем, кроме своей работы.

Я неправильно понял причины, по которым Джек записался в ПВО. Наверно, у него была очень тяжелая жизнь где-то там, в Йоркшире — тьма, убийства, ненависть к себе. Но с приходом война, когда он узнал о людях, погребенных рухнувшими зданиями, и о спасателях, слепо ищущих их среди обломков, — этот шанс показался ему даром божьим. Благословением.

«Вряд ли он старался искупить то зло, которое причинил людям — это невозможно», — думал я. Сам я убил десятерых, считая Джека, а спас около двадцати; но одно другое не зачеркивало. Да и вряд ли ему этого хотелось. Все, чего он желал — приносить пользу.

«За хорошее в плохой ситуации», — сказала миссис Люси. Это искал и Суэйлс со своими шутками и сплетнями, и Твикенхем, и Джек. Если они нашли дружбу, любовь и примирение с собой — что ж, они это заслужили. Но плохое все равно оставалось плохим.

— Ладно, я пойду, — попрощался Квинси, обеспокоенно глядя на меня. — Вам нужен отдых, а мне пора на работу. Немецкая армия на полпути к Каиру, Югославия примкнула к фашистам. — Он был взволнован и счастлив. — А вы отдыхайте. Вы нам еще понадобитесь на войне.

— Спасибо, что навестили, — поблагодарил я.

— Ну, папа хотел, чтобы я рассказал вам, как Джек вас звал. — Он поднялся. — Да, не повезло вам — прямо в шею угодило. Ненавижу эту войну! — притворно вздохнул он и хлопнул фуражкой по ноге.

— Я тоже.

— Скоро выпишитесь, убьете еще кучу немцев.

— Обязательно.

Он надел фуражку под лихим углом и ушел бомбить распутных полковников на пенсии, детей и вдов, которым не удалось получить брусья для подвала от гамбургского Управления гражданской обороны. Рисовать фиалки на фюзеляже. Исполнять свой долг.

Вошла сестра с подносом. У нее на переднике был нашит красный крест.

— Спасибо, я не голоден, — сказал я.

— Вам надо хорошо питаться, восстанавливать силы. — Она оставила поднос на тумбочке возле кровати и вышла.

«Война для нашей Ви стала настоящим благословением», — говорил я Джеку. Может, так оно и было. Но не для большинства людей. Не для девушек, что работали в «Джоне Льюисе» под началом старой перечницы, которая сроду не отпускала их пораньше — даже если включали сирены. Не для тех, кто открыл в себе способность сойти с ума, предать, истечь кровью. Или убить.

Завыли сирены. Появилась медсестра, проверила капельницу и унесла поднос. Я долго лежал, глядя, как кровь стекает по трубке в вену.

— Джек, — произнес я, сам не зная, кого я зову — и зову ли.

ПОСЛЕДНЯЯ ИЗ «ВИННЕБАГО»[27]

По дороге в Темпе мне попался мертвый шакал. Я ехал по крайней левой полосе Ван Бюрена, а он лежал в десяти рядах от меня, длинными лапами к обочине. Приплюснутая к асфальту угловатая морда казалась уже, чем есть, и я сперва принял шакала за собаку. Последний раз я видел сбитое машиной животное пятнадцать лет назад. На разделенки им не попасть, а большинство многополосных огорожено. Да и хозяева теперь своих питомцев больше берегут.

Шакал вполне мог быть домашним. Здесь жилая часть Финикса, а люди кого только не пытаются приручить, даже вонючих падальщиков. Хотя, конечно, то, что он вонючий падальщик, — еще не повод сбивать его и тем более бросать на проезжей части. Это карается законом, равно как и умолчание о происшествии, но виновника давно уже и след простыл. Я выкатил «хитори» на разделительную полосу и какое-то время сидел неподвижно, глядя на пустое шоссе. Кто мог сбить шакала? И остановился ли этот водитель хотя бы проверить, вдруг не насмерть.

Кейти тогда остановилась. Ударила по тормозам так резко, что джип занесло и развернуло носом в кювет, а сама выпрыгнула. Я бежал, увязая в снегу. Мы добежали почти одновременно. Я повалился на колени, и висящий на шее фотоаппарат в сломанном раскрывшемся футляре стукнул меня по груди.

— Я его задавила! — вскрикнула Кейти. — Джипом.

Я посмотрел в зеркало заднего вида. Ничего не разглядеть за горой наваленного на сиденье фотооборудования, увенчанной айзенштадтом. Пришлось вылезти. Все равно не

---

27 The Last of the Winnebagos © Перевод. М. Десятова, 2010

видно, я ведь успел отъехать от того места примерно на милю, но теперь я не сомневался, что это был шакал.

— Маккоум! Дэвид! Ты уже там? — раздался из машины голос Рамирес.

Я сунул голову внутрь и крикнул, обращаясь к телефонному динамику:

— Нет! Я на трассе.

— Матерь божья, что ж так долго-то? Конференция у губернатора в двенадцать, а тебе еще в Скотсдейл на закрытие Талиесин-Вест. Там назначено на десять. Слушай, Маккоум, я тут нарыла кое-что про Эмблеров. Они заявляют «стопроцентную подлинность», но на самом деле все враки. Никакая у них не «виннебаго», а обычный общедорожник. Но все-таки, по данным патрульной службы, других «передвижных домов» на ходу сейчас больше нет, у них действительно последний. Еще один был у некоего Элдрижда, тоже, правда, не «виннебаго», а «шаста», он на нем путешествовал до марта, но в Оклахоме у него отобрали права за выезд на полосу для цистерн, так что теперь всё. Автофургоны разрешены только в четырех штатах. В Техасе закон пока на рассмотрении, Юта уже в следующем месяце разделяет полностью все дороги. Дальше на очереди Аризона, так что давай, Дейви, постарайся, отщелкай побольше. Другого случая может не быть. И зоопарк сними, не забудь.

— Так что там с Эмблерами?

— Это их настоящая фамилия, хочешь верь, хочешь нет. «Путники», понимаешь ли. Я глянула их личную страницу. Он раньше работал сварщиком, она — кассиром в банке. Детей нет. Разъезжают с восемьдесят седьмого, с тех пор как Эмблер вышел на пенсию. Девятнадцать лет. Дэвид, ты айзенштадтом снимаешь?

Третье задание подряд она эту пластинку заводит.

— Я еще не доехал.

— На конференции у губернатора попробуй обязательно. Постарайся подложить куда-нибудь на стол.

Я так и собирался. Запихнуть дурацкую штуковину к дальней стенке, и пусть снимает задницы фотокорреспондентов, теснящих друг друга в попытке хоть что-то сфотографировать и наугад щелкающих камерами в вытянутых над головой руках, потому что губернатора за спинами не видно совершенно. Сделает мне отменный кадр репортерского локтя, который ее заденет и перевернет.

— Это новая модель. С автоматическим срабатыванием. Настроена на съемку лиц крупным планом, людей в полный рост и транспорта.

Отлично. По возвращении выяснится, что весь картридж на сто кадров забит снимками случайных прохожих и трехколесных легковушек. Откуда, черт дери, он поймет, когда щелкнуть затвором, и как он распознает губернатора в толпе из восьмисот человек хоть крупным планом, хоть в полный рост? По идее, он напичкан всякими хитроумными светочувствительными датчиками и компьютерно-композиционными программами, а на самом деле просто бездумно щелкает все, что мелькнет перед его идиотским объективом, как камеры слежения на магистралях.

Наверное, его сконструировали те же умники из правительства, которые додумались развесить камеры слежения вдоль трассы, а не над ней, поэтому теперь достаточно слегка прибавить скорости, и помещенный сбоку номер размазывается на снимке в расплывчатое пятно, так что не превышает сейчас только ленивый. Замечательная штука этот айзенштадт. Жду не дождусь, когда можно будет пустить его в ход.

— В «Сан-ко» очень рассчитывают на айзенштадт, — подытожила Рамирес вместо «до свидания». Она никогда не прощается. Просто обрывает разговор, а потом возобновляет, когда ей заблагорассудится.

Я оглянулся туда, где лежал мертвый шакал.

Позади тянулась совершенно безлюдная трасса. Новые автомобили и одиночки на неразделенные многополосники почти не суются, даже в часы пик. Слишком часто цистерны размазывают малолитражки по асфальту. Впрочем, хотя бы пара древних колымаг или нахальных полуприцепов обычно не прочь воспользоваться тем, что патруль в это время на

разделенках, однако тут не было никого.

Я сел за руль и задом доехал до шакала. Выключил зажигание, но выходить не стал. Струйку крови из его пасти было видно и так. Откуда ни возьмись, вылетела и промчалась мимо, ревя мотором, цистерна, обгоняющая камеры. Раскорячившись на три средние полосы, она превратила задние лапы и таз шакала в кровавую кашу. Хорошо, что я не сунулся переходить трассу. Водовоз меня даже не заметил бы.

Включив зажигание, я двинулся к ближайшему съезду на поиски телефона. Он нашелся в старом магазине сети «7-Элевен» на Макдауэлл.

— Сообщаю о сбитом животном на дороге, — заявил я оператору Общества, принявшей звонок.

— Ваша фамилия, номер машины?

— Это шакал, — ответил я. — На Ван Бюрене между тридцатой и тридцать второй Милями. В крайнем правом ряду.

— Вы вызвали службу спасения?

— Не понадобилось. Он был уже мертв.

— Вы оттащили его на обочину? — Нет.

— Почему? — Голос стал жестче и настороженнее. Потому что принял его за собаку.

— У меня не было лопаты, — ответил я и повесил трубку.

До Темпе я добрался к половине девятого, хотя всем цистернам штата вдруг позарез понадобилась именно Ван Бюрен. В итоге меня выпихнули на обочину, и я почти всю дорогу по ней и проехал.

«Виннебаго» выставлялась на аттракционной площадке между Финиксом и Темпе, рядом с бывшим зоопарком. Согласно рекламной листовке, часы посещений — с девяти до девяти, а я планировал отсняться до открытия, но было уже без четверти девять — наверняка опоздал, и отсутствие машин на пыльной парковке еще ни о чем не говорит.

Неблагодарная у фотографа работа. Большинство людей при виде объектива тут же захлопываются, как диафрагма на ярком свету, и застывают с искусственным съемочным лицом.

Оно сияет улыбкой — у всех, кроме арабских террористов и сенаторов, — но подлинных чувств не показывает, ни улыбчивое, ни суровое. Хуже всего с актерами, с политиками, с теми, кого фотографируют постоянно. Чем богаче опыт выступлений у человека, тем лучше получается видеоряд и тем призрачнее шансы снять хотя бы подобие достоверного фото. А у Эмблеров стаж почта двадцать лет. К без четверти девять они наверняка уже успели состроить съемочные лица,

Я припарковался у подножия холма в рощице из фукьерий и юкк, где раньше стоял указатель на зоопарк, вытянул из груды барахла на заднем сиденье длиннофокусный никоновский объектив и сделал пару снимков выставленного рядом с трассой рекламного щита: «Спешите видеть настоящую «виннебаго». Стопроцентная подлинность».

Стопроцентно подлинная «виннебаго» пристроилась у поросшего кактусами и пальмами каменного бордюра, огораживающего зоопарк. Хоть Рамирес и говорила, что «виннебаго» не настоящая, эмблема в виде буквы вытянувшей один из лучей вдоль всего борта, на боку фургона имелась, да и в целом внешне он мне показался вполне похожим, хотя таких фургонов я не видел уже лет десять.

Лучше бы, наверное, кого-то другого вместо меня сюда отрядили. Я никогда не питал особой любви к трейлерам и первое, что подумал, когда Рамирес изложила задание: «Они ведь исчезли давно — и. скатертью дорожка». Уж о чем другом, а о них я жалеть бы не стал, даже комары и отбойники между полосами раздражали меньше. Когда я жил в Колорадо, в горах от фургонов было не протолкнуться, они трюхали в левом ряду, раскорячиваясь на две полосы, даже когда те еще были по пятнадцать футов шириной, собирая за собой хвост злобно сигналящих автомобилей.

За одним таким я тащился по перевалу Независимости, а потом он просто взял и встал посреди дороги — оттуда выскочил десятилетний парнишка и принялся щелкать

«инстаматиком», снимая горный пейзаж. А другой фургон не вписался в поворот у моего дома и отдыхал потом в кювете, как выброшенный на берег кит. Хотя, если честно, поворот там всегда был опасный.

Из боковой двери «виннебаго» вышел старик в отглаженной рубашке с коротким рукавом и, подойдя к капоту с ведром воды и губкой, принялся мыть бампер. Интересно, где он воду набирает? По сведениям Рамирес, которые она мне переслала по модему, у «виннебаго» бак для воды вмещает в лучшем случае галлонов пятьдесят — то есть едва-едва хватит на питье, душ и, может, пару тарелок вымыть — а накачать здесь, в зоопарке, абсолютно неоткуда. Однако владелец окатывал бампер и даже колеса не скупясь, будто воды у него хоть залейся.

Я снял несколько кадров с фургоном на пустынной парковке, а затем, выставив длиннофокусный объектив на полную, взял крупным планом старика, моющего бампер. Его руки и лысина были усыпаны крупными красновато-коричневыми веснушками, и он энергично орудовал губкой. Закончив, старик отступил на несколько шагов и крикнул жене. Выглядел он то ли обеспокоенным, то ли мрачным. На таком расстоянии сложно было разобрать, позвал он жену просто так, полюбоваться работой, или выкрикнул ее имя рассерженно и нетерпеливо, а выражение лица я разглядеть не мог. Его жена приоткрыла боковую дверь с узким зашторенным изнутри оконцем и шагнула на металлическую подножку.

Муж что-то спросил, и она, не сходя с подножки, отрицательно мотнула головой, обернувшись на трассу, а потом, вытирая руки кухонным полотенцем, обогнула фургон и встала рядом с супругом, глядя на плоды его трудов.

Вот эти двое точно стопроцентно подлинные, даже если фургон у них и не «виннебаго». Во всем, от блузки в цветочек и полиэстровых (тоже, наверное, стопроцентно) брюк у жены до вышитого крестиком петуха на полотенце. И эти коричневые кожаные мокасины, точно как у моей бабушки, и редеющие седые волосы она наверняка, готов поспорить, так же закалывает шпильками-невидимками. Согласно личной странице, супругам сейчас должно быть под восемьдесят, хотя я бы на вид дал все девяносто. Кто их знает, может, они, наоборот, чересчур показушно «стопроцентные», а значит, тоже фальшивка, как и «виннебаго». Но жена все терла и терла руки полотенцем точь-в-точь как моя бабушка, когда ту что-то расстраивало, и пусть выражения лица пожилой женщины я не видел, жест уж точно был тем самым.

Судя по тому, что муж кинул капающую губку в ведро и отправился в обход фургона к заднему бамперу, проделанную работу супруга похвалила. Сама она скрылась внутри, прикрыв за собой дверь, хотя на часах натикало все десять, а о том, чтобы переставить фургон под пальмы, в какую-никакую тень, даже речь не шла.

Я сунул фотоаппарат обратно в машину. Пожилой владелец вынес из-за фургона и прислонил к борту большой фанерный щит. «Последняя из «виннебаго», — значилось на щите загадочным шрифтом, видимо, имитирующем индейское письмо. — Вымирающий вид, только у нас. Билеты: взрослым — 8 долларов, детям до двенадцати лет — 5 долларов. Мы открыты с 9 утра до заката». Натянув гирлянду из желто-красных флажков, он подхватил ведро и двинулся к двери, но на полпути вдруг развернулся и отошел на пару шагов — наверное, оттуда лучше было видно дорогу. Потом стариковской походкой проковылял обратно и снова провел мокрой губкой по бамперу.

— Маккоум, ты уже отснял фургон? — позвала Рамирес из машины.

Я закинул фотоаппарат на заднее сиденье.

— Только добрался. Всем аризонским цистернам позарез понадобилось на Ван Бюрен. Лучше бы ты отправила меня снимать тот цирк, который водовозы устраивают на многополосниках.

— Нет уж, ты мне нужен в Темпе живым. Губернаторскую пресс-конференцию перенесли на час, так что успеешь. Айзенштадт попробовал?

— Говорю же, только прибыл. Я эту чертову машинку еще даже не включил.

— Да не надо его включать. Он автоматически срабатывает на ровной поверхности.

Обрадовала. Сейчас выяснится, что он мне весь картридж на сто кадров по дороге сюда отщелкал.

— В общем, даже если на «виннебаго» его пробовать не будешь, то на конференции обязательно. Кстати, подумал насчет того, чтобы податься в журналистские расследования?

Ясно, почему «Сан-ко» так носится с этим айзенштадтом. Чем посылать двоих человек — фотографа и репортера, проще послать одного пишущего фотографа, тем более в одноместной крошке-«хитори» из тех, которыми пополнился редакционный автопарк. Так я и стал фотокором. А дальше — больше. Зачем вообще отправлять человека? Выслать айзенштадт и диктофон, и не надо ни «хитори», ни дорожных талонов. Аппаратуру можно переслать почтой. Приборчики тихо полежат на губернаторском столе, а потом кто-нибудь (тоже не репортер и не фотограф) приедет на одноместнике и незаметно их увезет заодно с дюжиной других.

— Нет, не подумал, — ответил я, оглядываясь на холм. Старик последний раз провел губкой по бамперу и, подойдя к бывшей зоопарковой клумбе с бордюром из камней, опрокинул ведро на заросли опунций, которые, наверное, приняли этот душ за весенний ливень и теперь на радостях зацветут, пока я буду подниматься, — Слушай, я пойду поснимаю, а то сейчас туристас понаедут.

— Так ты подумай. И айзенштадт попробуй. Тебе понравится, увидишь. Даже ты забудешь, что перед тобой фотоаппарат.

— Кто бы сомневался. — Я посмотрел на трассу. Пусто. Вот, наверное, почему Эмблеры так нервничают. Надо было уточнить у Рамирес, сколько у них обычно посетителей бывает за день и кому вообще придет в голову тратить дорожные талоны, чтобы тащиться к черту на рога ради доходяги-автофургона. Один только крюк до Темпе — уже три целых две десятых мили. Может, никого и не будет. Но если так, то у меня появляется шанс сделать приличные фотографии. Забравшись в «хитори», я погнал машину вверх по крутому склону.

— Здрасте! — заулыбавшись, приветствовал меня старик и протянул усыпанную красно-коричневыми веснушками руку. — Меня зовут Джейк Эмблер. А это Винни, — он похлопал фургон по металлическому боку. — Последняя из «виннебаго». Вы один, без группы?

— Дэвид Маккоум, — представился я, вытаскивая журналистское удостоверение. — Фотограф. «Сан-ко». «Финикс сан», «Темпе-Меса трибьюн», «Глендейл стар» и соответствующие телерадиостанции. Вы разрешите поснимать вашу машину? — Дотронувшись до кармана, я включил диктофон.

— Сколько угодно. Мы — я и миссис Эмблер — с прессой дружим. А я как раз купал старушку Винни. Запылилась она порядком, пока мы ехали из Глоуба. — Жену он звать не спешил, хотя она наверняка и так нас слышала за закрытой дверью фургона. — Винни нас катает лет двадцать. Купили в 1989-м, в Айове, в Форест-Сити — прямо с завода. Жена тогда была против, сомневалась насчет путешествий, а теперь сама ни за какие коврижки с нашей старушкой не расстанется.

Он уже вошел в роль, спрятавшись под маской «свой в доску, душа нараспашку». Статику снимать смысла не было, поэтому я взял камеру и начал делать телерепортаж, обходя вслед за мистером Эмблером вокруг фургона.

— Вот здесь, — привстав на хлипкую металлическую подножку, он похлопал по никелированному поручню на крыше, — у нас багажник. А вот тут сливной бак. Вмещает тридцать галлонов, имеется электронасос, который можно подключать к любому канализационному люку. Опорожняется за пять минут, и руки не надо пачкать. — Он продемонстрировал свои пухлые розовые ладони. — Бак для воды, — продолжал старик, погладив другой серебристый резервуар. — Входит сорок галлонов, нам на двоих — просто залейся. Объем внутреннего салона — сто пятьдесят кубических футов, высота потолка — шесть футов четыре дюйма. Даже вы в полный рост встанете.

Он устроил мне полноценную экскурсию. Держался непринужденно, только что по плечу не хлопал, но завидев заползающий по диагонали на стоянку старенький натужно пыхтящий «фольксваген-жук», явно вздохнул с облегчением. Наверное, тоже не чаял уже увидеть посетителей.

Из «жука» высыпала семейка японских туристов: черноволосая женщина с короткой стрижкой, мужчина в шортах, двое детей. У одного на поводке крутился хорек.

— Дальше я сам, а то у вас посетители, — сказал я.

Закрыв камеру в машине, я прихватил «Никон» и направился к зоопарку. Взял широкоугольником зоопарковую вывеску для Рамирес. Так и вижу подпись под картинкой: «Пусто в старом зоопарке. Не слышно больше львиного рыка, трубного гласа слонов и задорного детского смеха. Зоопарк в Финиксе оказался последним в своем роде — однако сегодня прямо у его ворот можно увидеть еще одного последнего представителя вымирающего вида. Читайте на странице десять». Может, и впрямь отдать все айзенштадтам и компьютерам?

Я прошел внутрь. Давно здесь не был. В конце восьмидесятых вокруг зоопарков разгорелся скандал. Я тогда только фотографировал, а текст писали другие, поскольку корреспондентов еще не додумались отменить. Отснял несчастные вольеры и нового директора, который и устроил весь сыр-бор, перечислив средства, выделенные на ремонт зоопарка, в фонд дикой природы.

«Я отказываюсь тратить деньги на клетки, когда через несколько лет нам некого будет в них держать. Волк, калифорнийский кондор, медведь гризли — все они под угрозой скорого вымирания, поэтому наша задача — спасти их, а не строить тюрьмы поуютнее для последних остающихся в живых».

Тогда Общество объявило его паникером, в очередной раз демонстрируя, как легко в нашем мире все переворачивается с ног на голову. Вообще-то паникером он и был, кем же еще? Гризли сейчас — главная приманка для туристов в Колорадо, а на расплодившегося в Техасе американского журавля уже собираются вводить ограниченный отстрел.

В результате шумихи зоопарк прекратил существование, а животных отправили в еще более благоустроенную тюрьму в Сан-Сити — шестнадцать акров саванны для зебр и львов, а для полярных медведей каждый день свежий искусственный снег.

Впрочем, и здесь клеток как таковых не было, директор лукавил. Бывший загон для капибары, первый же вольер за воротами, представлял собой небольшую лужайку, огороженную низкой каменной стенкой. Сейчас посреди загона гнездилось семейство луговых собачек.

Я вернулся к воротам и посмотрел, как там «виннебаго». Фургон окружила семья туристов: отец, наклонившись, заглядывал под днище, а кто-то из детей повис на задней лестнице. Хорек принюхивался к тщательно вымытому Джейком Эмблером переднему колесу, явно собираясь задрать ножку — если хорьки тоже так делают. Мальчик дернул его за поводок, а потом подхватил на руки. Мать что-то сказала сыну. Нос у нее был обгоревший.

У Кейти тогда тоже нос обгорел на солнце. Она намазала его белым кремом по примеру горнолыжников. На ней была парка, джинсы и неуклюжие бело-розовые сапоги-луноходы, в которых она еле бежала, но все равно примчалась к Аберфану, опередив меня. Я оттолкнул ее и повалился рядом с ним на колени.

— Я его сбила… — повторяла она в полном замешательстве. — Я сбила собаку.

— Садитесь в джип, быстрее! — проорал я и, стянув свитер, начал заворачивать в него пса. — Надо к ветеринару.

— Он умер? — Лицо у Кейти по цвету не отличалось от белого крема на носу.

— Нет! — крикнул я. — Он жив!

Туристка обернулась и, приставив руку козырьком ко лбу, посмотрела на зоопарк. При виде фотоаппарата она тут же опустила руку и улыбнулась невозможной улыбкой в тридцать два зуба. Тяжело с людьми, привыкшими к публичным выступлениям, но и остальные даже

при моментальном снимке все равно ухитряются закрыться — причем дело не только в фальшивой улыбке. Как будто фотоаппарат и впрямь, по древнему поверью, крадет у человека душу.

Я притворился, что сделал кадр, и опустил фотоаппарат. Напротив ворот директор зоопарка разместил ряд похожих на надгробия информационных щитов — по одному на каждый вымирающий вид. Щиты укутали в пленку, но это их не спасло. Я смахнул пыль с ближайшего. «Canis latrans, — гласила надпись, после которой шли две зеленые звездочки. — Койот. Дикая североамериканская собака. В природе популяция практически полностью истреблена фермерами, видевшими в койотах угрозу для рогатого скота и овец». Под текстом помещалась фотография сидящего на земле облезлого койота и разъяснение по поводу звездочек. Синий цвет — вымирающий вид. Желтый — под угрозой среда обитания вида. Красный — исчезнувший вид.

После смерти Миши я приехал сюда снимать динго, койотов и волков, но в зоопарке уже начался переезд, поэтому съемка не получилась, да и все равно толку бы не вышло. Выцветший до зеленовато-желтого оттенка койот смотрел с фотографии когда-то желтыми, а теперь совершенно побелевшими глазами с тем же бесстрастным добродушием, что и Джейк Эмблер, состроивший съемочное лицо.

Туристка, стоя возле «жука», загоняла детей внутрь. Мистер Эмблер проводил отца семейства до машины, покачивая блестящей лысой макушкой, тот о чем-то еще порасспрашивал, облокотившись на открытую дверь, потом сел за руль, и посетители укатили. Я спустился к фургону.

Если мистер Эмблер и беспокоился, что гости пробыли всего десять минут, а о деньгах (насколько я мог видеть) даже речь не шла, на его лице это никак не отразилось. Подведя меня к дальнему борту фургона, он показал на выстроившуюся вдоль длинного луча буквы «W» коллекцию наклеек.

— Это штаты, в которых мы побывали. — Он ткнул в крайнюю спереди. — Все штаты Америки, плюс Канада и Мексика. Последним была Невада.

Вблизи я без труда разглядел, что под красным лучом прячется замазанное изначальное название фургона. Слишком тусклая краска, не заводская. Надпись «общедорожный автомобиль» Эмблеры прикрыли выжженной по дереву табличкой «Странствующие странники».

Мистер Эмблер показал на примостившуюся рядом с дверью наклейку для бампера с обнаженной танцовщицей и подписью: «В Вегасе мне улыбнулась фортуна».

— Мы не могли найти наклейку с Невадой. Наверное, таких больше не делают. А еще знаете что перестали делать? Чехлы на руль. Знаете, чтобы не обжигаться, когда руль раскаляется на солнцепеке.

— Вы всегда сами за рулем? — спросил я.

Он замялся — похоже, кто-то из них двоих ездит без прав. Надо будет глянуть потом на личной странице.

— Иногда миссис Эмблер меня подменяет, но в основном да, я. А миссис Эмблер за штурмана. Сейчас такие карты делают — черт ногу сломит. Полдороги вообще не понимаешь, по какой трассе едешь. Да, раньше точнее чертили.

Мы еще немного поговорили обо всяком таком, чего сегодня в приличном виде уже и не сыщешь, и о всеобщем упадке, а потом я заявил, что хочу побеседовать с миссис Эмблер и, прихватив айзенштадт с камерой, полез в «виннебаго». Хозяйка все так же вертела в руках кухонное полотенце, хотя вряд ли в небольшом фургоне водилось много посуды. Внутри оказалось даже теснее, чем я предполагал; голову пришлось пригнуть, чтобы не стукнуться о низкий потолок, а «Никон» прижать к себе, чтобы в узком пространстве не разбить линзу о пассажирское сиденье. Жарища внутри стояла как в печке, и это в девять утра.

Я положил айзенштадт на кухонный стол, постаравшись не уткнуть его скрытым объективом в стенку. Если ему все равно, откуда снимать, пусть снимает отсюда. Миссис Эмблер попадает в кадр при любом раскладе, куда бы ни повернулась. Мне деться тоже

некуда — прости, Рамирес, все-таки в число преимуществ живого фотографа перед автоматическим входит и умение не лезть в кадр.

— Тут у нас кухня, — объявила миссис Эмблер, перекидывая сложенное полотенце через пластмассовое кольцо на шкафчике под мойкой — вышитой картинкой наружу. Нет, это все-таки не петух, а пудель в соломенной шляпе и с корзинкой. «По магазинам — в среду», — призывала подпись.

— Как видите, мойка у нас двойная, вода в кран качается ручным насосом. Холодильник электро-газовый, вместимость — четыре кубических фута. А вот тут — обеденный уголок. Стол откидывается наверх, к стенке, сиденья раскладываются, получается кровать. А здесь ванная.

Да, миссис Эмблер с супругом два сапога пара.

— Сколько вы уже ездите на «виннебаго»? — спросил я, пытаясь прервать ее монолог. Иногда, если сбить человека с затверженной роли, он может от неожиданности явить почти истинное лицо.

— Девятнадцать лет, — ответила она, приподнимая крышку химического туалета. — Мы купили ее в 1989-м. Я не хотела. Как можно, продать дом и отправиться бродяжничать, будто парочка хиппи? Но Джейк меня не послушал и купил. А теперь я ее ни на что не променяю. Душ работает от напорной системы объемом в сорок галлонов.

Миссис Эмблер подвинулась, чтобы я снял душевую кабинку — невероятно узкую, мыло потерять негде. Я послушно повел туда-сюда камерой.

— Значит, вы здесь все время и живете? — уточнил я, надеясь не показать, насколько дикой мне кажется эта затея. Рамирес сказала, что они из Миннесоты, и я думал, у них там дом, откуда они время от времени делают вылазки на фургоне.

— Джейк говорит, наш дом — окрестные просторы. — Я оставил безуспешные попытки сфотографировать миссис Эмблер и щелкнул почетче пару мелочей для газет: табличку «Рулевой», приклеенную на приборную доску перед водительским креслом; вязаный крючком плед из разноцветных квадратиков на неудобном диванчике; коллекцию солонок с перечницами на дальнем окне — индейские ребятишки, скотч-терьеры, кукурузные початки.

— Иногда мы останавливаемся в прерии, а иногда у моря. Она подошла к раковине и, накачав из крана два стакана воды в ковшик, поставила его на двухконфорочную плитку. Потом вынула из шкафа две бирюзовые пластмассовые чашки, блюдца в цветочек и банку гранулированного кофе, из которой отсыпала по чуть-чуть в каждую чашку.

— В прошлом году мы стояли в колорадских Скалистых горах. Можем устроить себе дом хоть на озере, хоть в пустыне, а когда надоест, сняться с места и катить дальше. Ох, сколько же мы разных чудес повидали!

Не верил я ей. Колорадо издал запрет на автофургоны в числе первых, еще до газового кризиса и введения многополосников. Сперва фургонам запретили въезд на перевалы, потом в национальные парки, а к тому времени, как я оттуда уехал, их запретили уже и на межштатных магистралях.

Рамирес говорила, что сейчас автофургоны полностью запрещены в сорока семи штатах. В Нью-Мексико точно, в Юте — строгие ограничения, по всему Западу — запрет на передвижения в дневное время. Если они что и видели — уж точно не Колорадо, — то в темноте или с какого-нибудь непатрулируемого многополосника, гоня под шестьдесят, чтобы камеры не засекли. Мало общего с той вольной вольницей, которую они тут пытаются изобразить.

Вода закипела. Миссис Эмблер разлила из ковшика кипяток по чашкам, слегка расплескав на бирюзовые блюдца. Промокнула полотенцем.

— А сюда мы переехали из-за снега. Уж больно в Колорадо зима ранняя.

— Знаю, — кивнул я. Снегу тогда выпало на два фута, и это в середине сентября. Никто даже в зимние шины не «переобулся». Тополя не успели сбросить листья, и у многих поломало ветки под тяжестью снега. Кейти ходила с обгоревшим на летнем солнце носом.

— А сейчас вы откуда? — спросил я.

— Из Глоуба, — Приоткрыв дверь, она крикнула мужу: «Джейк! Кофе!» — и понесла чашки на столик, раскладывающийся в спальное место. — К нему есть дополнительные секции, тогда он получается на шестерых.

Я сел так, чтобы миссис Эмблер и за столом не выпадала у айзенштадта из кадра. Жгучее солнце лупило в приоткрытые задние окна, и миссис Эмблер, встав коленями на клетчатые подушки дивана, осторожно, чтобы не опрокинуть коллекцию солонок и перечниц, потянула вниз тканую штору.

За керамическими кукурузными початками притаились карточки моментальных снимков. Я вытащил одну. Квадратная «полароидная» фотография — еще тех времен, когда снимок надо было отлеплять и наклеивать на твердый картон. Сняты они вдвоем с мужем, ничуть не изменившиеся с тех пор, те же дружелюбные непроницаемые фотографические улыбки. На заднем фоне расплывчатые рыжие скалы — Большой каньон? Сион? Долина монументов? У «полароидов» цвет всегда шел в ущерб четкости. На руках миссис Эмблер держала маленькое желтое пятно — кошку, наверное. Нет, не кошку. Собаку.

— Это мы с Джеймсом у Башни дьявола, — пояснила миссис Эмблер, забирая у меня снимок. — Вместе с Тако. Тут плохо видно, но вообще она была просто лапочка. Чихуахуа. — Вернув мне карточку, она пошарила за солонками. — Самая чудесная лапуля на свете. Вот, посмотрите, здесь виднее.

Врученный мне снимок оказался действительно четче — снятый приличным фотоаппаратом и отпечатанный на матовой бумаге. Здесь миссис Эмблер тоже с чихуахуа на руках стояла на фоне «виннебаго».

— Она обычно пристраивалась рядом с Джейком на подлокотнике, а когда мы останавливались на светофоре, дожидалась зеленого и лаяла, объявляя, что можно ехать. Умнейшая была малышка.

Мохнатые треугольники ушей, выпученные глаза и крысиная мордашка. Собаки никогда не выходят на снимках. Я их фотографировал десятками, тогда, под конец, а получались сплошь глянцевые календарные картинки. Ничего общего с живой собакой. Я решил, что всему виной нехватка нужных мимических мышц — например, улыбаться собаки не умеют, вопреки всем заверениям хозяев. Вот людям именно мимические мышцы помогают обмануть время с помощью фотографии, а выражение собачьей морды прописано породой раз и навсегда — угрюмый бладхаунд, чуткая колли, наглая дворняжка… Все остальное — домыслы обожающего хозяина, готового поклясться, что чихуахуа, у которой черно-белое зрение и мозг размером с фасолину, способна различать сигналы светофора.

На самом деле, конечно, чушь это полная про мимические мышцы. Кошки вон тоже не улыбаются, а на фотографиях выходят. Самодовольство, лукавство, презрение — вся гамма их чувств отлично получается на снимках, а ведь у кошек тоже с мимикой плохо. Наверное, на фотографии просто нельзя передать любовь, а любовь — единственное, что умели выражать собаки.

Я все еще смотрел на снимок.

— Лапочка, — согласился я, возвращая фотографию. — Она ведь совсем небольшая была, да?

— Да, Тако у меня в кармане куртки помещалась. Это не мы ее так назвали. Она нам досталась от одного калифорнийца, он дал ей эту кличку, — начала оправдываться миссис Эмблер, будто сознавая, что собака плохо получилась на фото. Будто, придумай она имя сама, все бы вышло иначе и более подходящее имя помогло бы лучше представить Тако. Словно имя могло бы передать то, что не передавала фотография, — все, что делала, чем была и что значила для миссис Эмблер эта крошечная собачка.

Нет, конечно, имена тоже не помогают. Я вот Аберфана сам назвал. Помощник ветеринара, не разобрав, сперва вписал его как Авраама.

— Возраст? — спросил он тогда ровным тоном, хотя вместо того, чтобы тыкать по кнопкам, шел бы лучше в операционную.

— Да у вас же там все указано! — возмутился я. Он посмотрел слегка озадаченно.

— Тут нет никаких Авраамов…

— Аберфан! Черт, его зовут Аберфан!

— Да, вот, есть, — невозмутимо откликнулся помощник. Кейти оторвалась от экрана и подняла на меня недоверчивый взгляд.

— Он переболел ньюпарво?

— Он переболел ньюпарво, — подтвердил я, — а тут вы…

— У меня была австралийская овчарка.

В фургон забрался Джейк с пластмассовым ведром в руке.

— Давно пора, — сказала миссис Эмблер, — кофе остывает.

— Хотел уже домыть Винни, — объяснил Джейк. Закинув ведро в мойку, он принялся энергично качать воду. — А то запылилась по самую маковку в этих песках.

— А я тут рассказывала мистеру Маккоуму про Тако, — сказала миссис Эмблер, доставая чашку с блюдцем. — Давай, пей, пока не остыл.

— Сейчас, через минуту буду. — Накачав полное ведро, Джейк потянул его из мойки.

— У мистера Маккоума была собака. — Миссис Эмблер протягивала мужу чашку с кофе в вытянутой руке. — Австралийская овчарка. Я и рассказала про Тако.

— Ему это неинтересно. — Они обменялись остерегающими взглядами, которые в большом ходу у супружеских пар. — Ты про «виннебаго» рассказывай. Он ведь за этим сюда приехал.

Джейк вышел. Я навинтил крышку на длиннофокусный объектив и зачехлил камеру. Миссис Эмблер перелила кофе обратно в ковшик, стоявший на крошечной плитке.

— Фотографий мне, думаю, уже хватит, — поведал я спине хозяйки. Она не обернулась.

— Он не любил Тако. Даже на кровать к нам ее не пускал. Говорил, что у него ноги затекают. От такой-то пушинки.

Я отвинтил крышку с длиннофокусника.

— Знаете, что мы делали в тот день, когда она умерла? Ходили по магазинам. Я не хотела оставлять ее одну, но Джейк сказал, что ничего с ней не случится. А жара была под девяносто градусов. Мы все ходили и ходили, а когда вернулись, она уже умерла. — Миссис Эмблер поставила ковшик и включила конфорку. — Ветеринар решил, что это ньюпарво, но я знаю, что нет. Бедняжка умерла от жары.

Осторожно установив «Никон» на пластиковый стол, я прикинул параметры съемки.

— Когда умерла Тако? — спросил я, вынуждая миссис Эмблер обернуться.

— В девяностом. — Я практически беззвучно нажал на кнопку, однако миссис Эмблер повернулась уже со съемочным лицом — теперь на нем играла извиняющаяся, слегка смущенная улыбка. — Надо же, сколько времени прошло.

Встав из-за стола, я собрал аппаратуру.

— Кажется, все сфотографировал, что хотел. Если нет, я еще заеду.

— Не забудьте портфельчик. — Она подала мне айзенштадт. — А ваша собака, она тоже от ньюпарво погибла?

— Аберфан умер пятнадцать лет назад. В девяносто третьем. Миссис Эмблер понимающе кивнула.

— В третью волну.

Я вышел наружу. Джейк со своим ведром стоял позади «виннебаго», у окна. Перехватив ведро левой рукой, он подал правую мне.

— Все сфотографировали, что хотели?

— Да. Ваша жена замечательную экскурсию мне устроила. — Я пожал ему руку.

— Если не хватит, заезжайте еще, — пригласил он еще более дружески-открыто и приветливо, чем раньше, если такое возможно. — Мы с прессой дружим.

— Миссис Эмблер рассказала про вашу чихуахуа. — Я пустил пробный шар, просто

посмотреть на реакцию.

— Да, жена до сих пор по ней тоскует, а ведь сколько лет прошло, — ответил он с той же извиняющейся улыбкой, что и у миссис Эмблер. — Умерла от ньюпарво. Я ей говорил, что надо привить собаку, а она все откладывала. — Джейк покачал головой. — Хотя, конечно, ее вины здесь нет. Вы ведь знаете, кто на самом деле устроил эпидемию?

Еще бы. Коммунисты, разумеется. И не важно, что у них тоже все собаки погибли, Джейк найдет, чем крыть: либо «химическое оружие вышло из-под контроля», либо «комми ненавидят собак, любой знает». А может, виноваты японцы, хотя вряд ли. Все-таки Джейка туристический бизнес кормит. А может, демократы или атеисты, или все вместе взятые — даже здесь он на сто процентов подлинный. Типичный портрет водителя «виннебаго». Но я не хочу об этом слышать. Подойдя к «хитори», я закинул айзенштадт на заднее сиденье.

— Вы ведь в курсе, из-за кого на самом деле погибла ваша собака? — раздалось мне вслед.

— Да, — ответил я, садясь за руль.

Я покатил домой, лавируя между красными водовозными цистернами, которые даже не пытались проскочить побыстрее перед камерами, и думая о Тако. У моей бабушки была чихуахуа. Пердита. Подлейшая собака на свете. Пряталась за дверью, а потом вцеплялась мне в ногу, норовя отхватить кусок, достойный лабрадора. В бабушкину ногу она тоже вцеплялась. А потом ее сразила какая-то хроническая чихуашья болезнь, от которой характер у нее еще сильнее испортился, хотя куда уж сильнее.

Перед самой смертью она даже бабушку к себе перестала подпускать, но та отказывалась ее усыплять и была с ней неизменно добра, хотя собачонка только злобилась в ответ. Если бы не ньюпарво, может, она до сих пор отравляла бы бабушке жизнь.

Я задумался, какой же на самом деле была Тако, чудо-чихуахуа, умевшая различать сигналы светофора, и действительно ли тепловой удар явился причиной ее смерти. И каково после этого пришлось Эмблерам — толкаться на ста пятидесяти кубических футах и сваливать друг на друга вину за случившееся.

Приехав домой, я сразу позвонил Рамирес и начал, по ее же примеру, с места в карьер, не назвав себя:

— Мне нужна личная страница.

— Хорошо, что позвонил. Тебя тут спрашивали, из Общества. Как тебе такой разрез для статьи — «виннебаго» и виннебаго? Это такое индейское племя. Кажется, из Миннесоты… Стоп, ты же должен быть на конференции!

— Я заехал домой. Зачем меня искали из Общества?

— Не докладывались. Спросили, какой у тебя график. Я сказала, что ты в Темпе, у губернатора. Будешь писать статью?

— Ага.

— Тогда пришли мне сначала обоснование, прежде чем сам текст писать. Редакции неприятности с Обществом не нужны.

— Добудь мне данные с личной страницы Кэтрин Пауэлл. — Я продиктовал имя и фамилию, Рамирес повторила для проверки.

— Она как-то связана со статьей про Общество? — Нет.

— Тогда каким боком? Я должна что-то указать в запросе.

— Укажи «сбор материала».

— Для репортажа про «виннебаго»?

— Да. Для него. Когда ждать страницу?

— Как получится. Когда я дождусь объяснений, почему ты прогулял губернаторскую конференцию. И Талиесин-Вест. Боже правый, придется теперь звонить в «Рипаблик» и обмениваться материалами. Хотя снимки последнего на сегодня автофургона — лакомый кусок. Если ты, конечно, что-нибудь отснял. До зоопарка-то, надеюсь, доехал?

— Доехал. Есть видеоряд, статика, полный ассортимент. Я даже айзенштадт

попробовал.

— Перешли отснятое, будь добр, пока я разыскиваю твою бывшую пассию. Я ведь не слишком много прошу? Не знаю, сколько времени уйдет на поиски. На Эмблеров я допуск получила только через два дня. Тебе все целиком — с фото и документацией?

— Нет, только основное. И номер телефона.

Она отключилась, как всегда не прощаясь. Если бы у телефонов еще сохранились трубки, она бы стала чемпионом по их швырянию.

Я отправил видеоматериалы и айзенштадтовские снимки в редакцию, а потом сунул картридж айзенштадта в проявитель. Не терпелось посмотреть, что он там нащелкал, этот конкурент, грозящий выдавить меня из профессии.

Хорошо хоть в нем пленка высокого разрешения, а не поганый телевизионный эрзац на двести тысяч пикселей. Композицию он, конечно, выстраивать не умеет, да и с задним-передним планом наверняка туго, но в некоторых ситуациях у него передо мной преимущество.

В дверь позвонили. Я пошел открывать. На пороге обнаружился верзила в гавайке и шортах, а чуть поодаль, на подъездной дорожке, маячил второй, в форме Общества.

— Мистер Маккоум? — поздоровался верзила, протягивая руку. — Джим Хантер. Общество защиты животных.

Сам не знаю, на что я надеялся. Что они не отследят звонок? Что отпустят с миром того, кто бросил мертвое животное на дороге?

— Просто хотел заскочить и выразить вам благодарность от имени Общества за тот звонок по поводу шакала. Можно войти?

Он смотрел на меня с открытой, приветливой и слегка нагловатой улыбкой, словно не сомневаясь, что я сейчас сваляю дурака и заявив: «Я не понимаю, о чем вы», прищемлю ему руку сетчатой дверью.

— Просто исполнил свой долг, — улыбнулся я в ответ.

— Мы ценим таких ответственных граждан. Вы сильно облегчаете наш труд. — Он вытащил из кармана гавайки распечатку. — Только пару мелочей уточним, хорошо? Вы работаете корреспондентом «Сан-ко», так?

— Фоторепортером.

— А «хитори», на которой вы ехали, принадлежит редакции?

Я кивнул.

— Там есть телефон. Почему позвонили не с него? Форменный склонился над «хитори».

— Я не знал, что он там есть. Эти «хитори» только недавно закупили. Я на ней всего второй раз ехал.

Если им известно, что редакция оснастила служебные «хитори» телефонами, тогда и мое объяснение для них тоже не тайна. Интересно, откуда у них сведения? Телефоны-автоматы, по идее, не прослушиваются, а если номер машины они выяснили через камеру слежения, то узнать, кто ее вел, они могли только у Рамирес, а если они с ней об этом разговаривали, она бы не разглагольствовала про «нежелательные неприятности с Обществом».

— Вы не знали, что в машине есть телефон, поэтому вы доехали до… — он сверился с распечаткой, а я заподозрил, что наш разговор пишется. Наверняка у него диктофон в кармане гавайки. — …до «7-Элевен» на углу Макдауэлл и Сороковой и позвонили оттуда. Почему вы не назвали оператору Общества свое имя и адрес?

— Торопился. До полудня мне надо было успеть на два мероприятия, причем второе — в Скотсдейле.

— Службу спасения к животному вы не вызвали по той же причине. Торопились.

Вот сволочь.

— Нет, — ответил я вслух. — Я не вызвал спасателей, потому что в этом не было необходимости. Он… животное было уже мертво.

— Почему вы так решили, мистер Маккоум?

— У него из пасти кровь текла.

Тогда мне показалось хорошим признаком, что больше ниоткуда кровь не идет. Кровь потекла у Аберфана из пасти, когда он попытался поднять голову, потекла тоненькой струйкой, тут же просочившейся под плотный, слежавшийся снег. И иссякла, пока мы затаскивали пса в машину.

— Держись, дружище, — твердил я. — Мы быстро.

Кейти завелась, заглохла, снова завелась, отъехала задом туда, где можно было развернуться.

Аберфан обмяк у меня на коленях, свесив хвост на рычаг переключения передач.

— Ты, главное, лежи смирно. — Я похлопал его по шее, руке стало мокро, и я поднес ладонь к глазам, со страхом ожидая увидеть кровь. Но нет, это был просто растаявший снег. Я вытер шею и макушку Аберфана рукавом свитера.

— Сколько тут ехать? — спросила Кейти; Она напряженно сгорбилась над рулем, вцепившись в него обеими руками. Дворники сновали туда-сюда по лобовому стеклу, пытаясь справиться со снегопадом.

— Миль пять, — ответил я. Она нажала на газ, потом отпустила, когда нас начало заносить. — По правой стороне шоссе.

Аберфан приподнял голову и посмотрел на меня. Десны у него посерели, он тяжело дышал, но кровь больше ниоткуда не текла. Он попытался лизнуть мне руку.

— Ты сможешь, Аберфан, — пообещал я. — Тогда ведь смог, помнишь?

— Но вы не стали выходить из машины и проверять, действительно ли он мертв? — уточнил Хантер.

— Нет, не стал.

— И вы не знаете, кто сбил этого шакала? — подчеркнуто обличительным тоном продолжал он.

— Нет.

Он оглянулся на сотрудника в форме, который к тому времени уже осматривал машину с другой стороны.

— Уф-ф! — запыхтел Хантер, оттягивая воротник гавайки. — Жарко тут, прямо пекло. Может, пустите меня внутрь?

Ясно, второму мешают посторонние взгляды. Чем скорее он обрызгает бампер и шины жидкостью для снятия отпечатков, возьмет пробы отсутствующей шакальей крови и рассует улики по запаивающимся пакетикам, попрятанным в карманы формы, тем скорее эти двое уйдут. Я распахнул сетчатую дверь.

— Ох, как же здесь хорошо! — обрадовался Хантер, продолжая терзать воротник гавайки в попытке проветриться. — В старых глинобитных домах всегда так прохладно. — Он окинул взглядом комнату: проявитель, увеличитель, диван, фотографии на стенах, приклеенные «сухим» методом. — Так что, вы не знаете, кто мог сбить этого шакала?

— Наверное, цистерна. Кто еще в такую рань выехал бы на Ван Бюрен?

Я почти не сомневался, что шакала переехала машина или небольшой грузовик. Водовоз бы от него и мокрого места не оставил. Но водителю цистерны если что и будет, то временное лишение прав и две недели рейсов в Санта-Фе вместо Финикса, и то не факт. В редакции ходили слухи, что Общество прикормлено Водоснабом. А вот если виновник — обычный водитель, то Общество и машину отберет, и водителя за решетку упрячет.

— Они всегда гоняют, чтобы камеры не засекли. Водитель, наверное, даже не заметил, что кого-то сбил.

— Что? — не понял Хантер.

— Я говорю, это наверняка цистерна. Больше по Ван Бюрену в час пик ездить некому.

Я думал, он ответит: «Кроме вас», но он не ответил. Он меня даже не слушал.

— Это ваша собака?

Его взгляд был направлен на фотографию Пердиты.

— Нет, — ответил я. — Бабушкина.

— А что за собака была?

Мелкая мерзавка. А когда она умерла от ньюпарво, бабушка плакала, как маленькая.

— Чихуахуа.

Хантер обвел взглядом остальные фотографии.

— Это всё вы снимали? — заметно потеплевшим голосом спросил он, и я только сейчас осознал, насколько хамской

была его прежняя манера. Шакал, попавшийся мне на шоссе, оказался не единственным за сегодня.

— Не все, некоторые… Эту вот не я делал.

— Боксер, да?

— Английский бульдог.

— Точно. Это их запретили? За агрессивность? — Нет.

Он, словно турист в музее, перешел к следующей, над проявителем.

— Вот эту точно не вы снимали, могу поспорить. — Он показал на пожилую тучную женщину в высоких ботинках и старомодной шляпе. На руках она держала двух собак.

— Это портрет Беатрикс Поттер, английской детской писательницы, — объяснил я. — Она написала «Кролика Питера».

Он не отреагировал.

— А у нее какой породы собаки?

— Пекинесы.

— Отлично получились.

На самом деле получились они отвратительно. Одна отвернулась от объектива, а вторая скуксилась на руках у хозяйки, ловя момент, чтобы тоже отвернуться. Сниматься им явно не нравилось, хотя по их виду не поймешь. Приплюснутые курносые мордахи и черные горошины глаз не выражали ничего.

Зато Беатрикс Поттер вышла как раз замечательно. Несмотря на неимоверные усилия, с которыми она пытается удержать в кадре улыбку и пекинесов — а может, именно поэтому. Вся она тут, в неуемной дурашливой любви к неуемным дурашливым собачкам. Наверное, несмотря на «Кролика Питера» и прилагающуюся к нему славу, она так и не научилась прятаться за съемочной маской. Все перед тобой как на ладони. Так же было у Кейти.

— Здесь и ваша собака есть? — спросил Хантер, стоя перед висящей над диваном фотографией Миши.

— Нет.

— Как же так? У вас нет фото вашей собаки? — Интересно, откуда ему известно, что у меня была собака, и что еще ему вообще известно?

— Он не любил фотографироваться. Сложив распечатку, Хантер сунул ее в карман и вновь повернулся к фотографии Пердиты.

— Похоже, ласковый был песик.

Форменный дожидался на крыльце — уже закончил химичить с машиной.

— Мы вас оповестим, если найдем виновника происшествия, — пообещал на прощание Хантер, и они ушли. По дороге форменный начал докладывать, что он обнаружил, но Хантер его оборвал, не дослушав. У подозреваемого полон дом собачьих фотографий, значит, он не мог сбить жалкое собачье подобие сегодняшним утром на Ван Бюрене. Дело закрыто. Я вернулся к проявителю, которому перед их приходом скормил картридж айзенштадта.

— Позитивы, в очередности «первый, второй, третий», интервал пять секунд, — скомандовал я, переводя взгляд на экран проявителя, где один за другим начали показываться снимки. Рамирес сказала, что на любой ровной поверхности айзенштадт включается автоматически. Видимо, да. Он успел сделать полдюжины кадров по дороге до Темпе. Вот два фото «хитори» — сделаны, судя по всему, когда я опустил его на землю перед погрузкой на заднее сиденье; вот ее же открытая дверь с опунцией на заднем плане; вот на фоне размазанных пальм и домов крохотное, но четкое изображение машин на

автостраде. Машины и люди. Отличное фото красной цистерны, которая задела сбитого шакала, а потом десяток с лишним снимков юкки, под которой я поставил машину у подножия холма.

Дальше два замечательных фото моей руки — это когда я клал айзенштадт на кухонную столешницу в «виннебаго» — и композиционно безупречные снимки пластиковых чашек с ложками. Машины и люди. Дальше можно отправлять прямиком в утилизатор: моя спина, открытая дверь в ванную, спина Джейка, съемочное лицо миссис Эмблер.

А вот последний… На нём миссис Эмблер стояла перед айзенштадтом, глядя прямо в его объектив.

«Как подумаю, каково ей было совсем одной, бедняжке», — проговорила она, а ко мне повернулась, уже надев маску. Но перед этим, на секунду, обращаясь к безобидному, как она думала, чемоданчику и вспоминая прошлое, она открыла свое настоящее лицо, которое я ловил в объектив все утро. Я унес снимок в гостиную и сел его разглядывать.

— Значит, эта Кэтрин Пауэлл — твоя знакомая по Колорадо. — Рамирес снова вклинилась без предупреждения, а факс, дернувшись, начал распечатывать личную страницу. — Я всегда подозревала, что у тебя какие-то скелеты в шкафу. Ты из-за нее переехал в Финикс?

Я смотрел на выползающий из факса бумажный лист. Кэтрин Пауэлл, 4628 Датчмэн-Драйв, Апачи-Джанкшн. Сорок миль отсюда.

— Матерь божья, ты, оказывается, совратитель малолетних? Я посчитала, ей же лет семнадцать было, когда ты там жил!

Шестнадцать.

— Это ваша собака? — спросил тогда ветеринар, сочувственно покивав при виде девочки-подростка.

— Нет. Я была за рулем. Я его сбила.

— Боже. Сколько же вам лет?

— Шестнадцать. — По ее лицу можно было читать как по книге. — Я только что получила права.

— Ты что, мне так и не скажешь, какое отношение она имеет к «виннебаго»? — перебила мои мысли Рамирес.

— Я перебрался сюда, чтобы уехать подальше от снега, — ответил я и отключился, не прощаясь.

Страница медленно ползла из аппарата. Компьютерный эксперт в «Хьюлет-Паккард». Уволена в девяносто девятом, наверное, во времена объединения профсоюзов. Разведена. Двое детей. Переехала в Аризону на пять лет позже меня. Менеджер-программист в «Тошибе». Водительские права штата Аризона.

Я вернулся к проявителю и посмотрел на фотографию миссис Эмблер. Собаки никогда не выходят на фото, говорил я. Но я ошибся. На смазанных «полароидных» снимках, которые мне все утро совали, и в воспоминаниях, которыми меня все утро пичкали, Тако не было. Зато она была здесь, в этом горе, любви и печали, смешавшихся на лице миссис Эмблер.

Я увидел ее будто наяву: как она сидит на подлокотнике водительского сиденья и нетерпеливо лает, когда загорается зеленый.

Тогда я зарядил в айзенштадт свежий картридж и отправился к Кейти.

Ехать пришлось по Ван Бюрену — время к четырем, на разделенках час пик, — но шакала все равно уже убрали. Общество работает четко. Как Гитлер и нацисты.

«Почему у вас нет фото вашей собаки?» — спросил Хантер. Логичный, вроде, вопрос: если у человека вся комната увешана фотографиями собак, напрашивается вывод, что у него и самого должна быть собака. Но нет, одной логикой здесь не обошлось. Хантер знал про Аберфана, а значит, читал мою страницу, и из этого тоже много чего следует. На ней гриф конфиденциальности, то есть доступ возможен только после отправки мне

соответствующего уведомления. Очевидно, для Общества закон не писан. Одна знакомая корреспондентка, Долорес Чивере, собиралась недавно делать репортаж о причастности Общества к утечке сведений с личных страниц, но ей не хватило доказательств, чтобы убедить редактора. Может, мой случай ей пригодится?

Из этих сведений они могли узнать про Аберфана, но не про то, как он умер. В те времена преследования по закону за сбитую собаку не существовало, в суд я на Кейти за неосторожную езду не подал и даже полицию не вызвал.

— Зря не стали, — высказался помощник ветеринара. — Собак сейчас осталось меньше сотни. Нельзя чтобы их безнаказанно перебили.

— Ты о чем? Там же метель, гололед, — напустился на него ветеринар. — А она совсем девчонка.

— Как за руль садиться, так не девчонка, — возразил я, глядя на Кейти. Она рылась в сумочке в поисках прав. — И как на шоссе выезжать, тоже взрослая. — Кейти наконец нашла карточку и протянула ее мне. Новехонькие, аж блестят. Кэтрин Пауэлл. Шестнадцать исполнилось две недели назад.

— Этим вы его не вернете. — Ветеринар забрал у меня блестящую карточку и отдал обратно Кейти. — Езжайте домой.

— Мне нужно записать в журнал ее имя и фамилию, — напомнил помощник.

Кейти шагнула вперед.

— Кейти Пауэлл.

— Со всякой писаниной потом разберемся, — твердо сказал ветеринар.

Разбираться не понадобилось. На следующей неделе ударила третья волна, и действие, видимо, утратило смысл.

У входа в зоопарк я притормозил и глянул на парковку. У Эмблеров аншлаг — «виннебаго» облепили штук пять автомобилей и вдвое больше детей.

— Где тебя черти носят? — прорезалась Рамирес. — И где твои снимки? Уговорила «Рипаблик» на обмен, но они отвоевали право первой публикации. Сию минуту вышли мне статику!

— Вышлю, как только доберусь до дома. Я на задании.

— Черта с два ты на задании. Помчался в гости к своей бывшей подружке. Валяй, только не за счет редакции.

— А по индейцам виннебаго удалось что-нибудь найти? — спросил я.

— Да. Они обитали в Висконсине, но больше их там нет. В середине семидесятых в резервации жило чуть больше полутора тысяч человек, а всего около четырех с половиной. К 1990 их численность снизилась до пяти сотен, а теперь, говорят, не осталось никого, и куда делись — неизвестно.

«Я тебе скажу, куда делись», — ответил я мысленно. Почти все погибли в первую волну, а люди кляли правительство, японцев и озоновые дыры. После второй волны Общество издало кучу законов, пытаясь сохранить оставшихся, но было слишком поздно, численность популяции опустилась ниже порога выживаемости, а жалкие остатки подлизала третья волна. Последний из виннебаго сидел где-нибудь в клетке, и, попадись он мне тогда на глаза, я бы, наверное, его сфотографировал.

— Я связалась с Бюро по делам индейцев, — продолжала Рамирес, — они должны мне перезвонить, но ведь виннебаго тебе до лампочки. Ты просто хотел сменить тему. Какое еще там у тебя задание? — Я поискал на приборной доске кнопку отключения телефона. — Что вообще происходит, Дэвид? Сперва ты откосил от двух крупных заданий, теперь даже снимки переслать не можешь. Господи боже мой, Дэвид, если у тебя что стряслось, так скажи. Я помогу. Это как-то связано с Колорадо, да?

Я наконец нашел кнопку и выключил Рамирес. На Ван Бюрене стало тесновато — выплескивался дневной пиковый поток с переполненных разделенок. За поворотом, где Ван Бюрен переходит в Апачи-бульвар, строили новые отбойники между полосами. На встречке, в восточном направлении, уже стояли готовые бетонные, а на двух из шести полос по моей

стороне сколачивали деревянную опалубку.

Эмблеры, видимо, успели проехать до начала ремонта — хотя, судя по сонным движениям работников, которые, опираясь на лопаты, покуривали, разморенные на жаре, в таком темпе они этот отрезок месяца полтора делали.

Через Месу пока шел общий многополосник, но когда центр города остался позади, снова начались строительные работы — причем этот отрезок был уже почти закончен: опалубка по обеим сторонам и даже бетон залит. По этой дороге Эмблеры из Глоуба приехать никак не могли. На такой полосе и «хитори»-то с трудом умещалась, а полосы для водовозов были перекрыты шлагбаумами. Суперстишен разделена полностью, равно как и старая ветка от магистрали Рузвельта, а значит, приехали Эмблеры откуда угодно, только не из Глоуба. Интересно, как они все-таки сюда добрались? Наверное, по полосе для водовозов на каком-нибудь многополоснике.

«Сколько же мы разных чудес повидали!» — восхищалась миссис Эмблер. Да уж, представляю: много чего можно повидать, шныряя, как пара мешотчатых крыс, в темноте по пустыне и проскакивая на полном газу перед камерами.

Новые указатели съездов с магистрали еще не установили, поэтому поворот на Апачи-Джанкшн я пропустил и пришлось пилить по своей узкой, стиснутой бетонными отбойниками полосе до ближайшего разворота, который обнаружился только на полпути к Супериору.

Кейти проживала в жилом районе Суперстишен-Эстейтс, прилепившемся к подножию горы Суперстишен. Я придумывал, что сказать, когда приеду. Тогда мы с ней за два часа и десятью фразами не обменялись, да и то в основном я кричал и командовал. По дороге я был занят Аберфаном, а уже там, в приемной, и вовсе стало не до разговоров.

До меня вдруг дошло, что я могу ее и не узнать. Я ее почти не помнил — разве что обгоревший на солнце нос и эту невозможную открытость — вряд ли все это сохранилось через пятнадцать-то лет. Аризонское солнце не оставило следа от первого, а что касается второго… Она выходила замуж, разводилась, теряла работу… много чего за эти пятнадцать лет могло научить ее закрываться. Возможно, мне вообще нет смысла ехать в такую даль. Однако даже миссис Эмблер с ее непроницаемым съемочным лицом, и ту удалось подловить. Разговорив на собачью тему. И снимая скрытой камерой.

Кейти жила в старом доме с пассивными солнечными батареями — всю крышу закрывали толстые черные панели. Вполне приличный дом, хотя и не глянцевая картинка. Вместо газона во дворе (водовозы в такую глушь не забираются — дорожные талоны экономят, а взять с крохотного Апачи-Джанкшн нечего, то ли дело соблазны Финикса или Темпе) шахматка из черного лавалита и опунции. Сбоку от дома пристроилась ссохшаяся от жары пустынная акация, у которой на привязи восседала кошка. Под деревом маленькая девочка играла с машинками.

Вытащив с заднего сиденья айзенштадт, я подошел к дому и позвонил в дверной звонок. В последний момент, когда уже поздно было передумывать и бросаться наутек, потому что хозяйка как раз открывала сетчатую дверь, я вдруг понял, что меня могут и не узнать и сейчас придется представляться.

Нос больше не лупился, и она восполнила за это время ту разницу в весе, что отличает шестнадцатилетнюю девушку от тридцатилетней женщины, но в остальном ничуть не изменилась с тех пор, как я увидел ее на дороге перед своим домом. И закрываться до конца она все-таки не научилась. Я понял по ее лицу, что она меня узнала и что мой приход не стал для нее неожиданностью. Наверное, она сделала у себя на странице пометку с просьбой об уведомлении, в случае если я буду выяснять ее адрес. Что бы это значило?

Кейти приоткрыла сетчатую дверь — как я недавно перед Хантером из Общества защиты животных.

— Что вам нужно?

Я никогда не видел ее рассерженной, даже у ветеринара, когда сам злился на нее.

— Захотел вас навестить.

Можно было бы сказать, что наткнулся в работе над репортажем на знакомое имя и стало любопытно, она это или тезка. Или что делаю сюжет про последний оставшийся дом на пассивных солнечных батареях.

— Сегодня утром мне попался на дороге мертвый шакал.

— И вы решили, что это я его сбила? — Кейти попыталась захлопнуть сетчатую дверь.

Я машинально выставил руку.

— Нет, — тут же отдергивая ладонь, ответил я. — Конечно, я так не решил. Можно мне войти? Я приехал просто поговорить.

Девочка подобралась поближе, прижимая к розовой футболке свои игрушечные машинки, и с любопытством смотрела на нас.

— Ступай в дом, Джана, — велела Кейти, приоткрывая сетчатую дверь. Девочка просочилась внутрь. — Давай на кухню, я тебе разведу «Кул-эйд». — Она вскинула глаза на меня. — Ваше возвращение мне в кошмарах снилось. Будто я выхожу на порог — а там вы.

— Здесь ужасно жарко, — сказал я, самому себе напоминая Хантера. — Можно я войду?

Она распахнула дверь.

— Пойду приготовлю дочке попить. — Кейти направилась на кухню, девочка, пританцовывая, прыгала перед ней.

— Какой тебе цвет сделать? — спросила Кейти.

— Красный! — выкрикнула малышка в ответ. Напротив кухонной столешницы через узкий проход, ведущий в обеденный уголок со столом и стульями, выстроились в ряд плита, холодильник и кулер. Я уложил айзенштадт на стол и уселся сам, чтобы Кейти не предложила перейти в другую комнату.

Взяв с полки пластмассовый кувшин, Кейти сунула его под кулер и открыла кран. Джана тем временем вывалила свои машинки на столешницу, вскарабкалась туда же сама и начала хлопать дверцами шкафчиков.

— Сколько вашей девочке? — спросил я.

Кейти вытащила из ящика рядом с плитой деревянную ложку и положила на стол рядом с кувшином.

— Четыре. Нашла «Кул-эйд»? — обратилась она к дочке.

— Да, — ответила малышка. Но вместо пакетика с «Кул-эйдом» она протягивала какой-то розоватый кубик, который нужно было освободить от прозрачной целлофановой обертки. Кубик зашипел, растворяясь в кувшине и окрашивая воду в слабонасыщенный красный. Наверное, «Кул-эйд» тоже на грани вымирания, как «виннебаго» и пассивные солнечные батареи. Или изменился до неузнаваемости. Как Общество защиты животных. Кейти налила красноватый напиток в стакан с нарисованным китом.

— У вас есть еще дети?

— Да, еще мальчик. — Она ответила с опаской, будто не зная, стоит ли сообщать мне такие сведения, — хотя если я прочитал страницу, то и так был бы в курсе. Джана попросила печенья и унесла его вместе со стаканом «Кул-эйда» наружу. Я услышал, как мягко хлопнула сетчатая дверь.

Кейти поставила кувшин на холодильник и прислонилась к столешнице, скрестив руки на груди.

— Зачем вы приехали?

Она не попадала в кадр айзенштадта, и лицо ее в этом узком проходе оказывалось в тени.

— Утром на шоссе я наткнулся на мертвого шакала, — повторил я, стараясь говорить потише, чтобы она, прислушиваясь, подалась ближе ко мне, к свету. — Его сбила машина, и он лежал как-то странно, под углом. Он был похож на собаку. Мне хотелось поговорить с кем-нибудь, кто помнит Аберфана, с кем-то, кто его знал.

— Я его не знала, — возразила Кейти. — Я его только сшибла, забыли? Вы поэтому так сделали, да? Потому что из-за меня погиб Аберфан?

Она не смотрела на айзенштадт, даже внимания не обратила, когда я положил его на столешницу, но у меня вдруг возникло подозрение, что она догадывается о моих намерениях. Она упорно избегала попадания в кадр. Что если признаться? «Да, именно так. Я приехал, потому что из-за вас погиб Аберфан, а у меня нет ни одной его фотографии. Вы передо мной в долгу. Раз я не могу сфотографировать Аберфана, путь у меня будет хотя бы снимок, где вы его вспоминаете».

Но она его не помнила, она совсем его не знала, толком и не разглядела по дороге к ветеринару, когда уже умирающий Аберфан лежал у меня на коленях и пытался поднять голову. Не надо было мне сюда приезжать, незачем ворошить прошлое. Незачем.

— Сперва я думала, вы меня посадите, — сказала Кейти. — Потом, когда все собаки погибли, — что вы меня убьете.

Хлопнула сетчатая дверь.

— Машинки забыла. — Малышка сгребла их со столешницы в подол своей футболки. Кейти взъерошила ей волосы и снова скрестила руки на груди.

— Я репетировала, что скажу, когда вы придете меня убивать: «Я не виновата. Была метель. Он выскочил прямо под колеса. Я его даже не заметила». Я перелопатила все, что смогла найти про ньюпарво. Готовила защитную речь. Про то, как произошла мутация сперва кошачьей чумки, потом парвовирусного энтерита, и как вирус продолжал мутировать, поэтому не получалось создать вакцину. Как еще до третьей волны собак стало меньше, чем необходимо для выживания популяции. Что вина лежит на хозяевах последних остававшихся в живых, поскольку те не хотели рисковать своими питомцами и отдавать их на вязку, чтобы возродить вид. Про то, что ученые до последнего трудились над вакциной, пока не остались одни шакалы. «Вы не понимаете, — сказала бы я, — во всем виноваты владельцы «щенячьих фабрик», это из-за них погибли все собаки. Если бы они не развели антисанитарию в своих питомниках, можно было бы перехватить эпидемию в самом начале». Я приготовилась защищаться. А вы взяли и переехали.

Хлопнув дверью, снова примчалась Джана, сжимая в руке пустой китовый стакан. Рот и подбородок у нее были вымазаны розовым.

— Я пришла за ещём, — объявила она и, обхватив стакан обеими ладонями, протянула его Кейти. Та достала из холодильника кувшин и налила добавки.

— Стой, зайка, не убегай, — остановила она малышку. — У тебя все лицо в «Кул-эйде». — И она стала вытирать ей подбородок бумажным полотенцем.

В приемной у ветеринара Кейти и слова не сказала в свою защиту. Ни «была метель», ни «он выскочил прямо под колеса», ни «я его даже не заметила». Она молча сидела рядом, комкая варежки на коленях, пока не вышел ветеринар и не сказал, что Аберфан умер. Только тогда она подала голос: «Я думала, их в Колорадо больше не осталось. Все погибли».

А я повернулся к ней, к шестнадцатилетней девчонке, еще не научившейся закрываться, и сказал: «Теперь да, теперь не осталось. Из-за тебя».

— Не надо так говорить, — предостерегающе начал ветеринар.

Он хотел положить руку мне на плечо, но я вывернулся.

— Ты хоть понимаешь, что на твоей совести гибель одной из последних собак на свете? Что из-за тебя уничтожен целый вид?

Снова хлопнула сетчатая дверь. Кейти смотрела на меня, сжимая в руках порозовевшее бумажное полотенце.

— Вы переехали, и я тогда подумала: наверное, вы меня простили. Но получается, что нет? — Она подошла к столу и вытерла отпечатавшийся от стакана красный ободок. — Зачем вы это сделали? Чтобы меня наказать? Или думаете, я все пятнадцать лет так и гоняю по дорогам на бешеной скорости, сбивая животных?

— О чем вы? — не понял я.

— Из Общества уже приходили.

— Из Общества?

— Да. — Она не отрываясь смотрела на испачканное красным полотенце. — Они

говорят, вы сообщили про сбитого на Ван Бюрене шакала. Интересуются, где я была с восьми до девяти сегодня утром.

* * *

На обратном пути в Финикс я чуть не сбил дорожного рабочего. Он отскочил к еще не застывшему бетонному отбойнику, выронив мне под колеса лопату, на которую весь день опирался.

Общество, значит, уже успело нанести визит. От меня они прямиком направились к ней. Но это невозможно, я ведь до того времени с Кейти никак не связывался. Я тогда еще даже фото миссис Эмблер не видел. Тогда получается, от меня они направились прямиком к Рамирес, а ей неприятности с Обществом не нужны.

«Мне сразу показалось подозрительным, что он не поехал на губернаторскую конференцию, — сказала она им. — А потом он попросил посмотреть страницу вот этой особы. Кэтрин Пауэлл, 4628 Датчмэн-Драйв. Это его знакомая по Колорадо».

— Рамирес! — закричал я в автомобильный телефон. — Мне надо с тобой поговорить! — В ответ ни слова.

Миль десять я ругал ее на все корки, пока не вспомнил, что у меня нажата кнопка отключения. Я саданул по ней в сердцах.

— Рамирес, куда ты запропастилась?

— А сам-то? — Голос у нее был такой же возмущенный, как у Кейти, но куда ей до меня. — Отключился, объяснять, в чем дело, не желаешь…

— Поэтому ты сделала свои собственные выводы и скоренько изложила их Обществу?

— Что? — Знакомая интонация. Таким же тоном я переспрашивал Кейти про неожиданный визит представителей Общества. Рамирес, выходит, никому ничего не говорила и вообще не в курсе, о чем я, но притормозить я уже не мог.

— Ты стукнула Обществу, что я попросил досье на Кейти?

— Нет. Говорю же, они позвонили утром, искали тебя. Я сказала, что ты на губернаторской конференции.

— И больше они не перезванивали?

— Нет. А что, у тебя неприятности? Я нажал кнопку отключения.

— Да, — произнес я вслух. — У меня неприятности.

Рамирес им ничего не говорила. Может, кто-то еще из редакции, хотя вряд ли. В конце концов, наша Долорос Чивере делала статью про утечку информации с личных страниц. «Как же так, у вас нет фотографий вашей собаки?» — спрашивал Хантер, а значит, они читали мою страницу тоже. И им известно, что мы с Кейти оба жили в Колорадо, в одном городе, когда погиб Аберфан.

— Что вы им сказали? — спросил я Кейти. Она так и стояла у кухонной столешницы, комкая в руках запачканное «Кул-эйдом» полотенце. Хотелось его выхватить, чтобы она на меня посмотрела. — Что вы сказали этим, из Общества?

Кейти подняла глаза.

— Сказала, что приехала по Индиан-Скул-Роуд на работу, забирать задание по программированию на месяц. К сожалению, я с таким же успехом могла доехать туда по Ван Бюрену.

— Про Аберфана! — перебил я. — Про Аберфана что вы им сказали?

Она выдержала мой взгляд.

— Ничего я не сказала. Думала, они уже все знают от вас. Я схватил ее за плечи.

— Если придут снова, ничего им не говорите. Даже если вас арестуют. Я разберусь. Я…

Я не договорил, что именно сделаю, потому что и сам не знал. Выбежал из дома, столкнувшись на выходе с Джаной, которая шла за очередной добавкой, и помчал к себе, не имея, правда, ни малейшего представления, как буду действовать дальше.

Позвоню в Общество и потребую оставить Кейти в покое, потому что она ни при чем? Это только вызовет лишние подозрения, а куда мне лишние, я и так уже влип по полной.

Нашел на шоссе сбитого шакала (с моих слов) и вместо того, чтобы позвонить сразу же с телефона в машине, проехал зачем-то две мили до магазина. Сообщил куда следует, но отказался называть свои данные. Потом прогулял две съемки; не поставив в известность начальство, зато окольным путем добыл досье на Кэтрин Пауэлл, знакомую пятнадцатилетней давности, которая вполне могла оказаться на Ван Бюрене во время происшествия.

Связь очевидна. Как скоро они все сопоставят и поймут, что пятнадцать лет назад — это когда умер Аберфан.

На Апачи стягивался поток машин, выплескивающийся с переполненных в час пик магистралей, и целая флотилия цистерн. Такое впечатление, что кроме разделенок они других дорог в жизни не видели, поскольку перестраивались как попало, даже не думая помигать поворотником. Да и вообще само понятие полосы им, похоже, было чуждо. На выезде из Темней повороте на Ван Бюрен они уже заполонили все шоссе. Я сместился на полосу для водовозов.

На моей странице имя ветеринара не указывалось. Тогда система еще только начинала разрабатываться, и все порядком нервничали по поводу вторжения в частную жизнь. Без разрешения самого человека никакие сведения о нем в сеть не выкладывались, особенно медицинские и банковские, а страницы больше напоминали расширенные анкеты: семья, работа, хобби, домашние животные. Из моей кроме клички Аберфана можно было узнать разве что дату его смерти и мой тогдашний адрес, но, видимо, хватило и этого. В городке было всего две ветеринарные клиники. У того ветеринара имя и фамилия Кейти в записи о смерти Аберфана не значатся. Он тогда отдал ей права, даже не взглянув, зато Кейти сообщила свое имя его помощнику… Этот мог и записать. Только теперь уже не выяснишь. Страницу ветеринара запрашивать бессмысленно: Общество проследит запрос и доберется до ветеринара раньше меня. Можно попробовать добыть журнал клиники через редакцию, но тогда придется все объяснить Рамирес, а телефон у меня, наверное, прослушивается. А если заехать в редакцию самому, то Рамирес отберет машину. Нет уж.

Куда я еду, я так и не решил, но гнал все равно на пределе. Когда идущая впереди цистерна сбросила скорость до девяноста, я едва не влетел ей в задний бампер. Место, где утром лежал сбитый шакал, я проехал, даже не обернувшись. Смотреть там все равно не на что, даже если бы поток машин не заслонял. Что не убрало Общество, давно раскатали проезжающие автомобили, да и не было там улик все равно. Если бы были, если бы машина, сбившая шакала, попала в камеру, они бы ко мне не пришли. И к Кейти тоже.

Предъявить ей обвинение в смерти Аберфана они не могли — в те времена это законом не каралось, — но, узнав про Аберфана, они могут повесить на нее сбитого шакала, и пусть хоть сотня свидетелей, сотня камер слежения подтвердят, что она в это время была на Индиан-Скул-Роуд. Не важно, что экспертиза не обнаружит на ее машине никаких следов. Она задавила представителя вымирающего собачьего племени. Ее четвертуют.

Не надо было уезжать от Кейти. Я ей велел ничего им не говорить, но она из тех, кто не скрывает свою вину. В приемной у ветеринара, когда мы только вошли, она так честно и призналась: «Я его сбила». Так вот прямо и заявила, не пытаясь оправдаться, сбежать, свалить на кого-то.

Пока я тут лечу незнамо куда, ломая голову, как помешать Обществу установить причастность Кейти к гибели Аберфана, они уже, наверное, вернулись к ней и выясняют, как мы с ней познакомились в Колорадо и как умер Аберфан.

Я ошибся на их счет. К Кейти они не вернулись. Они снова приехали ко мне и поджидали у порога.

— Какой-то вы неуловимый, — заявил Хантер. Напарник в форме ухмыльнулся.

— Где вы были?

— Простите. — Я выудил из кармана ключи. — Я думал, у вас ко мне больше вопросов нет. Я ведь уже все рассказал по поводу сбитого шакала.

Хантер подвинулся ровно настолько, чтобы я открыл сетчатую дверь и сунул ключ в скважину.

— Мы с сотрудником Сегурой просто хотели кое-что уточнить.

— Куда вы ездили сегодня днем? — спросил Сегура.

— В гости.

— К кому именно?

— Ты погоди, погоди, — остановил его Хантер. — Дай человеку хоть в дом войти, прежде чем заваливать вопросами.

Я открыл дверь.

— А камеры зафиксировали ту цистерну, которая сбила шакала?

— Цистерну? — переспросил Сегура.

— Я же говорил — мне кажется, это мог быть только водовоз. Шакал лежал как раз на той полосе. — Я провел их в гостиную, попутно кладя ключи на компьютер и вырубая телефон. Еще не хватало, чтобы посреди разговора вклинилась Рамирес с ее «Что у тебя там? Неприятности?»

— Наверное, его сбил какой-то лихач. Тогда понятно, почему он не остановился. — Я жестом пригласил их садиться.

Хантер сел. А Сегура, не дойдя до дивана, застыл при виде фотографий на стене.

— Ничего себе, сколько собак! Это вы их всех снимали?

— Некоторых. Вон там посередине Миша.

— Последняя собака на земле?

— Да.

— Я серьезно. Самая последняя?

И я серьезно. Ее держали в карантине исследовательского центра Общества в Сент-Луисе. Мне удалось выбить разрешение на съемку, однако фотографировать позволили только снаружи, не заходя в карантин. Снимок, сделанный через армированное стекло в двери, получился не в фокусе, но даже если бы меня пустили внутрь, лучше бы не вышло. У Миши уже не осталось никаких эмоций, которые могла бы передать фотография. Собака не ела седьмой день. Все то время, что я там пробыл, она лежала, опустив голову на лапы и не сводя взгляда с двери.

— Вы, наверное, не захотите продать этот снимок Обществу.

— Нет, не захочу.

Он понимающе кивнул.

— Ее смерть всех просто подкосила.

Подкосила. Люди винили в ее смерти всех, кого можно — владельцев «щенячьих фабрик»; ученых, не сумевших создать вакцину; Мишиного ветеринара, — и всех, кого нельзя. А потом отдали свои гражданские права стае шакалов, и те их радостно захапали, сыграв на всеобщем чувстве вины. Подкосила.

— А здесь кто? — Сегура смотрел на соседний снимок.

— Бультерьер Вилли генерала Паттона.

Для кормления Миши и уборки в карантине применяли роботизированные манипуляторы, как раньше на атомных станциях. Ее хозяйке, усталой и задерганной женщине, разрешали смотреть на собаку через армированное оконце, но только сбоку, украдкой, потому что Миша при виде нее с лаем кидалась на дверь.

— Попробуйте добиться, чтобы вас пустили внутрь, — посоветовал я ей. — Жестоко держать ее там взаперти. Пусть отдадут, заберете ее домой.

— Чтобы она подхватила ньюпарво?

Подхватывать ньюпарво Мише было уже не от кого, но этого я хозяйке не сказал. Я только настроил фотоаппарат, стараясь не попадаться в поле Мишиного зрения.

— Вы же знаете, отчего они все умерли? — спросила женщина. — Озоновые дыры. Во

всем виновата радиация.

Во всем были виноваты коммунисты, а еще мексиканцы, а еще правительство. А те немногие, кто признавал свою вину, как раз ни в чем виноваты не были.

— Вот этот смахивает на шакала. — Сегура смотрел на фото немецкой овчарки, которое я сделал уже после смерти Аберфана. — Собаки ведь были похожи на шакалов?

— Нет. — Я присел на уступ перед экраном проявителя, напротив Хантера. — Про шакала я вам уже все рассказал. Он лежал на дороге, я его увидел и сообщил вам.

— Говорите, что шакал лежал в крайнем правом ряду? — уточнил Хантер.

— Именно.

— А вы ехали по крайнему левому?

— Я ехал по крайнему левому.

Сейчас они будут перебирать мои показания пункт за пунктом, и когда я что-нибудь забуду, спросят: «Вы уверены, что видели именно это, мистер Маккоум? Уверены, что не видели момент наезда? Его ведь сбила Кэтрин Пауэлл?»

— Утром вы сказали, что остановились, но шакал был уже мертв. Правильно? — продолжал Хантер.

— Нет.

Сегура встрепенулся. Хантер небрежно мазнул рукой по карману. Включил диктофон.

— Я проехал еще милю, прежде чем остановиться. А потом вернулся задним ходом, но он был уже мертв. У него из пасти шла кровь.

Хантер молчал. Сидел сложа руки на коленях и выжидал. Старый журналистский прием — если долго держать паузу, собеседник может выпалить что-то неожиданное, лишь бы не тяготиться молчанием.

— Шакал лежал под каким-то странным углом, — сообщил я, когда подошло время. — В таком виде он не очень был похож на шакала. Мне показалось, что это собака. — Я выждал еще одну неловкую паузу. — И сразу полезли всякие неприятные воспоминания. Я даже не задумывался над тем, что делаю, просто хотел оказаться подальше. А через несколько минут вспомнил, что надо бы позвонить в Общество, и остановился у «7-Элевен».

Я снова умолк, дождался, пока Сегура начнет кидать тревожные взгляды на Хантера, и только тогда продолжил:

— Я думал, что успокоюсь, отвлекусь на задания, но к концу первой съемки понял, что ничего не получится, и вернулся домой. — Искренность. Простота. Если уж Эмблерам удается, то и ты справишься. — Как-то меня выбило из колеи. Я даже начальнице не позвонил, чтобы попросить кого-нибудь вместо меня послать на конференцию. Никак не мог избавиться… — Я замолчал и потер лоб. — Мне надо было с кем-нибудь поговорить. И я попросил в редакции, чтобы мне посмотрели адрес моей давней знакомой, Кэтрин Пауэлл.

Я признался в обмане и в совершении двух преступлений: в том, что скрылся с места аварии и воспользовался служебным положением в личных целях. Может, им хватит? Про поездку к Кейти ни слова. Иначе поймут, что она рассказала мне про их визит, й решат, что мое признание — попытка ее отмазать. Хотя, если дом Кейти под наблюдением, они без меня уже в курсе. Тогда я зря стараюсь.

Молчание затягивалось. Хантер задумчиво похлопал ладонью по колену. Из моих слов было неясно, почему мне понадобилась именно Кейти, колорадская знакомая, которую я не видел пятнадцать лет, но вдруг… Вдруг они все-таки не догадаются?

— Эта Кэтрин Пауэлл, — начал наконец Хантер. — Вы знали ее в Колорадо, я правильно понимаю?

— Жили в одном городе. — Мы выдержали паузу.

Это ведь тогда ваша собака умерла? — внезапно сообразил Сегура. Хантер прожег его взглядом, и до меня дошло — не диктофон у него в кармане. Там выписка из журнала ветеринарной клиники, где значатся имя и фамилия Кейти.

— Да, — подтвердил я. — Аберфан умер в сентябре восемьдесят девятого.

Сегура открыл рот.

— В третью волну? — опередил его Хантер.

— Нет, — ответил я. — Попал под машину.

Оба изобразили искреннее изумление. Вот у кого Эмблерам бы поучиться.

— И кто же его сбил? — задал вопрос Сегура, а Хантер, машинально дернувшись к карману, подался вперед.

— Не знаю. Водитель скрылся. Сбил собаку и бросил лежать на дороге. Поэтому я сегодня, из-за этого шакала… Тогда я и познакомился с Кэтрин Пауэлл. Она остановилась и помогла мне. Помогла затащить моего пса в машину, и мы отвезли его к ветеринару, но было уже поздно.

Маска Хантера была практически непроницаемой, а вот Сегура оказался попроще. На его лице отразилась смесь удивления, понимания и разочарования.

— Поэтому я и стал ее разыскивать, — разъяснил я очевидное.

— Какого числа сбили вашу собаку? — спросил Хантер.

— Тридцатого сентября.

— Как фамилия ветеринара?

Вопросы задавались прежним тоном, но ответы Хантера уже не интересовали, Он-то думал, что зацепил меня и вот-вот подловит, а мы — раз, и оказываемся просто парочкой добрых самаритян, спасающих сбитую собаку. Версия рассыпалась в прах. Он уже все выяснил, просто остались заготовленные вопросы. Главное, не расслабиться раньше времени и не допустить промашку.

Я наморщил лоб.

— Не помню. Купер, кажется.

— Под какую машину попала ваша собака?

— Не знаю. — Только не джип. Придумай любую другую, только не джип. — Я не видел, как его сбили. Ветеринар потом сказал, что явно какой-то крупный автомобиль, может быть, пикап. Или «виннебаго».

И тут я понял, кто сбил шакала. Разгадка все утро была у меня под носом: транжирство драгоценных сорока галлонов на мытье бампера, враки насчет приезда со стороны Глоуба… Но я был настолько поглощен желанием добыть фотографию Аберфана и отвести подозрения от Кейти, что все упустил. Прямо как с проклятым парвовирусом. Изведешь его в одном месте, а он вспыхивает в другом.

— Может, остались отпечатки протекторов? — спросил Хантер.

— Что? Нет. В тот день шел снег. — Надо чтобы чувства отразились на лице, он пока ни одной подробности не упустил. Я прикрыл глаза рукой. — Простите. От этих вопросов просыпаются воспоминания.

— Это вы нас простите, — извинился Хантер.

— Можно полицейские протоколы поднять, — предложил Сегура.

— Протокола не было. В те времена за сбитую собаку наказания не полагалось.

В яблочко! Сотрудники перестали сверлить меня взглядами и переглянулись, не веря своим ушам. Задав еще несколько вопросов, они собрались наконец уходить. Я проводил их до двери.

— Спасибо за помощь, мистер Маккоум, — сказал на прощание Хантер. — Мы понимаем, что вам пришлось пережить.

Я закрыл за ними сетчатую дверь. Эмблеры наверняка гнали на полной, пытаясь проскочить незаметно для камер, потому что въезд на Ван Бюрен для таких фургонов под запретом. Приближался час пик, они заняли полосу для цистерн, а шакала заметили только перед самым ударом, когда уже ничего нельзя было сделать. За сбитое животное им грозила тюрьма и конфискация транспортного средства, а на шоссе они в тот час оказались одни…

— Да, последний вопрос, — вспомнил Хантер на полдороге. — Вы говорите, что успели утром съездить на первое задание. Какое?

Простота. Открытость.

— Старый зоопарк за городом. Что-то типа аттракциона.

Провожая их взглядом, я дождался, пока они сядут в машину и завернут за угол. Потом закрыл на защелку сетчатую дверь, внутреннюю тоже закрыл и запер. Прекрасно ведь все видел: и хорька, нюхающего колесо; и бампер; и как Джейк встревоженно оглядывался на дорогу. Я-то думал, он насчет посетителей волнуется, а оказалось, что нет. Он машину Общества высматривал. «Ему это не интересно», — оборвал он жену, когда та принялась рассказывать мне про Тако. Он подслушивал под задним окном, со своим ведерком, готовый в любой момент осадить жену, если сболтнет лишнее. А я все это прозевал. Я был настолько занят мыслями об Аберфане, что даже сквозь линзу объектива не разглядел очевидного. Ну да, оправдывайся, «не видел» он. Кейти, и та в свое время этой отговоркой не воспользовалась, а ведь она только-только за руль села.

Я взял «Никон» и вытащил оттуда пленку. С айзенштадтовскими снимками и видеоматериалом уже поздно что-то делать, но там все равно вряд ли что-нибудь найдется. Джейк к тому моменту уже вымыл бампер.

Извлеченные из фотоаппарата негативы я сунул в проявитель.

— Позитивы, в очередности «первый-второй-третий», пятнадцать секунд, — скомандовал я и стал дожидаться изображения на экране.

Кто, интересно, был за рулем? Джейк, наверное. «Он никогда не любил Тако», — с неподдельной горечью в голосе говорила миссис Эмблер. «Я не хотела покупать «виннебаго».

Права отобрали бы у обоих, не важно, кто вел машину. Фургон конфисковало бы Общество, В тюрьму этих двух восьмидесятилетних представителей рода «американа» сажать бы, думаю, не стали. Не понадобится. Суд растянется на полгода, а в Техасе законопроект о разделении уже в работе.

На экране показался первый снимок — пробный, с фукьерией, чтобы по нему свет выставлять.

Даже если они отделаются малой кровью и «виннебаго» не отберут за недозволенный выезд на полосу для водовозов или за отсутствие разрешения на уплату налога с продаж, Эмблерам все равно осталось в лучшем случае полгода. В Юте вот-вот вступит в силу закон о разделении полос отбойниками на всех дорогах, Аризона следующая на очереди. Даже при той черепашьей скорости, с которой трудятся наши дорожные рабочие, Финикс тоже успеет полностью перейти на разделенки за время следствия. И Эмблеры окажутся взаперти. Вечные узники зоопарка. Вроде койотов.

Вот снимок зоопарковой вывески, наполовину скрытой кактусами. Крупный план рекламного щита Эмблеров, над ним реет связка воздушных шаров. «Виннебаго» на парковке.

— Стоп, — скомандовал я. — Фрагмент. — Я обвел пальцем границы области. — Вывести в полноэкранном размере.

Длиннофокусник у меня отличный, дает резкий контраст и великолепную четкость. Даже на экране проявителя с его жалким полумиллионом пикселей я без труда различил темное пятно на бампере. А на готовом снимке будет еще четче. Можно будет разглядеть каждую серовато-рыжую шерстинку. А уж компьютеры в Обществе по этому снимку и группу крови, наверное, вычислят.

— Дальше, — скомандовал я, и изображение на экране сменилось. Художественный снимок «виннебаго» у входа в зоопарк. Джейк моет бампер. Пойман с поличным.

Даже если Хантер благополучно купился на мою версию, других подозреваемых у него нет. Как скоро его потянет задать Кейти еще несколько вопросов? А если ему подсунуть Эмблеров, он оставит ее в покое.

Вот японское семейство, столпились возле сливного бака. Наклейки на боку фургона, взятые крупным планом. А это уже внутри — кухонный закуток, душевая кабинка размером с гроб, миссис Эмблер делает кофе.

Неудивительно, что на айзенштадтовском снимке отразились все ее воспоминания, горе

и утрата. Может быть, за секунду до удара она тоже приняла этого шакала за собаку.

Дело за малым — рассказать Хантеру про Эмблеров, и все — Кейти вне подозрений.

Это нетрудно. Мне уже приходилось.

— Стоп, — скомандовал я, увидев на экране коллекцию солонок и перечниц. У белого и черного скотч-терьеров были нарисованные бантики из красной шотландки и красные языки. — Засветить. С первого по двадцать четвертый.

Экран пошел вопросительными знаками, раздался пронзительный писк. Да, эта я сглупил. Проявитель знает много команд, но засветка качественной пленки в его программе не заложена, а на пошаговые инструкции, которые бы убедили его в серьезности, моих намерений, времени уже нет.

— Выдать пленку, — велел я. Скотч-терьеры пропали. Проявитель выплюнул закатанный рулончик пленки.

В дверь позвонили. Я включил верхний свет и, вытянув пленку на всю длину, подставил прямо под лампу.

Хантеру я сказал, что Аберфана мог сбить трейлер, и он тогда спросил по дороге к выходу, будто припомнив, на какое задание я успел съездить с утра. Куда он затем направился? Поехал проверять «что-то типа аттракциона» и вытряс из миссис Эмблер всю правду? Нет, так быстро туда-обратно он бы не успел.

Значит, он позвонил Рамирес. Хорошо, что я запер дверь. Я выключил верхнюю лампу. Пленку скрутил обратно, сунул в проявитель и дал более понятную команду.

— Пропустить через раствор перманганата, концентрированный, с первого по двадцать четвертый. Стопроцентное удаление эмульсии. Не регистрировать.

Экран погас. На то, чтобы прогнать всю пленку через обесцвечивающий раствор, у проявителя уйдет минут пятнадцать. В Обществе такие компьютеры, которым наверняка под силу восстановить изображение по двум крупицам серебра и завитку дыма, но хотя бы мелких деталей там уже разобрать не удастся. Я отпер дверь.

На пороге стояла Кейти. Она протянула мне айзенштадт.

— Вы забыли у меня свой чемоданчик.

Я недоуменно уставился на агрегат. Надо же, оставил и даже не хватился. Он так и лежал на кухонной столешнице, пока я мчался сломя голову, сшибая по пути маленьких девочек и заторможенных дорожных рабочих, пытаясь вывести Кейти из-под удара. А теперь она тут, а ко мне в любую секунду заявится Хантер с вопросом: «Вы успели что-нибудь поснимать на своем утреннем задании?»

— Это не чемоданчик, — признался я.

— Я хотела… — Кейти запнулась. — Я зря подозревала, что это вы сдали меня Обществу. Не знаю, зачем вы сегодня приезжали, но вы точно не из тех, кто способен…

— Вы понятия не имеете, на что я способен. — Я приоткрыл дверь, слегка, чтобы только просунуть руку и забрать айзенштадт. — Спасибо, что привезли. Я попрошу в редакции, чтобы вам компенсировали дорожные талоны.

Уезжай. Уезжай. Сейчас вернутся эти, из Общества, и они обязательно поинтересуются у тебя историей нашего знакомства, а я только что уничтожил улики, позволяющие переложить вину на Эмблеров. Я забрал айзенштадт и хотел закрыть дверь, но Кейти придержала ее рукой. Через сетку, да еще в сумерках, ее лицо оказывалось не в фокусе, как Миша тогда.

— У вас неприятности?

— Нет. Но я очень занят.

— Зачем вы ко мне приезжали? Это вы сбили шакала?

— Нет, — ответил я, однако дверь открыл и впустил Кейти в дом. Подойдя к проявителю, я велел отобразить на экране процесс обработки. Всего-то шестой кадр, недалеко продвинулся.

— Уничтожаю улики, — пояснил я Кейти. — На моих утренних снимках оказался автомобиль, сбивший шакала, но я об этом не подозревал, выяснил лишь полчаса назад. — Я

махнул рукой в сторону дивана, приглашая гостью садиться. — Владельцам за восемьдесят. Они ехали по запрещенной для них дороге на устаревшем автофургоне, шарахаясь от камер и водовозов. Они просто не заметили его и не успели затормозить. Но у Общества другая точка зрения. Им обязательно надо найти виноватого, не важно кого, хотя погибшие от этого не воскреснут.

Кейти положила свою холщовую сумку и айзенштадт на столик рядом с диваном.

— Эти, из Общества, дожидались меня возле дома. Они уже успели вычислить, что мы с вами оба жили в Колорадо, когда погиб Аберфан. Я им сказал, что его сбил неизвестный водитель и скрылся, а вы остановились и помогли мне. У них есть записи из ветклиники, там указаны ваше имя и фамилия.

Я не мог разобрать выражение ее лица.

— Если они придут снова, скажите, что помогли мне довезти собаку до ветеринара. — Я посмотрел, как там проявитель. Все, с пленкой покончено.

— Выдать, — велел я, и он выплюнул рулончик мне в ладонь. Я сунул остатки в утилизатор.

— Маккоум, куда ты запропастился? — взорвалась тишина голосом Рамирес, и я, подскочив, кинулся к двери. Впрочем, там начальницы не было, зато на телефоне мигала лампочка. — Маккоум, это срочно!

Рамирес как-то умудрилась дозвониться на отключенный телефон — я и не знал, что есть такая возможность. Пришлось включить аппарат обратно. Мигающая лампочка погасла.

— Тут я.

— Ты не поверишь! — разорялась Рамирес. — Только что к нам ворвалась парочка террористов из Общества и конфисковала весь присланный тобой материал!

Я отправлял ей только видео и айзенштадтовскую пленку, а там они точно ничего не найдут. Джейк к тому моменту уже вымыл бампер.

— Какой материал?

— Отпечатки с айзенштадта! — бушевала Рамирес. — Я на них даже взглянуть не успела, потому что в поте лица пыталась выменять у кого-нибудь снимки с губернаторской конференции и попутно разыскивала тебя! Я их распечатала, а оригиналы отправила наборщикам вместе с видео. Только полчаса назад наконец до них руки дошли, сижу себе, перебираю снимки, и тут врывается этот охламон из Общества и выдирает их прямо у меня из-под носа. Ни ордера, ни «простите, можно взглянуть?», ничего! Налетели, схватили и убежали. Прямо стая…

— Шакалов, — подсказал я. — А он точно отпечатки забрал, а не видео? — На айзенштадтовских снимках все равно ничего ценного нет, кроме миссис Эмблер и Тако, но ее там даже Хантеру не разглядеть.

— Точнее некуда! — От возмущенного вопля Рамирес задрожали стены. — Он забрал какой-то из айзенштадтовских оттисков. Видео я не смотрела, говорю же, сразу в наборный отдала.

Я сунул картридж в проявитель. Первая дюжина кадров — всякая ерунда, которую айзенштадт нащелкал по дороге.

— С десятого кадра, — велел я. — Позитивы. В очередности «первый-второй-третий». Пять секунд.

— Что ты там бормочешь? — не поняла Рамирес.

— Я спрашиваю, они не объяснили, что именно ищут?

— Издеваешься? Я для них вообще вроде мебели была. Они разделили стопку пополам и начали перебирать прямо у меня на столе.

Юкка у подножия холма. Еще юкка. Моя рука. Моя спина.

— Но они явно нашли что искали, — продолжала Рамирес.

Я посмотрел на Кейти. Она спокойно, без тени испуга, выдержала мой взгляд. Она никогда не пугалась, мужественно выдержав и обвинение в гибели всего собачьего племени, и мой неожиданный визит в гости через пятнадцать лет.

— Тот, который в форме, показал этот снимок второму, — объясняла тем временем Рамирес, — и сказал: «Ты ошибся, та женщина ни при чем. Вот, смотри».

— А ты видела, что там на снимке? — Натюрморт из чашек и ложек. Рука миссис Эмблер. Спина миссис Эмблер.

— Глянула украдкой. Какой-то грузовик.

— Грузовик? Точно? Не «виннебаго»?

— Грузовик. Что тут у тебя за дела творятся?

Я не ответил. Спина Джейка. Открытая дверь в душ. Натюрморт с банкой растворимого кофе. Миссис Эмблер вспоминает Тако.

— О какой женщине они говорили? — не унималась Рамирес. — О той, чью страницу ты просил?

— Нет. — Кадр с миссис Эмблер был в картридже последним. Проявитель пошел Листать с начала. Нижняя половина «хитори». Открытая дверь машины. Опунция. — Они что-нибудь еще говорили?

— Тот, который в форме, ткнул пальцем в снимок и сказал: «Вот, гляди, боковой номер. Сможешь разобрать?»

Смазанные пальмы и скоростная трасса. Цистерна, задевающая шакала.

— Стоп, — велел я. Кадр застыл.

— Что там? — спросила Рамирес.

Отличный снимок в движении, задние колеса, прокатывающиеся прямо по раздавленным задним лапам шакала. Мертвого шакала, разумеется, однако на картинке этого не видно, как и подсохшей уже струйки крови из пасти. Номер цистерны тоже не разглядеть, потому что она мчится слишком быстро, но он там есть, дело только за компьютерами Общества. На снимке все выглядит так, будто этот водовоз шакала и сбил.

— Что они сделали с оттиском? — спросил я.

— Унесли в кабинет главреда. Я хотела запросить обратно оригиналы из наборного, но шеф меня опередил, и видео он оттуда тоже забрал. Тогда я стала дозваниваться тебе, а ты все поотключал.

— И что, они до сих пор там, у шефа?

— Только что ушли. Главред велел передать, что от тебя требуется «полное сотрудничество», то есть ты должен отдать негативы и вообще все отснятые сегодня утром материалы. А мне велено не лезть. Репортажа не будет. Точка.

— Давно они уехали?

— Пять минут назад. Сто раз успеешь сделать мне оттиск. Только не пересылай, я сама за ним заеду.

— А как же «еще не хватало нам неприятностей с Обществом»?

— Им до тебя минут двадцать ехать. Оттиск припрячь куда-нибудь, где они его не найдут.

— Не могу, — ответил я. В телефоне повисло возмущенное молчание. — У меня проявитель сломался. Зажевал пленку с фотоаппарата. — Я снова вырубил телефон.

— Хотите посмотреть, кто сбил шакала? — спросил я у Кейти, приглашая ее подойти к проявителю. — Краса и гордость Финикса.

Кейти застыла перед экраном, разглядывая картинку. Если компьютеры у Общества по-настоящему мощные, то можно, наверное, доказать, что шакал здесь мертв. Только вряд ли они станут держать пленку так долго. Хантер с Сегурой наверняка уже успели уничтожить те копии, что я пересылал. Может, чтобы им лишний раз время не тратить, вызваться добровольно искупать картридж в марганцовке?

Я посмотрел на Кейти.

— Вроде бы вот он, виновник. Виновнее некуда. А на самом деле нет. — Кейти не ответила и даже не шевельнулась. — Шакал бы, конечно, погиб, если бы угодил ему под колеса. Водовоз ведь шёл где-то под девяносто. Но шакал был уже мертв.

Кейти подняла глаза на меня.

— Общество отправит Эмблеров за решетку. У них отберут дом, в котором они прожили пятнадцать лет, и все из-за дурацкого несчастного случая. Шакал выскочил прямо под колеса.

Кейти дотронулась до сфотографированного шакала на экране.

— Им и так несладко, — сказал я, глядя на нее. На улице темнело, но свет я так и не включил, и от красной цистерны нос Кейти казался слегка обгоревшим на солнце. — Все эти годы она винит мужа в смерти своей собаки, хотя он ни при чем. У «виннебаго» внутренний салон едва сто квадратных футов. Ящик на колесах размером с мой проявитель, но они там прожили пятнадцать лет, а дорожные полосы тем временем сужались, автострады закрывались, теснота — повернуться негде, не то что жить, и ко всему этому еще груз несправедливой вины.

В красноватом свете экрана Кейти выглядела почти шестнадцатилетней.

— А водителю цистерны, которые ежедневно привозят в Финикс тысячи галлонов воды, точно ничего не будет. Общество не рискнет связываться, еще забастовки им не хватало. Уничтожат негативы, и дело с концом. Зато Эмблеров не тронут. И вас.

Я повернулся обратно к проявителю и скомандовал: «Дальше». Изображение сменилось. Юкка. Юкка. Мое предплечье. Моя спина. Чашки и ложки.

— И потом, мне ведь не впервой перекладывать вину на других. — Рука миссис Эмблер. Спина миссис Эмблер. Открытая дверь душа. — Я вам не сказал про Аберфана?

Кейти не поворачиваясь смотрела на экран. Ее лицо побледнело от голубого стопроцентного пластика душевой кабины.

— Общество все равно подозревает водителя цистерны. Осталось только убедить редактора. — Дотянувшись до телефона, я снова его включил. — Рамирес! Хочешь показать Обществу, где раки зимуют?

Спина Джейка. Чашки, ложки, кофе.

— Я бы с радостью. — От ее голоса покрылась бы льдом даже Солт-Ривер. — Но у тебя сломался проявитель, и ты не мог выслать мне картинку.

Миссис Эмблер и Тако.

Я прижал пальцем кнопку отключения телефона, но палец не убирал.

— Стоп, — велел я. — Распечатать.

Экран погас, отпечатанная фотография выползла в лоток.

— Интервал реже. Раствор перманганата по одному проценту. Отображать процесс на экране. — Я убрал палец с кнопки. — Рамирес, чем сейчас занимается Долорес Чивере?

— Журналистскими расследованиями. А что?

Я не ответил. Изображение миссис Эмблер побледнело. Еще побледнело.

— Так Общество действительно просматривает личные страницы! — воскликнула Рамирес. Догадливая, не хуже Хантера. — Ты поэтому попросил сведения на свою бывшую девушку, да? Ловишь на живца?

Я ломал голову, как бы сбить Рамирес со следа Кейти, а она, со своими скоропалительными, как у Общества, выводами, взяла и сама переключилась. Так при должной сноровке можно будет и Кейти убедить: «Знаете, зачем я на самом деле сегодня приезжал? Расставлял ловушку для Общества: Нужен был кто-то, не указанный в моем досье, не имеющий со мной видимых связей».

Кейти смотрела на экран, как будто уже наполовину поверила. Изображение миссис Эмблер еще немного побледнело. Никаких видимых связей.

— Стоп! — скомандовал я.

— А при чем тут грузовик? — поинтересовалась Рамирес. — Он как-то задействован в твоей охоте?

— Никак, — ответил я. — И водоснабжение тоже никак. С ними связываться еще опаснее, чем с Обществом. Так что слушайся шефа. Полное сотрудничество. Дело закрыто. Мы их подловим на незаконном доступе к страницам.

Она погрузилась в раздумья, а может, отключилась и звонит сейчас Долорес Чивере. Я

посмотрел на экран с портретом миссис Эмблер. Он достаточно побледнел, чтобы сойти за пересвеченный, но не настолько, чтобы стало ясно: я с ним химичил. А Тако пропала.

Я обернулся к Кейти.

— До приезда этих, из Общества, еще минут пятнадцать. Как раз успею рассказать про Аберфана. — Я показал на диван. — Располагайтесь.

Кейти села.

— Замечательный был пес. Любил снег. Рыл в нем тоннели, подкидывал его носом, пытался хватать пастью падающие хлопья.

Рамирес все-таки дала отбой, судя по всему, но она еще перезвонит, если не найдет Долорес Чивере. Я снова нажал кнопку отключения и вернулся к проявителю. На экране по-прежнему висел портрет миссис Эмблер. На нем еще вполне можно было разобрать подробности, несмотря на купание в растворе. И морщины, и жидкие белые волосы никуда не делись, исчезли только виноватое — или обвиняющее — выражение, любовь и утрата. Она выглядела теперь безмятежной, почти счастливой.

— Хороших собачьих фотографий почти не существует, — продолжал я. — Они плохо получаются, потому что у собак не хватает нужных мимических мышц, а Аберфан так вообще кидался на любого, кто сунется к нему с фотоаппаратом.

Я выключил проявитель. В комнате сразу убавилось света, и стало совсем темно. Я зажег верхнюю лампу.

— Собак в Штатах тогда оставалось меньше сотни, а он уже один раз переболел ньюпарво и чуть не погиб. У меня были его фотографии, но там он везде крепко спал, а мне хотелось снять, как он дурачится в снегу.

Я прислонился к узкому выступу перед экраном проявителя. Кейти сидела с таким же видом, как тогда, у ветеринара, стиснув руки на коленях, готовая к самому ужасному.

— Я хотел снять, как он возится в снегу, но он всегда кидался на фотоаппарат, поэтому я выпустил его побегать перед домом, а сам незаметно вышел сбоку и спрятался в сосновой рощице через дорогу. Думал, он там меня не разглядит. А он разглядел.

— И рванул через дорогу, — произнесла Кейти. — И я его сбила.

Она сидела, опустив голову и разглядывала свои руки. Я боялся представить, что увижу на ее лице, когда она посмотрит на меня. Или чего не увижу.

— Я долго не могла выяснить, куда вы переехали, — поведала она сложенным рукам. — Я боялась, что вы запретите мне просмотр своей страницы. В конце концов мне попался на глаза какой-то ваш снимок в газете, и я переехала в Финикс. Но даже после переезда позвонить вам я все равно не решалась, боялась, что вы бросите трубку.

Она комкала свои руки, как тогда варежки.

— Муж сказал, что у меня навязчивая идея, от которой за столько лет пора бы уже избавиться, ведь все остальные живут и не заморачиваются, да и потом, это всего-навсего собаки. — Кейти подняла голову, и я покрепче уперся ладонями в проявитель. — Он говорил, что чужое прощение все равно не поможет, но я, собственно, прощения от вас не ждала. Я просто хотела извиниться.

В ее глазах не было ни упрека, ни возмущения, когда у ветеринара я обвинил ее в гибели целого вида; их не было и сейчас. Может, у нее и мышц таких нет мимических, подумал я с горечью.

— Знаете, зачем я к вам сегодня приезжал? — выпалил я в сердцах. — У меня фотоаппарат сломался, когда я ловил Аберфана. Снимков не получилось. — Я выхватил из лотка портрет миссис Эмблер и сунул под нос Кейти. — Ее собака умерла от ньюпарво. Они оставили ее в фургоне, а вернувшись, обнаружили, что ей пришел конец.

— Бедняга… — протянула Кейти. Но она смотрела не на снимок, а на меня.

— Она не знала, что ее снимают. И я подумал, что, если удастся вызвать вас на воспоминания об Аберфане, получится и вас сфотографировать так же.

Вот теперь я его получу — тот сам ый взгляд, которого я дожидался, подкладывая айзенштадт на кухню к Кейти; тот самый взгляд, который мне нужен до сих пор, хоть

айзенштадт и смотрит не в ту сторону. Немой упрек в предательстве, тот самый взгляд, которого от собак мы так и не дождались. Даже от Миши. Даже от Аберфана. Каково это, сознавать, что по твоей вине погиб целый вид?

Я показал на айзенштадт.

— Это не чемоданчик. Это скрытая камера. Я хотел вас сфотографировать без вашего ведома.

Она не знала Аберфана. И миссис Эмблер тоже. Но за секунду до того, как расплакаться, она напомнила мне обоих сразу. Ее рука метнулась к губам.

— Ох… — В голосе Кейти смешались любовь и горе. — Был бы он у вас тогда, ничего бы не случилось.

Я посмотрел на айзенштадт. Был бы он у меня тогда, я положил бы его на крыльцо, и Аберфан ничего бы не заподозрил. Он рыл бы тоннели в сугробах, подкидывал бы снег носом, а я устраивал бы ему искрящийся снежный душ, он бы ловил снежинки, и ничего бы не случилось. Кейти Пауэлл проехала бы себе мимо, я бы остановился и помахал ей вслед, а она, шестнадцатилетняя девчонка, только-только севшая за руль, может быть, рискнула бы оторвать одну руку в варежке от этого руля и помахать в ответ, а Аберфан поднял бы хвостом снежную бурю и прыгал бы вокруг с лаем.

Он не подхватил бы вирус в третью волну. Он дожил бы до старости, до четырнадцати или пятнадцати, и уже перестал бы в таком почтенном возрасте возиться в снегу, но даже если бы кроме него не осталось на земле ни одной собаки, я не дал бы запереть его в клетку и никому бы не позволил его увезти. Был бы у меня тогда айзенштадт. Понятно, почему я его так ненавижу.

После звонка Рамирес прошло минут пятнадцать. Общество, наверное, уже на подходе.

— Вас здесь не должно быть, когда они придут.

Кейти кивнула и, вытерев слезы, встала, забирая свою холщовую сумку.

— А вы еще фотографируете? — спросила она, вешая сумку на плечо. — Ну, для себя, не для газеты?

— Я и для газеты, наверное, скоро перестану. Фотокоры — вымирающий вид.

— Может, заглянете как-нибудь поснимать Джану и Кевина? Дети так быстро растут, оглянуться не успеешь, а уже всё.

— С радостью. — Открыв перед ней сетчатую дверь, я окинул взглядом обе стороны темной улицы. — Все чисто.

Кейти вышла. Я закрыл за ней дверь.

Она обернулась, и я увидел ту, прежнюю, замечательную искреннюю девушку, которая так и не научилась надевать маску, даже из-за меня.

— Мне их не хватает, — сказала она.

Я прижался ладонью к сетчатому экрану.

— Мне тоже.

Проводив ее взглядом до угла и убедившись, что все в порядке, я вернулся в комнату. Там я снял со стены фотографию Миши и прислонил к проявителю, чтобы Сегура увидел ее сразу с порога. Где-нибудь через месяц, когда Эмблеры благополучно доберутся до Техаса, а Общество забудет про Кейти, я позвоню Сегуре и скажу, что не против продать снимок, а еще через денек-другой резко передумаю. Он придет меня уговаривать, я поведаю ему про Пердиту и Беатрикс Поттер, а он мне расскажет про Общество.

Статья пойдет за подписью Чиверс и Рамирес — иначе Хантер легко свяжет концы с концами, — и статья понадобится не одна, но первый шаг будет сделан.

Кейти оставила на диване портрет миссис Эмблер. Я взял его в руки, подержал минуту перед глазами, потом скормил проявителю.

— В утилизацию, — скомандовал я.

Подхватив с придиванного столика айзенштадт, я вынул оттуда картридж. Начал было вытягивать пленку, чтобы засветить, но потом передумал. Вместо этого я сунул его в

проявитель.

— Позитивы, в очередности «первый, второй, третий», пять секунд.

Видимо, я опять установил айзенштадт на срабатывание, когда ехал: первыми шли десять снимков с заднего сиденья «хитори». Машины и люди. Все фото Кейти получились в тени. Натюрморт из кувшина с «Кул-эйдом» и китового стакана, еще один с игрушечными машинками Джаны, а дальше сплошные черные квадраты — Кейти везла айзенштадт объективом вниз.

— Две секунды, — скомандовал я, докручивая побыстрее последние кадры: надо все же убедиться, что ничего ценного на пленке нет, и засветить ее, пока не явились гости из Общества. На всех кадрах, кроме самого последнего, царила сплошная темнота, застилавшая объектив лежавшего ничком айзенштадта. А на последнем был я.

Секрет хорошего снимка в том, чтобы заставить человека забыть о том, что его снимают. Отвлечь. Разговорить о том, что ему дорого.

— Стоп, — приказал я, и изображение застыло.

Аберфан был замечательным псом. Он любил играть в снегу, а потом, лежа на коленях у своего убийцы, из последних сил тянулся лизнуть ему руку.

Сейчас придут из Общества изымать и ликвидировать негатив из фотоаппарата, и этот кадр тоже придется уничтожить, вместе со всем картриджем. Нельзя, чтобы Хантер вспомнил про Кейти. Или Сегуре еще чего доброго взбредет в голову снимать отпечатки и пробы с игрушечных машинок Джаны.

Жаль. Айзенштадт великолепен. «Даже ты забудешь, что перед тобой фотоаппарат», — уверяла Рамирес. И не ошиблась. Я смотрел прямо в объектив.

И там было всё: и Миша, и Тако, и Пердита, и тот взгляд, которым он на меня смотрел по дороге к ветеринару, когда я гладил его бедовую голову и твердил, что он справится, взгляд, полный любви и сожаления. Фотография Аберфана.

Из Общества вот-вот прибудут.

— Выдать пленку, — велел я и, вскрыв картридж, подставил ее под лампу.

И ДАЛЕЕ

ЗАУПОКОЙНАЯ СЛУЖБА[28]

«Не нужно было здесь появляться», — в который раз подумала Анна, нервно теребя платье затянутыми в перчатки руками.

В церковь она пришла рано: хотелось занять местечко в глубине, подальше от прохода. Впрочем, не слишком рано — чтобы не привлекать к себе внимания. У входа она задержалась на пару минут, глубоко вздохнула, расслабилась… Тут на нее налетел мистер Финн, подхватил под локоть и повлек по проходу. Перед ней заколыхались ленты черного крепа на скамье, отведенной скорбящим членам семьи погибшего.

«Зря я одна явилась, — подумала Анна. — Лучше бы с отцом пришла». Перед мысленным взором промелькнула картина: она завязывает под подбородком ленточки черной шляпки, а рядом стоит отец, хмурится, и лицо его медленно покрывается пятнами.

— Ты все-таки пойдешь на похороны? — спрашивает он.

— Да, отец. — Шляпные ленточки завязаны, все пуговицы на серой мантилье застегнуты, из-под подола выглядывает серое платье.

— И даже не наденешь черное? Она спокойно натягивает перчатки.

— Черная накидка совсем износилась.

В ту ночь она вернулась домой, промокнув насквозь: несколько часов простояла под

---

[28] Service for the Burial of the Dead © Перевод. М. Горелова, 2010

ледяным дождем. С черной шерстяной накидки ручьем текла вода, подол темного платья отяжелел от налипшей грязи. Уже тогда отец решил, что Элиота убила именно она. Если бы отец, краснея и бледнея, вел ее по проходу между рядами церковных скамей, это убеждение было бы написано у него на лице. Зато он пристроил бы ее где-нибудь в безопасном уголке, уберег бы — если не от мыслей присутствующих, то хотя бы от их сплетен. Наверное, все считали, что она убила Элиота. А может, просто шептались о том, что она утратила последнюю гордость. И в этом, пожалуй, были правы.

Последние крупицы гордости Анна потеряла в ту ночь, когда согласилась встретиться с Элиотом на острове. Готовясь к свиданию, она ни на мгновение не задумывалась о том, что повлечет за собой ее согласие. Она хотела защититься от ноябрьского дождя: надела черное мериносовое платье, теплую накидку и сапожки. Простояв под ледяными струями несколько часов, она поняла, на какой ужасный поступок решилась. Шляпка не выдержала зимней непогоды. Анна не двигалась с места, представляя себе, как он придет и услышит ее твердое «нет».

Он никогда не бросит очаровательную Викторию: миниатюрную, честную, с приличным приданым. Свадьба назначена на Рождество. На роль шафера пригласили брата Виктории — послали ему на корабль весточку о предстоящем торжестве.

Элиот даже не потрудился поставить ее в известность. Новость сообщил отец. «Нет, не может быть», — сказала Анна, и тут же подумала, что все это — правда: Именно потому, что ни разу за все то время, что она любила Элиота, она не могла сказать ему «нет».

И не потому ли она согласилась встретиться с ним на острове, что так и не научилась говорить «нет»? Потому что не умела ему отказать, несмотря на позор и падение, грозившие ей после этой ночи…

Все терзания оказались напрасными: он не пришел. Она прождала его почти всю ночь, а когда добралась до дома, промерзнув до костей, то поняла: если бы он пришел, она бы ему не отказала. Ведь не нашла она сил разозлиться, когда Элиот бросил ее; не нашла она сил расплакаться, когда нашли его разбитую лодку. Она вообще ничего не чувствовала — потому и шла под руку с мистером Финном по центральному проходу, глаза ее были сухи, а бледные щеки не покрылись стыдливым румянцем.

«Надо уходить, иначе придется встретиться с Викторией лицом к лицу, — подумала Анна. — Она не сделала мне ничего плохого».

Возвращаться было поздно. Неподалеку Анна заметила дверцу, через которую обычно входил священник. Дверца вела в коридор, откуда шел проход в ризницу и в помещение, где переодевался церковный хор. Дверь за ризницей выходила в боковой дворик. Если поторопиться, то удастся сбежать перед тем, как преподобный Спрейг введет семью погибшего.

Бегство. Как это будет выглядеть со стороны? Убийца не совладала с виной? Брошенная любовница не в силах справиться с раскаянием? со стыдом? с болью? «Не важно, что подумают, — решилась Анна. — Я не могу так поступить с Викторией».

Ее затянутая в перчатку рука легла на спинку скамьи. Сзади закашлялся мужчина, тщетно пытаясь унять несвоевременный приступ. Анна дважды кашлянула, вытащила из муфты платок и прижала его ко рту. Затем встала и быстро прошла в боковую дверь. Захлопнув ее, Анна почти побежала по коридору, вздрагивая от холода: легкое шелковое платье и мантилья не спасали от сквозняков.

Вдруг совсем рядом раздался голос преподобного Спрей-га: «…а теперь давайте помолимся». Анна едва не столкнулась с родными Элиота. Они сбились в кучку и слушали священника, скорбно опустив головы: Виктория, ее отец, отец Элиота… Старик тяжело опирался на трость, его взгляд бессмысленно блуждал по стене напротив, лицо посерело и осунулось.

Анна поспешила назад по коридору, в сторону комнаты, предназначавшейся для хора. Дверь была заперта. Анна повернула торчавший из замочной скважины увесистый ключ и замок с громким скрежетом поддался. «Аминь», — донеслось из-за спины. Она быстро

вытащила ключ, нырнула в комнату и захлопнула за собой дверь, очутившись в полной темноте. Пошарила руками, пытаясь нащупать свечу или лампу. Сделала шаг, споткнулась и упала на пол. Тяжелый железный подсвечник оказался совсем рядом с дверью. На подставочке лежали две фосфорные спички. Анна зажгла свечу и, не вставая с колен, осмотрелась.

Похоже, комната давно пустовала. Преподобный Спрейг не одобрял всякие «папистсткие штучки», поэтому хор облачался в парадные одеяния не чаще раза в год, на Рождество. Висевшие вдоль стен черные ризы покрывал толстый слой пыли. Рядом со стоявшими в углу двумя черными лакированными скамьями были свалены в кучу несколько стульев.

Анна медленно поднялась с колен, не выпуская свечу из рук, отряхнула подол и сделала шаг к двери. В церкви заиграл орган.

Задув свечу, Анна воткнула ее в запыленный подсвечник и, прислушиваясь к звукам, доносившимся из церкви, ощупью двинулась к двери. Орган смолк, потом зазвучал снова. Послышался тихий говор прихожан, неизбежно сопровождающий любую службу. Анна приоткрыла дверь и выглянула в коридор: там было пусто. Выскользнув из комнаты, она вставила ключ в замочную скважину и бросилась к выходу. Орган грянул громче.

Спиной к ней, у самого выхода стоял незнакомец. Он только что вошел и пытался тихо прикрыть за собой дверь. Из-под черной шляпы с мягкими полями выбивались темно-рыжие кудри. На нем был короткий сюртук темного сукна и тяжелые сапоги. «Брат Виктории», — решила Анна.

С дверью что-то не ладилось — в зазор упрямо пробивалась тонкая полоска света.

Незнакомец обернулся.

— Элиот, — сказала Анна.

— Ты что, призрак увидела? — с обезоруживающей улыбкой произнес он. — Я тебя напугал? — Слова были, сказаны таким тоном, будто сама мысль забавляла его.

Вновь зазвучал орган.

— Элиот, — повторила Анна.

Он словно не слышал ее, пристально глядя на дверь церкви. Из-под сюртука выглядывали белая шелковая рубашка и черный парчовый жилет. Анна вдруг вспомнила о еврей вымокшей накидке. Он так и не пришел, а она всю ночь простояла под ледяным дождем. Элиот всех обманул, заставил их поверить в свою смерть.

— Где ты был? — прошептала она.

— Там, — беспечно ответил он. — Ты не пришла на свидание, вот я и решил отправиться в Хартфорд. А что происходит? Похороны?

— Твои похороны. — Громко она говорить не могла, поэтому отвечала шепотом. — Мы думали, ты утонул. Всю реку истыкали баграми.

Он словно не слышал ее.

— Всегда любил похороны. Всхлипывающая невеста, убитый горем отец… Священник, в красках расписывающий, каким замечательным человеком был почивший. А цветы есть?

— Цветы? — глупо переспросила она. — Элиот, они нашли лодку. Вдребезги разбитую лодку.

— Конечно, куда же без цветов. Садовые лилии. Привезли из самого Нью-Йорка, по специальному заказу отца Виктории… Да, уж он-то может себе такое позволить. Скажи мне, а очаровательные серые глазки малышки Виктории покраснели от безутешных рыданий?

Анна не нашлась, что ответить. Он резко отвернулся.

— Ну, раз ты ничего не хочешь мне рассказывать, я сам посмотрю.

Тяжелые сапоги загремели по дощатому полу коридора. Казалось, их слышит вся церковь.

— Элиот, тебе туда нельзя, — она потянулась было к его плечу, но отдернула руку. Он обернулся.

— Сначала ты не соизволила прийти на свидание, а теперь не пускаешь на мои собственные похороны? Ты же ни разу не сказала мне «нет» за все время наших встреч на острове. На нашем острове, прошлым летом, помнишь? Помнишь, милая Анна?

— Но я же пришла… — сбивчиво пробормотала она. — Всю ночь тебя дожидалась… Элиот, твой отец потерял сознание, как только узнал, что… У него сердце…

— У него сердце… Что? Разорвется, если я появлюсь в церкви? Интересно посмотреть. Вот видишь, милая Анна, еще одна причина для того, чтобы я туда пошел. Впрочем, может быть, ты хочешь, чтобы я принадлежал тебе, только тебе — и никому больше? В этом все дело, правда? Жалеешь, что не пришла на свидание?

Она стояла, как вкопанная, и думала только о том, что не сможет остановить его. Она вообще никогда и ничего ему не запрещала.

Он подошел к двери.

— Подожди! — Анна решительно направилась к нему. Она так торопилась, что задела плечом дверь, ведущую в подсобное помещение, откуда только что вышла. Звякнул ключ, дверь распахнулась. Элиот задумчиво посмотрел на ключ, что упал на пол, между ним и ею.

— Хочешь запереть меня в укромном местечке, чтобы я принадлежал тебе и только тебе?

— Тебе туда нельзя, — бесстрастно повторила Анна, представив себе его отца, тяжело опиравшегося на трость, и склоненную голову Виктории: Элиот войдет к ним с легкомысленной улыбкой на губах. «Вы что, призрак увидели?» — скажет он, и лицо его отца зальет мертвенная бледность.

— Я не позволю, — сказала она.

— И как ты меня остановишь? — спросил Элиот. — Закроешь в этой клетушке, станешь приходить по ночам, как приходила на остров прошлым летом? Я не в силах противиться твоей страсти. Хорошо, милая Анна, запри меня.

Он вошел в комнату и, беспечно улыбаясь, остановился на пороге.

— Что ж, придется пропустить собственные похороны, но ради тебя, Анна, я готов на все.

Орган умолк. В наступившей тишине Анна подняла ключ с пола.

— Элиот… — неуверенно окликнула она. Он скрестил руки на груди.

— Ты хочешь, чтобы я всецело принадлежал тебе. Да будет так! Никто, даже Викки, не узнает, что я здесь. Сохраним нашу маленькую тайну, милая Анна. Я стану твоим пленником, и ты будешь меня навещать. — Он кивнул на дверь. — Давай же, запри меня. Похороны скоро закончатся.

Тяжелый ключ лежал у нее на ладони. Из залы донеслись новые волны музыки и говора. Она тревожно оглянулась на дверь, что вела в церковь. Преподобный Спрейг вот-вот выйдет оттуда.

— Ты вернешься, Анна? — Элиот стоял, прислонившись к косяку. — Не забудешь?

— Там, в подсвечнике, есть свеча. — Анна захлопнула дверь у него перед носом, повернула ключ, сунула в муфту и в полном замешательстве бросилась вон из церкви.

Слишком поздно — служба уже закончилась. Лужайка перед главным входом быстро заполнялась людьми. Порывистый зимний ветер громко хлопнул дверью, через которую вышла Анна. Все обернулись.

Она пробиралась сквозь толпу, высоко держа голову, не думая, как со стороны выглядит ее серая мантилья и предательская траурная шляпка. Она не расслышала легких шагов за спиной. Ее тихо окликнули:

— Мисс Лоуренс? Пожалуйста, подождите…

Анна обернулась. Красивые серые глаза Виктории Тэтчер покраснели от слез. В руках она сжимала маленький черный молитвенник.

— Я хотела поблагодарить вас за то, что вы пришли. Внезапно Анну охватила злость. «Он тебя не любит! Той ночью он хотел встретиться именно со мной! Он позвал, и я пошла. А сейчас он заперт в подсобке! Меня дожидается… Он не умер, а жаль! И тебе должно быть

жаль…»

— Ваше участие так много для меня значит, — сбивчиво заговорила Виктория. — Я… мой отец уехал в Хартфорд, закончить какие-то дела, связанные с Элиотом. А у меня здесь совсем нет друзей. Отец Элиота бесконечно добр ко мне, но он плохо себя чувствует, и я… Спасибо вам, что пришли. Пожалуйста, не откажите мне в еще одной любезности: приходите как-нибудь на чай.

— Я…

Виктория закусила губу, на мгновение запнулась и уверенно посмотрела Анне в глаза.

— О смерти Элиота ходят всякие слухи, но я им не верю. Я знаю, что вы не… — она запнулась и снова опустила голову. — Я знаю, что вы, как и я, молитесь о спасении его души.

«У него нет души, — подумала Анна. — Лучше молись о душе его отца, да и о своей собственной. И во что, интересно, ты не веришь? В то, что я убила его? Или в то, что я была в ту ночь на острове?»

Глаза Виктории наполнились слезами.

— Я прошу вас… Если вы любили Элиота, то для нас это повод подружиться. Теперь, когда его с нами нет…

«Но он здесь! — в отчаянии подумала Анна. — Он сидит в комнатушке и смеется над нами, представляя наш разговор. Как жаль, что он не умер… Ради твоего же благополучия. Ради нашего общего благополучия».

— Спасибо за приглашение, — сдержанно ответила Анна и быстро удалилась.

После ужина она вернулась в церковь с пакетом из коричневой бумаги, в который были завернуты несколько кусков ветчины и пирога. Элиот сидел в темноте.

— Все поужинали, — сказала Анна, зажигая свечу, — и я сбежала. Тайком.

— Тебе не привыкать, — усмехнулся Элиот.

Она аккуратно положила пакет с едой рядом с подсвечником.

— Тебе нельзя здесь оставаться. Он развернул пакет.

— Почему это? Тут, по крайней мере, сухо. Холодновато, конечно, но в остальном — очень уютно. Голод мне не грозит, а ты исполнишь любой мой каприз. Если я воскресну, вряд ли прольются счастливые слезы. Мне и здесь хорошо.

— Твой отец слег.

— От радости? А что, безутешная невеста тоже слегла? Кстати, в мою постель она «слечь» не захотела…

— Виктория ухаживает за твоим отцом. Ее отец отправился в Хартфорд, устраивать какие-то твои дела. Ты не можешь обманывать их и дальше…

— Еще как могу. Даже должен. По крайней мере, пока отец Виктории не расплатится со всеми моими долгами. И пока ты, милая, не заплатишь мне за то, что не пришла на свидание.

— Элиот, так нельзя. Я всем расскажу правду.

— Не выйдет! Я объясню, что ни тебя, ни меня на реке не было; что мы просто сбежали и спрятались вместе. И что станет с моим бедным слегшим отцом и с богатенькой Викторией? Ты даже не представляешь…

— Я больше не вернусь сюда, — твердо сказала Анна. — Не буду носить тебе еду.

— И священник обнаружит мои истлевшие кости? О нет, ты вернешься, милая Анна!

— Нет. Не вернусь.

Надеясь, что Элиот передумает, она не стала запирать дверь, но ключ взяла с собой. «На всякий случай», — подумала она, не совсем представляя, на какой именно случай. Просто на случай, если понадобится.

В дверь постучали, и отец пошел открывать. Анна застыла на середине лестничного пролета. Отец вздрогнул всем телом, уши и шея стремительно покрылись алыми пятнами.

«Элиот!» — подумала Анна.

Третий день подряд она тайком бегала в церковь, носила «пленнику» еду и свечи, а накануне отнесла шаль, потому что Элиот беспрестанно жаловался на холод. Ее неубедительные увещевания он пропускал мимо ушей. Отец Виктории провел утро в банке и снова уехал. Сама Виктория каждый день навещала отца Элиота, и таяла, таяла на глазах. От ее брата по-прежнему не было вестей. На третий день после похорон она прислала Анне записку, напомнив свое приглашение на чай.

Анна показала записку Элиоту.

— Отчего ты к ней так жесток?

— Говори, что думаешь. Я жесток по отношению к тебе. Приглашение, насколько я понимаю, принято? Забавное будет чаепитие…

— Я отказалась. Элиот, подумай, что ей придется пережить!

— А что пришлось пережить мне? Утлая лодчонка посреди бурной реки, ночью, в ужасный шторм! Не помню, как добрался до берега. Полдороги до Хэддама брел пешком, пока на постоялом дворе не разжился лошадью. Только представь, что я перенес по твоей милости, Анна! И все потому, что ты не захотела со мной встретиться. Что ж… а теперь я не хочу встречаться с ними.

Он неловко прикрыл колени шалью.

Спорить с Элиотом не было никаких сил. Анна молча положила сверток с едой на скамью рядом с подсвечником и отвернулась.

— Дверь оставь открытой, — попросил Элиот. — Мне не нравится сидеть взаперти, как в склепе. Да, и дай знать, когда отец Виктории вернется, оплатив все мои долги.

Анна пришла в отчаяние. «Он никогда не выйдет из этой комнатушки», — решила она. Но сейчас, стоя на лестнице и глядя на напряженную спину отца, ей показалось, что Элиот передумал и покинул пределы своей темницы.

Анна сбежала к подножью лестницы. Отец обернулся и тоном, в котором явственно сквозило осуждение, изрек:

— Мисс Тэтчер пришла с визитом.

И, не прибавив ни слова, оставил их наедине.

— Мне не следовало приходить. Мое появление; здесь неуместно, — сказала Виктория. — Теперь ваш отец сердит на меня.

— Нет, он сердит на меня. В вашем появлении в этом доме нет ничего дурного. Доброта и отзывчивость не бывают неуместными.

С улицы дул ледяной ветер.

— Может, зайдете? — предложила Анна. — Я приготовлю чаю.

Виктория осторожно коснулась ее руки.

— Я не с визитом пришла. Я… я хотела попросить вас об одолжении.

Перчаток на Виктории не было, и сквозь рукав шерстяного платья Анна почувствовала холод ее ладони.

— Входите же, — повторила Анна. Элиот, должно быть, покинул свое убежище, и речь пойдет о нем. Гостья прошла в холл, отказалась снять черное пальто и шляпку, и собралась с силами.

— Я не могу остаться. Меня ждет доктор Сойер. Он… его… В реке нашли тело. Недалеко от Хэддама. Надо удостовериться… Возможно, это Элиот.

Злоба на Элиота сжала горло железными тисками. Анна хотела сказать: «Он жив! Он сидит в подсобном помещении при церкви!», но Виктория, похоже, не могла остановиться.

— Отец уехал в Хартфорд. Говорят, после Элиота остались карточные долги, которые нужно оплатить. Брат в море. О его корабле ничего не известно. А отец Элиота слишком болен и слаб. Собственно, он собирался ехать в Хартфорд, но в его состоянии… И на опознание… некому пойти. Я не сказала отцу Элиота про найденное тело. Это убьет его… Я хотела обратиться к вашему отцу за помощью, но, кажется, он на меня сердит, и не осталось никого, кто бы…

— Я пойду с вами, — решительно перебила Анна, накидывая серую мантилью. В такой холодный день, конечно, следовало надеть что-нибудь потеплее, но Анна боялась, что Виктория не дождется и убежит: бедная девушка пребывала в полном смятений.

«Хватит! Я не позволю Элиоту шутить с невестой такие жестокие шутки, — думала Анна. — Я все ей расскажу».

Но сказать правду по дороге к доктору ей так и не удалось. Виктория шла быстро, Анна с трудом поспевала за ней. Слова лились из безутешной невесты болезненным, пульсирующим потоком, будто кровь из вспоротой вены:

— Странно, что брат до сих пор не приехал. Из Нью-Лондона, где должен был пришвартоваться его корабль, по-прежнему нет вестей. В порту его задержать не могли. Море так часто штормит… Страшно за корабль! Я написала брату, как только пропал Элиот. Я Знала, что мой любимый погиб, знала с первой минуты… Отец уговаривал меня не беспокоиться, уверял, что Элиот где-то задержался, что не следует терять надежды… А теперь пропал и мой брат, Роджер, и рядом никого не осталось…

Они подошли к дому доктора Сойера. Виктория постучала в дверь, и Анна вновь поразилась, какие у бедняжки красные замерзшие руки. Доктор открыл почти сразу же. Он не предложил им снять пальто, коротко бросив «там холодно», и повел их мимо кабинета, в глубь дома. Девушки поспешили за ним.

— Жаль, что вашего отца нет в городе, — проговорил доктор. — Не пристало юным леди заниматься такими вещами.

«Если они остановятся хотя бы на секунду, я им все расскажу», — думала Анна. Но они не останавливались, и она покорно последовала за ними.

Доктор открыл дверь в большую квадратную комнату, которую Анна вначале приняла за кухню. Всю середину помещения занимал большой стол, покрытый свисавшей до пола простыней. Виктория побелела.

— Поверьте, Виктория, мне самому все это очень не нравится, — доктор говорил все быстрее и сбивчивее. — Ваш отец… Весьма неприятная процедура…

«Сейчас она увидит, что это не Элиот, и я все ей расскажу», — подумала Анна. Доктор Сойер сдернул простыню.

Время, которое до сих пор неслось, как сумасшедшее, разом остановилось. Мужчина на столе был мертв уже несколько дней. «Он утонул в шторм», — подумала Анна. Грязный, промокший сюртук, белая шелковая рубашка… Из кармана черного парчового жилета торчал вымокший серый шелковый платок. Труп… Холодный как лед.

Виктория протянула руку к телу, но тут же отдернула ее.

— Примите мои соболезнования, — сказал доктор Сойер. На столе лежал труп Элиота.

— Давно пора.

Анна вошла в комнату. Элиот лежал на скамье, подложив Под голову свернутый сюртук. Рубашка и жилет был и расстегнуты, из кармана выглядывал серый шелковый платок.

— Я весь истосковался. — Он поднялся навстречу Анне. Она протянула ему сверток с едой: хлеб, ветчина и яблоки.

— Ходила на чай к Викки? — спросил Элиот, пытаясь развернуть пакет. Узлы бечевки не поддавались. — Что, утешила несостоявшуюся вдовушку? Забавно!

— Нет. — Анна наблюдала за ним. Ждала. Он так и не справился с бечевкой и отложил сверток на скамью. — Мы ходили к доктору Сойеру.

— Зачем? Неужели мой досточтимый отец занемог? Или, может быть, помутилось в голове у красавицы Викки?

— Мы ходили опознавать тело.

— Фи. Не слишком приятное занятие. Наша милая Викки, разумеется, хлопнулась в обморок при виде утопленника. А тут и доктор Сойер с нюхательными солями…

— Элиот, это было твое тело.

Она ждала потрясения, лукавства, страха. Элиот спокойно откинулся на скамью, заложил руки за голову, взглянул на нее и улыбнулся.

— Милая Анна, как такое возможно? Или у тебя тоже в голове помутилось?

— Элиот, ты так и не рассказал мне… Как ты добрался от реки до Хэддама?

Он даже не шелохнулся.

— Там, на берегу, паслась лошадь. Я, как заправский наездник, вскочил на нее и направился к тебе.

— Ты же сказал, что лошадь нашел на постоялом дворе.

— Не хотел тебя смущать рассказом о том, как я украл кобылу. Похоже, я тебя недооценил, потому что в данный момент ты обвиняешь меня… Кстати, а в чем ты меня обвиняешь? В том, что я убил невинного прохожего и напялил на него свою одежду? Нелогично. Как видишь, я не переодевался.

— Моя накидка насквозь промокла, — медленно проговорила Анна, — сапоги покрылись толстым слоем грязи. Подол платья испачкался и изорвался… Как тебе удалось проскакать от реки до самого Хэддама в ветреную дождливую ночь и появиться в безупречно чистом сюртуке, в начищенных до блеска сапогах?

Элиот неожиданно сел и схватил ее за руки. Она невольно отшатнулась.

— Анна, ты пошла на это ради меня? — воскликнул он. — Ты дожидалась меня на острове, вымокла и замерзла? Неудивительно, что ты сердишься. Но, милая, зачем же меня так наказывать: запирать меня в пыльной комнате и вести речи о призраках? Хочешь, я куплю тебе новую накидку…

— Почему ты ничего не ешь? Ты же умирал от голода, а теперь вот уже сколько дней ничего не ешь…

Он выпустил ее руки.

— А как я все это съем, если ты постоянно стоишь у меня над душой и изводишь глупыми вопросами? Сейчас поем.

Он взял пакет загорелыми руками, совсем не похожими на обесцвеченные рекой руки трупа.

Анна следила, как Элиот возится со свертком.

— Пироги и милая Анна… Чего еще желать мужчине? Однако пакет он так и не развернул и положил его на скамью.

— Поем, как ты уйдешь, — раздраженно бросил он. — Россказнями о мертвецах ты мне весь аппетит испортила.

На следующий день Элиот был полностью одет и готов к выходу: черный сюртук, серый платок аккуратно выглядывает из жилетного кармана.

— Во сколько похороны? — весело спросил он. — Вторые похороны, разумеется. Интересно, а сколько мне вообще предстоит похорон? И еще интереснее, придется ли мне платить за многочисленные венки и букеты, если я воскресну?

— Похороны состоятся вечером, — ответила Анна, тут же спросив себя, а следовало ли вообще говорить правду.

Все утро она раздумывала над тем, не опасно ли приходить сюда в такой день. На этот раз она оделась как можно теплее, вычистила и привела в порядок мериносовую накидку, сунула руки в муфту… Анна нащупала ключ и поняла, что не сможет не прийти. Ей на ум пришло странное сравнение: в ночь, когда она готовилась к свиданию на острове, холод волновал ее меньше всего. Единственное, что ее беспокоило — это как проскользнуть незамеченной, не привлекая внимания, поэтому она остановила выбор на черном платье, черной шляпке и черной накидке. В ту ночь она оделась, как на похороны, но поняла это только сегодня утром.

— Вечером, — задумчиво повторил Элиот. — Значит, отец Виктории вернулся из Хартфорда?

— Да.

— А как мой отец? Поправился? Он в состоянии постоять на кладбище, опираясь на трость и бормоча под нос: «Я всегда знал, что он плохо кончит…» Ведь церемония будет проходить на кладбище, у могилы?

Элиот взял в руки шляпу.

— Да, — ответила Анна, с тревогой за ним наблюдая. — Куда ты собрался?

— Я пойду с тобой, разумеется. Первые похороны я ведь пропустил.

— Тебе туда нельзя, — сказала она, медленно отступая к двери и сжимая в муфте ключ.

— По-моему, эта игра слишком затянулась, — холодно ответил он. — Зря я тебя послушал. Зря ты отговорила меня появляться на первых похоронах. Я не собираюсь повторять эту ошибку дважды. Сегодня я пойду, и ты мне не помешаешь.

Анна замерла в испуге.

— Ты убьешь отца, — пролепетала она.

— Что ж, отлично. Вам же надо будет кого-то хоронить, кроме этого несчастного незнакомца, который притворяется мной.

— Элиот, мы хороним тебя, — сказала Анна. В лице его что-то промелькнуло.

— Элиот… ты ведь знаешь, что умер, правда? — прошептала она.

Он надел шляпу.

— Посмотрим, что скажет моя невеста. И ее отец. Он обрадуется, увидев меня живым и невредимым, да к тому же избавленным от долгов! Да он встретит будущего зятя с распростертыми объятиями! А красавица Викки… ведь она невеста, а не вдова!

Анне вспомнилась Виктория: ласковый взгляд серых глаз, маленькая ручка, так крепко сжимавшая ей ладонь там, у доктора. Вспомнился жесткий, непреклонный взгляд отца Виктории, его готовность защитить дочь любой ценой.

— Элиот, за что? Зачем ты так? — спросила Анна.

— Я не люблю гробы. Там тесно, душно и пыльно. И холодно. Совсем как в этой комнатке. Я не дам замуровать себя в гробу, как ты замуровала меня здесь.

Анна резко втянула воздух.

— Все так обрадуются; увидев меня, что забудут, зачем вообще пришли на кладбище, — обезоруживающе улыбнулся он. — Никто и не вспомнит, что пришли меня хоронить.

Анна отступила в сторону двери еще на шаг.

— Я помешаю тебе, — сказала она.

— Милая Анна, как ты меня остановишь?

Ей вспомнились последние дни. Она заперла его всего раз, в день похорон. После этого она ни разу не воспользовалась ключом: надеялась, что он образумится и уйдет. Выходя из комнаты, Анна просто прикрывала за собой дверь, несмотря на то, что Элиот неизменно кричал ей в спину: «Оставь открытой!» Вернувшись на следующий день, она заставала все, как оставила накануне — дверь прикрыта; Элиот сидит будто взаперти.

— Я запру тебя, — сказала Анна, сжимая спрятанный в муфте ключ.

Элиот рассмеялся.

— К чему? Если я действительно призрак, то без труда пройду сквозь стены и появлюсь на кладбище, медленно плывя по воздуху и протягивая к тебе руки, милая Анна.

— Нет, — глухо повторила она. — Я не позволю тебе…

— Нет? — Он снова рассмеялся. — Назови мне хоть один случай, когда ты сказала бы мне «нет» и не хотела бы того, от чего отказывалась. Вот и сейчас ты себе лжешь.

Он шагнул ей навстречу.

— Пойдем. Пойдем вместе.

— Нет! — Анна резко развернулась и выскочила за дверь. Все произошло в мгновение ока. Она изо всех сил потянула на себя дверную ручку, вставила ключ в замочную скважину и повернула его. С другой стороны за ручку дергал Элиот.

— Анна, не валяй дурака, выпусти меня, — полусмеясь, полусердито воскликнул он.

— Нет, — ответила она.

Положив ключ в муфту, Анна сделала несколько шагов в сторону церкви и обессилено опустилась на скамью — ту самую, на которой сидела в день первых похорон. Она положила руки на спинку скамьи перед собой и уронила на них голову. Судорожно сжатые пальцы не выпускали ключа.

— Мисс Лоуренс, вам помочь? — вежливо спросил кто-то. Она подняла голову и увидела преподобного Спрейга в тяжелом черном облачении. В руках он держал сборник заупокойных молитв.

— Да, — твердо ответила Анна, оперлась на руку священника и отправилась на кладбище.

Гроб уже опустили в могилу. По краям глубокой ямы лежала твердая земля, такая же сухая и бледная, как трава, что росла на кладбище. Низкие тучи будто вмерзли в серое небо и теперь всей тяжестью давили на землю. Было очень холодно. Виктория вышла навстречу преподобному Спрейгу и его спутнице.

— Я так рада, что вы пришли. — Она взяла Анну за руку. — Мы только что узнали…

Ее серые глаза наполнились слезами. У Анны мелькнула мысль, что Элиот уже побывал здесь.

Отец Виктории подошел к ним и обнял дочь за плечи.

— Мы получили печальное известие из Нью-Лондона, — сказал он. — Корабль, на котором находился, мой сын, числится без вести пропавшим вместе со всеми, кто на нем находился.

— Не может быть! — воскликнула Анна, обращаясь к Виктории. — Ваш брат…

— Мы не теряем надежды и молимся о том, чтобы он вернулся, — перебил отец Виктории. — Даже если произошло крушение… корабль находился совсем недалеко от берега.

— Он не пропал, — задумчиво проговорила Анна, будто разговаривая сама с собой. — Он придет сегодня, — добавила она, хотя сама точно не знала, кого имела ввиду.

— Давайте помолимся, — раздался голос преподобного Спрейга.

«Да-да, — думала Анна. — Поторопитесь…» Люди придвинулись ближе к могиле, словно стараясь укрыться от серого неба.

— В расцвете жизни мы объяты смертью, — читал преподобный Спрейг. — К кому, как не к Творцу, взывать ним?

Анна закрыла глаза.

— Все мы предстанем перед судом Господним… Пошел снег. Преподобный Спрейг на секунду оторвался от чтения, взглянул на белую порошу, и потерял то место, на котором остановился.

— Прошу прощения, — сказал он и начал сначала. — В расцвете жизни…

«Скорее, — думала Анна. — Ради всего святого, скорее…»

Далеко-далеко, на другом конце кладбища, за бесчисленными рядами коричневых холмиков и серых крестов показался человек. Священник замешкался.

«Только не останавливайся, не останавливайся…» — взмолилась про себя Анна.

— И каждому воздастся по деяниям его, благим и дурным…

Мужчина с темно-рыжими волосами держал в руке шляпу. Отвороты его темного сюртука пестрели снежинками. Анна опустила голову, стараясь не смотреть в его сторону. Преподобный Спрейг наклонился и подобрал горсть земли:

— Мы вверяем эту душу Господу Богу, небесному Отцу нашему, а тело его предаем земле. Прах к праху… — священник замер на полуслове, так и не разжав ладонь.

Анна подняла голову. Мужчина быстро шагал по дорожке между могилами. Отец Виктории взглянул в его сторону и побледнел.

— Мы вверяем эту душу Господу Богу… — повторил преподобный Спрейг и умолк, уставившись на приближавшегося незнакомца.

— Нет, — сказала Анна. И ткнула кончиком сапога в холмик земли, лежавший на краю

могилы. Несколько комьев сорвались вниз и забарабанили по крышке гроба. Преподобный Спрейг покраснел от негодования.

«Он считает, что это я убила Элиота, — в отчаянии подумала Анна. — Но нет же!»

Она крепко сжала бесполезный ключ, посмотрела вниз, на забытый всеми гроб.

«Я пыталась, Виктория. Ради тебя. Ради всех нас. Я пыталась убить Элиота».

Виктория со сдавленным криком сорвалась с места, ее отец кинулся следом. Преподобный Спрейг сердито захлопнул книгу.

— Роджер! — Виктория кинулась на шею к мужчине. Анна подняла глаза.

Виктория целовала нежданного гостя и плакала, ее отец радостно хлопал мужчину по спине. Маленькой, затянутой в перчатку рукой Виктория взяла большую ладонь Роджера и подвела его к Анне.

— Это мой брат! — радостно воскликнула она. — Роджер, познакомься с мисс Лоуренс! Все это время она была удивительно добра ко мне.

Мужчина пожал Анне руку.

— Ваш корабль пропал без вести, — промолвила Анна как во сне.

— Да, — ответил он и заглянул в зев открытой могилы.

Анна крепко сжала ключ онемевшими пальцами и с трудом вставила его в замочную скважину.

В церкви никого не было. Преподобный Спрейг, приглашенный на чай к Виктории, отправился к ней вместе с ее отцом и братом.

— Умоляю, приходите и вы, — настаивала Виктория Анне при расставании, держа ее за руку. — Я так хочу, чтобы вы и Роджер подружились.

С этими словами Виктория отвернулась и скрылась за пеленой снега. Наступили сумерки. К концу похорон Элиота началась настоящая метель. Преподобный Спрейг дочитал заупокойную мессу, все склонили головы, и мистер Финн закопал могилу. Затем все отправились к Виктории, а Анна пришла сюда, в церковь.

Она медленно повернула ключ. Скрип раздался такой, что, казалось, по коридору пролетело эхо. На секунду Анне представилось, что Элиот стоит наготове с той стороны, сжимает в руках дверную ручку и вот-вот рванется ей навстречу, проскочит через нее насквозь. Она распахнула дверь.

Комната была пуста. Она поняла это сразу, даже не зажигая свечи. В последнюю неделю здесь никого не было, кроме нее самой. Шаль брошена в угол скамьи, под которой рядком лежат пакеты, завернутые в коричневую бумагу — должно быть, Элиот их прятал. На одном из свертков мышь перегрызла веревку, и содержимое высыпалось наружу: кусок ветчины, несколько яблок, высохший кусок пирога. Все, что она принесла сюда в первую ночь.

Будто школьник устроил пикник… Анна решила оставить все как есть. Если преподобный Спрейг найдет все это, он подумает… да пусть думает что угодно о следах на полу, об оплавленной свече и о разбросанной еде. Пусть сам ищет объяснения, ей все равно. В конце концов, что бы он ни придумал, все будет правдой. Она убила Элиота.

В комнате было очень холодно.

— Мне пора. Виктория пригласила меня на чай. — Анна задула свечу, подобрала брошенную шаль и уронила ключ на пол. Дверь она оставила широко открытой.

— Я остался совсем один. Вокруг бушевал шторм, бились ледяные волны. Рубашка примерзла к спине, мои товарищи исчезли из виду… И тут я увидел шлюпку.

Роджер выжидающе замолчал. Анна, не снимая с плеч теплой шали, протянула руки к огню.

— Хотите чаю? — ласково спросила Виктория. — Роджер, нам всем не терпится услышать твою историю, но надо как-то отогреть бедную Анну. Она так продрогла на кладбище!

— Спасибо, мне уже намного теплее. — От чая Анна отказываться не стала и с удовольствием взяла в озябшие руки хрупкую фарфоровую чашку.

Роджер прервал свой рассказ и неловко потыкал в камин кочергой. Над углями заплясало пламя.

— Что ж, — сказала Виктория, — продолжай.

Роджер сидел на корточках у камина, рассеянно сжимая кочергу большими обветренными руками.

— А дальше рассказывать нечего, — сказал он, взглянув на Анну. — В шлюпке оказались весла, и я погреб к берегу.

У него были серые глаза — такие же, как у Виктории, а волосы в неверном свете камина казались темнее, чем у сестры. Почти такие же темные, как у Элиота.

— Я добрел до первого постоялого двора, одолжил там лошадь и прискакал сюда. Мне сказали, что, все вы собрались на кладбище. Я даже испугался, что вы потеряли всякую надежду и хороните меня.

Улыбка у него была шире, чем у Элиота, и глаза смотрели добрее. Загорелые руки казались сильными и полными жизни, но кочергу он держал так, будто пальцы у него задеревенели и ему неловко ухватиться за нее. Анна положила шаль на колени.

— Ты ничего не ешь, — сказала Виктория. — А я-то думала, что, проведя столько часов в лодке, в открытом море, ты будешь умирать от голода.

Роджер аккуратно отложил кочергу. Сестра протянула ему чашку с чаем, и он осторожно принял ее обеими руками. Чашку он держал крепко, но не сделал ни глотка.

— Я поел на постоялом дворе, там, где одолжил лошадь, — ответил он.

— Где вы взяли лошадь? — переспросила Анна, как будто не расслышав, и протянула ему кусок пирога на тонком фарфоровом блюдечке.

— Я одолжил ее на постоялом дворе. Хозяин и одеждой со мной поделился. Ведь я насквозь промок, да и сапоги мои утонули. Я постучался к нему среди ночи в таком жалком виде… Бедолага, должно быть, решил, что к нему явился призрак. — Роджер улыбнулся Анне, и в глазах у него сквозила такая нежность, какой она никогда не видела в глазах Элиота. — Да и ваши лица были не лучше. Я подумал, что заявился на собственные похороны.

— Нет.

Анна улыбнулась ему, но в глазах ее не было и тени улыбки. Он взял в руки кусок пирога, и она ждала, когда он его надкусит.

ДУША НАЙДЕТ РОДНУЮ ДУШУ

Вторжение и отторжение: хронологическая реинтерпретация двух стихотворений Эмили Дикинсон по Г. Дж. Уэллсу[29]

До недавнего времени считалось, что поэтическая деятельность Эмили Дикинсон завершилась с ее смертью в 1886 году. Однако стихотворения 186B и 272(?) говорят об обратном: поэтесса не только творила в более поздние годы, но и принимала активное участие в «великих и ужасных событиях»[30] на рубеже веков.

Интересующие нас поэмы увидели свет в 1991 году,[31] когда их обнаружил под

---

[29] Soul Select Her Own Society: Invasion and Repulsion: A Chronological Reinterpretation of Two of Emily Dickinson's Poems: A Wellsian Perspectior © Перевод. Н. Абдуллина, 2010

[30] Полный отчет о которых см. в работе Г. Дж. Уэллса «Война миров»; изд-во: «Оксфорд юниверсити пресс», 1898 г. — *Здесь и далее примеч. автора.*

[31] Подробности находки приведены в монографии «Рукописи, найденные под забором: невероятное количество утерянных шедевров, обнаруженных в процессе работы над докторскими диссертациями» М.И.С.С.

забором[32] на заднем дворе дома Дикинсон Натан Фальшмахер, работавший в то время над докторской диссертацией. Фальшмахер определил, что найденные им стихотворения принадлежат к Раннему, или Чуточку эксцентричному, периоду творчества Дикинсон; впрочем, результаты недавних исследований[33] требуют совершенно иной трактовки событий, которые привели к написанию стихотворений.

Бумага, на которой написаны поэмы, обожжена по краям, а лист с произведением 272(?) прожжен еще и посередине. Марта Ходж-Бэнкс утверждает, будто следы горения — свидетельство того, что «некий дилетант пытался подделать рукописи, состарить их, но забыл вовремя извлечь бумагу из духовки».[34] Обилие тире в текстах, напротив, доказывает авторство Дикинсон, так же как и практически полная невозможность прочесть стихи; нечитабельность почерка Дикинсон засвидетельствована рядом ученых, в том числе Эльмо Спенсером (см. «Криптологические аспекты изучения почерка Эмили Дикинсон») и П.Р. Описью, которая утверждает: «У Дикинсон все «а» похожи на «с», «е» — на «2», да и в целом она писала как курица лапой».[35]

Обугленные места свидетельствуют о том, что тексты писались либо во время курения,[36] либо в самый разгар какой-либо катастрофы. Я решила искать ключ к разгадке в самих текстах.

В интерпретации Фальшмахера, стихотворение номер 272(?) начинается так: «Я беса не видела этого — / Я ту не видела зьбу…», однако в таком случае смысл теряется полностью.[37]

При более тщательном анализе выяснилось, что на самом деле стихотворение следует читать:

Я беса не видела этого —
Я ту не видела бомбу —
Но видела сны о них —
Пока спала вечным Сном в гробу…

Данное прочтение наиболее аутентично, поскольку слова «зьбу» и «гробу» рифмуются,

---

Марпл; изд-во: «Покетбук пресс», 1993 г.

[32] Фактически это — стихотворение и фрагмент стихотворения, состоящий из одной строфы в четыре строки и части слова(*) из середины второй строфы.
(*) Или же полноценного слова (см. далее).

[33] См. *мою* диссертацию.

[34] Утверждение д-ра Бэнкс, что «бумага изготовлена в 1990-м, а сам текст написан тонким фломастером», абсолютно безосновательно(*).
(*) См. статью Иеремии Аввакума «О ложности радиоуглеродного способа датировки» в сборнике «Научный креационизм: приятно и полезно»; изд-во: «Голден сэндалс пресс», 1974 г.

[35] Манера письма Дикинсон рассматривается также в работе «Отход от канонов педагогики: влияние Эмили Дикинсон на учебно-методические пособия Гарольда Палмера», а также в статье «Слепни, смерды или скоты? Альтернативное прочтение произведений Эмили Дикинсон, посвященных Смерти», в которой утверждается, что стихотворение 712b («Я не спешила к Смерти…») на самом деле должно читаться «Я не мешала к Спирту…». Имеется в виду не совсем удачный вечер, проведенный в пабе.

[36] Если Дикинсон и курила, то разве что во время Позднего, или Откровенно пикантного, периода ее творчества.

[37] В некоторых произведениях Дикинсон он отсутствует изначально.

а рифма не свойственна творчеству Дикинсон. Поэтесса предпочитала рифму графическую, такую, как, например, «лес — утёс», «смелый — веселый» и проч., и проч.

Вторую строфу прочесть оказалось совершенно невозможно, поскольку именно она полностью уничтожена огнем. Сохранилась комбинация из четырех букв «улла».[38] Фальшмахер предполагал, что «улла» — это часть большего слова, например «булларий» (собрание папских булл),[39] «мулла» или же имени доктора Лемюэля Гулливера.[40]

Я, в свою очередь, моментально распознала в «улла» то самое слово, которое Г. Дж. Уэллс описывал как «непрерывное жалобное чередование двух нот[41] […] нечеловеческий плач», издаваемый умирающими марсианами.

«Улла» явно отсылает нас к марсианскому вторжению 1890 года, когда инопланетяне высадились в Англии, в Миссури и в Парижском университете.[42] Фрагмент стихотворения 272(?) вместе с 186B ясно свидетельствует, что пришельцы напали также и на Амхерст, где вступили в контакте Эмили Дикинсон.

На первый взгляд версия абсолютно неправдоподобная — учитывая как нравы марсиан, так и самой Эмили Дикинсон, которая при жизни слыла затворницей. Даже с соседями, приходившими к ней в дом, она общалась посредством записок.[43] Такому добровольному затворничеству находилось в свое время множество объяснений, включая брайтову болезнь, несчастную любовь, проблемы с глазами и кожей… Простейшую догадку высказал У.М. Ник: все прочие жители Амхерста страдали кретинизмом.[44]

Ничего из вышеперечисленного не дает основания полагать, что марсиане пришлись по душе Дикинсон больше, чем амхерстцы. Есть еще Одно затруднение: умерев в 1886 году, Дикинсон к моменту вторжения должна была порядком разложиться в могиле.

В плане исследования марсиане сами по себе также представляют проблему, поскольку вели себя достаточно шумно (в противовес затворничеству Дикинсон): едва приземлившись, тут же выказали агрессивное поведение по отношению к землянам и привлекли к себе внимание прессы. Нет ни одного документального доказательства пребывания инопланетян в Амхерсте, однако жители городка отметили в дневниках необычайно громкий шум, как при грозе.[45] Луиза Мэй Элкотт из соседнего Конкорда оставила в своем журнале такую запись: «Ночью пробудилась от сильного грохота, шедшего с запада. Переволновалась и больше

---

[38] А возможно, и «ушла» или «дела».

[39] Маловероятно, учитывая кальвинистское воспитание Дикинсон.

[40] Или вовсе названия австралийского города Улладулла. В своих стихах Дикинсон часто обращалась к образу Австралии. В связи с этим Вальс. Ир. Матильда выдвинула теорию о том, что «любовью всей жизни Дикинсон был вовсе не Хиггинсон и не Господь Бог, а Мел Гибсон». См. также проф. Крок. Данди, «Эмили Дикинсон. В устье реки»; изд-во: «Отшиб пресс», 1985 г.

[41] См. также Род Маккуен.

[42] В котором работал над докторской диссертацией Жюль Верн.

[43] В записках содержались очаровательные, зачастую загадочные послания типа: «О что там, что — Герань или Тюльпаны?» или «Ступайте прочь — и дверь Закройте за — Собой».

[44] См. «Редкие идиоты и полные кретины. Поэтические свидетельства отношения Эмили Дикинсон к соседям».

[45] Практически все жители Амхерста вели дневники, в которых довольно часто встречаются идентичные записи типа: «Так и знал(а), что она станет великой поэтессой» или «Ночью при полной луне видел(а), как эта ненормальная сажает горох».

уснуть не смогла. Надо бы поженить Джо и Лори. Взять на заметку: в следующем романе Эми умирает, и поделом — нечего жечь рукопись».

Существует косвенное свидетельство того, что Амхерст, который часто путают с Лейкхерстом, вдохновил Орсона Уэллса на создание радиопостановки «Война миров», где вторжение происходит в Нью-Джерси.[46] К тому же энное количество каменных надгробий оказалось повалено или сильно наклонено, из чего становится ясно: марсиане приземлялись не столько в самом Амхерсте, сколько на западном кладбище, недалеко от могилы Дикинсон.

Уэллс так описывает падение на Землю марсианского снаряда:[47] «Блеснул ослепительный зеленый свет […] затем последовал такой удар, какого я никогда не слыхал ни раньше, ни после». Он пишет, что земля «вдруг точно расплескалась», в образовавшейся воронке стали видны сточные трубы и фундаменты домов. Такой удар вполне мог вырыть из земли несколько гробов, а вспышка и грохот — поднять мертвых, включая почившую Дикинсон.

То, что она восприняла приход марсиан как вторжение на частную территорию, становится понятно из стихотворения 186B, первая строфа которого звучит так: «Едва почила я в гробу — Пришли они — непрошеные гости — Что в крышку гроба колотили — Ах, Гады — Господи, прости — Во прахе».[48]

За ответом на вопрос, почему же «непрошеные гости» не причинили Эмили Дикинсон никакого вреда[49] и как она сумела их победить, следует обратиться к Г. Дж. Уэллсу.

Сразу после приземления марсиане становились беззащитны из-за земной гравитации, которая выше марсианской, и оставались таковыми, пока не были построены их боевые машины. Угрозу для Дикинсон они представляли разве что в качестве посетителей.[50]

Во-вторых, тела марсиан представляли собой, судя по описанию Уэллса, в основном только голову. Они имели глаза, мясистый клюв, щупальца, а сзади на этих головах находилась «тугая перепонка […] соответствующая нашему уху». Согласно теории Уэллса, марсиане произошли «от существ, в общем похожих на нас, мозг и руки которых […] постепенно развились за счет остального организма».

В заключение Уэллс приходит к выводу, что при отсутствии чувств и уязвимого тела мозг, то есть мышление, приобретает эгоистичные и злобные характеристики и в конце концов отдает предпочтение занятиям математикой.[51] Однако воздействие творчества Дикинсон на марсиан показывает: их сверхразвитая кора головного мозга больше соответствует поэтическому типу. Серьезным контраргументом этой теории служит тот

---

[46] Неспособность отличить Орсона Уэллса от Г. Дж. Уэллса лишний раз говорит в пользу мнения Дикинсон о человечестве.

[47] Не того, который упал в самом начале и о котором известно всем, а того, который чуть было не раздавил самого Уэллса в середине книги. Об этом снаряде не знают, потому что к тому моменту все выключили радиоприемники и выбежали на улицу с криками: «Конец! Пришел конец! Напали марсиане!»

[48] См. «Звуки, ярость и лягушки. О плодотворном влиянии поэзии Эмили Дикинсон на творчество Уильяма Фолкнера», У. Сноупс; изд-во: «Йокнапатофа пресс», 1955 г.

[49] К тому времени она была абсолютно мертва, а потому марсиане если и нанесли ей увечья, то лишь минимальные.

[50] А этого она боялась больше всего. «Если паренек-посыльный от мясника войдет в дом, я непременно прыгну в кадку с мукой»(*), — писала Дикинсон в 1873 г.

(*) Если Дикинсон действительно поступала так при появлении гостей, это объясняет ее привычку ходить в белом.

[51] Особенно решению нелинейных дифференциальных уравнений.

факт, что пришельцы сжигали землян тепловыми лучами, высасывали у людей кровь, распыляли над городами облака ядовитого черного дыма… Но давайте рассмотрим поведение поэтов как данность: первая жена Шелли утопилась в пруду Серпантин, потому что Шелли ушел к девице, которая писала романы о чудовищах. Байрон — положительно о нем отзывались исключительно его собаки.[52] А уж Роберт Фрост…[53]

Теория поэтического характера мышления марсиан подкрепляется тем, что семь их снарядов упало на Великобританию, три — на Лейк-Дистрикт,[54] и ни одного — на Ливерпуль.

Эта же теория вполне объясняет, для чего они высадились в Амхерсте.

Марсиане не учли только двух вещей: характера Дикинсон и ее литературной техники. Это ясно[55] следует из 186B, вторая строфа которого выглядит так:

Просила просто я в письме
Вернуться поскорей —
Тех бесов в родное отечество —
Уважить мое одиночество.

«Просила просто я в письме» — явное преувеличение, однако Дикинсон совершенно точно посылала марсианам записку с определенным требованием, что очевидно из следующей строки: «В смятении и страхе [слишком неразборчиво написано] его они…».[56]

Дикинсон либо продекламировала требование вслух, либо швырнула послание в воронку, либо же сама спустилась в яму, вскрыла цилиндр марсиан и бросила записку внутрь, как ручную гранату.

Способ доставки послания, впрочем, не важен. Важно то, что марсиане потом, как говорится в следующей строке:

Бежали — очень — быстро…

Предвижу возражения, якобы в могиле Дикинсон не имела под рукой письменных принадлежностей, однако следует учитывать викторианскую моду: поэтессу похоронили в типичном белом одеянии, а все викторианские платья снабжались кармашками.[57]

Во время похорон Лавиния, сестра Дикинсон, вложила покойной в руки два гелиотропа, шепотом напутствуя родственницу вручить цветы Господу. Тогда же она тайком поместила в гроб карандаш и набор листочков-самоклеек (или же Дикинсон с ее привычкой писать и рассылать записки сама заблаговременно запаслась канцелярскими

---

[52] См. «О конструктивно-вдохновительном влиянии мастиффов на творчество лорда Байрона (на примере поэмы «Дон Жуан»)» Ч. Гарольда.

[53] Фрост, заядлый мизантроп, окружил свое жилище забором из колючей проволоки с дополнительными шипами наверху — см. «Починка стены», полное собрание сочинений, изд-во: «Рэндом хауз».

[54] См. «Диалектический подход к семиотическим приемам в произведениях Уильяма Уордсворта (на примере поэмы «Нарциссы»)», Н. Здравирас Судий; изд-во; «Постмодерн пресс», 1984 г.

[55] Если так можно сказать.

[56] Пропущенным словом могло быть «прочли», «прошли» или «прожгли».

[57] А также складками, оборками, жабо, кружевными манжетами и отделывались галуном(*).

(*) См. «Кармашки как важный элемент манифестации политических взглядов ранних феминисток викторианской эпохи посредством нарядов», Э. и К. Пэнкхерст; изд-во: «Амазонка пресс», 1978 г.

принадлежностями).[58]

В дополнение следует отметить, что исключительно серьезный подход к проблемам смерти[59] не чужд литературной поэтической традиции. Данте Габриель Россетти в приступе скорби по умершей Элизабет Россетти вплел листки со стихами в рыжие локоны возлюбленной — после того, как ее положили в гроб.[60]

Как бы то ни было, письменные принадлежности под рукой у Дикинсон оказались. Она нашла им быстрое и эффективное применение, написав несколько строф и отправив их марсианам. Те, ознакомившись с творчеством покойной, расстроились настолько, что вынуждены были прервать миссию и вернуться на Марс.

Выдвигалось множество версий относительно того, что погубило марсиан. Уэллс утверждал, что якобы вторжение остановили земные бактерии — они убили марсиан, приземлившихся в Англии. У пришельцев попросту не было иммунитета. Однако прошла бы не одна неделя, прежде чем зараза подкосила всех пришельцев, а потому причиной их поражения стала не дизентерия, а именно поэзия Дикинсон.

Спенсер предположил, что из-за неразборчивого почерка марсиане неверно прочли послание, приняв его за некий ультиматум. А. Деффис высказался иначе: по его мнению, марсиане, как ярые сторонники правильной пунктуации, пришли в дикий ужас от непомерного использования тире и бессистемного написания слов с заглавной буквы. В свою очередь, по утверждению Ю.-З. Лаббока, марсиан якобы возмутило то, что все стихи Дикинсон запросто ложатся на мелодию «Желтой розы Техаса».[61]

Наиболее логичной представляется версия о том, что марсиан до глубины души оскорбила графическая рифма, к которой все более или менее развитые цивилизации уже давно питают дикое отвращение. Особенно яркие, просто вопиющие примеры графической рифмы можно видеть в номере 186B: «отечество — одиночество» и «гости — прости». Боюсь даже предположить, что скрывает дыра, прожженная в листе стихотворения 272(?).

Теория о графической рифме, как причине поражения захватчиков, подтверждается свидетельством Уэллса об ущербе, причиненном Лондону, где, как известно, «правил» Теннисон, а также дневниковой записью Мюриель Аддлсон о приземлении пришельцев в районе городка Онг (штат Небраска):

> Мы как раз собрались на Еженедельную поэтическую встречу дам Онга, когда с улицы донесся ужасающий грохот; Генриетта Маддл в тот момент начинала декламировать «Я пью из жемчужных кружек…». Все подбежали к окну, но не увидели ничего, кроме пыли.[62] Генриетта продолжила декламацию, как вдруг послышался громкий вой и в небо устремился металлический предмет,

---

[58] Хороший писатель всегда имеет при себе карандаш и бумагу(*).
(*) Или ноутбук.

[59] См. «Посмертные поэмы» в «Литературных теориях, не выдерживающих критики» Г. Гудини.

[60] Спустя два года он, уже не столь убитый горем, решил, что лишних денег не бывает: выкопал гроб, вскрыл его и забрал стихи(*).
(*) Я же говорила: поэты — люди страшные.

[61] А вы попробуйте. Нет, серьезно: «Я-аааaа не спешила к Смерти, и вот Она за мно-ооой…». Убедились(*)?
(*) Не все стихи Дикинсон можно пропеть под мелодию «Желтой розы Техаса» [*].
[*] Произведения 2,18 и 1411 поются на мотив «Паучишки-паучка». Не зашифровано ли в выборе мелодий послание о неудачном приземлении марсиан в Техасе? См. «Ночь черепах» Говарда Уолдропа.

[62] Что в порядке вещей для Онга (и штата Небраска).

формой напоминающий сигару.[63]

Немаловажно, что читался стих 214, содержащий рифму[64] «огонь — алкоголь».[65] Таким образом Дикинсон избавила Амхерст от марсиан, а после, как она сама пишет в последних двух строках 186В, «опять легла под дерн сырой — Закрыв глаза — Ушла».

Она не объясняет, как именно записки со стихами с кладбища переместились под забор на заднем дворе ее дома, и нам этого не узнать наверняка,[66] равно как и была ли поэтесса безмерно храброй или же просто осталась верна себе — побрезговала обществом.

Без тени сомнения говорить можно лишь о том, что упомянутые стихотворения Дикинсон вкупе с рядом других[67] документально подтверждают марсианское нашествие на Амхерст. Стихи номер 186В и номер 272(?) следует отнести к Очень позднему, или Постжизненному, периоду творчества автора — не только с тем, чтобы придать им законный статус последних и наиболее важных, но еще и затем, чтобы символизм, заложенный в их названиях, проявился в полной мере. Правильная нумерация будет выглядеть следующим образом: 1775 и 1776 соответственно; тут ясно прослеживается отсылка Дикинсон к праздникам 4 июля[68] и второго Дня независимости (в честь изгнания[69] марсиан из Амхерста).

ПРИМЕЧАНИЕ: Прискорбно, что Уэллс не знал о смертельном эффекте, который поэзия Дикинсон оказывает на марсиан. Он мог бы вооружиться парой-тройкой стансов, подойти к краю воронки и продекламировать их над кораблем захватчиков, сэкономив тем самым массу времени, сил и жизней.[70]

---

[63] См. у Фрейда.

[64] Или пародию на нее.

[65] Версия с графической рифмой также объясняет, почему Дикинсон так болезненно реагировала на редакторскую правку. Она, как никто другой, знала, что судьба мира однажды будет зависеть от ее неумелой техники стихосложения.

[66] Интригующие версии высказываются в монографии «Оброненные записки Эмили Дикинсон как реакция отторжения экологических догматов, постулируемых Торо» П. Уолдена; изд-во: «Трансценденшиалистревю», 1990 г.

[67] «Ужасная река» из стихотворения 187 является очевидным упоминанием марсианского цилиндра. «Слепит глаза и режет свет» из 258, словно эхо, повторяет строки из уэллсовского отчета: «Блеснул ослепительный зеленый свет», а «мучение, / Ниспосланное с неба» описывает приземление инопланетного корабля. Подобные аллюзии говорят о том, что Дикинсон в общей сложности написала пятьдесят пять(*) стихотворений гораздо позднее, чем принято считать, и что вся хронология ее творений нуждается в пересмотре.

(*) Роковая цифра, поскольку Эмили Дикинсон умерла в возрасте пятидесяти пяти лет.

[68] Праздник, который Дикинсон не отмечала ввиду его общественной природы. Однако в 1881 году соседи видели, как поэтесса подожгла фитиль петарды на крыльце дома Мэйбл Додд, а затем убежала(*).

(*) Вероятно, поэтому жители Амхерста не обратили особого внимания на приземление марсиан: решили, что Эмили взялась за старое.

[69] Есть неопровержимое доказательство того, что марсиане, потерпев неудачу в Новой Англии, направились на Лонг-Айленд. Эта теория будет рассмотрена в моей следующей работе(*) «Зеленый свет в конце пирса у дома Дэйзи как свидетельство вторжения марсиан в романе Скотта Фицджеральда «Великий Гэтсби».

(*) Необходима для включения меня в профессорско-преподавательский состав.

[70] От переводчика:

ПРОЗРЕНИЕ

СЛУЧАЙНОСТЬ[71]

В среду к Элизабет заглянула соседка. Несмотря на сильный дождь, она явилась без плаща и зонтика и стояла под дверью, засунув руки в карманы длинной вязаной кофты.

— Привет, — выпалила она, переводя дыхание. — Я живу через двор от вас. Решила вот посмотреть, как вы тут устроились… — Соседка порылась в кармане и достала сложенный вдвое листок бумаги. — Это телефон фирмы, которая увозит у нас мусор — ваш муж спрашивал на днях.

Она протянула листочек.

— Спасибо, — кивнула Элизабет. Девушка напомнила ей Тиб: зачесанные назад короткие светлые волосы соседки топорщились над ушами — в начале их знакомства Тиб носила точно такую же прическу.

— Жуткая погода, правда? — дернула плечами девушка. — Обычно у нас осенью не бывает столько дождя…

Той осенью, когда Элизабет училась на первом курсе, дождь шел целыми днями.

«Где твой плащ?» — поинтересовалась Тиб, как только Элизабет распаковала одежду и развесила ее по комнате. Тиб принадлежала к тем хорошеньким миниатюрным девушкам, у которых всегда куча парней и которые умеют правильно выбрать одежду на любой случай жизни. А вот Элизабет не знала, что взять с собой в колледж… В брошюрах, которые рассылали новичкам, говорилось, что в классе положено носить юбку и свитер, а для официальных случаев надо прихватить костюм, но плащ там даже не упоминался. «А мне понадобится плащ?» — неуверенно спросила Элизабет. «Ну, вообще-то, если ты еще не заметила, на улице льет дождь», — ухмыльнулась Тиб.

— Я надеялась, что дождь быстро кончится, но ничего подобного… И холод собачий вдобавок! — Соседка поежилась в своей промокшей кофте.

— Сейчас я прибавлю отопление, — торопливо сказала Элизабет.

— Нет-нет, я уже ухожу! Вы ведь распаковываетесь… Жаль, что вам пришлось переезжать в такой ливень — обычно у нас осенью чудесная погода! — Соседка улыбнулась. — Впрочем, о чем это я? Ваш муж сказал, вы тут учились — в университете, да?

— Тогда это был не университет, а государственный колледж.

— Точно! Наверняка тут все сильно изменилось?

Элизабет взглянула на термостат. Он показывал двадцать градусов, но в доме было явно холоднее. Элизабет увеличила температуру до двадцати пяти.

— Нет, — помотала головой Элизабет. — Здесь все по-старому.

— Слушайте, мне надо бежать, — заторопилась соседка. — Да и у вас, наверное, куча дел! Я забежала только поздороваться. И еще пригласить вас сегодня в гости, на вечеринку «Таппервер».

«Вечеринка «Таппервер»», — грустно подумала Элизабет. Неудивительно, что девушка напомнила ей Тиб…

— Конечно, приходить не обязательно, но если придете, никто не заставит вас что-то

---

a. «Душа найдет родную душу…», 13-е стихотворение Э. Дикинсон (пер. А. Кудрявиикого).

b. «Я не спешила к Смерти…», 712-е стихотворение Э. Дикинсон (пер. А. Кудрявиикого).

c. Здесь и далее цитаты из романа Г. Дж. Уэллса «Война миров» даны в переводе М. Зенкевича.

d. «Я пью из жемчужных кружек…», 214-е стихотворение Э. Дикинсон (пер. В. Марковой и И. Лихачева).

71 Chance © Перевод. Л. Миронычева, 2010

покупать! Народу будет немного, всего лишь несколько приятельниц… Познакомились бы с соседями. Я устраиваю эту вечеринку только потому, что моя подруга занялась распространением «Таппервер»… — Она замолчала и, скрестив руки на груди, с тревогой посмотрела на хозяйку.

— Один из моих друзей продавал «Таппервер», — отрешенно сказала Элизабет.

— А-а! Так у вас, наверное, горы этого барахла!

Из газового котла раздался душераздирающий свист.

— Нет, — покачала головой Элизабет. — Ничего не сохранилось.

— Пожалуйста, приходите! — Девушка уже спускалась по ступенькам. — Не надо ничего покупать, просто пообщаетесь с людьми!

Дождь лил все сильнее и сильнее. Соседка бросилась через лужайку к своему дому, обхватив плечи руками и низко наклонив голову.

Элизабет вернулась в гостиную и набрала рабочий номер Пола.

— Надеюсь, у тебя что-то важное? — буркнул Пол. — Я сегодня обедаю с доктором Брубейкером из приемной комиссии, и еще куча дел!

— Соседка пригласила меня на вечеринку «Таппервер», — сообщила Элизабет. — Я ничего не ответила, потому что не знала, какие у тебя планы на вечер…

— Вечеринка «Таппервер»?! Не могу поверить, что ты отвлекаешь меня из-за такой ерунды! Ты же знаешь, как сильно я занят! Кстати, ты отнесла резюме в Картер-холл?

— Как раз иду туда. Я собиралась утром, но…

— Доктор Брубейкер уже здесь, — сказал Пол и повесил трубку.

Элизабет еще минутку постояла над телефоном, размышляя о Тиб, а потом надела плащ и отправилась в старый кампус.

«Там все точно так же, как тогда, когда мы были на первом курсе, — сказала Тиб, узнав о новой должности Пола. — Я ездила туда прошлым летом, чтобы взять в архиве кое-какие документы, и просто глазам не поверила. Шел дождь, и на мокрых дорожках ползали те же самые черви, честное слово! Помнишь желтый дождевик, который ты купила той осенью?»

Тиб позвонила Элизабет из Денвера, когда они с Полом поехали смотреть дом. «Я прочитала в университетской газете, что Пола назначили заместителем декана, — сказала она таким тоном, словно между ними ничего не случилось. — В статье ничего не говорилось о тебе, но я решила на всякий случай позвонить — вдруг вы все еще женаты? Лично я уже свободная женщина!»

Тиб предложила встретиться в кафе на Латимер-сквер. Она заказала Персиковый «дайкири», а потом поведала Элизабет о своем разводе. «Выяснилось, что Джим трахает одну потаскушку в офисе, — сказала она, крутя в руках выловленную из коктейля веточку мяты, — и я не смогла с этим смириться. А он даже не понял причины моего расстройства. «Ну, подурачился немного, подумаешь! Все так делают! Пора уж тебе и повзрослеть!..» Сама виновата, конечно, что вышла за такого подонка, но никто ведь не хочет специально сломать свою жизнь, правда?» — «Правда, — согласилась Элизабет. — «Взять вас с Полом, например…»

Тиб говорила слишком быстро, прежде Элизабет не замечала за ней такой привычки. Дрогнувшим голосом подруга подозвала официанта, заказать еще один «дайкири». «Я была уверена, что ваш брак долго не протянется — и что же? Сколько вы женаты, лет пятнадцать?» — поинтересовалась она. «Семнадцать», — ответила Элизабет. «Знаешь, я так надеялась, что вы с Таппером помиритесь. Интересно, что с ним сталось?»

Официант принес коктейль и забрал пустой бокал. Тиб выхватила листок мяты и аккуратно положила его на скатерть. «Впрочем, забавно и то, что сталось с нами…» — прибавила она.

На самом деле кампус конечно же изменился. К Фрейзер-холлу пристроили новое крыло и вырубили большинство вязов по соседству. Собственно говоря, это уже не был студенческий городок в полном смысле слова; настоящий кампус теперь располагался к северо-западу отсюда, там, где достаточно места для новых учебных зданий и многоэтажных

общежитий. Музыкальный факультет, правда, все еще размещался в Фрейзер-холле, а физкультурный по-прежнему использовал старый спортзал в Гантер-холле, но большинство учебных корпусов и общежития на юге студенческого городка превратили в офисы. В здании библиотеки теперь помещалась администрация, а в Кепнер-холле — управление университетского жилищного хозяйства. Но под дождем кампус выглядел по-старому.

С деревьев уже начали облетать листья, а главная аллея была вся мокрая и покрыта дождевыми червями. Элизабет ступала осторожно, глядя под ноги и стараясь никого не раздавить. Тогда, на первом курсе, она и вовсе отказывалась ходить по тротуару, даже испортила две пары туфель, шагая в учебный корпус по газону.

«Эй, сумасбродка! — кричала Тиб, пытаясь ее догнать. — В траве ведь тоже полно червяков!» — «Знаю, но я их там не вижу».

Если поблизости не было газона, Элизабет шла по дороге. Именно так они и познакомились с Таппером — он едва не врезался в них на велосипеде. Резко свернув прямо в лужу, Таппер обрызгал их с ног до головы и свалился на асфальт. В тот вечер на Тиб была летная форма учебного корпуса «Ангелов» (как всегда по пятницам), и, едва придя в себя, Таппер воскликнул: «Ох! Да она из полиции!»

Тиб и Элизабет помогли ему собрать пластиковые коробки, рассыпавшиеся по всей дороге. «Что это?» — спросила Тиб, наклонившись, насколько это было возможно в ее узкой голубой юбке и туфлях на высоких каблуках. «Таппервер» — пояснил парень. — Последнее достижение науки и техники! Вам, девушки, случайно не нужен контейнер для салата? В нем прекрасно хранятся черви!»

Картер-холл снаружи выглядел так же, как раньше, — уродливое бежевое здание из камня и стеклоблоков. Прежде здесь располагался студенческий клуб, а сейчас — отдел кадров. Внутри все переделали; Элизабет вряд ли нашла бы помещение, где раньше был кафетерий.

— Анкету можно заполнить прямо здесь, — сказала девушка, протянув Элизабет бланк и ручку.

Элизабет повесила плащ на спинку стула и села рядом с окном. Несмотря на то что стекло запотело, она ежилась от холода.

Все вместе они отправились в студенческий клуб и заказали пиццу. Элизабет бросила свой желтый дождевик на перегородку кабинки; Таппер притворно выжал свою джинсовую куртку, а потом натянул ее на батарею. Окно в их кабинке так сильно запотело, что сквозь него вообще ничего не просматривалось. Тиб пальцем вывела на стекле: «Я ненавижу дождь», а Таппер рассказал им, что продает «Таппервер», чтобы платить за обучение.

«Вот в этой штуке отлично хранится выпечка! — Он выудил из сумки большой розовый контейнер, положил внутрь кусок пиццы, а потом показал, как выдавить из емкости лишний воздух. — Так она несколько недель может храниться. Да что там недель — несколько лет! Разве вам, девчонки, не пригодится такая ценная вещь? Спорю, мамы без конца заваливают вас домашними булочками!»

Высокий и тощий, Таппер учился на втором курсе. Он напялил непросохшую джинсовую куртку. «Рукава коротковаты», — подумала Элизабет. Большую часть вечера Таппер болтал с Тиб, так как они сидели рядом, а Элизабет — напротив. Оплатив счет, Таппер наклонился и шепнул что-то Тиб на ухо. «Разумеется, позвал ее на свидание», — решила Элизабет, но по дороге домой подруга сказала: «А знаешь, чего он хотел? Твой телефон!»

Элизабет встала, надела пальто и вернула девушке ручку.

— Лучше я заполню это дома, — сказала она.

— Разумеется, — кивнула девушка.

Когда Элизабет вышла на улицу, дождь уже закончился. Большие капли срывались с веток деревьев и шлепались на землю. Элизабет шагала по широкой дорожке к своему бывшему общежитию (теперь в этом здании располагалась университетская поликлиника), пристально глядя под ноги, чтобы ненароком не раздавить червяка. Она остановилась и

минутку постояла под окном той комнаты, где когда-то жила вместе с Тиб.

Таппер бросал в окно мелкие камушки. Тиб раскрыла створки и рявкнула: «Эй, прекрати швыряться камнями, а то… — Что-то ударило ей в грудь. — Ой, Таппер, это ты? Привет. — Она подняла пластиковую штуку с пола и протянула ее Элизабет. — Вот, держи». Это был не камушек, а одно из тех замысловатых приспособлений, которые Таппер раздавал в качестве сувениров на рекламных вечеринках «Таппервер».

«Что это?» — спросила Элизабет, высунувшись из окна с загадочным предметом в руках.

Шел дождь. Таппер поднял воротник куртки и стучал зубами от холода. Вокруг него на земле валялись розовые пластиковые штуковины. «Подарок. Разделитель яиц». — «У меня нет яиц». «Тогда повесь его на шею, и мы будем официально повенчаны — как белок и желток в яичнице». «Или официально разделены», — усмехнулась Элизабет.

Таппер драматически прижал руку к груди: «Никогда! Кстати, хочешь прогуляться со мной по червячным дорожкам? У меня еще несколько доставок». Он держал в руках прозрачные сумки, полные мисок и контейнеров для круп. «Сейчас», — кивнула Элизабет.

Однако прежде чем спуститься, она нашла ленточку и повесила на нее разделитель яиц.

Элизабет посмотрела под ноги, но на мокром цементе не валялось ни одного пластикового лоточка. На обочине расползлась огромная лужа, и на краю ее лежал дождевой червь. Он слегка пошевелился — Элизабет всегда с отвращением наблюдала эти извивающиеся движения беспозвоночного существа — и замер.

Мимо Элизабет быстрым шагом прошла девушка, ступила одной ногой в лужу, и Элизабет поспешно отскочила назад. Вода из лужи выплеснулась на дорогу и смыла червяка в водосточную канаву.

Элизабет подняла голову. Возможно, девушка опаздывала на лекции, или сердилась на кого-то, или все вместе. На ней была форма летного корпуса «Ангелов» и туфли на высоком каблуке, а из-под пилотки топорщились короткие светлые волосы.

Элизабет ступила с обочины дороги на мостовую. В воде на дне сточной канавы плавали опавшие листья, а в глубине шевелился червяк. Элизабет присела на корточки, держа в правой руке незаполненный бланк. Червяк, наверное, утонет. По крайней мере, так утверждал Таппер. Вода заливает их тоннели во время дождя, именно поэтому они и выползают на поверхность — чтобы не захлебнуться.

Элизабет встала и оглянулась. Девушка окончательно исчезла из вида, а больше никого поблизости не было. Элизабет склонилась над канавой, переложила бланк резюме в левую руку и, сложив правую руку горсточкой, выловила из ледяной воды червяка. Если червяк не будет шевелиться, она, возможно, справится с этим испытанием… Но как только пальцы коснулись мягкой розовой плоти, Элизабет с отвращением бросила червяка на землю и сжала руку в кулак.

«Я не могу», — подумала Элизабет, с остервенением вытирая мокрую руку о плащ, словно пытаясь стереть саму память о неприятном прикосновении. Она взяла бланк в обе руки и, сложив его ковшиком, опустила в воду. Бумага тут же размякла, но Элизабет все же подцепила червяка среди грязных, мокрых листьев и вытащила на обочину.

Червяк не двигался.

«Хорошо, что они выбираются на поверхность! — воскликнул Таппер, провожая ее домой после того, как они покончили с доставкой «Таппервера» — Думаешь, червяки противные? А представь, что было бы, если бы они не выползали наверх? Если бы они остались в своих норах, то непременно бы захлебнулись! Тебе никогда не приходилось делать искусственное дыхание дождевому червю?»

Элизабет выпрямилась. Бланк резюме был мокрым и грязным. Там, где лежал червяк, осталось коричневое пятно, а вдоль верхней кромки тянулась грязная полоса. Нужно выбросить бланк и вернуться в Картер-холл за новым. Элизабет развернула листочки и разделила их, чтобы странички не склеились, когда высохнут.

«В прошлом семестре на курсе первой помощи нас учили делать искусственное

дыхание, — заявил Таппер, стоя на дороге под окнами общежития. — Чудная была группа! Я продал там двадцать два контейнера — под аптечки. А ты умеешь делать искусственное дыхание?» «Нет», — покачала головой Элизабет. «Это легко». — Таппер положил ладонь ей на шею и поцеловал в губы. Прямо на середине дороги, под проливным дождем.

Червяк по-прежнему не двигался. Элизабет еще немного постояла, дрожа от холода и пристально глядя на крохотное застывшее тельце, а потом развернулась и пошла по середине дороги к дому.

* * *

Пол вернулся с работы после семи. Чтобы ужин не остыл, Элизабет весь вечер держала кастрюльку в духовке.

— Я уже поел, — сказал Пол. — Думал, ты ушла на вечеринку «Таппервер».

— Не было настроения. — Элизабет достала кастрюльку из духовки. Холода сегодня не чувствовалось.

— Жена Брубейкера собиралась пойти, и я сказал, что ты тоже идешь. Хорошо бы, если б вы познакомились — Брубейкер чертовски влиятелен, особенно при распределении должностей.

Элизабет поставила кастрюлю на плиту и остановилась у полуоткрытой духовки.

— Я ходила сегодня заявление подавать, — сообщила она, — и увидела на дороге червяка. Представь себе, он упал в сточную канаву и начал тонуть, так что я вытащила его на обочину…

— А заявление ты подала, или собираешься зарабатывать на жизнь спасением дождевых червей?

Когда Элизабет вернулась домой, то включила отопление и попыталась высушить бланк анкеты на вентиляционной решетке. Листочки сморщились, а в том месте, где лежал червяк, осталось большое грязное пятно.

— Нет. Я собиралась, но потом увидела на обочине дороги червяка. Мимо шла девушка, она ступила в лужу и… Червяк лежал на самом краю, и, когда девушка шагнула в лужу, оттуда выплеснулась вода, понимаешь? И червяка смыло в водосточную канаву. А девушка даже и не заметила, что натворила…

— Послушай, в твоем рассказе есть хоть какой-нибудь смысл? Или ты намерена стоять тут и болтать до тех пор, пока окончательно не разрушишь мою карьеру? — Пол захлопнул духовку и пошел в гостиную.

Элизабет последовала за ним.

— Кто-то ступил в лужу, и этого оказалось достаточно, чтобы изменить целую жизнь. Разве не поразительно? Один маленький поступок переворачивает всю твою судьбу…

— Я думаю вот что: ты с самого начала не хотела сюда переезжать и продолжаешь вставлять мне палки в колеса! Этот переезд дорого нам обошелся, а ты, похоже, не торопишься найти работу. Ты же знаешь, как важно для меня получить постоянную должность, но совсем не хочешь помочь. Даже на эту чертову рекламную вечеринку не собираешься! — Пол с яростью переключил термостат. — Такая жара — двадцать пять градусов! Что с тобой последнее время происходит?

— Мне холодно, — сказала Элизабет.

Она пришла на вечеринку последней. Гости играли в игру, где надо называть свое имя и то, что ты любишь — на ту же букву.

— Меня зовут Сэнди, — говорила полная женщина в коричневых брюках из полиэстра и блузке с мелким рисунком, — и я люблю сливочное мороженое. — Женщина ткнула пальцем в соседку Элизабет. — Ваше имя — Мэг, и вы любите мармелад. А вы — Джанис, — обратилась она к даме в розовом костюме, волосы которой были начесаны и залиты лаком, как было модно во времена юности Элизабет. — Вы Джанис, и вы проповедуете добродетель. — Выпалив это, женщина быстро повернулась к следующей

гостье. — А вас зовут Барбара, и вы обожаете бананы.

Пройдя полный круг, Сэнди пару секунд озадаченно разглядывала Элизабет.

— А вы Элизабет. Вы учились в здешнем колледже?

— Да, — кивнула Элизабет.

— «Колледж» не начинается на «э», — возразила дама, сидящая в центре стола.

Все засмеялись.

— Я Терри, и я люблю «Таппервер» — продолжила женщина, вызвав новую волну смеха. — Раз уж вы опоздали, встаньте и скажите, пожалуйста, как вас зовут, и что вы любите.

— Я Элизабет, — сказала Элизабет, все еще глядя на женщину в коричневых брюках и изо всех сил пытаясь ее вспомнить. Сэнди, гм… — Я люблю…

— Эклеры! — громко прошептала Сэнди.

— И я люблю эклеры, — послушно повторила Элизабет и села.

— Чудесно. Все уже получили подарки, теперь ваш черед. — Терри протянула Элизабет розовый пластиковый разделитель яиц.

— Кое-кто уже дарил мне такой, — сказала Элизабет задумчиво.

— Понятно. — Терри взяла в руки неглубокий пластиковый лоток, полный держателей для зубных щеток и ножей для грейпфрута. — Тогда выбирайте, что угодно.

— Нет-нет, я оставлю это.

Элизабет чувствовала, что должна сказать что-нибудь добродушно-смешное, но не могла придумать ничего, кроме той фразы, что сказала тогда Тапперу: «Я сохраню это навеки!»

Не прошло и месяца, как его подарок оказался на помойке.

— Я сохраню это навеки, — произнесла Элизабет вслух, и все засмеялись.

Потом они играли в другую игру — составляли из наборов букв слова типа «осень», «школа», «лист» и т. п. Наконец Терри раздала им бланки заказов и карандаши и продемонстрировала «Таппервер».

В доме, несмотря на камин, было холодно. Элизабет заполнила свой бланк и придвинулась поближе к огню, рассеянно разглядывая разделитель яиц. Подошла женщина в коричневых брюках с кофейной чашкой в руке. В другой руке она держала шоколадное пирожное на салфетке.

— Здравствуйте, я Сэнди Конкел. Вы меня не помните? Я жила в «Альфа-Фи», поселилась там на год позже вас.

Элизабет смотрела на нее и лихорадочно перебирала в памяти прежних знакомых, но по виду Сэнди вообще нельзя было предположить, что она имеет какое-нибудь отношение к «Альфа-Фи». Похоже, свои горчичного цвета волосы она стригла сама.

— Прошу прощения… — пробормотала Элизабет.

— Все нормально. — Сэнди села рядом. — Я очень изменилась: растолстела, как начала ходить на все эти рекламные вечеринки с шоколадными пирожными. И волосы у меня были намного светлее… То есть, по правде говоря, они были такого же цвета, хотя казались светлее — понимаете, о чем я? А вы все такая же, как в юности. Вы ведь Элизабет Уилсон, не так Ли?

Элизабет кивнула.

— У меня не больно хорошая память на имена, — весело призналась Сэнди, — но недавно меня назначили председателем Ассоциации выпускников. Кстати, завтра к вам можно зайти? Мне нужна информация о том, чем вы занимаетесь, за кем замужем и все такое… Ваш муж тоже здесь учился?

— Нет. — Элизабет протянула руки к огню, пытаясь согреться. — А в колледже все еще действует летный корпус «Ангелов»?

— В университете, хотите сказать? — Сэнди расплылась в улыбке. — Гм, даже и не знаю… В шестьдесят восьмом они свернули программу, но, возможно, позже снова открыли… Не слышала, честно говоря… узнаю. А вы были в подразделении «Ангелов»?

— Нет.

— По-моему, программа сейчас не действует. По осени всегда проводили большой танцевальный вечер, а я давненько ни о чем подобном не слыхала… Как это называлось, осенний бал?

— Праздник урожая, — отрешенно сказала Элизабет.

В четверг утром Элизабет отправилась в университетский городок за новым бланком анкеты, Пол ушел на работу с опозданием.

— Ты говорила с женой Брубейкера? — спросил он в дверях.

Элизабет напрочь забыла о том, что собиралась познакомиться с миссис Брубейкер. Интересно, была это Барбара, которая обожает бананы, или Мэг, любительница мармелада?

— Да, — кивнула она. — Я сказала ей, как сильно тебе нравится университет.

— Хорошо. Кстати, сегодня на факультете будет концерт, и Брубейкер спросил, идем ли мы. Я пригласил его с женой после концерта к нам на кофе. Ты снова прибавила отопление? — Пол взглянул на термостат и уменьшил температуру до шестнадцати градусов. — Двадцать восемь! Представляю себе счет за газ!.. Знаешь, Элизабет, последнее, что мне сейчас нужно — платить ежемесячно двести долларов за отопление. Ты хоть соображаешь, сколько мы уже потратили на переезд?

— Да, — кивнула Элизабет. — Соображаю.

Как только Пол ушел, она увеличила температуру, однако теплее не стало. Элизабет натянула свитер, набросила плащ и отправилась в студенческий городок.

Дождь за ночь прекратился, но центральная дорога все еще не высохла. Идущая впереди девушка в желтом дождевике сошла с дороги на обочину. Девушка сделала несколько шагов, низко опустив голову, словно рассматривала что-то под ногами, а потом пошагала к Гантер-холлу прямо по мокрой лужайке, наперерез.

Элизабет вошла в Картер-холл. Девушка, которая помогала ей вчера, стояла, облокотившись на стойку, и выписывала что-то из учебника. Она была одета в плиссированную юбку и свитер — точно такую же одежду носила в колледже Элизабет.

«Мода нашей юности возвращается, — сказала Тиб за обедом. — Все эти гармонирующие по цвету свитера и юбки, и туфли на плоской подошве, которые вечно с ног спадали — ужасный фасон! И мокасины, как их там, «пенни лоуфер»… — Тиб поглощала уже третий «дайкири», и ее голос звучал все тише и тише, так что она постепенно начинала походить на себя прежнюю. — А платья для коктейля! Помнишь то оранжевое, с глубоким декольте и рельефным рисунком на юбке? Как я его обожала, боже мой! Ты еще мне его одолжила для бала «Ангелов»?» «Помню». — Элизабет посмотрела на счет.

Тиб попыталась размешать «дайкири» веточкой мяты, но та выскользнула у нее из пальцев и опустилась на дно бокала. «Он пошел со мной только потому, что хотел помочь…» «Я знаю, — отозвалась Элизабет. — Сколько с меня? Шесть пятьдесят за блинчики и два сорок за напиток? Ты не в курсе, они тут включают в счет чаевые?»

— Мне нужна анкета, — сказала Элизабет девушке.

— Да, конечно. — Девушка пошла к шкафу с документами. На ногах у нее были туфли на плоской подошве, очень похожие на те, что Элизабет носила в колледже. Она поблагодарила девушку и убрала листочки в сумочку.

Элизабет возвращалась домой мимо бывшего общежития; червяк лежал на том же самом месте. Земля вокруг него подсохла, и червяк на ее фоне казался каким-то неестественно темным, почти красно-коричневым. «Надо было положить его на траву», — сказала Элизабет. Она знала, что червяк мертв, но все равно взяла его в руки и положила на газон, чтобы на него случайно не наступили. На ощупь червяк был холодным, как лед.

Днем пришла Сэнди Конкел, в сером брючном костюме из полиэстра, держа над головой спортивную куртку.

— Куртку мне Джон одолжил, — сообщила Сэнди. — Плащ не хотелось надевать, но

Джон сказал, что я промокну. Ну я и промокла, разумеется.

— Лучше набросьте на себя куртку, — сказала Элизабет. — Прошу прощения, у нас почему-то очень холодно. Боюсь, с отоплением что-то неладно…

— Все нормально, не волнуйтесь. Знаете, это ведь я писала статью о назначении вашего мужа заместителем декана; но когда мы беседовали, он и словом не обмолвился, что вы учились в нашем колледже.

В руках Сэнди держала толстую записную книжку с большим количеством закладок и разделителей.

— Давайте-ка сначала покончим с делами, а потом спокойно поболтаем. Ох, ну и доставила же мне хлопот эта работка! Хотя было очень любопытно узнать, у кого как жизнь сложилась. Давайте-ка посмотрим… — Палец Сэнди заскользил по закладкам. — «Найдены», «связь утрачена», «связь безнадежно утрачена», «умерли»… Думаю, вас отнесли к «безнадежно утраченным». Ага, вот! — Сэкди вытащила из сумки карандаш. — Вас раньше звали Элизабет Уилсон, верно?

— Да, — подтвердила Элизабет.

Она уже сменила легкий трикотажный свитер на толстый шерстяной, но все равно клацала зубами от холода и потирала плечи.

— Выпьете кофе? — предложила она Сэнди.

— С удовольствием!

Сэнди последовала за Элизабет на кухню. Она расспрашивала о Поле, его работе и о том, есть ли у них дети, а Элизабет в это время заварила кофе, выставила на стол сахар, сливки и блюдо с печеньем, испеченным к визиту Брубейкеров.

— Я буду называть «безнадежно утраченных», а вы останавливайте меня, если что-то о ком-то знаете, — сказала Сэнди. — Каролин Во, Пэм Каллисон, Линда Болендер…

Она успела добраться чуть ли не до конца списка, прежде чем Элизабет сообразила, что Шерил Тибнер — это на самом деле Тиб.

— Я встречалась с Тиб летом, в Денвере. Фамилия ее мужа Скейтс, но сейчас Тиб как раз оформляет развод и, возможно, снова возьмет девичью фамилию…

— Чем она занимается? — спросила Сэнди. «Слишком много пьет, — подумала Элизабет, — и волосы отрастила, и еще очень похудела».

— Работает на фондовой бирже, — произнесла она вслух и отправилась искать адрес Тиб.

Сэнди записала адрес, потом отметила что-то в колонке под названием «найдены».

— Еще кофе, миссис Конкел? — любезно предложила Элизабет.

— Вы так меня и не вспомнили? — Сэнди сняла жакет. Под ним оказалась серая кофточка с короткими рукавами. — Моей соседкой по комнате была Карен Замора. А я — Сондра Дикенсон.

Сондра Дикенсон. Блондинка со стрижкой «каре», в белоснежном кашемировом свитере и плиссированной юбке. Она еще носила черные лодочки и нитку жемчуга.

Сэнди добродушно фыркнула:

— Видели бы вы выражение своего лица! Вспомнили теперь?

— Прошу прощения… Я не хотела… То есть я…

— Ничего, ничего! — Сэнди глотнула кофе. — По крайней мере, вы не говорите, как Джанис Брубейкер: «Как это вы докатились до такого состояния?». — Сэнди положила в рот кусочек печенья. — А знаете, что приключилось с Сондрой Дикенсон? Забавная, между прочим, история!

— Что же с ней приключилось? — Элизабет внезапно почувствовала, что совсем продрогла. Она налила себе еще кофе и обхватила чашку руками.

Сэнди дожевала печенье и принялась за следующее.

— Ну, если помните, я тогда была порядочным снобом, посматривала на всех свысока и все такое. Однажды я отправились на танцы в «Сигма-Пси» с Чаком Пегано — припоминаете такого? Ладно, не важно! Короче, мы ехали по какой-то глухомани, и вдруг он

остановил машину и начал меня лапать. Всю прическу испортил, и макияж вдобавок! Я взбесилась, выскочила из машины, а он взял да и укатил! И осталась я торчать у черта на куличках, в вечернем платье и туфлях на каблуках, и даже без сумки — забыла прихватить ее с собой из машины… Начало темнеть, но Сонара Дикенсон — она ведь такая фифа, ей и в голову не придет вернуться в го-род, или поискать телефон, или еще что! И вот стоит она, как дурочка, в парчовом платье с приколотой на груди орхидеей и атласных бальных туфельках и думает: «Этот мерзавец не посмеет бросить меня здесь! Кем он себя считает, черт побери?»

Сэнди говорила о себе в третьем лице, как о постороннем человеке. Впрочем, она и правда была тогда другим человеком — белокурая девочка с прической «под пажа» и в шикарном платье, похожем на то, что Элизабет одолжила Тиб для праздничного бала (лиф из атласа и парчовая юбка-колокол). После танцев Элизабет отдала платье в Армию спасения.

— Ну и что, вернулся Чак? — поинтересовалась Элизабет.

— Да. — Сэнди На секундочку сморщила брови, а потом широко улыбнулась. — Хотя недостаточно быстро… В общем, представьте себе, на улице почти стемнело, и тут появляется грузовик с выключенными фарами. Из окна высовывается здоровый детина и спрашивает: «Эй, малышка, подбросить тебя до города?» Выглядел он ужасно — патлатые волосы, грязь под ногтями… Вытер ладонь об рубашку и помог мне забраться в кабину, да так, что едва руку мне не вывихнул. «Я уж думал, придется выходить из машины и подталкивать тебя сзади! Твое счастье, что я туг оказался. Шину вот проколол, а иначе давно бы был дома. Я особо по темноте не шатаюсь, фары у меня разбиты…»

А ведь она счастлива, неожиданно подумала Элизабет и подняла руку над паром, чтобы хоть немного согреться.

— Парень отвез меня домой, а через неделю нарисовался в общежитии и пригласил меня на свидание. Я так оторопела от этой наглости, что неожиданно согласилась, а потом вышла за него замуж, и сейчас у нас четверо детишек!

В котле что-то фыркнуло, и из вентиляционного отверстия вышла волна холодного воздуха.

— И вы пошли с ним на свидание? — зачем-то переспросила Элизабет.

— Трудно поверить, да? Ведь в этом возрасте мы думаем только о себе и считаем себя бесценными и неповторимыми. Так боимся, что нас осмеют или обидят, что просто никого вокруг не замечаем!.. Когда соседка сказала, что парень ждет меня внизу, я с ужасом подумала: «Боже, да он, должно быть, выглядит не лучше пугала огородного! Небось, стоит там с зализанными назад волосами и чистит ногти перочинным ножом! Позорище! Что обо мне скажут?!» Я чуть не попросила подругу сказать ему, что меня нет…

— А если бы вы и правда это сделали?

— Что ж, тогда я по-прежнему была бы Сондрой Дикенсон. Судьба страшнее смерти…

— Судьба страшнее смерти… — тихо повторила Элизабет.

Сэнди, похоже, даже не услышала. Она продолжала рассказывать о своей жизни — наверное, в сотый раз повторяя одно и то же. Неудивительно, что Сэнди нравится должность председателя Ассоциации выпускников!

— Моя соседка по комнате, помню, возмутилась: «Ну и нахал! Что вообразил себе этот шоферюга?! Явился сюда, да еще и надеется затащить тебя на свидание!..» Я вдруг представила, как над ним потешаются, а он сидит там совсем один и насмешки глотает. Так что я послала подругу к черту и пошла вниз, вот так все и случилось…

Сэнди подняла голову и взглянула на часы.

— Господи, неужели так поздно? Мне же скоро за детьми ехать! — И она опять схватила свой блокнот. — Как насчет Даллас Тиндалл, Мэй Матсумото, Ральфа де Арвилля?

Элизабет покачала головой, а потом спросила:

— Скажите, а у вас в списке есть Таппер Хофуолт?

— Хофуолт… — Сэнди зашелестела страничками. — Таппер — это его настоящее имя?

— Нет, Филипп. Все звали его Таппером, потому что он продавал «Таппервер».

Сэнди подняла голову.

— А, помню. Он устраивал у нас в общежитии рекламную вечеринку «Таппервер», когда я была на первом курсе…

И она начала водить пальцем по колонке «найдены».

Таппер уговорил их с Тиб участвовать в вечеринке. «Как помощницы организатора вы получите скидку на аппарат для приготовления попкорна. Делать ничего особенного не потребуется, просто притащите печенье и прохладительные напитки. Вам же из дому частенько шлют печенье?»

Вечеринка проходила в холле общежития. Таппер прикрепил всем на спины таблички с именами известных людей, и они должны были задавать вопросы, чтобы угадать «свое» имя.

Элизабет была Твигги.

«Я девушка?» — спросила она Тиб.

«Да».

«Я хорошенькая?»

«Да», — быстро сказал Таппер.

Элизабет отгадала свое имя и пошла к кофей ному столику, на котором Таппер выстраивал пластиковые миски. «Ты действительно считаешь Твигги хорошенькой?» — спросила она. — «А кто говорил про Твигги? Слушай, я хотел…» «Я еще жива?» — прервала его Шарон Оберхаузен. «Откуда я знаю? — пожала плечами Элизабет. — Ну-ка, повернись!»

На спине у Шарон висела табличка — «Мик Джаггер».

«Трудно сказать…» — хмыкнул Таппер.

Тиб была Кинг-Конгом и отгадывать ей пришлось целую вечность.

«Я высокая?» «По сравнению с чем?» — уточнила Элизабет. «Ну, не знаю… — Тиб подбоченилась. — По сравнению с Эмпайр-стейт-билдингом!» «Да», — кивнул Таппер.

Ему пришлось немало попотеть, чтобы всех утихомирить и продемонстрировать наконец свои масленки, контейнеры для торта и стаканчики для приготовления фруктового мороженого.

Пока они заполняли бланки заказов, Шарон Оберхаузен спросила Тиб: «Ну что, ты нашла, с кем пойти на бал?» — «Да». «Счастливая… — вздохнула Шарон. — Представляешь, Элизабет, в этом летном классе каждая девушка должна иметь парня — иначе на тебя повесят воскресное дежурство! Так кто твой кавалер, Тиб?»

«Эй, народ! — закричала Тиб. — Чем больше вы закажете, тем больше у нас шансов получить эту штуку для попкорна, которую — имейте в виду! — мы собираемся одалживать всем желающим!»

Они купили для вечеринки торт и мороженое с шоколадной крошкой. Элизабет резала торт на крошечной кухоньке, а Тиб раскладывала его на тарелки.

«Так с кем ты идешь на бал по случаю праздника урожая? — спросила Элизабет. — С тем парнем с психологического?» «Нет». — Тиб воткнула в мороженое пластиковую ложечку. «А с кем?»

В кухню ввалился Таппер с каталогом в руках.

«Слушайте, вам не хватает всего двадцать баллов, чтобы получить аппарат для попкорна. Знаете, что я думаю? Вам совершенно необходим лоток для мороженого! — Он ткнул пальцем в картинку с изображением белой коробки. — В него помещается полгаллона! Как только захотите полакомиться, сдвигаете эту штуку… — Таппер постучал по пластиковому бортику. — И режьте, сколько надо! Никаких ложек, никаких грязных рук!»

Он взял руку Элизабет и слизнул мороженое с ее пальцев: «М-м, вкусно!» «Проваливай отсюда, Таппер! — замахнулась на него Элизабет. — Тиб собирается открыть секрет, кто ведет ее на бал». «Я», — сказал Таппер, захлопывая каталог.

В дверь просунулась голова Шарон. «Эй, Таппер, а платить когда? И когда мы наконец будем есть?» «Сначала деньги, потом еда!» — Таппер вышел в холл.

Элизабет нарисовала ножом на глазури идеально ровные линии, разделив торт на

аккуратные квадратики. Потом подцепила крайний кусок и положила его на бумажную тарелку рядом с тающим пломбиром. «У тебя есть что надеть? — спокойно спросила она Тиб. — Если хочешь, возьми мое оранжевое платье».

Толстая записная книжка Сэнди была открыта на одной из последних страниц.

— Вы Таппера хорошо знали?

Кофе Элизабет почти заледенел, но она все равно держала руку над чашкой, словно пыталась поймать теплый пар.

— Нет, не очень… Он одно время встречался с Тиб.

— Он в списке умерших, Элизабет. Покончил собой пять лет назад.

Пол пришел домой в начале одиннадцатого. Элизабет сидела на кушетке, закутавшись в одеяло.

Прямо от двери Пол направился к термостату — убавить температуру.

— Сколько ты поставила сегодня? — Он прищурился. — Ого, тридцать градусов! Что ж, по крайней мере можно не бояться, что ты околеешь! Ты что, просидела так целый день?

— Червяк умер, — сообщила Элизабет. — Нужно было положить его на траву…

— Рон Брубейкер говорит, что в деканате освободилось место секретарши. Я сказал, что ты указала эту квалификацию в анкете. Так ведь?

— Да.

После ухода Сэнди Элизабет достала анкету из сумочки и начала заполнять ее на кухонном столе. Она дошла почти до конца, прежде чем сообразила, что это не анкета, а форма для отчислений в пенсионный фонд.

— Сегодня приходила Сэнди Конкел, — продолжала Элизабет. — Они с мужем познакомились на дороге, представляешь? Оба оказались там случайно — абсолютно случайно, это не был его обычный маршрут. С червяком произошло то же самое… Тиб просто шла мимо — она даже и не поняла, что натворила. Червяк лежал слишком близко к обочине, поэтому свалился в воду и утонул… — Элизабет заплакала, слезы холодными ручьями потекли по щекам. — Он утонул…

— Чем вы тут с Сэнди Конкел занимались? Добили все запасы шерри в доме, вспоминая старые времена?

— Да, — кивнула Элизабет. — Вспоминали старые времена…

Утром Элизабет пошла менять бланк. Всю ночь шел дождь, потом подморозило, и дорожка покрылась тонкой корочкой льда.

— Я заполнила почти две страницы, прежде чем поняла, что это не тот бланк, — сказала Элизабет девушке.

Рядом со стойкой стоял юноша в застегнутой дб самого верха рубашке и брюках цвета хаки, а девушка сидела, отвернувшись в сторону, и что-то писала.

— Не знаю, чего ты так бесишься, — проворчал паренек, но, увидев Элизабет, остановился на полуслове. — Эй, к тебе посетитель.

— Все эти идиотские формы на одно лицо! — Девушка протянула Элизабет новый бланк и сгребла в охапку учебники. — У меня урок. Хотели еще что-нибудь? — взглянула она на Элизабет.

Та покачала головой и поспешно отошла в сторону, чтобы не мешать юноше закончить разговор, но девушка на него даже не смотрела. Она запихала книжки в рюкзак, закинула его на плечо и вышла из кабинета.

— Эй, погоди! — закричал парень и бросился вдогонку. К тому времени, как Элизабет вышла из корпуса, парочка уже спускалась по ступенькам. Послышался голос юноши:

— Ну, встречались мы раз-другой… Что ужасного?

В ответ на его слова девушка тряхнула плечом, выдернув краешек рюкзака у парня из рук, и зашагала в направлении бывшего общежития Элизабет. У крыльца здания стояли и о чем-то беседовали еще две студентки, одна — в желтом плаще, другая — с короткими,

зачесанными назад волосами. Внезапно девушка в желтом дождевике резко развернулась и пошла прочь.

Мимо Элизабет проехал велосипедист и на ходу легонько ударил ее по локтю. Анкета вылетела из рук Элизабет; она едва успела поймать листок у самой земли.

— Извините, — не оглядываясь, буркнул велосипедист. Из рукавов его джинсовой куртки торчали тощие голые запястья. Одной рукой юноша рулил, а во второй держал большую пластиковую сумку, полную белых и розовых пластиковых мисок — этой сумкой он и задел Элизабет.

— Таппер! — вскрикнула Элизабет и помчалась за ним. Через пару секунд она растянулась на асфальте — даже не поняла, что упала. Одна нога неловко подогнулась и оказалась придавлена всем телом к земле.

— Вы в порядке, мэм? — встревожено спросил юноша в наглухо застегнутой рубашке. Он присел перед Элизабет на колени, закрыв от нее исчезающего вдалеке велосипедиста.

«Таппер тоже сказал бы «мэм», — подумала Элизабет. — А может, и вовсе не узнал бы…»

— Не стоило вам бежать, тут настоящий каток!

— Мне показалось, я увидела старого знакомого… Парень повернулся, опершись рукой о землю и, с трудом сохраняя равновесие, всмотрелся вдаль, но на дорожке никого не было.

— Как он выглядел, этот ваш знакомый? Хотите, я его догоню?

— Нет-нет, — покачала головой Элизабет. — Он уже ушел. Давно.

К ним подошла девушка.

— Может, позвонить в «Скорую» или еще куда? — спросила она с тревогой в голосе.

— Не знаю. — Юноша пожал плечами, повернулся к Элизабет и взял ее под руку. — Попробуйте встать.

Элизабет попыталась разогнуть ногу, но у нее ничего не вышло. Паренек взял ее под мышки и, с усилием оторвав от земли, попробовал поставить на ноги. Элизабет без стеснения прислонилась к юноше; ее пробирала холодная дрожь.

— Послушай, возьми мои книги и сумку этой леди, а я доведу ее до поликлиники, — сказал паренек девушке и повернулся к Элизабет. — Вы идти сможете?

— Да. — Элизабет обняла парня рукой за шею. Девушка подняла с земли сумочку Элизабет и анкету.

— Я училась в этом колледже, — сказала Элизабет. — Тогда эта дорожка была с подогревом. — Попытка перенести вес на больную ногу вызвала дикую боль. — Знаете, здесь все выглядит точно так же, как в те дни… Даже студенты. Девочки носят такие же юбки и свитера, и те же туфли на плоской подошве, которые вечно сваливаются с ног, а мальчики — рубашки, что застегиваются до самого воротничка и джинсовые куртки. Молодые люди ничем не отличаются от ребят моей юности, потому мне и мерещатся старые друзья!

— Конечно, — вежливо поддакнул юноша. Он согнулся пониже, чтобы ей было удобнее опираться о его плечо.

— Может, поискать инвалидное кресло? Я бы попросила у кого-нибудь ненадолго… — предложила девушка.

— Конечно, я не сумасшедшая и понимаю, что это совсем другие люди, но они выглядят абсолютно так же! Вот только друзей не вернешь…

Элизабет казалось, что ее голос звучит истерически, однако внезапно она поняла, что с каждой секундой говорит все тише и тише; последние слова она сама едва расслышала. Произнесла ли она их вслух?

Паренек втащил Элизабет по ступенькам в здание поликлиники.

— Друзей нельзя терять, — сказала Элизабет.

— Конечно. — Юноша посадил ее на кушетку. — Я тоже так думаю.

Девушка меж тем беседовала с регистратором:

— Женщина поскользнулась на дороге — возможно, сломала лодыжку. В любом

случае, ей, должно быть, ужасно больно!

— Я могу остаться здесь, — сказал парень. — У тебя ведь сейчас урок.

Девушка взглянула на часы.

— Ага, психология. Вы уверены, что справитесь без нашей помощи? — посмотрела она на Элизабет.

— Да-да, все будет в порядке! Спасибо вам обоим.

— А как вы доберетесь до дома? — спросил паренек.

— Позвоню мужу, он меня заберет. Вам ни к чему тут оставаться, спасибо!

— Хорошо. — Паренек встал. — Пошли! — кивнул он девушке. — Я провожу тебя в аудиторию и скажу старику Харригану, что ты была ангелом милосердия.

Он взял девушку за руку, и та улыбнулась, глядя ему в глаза. Счастливая парочка удалилась, а регистраторша подошла к Элизабет и вручила ей планшет с бланками.

— Они недавно ссорились, — сообщила ей Элизабет.

— Ну… — улыбнулась та. — Похоже, гроза миновала.

— Да, — кивнула Элизабет.

«Благодаря мне. Потому что я поскользнулась на льду…» — подумала она.

— Я жила в этом здании, когда тут было общежитие. Здесь был холл.

— Правда? Должно быть, с тех пор все сильно изменилось.

— Нет, — покачала головой Элизабет. — Все по-прежнему. Там, где сейчас находилась стойка регистратора, раньше стоял стол с телефоном. Уходя и возвращаясь, студентки отмечались у воспитательницы. А у дальней стены была кушетка, где Элизабет и Тиб сидели во время вечеринки «Таппервер». Там же на следующий день сидел Таппер в смокинге — Элизабет прошла мимо него по пути в библиотеку. Регистратор с сочувствием смотрела на Элизабет.

— Представляю, как вам сейчас больно!

— Да, — кивнула Элизабет.

Она собиралась сбежать в библиотеку до прихода Таппера, но он явился на полчаса раньше.

Увидев ее на лестнице, Таппер встал. «Привет, я звонил тебе все утро, хотел узнать, идешь ли ты завтра в библиотеку». — В руках он держал белую коробку с букетиком для Тиб. Держа коробку в обеих руках, Таппер шагнул на нижнюю ступеньку.

«Я иду сейчас. — Элизабет прошествовала мимо. Она боялась, что Таппер попытается взять ее за руку, остановить, но его руки были заняты коробкой. — Боюсь, Тиб еще не оделась». — «Знаю, я специально пришел пораньше, чтобы поговорить с тобой». «Лучше позвони ей и скажи, что ты уже здесь», — бесцветным голосом сказала Элизабет и вышла на крыльцо. Она даже забыла отметиться перед уходом, и если бы Тиб позже не сделала это за нее, точно получила бы нагоняй от воспитательницы.

Регистратор встала.

— Сейчас узнаю, сможет ли доктор Ларенсон вас принять. Потерпите еще немножко, ладно?

Доктор сказал, что у Элизабет растяжение связок, и начал обматывать лодыжку эластичным бинтом. Тут в кабинете зазвонил телефон. Доктор на минуту отошел, оставив Элизабет на кушетке.

Таппер позвонил на следующий день после бала.

«Скажи, что меня нет дома», — попросила Элизабет. «Сама скажи!» — Тиб сердито водрузила телефон ей на колени. Элизабет взяла трубку. «Я не хочу с тобой говорить, но Тиб, наверное, не откажется. Она как раз рядом». — С этими словами Элизабет пихнула аппарат в руки Тиб и вышла из комнаты. Тиб догнала ее только на середине студенческого городка.

За ночь сильно похолодало, и порывистый ветер гнал по траве сухие листья. Тиб держала в руках пальто Элизабет. «Спасибо», — сказала Элизабет и надела пальто. «Слава богу, какие-то мозги у тебя еще остались. Немного, правда».

Элизабет засунула руки поглубже в карманы.

«Что хотел Таппер? — поинтересовалась она. — Снова приглашал тебя на свидание? На очередную вечеринку «Таппервер»?» — «Нет, он не приглашал меня на свидание. Я сама попросила его пойти со мной на бал. Тех, у кого нет парня, заставляют дежурить по выходным, так что Таппер согласился меня выручить. Я боялась сказать тебе — думала, ты не поймешь». «Чего не пойму? — фыркнула Элизабет. — Да встречайся с кем угодно!» — «Я не собираюсь встречаться с Таппером, и тебе это прекрасно известно. Прекрати вести себя, как кретинка, иначе я найду другую соседку!»

И тогда Элизабет, не понимая еще, какое значение имеют мелочи вроде брошенной телефонной трубки, спущенной шины или необдуманной фразы, как вода расплескивается от них в разные стороны и вышвыривает тебя за обочину, заявила: «Отлично. Начинай искать прямо сейчас!»

Две недели они жили в полном молчании, а потом соседка Шарон Оберхаузен не вернулась после Дня благодарения, и Тиб переселилась в их комнату. Все произошло еще до конца первого семестра. Потом Элизабет вступила в «Ал ьфа-Фи» и переехала в их общежитие.

Доктор вернулся и закончил накладывать повязку.

— Вы не на машине? — спросил он. — Я сейчас принесу костыли. Старайтесь без крайней необходимости не наступать на больную ногу.

— Я позвоню мужу, — заверила его Элизабет.

Доктор помог ей встать с кушетки и вручил пару костылей. Они вышли в приемную. Доктор протянул Элизабет телефонную трубку, предусмотрительно нажав кнопку внешнего вызова.

Элизабет набрала домашний номер и, как только в трубке раздались гудки, попросила воображаемого собеседника приехать за ней в поликлинику.

— Муж будет здесь через минуту, — кивнула она регистратору. — Я подожду на улице.

Женщина помогла ей выйти на крыльцо и спуститься по ступенькам, а потом вернулась в приемную. Элизабет сделала несколько шагов по тротуару и остановилась напротив своего бывшего окна.

После того как Таппер сводил Тиб на бал «Ангелов», он несколько раз приходил к их окну и швырял в него всякие штуки от «Таппервер». По утрам, спеша на уроки, Элизабет видела их на асфальте и на лужайке — пластиковые открывалки, ножи для грейпфрута и держатели для кухонных щеток. Она упорно отказывалась открыть окно, и через некоторое время Таппер перестал приходить.

Элизабет посмотрела под ноги, но сначала не увидела червяка. Она пошевелила траву концом своего костыля, стоя на здоровой ноге, и наконец нашла его. Червяк был теперь темно-красного, почти черного цвета; его высохшее и сморщенное тельце покрылось крохотными льдинками.

Она взглянула на окошко приемной — регистратор ставила на полку медицинскую карту. Элизабет медленно пересекла дорогу и направилась домой.

Дорога домой оказалась настоящей пыткой. К тому времени, как Пол вернулся с работы, Элизабет едва могла шевельнуться.

— Что происходит? — гневно спросил Пол. — Почему ты мне не позвонила? — Он взглянул на часы. — Теперь уже поздно звонить Брубейкеру — он с женой собирался куда-то на ужин. Полагаю, ты не в состоянии идти на концерт?

— Нет, я пойду, — возразила Элизабет.

Пол уменьшил температуру, даже не глядя на термостат.

— Как вообще это случилось? — спросил он.

— Мне показалось, я увидела парня, которого знала раньше. Хотела догнать его…

Пол вытаращил на нее глаза.

— Парня, которого знала раньше? В колледже? И что он там делает? Все еще ждет выпускных экзаменов?

— Не знаю…

«Интересно, а Сэнди встречает саму себя в кампусе? — подумала Элизабет. — Девочку в белоснежном свитере и нитке жемчуга, стоящую на пороге общежития «Альфа-Фи» и болтающую с Чаком Пегано?»

Нет, ее душа не томится в плену… Сэнди ведь не говорила: «Скажи, что меня нет!» Или: «Отлично, начинай искать прямо сейчас!» Вот потому-то — а еще из-за спущенной шины — кампус не захватил ее в заложники и спасать ее не надо. В спасении нуждаются Элизабет и ее друзья.

— Ты не представляешь, во что нам обойдется эта твоя выходка, — сердито заявил Пол. — Сегодня Брубейкер сказал мне, что у него для тебя есть работа в деканате.

Он снял с ее ноги бинт и взглянул на лодыжку. Элизабет намочила повязку по дороге домой, так что Пол отправился искать свежий бинт. Через пару минут он вернулся в комнату, держа в руках сморщенный бланк.

— Вот, нашел в ящике бюро. Ты ведь сказала, что отнесла анкету в офис?

— Листочки упали в сточную канаву, — призналась Элизабет.

— Почему же ты сразу их не выкинула?

— Я подумала, что это может быть важно. — Элизабет взяла бумаги из рук Пола и поковыляла к дверям.

Они опоздали и сидели отдельно от Брубейкеров, но когда концерт закончился, те сами к ним подошли. Доктор Брубейкер представил свою жену.

— Как жаль, что с вами такое приключилось, — сочувственно сказала Джанис Брубейкер. — Рон уже несколько лет твердит, что надо привести в порядок центральную дорожку. Раньше она подогревалась. — Супругой Брубейкера оказалась та самая дама, про которую на вечеринке «Таппервер» Сэнди сказала, что она проповедует добродетель. Сегодня Джанис надела темно-красный костюм, а волосы начесала по моде тех времен, когда Элизабет училась в колледже. — С вашей стороны очень любезно пригласить нас в гости, но теперь, конечно, об этом и речи быть не может…

— Нет-нет, — возразила Элизабет, — приходите обязательно! Со мной все в порядке, это лишь небольшое растяжение!

Брубейкеры собирались поговорить с кем-то за кулисами; Пол объяснил, как найти их дом, и повел Элизабет на улицу.

На парковке не нашлось свободного места, так что Пол оставил машину у поликлиники. Элизабет настояла на том, что она дойдет, но через пятнадцать минут они преодолели всего три четверти пути. Пол взбешенно сказал: «Зачем я тебя послушал!» и направился к машине.

Элизабет с трудом доковыляла до бетонной лавочки на краю тротуара (раньше в скамьях были вентиляционные решетки отопительной системы). Даже в шерстяном платье и теплом пальто она все равно стучала зубами от холода. Элизабет положила костыли на скамейку и посмотрела на окно своей бывшей комнаты.

Перед зданием, как раз напротив среднего окна, стоял какой-то парень. Несколько минут он смотрел вверх, засунув руки в карманы джинсовой куртки и ежась от холода, а потом достал что-то из кармана и швырнул в окно.

«Зря стараешься, — подумала Элизабет. — Она не выйдет…»

Таппер еще раз попытался поговорить с ней. Это случилось весной. Снова шел дождь, а дорожки были сплошь покрыты червями. В летной форме учебного корпуса «Ангелов» Тиб посинела от холода.

Она остановила Элизабет на пороге общежития. «Знаешь, я вчера встретила Таппера, он спрашивал о тебе. Я сказала, что ты теперь живешь в «Альфа-Фи». «А-а!» — Элизабет хотела уйти, но Тиб продолжала трещать, как будто ничего не случилось, и они по-прежнему

дружили: «Я встречаюсь с парнем из летного корпуса, Джимом Скейтсом. Он такой лапочка!»

Элизабет сказала, что опаздывает на урок. Тиб нервно огляделась. Элизабет проследила за ее взглядом: к ним спешил Таппер на велосипеде.

«Большое спасибо!» — злобно прошипела она. «Ему надо с тобой поговорить!» — «О чем? Как пригласить тебя на танцы в «Альфа-Сигму»?»

С этими словами Элизабет скрылась за дверями общежития, пока Таппер не успел к ней подойти. Он полчаса названивал по телефону, но Элизабет не взяла трубку, и звонки прекратились.

Однако он не оставил своих попыток. Таппер все еще стоит под окном, бросает в него ножи для грейпфрутов и разделители яиц, а она — даже через столько лет — не хочет его простить. Он будет стоять здесь до скончания века, а она никогда, никогда не подойдет к окну…

Элизабет поднялась на ноги. Резиновый наконечник костыля заскользил по ледяной корке, и Элизабет едва не упала. В самый последний миг она ухватилась за край бетонной скамейки.

Автомобиль, громко сигналя и сверкая фарами, остановился у кромки тротуара. Пол вышел из машины.

— Бога ради, поторапливайся! Брубейкеры, должно быть, уже стоят под дверью.

Он забрал у Элизабет костыли и потащил ее к машине, просунув руку под мышку. Автомобиль рванул с места, а паренек так и стоял под окном.

Брубейкеры действительно уже приехали и ждали на подъездной дорожке. Пол оставил Элизабет в машине и бросился открывать гостям дверь, а доктор Брубейкер пытался помочь Элизабет встать на ноги и опереться на костыли.

Джанис без конца повторяла:

— Ах, мы причиняем вам столько хлопот!

Потом они отступили в сторону, растерянно наблюдая, как Элизабет хромает к крыльцу.

Джанис вызвалась приготовить кофе. Элизабет, так и не сняв пальто, села у кухонного стола. Пол накрыл стол — чашки, блюдца, тарелочка с печеньем — перед тем, как они отправились на концерт.

— Вы были на вечеринке «Таппервер»? — спросила Джанис, открывая шкафчик, чтобы взять фильтры для кофе. — Жаль, что не выпало другого случая с вами встретиться. Говорят, Сэнди Конкел уже вонзила в вас свои коготки!

— На вечеринке вы сказали, что любите добродетель. Вы верующая? — поинтересовалась Элизабет.

Джанис возилась с бумажным фильтром кофейника. Она замерла и пристально взглянула на Элизабет.

— Да, разумеется, я христианка. Знаете, Сэнди Конкел утверждает, что вечеринка «Таппервер» — неподходящее место для религиозных разговоров, но я не согласна. Любое место подходит для того, чтобы приблизиться к Богу! И я была права. Бог ведь говорил с вами, Элизабет, не так ли?

— Что, если вы сделали что-то неправильно — давным-давно, и потом оказалось, что этим поступком вы все разрушили?

— Как бы мы ни скрывали свои грехи, они выплывут наружу! — убежденно заявила Джанис.

— Я не имею в виду грехи, — сказала Элизабет. — Я говорю о всяких мелочах, которым мы не придаем никакого значения — например, ступаем в лужу или ссоримся с кем-то… Что, если вы пришли в ярость и уехали, оставив человека посреди пустынной дороги, и этот поступок изменил сразу несколько жизней? Или, предположим, вы отказались говорить с кем-то, поскольку он ранил ваши чувства, и не открыли окно? Такая вот чепуха

перевернула судьбы ваших близких… И теперь… теперь она слишком много пьет, а он покончил с собой, а вы и понятия не имели, что несете за это ответственность!

Джанис перестала рыться в сумочке в поисках Библии и уставилась на Элизабет.

— Вы толкнули кого-то на самоубийство?

— Нет. — Элизабет покачала головой. — Никуда я его не толкала, и ее не заставляла разводиться, но если бы в тот день я не ушла, все сложилось иначе…

— Разводиться? — эхом отозвалась Джанис.

— Сэнди права — в юности мы заботимся только о себе… Я думала лишь о том, что она намного красивее меня и всегда нравится парням, поэтому, когда они вместе отправились на танцы, я решила, что он только о том и мечтал. Мне было так больно, так больно! Вот почему я выкинула разделитель яиц и отказалась говорить с ним. Кто же знал, что мои поступки приведут к таким последствиям! Я не предполагала, что рядом была лужа и волна уже готовилась смыть меня в сточную канаву…

Джанис положила Библию на стол.

— Я не знаю, что вы сделали, Элизабет, но, что бы это ни было, Господь непременно вас простит. Вот послушайте… — Крестообразная закладка помечала страницу Евангелия от Иоанна. — «Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий верующий в Него не погиб, но имел жизнь вечную…»То есть Иисус, Сын Божий, умер на кресте, а потом воскрес из мертвых, чтобы отпустить нам наши грехи…

— А если он не воскрес? — нетерпеливо перебила ее Элизабет. — Что, если он так и лежал в могиле, остывая все больше и больше, пока его тело не покрылось кристаллами льда? И так никогда и не узнал, спас он кого-нибудь или нет?

— Кофе еще не готов? — весело спросил Пол, появляясь в дверях кухни вместе с доктором Брубейкером. — Или вы, девочки, до утра собираетесь секретничать, а про нас совсем забыли?

— Что, если Иисуса ждали все эти годы, надеясь, что он придет и спасет, а он даже не знал об этом? Он ведь помог бы, правда? Не оставил бы его стоять на холоде под окном? А может, даже он не смог бы ничего сделать. Возможно, в любом случае все закончилось бы разводом и самоубийством… — Зубы Элизабет стучали от холода. — Даже если бы Иисус их спас, он не смог бы спасти себя — он ведь все равно уже умер…

Джанис лихорадочно листала Библию, пытаясь найти нужное место. Пол обошел вокруг стола и хотел взять Элизабет за руку, но она нетерпеливо оттолкнула его.

— В Евангелии от Матфея говорится, что Иисус воскрес и что он жив! — испуганно затараторила Джанис. — Какой бы грех вы ни совершили, Элизабет, Господь простит вас, если вы признаете его своим Спасителем…

Элизабет ударила кулаком по столу с такой силой, что тарелка с печеньем подпрыгнула.

— Я говорю не о грехе! Я говорю об окне, которое нужно было открыть! Она прошла по луже, и червяк утонул — просто так, ни за что! Ну почему, почему я не положила его на дорожку?!

И она со всего маху ударила по столу кулаком.

Доктор Брубейкер поспешно схватил чашки и поставил их на барную стойку, словно боялся, что Элизабет начнет швырять посуду об стену.

— Надо было положить его на траву…

Пол ушел на работу, даже не позавтракав. Лодыжка за ночь так распухла, что Элизабет едва смогла надеть тапки, но все равно встала и приготовила кофе. Фильтры для кофе все еще лежали на стойке — там, где их оставила Джанис.

— Ну что, довольна? Тебе, значит, мало было упустить хорошую работу, тебе захотелось и мою карьеру разрушить? — ядовито поинтересовался Пол.

Элизабет опустила голову.

— Прости за вчерашнее. Я сейчас заполню анкету и отнесу в офис, а когда

поправлюсь…

— По радио сказали, что сегодня будет тепло, так что я отключил отопление. — И Пол хлопнул дверью.

Элизабет села к столу и занялась анкетой. Она пыталась стереть ластиком темное пятно, но ничего не вышло, так что один вопрос даже невозможно было разобрать. Пальцы Элизабет закоченели от холода, она даже останавливалась несколько раз и дышала на руки. Элизабет заполняла анкету до изнеможения. Потом она сложила листочек пополам и отправилась в кампус.

В дальнем конце дорожки девушка в желтом дождевике разговаривала с подружкой в форме летного учебного корпуса «Ангелов». Элизабет побрела в их сторону, низко опустив голову и прислушиваясь, не едет ли Таппер.

— Он спрашивал о тебе, — сказала Тиб, а Элизабет фыркнула и закатила глаза.

Тиб выглядела совсем иначе — не так, как запомнила ее Элизабет. Она была чуть полноватой и не слишком привлекательной — одна из тех девушек, которым вечно не с кем пойти на танцы. Из-за короткой стрижки ее пухлое лицо казалось еще круглее. Она смотрела на подругу с волнением и надеждой.

«Не волнуйся, малышка, — подумала Элизабет. — Я здесь». Она не смотрела на саму себя; самое главное сейчас было — успеть вовремя.

— Я сказала ему, что ты живешь в «Альфа-Фи», — сказала Тиб.

— А-а! — услышала Элизабет свой собственный голос и сразу после этого — шуршание велосипедных шин.

— Слушай, я встречаюсь с одним парнем из летного корпуса. Он просто чудо!

Потом была короткая пауза, и ядовитая реплика юной Элизабет:

— Ну, большое тебе спасибо!

В эту секунду Элизабет с силой оттолкнулась резиновым наконечником костыля от ледяного нароста на дорожке и плашмя повалилась на землю.

Минуту или чуть больше она ничего не видела и не слышала от боли. «Я сломала ногу», — подумала Элизабет и сжала кулаки, чтобы не закричать.

— Что с вами? — Тиб встревоженно опустилась на колени перед Элизабет, загораживая от нее остальных.

«Нет, нет, не ты!» — взмолилась про себя Элизабет. Несколько мгновений она боялась, что ее план не сработал и другая девушка ушла.

Но, как ни крути, девушка не была посторонней, это была сама Элизабет — добрая душа, которая спасает утопающих червяков. Она присела на корточки с другой стороны, потому-то Элизабет и не сразу ее заметила.

— Ой, ногу сломали? — сказала девушка. — Надо вызвать «скорую»!

— Не надо, все в порядке! — замотала головой Элизабет. — Помогите мне встать, пожалуйста…

Девушка по имени Элизабет Уилсон положила учебники на бетонную скамейку и опустилась на колени.

— Надеюсь, мы тут кучу малу не устроим, — улыбнулась она Элизабет.

К удивлению Элизабет, девушка была очень хорошенькой. Тиб всегда говорила ей об этом, но Элизабет не верила.

Девушка взяла Элизабет под руку с одной стороны, а Тиб — с другой.

— Снова опрокидываете на льду невинных прохожих? Сколько раз я вас предупреждал: прекратите эти жестокие забавы!

Таппер наконец присоединился к их компании. Он положил велосипед на траву, а сумку с «Таппервер» пристроил рядышком. Тиб и юная Элизабет — она сама — отступили назад, и Таппер опустился перед Элизабет на колени.

— В душе-то они неплохие девчонки, только вот пошутить любят, негодницы! Но подбрасывать людям под ноги банановую кожуру — это уж, знаете ли, слишком!

Таппер придвинулся так близко, что Элизабет ощутила на щеке его теплое дыхание.

Она пристально посмотрела ему в лицо, боясь, что он тоже изменился; но нет, это был тот самый Таппер, которого Элизабет любила все эти годы.

— Обнимите меня за шею, голубушка, — скомандовал Таппер. — Вот так, хорошо. Элизабет, пора искупать грехи! Помоги-ка этой милой леди подняться…

Девушка сердито схватила книжки и хотела удалиться, буравя Таппера полным ненависти взглядом. Она посмотрела на Тиб, но та, согнувшись, подбирала с заледеневшей дорожки костыли. Из-за узкой форменной юбки и высоких каблуков она не могла присесть на корточки.

Вздохнув, юная Элизабет положила свои вещи на землю и подошла к Элизабет с другой стороны. Элизабет схватила девушку за руку и так сильно сжала, словно боялась, что она убежит.

— Я пошел на бал только потому, что Тиб меня попросила. Она помогла организовать вечеринку «Таппервер», так что я был у нее в долгу.

Элизабет подняла голову.

Таппер не смотрел на нее. Его взгляд был прикован к другой Элизабет — той, которая не отвечала на звонки, не подходила к окну… Его глаза лучились какой-то беззащитной и почти неуловимой нежностью, похожей на легкое дуновение весеннего ветерка.

— Я ей то же самое говорила, — поддакнула Тиб, положив костыли на лавку.

— Мне кажется, посторонним это совсем не интересно, — фыркнула Элизабет.

— Я хотел объяснить тебе на вечеринке, но эта идиотка Шарон Оберхаузен…

Тиб подошла к ним с костылями в руках.

— Когда он согласился помочь, я испугалась: вдруг ты подумаешь, что я собираюсь отбить у тебя парня? Я долго мучилась, но так и не решилась рассказать… Я ведь и правда пригласила его только потому, чтобы избежать воскресных дежурств! Не потому, что он мне нравится или еще что…

Таппер улыбнулся взрослой Элизабет.

— Я пытаюсь вести себя благородно и отдавать долги, а что получаю в ответ? Вот вы, вы бы разозлились, если бы я пригласил на танцы вашу подружку?

— Может быть. — Элизабет задрожала на холодном бетоне. — Но я бы вас простила…

— Вот видишь? — Таппер торжествующе посмотрел на девушку.

— Вижу, — нахмурилась она, а потом тут же улыбнулась. — Может, ты все-таки поднимешь несчастную женщину с тротуара?

— С удовольствием, солнышко! — радостно сказал Таппер, и Элизабет в мгновение ока оказалась на лавочке.

— Спасибо, — кивнула она, клацая зубами от холода. Тапер присел перед ней и осторожно ощупал колено.

— Чертовски сильно распухло… Вам есть кому позвонить?

— Нет-нет, мой муж будет здесь через минуту. Я подожду на скамейке.

Тиб достала из лужи листочки анкеты.

— Боюсь, их придется выбросить…

— Не важно, — покачала головой Элизабет. Таппер сгреб сумку с пластиковыми мисками.

— Слушайте, не хотите стать хозяйкой вечеринки «Таппервер»? Получите хорошую скидку на…

— Таппер! — возмущенно оборвала его Тиб.

— Оставь бедную женщину в покое! — поддержала подругу Элизабет.

Таппер энергично потряс сумкой:

— Оставлю, если вы пойдете со мной в «Сигма-Пси» и поможете разнести контейнеры для зелени.

— Я пойду, — расплылась в улыбке Тиб. — В «Сигма-Пси» живет один человек, с которым мне не терпится повидаться!

— Я тоже, — сказал Элизабет, обнимая Тиб за талию. — Что-то я не доверяю твоему

вкусу в выборе бойфрендов… Джим Скейтс — еще тот мерзавец! Шарон тебе не рассказывала, как он поступил с Мэрилин Рид?

Таппер протянул Элизабет сумку с пластиковыми мисками и поднял с земли велосипед. Элизабет тут же пихнула сумку Тиб.

— Вам точно помощь не нужна? — озабоченно спросил Таппер. — Здесь не жарко, бр-р! Может, лучше подождете мужа в студенческом клубе?

Элизабет нестерпимо захотелось погладить его рукой по щеке. Хотя бы один раз!

— Все в порядке, — тихо проговорила она.

Троица развернулась и прошествовала к Фрейзер-холлу. Они сравнялись с Картер-холлом, сошли с дорожки и пошагали дальше по траве. Элизабет провожала их глазами до тех пор, пока они не исчезли из виду, и еще немного посидела на холодной скамейке. Она отчаянно ждала какого-нибудь знака, что действительно смогла их спасти, но ничего не произошло. Лодыжка перестала болеть. Как только Таппер прикоснулся к ней, боль исчезла без следа.

Элизабет все сидела и сидела на лавочке. Ей показалось, что на улице стало еще холоднее, но почему-то она больше не дрожала. Через некоторое время Элизабет поднялась и пошла домой, оставив костыли на скамейке.

В доме стояла жуткая стужа. Элизабет прибавила температуру и села у кухонного стола, не снимая пальто. Теплее не становилось. Наконец она вспомнила, что Пол еще утром отключил отопление. Элизабет завернулась в одеяло и устроилась на кушетке. Лодыжка больше не болела; правда, нога на ощупь была почти ледяной. К тому моменту, как зазвонил телефон, Элизабет едва могла шевелиться. Прошла целая вечность, прежде чем она добралась до аппарата и взяла трубку.

— Я уж думал, ты никогда не ответишь! — сказал Пол. — Я записал тебя на прием к доктору Джеймисону, на три часа, сегодня. Он психиатр…

— Пол… — Элизабет так закоченела, что с трудом двигала губами. — Прости меня…

— Поздно извиняться. Я объяснил доктору Брубейкеру, что ты принимаешь мышечные релаксанты, из-за травмы. Не знаю, купился он на это или нет.

В трубке послышались гудки.

— Да, поздно. Слишком поздно… — Она повесила трубку. Тыльную сторону руки покрывали кристаллики льда. — Пол… — попыталась выговорить Элизабет, но из заиндевевших губ не вырвалось ни звука.

В ОТЕЛЕ «РИАЛЬТО»[72]

Серьезное отношение к предмету — необходимое условие для понимания ньютоновской механики. Мне кажется, что именно такое серьезное отношение служит основным камнем преткновения в понимании квантовой теории.

Из обзорного доклада доктора Геданкена на ежегодном Международном конгрессе по квантовой физике, 1988, Голливуд, Калифорния

Я добралась до Голливуда к половине второго и тут же отправилась в отель «Риальто».

— Мне очень жаль, но мест нет, — сказала девушка за регистрационной стойкой. — Все забронировано для каких-то научных дел.

— Я — по научному делу, — сказала я. — Доктор Рут Баринджер. Мне заказан двухместный номер.

---

72 At the Rialto © Перевод. Е. Барзова, Г. Мурадян, 1997

— Тут еще делегация республиканцев, и еще туристы из Финляндии. Когда я устраивалась на работу, мне говорили, что у них здесь одни кинозвезды, но если я кого и видела, так только этого парня, который играл приятеля того другого парня, ну, в том самом фильме. А вы случаем не из кино, а?

— Нет, — сказала я. — Я — по научному делу. Доктор Рут Баринджер.

— Тиффани, — сказала девушка. — На самом деле я вообще не служащая отеля. Я тут только работаю, чтобы платить за уроки трансцендентальной гимнастики. А в действительности — я модель/актриса.

— Я квантовый физик, — сказала я, пытаясь направить беседу в нужное русло. — Номер на имя Рут Баринджер.

Она где-то с минуту мучила компьютер.

— На ваше имя тут ничего нет.

— Может быть, на имя доктора Мендоса? У нас с ней номер на двоих.

Она помучила компьютер еще немного.

— На ее имя тоже ничего нет. А вы уверены, что вам нужен не отель в Диснейленде? Эти два отеля постоянно путают.

— Мне нужен «Риальто», — сказала я, перетряхивая сумку в поисках записной книжки. — Вот номер заказа. Дубль-вэ-три-семь-четыре-два-ноль.

Она ввела мой номер в компьютер.

— Вы доктор Геданкен? — спросила она.

— Простите, — сказал пожилой мужчина.

— Я сейчас вами займусь, — сказала ему Тиффани. — Как долго вы у нас пробудете, доктор Геданкен? — спросила она у меня.

— *Простите!* — В голосе мужчины прозвучало отчаяние.

Взлохмаченная шевелюра и блуждающий взгляд свидетельствовали о перенесенном кошмаре или о попытке зарегистрироваться в отеле «Риальто».

Он был без носков. Интересно, а может, это и есть доктор Геданкен? Я приехала на конференцию как раз ради Геданкена. В прошлом году я пропустила его выступление по корпускулярно-волновому дуализму, но я читала текст в сборнике МККФ. И мне даже показалось, что там есть смысл — редкость для квантовой теории. В этом году он готовил обзорный доклад, и я твердо намеревалась его послушать.

Нет, это оказался не доктор Геданкен.

— Меня зовут доктор Уэдби, — сказал пожилой мужчина. — Вы дали мне не тот номер.

— Все наши номера практически одинаковы, — сказала Тиффани. — Разница только в числе кроватей и всего такого прочего.

— В моем номере уже живет некая особа! — сказал он. — Доктор Слит из Техасского университета. Она переодевалась! — У него волосы встали дыбом. — Она решила, что я серийный убийца.

— Вы доктор Уэдби? — переспросила Тиффани, тупо глядя на дисплей. — На ваше имя тут ничего нет.

Доктор Уэдби заплакал. Тиффани достала бумажное полотенце, вытерла стойку и повернулась ко мне:

— Чем могу быть полезна?

Вторник, 7.30—9.00. Церемония открытия.
Доктор Хэлвард Онофрио. Мэрилендский университет,
Колледж-Парк.
Тема доклада «Принцип неопределенности Гейзенберга: за и против».
Танцзал.

Номер я получила в пять — когда Тиффани сменилась с дежурства. А до тех пор я слонялась с доктором Уэдби по холлу, выслушивая, как Эйби Филдс поносит Голливуд.

— Ну чем плох Расин? — сказал он. — Почему они всякий раз выбирают такие экзотические места? И в Сент-Луисе в прошлом году было не намного лучше. Ребятам из института Пуанкаре даже не удалось увильнуть от осмотра стадиона Буша.

— Кстати, о Сент-Луисе, — сказала доктор Такуми. — Вы уже видели Дэвида?

— Нет, — сказала я.

— Ах, правда? — сказала она. — На прошлогодней конференции вы были прям-таки неразлучны. Прогулки по реке в лунную ночь и все такое.

— Что сегодня в программе? — спросила я у Эйби.

— Дэвид только что был здесь, — продолжала доктор Такуми. — Он просил передать вам, что идет в галерею кинозвезд.

— Именно об этом я и говорю, — сказал Эйби. — Катания на лодках, кинозвезды. Какое это имеет отношение к квантовой теории? Вот Расин — подходящее место для физиков. Не то что… это… эти… Да вы хоть понимаете, Китайский театр

Граумана напротив через улицу? А голливудские бульвары, где шатается эта шпана? Ведь если застукают, что на вас надето красное или синее, они же… — Он вдруг замолчал и уставился на кого-то у стойки регистрации. — Это доктор Геданкен?

Я повернулась и посмотрела. Невысокий шарообразный человечек с усами пытался зарегистрироваться.

— Нет, — сказала я. — Это доктор Онофрио.

— Ах да, — сказал Эйби, справившись с расписанием конференции. — Он сегодня выступает на церемонии открытия. По вопросу о принципе неопределенности Гейзенберга. Вы пойдете?

— Вряд ли, — сказала я. Предполагалось, что это шутка, но Эйби не засмеялся. — Я должна встретиться с доктором Геданкеном. Он получил деньги под новый проект.

Интересно, что это за новый проект доктора Геданкена — хорошо бы поработать вместе с ним.

— Я очень надеюсь, что он примет участие в моем семинаре «Удивительный мир квантовой физики». — Эйби безотрывно смотрел на стойку регистрации — как ни поразительно, но, похоже, доктору Онофрио удалось добыть ключ, так как он устремился к лифту. — Полагаю, его проект как-то связан с пониманием квантовой теории.

Так… Это меняет дело, похоже, мне тут делать нечего. Я совсем не понимаю квантовую теорию. Иногда у меня возникает тайное подозрение, что ее вообще не понимает никто, включая самого Эйби Филдса. Просто не желают сознаваться.

Ну, я о том самом: электрон — это частица, а ведет себя как волна. На самом деле нейтрон ведет себя как две волны и интерферирует сам с собой (или друг с другом), а измерить вообще ничего нельзя из-за принципа неопределенности Гейзенберга, но не это самое страшное. Когда вы изучаете эффект Джозефсона, чтобы выяснить, каким законам подчиняются электроны, они проскальзывают на другую сторону диэлектрика, и их, похоже, не волнует ни конечность скорости света, ни то, что кошка Шредингера ни жива ни мертва, пока вы не открыли ящик, и во всем этом почти столько же смысла, как в том, что Тиффани называет меня доктором Геданкеном.

Это напомнило мне, что я обещала позвонить Дарлин и сказать, какой у нас номер. У меня, правда, не было никакого номера, но если я сейчас не позвоню, Дарлин уедет. Она улетала в Денвер, чтобы выступить там, а в Голливуд она планировала приехать где-то завтра утром. Я прервала Эйби на середине его речи о том, как прекрасен Кливленд зимой, и отправилась звонить.

— Я еще не получила номера, — сказала я, как только услышала ее голос. — Оставить сообщение на твоем автоответчике? Или дай мне свой телефон в Денвере.

— Ерунда это все, — сказала Дарлин. — Ты уже виделась с Дэвидом?

В качестве наглядного примера волновой функции доктор Шредингер представил кошку, помещенную в ящик вместе с кусочком урана, колбой с отравляющим газом и счетчиком Гейгера. Если уран начнет распадаться, пока кошка находится в ящике, радиация запустит счетчик Гейгера и разрушит колбу с газом. В квантовой теории невозможно предсказать, начнет ли распадаться уран, пока кошка находится в ящике, возможно только вычислить вероятный период полураспада, поэтому кошка ни жива ни мертва, пока мы не откроем ящик.

«Удивительный мир квантовой физики», семинар на ежегодном МККФ, представлено доктором Филдсом, Университет Небраски

Я совершенно забыла предупредить Дарлин о существовании Тиффани, модели/актрисы.

— Ты хочешь сказать, что стараешься избегать Дэвида? — Она спросила это по крайней мере трижды. — Ну зачем же делать такие глупости?

А затем, что в Сент-Луисе я покончила с катаниями по реке в лунном свете и не собираюсь к этому возвращаться до завершения конференции.

— Потому что я хочу присутствовать на всех семинарах, — в третий раз сказала я. — Никаких музеев восковых фигур. Я женщина не первой молодости.

— И Дэвид не первой молодости и, кроме того, совершенно очарователен.

— Очарование — качество кварков, — сказала я и повесила трубку. Но тут я вспомнила, что забыла сказать ей о Тиффани. Я вернулась к стойке регистрации, полагая, что успех доктора Онофрио может означать некоторые изменения.

Тиффани спросила:

— Чем могу быть полезна? — и оставила меня стоять там. Вскоре мне надоело, и я вернулась к красно-золотистым диванам.

— Дэвид опять был здесь, — сказала доктор Такуми. — Он просил передать, что направляется в музей восковых фигур.

— А вот в Расине музеев восковых фигур нет, — заметил Эйби.

— Что сегодня вечером в программе? — сказала я, отбирая программку у Эйби.

— Сначала встречи и церемония открытия в танцзале, потом семинары.

Я просмотрела темы семинаров. Там был один по переходу Джозефсона. Туннелируют же как-то электроны сквозь диэлектрик, даже если они не обладают достаточной энергией. Быть может, и я получу номер, как-то протуннелировав сквозь регистрацию.

— Если бы мы были в Расине, — сказал Эйби, поглядывая на часы, — мы бы давно уже зарегистрировались и отправились на обед.

Доктор Онофрио возник из лифта, по-прежнему с чемоданами. Он подошел к нам и рухнул на диван.

— Они дали вам номер с полуголой дамой? — поинтересовался доктор Уэдби.

— Я не знаю, — сказал доктор Онофрио. — Я вообще не нашел номер. — Он грустно посмотрел на ключ. — Они дали мне номер 12–82, а в этом отеле последний — 75.

— Кажется, мне хочется пойти на семинар по хаосу, — сказала я.

Самая большая трудность, с которой сегодня сталкивается квантовая теория, не связана с ограничением возможностей измерительной аппаратуры или парадоксом Эйнштейна —

Подольского — Розена. Самое главное в том, что у нас нет парадигмы. У квантовой теории нет ни работающей модели, ни образа, точно ее определяющего.

Из обзорного доклада доктора Геданкена

В номер я попала уже около шести — после непродолжительной перепалки с коридорным/актером, который не мог вспомнить, где оставил мой багаж. Вещи, спрессовавшиеся за время пути, пройдя коллапс волновой функции, вывалились из чемодана, как только я его открыла, — совсем как полуживая-полумертвая кошка Шредингера.

К тому времени, когда я раздобыла утюг, приняла душ, отказалась от мысли гладить вещи, «тусовка с закуской» благополучно завершилась, и доктор Онофрио уже полчаса как говорил свое вступительное слово.

Я тихонько открыла дверь и проскользнула в танцзал. У меня еще оставалась надежда, что они задержатся с открытием конференции, но некто мне неизвестный уже представлял докладчика: «…и вдохновляет всех нас на дальнейшие исследования в этой области».

Я тихо опустилась в ближайшее кресло.

— Привет, — сказал Дэвид. — Я везде тебя искал. Где ты была?

— Не в музее восковых фигур, — прошептала я.

— Ну и зря, — прошептал в ответ Дэвид. — Это грандиозно. У них там Джон Уэйн, Элвис и Тиффани, модель/актриса с мозгом горошина/амеба.

— Ш-ш-ш, — сказала я.

— …мы сейчас услышим доктора Рингит Динари.

— А что случилось с доктором Онофрио? — спросила я.

— Ш-ш-ш, — сказал Дэвид.

Доктор Динари была очень похожа на доктора Онофрио — невысокая, шарообразная, с усами, в широком балахоне всех цветов радуги.

— Сегодня я буду вашим гидом в новом, незнакомом мире, — сказала она. — Это мир, где все, что вы считали известным, где весь здравый смысл, вся общепризнанная мудрость должны быть отвергнуты. Мир с иными законами и, как может показаться, мир вообще без всяких законов.

Она и говорила совсем как доктор Онофрио. Точно такую же речь он произнес два года назад в Цинциннати. Интересно, может, он подвергся какой-нибудь странной трансформации, пока искал номер 12–82, и теперь стал женщиной?

— Прежде чем перейти к дальнейшему, я бы хотела спросить: кто из вас уже протуннелировал?

Ньютоновская физика использует в качестве модели механизм. Образ механизма со всеми его взаимосвязанными частями: колесиками и шестеренками, со всеми его связями и взаимовлияниями — именно то, что делает возможным осмысление ньютоновской физики.

Из обзорного доклада доктора Геданкена

— Ты же знал, что мы не там, где надо, — прошипела я Дэвиду, когда мы выбрались оттуда.

Когда мы уже готовы были выскользнуть из зала, доктор Динари стояла, протянув руку с развевающимся радужно-полосатым рукавом, и взывала голосом Чарлтона Хестона: «О маловерные! Останьтесь, ибо только здесь вы познаете истинную реальность!»

— Действительно, туннелирование многое объясняет, — усмехнувшись, сказал Дэвид.

— Послушай, если открытие не в танцзале, то где все?

— А ну их… — сказал Дэвид. — Хочешь, пойдем посмотрим Архив Конгресса? Здание, как кипа пластинок.

— Я хочу пойти на открытие.

— А прожектор на крыше сигналит азбукой Морзе «Голливуд».

Я подошла к стойке регистрации.

— Чем могу быть полезна? — сказала служащая. — Меня зовут Натали, и я…

— Где сегодня заседание МККМ? — сказала я.

— В танцзале.

— Держу пари, ты сегодня еще ничего не ела, — сказал Дэвид. — Я куплю тебе рожок с мороженым. Здесь самое знаменитое кафе, которое торгует точно такими же рожками с мороженым, какой Райан О'Нил купил Татум в «Бумажной луне».

— В танцзале протуннелировавшие, — сказала я Натали. — Я ищу МККМ.

Она потыкала по клавиатуре.

— Простите, но на них тут ничего нет.

— Как насчет Китайского театра Граумана? — сказал Дэвид. — Ты хочешь реальности? Хочешь Чарлтона Хестона? Хочешь увидеть квантовую теорию в действии? — Дэвид схватил меня за руку. — Пойдем со мной, — сказал он серьезно.

В Сент-Луисе я прошла коллапс волновой функции, так же как моя одежда, когда я открыла чемодан. Я покончила со всеми этими прогулками по реке тогда, на полпути к Новому Орлеану. Теперь все повторялось. Я обнаружила, что уже прогуливаюсь по двору Китайского театра Граумана, ем мороженое и пытаюсь попасть ногой в след Мирны Лой.

То Ли она была карлицей, то ли бинтовала ноги с младенчества. С отпечатками Дебби Рейнольдс, Дороти Ламур и Уоллеса Бири тоже ничего не вышло. По размеру мне подошли только следы Дональда Дака.

— Это как карта микрокосмоса, — сказал Дэвид, поглаживая шершавые цементные квадраты с надписями и отпечатками. — Посмотри, повсюду эти следы. Мы знаем, здесь что-то было. Почти везде эти. отпечатки одинаковы, но каждый раз перед тобой выскакивает вот это. — Он опустился на колено и ткнул в отпечаток кулака Джона Уэйна. — Или вот это, — и он шагнул к киоску и ткнул в отпечаток колена Бетти Грейбл, — и мы можем различить подписи, но к кому обращено «Сид», все время появляющееся то тут, то там? И что это означает?

Дэвид указал на квадрат Реда Скелтона. На нем надпись: «Спасибо Сиду, ай да мы».

— И ты все думаешь, что нашел парадигму, — продолжал Дэвид, переходя на другую сторону. — Но квадрат Ван Джонсона как котлета в сандвиче между Эстер Уилльямс и Кантинфласом, и кто такая, черт возьми, Мэй Робсон? И почему все вот эти квадраты вообще пусты?

Он провел меня за галерею звезд — лауреатов «Оскара». Портреты в жестяных рамах висели на подобии киноэкрана, сложенного в гармошку. Я оказалась в складке между 1944 и 1945 годами.

— И, словно всего этого мало, ты внезапно обнаруживаешь, что стоишь на площади. Ты даже не в театре.

— И по-твоему, именно это происходит и в квантовой теории? — сказала я слабым голосом. Я вжалась в Бинга Кросби — «Оскар» за лучшую мужскую роль в фильме «Идти своим путем». — Ты думаешь, мы еще не в театре?

— Я думаю, мы знаем о квантовой теории не больше, чем о Мэй Робсон по отпечаткам ее ног, — сказал Дэвид, прильнув к щеке Ингрид Бергман (лучшая женская роль в «Газовом свете») и отрезав мне путь к отступлению. — Я не думаю, что мы понимаем хоть что-нибудь в квантовой теории, туннелировании и в принципе дополнительности. — Он наклонился ко мне. — И в страсти.

Лучшим фильмом 1945 года был «Потерянный уик-энд».

— Доктор Геданкен это понимает, — сказала я, протискиваясь между лауреатами

«Оскара» и Дэвидом. — Ты знаешь, он собирает исследовательскую группу для большого проекта по осмыслению квантовой теории?

— Знаю, — сказал Дэвид. — Хочешь посмотреть кино?

— В девять семинар по хаосу, — сказала я, перешагнув через братьев Маркс. — Мне пора возвращаться.

— Если тебе нужен хаос, лучше оставайся здесь, — сказал Дэвид, остановившись посмотреть на отпечатки ладоней Айрин Данн. — Мы могли бы сходить в кино, а потом поужинать. Тут рядом кафе, где подают картофельное пюре, которое Ричард Дрейфус превратил в Чертову башню в «Близких контактах третьей степени».

— Мне нужен доктор Геданкен, — сказала я, для вящей безопасности отступая к тротуару. Я оглянулась на Дэвида. Он уже перешел на другую сторону и разглядывал автограф Роя Роджерса.

— Ты смеешься? Он в этом разбирается не лучше нашего.

— Ну, он по крайней мере пытается разобраться.

— Как и я. Проблема в том, как может один-единственный нейтрон интерферировать сам с собой и почему здесь только два отпечатка копыт Триггера?

— Без пяти девять, — сказала я. — Я пошла на семинар по хаосу.

— Если тебе удастся его найти. — Он опустился на колено, чтобы получше рассмотреть автограф.

— Найду, — непреклонно сказала я.

Он встал — руки в карманы — и ухмыльнулся.

— Гениальный фильм, — сказал он.

Все повторялось. Я повернулась и почти побежала через улицу.

— В прокате «Бенжи IX»! — закричал он мне вслед. — Он случайно меняется телом с сиамской кошкой.

Вторник. 21.00–22.00. Изучение хаоса. Дюрхейнандер, Лейпцигский университет. Семинар по структуре хаоса. Обсуждение принципов хаоса. Фракталы, баттерфляй-эффект, волновые процессы. Зал Клары Боу.

Мне не удалось найти семинар по хаосу. Зал Клары Боу был пуст. В соседнем зале заседали вегетарианцы, а все остальные конференц-залы оказались заперты. Туннелировавшие по-прежнему сидели в танцзале.

— Прийди! — приказала женщина с усами, когда я открыла дверь. — И обретешь понимание!

Я пошла наверх — спать.

Я забыла позвонить Дарлин. Она, должно быть, уже выехала в Денвер, но я позвонила ее автоответчику и сказала ему, какой у нас номер на тот случай, если она все же прослушает сообщение. Утром надо будет предупредить в регистрации, чтобы ей дали ключ. И я отправилась спать.

Спала я плохо. Посреди ночи сломался кондиционер, так что утром мне не пришлось отпаривать свой костюм. Я оделась и спустилась вниз. Программа начиналась в девять с семинара Эйби Филдса «Удивительный мир» в зале Мери Пикфорд, завтрака в танцзале и просмотра слайдов по «экспериментам с запаздывающим выбором» в зале Сесиля Б. де Милля на антресолях.

«Завтрак» звучит прекрасно, даже если потом всегда выясняется, что это — жидкий кофе и пережаренные пирожки. Со вчерашнего дня у меня в желудке не было ничего, кроме рожка мороженого, но если где-то поблизости есть еда, там непременно окажется Дэвид, а я хотела избежать встречи с ним. Вчера это закончилось Китайским театром Граумана. Сегодня я точно так же могу угодить на Нотс-Берри-Фарм. Я не собиралась Допускать такого, несмотря на все его обаяние.

В зале Сесиля Б. де Милля было темным-темно. Даже слайд на экране оказался черным.

— Как видите, — сказал доктор Львов, — лазерный пучок прошел прежде, чем экспериментатор включил детектор волн или частиц. — Щелчок, следующий слайд. Темно-серый. — Мы использовали интерферометр Маха — Зандера с двумя зеркалами и детектор частиц. В первой серии экспериментов мы позволили экспериментатору самому выбирать аппаратуру и метод измерения. Во второй серии мы применили простейшую рандомизацию…

Снова щелчок. Белый слайд в черный горошек. Наконец-то мне удалось разглядеть свободное кресло у прохода, десятью рядами выше. Я бросилась к нему, пока не сменился слайд, и поспешила сесть.

— …две игральные кости. Эксперименты с бросанием костей показали, что, когда стоит детектор частиц, свет регистрируется как частица, а когда стоит детектор волн, свет проявляет волновые свойства независимо от того, когда был сделан выбор аппаратуры.

— Привет, — сказал Дэвид. — Ты пропустила пять черных слайдов, два серых и белый в черный горошек.

— Ш-ш-ш, — сказала я.

— Целью этих двух серий экспериментов было исследовать влияние осознанности решения на результаты. — Доктор Львов поставил следующий черный слайд. — Как вы можете убедиться, график не показывает существенной разницы между теми испытаниями, в которых экспериментатор сознательно выбирал регистрирующую аппаратуру, и теми, в которых аппаратура выбиралась случайным образом.

— Ты не хочешь позавтракать? — шепнул Дэвид.

— Я уже поела, — шепнула я в ответ и замерла в ожидании, когда возмутится мой голодный желудок. Он возмутился.

— Тут рядом — отличное заведение, где продают те самые вафли, которые Кэтрин Хепберн приготовила Спенсеру Трейси в «Женщине года».

— Ш-ш-ш, — сказала я.

— А после завтрака мы могли бы пойти в музей бюстгальтеров.

— Будь так любезен, помолчи. Я ничего не слышу.

— Или не видишь, — сказал он, но затих и хранил молчание на протяжении девяноста двух черных, серых и белых в горошек слайдов.

Доктор Львов включил свет и с улыбкой взглянул на аудиторию.

— Осознанность не оказывает ощутимого влияния на результаты эксперимента. Как заметил один из моих лаборантов: «Чертенок узнает, что именно вы собираетесь делать, раньше, чем об этом узнаете вы».

Очевидно, предполагалось, что это шутка, но я не нашла это особо смешным. Я открыла программу и попыталась отыскать что-нибудь такое, куда Дэвид точно не пойдет.

— Вы не собираетесь позавтракать? — спросил доктор Тибодо.

— Да, — сказал Дэвид,

— Нет, — сказала я.

— Мы с доктором Готаром хотим позавтракать где-нибудь в Голливуде, vraiment Голливуде.

— Дэвид как раз знает такие места, — сказала я. — Он рассказывал мне об отличном кафе, где есть тот самый грейпфрут, которым Джеймс Кэгни запустил в физиономию Мэй Кларк во «Враге общества».

К нам поспешно подошел доктор Готар, тащивший фотоаппарат и четыре путеводителя.

— Может, вы нам потом покажете Китайский театр Граумана? — попросил он Дэвида.

— Конечно, покажет, — сказала я. — Мне очень жаль, что я не смогу с вами пойти, но я обещала доктору Вериковски, что буду на его семинаре по булевой логике. А после Китайского театра Дэвид может отвести вас в музей бюстгальтеров.

— А «Коричневый котелок»? — спросил доктор Тибодо: — Я слышал, он имеет форму

chapeau.[73]

Они утащили Дэвида. Я выждала, пока они не оказались на безопасном расстоянии, и прошмыгнула вверх, на семинар доктора Уэдби по теории информации. Доктора Уэдби там не было.

— Он ушел искать проектор, — сказала доктор Такуми. В одной руке она держала бумажную тарелку с половинкой пирожка, во второй — пластиковый стаканчик.

— Вы это раздобыли там, где дают завтраки? — спросила я.

— Да. Пирожок был последний. А когда я уходила, кончился кофе. Вы не слушали Эйби Филдса, нет? — Она поставила чашку и откусила пирожок.

— Нет, — сказала я, размышляя, что лучше: использовать эффект внезапности или отвоевать пирожок в сражении.

— Вы ничего не потеряли. Он только бессвязно повторял, что наша конференция должна была бы состояться в Расине. — Она закинула остатки пирожка в рот. — Вы уже видели Дэвида?

> Пятница, 9.00–10.00. Эвристический эксперимент: показ слайдов. Дж. Львов, колледж Эврика. «Эксперименты с запаздывающим выбором». Описание, результаты, выводы. Зал Сесиля Б. де Милля А.

В конце концов появился доктор Уэдби с проектором. За ним, извиваясь, тянулся провод. Уэдби подключил проектор. Света не было.

— Ага, — сказала доктор Такуми, вручив мне свою тарелку и стаканчик. — Со мной такое уже было в Калтехе. Тут требуется переопределить граничные условия. — Она врезала по проектору.

От пирожка не осталось ни крошки. На дне стаканчика было еще на миллиметр кофе. Я уже почти решилась пасть еще ниже, когда она стукнула по проектору еще раз. Свет загорелся.

— Я научилась этому вчера вечером на семинаре по хаосу, — сказала доктор Такуми, отобрав у меня стакан и осушив его. — Вам следовало бы там побывать. Зал Клары Боу был весь забит народом.

— Полагаю, можно начинать, — сказал доктор Уэдби. Мы с доктором Такуми заняли свои места.

— Информация есть передача смысла, — сказал доктор Уэдби и написал на пленке зеленым маркером слова «смысл» и «информация». — Когда информация рандомизирована, смысл передать невозможно, и мы имеем состояние энтропии. — Он написал слово «энтропия» под словом «смысл» красным маркером. Почерк у доктора Уэдби оказался весьма неразборчив.

— Состояния энтропии варьируют от низкой энтропии, такой, как статические помехи в автомобильном радиоприемнике, до повышенной энтропии, состояния полной неупорядоченности, случайного разброса и беспорядка, в котором вообще невозможна передача информации.

О господи, подумала я. Я забыла предупредить в регистрации о Дарлин. Как только доктор Уэдби наклонился над пленкой, рисуя очередные неразборчивые иероглифы, я выскользнула из зала и пошла вниз, в вестибюль, очень надеясь, что Тиффани еще не вышла на дежурство. Но она уже вышла.

— Чем могу быть полезна? — спросила она.

— Я из номера шесть-шестьдесят-три, — сказала я. — Со мной проживает доктор

---

[73] Шляпа *(фр.)*.

Дарлин Мендоса. Она должна приехать сегодня утром, и ей будет нужен ключ.

— Зачем? — спросила Тиффани.

— Чтобы попасть в номер. Когда она приедет, я могу быть на семинаре.

— Почему у нее нет ключа?

— Потому что она еще не приехала.

— Мне показалось, вы сказали, что она проживает с вами в одном номере.

— Будет. Она будет жить со мной в одном номере. Номер шесть-шестьдесят-три. Ее зовут Дарлин Мендоса.

— А вас как зовут? — спросила Тиффани, положив руки на клавиатуру компьютера.

— Рут Баринджер.

— На вас тут ничего нет.

За девяносто лет после постоянной Планка мы достигли в квантовой физике впечатляющих результатов, но эти результаты были достигнуты большей частью в прикладной области, не в теории. Добиться успеха в теории мы сможем лишь тогда, когда у нас появится модель. Наглядная модель.

Из обзорного доклада доктора Геданкена

На какое-то время мы с Тиффани впали в состояние повышенной энтропии на предмет отсутствия у меня номера и испорченного кондиционера, а затем я резко переключилась на проблему ключа для Дарлин в надежде застать Тиффани врасплох. Результат был приблизительно такой же, как в экспериментах с запаздывающим выбором с бросанием костей.

На середине моих попыток объяснить Тиффани, что Дарлин — не мастер по ремонту кондиционеров, появился Эйби Филдс.

— Вы не видели доктора Геданкена? Я покачала головой.

— Я был уверен, что он придет на мой семинар «Удивительный мир», но он не пришел, а служащие в отеле говорят, что на него тут ничего нет, — сказал он, сканируя взглядом вестибюль. — Я случайно узнал о его новом проекте. Я туда идеально вписываюсь. Он собирается найти парадигму для квантовой теории… А это не он? — Эйби указал на пожилого мужчину, входившего в лифт.

— По-моему, это доктор Уэдби, — сказала я, но он уже мчался через вестибюль к лифту.

Он почти успел. Двери лифта сомкнулись в тот самый момент, когда Эйби достиг цели. Он несколько раз нажал на кнопку в надежде, что створки разомкнутся, а когда это не сработало, попытался переопределить граничные условия. Я повернулась к регистрационной стойке.

— Чем могу быть полезна? — спросила Тиффани.

— Вот чем, — сказала я. — Дарлин Мендоса, моя соседка по номеру, прибывает сегодня утром, точно не знаю когда. Она продюсер. Она приедет, чтобы выбрать актрису на главную женскую роль в новом фильме с Робертом Редфордом и Гаррисоном Фордом. Когда она приедет, дайте ей ее ключ. И разберитесь с кондиционером.

— Да, мэм, — сказала она.

Переход Джозеффсона устроен так, что электронам нужно приобрести дополнительную энергию, чтобы преодолеть тонкий слой диэлектрика. Однако было обнаружено, что некоторые

электроны просто туннелируют, или, как заметил Хайнц Пагел, «проходят прямо сквозь стену».

А Филдс. «Удивительный мир квантовой физики»

Эйби перестал колотить по кнопкам и теперь пытался раздвинуть дверцы лифта. Я вышла через боковую дверь и отправилась на Голливудский бульвар. Ресторан Дэвида был где-то рядом с Голливудом и Уэйном. Я повернула в противоположную сторону, к Китайскому театру Граумана, и нырнула в первый же ресторанчик.

— Меня зовут Стефани, — сказала официантка. — Сколько человек в вашей группе?

В моей эпсилон-окрестности никого не было.

— Вы актриса/модель? — спросила я у нее.

— Да, — сказала она. — Я работаю здесь полдня, чтобы платить за уроки по холистической укладке волос.

— В моей группе я одна, — сказала я, для большей ясности помахав указательным пальцем. — Мне нужен столик подальше от окна.

Она провела меня к столику напротив окна, вручила мне одно меню макроскопических размеров, а второе такое же положила на столик.

— Наши фирменные блюда на завтрак: папайя, фаршированная морошкой, салат из настурций/радиччо и бальзамический уксус. Я приму у вас заказ, когда подойдет вся группа.

Отгородившись от окна меню, которое лежало на столике, я приступила к тщательному изучению второго. В названии каждого блюда фигурировали либо кориандр, либо лимонник. Интересно, может ли слово «радиччо» в Калифорнии означать «пирожок»?

— Привет, — сказал Дэвид, взял стоявшее на столе меню и сел. — Паштет из морских ежей выглядит неплохо.

Я действительно была рада видеть его.

— Как ты сюда попал? — спросила я.

— Протуннелировал, — сказал он. — А что такое «супердевственное оливковое масло»?

— Я хочу пирожок, — жалобно сказала я.

Он взял у меня меню, положил его на стол и встал.

— Тут по соседству — отличное местечко, где подают те самые пирожки, которыми Кларк Гейбл угощал Клодетт Кольбер в «Это случилось однажды ночью».

Вероятно, «отличное местечко» надо было искать за пределами Лонг-Бич, но я слишком ослабела от голода, чтобы оказывать сопротивление. Я встала. К нам подбежала Стефани.

— Будете заказывать что-нибудь еще? — спросила она.

— Мы уходим, — сказал Дэвид.

— О'кей, — сказала Стефани и, вырвав из блокнота счет, бросила его на стол. — Надеюсь, завтрак вам понравился.

Найти такую парадигму трудно, если вообще возможно. Вследствие малости постоянной Планка мир, который мы видим, в основном подчиняется законам ньютоновской механики. Частицы суть частицы, волны суть волны, и предметы не исчезают внезапно, чтобы появиться по ту сторону сплошной стены. Квантовые эффекты проявляются лишь на субатомном уровне.

Из обзорного доклада доктора Геданкена

Ресторан оказался по соседству с Китайским театром, что меня несколько испугало, но

там подавали яичницу с беконом, гренки и апельсиновый сок. И пирожки.

— Я думала, ты завтракаешь с доктором Тибодо и доктором Готаром, — сказала я, обмакивая пирожок в кофе. — Что с ними случилось?

— Они пошли на «Форест лаун». Доктору Готару захотелось посмотреть церковь, где венчался Рональд Рейган.

— А он что, венчался на кладбище? Дэвид откусил кусочек моего пирожка.

— Да, в Кирке-на-Вереске. А ты знаешь, что на «Форест лаун» выставлено Самое Большое В Мире Полотно На Религиозную Тему?

— И почему же ты с ними не пошел?

— Пропустить фильм? — Он потянулся через стол и схватил меня за руки. — Дневной сеанс — в два часа. Пойдем со мной?

Я почувствовала, что все начинает рушиться.

— Я должна вернуться, — сказала я, пытаясь высвободить руки. — В два часа — стендовый доклад по парадоксу ЭПР.

— Есть еще сеанс в пять. И еще один — в восемь.

— В восемь доктор Геданкен выступает с обзорным докладом.

— Ты знаешь, в чем проблема? — сказал он, не отпуская моих рук. — Проблема в том, что на самом деле Китайский театр не Граумана, а Манна, а поблизости нет Сида, и не у кого спросить. Например, почему одни пары, как Джоан Вудворд и Пол Ньюмэн, — вместе на одном квадрате, а другие — нет. Ну, скажем, Джинджер Роджерс и Фред Астер?

— Знаешь, в чем проблема? — сказала я, высвободив руки. — Проблема в том, что ты ничего не принимаешь всерьез. Это конференция, но тебя не волнует ни программа семинаров, ни доклад доктора Геданкена, ни попытки понимания квантовой теории. — Я потянулась за кошельком, чтобы заплатить по счету.

— Мне казалось, что мы как раз об этом и говорили, — сказал Дэвид, не скрывая удивления. — Проблема втом, чему соответствуют статуи львов, охраняющие вход? И как быть со всеми этими пустыми пространствами?

> Пятница, 14.00–15.00. Стендовый доклад по ЭПР-парадоксу. И. Такуми — председатель, Р. Иверсон, Л.С. Пинг. Обсуждение последних исследований корреляции синглетов. Нелокальные влияния, страсть. Зал «Колов Кейстоуна».

Добравшись до «Риальто», я первым делом зашла в свой номер посмотреть, нет ли Дарлин. Ее там не было, а когда я попыталась дозвониться до регистрации, телефон перестал работать. Я снова спустилась в холл. За регистрационной стойкой никого не оказалось. Тщетно прождав пятнадцать минут, я пошла на доклад по парадоксу ЭПР.

— Парадокс Эйнштейна — Подольского — Розена невозможно согласовать с квантовой теорией, — говорила доктор Такуми. — Меня не волнует то, что якобы показывают эксперименты. Два электрона в разных концах Вселенной не могут влиять друг на друга, не нарушая при этом всей теории пространственно-временного континуума.

Она была права. Даже если возможно найти парадигму квантовой теории, что делать с ЭПР-парадоксом? Если экспериментатор измерит один из пары электронов, который изначально провзаимодействовал со вторым, он тут же изменит их корреляцию, даже если они разделены сотнями световых лет. Словно пара электронов, навсегда связанная одним-единственным столкновением, вечно должна пребывать на одном квадрате, даже оказавшись в разных концах Вселенной.

— Если бы электроны «сообщались» мгновенно, я бы с вами согласился, — сказал доктор Иверсон, — но этого не происходит, они просто влияют друг на друга. Доктор Шимони в своей работе назвал это влияние «страстью», а мой эксперимент с очевидностью…

Я вспомнила, как Дэвид, наклонившись ко мне между лучшими фильмами 1944–1945

годов, говорил: «Я думаю, мы знаем о квантовой теории столько же, сколько можем узнать о Мэй Робсон по отпечатку ее ноги».

— Вы не можете оправдать это, придумывая новые термины, — сказала доктор Такуми.

— Я с вами полностью не согласен, — сказал доктор Пинт. — Страсть на расстоянии — не просто придуманный термин. Это наблюдаемое явление.

Именно, подумала я, вспомнив, как Дэвид взял макроскопическое меню и сказал: «Паштет из морских ежей выглядит неплохо». Не важно, куда электрон пошел после столкновения. Даже если он пошел подальше от Голливуда и Уэйна, даже если он спрятался за огромным меню, второй электрон все равно придет, спасет от «радиччо» и купит ему пирожок.

— Наблюдаемое явление, — сказала доктор Такуми. — Ха! — И ударила по столу председательским молоточком.

— Вы утверждаете, что страсти не существует? — сказал доктор Пинг. Лицо его побагровело.

— Я утверждаю, что один жалкий эксперимент вряд ли можно назвать наблюдаемым явлением!

— Один жалкий эксперимент! Я на этот проект потратил пять лет жизни! — сказал доктор Иверсон, потрясая перед носом доктора Такуми кулаками. — Я продемонстрирую вам страсть на расстоянии!

— Только попробуйте, и я переопределю ваши граничные условия, — сказала доктор Такуми и стукнула его по лбу председательским молотком.

> *И все же найти парадигму не невозможно. Ньютоновская физика — не механизм. Просто она обладает некоторыми атрибутами механизма. Нам следует искать модель где-нибудь в видимом мире, модель, которая обладает самыми странными атрибутами квантовой физики. Такая модель, как бы невероятно это ни звучало, непременно где-то существует, и наша задача — найти ее.*
>
> ***Из обзорного доклада доктора Геданкена***

Пока не появилась полиция, я поспешила к себе в номер. Дарлин до сих пор не было, телефон и кондиционер до сих пор не работали. Я уже начинала беспокоиться. Я прошлась до Китайского театра, чтобы найти Дэвида, но и его там не было. За гармошкой лауреатов «Оскара» стояли доктор Уэдби и доктор Слит.

— Вы не видели Дэвида?

Рука доктора Уэдби соскользнула со щеки Нормы Ширер.

— Он ушел, — сказал доктор Слит, выбираясь из лауреатов 1929–1930 годов.

— Он сказал, что собирается на «Форест лаун», — сказал доктор Уэдби, пытаясь пригладить свои всклокоченные седые волосы.

— А доктора Мендосу вы не видели? Она собиралась приехать сегодня утром.

Нет, ее не видели ни они, ни доктор Готар с доктором Тибодо, которые остановили меня в холле, чтобы показать открытку с надгробием Эйми Сэмпл Макферсон. Тиффани ушла с дежурства. Натали сказала, что на меня у нее ничего нет. Я вернулась в номер ждать звонка Дарлин.

Кондиционер по-прежнему не работал. Я обмахивалась брошюркой о Голливуде, а потом открыла ее и начала читать. Сзади на обложке был план Китайского театра Граумана. Деборе Керр и Юлу Бриннеру тоже не досталось общего цементного квадрата, а Кэтрин Хепберн и Спенсер Трейси даже не попали на карту. Она готовила ему вафли в «Женщине

года», а они даже не удосужились выделить им квадратик. Интересно, не занималась ли оформлением цементных квадратов Тиффани, модель/актриса! Я вдруг увидела, как она тупо смотрит на Спенсера Трейси и говорит: «На вас здесь ничего нет».

И что это — «модель/актриса»? Означает ли это, что она модель или актриса, или же, что она модель и актриса? Ясно одно — она не служащая отеля. Может, электроны — это Тиффани микрокосмоса, что объясняет их дуализм волна/частица. А может, они на самом деле вообще не электроны? Может, они просто временно работают электронами, чтобы платить за уроки синглетного состояния?

Было уже семь часов, а Дарлин до сих пор не позвонила. Я перестала обмахиваться буклетом и попыталась открыть окно. Окно не поддавалось. Проблема в том, что никто ничего не знает о квантовой теории. Все, что мы имеем, — это несколько сталкивающихся электронов, которые никто не может увидеть и которые нельзя точно измерить из-за принципа неопределенности Гейзенберга. И еще есть хаос, который следует учитывать, и энтропия, и все это пустое пространство. Мы даже не знаем, кто такая Мэй Робсон.

В семь тридцать зазвонил телефон. Это была Дарлин.

— Что случилось? — сказала я. — Ты где? — На Беверли-Хилз.

— На Беверли-Хилз?

— Да. Это долгая история. Когда я приехала в «Риальто», девушка-регистратор, по-моему, ее зовут Тиффани, сказала, что на тебя тут ничего нет. Она сказала, что у них все заказано под какие-то научные дела и им приходится отправлять всех вновь прибывших в другие отели. Она сказала, что ты в «Беверли-Хилз» в номере десять-двадцать-семь. Как там Дэвид?

— Он невыносим, — сказала я. — Он проводит время, изучая отпечатки ног Дины Дурбин в Китайском театре Граумана, и пытается меня уговорить пойти с ним в кино.

— И ты собираешься пойти?

— Не могу. Через полчаса — обзорный доклад доктора Геданкена.

— Доктора Геданкена? — В голосе Дарлин прозвучало удивление. — Минутку. — Тишина, потом снова голос Дарлин: — Думаю, тебе лучше пойти в кино. Дэвид — один из двух последних оставшихся в мире очаровательных мужчин.

— Но он не принимает всерьез квантовую теорию! Доктор Геданкен набирает команду для разработки парадигмы, а Дэвид безостановочно болтает о прожекторе на Архиве Конгресса.

— А знаешь, может, он что-то в этом нашел. Я хочу сказать, что серьезное отношение хорошо для ньютоновской физики, но, возможно, квантовая теория требует совсем иного подхода. Сид говорит…

— Сид?

— Парень, с которым мы идем сегодня в кино. Это долгая история. Тиффани дала мне неправильный номер, и там оказался парень в нижнем белье. Он квантовый физик. Он собирался остановиться в «Риальто», но у Тиффани на него ничего не было.

Основной смысл дуализма волна/частица состоит в том, что электрон не имеет точной локализации в пространстве. Он существует как суперпозиция возможных локализаций. Только при наличии наблюдателя электрон коллапсирует в точку.

Доктор Филдс. «Удивительный мир квантовой физики»

Кладбище «Форест лаун» закрывалось в пять часов. Я прочла это в буклете о Голливуде после разговора с Дарлин. Там ничего не говорилось о том, куда он мог пойти: в «Коричневый котелок» или на ранчо Ла-Брея или еще в какое-нибудь классное место недалеко от Голливуда и Уэйна, где подают альфа-альфа спаржу, которую Джон Харт съел

прямо перед тем, как его грудь взорвалась в «Чужом».

По крайней мере я знала, где доктор Геданкен. Я переоделась и вошла в лифт, размышляя о дуализме волна/частица, фракталах, высокоэнтропийных состояниях и экспериментах с запаздывающим выбором. Проблема в том, где найти парадигму, которая позволяет зрительно представить себе квантовую теорию, если в нее надо включить и переход Джозеффсона, и страсть, и все это пустое пространство. Это невозможно. Ведь нельзя же работать только с несколькими отпечатками ног и впечатлением от колена Бетти Грейбл.

Двери лифта раздвинулись, и на меня налетел Эйби Филдс.

— Я вас везде ищу. Вы не видели доктора Геданкена?

— А разве он не в танцзале?

— Нет, — сказал Эйби. — Он опаздывает уже на пятнадцать минут, и никто его не видел. Вы должны подписать вот это. — Он сунул мне какую-то бумагу.

— Что это?

— Петиция. — Он выхватил бумагу у меня из рук. — Мы, нижеподписавшиеся, требуем, чтобы ежегодные встречи Международного конгресса по квантовой физике впредь проводились в надлежащем месте, таком, как Расин. — Он снова сунул мне бумагу. — Но не в таком, как Голливуд.

Голливуд.

— Вы знаете, что участнику МККФ требуется в среднем два с половиной часа, чтобы зарегистрироваться в отеле? Они даже заслали несколько человек в Глендейл.

— И в Беверли-Хилз, — рассеяно сказала я.

Голливуд. Музей бюстгальтеров — и братья Маркс, и бандиты, которые могут избить вас только зато, что вы носите голубое или красное, и Тиффани/Стефани, и Самое Большое В Мире Полотно На Религиозную Тему.

Беверли-Хилз, — пробормотал Эйби, доставая из кармана авторучку и делая для себя какие-то пометки. — Я собираюсь огласить эту петицию во время выступления доктора Геданкена. Ладно, давайте подписывайте. — Он протянул мне карандаш. — Если только вы не хотите, чтобы в следующем году конференция снова состоялась в «Риал ьто». Я вернула ему бумагу.

— Я считаю, что отныне и впредь ежегодные конференции должны проводиться здесь, — сказала я и бросилась бежать к Китайскому театру Граумана.

Имея парадигму, охватывающую как логичные, так и абсурдные аспекты квантовой теории, мы сможем проследить и за столкновением электронов, и за их параметрами, и увидеть микрокосмос во всей его изумительной красоте.

Из обзорного доклада доктора Геданкена

— Мне, пожалуйста, билет на «Бенжи IX», — попросила я девушку в кассе. На ее значке было написано: «Добро пожаловать в Голливуд. Меня зовут Кимберли».

— Какой театр?

— Китайский Граумана, — подумав, сказала я. Времени на поиск состояния с наивысшей энтропией не оставалось.

— Какой театр?

Я взглянула на афишу. «Бенжи IX» шел во всех трех театрах — в огромном главном и двух поменьше.

— Они изучают реакцию зрителей, — сказала Кимберли. — В каждом театре у фильма своя концовка.

— Чем кончается фильм в главном театре?

— Не знаю. Я работаю здесь часть времени, чтобы платить за уроки по органическому дыханию.

— У вас есть игральные кости? — спросила я, внезапно осознав: то, что я намереваюсь сделать, в корне неверно. Это же квантовая теория, а не ньютоновская физика. Не важно, какой театр я выберу или в какое кресло сяду. Это эксперимент с запаздывающим выбором, и Дэвид уже в полете.

— Пожалуйста, тот, где счастливый конец.

— Главный театр, — сказала она.

Я проскользнула мимо каменных львов в вестибюль. Рядом с туалетом в стеклянных саркофагах сидели восковые фигуры Ронды Флеминг и каких-то китайцев. Я купила коробку изюма, упаковку кукурузных хлопьев, коробку мармелада и вошла в зал.

Он оказался еще больше, чем я предполагала. Бесконечные ряды пустых красных кресел извивались между огромными колоннами, спускаясь туда, где должен был быть экран. Стены были украшены причудливыми рисунками. Я стояла, сжимая в руках коробки, и не могла оторвать взгляда от люстры. Она напоминала золотую солнечную корону, окруженную серебряными драконами. Я и не представляла, что на свете существует нечто подобное.

Свет погас, и распахнулся красный занавес. Второй занавес напоминал вуаль, наброшенную на экран. Я спустилась по темному проходу и села в кресло.

— Привет, — сказала я и вручила Дэвиду коробку с изюмом.

— Где ты пропадаешь? Фильм вот-вот начнется.

— Знаю. — Я перегнулась через Дэвида и отдала Дарлин кукурузные хлопья, а доктору Геданкену — мармелад. — Я разрабатывала парадигму квантовой теории.

— Ну и? — спросил доктор Геданкен, открывая коробку с мармеладом.

— И вы оба не правы, — сказала я. — Это не Китайский театр Граумана. И не фильмы, доктор Геданкен.

— Сид, — сказал доктор Геданкен. — Если мы собираемся вместе работать, наверное, лучше звать друг друга по имени.

— Если это не Китайский театр и не фильмы, то что же? — спросила Дарлин, хрустя кукурузой.

— Это Голливуд.

— Голливуд, — задумчиво сказал доктор Геданкен.

— Голливуд, — сказала я. — Аллеи звезд и здания, напоминающие кипы пластинок и шляпы, «радиччо», и встречи со зрителями, и музей бюстгальтеров. И фильмы. И Китайский театр.

— И «Риальто», — добавил Дэвид.

— Особенно «Риальто».

— И МККФ, — сказал доктор Геданкен.

Я вспомнила черные и серые слайды доктора Львова, исчезающий семинар по хаосу, слова «смысл» и «информация», написанные доктором Уэдби.

— И МККФ, — сказала я.

— А доктор Такуми правда ударила доктора Иверсона? — спросила Дарлин.

— Ш-ш-ш, — сказал Дэвид. — Кажется, начинается фильм. — Он взял меня за руку. Дарлин откинулась в кресле, похрустывая хлопьями, а доктор Геданкен положил ноги на спинку кресла перед ним. Вуаль исчезла, засветился экран.

ПРОЗРЕНИЕ[74]

74 Epiphany © Перевод. Л. Миронычева, 2010

«Молитесь, чтобы не случилось бегство ваше зимою или в субботу…»

Евангелие от Матфея, 24:20

В начале четвертого повалил снег. Вообще-то снегопад собирался всю дорогу, пока Мэл ехал по Пенсильвании, а у Янгстауна, штат Огайо, с неба даже упала снежинка-другая, но сейчас густые белые хлопья быстро заваливали жесткую увядшую траву на разделительной полосе. Чем дальше он углублялся на запад, тем сильнее становилась метель.

Этого и следовало ожидать, если отправляешься в путь в середине января. Да еще и не проверив сводку погоды. Впрочем, он вообще ничего не проверил — просто снял халат; бросил в сумку вещи и сел в машину. Словно преступник, удирающий от полиции.

«Прихожане подумают, что я украл церковную кассу», — усмехнулся он про себя. Или того хуже… Как раз в прошлом месяце газеты писали о священнике, который сбежал на Багамы, прихватив с собой пожертвования на строительство храма и блондинку.

И конечно, каждый посчитает своим долгом сказать: «Мне он в тот день сразу показался каким-то странным…»

Но, возможно, никто ничего и не узнает: воскресное собрание корабелов отменили, следующее заседание приходского совета только через неделю, а встреча экуменического сообщества назначена на четверг.

Правда, в среду они с Б.Т. собирались играть в шахматы, но это можно перенести на другой день. Звонить придется днем, пока Б.Т. на работе, и оставлять сообщение на автоответчике. Если говорить с Б.Т. лично, тот сразу почует неладное — они ведь дружат уже столько лет. И нет ни малейшего шанса, что Б.Т. его поймет.

«Да, перенесу шахматы на вечер четверга, после экуменического сообщества, — сказал себе Мэл. — Тогда у меня в запасе будет несколько свободных дней». Впрочем, кого он дурачит? Если он не появится в церкви, то миссис Билдербэк, церковный секретарь, поднимет шум уже в понедельник утром.

«Позвоню ей и скажу, что у меня грипп», — решил Мэл. Нет, тогда она захочет притащить ему куриный бульон и лекарства! Лучше объявить, что пришлось на несколько дней уехать из города по личным делам.

Тогда она заподозрит самое худшее. Подумает, что у него рак, или что он задумал перейти в другую церковь. Но что бы там они ни вообразили — вплоть до кражи приходских денег, — это не идет ни в какое сравнение с тем, что произошло на самом деле.

Снег все сильнее заваливал шоссе. Окна в автомобиле запотели, и Мэл включил стеклообогреватель. Мимо пронесся грузовик, поднимая с дороги вихри белой пыли; в кузове громоздились бело-золотые кабинки колеса обозрения. Целый день на пути попадались машины, нагруженные карусельными лошадками, металлическими конструкциями и разобранными «американскими горками». Интересно, что передвижной парк аттракционов делает здесь, в Огайо, в середине января? Да еще в такую погоду?

Может, они заблудились? «А что, если и им было видение, приказавшее им двигаться на запад, — мрачно подумал Мэл. — Прямо в середине церковной службы? Может, и у них случилось помрачение рассудка во время проповеди?»

Мэл невесело улыбнулся:

Он до смерти перепугал церковный хор. Люди спокойно сидели, уверенные, что до заключительного гимна еще полно времени, когда он вдруг остановился посередине фразы, а его поднятая вверх рука замерла в воздухе.

Молчание тянулось не меньше минуты. Наконец растерянный органист заиграл вступление, и все лихорадочно зашуршали страницами. Прихожане один за другим вскакивали на ноги, поглядывая на него, как на сумасшедшего.

Неужели они правы? Что это было — видение? Расстройство психики? Галлюцинация? А может, всему виной кризис среднего возраста?

Но ведь он пресвитерианец, а не пятидесятник, у него не бывает видений… Прежде

нечто подобное случалось с ним лишь однажды, в девятнадцатилетнем возрасте, когда внутренний голос велел ему стать священником. И это точно не было галлюцинацией; к тому же в прошлый раз он всего лишь поступил в семинарию, а не рванул на всех парах неизвестно куда.

То, что произошло сейчас, тоже нельзя назвать видением — ему же не померещился ангел или неопалимая купина… Он просто вдруг почувствовал абсолютную уверенность в том, что слова его проповеди — правда.

К сожалению, позже это ощущение ушло, и вот теперь… Не очень-то приятно находиться в трехстах милях от дома и не понимать, что ты тут делаешь. Особенно когда вокруг бушует снежная буря. Может, у него и правда истерический невроз, и причиной тому — январь?

Мэл ненавидел январь. После того, как убирают рождественские украшения, церковь всегда выглядит неуютной и заброшенной, и даже свет в алтаре кажется тусклым. Нечего ждать, не на что надеяться… Богоявление позади, впереди только Великий пост и уплата налогов. И еще — Страстная пятница. Посещаемость и пожертвования падают, так как половина паствы лежит в постели с гриппом, а вторая наслаждается зимними круизами. И, судя по потерянному виду тех, кто все-таки посещает храм, они жалеют, что тоже куда-нибудь не уехали.

Вот почему он отказался от традиционной проповеди о христианском долге, а вместо этого выбрал одну из старых проповедей об обещании второго Пришествия. Ему очень хотелось встряхнуть прихожан и согнать с их лиц выражение тоски и оцепенения.

«Мы переживаем самое трудное время, — говорил Мэл. — Рождество позади, пора платить по счетам, а зима, кажется, никогда не закончится. Но Иисус сказал нам: «Бодрствуйте, ибо не знаете, когда придет хозяин дома: вечером, или в полночь, или в пение петухов, или поутру». И когда Он придет, мы должны быть готовы. Не важно, произойдет ли это завтра, или через год, или через тысячу лет. Возможно, Он уже здесь — прямо сейчас, в эту минуту…»

И как только Мэл произнес эти слова, он вдруг почувствовал с абсолютной уверенностью, что Христос действительно уже здесь, и он, Мэл, должен идти и встретить Его.

Но сейчас на него напали сомнения: а вдруг всему виной отчаянное желание оказаться где-нибудь подальше от холодного, мрачного алтаря?

В таком случае он явно выбрал не то место. Мороз крепчал, и окна в машине снова запотели. Он поставил стекло-обогреватель на максимум и время от времени протирал лобовое стекло перчаткой.

Сквозь густой снегопад вокруг ничего не было видно; к тому же поднялся сильный ветер. Мэл включил радио, послушать метеосводку.

— И в последние дни, читаем мы в Откровении Иоанна Богослова, «сделались град и огонь, смешанные с кровью, и пали на землю…»

«Надеюсь, это не прогноз погоды», — ухмыльнулся Мэл и защелкал каналами радиостанций.

— Последний скандал, развернувшийся вокруг президента…

— Во веки веков, аминь… — выводил голос РэнДи Трэвиса.

— …цены на свинину…

— И взмолились ученики: «Господи, дай нам знак!..»

«Знак — вот что мне сейчас нужно, — подумал Мэл, пристально вглядываясь в дорогу. — Доказательство того, что я не свихнулся».

Мимо с рычанием промчался контейнеровоз, и слепящие вихри снега смешались с выхлопными газами. Мэл наклонился к окну, чтобы рассмотреть разметку на дороге, и тут его обогнал еще один грузовик, с блестящими желто-оранжевыми машинками в кузове. Машинки для «автодрома» — как раз вовремя! Вот что нам всем понадобится, если метель не утихнет. Грузовик дернул вперед и, вихляя, выехал на полосу прямо перед Мэлом.

«Что ж, ты хотел получить знак, — подумал Мэл, едва успев затормозить. — Вот он. Четкий и ясный, словно написанный огненными буквами: «Возвращайся домой!» Выкинь из головы свои бредовые идеи. Ты погибнешь здесь, и что тогда подумает паства?»

Легко сказать — езжай домой… В снежной мгле дорога почти не просматривалась, не говоря уже об указателях, а стекла быстро покрывались корочкой льда. Он проверил, как работает стеклообогреватель, и снова потер стекло рукой.

Мэл боялся останавливать машину — фуры могут не заметить его и раздавить в лепешку, но другого выхода не оставалось. Ни от стеклообогревателя, ни от «дворников» не было никакого толка. Мэл опустил боковое стекло, высунулся наружу и постучал «дворником» по лобовому стеклу, чтобы сбить лед. Колючий снег обжег ему лицо, словно в кожу вонзились тысячи маленьких иголок.

— Хорошо, хорошо! — крикнул Мэл куда-то в ледяную мглу… — Я видел знак! Мне все ясно!

Зябко ежась, он закрыл окно и протер стекло изнутри. Единственное, что нужно было сейчас — это дорожный знак, но в такую пургу даже обочину рассмотреть было невозможно.

«Если я вообще на дороге», — невесело усмехнулся Мэл. Казалось, мир исчез в безграничной всепоглощающей белизне. Для полного счастья не хватает только свалиться в кювет…

Мэл уставился в окно, отчаянно пытаясь увидеть хоть что-нибудь — все равно что. И увидел пятнышко света.

По крайней мере так ему показалось. Для фар автомобиля слишком высоко — может, это мотоцикл? Впрочем, откуда здесь взяться мотоциклу в такую погоду? Наверное, какой-нибудь большой грузовик с прицепом.

Почему-то второго огонька рядом не было, но этот, единственный, горел ровно, и Мэл изо всех сил старался не отстать и не потерять его из вида.

«Дворники» заледенели и перестали работать, но пока Мэл опускал стекло, огонек исчез. А вдруг Мэл потерял и саму дорогу тоже? От этой мысли у него похолодело в животе. Но нет, свет никуда не делся: стало ясно, что это целое скопление огней — стрела, выложенная из круглых желтых лампочек.

Стрелка на крыше полицейской машины? Знак освободить дорожную полосу? Наверное, где-то впереди авария. Мэл нагнулся к окну, пытаясь рассмотреть голубое свечение фар «скорой помощи».

Но желтая стрелка продолжала уверенно двигаться вперед. Прищурившись, Мэл увидел, что она указывает вниз. И что ее движение замедляется. Мэл тоже снизил скорость, стараясь не отрывать взгляда от скользкой дороги. Скоро стрелка почти замерла на месте, и стало ясно, что это часть светящейся таблички, укрепленной на заднем борту грузовика. «Падающая звезда» — гласили мерцающие буквы, а чуть ниже, рядом со стрелкой, размещалась ярко-розовая вывеска: «Касса».

Грузовик остановился, помигал поворотником и снова тронулся с места. И тут в свете фар Мэл увидел запорошенный снегом красный дорожный знак «Стоп». И чуть дальше — указатель поворота.

Так значит, он следовал за светящейся стрелкой к съезду с трассы и даже не понимал этого. «Надеюсь, стрелка приведет меня в город», — подумал Мэл, мигнул правой фарой и съехал с шоссе вслед за грузовиком.

Однако несколько секунд Мэл все же потратил на раздумья и в результате потерял своего проводника. А метель здесь была еще сильнее, чем на автостраде.

Неожиданно впереди забрезжил свет. Да это же корона с вывески «Бургер Кинг»! Мэл рванул вперед и только когда уткнулся колесом в бордюр тротуара, понял, что снова ошибся: он приехал к отелю под названием «Королевский отдых», с короной из желто-зеленых огоньков над входом.

Припарковавшись, Мэл выбрался из машины и осторожно пошел по скользкой дорожке к дверям. В окне светилась вывеска «Свободные номера». Те же ярко-розовые буквы, что и

на табличке «Касса».

С дороги прямо перед Мэлом вывернула маленькая голубая «хонда» и остановилась у обочины. Оттуда выскочила пухленькая женщина в намотанном на голову шарфе.

— Какое счастье, что вы знали дорогу! — воскликнула она, натягивая бирюзовые перчатки. — Я, кроме ваших фар, вообще ничего не видела!

Женщина вытащила из багажника ярко-зеленую дорожную сумку.

— В такую погоду только безумцы ездят, правда?! — подмигнула она Мэлу.

Вот оно, еще одно подтверждение его мыслей.

— Точно, — кивнул Мэл, но она уже скрылась за дверями мотеля.

Итак, сейчас он снимет номер, пересидит метель и поедет обратно. Если повезет, он будет дома завтра утром, и миссис Билдербэк не успеет поставить всех на уши.

В холле отеля лысоватый мужчина за стойкой как раз протягивал толстушке ключ от комнаты, а другой рукой прижимал к уху телефонную трубку.

— Еще один, — говорил он.

Окончив разговор, мужчина подал Мэлу чистый бланк и ручку.

— Ну-с, а вы откуда приехали? — поинтересовался он.

— С востока, — кратко ответил Мэл. Администратор покачал головой.

— Считайте, что вам повезло! — Он посмотрел на новых постояльцев. — Все дороги с той стороны уже закрыты…

«Так видел я в видении коней и на них всадников…»
Откровение Иоанна Богослова, 9:17

Утром Мэл позвонил миссис Билдербэк и сказал:

— Не ждите меня сегодня. Я на несколько дней уехал из города.

— Да? — с интересом протянула секретарь.

— По личному делу, — добавил Мэл.

— Вот незадача!

О чем это она? Неужели у них там что-то случилось?

Мэл вдруг очень захотелось, чтобы так оно и было. Чтобы стряслось что-нибудь, требующее его немедленного возвращения. Может, у Гаса Ухэнка очередной инсульт? Или скончалась мать Лотти Миллар?

— Я-то ведь сказала Хуану, что вы сегодня будете на месте, — вздохнула секретарь. — Он как раз убирает рождественские украшения и не знает, что делать со звездой. Оставим ее до следующего Рождества или как? И вот еще что — запальник на котле снова вышел из строя. Утром тут было как на Северном полюсе!

— Надеюсь, Хуан разобрался с этим?

— Да, но кто-то все равно должен взглянуть. Что, если запальник сломается в субботу ночью?

— Позвоните Джейку Адамсу в «Отопительные системы». Джейк был дьяконом.

— Отопи-тель-ны-е систе-е-емы… — медленно проговорила миссис Билдербэк — видимо, записывала его слова в блокнот. — А что со звездой? Будем использовать ее в следующем году?

«Будет ли он вообще, следующий год?» — с сомнением подумал Мэл, а вслух сказал:

— Решайте сами.

— А экуменическое сообщество? Вы успеете вернуться к тому времени?

— Да-да, разумеется.

Он решил не высказывать вслух свои сомнения, чтобы не вызвать потока новых вопросов.

— Как с вами связаться, если что?

— Никак, я здесь только до завтра, — сказал Мэл и быстро повесил трубку.

Он сел на кровать и задумался: звонить Б.Т. или нет? За последние пятнадцать лет он не принял ни одного мало-мальски серьезного решения, не посовещавшись с приятелем, но сейчас Мэлу и так было ясно, что скажет Б.Т.

Они познакомились в комитете экуменического сообщества, когда председатель, сторонник унитарных взглядов, решил, что им необходимо включить в свой состав атеиста-биолога. Мэл подозревал, что председатель не случайно выбрал афроамериканца.

Эта инициатива стала чуть ли не единственным мудрым решением, которое когда-либо принял экуменический комитет. Сначала Мэл и Б.Т. единодушно ворчали по поводу творившегося там идиотизма, потом начали встречаться за шахматами, и, несмотря на то, что в спорах о политике и религии каждый остался при своем мнении, они как-то незаметно стали закадычными друзьями.

«Я просто обязан позвонить ему, — подумал Мэл, — иначе окажусь настоящим предателем».

Но что сказать Б.Т.? Что Мэлу было откровение? Что все пророчества, описанные в Библии, подтвердились? Это звучало бредом даже для самого Мэла, а Б.Т, который не верит не то что во второе, но и в первое Пришествие, просто на смех его поднимет!

А вдруг все-таки?..

Мэл набрал код города, но, не дождавшись гудка, бросил трубку и пошел сдавать ключи от номера.

Дороги на восток все еще были закрыты.

— Зато вы можете спокойно ехать на запад, — сказал администратор. — Говорят, к полудню снегопад закончится.

Хорошо бы… Шоссе основательно завалило снегом — ослепительная белизна резала глаза. Из кузова самосвала с песком, за которым пристроился Мэл, вылетел камушек и со звоном ударился в лобовое стекло, оставив на нем маленькую трещинку.

Зато дорога была почти пустой — если не считать нескольких фур да темно-синего пикапчика с наклейкой на бампере «Во время Вознесения в салоне никого не будет». Ни «хонды», ни грузовика с аттракционом поблизости не наблюдалось. Видимо, их хозяева все еще отсиживались в мотеле, потягивали кофе в ресторане. А может, решили отправиться на юг…

Промелькнул заснеженный щит с надписью: «Хотите узнать погоду — включите 1410 AM». Что Мэл и сделал.

— И в последние дни явится сам Иисус… — зазвучал голос евангелистского священника. Интересно, был это тот, вчерашний, или новый? Почему-то все они говорят на один манер — с одинаковым акцентом, с одинаковой интонацией. — Откровение Иоанна Богослова гласит, что Он явится верхом на белом коне, во главе могущественной армии праведников, чтобы сразиться с Антихристом в последней великой битве под названием Армагеддон. И тогда прелюбодеи и убийцы нерожденных младенцев будут жестоко наказаны!

«Снова угрозы в духе «Вот погоди, отец вернется — задаст тебе жару!»», — усмехнулся про себя Мэл.

— Хотите спросить, откуда я все это знаю? — надрывался радиоприемник. — Я скажу вам! Мне явился Господь и объявил: «Будет много признаков того, что приход Мой близок. На земле умножатся распри и войны». Конечно же речь идет об Ираке, друзья мои. «Участятся солнечные затмения, грешники получат власть и богатство». Оглянитесь вокруг, кто сегодня преуспевает? Доктора, наживающиеся на абортах, гомосексуалисты и безбожники! Но когда явится Христос, они все получат по заслугам! Господь говорил со мной так же, как Он беседовало Моисеем, Исайей…

Мэл выключил радио, но мрачные мысли никуда не делись. Именно это и беспокоило его с самого начала поездки: как узнать, что его видение не того же сорта, что и у

евангелиста из радиопрограммы? Этими проповедниками руководит злоба, ненависть и фанатизм. Иисус говорил с ними не больше, чем пришельцы из космоса.

«А к тебе, значит, Он действительно обращался?» — иронически спросил себя Мэл. И с чего вдруг такая уверенность? Некоторым кажутся реальными голоса, приказывающие бросить бомбу в абортарий. Эмоции ничего не доказывают, и совпадения тоже. «Как насчет подтверждения извне?» — поинтересовался бы Б.Т. скептически.

Из-за туч выглянуло солнце, и слепящий блеск белой дороги, белых полей стал почти нестерпимым. Мэл едва успел заметить грузовик с включенной аварийной сигнализацией, стоящий у обочины дороги. Сначала он подумал, что машину просто вынесло с проезжей части, но, подъехав ближе, увидел, что это один из грузовиков парка развлечений. Из поднятого капота валил пар. Рядом стоял парень в джинсовой куртке и голосовал, подняв вверх большой палец.

Мэл подумал, что должен остановиться, но ведь он уже проехал с десяток метров, и потом — разве подбирать автостопщиков неопасно?

Выяснилось это абсолютно случайно, в прошлом году, когда Мэл читал проповедь о добром самаритяне. «Не станем же уподобляться левиту и фарисею, которые проехали бы мимо человека, попавшего в аварию, лишившегося автомобиля, — внушал он своей пастве. — Давайте будем самаритянами, которые останавливаются и протягивают пострадавшим руку помощи».

Мэлу эта тема казалась совершенно безобидной, и он был шокирован поднявшимся среди прихожан ропотом. «Не могу поверить, что вы призываете нас пускать в машину незнакомцев! — кипел от ярости Дэн Кросби. — Если мою дочку изнасилуют, я подам на вас в суд!»

«О чем вы только думали? — сокрушенно сказала миссис Билдербэк, повесив телефонную трубку (ей пришлось немало попотеть, успокаивая возмущенную Мэйбл Дженкинс). — В новостях Си-эн-эн на прошлой неделе рассказывали, как человек остановился, чтобы помочь какой-то парочке — у них закончился бензин, — и в результате ему отрезали голову!»

В следующее воскресенье пришлось выступить с самоопровержением: Мэл объявил, что женщинам не следует оказывать помощь незнакомцам (что привело в ярость Мэйми Роллет — по феминистским соображениям), а всем остальным посоветовал в таких случаях вызывать дорожный патруль. Мэл, правда, с трудом представлял себе доброго самаритянина с мобильным телефоном…

Впереди был разворот, но перед ним стоял знак «Только для служебных автомобилей».

«И если мне отрежут голову, — подумал Мэл, — прихожане скажут: «Так ему и надо!»

Снегопад начался снова. Зеленый указатель сообщал, что до ближайшего городка оставалось сорок пять километров.

А прошлой ночью грузовик парка аттракционов стал для Мэла добрым самаритянином…

«Так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне», — пробормотал Мэл, развернулся и поехал назад.

Грузовик стоял на том же месте, но водителя нигде не было видно. Вот и отлично! Значит, парня подобрал какой-то другой самаритянин… Но тут водитель выбрался из кабины и, засунув руки в карманы, пошел к автомобилю Мэла. «Зря я остановился», — отругал себя Мэл. На лбу парня, под прядями сальных волос, красовался длинный кривой шрам.

Парень склонился к окну, и Мэл увидел, что он намного моложе, чем ему показалось с первого взгляда. Совсем юнец!

А как же Билли Кид? Или Эндрю Кунанан?

Мэл опустил боковое стекло и спросил:;

— Что там у вас стряслось?

— Мотор сдох, — улыбнулся паренек.

— Подвезти вас до города? — неуверенно предложил Мэл. Юноша тут же открыл

дверцу, но правую руку продолжал держать в кармане куртки.

«А вот и пистолет», — сообразил Мэл.

Паренек скользнул на сиденье и захлопнул дверь, по-прежнему не вынимая руки из кармана. «Найдут мое тело в разграбленной машине и решат, что я во что-то вляпался. Стал наркодилером, например», — подумал Мэл и тронулся с места.

— Ну и холодище! — потряс головой попутчик, вынимая правую руку из кармана и потирая ладони. — Я целую вечность торчал на морозе!

Мэл прибавил отопления, а паренек наклонился вперед и подставил руки под струи теплого воздуха, выходящие из вентилятора. На тыльной стороне ладоней красовались татуировки: на одной — голубь мира, а на другой — свирепой наружности лев; обе татуировки имели какой-то кустарный вид. Мэл присмотрелся: руки парня покраснели и в некоторых местах покрылись отвратительными белыми пятнами. Юноша потер ладони и сморщился от боли.

— Не надо! — вскрикнул Мэл и импульсивно схватил парня за рукав. — Так только хуже будет! Похоже, вы серьезно обморозились; Надо… — Он замолчал. Что же положено делать в таких случаях? Опустить руки в теплую воду? Обернуть их шерстяной тканью? — Подождите, пока руки сами согреются, — сказал он наконец.

— А помочь им можно? — спросил юнец.

Он снова протянул ладони к вентилятору, а потом коснулся трещинки на лобовом стекле.

— Плохо дело! Теперь она поползет дальше!

Бледные пятна на багрово-красной коже выглядели все хуже и хуже.

Не выпуская руль, Мэл зубами стянул с себя перчатки и протянул их попутчику.

— Возьмите, они двухслойные, на утеплителе.

Он несколько секунд пристально смотрел на Мэла, а потом взял перчатки.

— Вам нужно показаться доктору, — сказал Мэл. — Я могу завезти вас в отделение экстренной помощи, когда доберемся до города.

— Не стоит, и так заживет. — Паренек махнул головой. — Я привык к холоду, с моей-то работой!

— Кстати, а что парк аттракционов тут делает в середине зимы? — поинтересовался Мэл.

— Так это же самое лучшее время! И какой сюрприз для всех! А вы что здесь делаете?

Интересно, что сказал бы парень, если бы узнал правду?

— Я священник.

Это не был ответ на вопрос, строго говоря, но не пугать же паренька рассказами о видениях!

— Проповедник, значит! Верите во второе Пришествие, да? От неожиданности Мэл чуть не разинул рот.

— Второе Пришествие?

— Ну да. К нам тут недавно заезжал один священник и все грозился, что И исус скоро вернется и задаст людям жару за то, что его распяли. Горы опрокинет, всю планету сожжет дотла…

Мэл покачал головой.

— Я не думаю, что Иисус вернется мстить.

— А проповедник вещал, что так, мол, в Библии написано.

— В Библии много такого, что на самом деле оказывается не тем, чем кажется на первый взгляд…

Паренек понимающе кивнул.

— Как сиамские близнецы.

— Сиамские близнецы?

Мэл не помнил, чтобы в Библии упоминалось что-то подобное.

— Да, как у нас на ярмарке в Фарго. На одном из павильонов была огромная вывеска:

«Сиамские близнецы. Не пропустите!» Народ платил деньги, потому что все, само собой, надеялись поглазеть на сросшихся людей, а внутри в клетке сидели два сиамских котенка.

— Ну, не совсем так… Проповедники все-таки не жулики, которые обманывают людей…

— А как насчет Розвелла? Вскрытие трупа инопланетянина и все такое? Вы считаете, это тоже мошенничество?

Вот он, знак извне. Мэл ничем не отличается от аферистов и распространителей слухов об НЛО.

— Не знаю, захотел бы я вернуться, если бы со мной так обошлись… — задумчиво протянул попутчик, и Мэл не сразу понял, что он имеет в виду Христа. — И уж в любом случае я бы хорошенько загримировался.

«Как в прошлый раз, — подумал Мэл, — когда Он пришел в наш мир в облике младенца».

Парень озабоченно рассматривал трещину на ветровом стекле.

— Н-да… Можно попробовать чем-нибудь заклеить, но ее все равно не остановишь. Она будет расти, и тут уж ничего не поделаешь! Ничто ее не остановит! — задумчиво проговорил он. — Смотрите, вон знак! — Паренек ткнул пальцем в окно. — Вэйсайд, одна миля до съезда с шоссе.

У заправочной станций юноша начал стягивать с рук перчатки.

— Не надо, оставьте себе! — запротестовал Мэл. — Подождать, пока вы не раздобудете тягач?

— Нет, я Питу позвоню…

Парень сунул руку в карман джинсовой куртки и достал оттуда три оранжевых кусочка картона с надписью «Для двоих».

— Билеты в наш парк, — пояснил паренек. — У нас есть тройное колесо обозрения — три обода, один внутри другого. И огромный аттракцион «Комета».

Мэл разделил слипшиеся прямоугольнички и сказал:

— Но вы дали мне три штуки…

— Друзей приведете, — пожал плечами юноша, захлопнул дверь и пошагал к заправке.

Друзей приведете.

Мэл вернулся на шоссе. Становилось совсем темно, и Мэл надеялся, что до следующей развязки не придется тащиться так долго.

Друзей приведете.

«Надо было рассказать все Б.Т.», — ругал себя Мэл. Конечно, приятель бы заявил: «Выкинь из головы этот бред и никуда не езди! Я найду тебе хорошего психиатра!» И все же…

— Надо было ему все рассказать! — убежденно повторил Мэл. С той же убежденностью он тогда, в церкви, поверил в реальность второго Пришествия. А сейчас между ним и Б.Т. — сотни миль обледеневших и занесенных снегом дорог. Он, Мэл, предал их дружбу и обрек себя на одиночество…

На следующем съезде с автострады не было даже заправки, а на другом — только одно кафе. Лишь к восьми вечера Мэл добрался до «Сион-Центра» и «Холидей Инн».

Он оставил вещи в багажнике, вошел в гостиницу и направился через холл к телефону.

— Здравствуйте! — Ему навстречу поднялась невысокая пухленькая женщина, его вчерашняя знакомая. — Снова мы с вами встретились! Ну и жуть на дорогах, правда? — жизнерадостно спросила она. — Я два раза чуть не завалилась в кювет! У моей бедной «хонды» нет полного привода, так что…

— Простите, — перебил ее Мэл, — мне надо срочно позвонить.

— Не выйдет! — по-прежнему радостно сообщила ему женщина. — Связь не работает!

— Что?

— Это все из-за шторма. Я только что пыталась позвонить сестре, но мне сказали, что телефон не работает с самого утра. Одному Богу известно, что вообразит моя сестрица, если

я не позвоню! Я обещала звонить ей каждый вечер и давать полный отчет о путешествии.

Итак, он не может ни увидеться с Б.Т., ни даже услышать его голос.

— Извините, — сказал Мэл и пошел назад, к стойке администратора.

— Вы не знаете, дороги на восток уже открыли? — спросил он девушку за стойкой.

Та покачала головой.

— Дороги между Малколмом и Айова-Сити все еще закрыты. Вам нужна комната, сэр? Сколько вас?

— Двое, — прозвучал голос за спиной Мэла.

Мэл резко обернулся. Сзади, у дальнего конца стола, стоял Б.Т.

«И другое знамение явилось на небе: вот, большой красный дракон…»

Откровение Иоанна Богослова, 12:3

Мэл чуть не потерял дар речи от радости и удивления и смог заговорить только через несколько секунд. Откуда-то издалека, словно сквозь туман, до него доносился голос девушки-администратора, но разобрать слов не удалось.

— Что ты здесь делаешь? — выдохнул Мэл.

Б.Т. улыбнулся неторопливой, обезоруживающей улыбкой.

— Это я тебя должен спросить.

Теперь, когда Б.Т. здесь, придется все ему рассказать. Неожиданно чувство облегчения сменилось раздражением и легкой злостью.

— Я думал, дороги закрыты, — уклончиво ответил Мэл.

— Да, но я добирался другим путем.

— Как вы будете платить? — спросила девушка. Судя по всему, она уже не в первый раз задавала этот вопрос Мэлу.

— Кредитной карточкой, — поспешно сказал Мэл и полез в карман за бумажником.

— Номер водительского удостоверения, сэр?

— Долетел до Омахи и там взял в аренду машину, — объяснял тем временем Б.Т.

Мэл протянул девушке карточку «Мастеркард» и назвал номер удостоверения.

— Штат?

— Пенсильвания.

Мэл с подозрением посмотрел на Б.Т. — Как ты меня нашел?

— В наше время найти кого-нибудь, имея под рукой компьютер — сущая ерунда! «Водительское удостоверение, сэр? Будете платить кредитной карточкой, сэр?» — пропищал он, подражая голосу администратора.

Девушка протянула Мэлу конверт,

— Внутри номер комнаты. Мы не указываем его на ключе — из соображений безопасности.

«Как будто номера нет в компьютере», — усмехнулся про себя Мэл. Возможно, Б.Т. уже его знает.

— Ты так и не ответил, — напомнил Б.Т. — Что ты здесь все-таки делаешь?

— Мне нужно забрать вещи, — сказал Мэл и прошел мимо Б.Т. к выходу.

На стоянке он открыл багажник, но Б.Т. догнал его и перехватил чемодан — словно взял Мэла под свою опеку. Или под охрану.

— Как ты вообще узнал, что я уехал из города? — поинтересовался Мэл. Впрочем, он уже знал ответ. — Миссис Билдербэк сказала?

Б.Т. кивнул.

— Ага. Она начала волноваться после твоего звонка, потому что ты не пытался

увильнуть от встречи экуменического сообщества, как обычно.

«Что ж, — подумал Мэл, — именно маленькие промахи всегда и выдают преступников…»

— Миссис Билдербэк решила, что ты серьезно болен и поехал показаться специалисту, — продолжил Б.Т., и его темнокожее лицо помрачнело. — Специально уехал из города, чтобы никто ничего не узнал. Она думает, что у тебя опухоль мозга. — Б.Т взял чемодан в другую руку. — Она права?

Опухоль мозга. Такое удобное оправдание… У Айвора Соренсона была опухоль мозга, отчего он как-то раз стоял как истукан на протяжении всего сбора пожертвований — бедняге казалось, что на скамью рядом с ним уселся страус.

— Ты болен? — снова спросил Б.Т. — Нет.

— Что тогда стряслось? Что-то серьезное, да?

— Здесь дикий холод. — Мэл дернул плечами. — Давай поговорим в помещении.

Б.Т. не двинулся с места.

— Чтобы ни случилось, — сказал он медленно, — даже если это что-то очень плохое, не скрывай от меня, пожалуйста.

— Хорошо. — Мэл внимательно посмотрел на друга. — «Бодрствуйте, потому что не знаете ни дня, ни часа, в который приидет Сын Человеческий». Евангелие от Матфея, глава двадцать пятая, стих тринадцатый. Так вот, я верю, что Он уже здесь. Что второе Пришествие уже свершилось. Мне было что-то вроде откровения.

Воцарилось молчание.

Что бы там ни предполагал Б.Т. — смертельное заболевание или растрату церковных денег (а то и какое-нибудь более тяжкое преступление), на такое объяснения он явно не рассчитывал. Лицо приятеля помрачнело еще больше.

— Второе Пришествие… — эхом проговорил он. — Пришествие Христа, ты хочешь сказать?

— Да.

И Мэл рассказал, что случилось во время воскресной службы.

— Знаешь, хор чуть в обморок не упал от испуга.

— Миссис Билдербэк рассказывала, — кивнул Б.Т. — Говорит, ты замер на середине предложения, положил руку на лоб и уставился куда-то вдаль. Вот почему она решила, что у тебя опухоль мозга. И как долго продолжалось это э-э… видение?

— Не было никакого видения. Это было откровение, прозрение — называй, как хочешь.

— Прозрение… — повторил Б.Т. каким-то тусклым, невыразительным голосом. — И тебе было сказано, что Он здесь? В «Сион-центре»?

— Нет. Я пока не знаю, где Он.

— Не знаешь… — снова повторил Б.Т. — Значит, ты просто прыгнул в машину и помчался куда глаза глядят?

— На запад, — уточнил Мэл. — Я верю, что Он где-то на западе.

— Где-то на западе…

Б.Т. говорил тихо и очень спокойно, задумчиво потирая подбородок.

Тут Мэл внезапно рассердился и резко захлопнул багажник.

— Почему ты просто не назовешь меня психом?! Ты ведь уверен, что я сошел с ума?

— Я думаю, мы оба сошли с ума, — улыбнулся Б.Т. — Торчим тут, под снегом, и ссоримся. Кстати, ты ужинал?

— Нет.

— И я нет. Пойдем перекусим? И Б.Т. взял Мэла под руку.

— А как насчет дозы антидепрессантов и смирительной рубашки? — криво улыбнулся Мэл.

— Я предпочел бы стейк. Разве не это фирменное блюдо жителей Айовы?

— Нет, кукуруза.

«И видел я:…колеса по виду как бы из камня топаза.

И по виду все четыре сходны, как будто бы колесо находилось в колесе».

Книга пророка Иезекииля, 10:9—10

В меню, на обложке которого красовалась звезда — фирменный знак «Холидей Инн», не было ни стейка, ни кукурузы. Да и вообще в ресторане почти не осталось еды. «Дороги ведь закрыты, — Объяснила официантка. — Есть курица «терияки» и «чоу-мейн» из говядины».

Они заказали «чоу-мейн» и кофе. После ухода официантки Мэл ждал от Б.Т. новых расспросов, но тот лишь поинтересовался, что творилось сегодня на дороге, и рассказал о собственных приключениях в пути. «О'Хара интернэшнл» в Чикаго из-за шторма был закрыт, как и аэропорты в Денвере и

Канзас-Сити, так что Б.Т. пришлось лететь до Альбукерка и уже оттуда — в Омаху.

— Извини, что втянул тебя во все эти перипетии, — виновато сказал Мэл.

— Я ведь беспокоился о тебе…

Официантка принесла их заказ. К «чоу-мейн» прилагались картофельное пюре и стручковая фасоль.

— Интересно, — задумчиво протянул Б.Т., ковыряясь вилкой в пюре. Он отправил в рот несколько кусочков мяса, а потом отодвинул тарелку в сторону. Вот чего я не понимаю… Второе Пришествие — это ведь когда Христос вернется на землю, так? Разве в Библии не говорится, что Он придет в блеске и великолепии славы, сопровождаемый гласом труб й пением ангелов?

Мэл кивнул.

— Как же тогда вышло, что Он явился, а никто об этом и не подозревает?

— Понятия не имею. — Мэл пожал плечами. — Я только знаю, что Он уже здесь.

— Но где точно, тебе неизвестно, так?

— Нет. Я всю дорогу ждал какого-нибудь знака…

— Знака?

— Ну да! — Мэл снова начал злиться. — Неопалимая купина, столп пламени, звезда — любой знак, говорящий, что я на верном пути!

Должно быть, он повысил голос. Официантка торопливо подошла к ним, положила на столик счет и, окинув взглядом едва тронутую еду, спросила, можно ли унести тарелки.

— Да, пожалуйста, — кивнул Мэл.

— Счет оплатите у администратора, — сказала официантка и удалилась с подносом.

— Послушай, — откашлявшись, заговорил Б.Т. — Человеческий мозг — очень сложная штука, и его химический состав время от времени меняется. Кстати, ты принимаешь какие-нибудь лекарства? Есть препараты, под влиянием которых люди иногда слышат голоса и…

— Я не слышал голосов, — перебил его Мэл.

Он поднялся, взял счет и полез в карман за бумажником. Оставив на столе чаевые, Мэл направился к стойке администратора.

— Ты сказал, это было очень сильное чувство, — продолжил Б.Т., когда Мэл расплатился. — Иногда эндорфины… Кстати, с тобой раньше случалось что-нибудь подобное?

Мэл в упор посмотрел на Б.Т.

— Да. Один раз.

— Когда? — взволнованно спросил Б.Т.

— В девятнадцать лет. Я тогда учился в юридическом колледже. Однажды мы с моей

девушкой пришли в церковь и услышали от проповедника, что танцы — это страшный грех и что якобы грешно даже общаться с теми, кто этим увлекается! Священник твердил, что Господь осуждает и порицает людей, которые мешаются с безбожниками, поскольку те развращают душу верующего. Сказать такое об Иисусе, надо же! Да Он полжизни провел в обществе сборщиков налогов, проституток, прокаженных и других отбросов общества! И когда я подумал об этом, меня вдруг захлестнуло непреодолимое чувство, что…

— Прозрение, — кивнул Б.Т.

— …что я должен что-то сделать, что я обязан противостоять таким священнослужителям. Поэтому я поднялся в середине службы, пошел домой и отправил документы в духовную семинарию.

Б.Т. потер рукой подбородок и спросил:

— И что, вчерашнее откровение было того же плана?

— Да.

— Преподобный Абрамс! — раздался вдруг женский голос у них за спиной.

Мэл обернулся. К ним спешила низенькая толстушка, с которой он прошлой ночью встретился в мотеле, и которая сегодня пыталась дозвониться до родных. В руках она держала все ту же огромную ярко-зеленую сумку.

— Кто это? — спросил Б.Т.

Мэл недоуменно потряс головой. Интересно, откуда она знает его имя?

Толстушка подошла к ним и, задыхаясь от быстрой ходьбы, выпалила:

— О, преподобный Абрамс! Я хотела поблагодарить вас — кстати, меня зовут Кэсси Хантер… — Женщина протянула руку с пухлыми, унизанными кольцами пальцами.

— Приятно познакомиться. — Мэл кивнул в сторону Б.Т. — Это доктор Бернард Томас. А я Мэл Абрамс.

Кэсси кивнула.

— Я слышала, как администратор называла вас по имени. Простите, но я так и не успела поблагодарить вас за то, что вы спасли меня прошлой ночью!

— Спас? — Б.Т. озадаченно посмотрел на Мэла.

— Я пробиралась по шоссе в жутком буране и, если бы не фары автомобиля преподобного Абрамса, наверняка распрощалась бы с жизнью! Свалилась бы в кювет и — поминай как звали!

— Благодарить нужно не меня, а водителя грузовика из парка аттракционов — я ехал за ним. Вот кто спас нас обоих.

— Да-да, я видела эти грузовики с каруселями и торговыми павильонами! — воскликнула Кэсси. — Удивительно! Что они делают в Айове в середине зимы? Конечно, точно так же можно спросить, что делает здесь вышедшая на пенсию учительница английского! — Она звонко рассмеялась. — Впрочем, если на то пошло — что вы здесь делаете?

— Едем на религиозную встречу, — ответил Б.Т., прежде чем Мэл собрался с мыслями.

— Правда? А я объезжаю места, где родились известные писатели. Дома все думают, что я чокнутая, но… Погода испортилась лишь пару дней назад! Кстати, говорят, что телефонную линию наладят к завтрашнему утру, так что вы тоже сможете позвонить.

Она покопалась в необъятной дорожной сумке и извлекла оттуда конверт с ключами от номера.

— Ну вот, я просто хотела сказать вам спасибо! — Женщина кивнула и поспешила через холл к буфету.

— А кому ты хотел звонить? — поинтересовался Б.Т.

— Тебе, — горько усмехнулся Мэл. — Я вдруг решил, что должен все рассказать — даже если ты и посчитаешь, что я рехнулся.

Б.Т. ничего не ответил.

— Ты ведь именно так и думаешь, только вслух не говоришь, да? Ну, скажи, скажи, что у меня не все в порядке с головой!

На этот раз рассердился Б.Т.

— Да, именно так я и думаю — ты свихнулся! А чего ты ждал, собственно говоря? Срываешься с места, не говоря никому ни слова, лезешь прямо в эпицентр снежной бури, и все потому, что тебе померещилось второе Пришествие!

— Мне не…

— Хорошо, хорошо, не померещилось, на тебя снизошло откровение. На прошлой неделе в журнале «Глоуб» то же самое говорила женщина, которая увидела Деву Марию на своем холодильнике. И люди из секты «Врата рая». Хочешь сказать, они тоже не сумасшедшие?

— Нет, не хочу. — Мэл пошагал через холл к номеру.

Б.Т. семенил рядом, продолжая взывать к его здравому смыслу.

— Пятнадцать лет ты бесился из-за всех этих «духовных целителей» и сектантов, которые уверяют, что у них прямая телефонная связь с Господом Богом, называл их мошенниками, а теперь сам поверил во всю эту чепуху?

— Нет, — буркнул Мэл, не сбавляя шагу.

— Хочешь сказать, что твое прозрение совсем другого сорта!

— Ничего я не хочу сказать! — Мэл остановился и резко повернулся к Б.Т. — Ты сам явился сюда и пристал с расспросами. Я тебе ответил. Ну что, доволен? Возвращайся домой, обрадуй миссис Билдербэк, что у меня не опухоль мозга, а всего лишь гормональный дисбаланс.

— А ты что собираешься делать? Ехать на запад до тех пор, пока не свалишься с пирса Санта-Моники?

— Я собираюсь найти Его.

Б.Т. широко открыл рот, словно собирался что-то сказать, а потом развернулся и пошел прочь.

Мэл провожал взглядом его спину, пока Б.Т. не вышел из холла, захлопнув за собой дверь.

«Друзей приводите, — крутилось в голове у Мэла. — Друзей приводите…»

«Теперь мы видим как бы сквозь стекло, гадательно, тогда же лицем к лицу».

Первое поедание к Коринфянам, 13:12

«Я собираюсь найти Его», — заявил Мэл Б.Т. Хорошо, что приятель не крикнул в ответ: «Как?», потому что ответа на этот вопрос Мэл не знал.

Ему не было никакого знака, а значит, ответ где-то в другом месте. Мэл сел на край кровати и достал из тумбочки гидеоновскую Библию. Он положил подушки одна на другую, у изголовья кровати и, устроившись поудобнее, открыл Откровение Иоанна Богослова.

Радиоевангелисты представляют дело так, словно рассказ о втором Пришествии является отдельной главой Библии. На самом деле же сведения о нем разбросаны по всему Священному Писанию: двадцать четвертая глава в Евангелии от Матфея, отдельные упоминания у пророков Исайи и Даниила, у Иоанна и Иоиля, в Откровении Иоанна Богослова, у Иеремии и во Втором послании к Фессалоникийцам. Слушая евангелисте кие проповеди, можно подумать, что все пророки писали о втором Пришествии в одно и то же время; а ведь они наверняка даже имели в виду разные вещи.

И все эти обрывочные сведения весьма противоречивы. Кто-то говорит о гласе трубном и о том, что Христос сойдет с небес на облаке, в блеске величия и славы. Другие утверждают, что Спаситель явится сидящим на коне белом в сопровождении ста сорока четырех тысяч запечатленных. Не исключено также, что Он прибудет незаметно и

бесшумно, яко тать в нощи. Некоторые считают, что в этот день начнутся землетрясения и эпидемии и звезда упадет с небес. Из моря выйдет дракон или же появятся четыре зверя: один с головой льва и орлиными крыльями, второй — с головой медведя, еще один зверь как барс, с птичьими крылами и четырьмя головами, а последний — страшный и ужасный и весьма сильный — с десятью железными рогами. По другой версии, тьма покроет землю, и мрак — народы.

И ни в одном из этих запутанных предсказаниях не называется место, где появится Иисус. Лука утверждает, что праведники «придут от востока и запада, и севера… в Царствие Божие»; пророк Иоиль толкует об «опустошенной степи», а Иеремия — о «пустыне и ужасе», но точного места не называет никто.

Единственное географическое название, которое дают все пророки — это Армагеддон (или Хар-Мегидо, или Ар-Химда), но слово это встречается только в библейских текстах и его значение до сих пор не установлено. Оно, вероятно, имеет древнегреческое или древнееврейское происхождение, но вполне может означать что-нибудь вроде «равнина», «долина» или «место вожделенное».

Мэл. вспомнил, что, по мнению некоторых исследователей, слово «Армагеддон» относится к равнине у горы Мегиддо, где произошла знаменитая битва между израильтянами и войском кананитян под предводительством Сисеры. Однако горы Мегиддо не было ни на древних, ни на современных картах; она может находиться где угодно.

Мэл надел пальто и ботинки и отправился к машине за атласом. У автомобиля, прислонившись к багажнику, стоял Б.Т.

— И давно ты здесь мерзнешь? — спросил Мэл. Впрочем, можно было и не спрашивать. Темное лицо Б.Т. скукожилось от холода, а руки он засунул поглубже в карманы — в точности как юнец из грузовика.

— Я тут подумал… — сказал Б.Т., клацая зубами. — До четверга у меня особых дел нет, а домой лететь что из Денвера, что из Омахи — разницы никакой. Если до Денвера вместе поедем, будет время…

— Отговорить меня от сумасшедших затей? — поинтересовался Мэл.

— Нет, разобраться во всех этих э-э… откровениях.

— Хорошо. — Мэл распахнул дверь машины. — Едем в Денвер. А сейчас возвращайся в гостиницу — до утра я все равно никуда не денусь. — Он достал из бардачка атлас. — Хорошо еще, что мне понадобилась эта штука. А если бы я не пришел, ты что, стоял бы тут до тех пор, пока не превратился в сосульку?

Б.Т. кивнул, стуча зубами.

— Видишь, не один ты сумасшедший.

«И сбывается над ними пророчество Исайи, которое говорил слухом услышите — и не уразумеете, и глазами смотреть будете — и не увидите…»

Евангелие от Матфея, 13:14

В «Сион-центре» не оказалось офиса компании «Хертц».

— Ближайший прокат автомобилей в Редфилде… — сообщил Б.Т., чуть не плача.

— Я подберу тебя там, — пообещал Мэл.

— Точно? А ты не сбежишь?

— Нет, обещаю.

— А вдруг ты увидишь этот свой знак, что тогда?

— Если мне попадется неопалимая купина, я съеду с дороги и дам тебе знать, — сухо сказал Мэл. — Езжай за мной, если хочешь.

— Отлично! — обрадовался Б.Т. — Так и сделаем!

— Только я не знаю, где находится агентство по прокату.

— Как доберемся до Редфилда, я поеду вперед. Что слышно о состоянии дороги?

— Гололед, снежные заносы. Видимость хорошая.

Мэл сел за руль. Парень из грузовика был прав — за ночь трещина на ветровом стекле увеличилась, пустив в стороны три длинных отростка и один короткий.

Всю дорогу Мэл ехал впереди, сигнализируя Б.Т. обр всех изменениях на полосе и стараясь несильно отрываться от товарища. Вдруг Б.Т. подумает, что он хочет сбежать?

Похоже, водители парка аттракционов тоже ночевали в «Сион-центре». Мэл обогнал грузовик с составными частями аттракциона «Качели-карусели» и еще один, нагруженный штабелями обернутых пленкой зеркал — видимо, из «Комнаты смеха». Мимо на всех парах промчался «блейзер» с наклейкой на бампере «Как наступит Вознесение, я удеру!»

Мэл выехал на автостраду и включил радио.

— …снежные заносы. Местами облачно, но часам к десяти утра облака рассеются. Дорога между Виктором и Давенпортом, а также 35-я магистраль и 218-я трасса закрыты. Отменены занятия в школах городов Эйджуотер, Беннетт, Олат, Оскалуса, Винтон, Шеллсбург…

Мэл покрутил колесико радиоприемника.

— …Но истинные верующие не должны бояться второго Пришествия, — твердил очередной евангелист, на этот раз с техасским акцентом. — «Книга откровения» гласит, что Иисус обережет нас от мук и страданий и поведет с собой в священный град, сияющий, подобно драгоценному камню, и напоит жаждущих из реки воды живой, и лев возляжет рядом с агнцем, и там…

На линии начались помехи, и голос евангелиста утонул в шуме и треске. Впрочем, это было даже к лучшему — сгущался туман, и Мэлу пришлось полностью сосредоточиться на дороге.

Туман становился все плотнее, словно землю укутали непроницаемым белым одеялом, и Мэл включил фары. Светлее от этого не стало, но Мэл надеялся, что огни хотя бы помогут Б.Т. не потеряться в тумане. По крайней мере Кэсси они выручили. Сам Мэл видел дорогу только на расстоянии нескольких ярдов от машины. Не знак ли это? Похоже, пришло время вспомнить о здравом смысле.

— Господь Бог объявил нам Свою волю, — прорвался в эфир голос проповедника. — У истинно верующих не возникает никаких сомнений и никаких вопросов по этому поводу.

«А вот у меня десятки вопросов», — подумал Мэл. Например, почему на карте Небраски нет горы под названием Мегиддо? Ее нет ни в Канзасе, ни в Колорадо, ни в Нью-Мехико… И ни одно из пророчеств не помогает отыскать это место. Да, в Библии упоминается Царствие Небесное, но его тоже, понятное дело, нет на карте.

— Вы спросите, откуда я знаю, что Спаситель уже в пути? — вдруг снова прорвался в эфир голос евангелиста. — Потому что Священное Писание сообщает нам совершенно точно, как и когда Он придет!

«Очередная ложь», — подумал Мэл. «Не знаете ни дня, ни часа, в который при идет Сын Человеческий», — говорится в Евангелии от Матфея. Лука утверждает: «Ибо, в который час не думаєте, при идет Сын Человеческий». В Откровении Иоанна Богослова тоже написано: «Найду на тебя, как тать, и ты не узнаешь, в Который час найду на тебя». Это едва ли не единственное, с чем согласны все христианские пророки и апостолы.

— Оглянитесь, и вы увидите знамения повсюду! — надрывался евангелист. — Не замечать их — все равно что не видеть своего собственного носа в зеркале! Загрязнение воздуха, попытки либералов отменить молитвы в школах, падение нравов! Только слепой не поймет, что все это значит! Откройте же глаза и посмотрите вокруг!

«Лично я не вижу ничего, кроме тумана», — подумал Мэл. Он снова включил стеклообогреватель и потер лобовое стекло рукавом куртки. Весь мир словно растворился в слепящей белизне, так что Мэл чуть не пропустил поворот на Редфилд. К счастью, в городе туман поредел, и они нашли не только агентство по прокату автомобилей, но и местный

«Тейсти-Фриз». Пока Б.Т. сдавал машину, Мэл зашел в кафе купить что-нибудь съестное.

В кафе толпились местные фермеры, и, само собой, разговор шел о погоде.

— Чертовы синоптики! — громко возмущался мужчина в бейсболке и меховых наушниках. — Обещали, что тумана не будет!

— Они просто забыли уточнить где, — усмехнулся его приятель в пуховике. — Поднимись в воздух на какие-нибудь тридцать тысяч футов, и там будет прекрасная видимость!

— Номер шесть! — крикнула женщина за стойкой, и Мэл подошел к кассе расплатиться за ланч.

На стене висела ярко-зеленая афиша парка развлечений. «Не пропустите! Захватывающие аттракционы! Невиданное наслаждение!».

«Да уж, — подумал Мэл. — На колесе обозрения в такую стужу точно дух захватывает…»

Это была старая афиша. «Литтлтаун, 24 декабря. Форт-Додж, 38 декабря. Каир, 30 декабря».

Б.Т. уже сидел в машине. Мэл протянул приятелю кофе и бумажный пакет с гамбургерами и выехал на шоссе.

Что было очень глупо. Туман настолько сгустился, что Мэл даже не выпустил руль, чтобы взять протянутый Б.Т. гамбургер.

— Попозже, — отмахнулся Мэл и наклонился вперед. — Ты пока ешь, а через пару поворотов заменишь меня.

Однако впереди не наблюдалось ни одного поворота; по крайней мере в тумане их не было видно. Они проехали еще двадцать миль. Б.Т. протянул Мэлу чашку (кофе совсем заледенел) и сам держал ее, пока Мэл сделал несколько глотков.

— Я обдумывал второе Пришествие с научной точки зрения, — вдруг объявил Б.Т. — Значит так, «большая гора, пылающая огнем, низверглась в море; и третья часть моря сделалась кровью».

Мэл чуть скосил глаза в сторону и увидел в руках приятеля Библию в черном кожаном переплете.

— Где ты это взял?

— В отеле.

— Ты украл гидеоновскую Библию? — изумленно спросил Мэл.

— Почему «украл»? Мы больше всех сейчас в ней нуждаемся. Слушай: «И вот, произошло великое землетрясение, и солнце стало мрачно как власяница, и луна сделалась как кровь. И звезды небесные пали на землю… И небо скрылось, свившись как свиток; и всякая гора и остров двинулись с мест своих». А вот что еще случится во время второго Пришествия: «Услышите о войнах и о военных слухах… и будут глады, моры и землетрясения по местам, и ужасные явления». — Б.Т. пошуршал страницами: — «…и вышел дым из кладязя, как дым из большой печи; и помрачилось солнце и воздух от дыма из кладязя. И из дыма вышла саранча на землю».

Он захлопнул Библию.

— Ну ладно, землетрясения на Земле происходят то и дело, а о войнах и военных слухах мы слышим вот уж десять тысяч лет. Что до звезд, которые падают с неба, — это, видимо, метеоры. А вот все остальное… Что-то я не помню никаких нашествий саранчи, никаких разверзшихся бездн!.. «И третья часть дерев сгорела, и вся трава зеленая сгорела… и умерла третья часть одушевленных тварей, живущих в море…»

— Атомная война, — сказал Мэл. — Что?

— Евангелисты считают, речь идет о ядерной войне. Раньше они говорили, что корень всех зол — коммунизм, потом — фторирование питьевой воды. В общем, все, с чем они не согласны.

— В любом случае, никакая бездна пока не открывалась, — упорствовал Б.Т. — Извержения вулканов случаются, но они не вызывают нашествий саранчи, иначе Си-эн-эн

нам бы уже сообщило. Мэл, — сказал он очень серьезно, — давай считать, что тебе и впрямь было откровение. Только вот… может, ты неверно его истолковал?

И тут Мэл все понял. Словно молния, в его голове промелькнул ответ на все вопросы — где сейчас Христос и что их всех ожидает; но это ощущение длилось лишь долю секунды, а потом бесследно исчезло.

— Вдруг это касалось не второго Пришествия, а чего-нибудь другого? — продолжал расспрашивать Б.Т.

Нет-нет, он не ошибся. Мэл изо всех сил старался ухватить за хвост ускользнувшую от него мысль, но безуспешно.

Он уставился невидящим взглядом в туман за окном. Как это случилось? Что вызвало внезапный проблеск сознания? Б.Т. сказал: «Может, ты неправильно понял?..» Нет, не то! «Может, ты…»

— Что это? — вдруг воскликнул Б.Т, тыкая пальцем в стекло. — Вон там, впереди?

— Где? Я ничего не вижу… — Мэл почти прижался носом к стеклу.

— Не знаю. Какой-то свет.

— Свет? Ты уверен?

Мэл не видел ничего, кроме тумана.

— Вот, опять! Неужели не видишь?! Желтые огоньки мигают… Должно быть, авария! Лучше езжай помедленнее!

Мэл и без того уже полз, как улитка, но послушно сбавил скорость, хотя по-прежнему ничего не мог рассмотреть.

— На нашей стороне дороги? — спросил он приятеля.

— Кажется, да. Не знаю… — Б.Т. наклонился вперед. — Сейчас и я ничего не вижу.

Мэл прищурился.

— А может, это грузовик парка аттракционов? Тот, с желтой стрелкой? — размышлял он вслух и вдруг отчетливо увидел свет.

Нет, это не рекламная вывеска. Огни рассыпались по шоссе — желтые, красные, голубые; скорее всего, дорожный патруль, «скорая помощь» и пожарная машина. Значит, впереди авария.

Из тумана появился патрульный и жестом потребовал остановить машину. На нем был желтый плащ-накидка с прозрачным капюшоном, надетым поверх коричневой фуражки.

Мэл притормозил и открыл окно.

— Дорога впереди закрыта, сворачивайте с шоссе! — сказал полицейский.

— Сворачивать? — недоуменно переспросил Мэл, озираясь по сторонам. — Но куда?

— Съезд метров через сто. — Патрульный махнул рукой куда-то в белоснежную мглу. — Мы сообщим, когда движение снова откроется.

— А что, дорогу закрыли из-за тумана? — спросил Б.Т.

— Нет, там впереди авария. Пока разгребем весь этот кавардак…

Полицейский пошел вперед, показывая дорогу.

Мэл чуть не на ощупь добрался до съезда с шоссе. Что ж, по крайней мере там была стоянка грузовиков, а не просто заправочная станция. Они припарковались и пошли в кафе.

В кафе яблоку негде было упасть — все кабинки, все до единого стулья у стойки оказались заняты. Мэл и Б.Т. с трудом отыскали последний свободный столик и через пару минут поняли, почему никто не захотел там сидеть: едва Б.Т снял пальто, как через распахнутую дверь ворвалась волна холодного воздуха, Б.Т. снова оделся и застегнул молнию до самого верха.

Мэл думал, что все будут в плохом настроении из-за аварии, но, к его немалому удивлению, в ресторане стояла почти праздничная атмосфера. Водители развалились на диванчиках и оживленно болтали, а официантки, порхая по залу с кофейниками на подносах, лучезарно улыбались. У одной из них заколотые в пучок волосы украшал маленький пластмассовый пупс.

Дверь распахнулась, и с улицы хлынул новый поток ледяного воздуха. Такое

впечатление, что они перенеслись в Арктику! Фельдшер «скорой помощи» вошел в ресторан и остановился у стойки, переговорить с официанткой. «Несчастный случай, — донеслось до Мэла, и потом: —…Грузовик с аттракционами».

М эл бросился к стойке.

— Простите, — обратился он к мужчине. — Вы сказали что-то о грузовике парка аттракционов. Это он попал в аварию?

— Не авария, а стихийное бедствие! — покачал головой фельдшер. — Парень не успел притормозить и растерял весь груз на повороте. И не спрашивайте меня, что парк аттракционов делает тут в середине зимы!

— А что с водителем? Ранен?

— Ни царапины! Только шоссе теперь будет целый день закрыто. Грузовик был битком набит призами и прочей дребеденью, так что сейчас дорога завалена мягкими игрушками и бейсбольными мячами. — Мужчина протянул Мэлу бамбуковую вещицу — ловушку для пальцев. — И даже убрать все это невозможно, в такой-то туман.

Мал вернулся за столик и рассказал Б.Т. о происшествии.

— Можно двинуть на юг и выехать на автостраду номер тридцать три, — предложил Б.Т, изучая дорожный атлас.

— Нет, не получится, — возразила официантка, которая как раз наливала им кофе. — Дорога закрыта из-за тумана. И пятнадцатая, на север, тоже. Придется пока посидеть здесь.

Кто-то вошел в ресторан и остановился у двери, снова устроив жуткий сквозняк. Официантка подняла голову и крикнула:

— Эй, не стойте там! Войдите и закройте, наконец, дверь! Мэл обернулся. У входа; в поисках свободного столика, растерянно оглядывалась Кэсси. Огромный оранжевый свитер делал ее похожей на воздушный шарик. В одной руке Кэсси держала ярко-зеленую сумку, а другой прижимала к себе игрушечного красного динозавра.

— Кэсси! — окликнул Мэл.

Женщина отыскала его глазами и, улыбаясь, поспешила к их столику,

— Кладите динозавра на пол и садитесь к нам, — предложил Б.Т.

— Это не динозавр. — Кэсси водрузила игрушку на край стола. — Это дракон. Видите? — Она подергала два лоскутка, которые топорщились на спине странного зверя. — Крылья!

— Где вы это взяли? — спросил Мэл.

— Водитель подарил. Пойду-ка я лучше позвоню сестре, пока она не услышала новости по радио или телевизору. Думаете, связь работает?

Б.Т. пожал плечами и махнул рукой в сторону таблички с надписью «Телефон».

Через минуту Кэсси вернулась.

— Там такая очередь!

Официантка пришла с меню и еще одним кофейником, и они заказали пирог. Кэсси снова сходила проверить очередь.

— У сестры будет инфаркт, как только она услышит новости. Она и так считает меня ненормальной. Впрочем, сегодня, пробираясь сквозь этот жуткий туман, я и сама так думала. А все бабушка виновата! То есть ее идиотская привычка гадать на Библии…

— Гадать на Библии? — удивленно переспросил Мэл. Кэсси пренебрежительно махнула рукой.

— Долгая история…

— Так мы ведь все равно никуда не спешим, — возразил Б.Т,

— Ну, хорошо. — Кэсси устроилась поудобнее. — Я преподаватель английского — то есть была преподавателем, пока руководство не убедило меня пораньше уйти на пенсию, по специальной программе Они предложили такие роскошные условия, что не согласиться было просто грешно! Так что я закончила работу в июне и не знала, чем себя занять… Мне всегда хотелось посмотреть мир, но я ненавижу путешествовать в одиночку, да и куда поехать — тоже вопрос. Поэтому я начала подрабатывать на заменах — при таких эпидемиях гриппа,

как сейчас, работа есть всегда.

«Да, это надолго», — подумал Мэл. Он взял со стола китайскую ловушку и от нечего делать засунул туда палец. Б.Т. расслабленно откинулся на спинку стула.

— Короче говоря, я заменяла Карлу Сьюэл, которая ведет литературу на втором курсе. В тот день мы изучали «Юлия Цезаря», и я — о, позор! — не могла вспомнить знаменитое «не звезды, милый Брут, а сами мы виновны в том, что сделались рабами».[75]

Мэл засунул еще один палец в бамбуковую трубочку.

— Я стала копаться в справочнике, но открыла его не на той странице и вместо «Юлия Цезаря» попала на «Двенадцатую ночь».

Мэл растянул трубочку — просто так, ради забавы, и его пальцы тут же застряли в ловушке.

— Мой взгляд упал на слова «Кому на запад!». И пока я сидела, тупо уставившись в книгу, случилась эпифания.

— Эпифания? — переспросил Мэл, отчаянно пытаясь освободить пальцы.

— Эпифания? — эхом повторил Б.Т.

— Ох, простите! Никак не могу привыкнуть, что я уже не преподаю. Это слово обозначает некое прозрение, внезапное понимание чего-либо. Помните, у Джеймса Джойса? Ну, в «Дублинцах»… Оно пришло из…

— Притчи о волхвах, — кивнул Мэл.

— Да, — Кэсси расплылась в улыбке. Мэл уже был готов к тому, что она поставит ему пятерку. — Как у волхвов, когда они прибыли в хлев к младенцу Иисусу.

И снова Мэл на короткий миг почувствовал, что знает, где сейчас Спаситель. Волхвы в яслях перед новорожденным Иисусом… Джеймс Джойс…

— Я прочитала слова «Кому на запад!» и вдруг поняла, что они относятся ко мне. Что это мне надо отправляться на запад. Что вот-вот случится что-то очень важное. — Кэсси смотрела то на Мэла, то на Б.Т. — Возможно, вы тоже думаете, что у меня поехала крыша. Какой разумный человек будет принимать решения, руководствуясь сборником цитат! Но, видите ли, моя бабуля… Всякий раз, когда перед ней вставала какая-нибудь дилемма, она зажмуривалась, открывала наугад Библию и тыкала пальцем в текст. И потом без раздумий делала то, что говорило ей Священное Писание. Вот и я попробовала тот же метод… В конце концов, сборник Бартлетта для преподавателей английского — все равно что Библия! Я открыла книгу и прочла: «В путь, друзья, еще не поздно новый мир искать».

— Теннисон, — сказал Мэл. Кэсси кивнула.

— Да, и посему — я здесь.

— И как, случилось уже что-нибудь важное? — поинтересовался Б.Т.

— Пока нет. — Кэсси беспечно пожала плечами. — Но скоро случится, можете не сомневаться! А пока я коротаю время, осматривая все эти замечательные места. Я уже посетила хижину Джин Стратton-Портер в Женеве, штат Индиана, домик в Ганнибале, где прошло детство Марка Твена, и музей Шервуда Андерсона.

Она перевела взгляд на руки Мэла.

— Так у вас ничего не получится. Надо не растягивать, не сопротивляться, а соединить пальцы, вот так… — сказала Кэсси.

Только в этот момент Мэл осознал, что все еще бессознательно дергает руками, пытаясь освободиться из ловушки.

Снова с улицы повеяло морозом. На этот раз в ресторан зашел патрульный.

— Дорога открыта, — объявил он, и все вокруг пришло в движение. — Но туман до сих пор не развеялся, так что будьте аккуратнее.

Мэл вынул пальцы из ловушки и помог Кэсси надеть пальто.

— Если хотите, мы поедем вперед, а вы держитесь за нами, — предложил он.

---

[75] Пер. М. Зенкевича.

— Нет, спасибо. — Кэсси помотала головой. — Я должна позвонить сестре, и если она уже слышала о ДТП, разговор затянется надолго…

Б.Т. расплатился, и они вышли на улицу.

Стекла в машине покрылись твердой ледяной скорлупой. Мэл взял скребок и попытался отчистить лед. Трещина на ветровом стекле дала еще один длинный и тонкий отросток.

Они вернулись на шоссе. Туман сгустился еще больше, так что Мэл едва различал предметы, разбросанные на обочине дороги, — пластиковые гирлянды, бейсбольные мячи и бутылки кока-колы. Мягкие игрушки валялись на разделительной полосе, словно раненые бойцы на поле боя.

— Полагаю, ты теперь решил, что это знамение? — спросил Б.Т.

— О чем ты?

— Так называемая «эпифания», о которой упомянула Кэсси. Если выбирать цитаты наугад, найдется все, что угодно. Согласен? Это все равно, что полагаться на гороскоп. Или верить китайским «печеньям судьбы».

— И к тому же твоей рукой может водить дьявол… — пробормотал Мэл.

— Точно. — Б.Т. зажмурился и открыл гидеоновскую Библию. — Что тут у нас? Ага, Псалтырь, псалом сто пятнадцатый, стих пятый: «Есть у них глаза, но не видят». Разумеется, это о тумане! Ха-ха!

Он перевернул несколько страниц.

— Вот еще: «Не ешь никакой мерзости…». Наверное, не следовало заказывать пирог! Короче, здесь можно выискать любой смысл. Ты ведь слышал — Кэсси на пенсии, любит путешествовать, так что это прозрение — лишь оправдание, чтобы вырваться из дома. К тому же ей ничего не открылось о втором Пришествии; там был только намек на какое-то важное грядущее событие.

— Ей велено идти на запад, — сказал Мэл, напряженно вспоминая слова Кэсси. Она искала речь из «Юлия Цезаря», а вместо этого попала на «Двенадцатую ночь».

Двенадцатая ночь. Эпифания. Богоявление…

— А ты хоть представляешь, сколько раз слово «запад» упоминается в «Сборнике цитат» Бартлетта? «С запада скачет младой Лохинвар…», «Иди на запад, юноша!», «Кто на восток летит, кто на запад спешит, кто над кукушкиным гнездом кружит…» — Б.Т. захлопнул Библию. — В общем, я хотел сказать… — Он повернулся к окну. — Смотри, кажется, туман спадает!

Однако Б.Т. ошибся. Воздух за окном стал немного прозрачнее, но лишь на пару минут, а потом туман снова подступил к машине и окутал ее густой белой пеленой.

— Предположим, ты найдешь Его, и что тогда? — допытывался Б.Т. — Что ты собираешься делать? Преклонишь перед Ним колена? Протянешь Ему ладан и смирну?

— Постараюсь Ему помочь.

— Каким образом? Поможешь отделять агнцев от козлищ? Или одержать победу в битве Армагеддона?

— Не знаю. Возможно…

— Ты и правда думаешь, что будет настоящая война? Битва между добром и злом?

— Между добром и злом война идет постоянно, — возразил Мэл. — Вспомни, как Он пришел К нам в первый раз. Не прошло и недели после Его рождения, как Ирод приказал своим солдатам убить в Вифлееме всех младенцев младше двух лет.

А через тридцать три года убили и Его. Только вот смерть Христа не остановила. Ничто не могло Его остановить.

Кто произносил эти слова совсем недавно? Ах да, парень из парка аттракционов, когда изучал трещину на стекле. «Ее все равно не остановишь. Она будет расти, и тут уж ничего не поделаешь! Ничто ее не остановит».

Снова в мозгу Мэла произошла какая-то вспышка. Надо обязательно вспомнить, что еще говорил водитель грузовика! Он толковал о сиамских котятах, о Розвелле. Нет, не то…

Потом Мэл припомнил разговор с Кэсси — там, на стоянке грузовиков. Кэсси говорила о волхвах и их встрече с младенцем Иисусом. И еще она говорила, что… «Надо не растягивать, не сопротивляться, а соединить…»

Мысль ускользала от него, как дорожный знак, который на мгновение промелькнул в тумане и снова исчез.

Б.Т. наклонился вперед и включил радио.

— …ночью туман и похолодание, — вырвалось из приемника. — В восточной Небраске и…

Радиоприемник поперхнулся и замолчал. Б.Т. покрутил колесико.

— А знаєте вы, что случится, когда придет Иисус? — прорвался в эфир голос евангелиста. — В Откровении Иоанна Богослова говорится, что мы будем мучимы в огне и сере, если не покаемся прямо сейчас. Торопитесь, пока еще не поздно!

— Немножко огня сейчас бы не помешало, — пробурчал Б.Т., прибавляя отопления.

— На заднем сиденье есть плед, — сказал Мэл. Б.Т. взял плед и завернулся в него.

— И будут жечь огнем, и дым мучения нашего будет восходить… — надрывался проповедник.

Б.Т. прислонился головой к дверце.

— Лишь бы тепло было… — пробормотал он и закрыл глаза.

— И это не все, что ожидает нас, если мы не покаемся и не признаем Иисуса нашим Спасителем. Откровение Иоанна Богослова гласит, что мы будем брошены в великое точило гнева Божия, и будем истоптаны в точиле, и потечет кровь из точила на тысячу миль. И не надейтесь, что сможете избежать наказания. Этот день настанет совсем скоро, и свидетельства тому — повсюду! Вот погодите, Отец вернется!..

Мэл запоздало выключил радио. Евангелист смотрел в корень: вот она, проблема, которую Мэл старательно пытался не замечать с тех самых пор, как впервые услышал зов.

«Не верю», — подумал юный Мэл, услышав слова проповедника о том, что Иисус запрещает верующим иметь дело с изгоями. И то же самое случилось, когда евангелист на радио распространялся о грядущей мести Иисуса — в самом начале поездки.

«Не верю», — снова подумал Мэл. Б.Т. заворочался в углу, и Мэл понял, что произнес фразу вслух.

— Не верю… — тихонько прошептал он.

Бог любит этот мир! Он послал своего единородного Сына жить среди людей — сначала беспомощным младенцем, потом мальчиком, юношей. Бог-Отец послал Сына — «ради нас и нашего спасения сошедшего с небес… и вочеловечившегося», как утверждает Никейский символ веры, — дабы тот вытерпел лишения, понял и простил нам грехи наши. «Отче, прости им!» — умоляя Иисус, когда в Его руки вбивали гвозди. А когда пришли Его арестовывать, Он потребовал, чтобы ученики убрали оружие. И Он исцелил стражника, которому Петр отрубил ухо.

Нет, Христос никогда не придет в гневе, ради отмщения. Он не станет казнить врагов, мучить неверующих, насылать на людей огонь, чуму и голод. Никогда.

«И как же я могу верить в Откровение, касающееся второго Пришествия, если я не верю в само второе Пришествие?» — спросил себя Мэл.

Хотя, постойте-ка… Ведь в его откровении второе Пришествие выглядело совсем иначе. Он не видел ни землетрясений, ни Армагеддона, ни самого Христа в блеске величия и славы. Внутренний голос просто сказал ему, что Христос уже здесь и что надо срочно Его найти. Вот почему Мэл отправился в путь, отчаянно пытаясь отыскать хоть какие-нибудь знаки Его присутствия.

«И до сих пор не встретил ни одного», — с горечью подумал Мэл. В туманной мгле возник указатель: «Прери-хоум, 5 миль. Денвер, 468 миль».

В Денвер они прибудут завтра к вечеру, и Б.Т. постарается убедить его лететь домой.

«Если я к тому времени не найду разгадки, — сказал себе Мэл. — Если не получу знак. Или если дороги снова не закроют».

«И се, звезда, которую видели они на востоке, шла перед ними…»
Евангелие от Матфея, 2:9

— Дороги наверняка открыли, — сказала женщина в мотеле «Вэйфарер». «Холидэй Инн», «Супер-8» и «Иннкипер» были набиты битком, в «Вэйфарере» оставался лишь один свободный номер. — Утром еще ожидается туман, а потом до самого воскресенья — ясная погода.

— А что с дорогами на восток? — спросил Мэл.

— Все в порядке.

В «Вэйфарере» ресторана не было, так что ужинать пришлось в «Виллидж Инн», на другом конце города, где на стоянке они и столкнулись с Кэсси.

— Слава богу! — выдохнула она. — Я так хотела с вами попрощаться!

— Попрощаться? — озадаченно переспросил Мэл.

— Я завтра еду на юг. В Ред-Клауд. Дело в том, что я снова обратилась к «Бартлетту» и получила вот что: «В маленьких городках зима тянется бесконечно».

— Э…да?

«Интересно, какая связь между этой фразой и югом?» — подумал Мэл.

— Уилла Кэсер, — пояснила Кэсси. — «Моя Антония». Сначала я тоже ничего не поняла и спросила Библию — какая удача, что они оставляют в гостиницах гидеоновскую Библию! Так вот, мне выпал Исход, глава тринадцатая, стих двадцать первый: «Господь шел пред ними днем в столпе облачном, показывая им путь, а ночью в столпе огненном».

Кэсси торжествующе посмотрела на них.

— Огненный столп, он же «ред клауд». Музей Уиллы Кэсер находится в Ред-Клауд.

Мэл и Б.Т пожелали Кэсси удачи и вернулись в мотель. Б.Т. сел на кровать и достал из сумки свой ноутбук.

— Мне нужно ответить на мейлы, — сказал он.

«И кое-что отправить самому?» — чуть не спросил Мэл. «Дорогая миссис Билдербэк, мы будем в Денвере завтра. Надеюсь убедить Мэла вернуться домой. Уже приготовил смирительную рубашку».

Он присел на единственное в комнате кресло, открыл атлас и начал изучать карту Небраски. Как хорошо бы было, если бы тут нашлось место под названием Мегиддо или Нью-Джерусалем!.. Но Мэлу встретился только Ред-Клауд, расположенный у южной границы штата. Почему ему не попадаются такие четкие и ясные знаки, как другим? Столп дыма днем и столп пламени ночью. Или звезда.

Хотя, с другой стороны, Моисей сорок лет бродил по пустыне, следуя за столпом облачным. И звезда тоже не привела волхвов в Вифлеем; она привела их прямиком к Ироду. Волхвы не имели не малейшего представления, где искать новорожденного Иисуса. Они спросили Ирода: «Где родившийся Царь Иудейский?»

— Где же Он? — пробормотал Мэл. Б.Т. поднял голову и взглянул на приятеля, а потом снова застучал по клавиатуре.

Мэл перевернул страницу и начал рассматривать карту Колорадо.

— Даже если твое откровение было реальным, — сказал Б.Т. через некоторое время, — возможно, ты ошибся в его толковании.

Что ж, такое случалось и с другими, причем не раз и не два. В Библии полно случаев, когда неверно истолковывали пророчества. «Псы окружили меня, скопище злых обступило меня…» — сказано в Псалтыри. — «Пронзили руки мои и ноги мои». Но никто не предвидел Распятия. И Воскресения тоже.

Даже собственные ученики Его не узнали. В Пасхальное воскресенье они встретились с

Ним по дороге в Эммаус, но так и не поняли, кто Он такой. И даже когда Он сказал им, Фома по-прежнему не верил, пока не вложил перст в раны Его.

Само его появление осталось неузнанным, хотя Исайя предсказал, что непорочная дева произведет на свет младенца «от корня Иессеева» и он спасет Израиль. Кто же мог предположить, что дитя родится в стойле?

Все думали, что речь идет о воине, о царе, который поднимет армию и прогонит прочь чужеземцев, о герое на белом коне, который разобьет врагов и освободит Израильтян.

И Он действительно это совершил, но не так, как от Него ожидали.

Никто не предполагал, что Он окажется бродячим проповедником из бедной семьи, без университетского диплома и военной подготовки. Никто. Даже волхвы думали, что будущий Спаситель принадлежит к императорскому роду. «Где родившийся *Царь Иудейский,* ибо мы видели звезду Его на востоке?» — спросили они Ирода.

А Ирод тут же отправил своих солдат на поиски того, кто угрожает его трону.

И все они шли по ложному пути. «Что, если Б.Т прав и я делаю то же самое?» — подумал Мэл. Второе Пришествие наверняка не имеет ничего общего с землетрясениями и падающими звездами. И Апокалипсис может оказаться чем-то совсем иным — как уже случилось с предсказаниями прихода Мессии.

А может, никакого второго Пришествия вообще не будет? Что, если Христос присутствовал среди нас лишь как символическое обозначение всех нищих, голодных, нуждающихся в помощи? «Истинно говорю вам: так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне».

— Возможно, второе Пришествие все-таки будет. — Б.Т. по-прежнему сидел на кровати. — Взгляни-ка на это…

Б.Т. повернул ноутбук к Мэлу. На экране светилась надпись: «Итак, бодрствуйте, потому что не знаете ни дня, ни часа, в который приидет Сын Человеческий».

— Это веб-сайт. Какие-то «дозорные», — сказал Б.Т.

— Возможно, он принадлежит одному из радиопроповедников…

— Сомневаюсь… — Б.Т. щелкнул клавишей, и картинка изменилась. На экран выплыла лента коротких сообщений:

> «Метеор, 12–23,4 мили к северо-западу от Ратона».
> «12–28. Территория проверена. Ничего не обнаружено».
> «Прогноз погоды, 11-2,9.15 утра. Скопление необычайно густых облаков».
> «Широта и долгота? Уточните координаты».
> «8,6 мили к северо-западу от Прескотга, Аризона. 11-4».
> «Заголовок в «Денвер пост»: «Сильнейшая вспышка молнии в Национальном лесном заказнике Карсон. MT2427».

— Что это означает? — Б.Т. ткнул пальцем в абракадабру из цифр и букв.

— Матфей, глава двадцать четвертая, стих двадцать седьмой, — объяснил Мэл. — «Ибо, как молния исходит от востока и видна бывает даже до запада, так будет пришествие Сына Человеческого».

Б.Т. кивнул и прокрутил страничку вниз.

> «Тройная вспышка молнии, 7-11, Платтевиль, Колорадо, 28 ноября. Двое пострадавших». «Гроза, 4 декабря…»

— А это еще что за «правда или последствия»? — округлил глаза Б.Т.

— Город такой, на юге Нью-Мексико, Труф-ор-Консеквенсес.

— Понятно. — Б.Т. читал дальше.

> «Падающая звезда, 12–30,191-е шоссе к западу от Боземана, 161-я миля».
> «Вышел из комы пациент в больнице Йельского университета, Нью-Хейвен.

Случайность?»

«Не годится. Слишком далеко на восток».

«Невада, возможный контакт».

«Уточните координаты».

Уточните координаты…

— «Пойдите, тщательно разведайте о Младенце и, когда найдете, известите меня, чтобы и мне пойти поклониться Ему…» — промолвил Мэл.

— Что? — поднял голову Б.Т.

— Так Ирод приказал волхвам, когда те поведали ему о звезде.

Мэл уставился на экран.

«Лос-Анджелес-таймс», 2 января. П5С1. Вымирание рыбы. РВ89?»

«Возможный контакт. Гейзер Олд-Фейтфул, Йеллоустоунский национальный парк, 2 января».

И снова:

«Уточните координаты». «Уточните координаты». «Уточните координаты».

— Судя по всему, они не сомневаются в реальности второго Пришествия, — заметил Б.Т.

— А может, в Розвелле приземлились инопланетяне, — усмехнулся Мэл. — Или Элвис воскрес из мертвых.

— Все бывает, — кивнул Б.Т, не отводя взгляда от экрана.

Мэл продолжил изучать карты. Названия, которые попадались ему на глаза, все обозначали какие-то безрадостные вещи: то Баррен-Рок, «пустая порода», то Дедвуд, «мертвый лес», то Ласт-Чэнс — «последний шанс».

«Уточните координаты», — повторил Мэл про себя. А что, если он, Кэсси и тот, кто написал «Слишком далека на восток», неправильно истолковали послание? Что, если в виду имелся не запад, а Запад, «Вест»?

Он взял в руки словарь географических названий. Вествуд-Хиллз, Канзас. Вествилл, Оклахома. Вест-Голливуд, Калифорния. Вествью. Вестгейт. Вестмонт. Итак, в Канзасе есть Вествуд-Хиллз. В Колорадо — Вестклифф, Вестерн-Хиллз и Вестминстер. Ни в Аризоне, ни в Нью-Мексико никаких «вестов» не обнаружилось. Как и в Неваде. А вот в Небраске — Вест-Пойнт.

Вест-Пойнт. Может, им вообще не надо на запад. Может, они должны ехать в Вест-Ориндж, штат Нью-Джерси, или в Вест-Палм-Бич. Или в Вест-Берлин.

Мэл захлопнул атлас. Б.Т. задремал, и даже во сне выражение его лица казалось тревожным и усталым. Ноутбук стоял у Б.Т. на груди, а сбоку лежала гидеоновская Библия, которую приятель стащил в «Холидей Инн».

Мэл тихонько закрыл компьютер, а потом взял Библию. Б.Т даже не пошевелился.

Ответ должен быть в Священном Писании. Мэл открыл Евангелие от Матфея. «Тогда, если кто скажет вам; вот, здесь Христос, или там, — не верьте». И дальше — снова о стихийных бедствиях, разрушениях и страданиях, как и. предрекали пророки.

Пророки. Он открыл Исайю. «Слухом услышите — и не уразумеете, и очами смотреть будете — и не увидите».

Мэл захлопнул Библию и поставил ее корешком на ладонь. Ну что ж, попробуем поискать знак здесь. Время поджимает.

Через пару секунд Мэл открыл глаза. Его палец уткнулся в строчку из «Первой книги Царств»: «Саул искал его всякий день; но Бог не предал Давида в руки его».

«Смотрите, не ужасайтесь, ибо надлежит всему тому быть, но это еще не конец».

Евангелие от Матфея, 24:6

Все шоссе были открыты и, после Гранд-Айленда, расчищены. Туман немного рассеялся.

— По такой дороге мы уже к вечеру доберемся до Денвера, — радовался Б.Т.

А про себя Б.Т, наверное, подумал: «Вот полетишь со мной, мы успеем на экуменическую встречу, и никто даже не узнает, что ты уезжал из города».

Никто, за исключением миссис Билдербэк; но секретарю можно сказать, что Мэлу предлагали перейти в другой приход и он отказался (что на самом деле было правдой). Миссис Билдербэк будет так счастлива, что даже не станет выспрашивать подробности.

Мэл продолжит читать проповеди, не будет больше пугать церковный хор, уберет в кладовку до будущего года рождественскую звезду и последит за тем, чтобы запальник на котле отопления не гас. В общем, будет вести себя так, словно ничего не случилось.

«Съезд с 312-го шоссе», — гласила надпись на зеленом дорожном знаке. «Хастингс, 18 миль. Ред-Клауд, 57 миль».

«Интересно, — размышлял Мэл, — доехала ли Кэсси до дома Уиллы Кэсер? Она так полагалась на справочник Бартлетта!»

Да, у Кэсси не было проблем с нахождением знамений — она их видела на каждом шагу. «Может, они и правда на каждом шагу, только я их не замечаю», — подумал Мэл. Тот же Хастингс может быть сигналом к чему-то, и грузовик, полный зеркал, и мягкие игрушки, разбросанные на дороге. И бамбуковая китайская ловушка…

— Смотри-ка, — воскликнул Б.Т., — машина Кэсси!

— Где? — Мэл закрутил головой.

— Вон там, у обочины. Мы ее только что проехали!

На этот раз Мэл плюнул на все правила и указатели, пересёк заснеженную разделительную полосу и поехал обратно. Он по-прежнему ничего не видел.

— Вот она, — махнул рукой Б.Т.

Мэл пересек обе полосы и успел даже выехать на обочину, прежде чем увидел «хонду», почти свалившуюся в кювет. Машина зависла над крутым склоном под опасным углом. На водительском сиденье никого не было.

Мэл не успел остановить машину, как Б.Т. выскочил и рванул на себя дверь «хонды».

Зеленая сумка Кэсси лежала под пассажирским сиденьем. Б.Т. взглянул на заднее сиденье и сказал:

— Ее здесь нет…

— Кэсси! — окликнул Мэл. Он обежал «хонду» спереди, хотя и так уже было понятно, что Кэсси не вышвырнуло из машины — иначе дверь была бы открыта. — Кэсси!

— Я здесь… — раздался слабый голос.

Кэсси лежала на дне придорожной канавы, в зарослях высоких почерневших сорняков.

— Нашел! — крикнул Мэл и стал осторожно сползать вниз по насту.

Кэсси лежала на спине, и одна ее нога была неловко согнута в колене.

— Боюсь, я сломала ногу… — с трудом проговорила она.

— Иди, останови кого-нибудь! — скомандовал Мэл Б.Т. — Пусть вызовут «скорую»!

Б.Т. тут же исчез, а Мэл повернулся к дрожащей от холода Кэсси.

— Сколько вы уже тут лежите? — с тревогой опросил он, стягивая с себя пальто и набрасывая его на Кэсси.

— Не знаю. Я боялась, что никто никогда не заметит мою машину, и решила выйти на дорогу, но поскользнулась. Там был настоящий каток. Нога сломана, да?

— Не исключено…

Кэсси отвернулась и уткнула лицо в сухую траву. Мэл снял пиджак, скатал его валиком

и положил ей под голову.

— Не падайте духом, «скорая» быстро приедет!

— Сестра была абсолютно права. Не зря она назвала меня умалишенной, — еле слышно говорила Кэсси, все еще не глядя на Мэл а. — Ая ведь даже не рассказала ей об эпифании. — Кэсси повернулась к Мэлу и взглянула ему в глаза. — Только это было никакое не прозрение, а всего лишь гормональный кризис…

— Потерпите еще немножко, — сказал Мэл и с тревогой посмотрел вверх, на дорогу.

Кэсси вдруг стиснула его руку.

— Я вас обманула! Никто Не предлагал мне уйти на пенсию, я сама попросилась, потому что была уверена: «Кому на запад!» должно что-то означать! Я продала дом, сняла со счета все сбережения…

Рука Кэсси покраснела от холода. Мэл пожалел, что не взял у парня перчатки, когда тот хотел их вернуть. Он крепко сжал руку Кэсси между ладонями, чтобы хоть немного ее согреть.

— Я была так уверена… — прошептала Кэсси.

— Мэл! — раздался с обочины голос Б.Т. — Уже четыре машины проехали мимо, и никто не остановился. Наверное, из-за цвета кожи. — Он ткнул себя пальцем в лицо. — Придется тебе попробовать…

— Уже иду!

— Нет! — вскрикнула Кэсси, судорожно сжимая его руку. — Понимаете? Это ровно ничего не значит. Сестра считала, что во всем виноват климакс, и была права. Зря я ее не послушала…

— Кэсси, — мягко сказал Мэл. — Сейчас нам нужно вытащить вас отсюда и отправить в больницу. И тогда вы все мне расскажете.

— Нечего тут рассказывать, — пробормотала она вяло, отпуская его руку.

— Быстрее, еще один грузовик! — позвал Б.Т, и Мэл поспешно вскарабкался по склону. — Подожди-ка! — Б.Т. вдруг рассмеялся. — Это парк аттракционов!

Послышался визг тормозов. Рядом с Мэл ом притормозил грузовик, в кузове которого громоздились карусельные лошадки — белые, черные и пегие, с красно-золотыми седлами и сверкающими уздечками. Б.Т. подбежал к кабине и спросил у водителя:

— У вас есть рация?

— Ага, — ответил водитель и выпрыгнул из машины. Эта был тот самый парень, которого подвозил Мэл; он так и не снял его перчатки.

— Нам нужна «скорая», — сказал Мэл. — Несчастный случай.

— Понятно, — кивнул парнишка и исчез в кабине. Мэл вернулся к Кэсси.

— Водитель грузовика звонит в «скорую», — сообщил он. Кэсси безучастно кивнула.

— Они уже выехали, — крикнул юноша, заглядывая в канаву. Он подошел к «хонде», осмотрел ее сзади, опустился на корточки около задних колес, а потом снова исчез.

— Водитель говорит, трос нужен, — доложил через пару минут Б.Т. — Только у него троса нет, и он вряд ли сможет вытащить машину, так что лучше вызвать буксировщиков.

Мэл кивнул и повернулся к Кэсси.

— Я видел указатель — до ближайшего города не больше десяти миль. Вы и оглянуться не успеете, как «скорая» будет здесь.

Она не ответила. «Должно быть, у нее шок», — подумал Мэл.

— Кэсси! — Мэл начал растирать ей покрасневшие ладони, хотя сам недавно говорил попутчику, что этого делать нельзя. — Как странно, что вы здесь… — Ему было все равно, что говорить, лишь бы вызвать ее на разговор. — Вы ведь собрались в Ред-Клауд… Что случилось? Вы передумали?

— «Бартлетг»! — горько усмехнулась Кэсси. Я ставила сумку в машину, а справочник упал на снег и открылся на цитате: «Слово тебя зовет». Уильям Блейк. Я подумала: «Может, все-таки не надо ехать в Ред-Клауд, а продолжать двигаться на запад?» Чем не сумасшествие?

«Нет, не сумасшествие», — подумал Мэл.

Подъехала, сверкая желтыми огнями и сигналя сиренами, «скорая помощь». Два фельдшера спустились в канаву, умело и осторожно уложили Кэсси на носилки. Мэл подошел к Б.Т. и сказал:

— Поезжай с Кэсси в больницу, а я останусь тут и подожду буксир.

— Ты уверен? Я могу остаться.

— Нет. Я доеду до автосервиса вместе с буксировщиками и узнаю, что можно сделать с машиной. Встретимся в больнице. Когда первый самолет из Денвера?

— Самолет? — широко открыл глаза Б.Т. — Нет, я без тебя никуда не полечу!

— Тебе и не придется, — успокоил его Мэл. — Так во сколько рейс?

— Не понимаю, что ты хочешь…

— Впрочем, можно ехать на машине. Если мы будем менять друг друга за рулем, то даже успеем на экуменическую встречу.

— Но, Мэл…

— Я хотел знамения. Что ж, я его получил. — Мэл кивнул в сторону Кэсси. — Я не собираюсь ломать себе шею в ожидании очередного знака. Хватит! Полный идиотизм — забираться к черту на кулички, да еще в такую жуткую погоду!

— А как же прозрение?

— Галлюцинация, помрачение рассудка, временный гормональный дисбаланс.

— А зов? Когда ты понял, что должен быть священником? — допытывался Б.Т. — Тоже галлюцинация? А как же Кэсси?

— Дьявол тоже ссылается на Священное Писание, когда ему выгодно, — горько сказал Мэл.

— Поможете нам? — крикнул один из фельдшеров. Они уже уложили Кэсси на носилки и собирались вытащить ее из траншеи.

— Иду, — отозвался Мэл. Б.Т. схватил его за руку.

— А как насчет тех, других, которые тоже ищут Его? «Дозорные» с веб-сайта, помнишь?

— Они помешались на НЛО, — фыркнул Мэл и склонился над траншеей. — Ничего серьезного.

Кэсси лежала под серым одеялом, отвернувшись в сторону — в той же позе, в которой ее оставил Мэл.

— Как вы, получше? — спросил Б.Т, берясь рукой за край носилок.

— Нет, — всхлипнула Кэсси, и по ее пухлой щеке покатилась слеза. — Простите, что доставила вам столько хлопот!

Парень из грузовика тянул носилки за передний конец. Он похлопал Кэсси по плечу и ободрительно сказал:

— Ну-ну, не падайте духом! В жизни все не так плохо, как кажется на первый взгляд. На моих глазах человек упал с верхушки колеса обозрения и даже синяка не набил!

Кэсси покачала головой.

— Зря я уехала из дома…

— Не говорите так, — сказал Б.Т. — Зато вы побывали в доме Марка Твена. И Джин Страттон-Портер.

— Какой в этом прок? Я ведь уже не преподаю… Кэсси отвернулась.

Возможно, парню, который упал с колеса обозрения, действительно повезло, но у Кэсси дела обстояли все хуже и хуже.

К тому моменту, как ее извлекли из канавы и поместили в машину «скорой помощи», посеревшее лицо Кэсси исказилось отболи. Фельдшеры тут же начали измерять ей давление и ставить капельницу.

— Встретимся в больнице, — сказал Мэл Б.Т. — Позвони миссис Билдербэк и предупреди, что мы возвращаемся.

— А если дороги по-прежнему закрыты?

— Ты же слышал, что сказала администратор в мотеле. Все в порядке — и на западе, и на востоке. — Мэл с подозрением взглянул на приятеля. — Что-то я не пойму… Ты же хотел, чтобы ко мне вернулся здравый смысл?

Б.Т. понурился; вид у него был глубоко несчастный.

— Даже животные не всегда оставляют следы… Я узнал это пять лет назад, когда участвовал в проекте по борьбе с болезнью Лайма. Олени, например, иногда оставляют множество знаков своего присутствия, а иногда — ни одного!

Фельдшер собирался уже захлопнуть двери.

— Подождите, я с вами! — крикнул ему Б.Т. Залезая в машину, он обернулся.

— Есть только один, на сто процентов верный признак того, что олени где-то рядом. Не догадываешься?

Мэл покачал головой.

— Волки.

«И так Сам Господь даст вам знамение…»
Книга пророка Исайи, 7:14

Мэл ждал тягач без малого час. Сначала он сидел в машине, поставив отопление на максимум, а потом выбрался наружу и подошел к «хонде».

«Волки, — вспомнил Мэл слова Б.Т. — Хищники. «Ибо, где будет труп, там соберутся орлы», Евангелие от Матфея, глава 24, стих 28».

— Дьявол тоже ссылается на Священное Писание, когда ему это выгодно… — сказал Мэл вслух.

Трещина на лобовом стекле продолжала увеличиваться; на ней появились две новые веточки, которые ползли от центра в противоположные стороны.

Это уж точно знак.

«Мне было десяток знамений, — сказал себе Мэл, — метели, закрытые дороги, гололед, снежные заносы, — но я решил не обращать на них внимания».

«Только слепой не поймет, что все это значит», — сказал проповедник на радио. Вот он, Мэл, и был слепцом… Взял в голову, что желтая стрелка и закрывающиеся за спиной дороги — сигнал того, что он движется по верному пути, а призыв «Кому на запад!», который получила Кэсси — подтверждение извне.

— Все это ровным счетом ничего не означает, — устало пробормотал Мэл.

В сгустившихся сумерках приехал тягач, и к тому времени, как они вытащили машину Кэсси на дорогу, наступила почти непроглядная темнота.

«И это тоже знак», — подумал Мэл, следуя за тягачом. Такой же, как туман, заблокировавший дорогу грузовик и вывеска «Нет свободных мест» в окнах мотелей. Один и тот же знак, означающий: «Ты допустил ошибку. Остановись. Возвращайся домой».

Тягач уехал далеко вперед. Мэл прибавил скорость, но прямо перед ним тащился очень медленный пикап, а правую полосу заблокировал еще более медленный кемпер. К тому времени, как Мэл добрался до автомастерской, механик уже вылез из-под «хонды» и стоял рядом с машиной, сокрушенно качая головой.

— Вал заклинило, и в результате полетела передача, — сказал он, вытирая руки о масляную тряпку. — Ремонт обойдется тысячи в полторы, не меньше, но лично я не стал бы вкладывать сюда даже половину этих денег. — Механик сочувственно похлопал «хонду» по капоту. — Боюсь, старушка, это конец пути!

Конец пути. Конец пути…

— Так что вы решили? — спросил механик.

Махнуть на все рукой. Прийти в себя. Вернуться домой.

— Это не моя машина, — пояснил Мэл. — Надо спросить хозяйку. Она сейчас в больнице.

— Что-то серьезное?

В памяти Мэла всплыла скорчившаяся в сорняках фигура Кэсси, в ушах снова зазвучал ее голос: «Все это ровно ничего не значит…»

— Нет, — почему-то солгал он.

— Вы ей передайте, что я прикину стоимость ремонта, но лучше всего получить страховку и на этом успокоиться.

— Ладно, передам.

Мэл достал из багажника чемодан Кэсси и вытащил из-под пассажирского сиденья зеленую дорожную сумку. Под дверную ручку кто-то засунул скрученный трубочкой ярко-желтый флаер — рекламную афишку парка развлечений. «Должно быть, его оставил парень из грузовика», — подумал Мэл и невольно улыбнулся. Из нарисованной на афишке трубы вылетали слова «Приидите, приидите все!». Под трубой размещалось изображение колеса обозрения, а вокруг были разбросаны надписи: «Чудесные фонтаны с живой водой!», «Оседлай морского дракона!», «Попкорн, мороженое, сахарная вата!», «Лев и ягненок в одной клетке!»

Мэл, не мигая, уставился на афишку.

— Если она решит продать автомобиль на запчасти, я дам ей четыре сотни, — донесся до него голос механика.

Лев и ягненок. Колеса внутри колес. «Ибо Агнец… будет водить их на живые источники вод».

— Что вы такое читаете? — поинтересовался механик, выходя из-за машины.

Разделительная полоса, усыпанная набивными игрушками — медведями, львами и красными драконами; аттракцион под названием «Падающая звезда», зеркала… «Теперь мы видим как бы сквозь стекло, гадательно, тогда же лицем к лицу».

Механик заглянул Мэлу через плечо.

— А, этот сумасшедший парк аттракционов! У меня в витрине тоже висит их реклама!

Реклама. Вывеска. Знак. «Итак Сам Господь даст вам знамение». Вот уж действительно, самый обычный знак. Как надпись «Сиамские близнецы». Как символ мира на тыльной стороны ладони малыша. «Ибо младенец родился нам… и нарекут имя Ему: Чудный, Советник… Князь мира».

Знак, на покрытой шрамами руке паренька.

— Если она захочет, чтобы я стоимость ремонта прикинул, то пусть заранее предупредит, — бубнил механик, но Мэл уже не слушал.

Он вперился в флаер невидящим взглядом. «Загляните в Преисподнюю!», «Прокатитесь на карусели!»

«Так видел я в видении коней…» — пробормотал Мэл и неожиданно расхохотался.

Механик вытаращил на него глаза.

— Не вижу ничего смешного: машина только на запчасти и годится… Вы как думаете, что хозяйка решит?

— Поедет в парк аттракционов, — уверенно ответил Мэл и бросился к выходу.

«И ночи не будет там, и не будут иметь нужды ни в светильнике, ни в свете солнечном…»

Откровение Иоанна Богослова, 22:5

Больница размешалась в трехэтажном кирпичном здании. Мэл припарковался перед входом в отделение экстренной помощи и поспешил в приемную.

— Могу я вам чем-то помочь? — спросила регистратор.

— Да, — кивнул Мэл. — Я ищу…

И тут его взгляд упал на афишу парка развлечений, висевшую на стене за стойкой. В нижней части плаката были указаны даты: «Краун-Пойнт, 14 декабря. Грешам, 13 января. Эмпириан, 15 января».

— Вам нужна помощь, сэр? — снова спросила дежурная за стойкой.

Мэл хотел было спросить, где находится Эмпириан, но вдруг понял, что женщина обращается не к нему. За спиной Мэла стояли двое мужчин в темно-синих костюмах.

— Да, пожалуйста, — ответил тот, что повыше. — Мы начинаем новую христианскую программу — евангельские проповеди в больнице. В первую очередь для иногородних. У вас есть сейчас такие пациенты?

Регистраторша неуверенно посмотрела на посетителей.

— Прошу прощения, но мы не имеем права… Это закрытая информация…

— Конечно, конечно, — с готовностью согласился мужчина, открывая Библию. — Мы вовсе не собираемся нарушать чьи-то права. Мы, как добрые самаритяне, несем слова утешения нашим братьям и сестрам!

— К сожалению…

— Понимаем, понимаем, — включился в разговор другой мужчина. — Не хотите ли присоединиться к нашей молитве? Боже Праведный, мы ищем…

Входная дверь распахнулась, и вошел мальчик с кровоточащей раной на лбу. Все присутствующие глядели на него. Не теряя ни минуты, Мэл проскользнул через холл на лестницу.

«Куда ее могли отправить? — размышлял Мэл, заглядывая во все открытые двери. — Интересно, в такой маленькой больнице есть отдельные палаты?»

На первом этаже Кэсси не было. Мэл поднялся на второй этаж, поглядывая одним глазом на мужчин в синих костюмах. Пока они еще не знают ее имя, но это ненадолго; даже если им не скажет регистратор, данные Кэсси есть в компьютере — она ведь наверняка оставила информацию о своей страховке. Так куда же они ее забрали все-таки? Должно быть, на рентген!

— Не подскажете, где тут у вас рентген-кабинет? — Мэл бросился к женщине средних лет в розовой медицинской форме.

— На третьем этаже, — ответила та, махнув рукой в сторону лифта.

Мэл поблагодарил ее и, как только женщина отвернулась, вприпрыжку помчался по ступенькам.

В рентген-кабинете Кэсси не оказалось. Мэл только начал разыскивать кого-нибудь из персонала, как вдруг заметил в дальнем конце коридора Б.Т и подбежал к нему.

— Хорошие новости, — заявил Б.Т. — Перелома нет, только растяжение связок.

— Где она? — задыхаясь, спросил Мэл.

— Палата триста восемь.

Мэл схватил приятеля за рукав, втащил его в палату и захлопнул дверь.

Кэсси, в белой ночной рубашке, лежала на кровати в дальнем конце комнаты, отвернув голову к стене — совсем как тогда, в придорожной канаве, среди заиндевевших стеблей травы; ее лицо было апатичным и бледным.

— Кэсси позвонила сестре в Миннесоту. — В голосе Б.Т. сквозила тревога. — Она уже едет, чтобы забрать Кэсси домой.

— Сестра говорит, мне еще повезло, что я так легко отделалась. — Кэсси повернулась к Мэлу. — Что с машиной?

Мэл шагнул к изголовью кровати.

— Металлолом… Только это не главное! Нам нужно…

— Вы правы, — Кэсси уткнулась лицом в подушку. — Это действительно не главное. Главное, что мозги у меня встали на место. Я еду домой. — Она слабо улыбнулась. — Простите, что доставила вам столько хлопот! Одно хорошо — скоро все закончится. Сестра

приедет завтра вечером, а до этого врачи хотят провести какие-то дополнительные обследования — так что со мной сидеть не надо, езжайте на свою религиозную встречу, и спасибо за все!

— Мы вас обманули, — признался Мэл. — Ни на какую религиозную встречу мы не едем. — И тут Мэл понял, что именно туда они и собираются. — Не только у вас было прозрение.

Кэсси рывком поднялась с подушек и уставилась на Мэла.

— Да?

Тот кивнул.

— Мне тоже было откровение ехать на запад. Вы были правы — совсем скоро произойдет что-то важное. Кэсси, поедете с нами?

— Ты уже знаешь, где Он? — спросил Б.Т.

— Я знаю, где Он будет. — Мэл повернулся к Б.Т — Возьми атлас и найди город под названием Эмпириан.

— Не надо искать! — воскликнула Кэсси, садясь в постели. — Эмпириан — это высший круг Рая.

Мэл И Б.Т. замерли, а Кэсси виновато потупилась.

— Извините, я ведь преподаватель английского… Эмпириан — Священный Город в «Божественной комедии» Данте.

Б.Т. пожал плечами.

— Сомневаюсь тогда, что мы найдем его в атласе.

— Не важно, — торопливо сказал Мэл. — Будем ориентироваться на огни. Сейчас надо сообразить, как отсюда выбраться. Кэсси, вы идти сможете? С нашей помощью, разумеется.

— Да! — Кэсси тут же сбросила на пол одеяло и подвигала ногой, туго перевязанной в колене.

С помощью Мэла она доковыляла до шкафа с одеждой.

— Я предупрежу регистратора, что мы ее забираем, — сказал Б.Т. и вышел из палаты.

Кэсси сдернула с вешалки платье и начала расстегивать молнию. Мал выглянул в коридор, но мужчин в темно-синих костюмах нигде не было.

— Помогите мне надеть сапоги, — попросила Кэсси. Прихрамывая, она добралась до стула и села. — Колено уже почти не болит.

Мэл опустился на колени и помог Кэсси засунуть ноги в сапоги с меховой опушкой.

В этот момент в палату вбежал Б.Т. и, задыхаясь, выпалил:

— Там два типа пытаются узнать номер палаты Кэсси!

— Кто они такие? — удивленно спросила Кэсси.

— Люди Ирода, — объяснил Мэл. — Придется удирать по пожарной лестнице. Вы справитесь?

Кэсси кивнула. Мэл помог ей встать на ноги и надеть пальто. Они с Б.Т. взяли Кэсси под руки, вывели ее из палаты и, оглядываясь по сторонам, пошли через холл к эвакуационному выходу.

Неожиданно Кэсси остановилась.

— Мне надо позвонить сестре и сказать, что я передумала возвращаться домой!

— Остановимся на заправке и позвоним, — успокоил ее Мэл и широко распахнул дверь. — Ну что, готовы?

Они начали осторожно спускаться по пожарной лестнице.

— Иди впереди подгони машину к выходу, — сказал Б.Т Мэл с грохотом помчался вниз по металлическим решетчатым ступенькам. Оказавшись на улице, он, согнувшись, стал пробираться к машине.

Неожиданно дверь отделения экстренной помощи распахнулась, и в пятне света мелькнули двое мужчин. Они стояли у входа и с кем-то беседовали.

Мэл резко повернул ключ зажигания и подъехал к эвакуационному выходу в торце здания, где Б.Т. и Кэсси как раз преодолевали последние ступеньки.

— Быстрее, быстрее, — Мал схватил Кэсси под руку и поволок к машине.

Раздался вой сирен. Мэл втиснул Кэсси на заднее сиденье и закрыл дверь, а Б.Т. тем временем запрыгнул в машину с другой стороны.

Приближающийся звук сирен неожиданно стих. У главного входа, сверкая желтыми и красными огнями, затормозила «скорая»; двое мужчин бросились к машине и вынесли оттуда носилки.

«Может, я совсем свихнулся? — подумал Мэл. — Никто ведь за нами не гонится!» Впрочем, надолго ли это? Кэсси начнут искать, как только обнаружат, что она исчезла из палаты; если даже работники больницы не хватятся ее сейчас, то уж точно забьют тревогу, когда за ней явится сестра. «Я видел, как двое мужчин затолкали женщину в машину и быстро уехали, — скажет один из интернов — тех, что выносили из «скорой» носилки. — Это было очень похоже на похищение». И что тогда объяснять полиции? Что они торопились в Священный Город?

— Сумасшествие какое-то… — Мэл взялся за дверную ручку, и увидел на ней флаер.

Он развернул афишку и в тусклом свете фонарей прочел: «Спешите!!! Грандиозное представление! Чудеса и тайны всего сущего!».

Мэл сел за руль и протянул афишку Б.Т.

— Готовы? — спросил он Кэсси.

— Да, скорее! — Кэсси ткнула пальцем в сторону входной двери.

По ступенькам сбегали мужчины в синих костюмах.

— Пригнитесь! — скомандовал Мэл и нажал на газ. Машина двинулась на юг и в конце квартала свернула на боковую улочку. Мэл затормозил у обочины и погасил фары. Через несколько минут мимо с ревом пронеслась темно-синяя машина.

Мэл немного выждал, завел мотор и, не включая фар, миновал еще два квартала, пока не выбрался на шоссе, а там проехал немного на север. Милях в пяти от города Мэл повернул на восток и оказался на грунтовой дороге, которая вела на юг, затем снова на восток и, наконец, на север. Погони не было.

— Все в порядке! — сказал Мэл друзьям, которые все еще сидели пригнувшись.

— Где мы? — спросила Кэсси, поднимая голову.

— Понятия не имею.

Мэл снова свернул на восток, а когда добрался до первой асфальтированной дороги — на юг.

— А куда мы направляемся? — поинтересовался Б.Т.

— Тоже не могу сказать, — пожал плечами Мэл. — Я знаю только, что мы ищем.

Мимо проехал старый пикапчик, битком набитый ребятней. Мэл остановился у обочины и включил свет в салоне. — Где твой ноутбук? — спросил Мэл Б.Т.

— Здесь. — Б.Т. включил компьютер.

— Замечательно! Мэл взял в руки флаер и поднес его к свету. — Так… Четвертого января они были в Омахе, девятого — в Пальмире и десятого — в Беатрис.

Мэл задумался, напряженно пытаясь вспомнить другие места и даты из афиши, которую видел больнице.

— Беатрис… — пробормотала Кэсси. — Это тоже напоминает о Данте.

— Парк аттракционов был в Краун-Пойнт четырнадцатого декабря и в Грешаме тринадцатого января…

Что же еще было написано на плакате?

— Парк аттракционов? — вытаращил глаза Б.Т. — Так мы туда едем?

— Да, — коротко ответил Мэл. — Кэсси, где ваш «Бартлетт»?

— Всегда со мной! — Кэсси нырнула в изумрудно-зеленую сумку.

— В воскресенье я видел их между Питсбургом и Янгстауном, а в понедельник — в Вэйсайде, штат Айова, — продолжал вспоминать Мэл.

Б.Т застучал по клавишам.

— А свой груз они потеряли в Сьюарде, — сказал он.

— Что там у вас, Кэсси? — спросил Мэл, поглядывая в зеркало заднего вида.

Кэсси прижимала палец к раскрытой странице.

— Кристина Розетта. «Продлится ль поход мой весь долгий день? С утра до самой ночи, мой друг».

— Они скачут по всей карте, — сообщил Б.Т, поворачивая ноутбук к Мэлу.

На экране светился запутанный лабиринт из точек и соединяющих их линий.

— А общее направление движения? — спросил Мэл.

— Запад.

— Запад…

Конечно, как же иначе? Мэл завел машину и на первой же развилке свернул на запад.

На дороге не было никакого транспорта; то тут, то там мелькали одиночные огни — ферма, зернохранилище, радиомачта. Они ехали на запад по заснеженной равнине, выискивая взглядом переливающиеся огни парка развлечений.

Небо из темно-синего стало серым. Они остановились заправиться и позвонить сестре Кэсси.

— Возьмите мою карточку, — сказал Б.Т. — Меня пока не ищут. Кстати, а как у нас с наличностью?

У Кэсси оказалось шестьдесят долларов и еще двести — дорожными чеками, у Мэла — сто шестьдесят пять.

— Ты что, обчистил церковную кассу? — хмыкнул Б.Т. Мэл позвонил миссис Билдербэк.

— Я не успею вернуться к воскресенью. Позвоните преподобному Дэвидсону, пусть меня заменит. А что касается экуменического сообщества… Пусть читают Евангелие от Иоанна, третью главу, стихи с шестнадцатого по восемнадцатый.

— У вас правда все хорошо? — спросила секретарь. — Вчера сюда приходили какие-то люди, спрашивали про вас.

Мэл судорожно сжал телефонную трубку.

— Мне не очень-то понравился их вид, поэтому я сказала, что вы уехали на собрание священников в Бостон.

— Вы просто чудо, миссис Билдербэк! — выдохнул Мэл. — Спасибо!

Он хотел было повесить трубку, но секретарь воскликнула:

— Подождите, а что делать с отоплением? Вдруг запальник снова потухнет?

— Все будет в порядке, — успокоил ее Мэл. — Его ничто не погасит.

Закончив разговор, Мэл протянул трубку и телефонную карточку Кэсси; та позвонила сестре и сообщила, что у нее все хорошо. Растяжение связок не подтвердилось, так что приезжать за ней не нужно.

— Возможно, я даже не лгала, — сказала Кэсси Мэлу на пути к машине. — Видите, я уже почти не хромаю!

Б.Т. купил сок, пончики и большой пакет картошки-фри. Мэл завел мотор, пересек автостраду и свернул на 34-е шоссе.

Взошло солнце и заиграло яркими бликами на металлических боках зернохранилищ. Трещина на лобовом стекле — сейчас она приняла форму звезды — тоже сияла в солнечном свете, так что Мэл даже прищурился. Они медленно проехали Маккук, Шэрон-Спрингз и Маранафу, то и дело останавливаясь в поисках флаеров и находя их на телефонных столбах и на окнах магазинов. Б.Т. заносил в компьютер новые названия и добавлял к лабиринту новые линии.

Мимо проносились грузовики, но ни один не вез карусельные кабинки и торговые палатки. Кэсси снова обратилась за советом к «Бартлетту», и на этот разим выпало: «В холод же мы пошли, в худшее время года…»

— Т.С. Элиот, — мечтательно протянула Кэсси. — «Паломничество волхвов»…

Они снова остановились на заправке. Б.Т. сел за руль, а Мэл немного поспал. Сгустились сумерки. Мэл и Б.Т. поменялись местами, а Кэсси перебралась на переднее

сиденье. Она слегка поморщилась, усаживаясь рядом с Мэлом, и тот спросил:

— Больно?

— Нет. Просто нога затекла от долгого сидения в машине, — сказала Кэсси и улыбнулась. — По крайней мере нам не приходится трястись на верблюдах. Представляете, что это было бы за удовольствие?

«Да, — подумал Мэл. — Представляю. Нас кто угодно назовет ненормальными, но мы ведь и сами этого не отрицаем».

Вокруг разлилась непроглядная тьма. Они оставили позади Глориету, Гилеад и Беула-центр и все больше углублялись на запад, напряженно всматриваясь вхолодную ночь за окном. Все, что им сейчас было нужно — это мерцание цветных огней колеса обозрения, запах сахарной ваты, пронзительный скрежет «американских горок» и свист каруселей.

И звезда шла перед ними.